

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ
МИД РОССИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**X ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**8 декабря 2023 г.
СБОРНИК СТАТЕЙ**

Москва
2024

УДК 327
ББК 66.4

Рецензенты:

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, проректор по учебной работе и молодежной политике, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России;

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Научный руководитель:

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России.

Редакционная коллегия:

О.А. Тимакова (к.полит.н.) (Ответственный редактор), И.О. Анисимов (к.юр.н.),
О.В. Джавад, А.А. Кашина (к.полит.н.), А.Ж. Мартиросян, Д.О. Мартынова
(к.полит.н.), Л.Н. Сидорова (к.полит.н.), Р.Н. Шангараев (д.полит.н.)

Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. (сборник статей) / отв. ред. О.А. Тимакова; Дипломатическая академия МИД России. – М., 2024. – 876 с.

ISBN: 978-5-6051831-8-1

В сборнике отражены взгляды молодых ученых на современные процессы и проблемы мировой политики и экономики, международных отношений и международного права.

Издание может представлять интерес для использования в учебном процессе в профильных вузах, а также быть полезно учеными, политиками, дипломатами, политологами и другими специалистами в информационно-аналитической и иной работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Ретрагирование статьи

Стародубова К.А. Искусственный интеллект как элемент сетецентричной системы управления в военной сфере. Стр. 695-701.

Ретракция публикации обусловлена выявлением некорректных заимствований. Статья ретрагируется ответственным редактором.

© Коллектив авторов, 2024

© Дипломатическая академия МИД России, 2024

© Совет молодых ученых Дипломатической академии МИД России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Глобальная безопасность в неустойчивом мире

<i>Алимова-Нефёдова М.Б.</i> Перспективы изменения статуса малых и карликовых государств в новом мироустройстве	11
<i>Гвоздев Р.О.</i> Участие СМИ в обеспечении глобальной безопасности	22
<i>Иванов Г.Г.</i> Основные причины деградации системы контроля над стратегическими вооружениями в период после окончания холодной войны	30
<i>Манукян Г.Д.</i> Нагорнокарабахский конфликт в контексте армяно-российских отношений	41
<i>Пашаян А.Р.</i> Кризис глобального управления	48
<i>Погосова М.С.</i> Информация как оружие в условиях ведения гибридных войн	56
<i>Поникаровский Р.О.</i> Дипломатия «всех треков» как вспомогательный инструмент процесса мирного урегулирования конфликтов	65
<i>Проказникова Е.С.</i> Методы противодействия незаконному наркотрафику в период президентства Лопеса Обрадора	77
<i>Симонова Э.Ю.</i> Понятие и феномен терроризма и антитерроризма в современном мире: американский взгляд на проблему	83
<i>Скрипченко А.В.</i> Сравнительный анализ стратегических концепций НАТО 2010 и 2022 гг.	92
<i>Тимакова О.А.</i> Климатические угрозы безопасности НАТО	103
<i>Фаттахов А.И.</i> Когнитивные войны в контексте трансформации международных отношений	117
<i>Хамраев А.А.</i> Эффективность международных организаций в современном мире	125

Шевченко Е.В. Нарушение принципов международного права в сербско-косовском конфликте 129

АТР в формирующемся миропорядке

Арсеньева А.С. История становления АСЕАН и взаимодействие в Азиатско-Тихоокеанском регионе 138

Бобохонов Р.Р. Борьба с терроризмом в АТР как основа создания многополярного мира (на примере КНР и РФ) 144

Верхоломов С.А. США и процессы регионализации в Восточной Азии 155

Гуляниц В.В. Роль диаспор во внешней политике государств: китайский вектор 162

Календарь О.К. Индонезия в АСЕАН: историческая ретроспектива и современные реалии 168

Калинина А.А. Территориальные споры Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе 176

Кузнецов В.В. Участие Китая в вопросах безопасности на Ближнем Востоке (2013–2023 гг.) 183

Мафуанг С. Минилатерализм в Индо-Тихоокеанском регионе в связи с СВО на Украине 191

Терехова В.С. Цифровая дипломатия и дипломатия данных: подходы России и стран АСЕАН 199

Терзи А.Е. Роль НАТО в антикитайском плацдарме США 218

Щербачевич Е.С. Политика Перу в АТР. К 25-летию в составе АТЭС 225

Ядав Ш.Р. Индия и мировая политика: роль Индии в мировых событиях и международных отношениях 232

Современная Европа: новые вызовы Старого Света

<i>Вильчинский А.С.</i> Роль националистических партий Каталонии, Страны Басков и Галисии в политическом процессе Испании после выборов 2023 г.	239
<i>Глубокая О.А.</i> Средиземноморский вектор современной внешней политики Италии	246
<i>Гончаров С.В., Маргия С.Р.</i> Стратегия национальной безопасности Германии 2022 г.: анализ ключевых аспектов стратегии и ее влияние на обеспечение безопасности в Германии и в мире	254
<i>Добрынин Я.В., Попп Э.А.</i> Динамика общественных ценностей Польши в условиях евроскептицизма с момента вступления в ЕС	263
<i>Заболотный А.А.</i> Современная Европа: новые вызовы Старого Света в контексте сотрудничества и противостояния с Глобальным Югом	278
<i>Кашкарёв О.Р.</i> Концепция «Великой Албании» как дестабилизирующий фактор на Балканском полуострове	293
<i>Короткова П.Д.</i> Фрагментация партийной системы Испании как угроза испанской демократии	301
<i>Менчиков Д.Ю., Подворко М.С.</i> Членство в ЕС де-факто: перспективы развития	311
<i>Надеждин А.Е.</i> Управление современными миграционными процессами в Евросоюзе (опыт Австрии)	317
<i>Перчун А.</i> Немецкий вклад в достижение стратегической автономии ЕС в условиях глобальной конфронтации	326
<i>Ручина В.М.</i> Водородная энергетика в ЕС: современный этап и сложности на пути к углеродной нейтральности	338
<i>Стрекаловская А.А.</i> Роль Арктики в инициативе «Один пояс – один путь»	349
<i>Тарабрина Л.А.</i> Сотрудничество России и Сербии в условиях новых вызовов: основные проблемы и перспективы	355

<i>Харламова Е.М.</i> Миграционный фактор в формировании курса внутренней и внешней политики Польши	362
<i>Хрястов И.Р.</i> Актуализация «арктической гонки» в условиях современных международных отношений	369
<i>Хрястова М.Р.</i> Арктический вопрос в современных международных отношениях	382
<i>Филиппов Д.Н.</i> Парламентские выборы в Республике Польша 2023: из консерватизма в либерализм	390

Дипломатия и безопасность на Ближнем Востоке и в Африке

<i>Аббасова С.В.</i> Культурная безопасность стран Арабского мира в условиях военных конфликтов	402
<i>Блинкова З.А.</i> Деятельность ЭКОВАС по обеспечению продовольственной безопасности в Западной Африке	409
<i>Козлова А.А.</i> Проецирование противостояния аравийских монархий на Африканском континенте	419
<i>Лысуха А.В.</i> Причины неудачи политики Франции в Африке в контексте региональной безопасности	424
<i>Лях О.А.</i> Американский фактор в отношениях Сирии и Ливана	432
<i>Николаева В.А.</i> Современный терроризм в Сахеле: масштабы и проблемы борьбы с международной угрозой	441
<i>Поличенко У.Д.</i> Анализ подходов западных и незападных стран к решению проблемы продовольственной безопасности в Африке на этапе 2022–2023 годов на примере России, Китая, Германии и Франции	453
<i>Половинский А.А.</i> Присутствие США на Ближнем Востоке как предпосылка ослабления внешнеполитического влияния Сирии	463
<i>Тунник М.Д.</i> Политические и экономические аспекты современных отношений Королевства Бельгии и Демократической Республики Конго: определяет ли прошлое настоящее?	468

Большое евразийское партнерство: участники, проекты, перспективы

Аванесян А.А. Роль миротворческого контингента РФ в сохранении мира и безопасности на постсоветском пространстве (на примере Нагорного Карабаха) 481

Закиров Б.Б. Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности в условиях трансформации современного мирового порядка 492

Кенжаев А.А. Геополитические последствия проблем обеспечения водной безопасности в Центральной Азии 499

Лаврова А.А. Проблема сохранения исторической памяти Второй мировой и Великой Отечественной войн в молодежной среде 516

Мурашкина С.Ю. Роль ШОС в построении Большого евразийского партнерства: достижения и перспективы 525

Рахимов К.Х. Международный и региональный контексты деятельности ШОС по обеспечению евразийской безопасности 536

Саликова А.Б. Сотрудничество в области формирования институтов высшего образования: совместный опыт Казахстана и России 549

Тихонова В.Р. Проблемы интеграционных объединений на пространстве Евразии (на примере СНГ) 558

Современное международное право

Вечернин Д.С. Проблема регулирования продовольственной безопасности в международном праве в современных условиях 564

Гуляева Е.Е. Роль международного права в правовой системе Бразилии 571

Обидов М.М.-у. Международно-правовое сотрудничество тюркских государств на пространстве Центральной Азии и Южного Кавказа 578

Савельева Н.В. Кодификация как один из путей развития международного космического права 586

Оганесян Т.Д. Постмодернистские права в европейском праве 599

Роль новых технологий в международных отношениях и международном праве

Авагимова Л.А. Перспективы влияния искусственного интеллекта на развитие международного права 606

Акопян Е.М. Когнитивная война и информационно-психологические операции 615

Запольских П.Р. Влияние искусственного интеллекта на развитие международных отношений 623

Карасев П. Кибербезопасность спутников: перспективы регулирования 631

Никитина К.А. Риски и перспективы военного применения нейротехнологий в контексте международной безопасности 637

Олифиренко А.А. Интеграция квантового распределения ключей в систему международной информационной безопасности 648

Оришак А.В. Развитие современных технологий как база эволюции платежных систем 659

Погосова М.С. Интернет как площадка информационного противоборства (на примере Республики Беларусь) 669

Поднебесная Ю.Б. Роль беспилотных летательных аппаратов в современных военных конфликтах 676

Себекин С.А. Искусственный интеллект и метавселенные: новые вызовы международной безопасности 685

Шангараев Р.Н. Современные стратегические формы межгосударственного противоборства 695

Перспективы зеленой экономики

<i>Батырканов Б.Т.</i> Глобальные экономические выгоды от зеленой экономики: исследование экономических выгод перехода к устойчивому развитию	703
<i>Ганюшкина И.А.</i> Европа и Латинская Америка: стратегическое партнерство в сфере производства зеленого водорода и перспективы его расширения	712
<i>Гудкова Е.О.</i> Опыт стран ШОС в развитии зеленых технологий и оценка перспектив его применения в рамках организации	722
<i>Мамедов И.Н.</i> Формирование альтернативных вариантов инвестиций	732
<i>Мустафин Т.А.</i> Особенности современной международной торговли	737
<i>Поспелов Н.В.</i> Взаимосвязь зеленой экономики и экологической безопасности на международной арене	743
<i>Тихомирова К.С.</i> Перспективы развития зеленой экономики в странах БРИКС	753
<i>Фадеева И.А.</i> Трансграничная зерновая торговля: текущее состояние и перспективы черноморской зерновой инициативы между Россией, Украиной, Турцией и ООН	760
<i>Фаркова Н.А.</i> О возможностях математического моделирования социальных процессов на примере модели Форрестера	772
<i>Чульский С.И.</i> Противоречия на пути развития зеленой энергетики в Китае	776

Global Challenges: New Perspectives

<i>Белоусов И.Л.</i> Метамодернизм как культурная парадигма многополярного мира	787
<i>Бошняков С.А.</i> Этика экспериментов на людях	804
<i>Волченкова А.В.</i> Возможности совершенствования российской системы образования в условиях постмодернистской реальности	812

<i>Джавад О.В.</i> Особенности интерпретации культуры национальной безопасности в сфере ИКТ	824
<i>Миниярова К.Р.</i> Корреляции в театральном искусстве России и Индии как возможность для международного культурного сотрудничества	836
<i>Полубояринов А.Р.</i> Идеологический капитал как объект социально-философского анализа	847
<i>Сидорова Л.Н.</i> Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: процедура, уроки, перспективы	857
<i>Сычев Я.С.</i> Проблема моральной ответственности ученых за свои изобретения в контексте глобализации	866

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В НЕУСТОЙЧИВОМ МИРЕ

УДК 327

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА МАЛЫХ И КАРЛИКОВЫХ ГОСУДАРСТВ В НОВОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ

Алимова-Нефёдова М.Б.

Министерство иностранных дел России, Москва

PROSPECTS FOR ALTERING THE STATUS OF SMALL AND DWARF STATES IN THE NEW WORLD ORDER

M.B. Alimova-Nefedova

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Аннотация: Вопросы формирования будущего мироустройства представляются актуальными как в теоретическом, так и в практическом смысле. Одним из таких вопросов является место в будущей мировой системе малых и карликовых государств. В связи с этим в статье рассматриваются само понятие малых и карликовых государств, основные этапы изменения их статуса на международной арене. Автором делается вывод о том, что на первом этапе (до 1960-х гг.) многие такие государства не воспринимались большинством остальных членов мирового сообщества в качестве равноправных партнёров. На втором этапе (с 1960-х гг. по 2008 г.) международное положение этих государств кардинально меняется, все они признаются суверенными и полноправными участниками международных межгосударственных отношений, становятся членами многочисленных международных межправительственных организаций. Для усиления этого эффекта эти государства стали объединять свои усилия и активно использовать тот факт, что во многих международных организациях и их главных органах им начинает принадлежать формальное большинство. На третьем этапе (с 2008 года), особенно после 2014 г., а также с началом Специальной военной операции на Украине значение малых и карликовых государств в мировых отношениях заметно снизилось.

В статье также излагаются те базовые стратегии и инструментарий, которыми малым и карликовым государствам мира следует руководствоваться, чтобы вернуть свои утраченные позиции в будущей мировой системе.

Методологической основой при написании статьи стало использование общенаучных и специальных методов познания.

Abstract. The questions regarding the formation of a new world order are relevant both in theoretical and practical terms. These include identifying the way small and dwarf states will fit into the emerging global system. This article explores the notion of small and dwarf states, the main stages of their changing status in the international arena. The author concludes that during the initial stage, lasting until the 1960s, many of these states were not viewed as equal counterparts by the majority of the global community. At the second stage (from the 1960s to 2008) the international position of these states underwent a significant transformation, seeing them recognized as sovereign participants in international relations and members of various international organizations. Seeking to strengthen their influence, these states began to collaborate amongst themselves, leveraging their formal majority in international organizations and key bodies. However, during the third stage (starting from 2008) and particularly after 2014 and the onset of Russia's Special Military Operation in Ukraine, the significance of small and dwarf states in international relations has been declining.

The article outlines strategies and tools these states should adopt to regain lost positions in the future world system.

The methodology employed in writing this article is based on general scientific and specialized methods of cognition.

Ключевые слова: мироустройство, малые государства, карликовые государства, мировая система.

Keywords: world order, small states, dwarf states, world system.

Введение. Ни в доктрине, ни в международных актах единого определения понятия малых государств не существует. Так, по классификации ООН к подобным государствам относятся те из них, которые по своей площади меньше 10.000 км². Всемирный банк при классификации страны в качестве малого государства отталкивается не от площади, а от числа её населения, причисляя к малым державам те из них, население которых составляет менее 1,5 миллиона человек. В то же время в доктрине по численности населения к малым относят государства и с населением до 5 млн.

человек [10, с. 4-8], и до 10 млн. [12, с. 107-109], и даже порядка 9,5–10,5 млн. [1, с. 182], а применительно к Западной Европе – вообще около 15-16 млн. человек [8, с. 670]. На практике же при отнесении той или иной страны к группе малых государств часто используются не только два указанных критерия, но и уровень экономического развития, наличие реальной военной силы и политического авторитета, исторические и даже когнитивные показатели [4, с. 226]. Так, в настоящее время из 193 государств-членов ООН, с учётом занимаемой ими территории, численности населения, ВВП и иных критериев, по крайней мере 108 в политической практике считаются именно малыми государствами [7, с. 69].

Кроме того, существенное значение при отнесении тех или иных государств в ту или иную группу играет и их собственная оценка. Так, в 1992 г. в Нью-Йорке был сформирован Форум малых государств (the Forum of Small States, FOSS), который включал в себя, в том числе, и государства, посчитавшие себя в силу существования общих проблем, размеров их экономик, ограниченности ресурсов и арсенала дипломатических средств, удаленности от иных цивилизаций и др. именно малыми государствами. Это, конечно же, не могло не быть принятым во внимание, тем более что членство в FOSS добровольно, не имеет идеологической подоплёки и не ограничено определёнными географическими рамками. Так вот, в настоящее время участниками Форума являются именно 108 стран.

В рамках малых государств, но чаще всего в качестве самостоятельной видовой разновидности в государственной типологии выделяют карликовые государства. Поскольку крохотные государства в Европе существуют уже на протяжении многих веков, именно там сформировался обычай рассматривать в качестве таковых только те из них, которые были меньше Великого Герцогства Люксембурга¹ по своей площади (2586 км²) и населению (на

¹ Если принимать во внимание эти параметры, то среди государств-членов ООН с точки зрения формальных подходов (территория плюс население) насчитывается 27 малых государств, 20 из которых по существу являются именно карликовыми государствами.

начало XX века около 500.000 человек). В настоящее время по указанным параметрам к европейским карликовым государствам относят Княжество Андорру, Княжество Лихтенштейн, Княжество Монако, Светлейшую республику Сан-Марино и Республику Мальту.

В то же время динамика изменения статусов малых и карликовых государств в рамках мирового устройства в целом между собой совпадают, и в этой части их допустимо рассматривать совместно. По нашему мнению, эти изменения можно условно разделить на три временных этапа: до 1960-х гг., с 1960-х гг. по 2008 г. и с 2008 г. по настоящее время.

На первом этапе.

До начала 60-х годов прошлого века экономический, военный и, как следствие, политический международный статус малых и карликовых государств был незавидным. Для этого были следующие основания.

Во-первых, ограниченность финансовых, человеческих и природных ресурсов, что, как правило, приводило к тому, что большинство таких государств имело застарелый дефицит своего бюджета, тяжёлое финансовое положение национальных предприятий, низкий уровень жизни населения и мрачные ближние и дальние перспективы развития. Даже в доктрине того периода малые государства в основном рассматривались в качестве образований слабых, легко уязвимых, этаких марионеток, заложников и даже жертв ведущих государств мира [См.: 9, с. 2; 11, с. 185-205].

Разумеется, имелись и такие малые государства, которые чувствовали себя прекрасно и до 1960-х (например, Люксембург), но не стоит забывать, что мы рассматриваем эту группу государств в их в совокупности, где отдельные исключения почти всегда неизбежны.

Во-вторых, часть таких государств (прежде всего карликовые государства), стремясь облегчить ситуацию, пошла по пути установления с помощью международных договоров с тем или иным своим более сильным соседом «особых отношений», передавая ему (вместе с затратами) выполнение отдельных государственных функций (оборону своего государства,

внешнеполитическое представительство, поддержание таможенного режима, содержание приговорённых к лишению свободы и др.), что в то время рассматривалось не иначе как протекторат, а сами такие государства не воспринимались в мировой политике в качестве суверенных участников международных межгосударственных отношений, а значит, и равноправных партнёров. О характере отношения к этим государствам говорит тот факт, что ни одно из карликовых государств так и не смогло попасть в число членов Лиги Наций, хотя в неё могли быть приняты даже доминионы или колонии. Показателен и такой пример: под Версальским договором 1919 г. нет подписи Княжества Андорра, поскольку участники Парижской конференции о нём просто забыли. Да и сразу после окончания Второй мировой войны отношение к ним мало изменилось. Так, для карликовых государств Европы предполагалось установление не полноправного, а только «ассоциированного» членства в ООН, когда они могли бы стать членами этой Организации без обязательств вносить взносы в её бюджет, но не имели бы права голосовать или иметь своих граждан в качестве должностных лиц этой Организации [3, с. 47-48].

В качестве положительных для малых государств моментов этого периода следует отметить, во-первых, значительное увеличение их числа, последовавшего в результате распада отдельных империй после окончания Первой мировой войны, а во-вторых, то обстоятельство, что те малые державы, которые всё-таки смогли стать членами Лиги Наций, на этих площадках довольно активно всячески пытались поддерживать свой имидж в качестве значимых фигур на политической шахматной доске мира, правда, не всегда удачно.

На втором этапе.

Период с 1960-х и по 2008 год можно рассматривать как «звёздный час» в становлении международного статуса малых государств мира. Эти изменения стали следствием следующих факторов.

Во-первых, число малых и карликовых государств в этот период в значительной степени возросло. Во многом это было связано с развернувшимся после окончания Второй мировой войны процессом деколонизации. Так, начиная с 1945 г. полноправными (и очень активными) членами ООН становятся более 80 государств, народы которых ранее находились под колониальным правлением. Их существенную часть составляли малые (в их широком понимании) и карликовые государства.

Во-вторых, с середины 1960-х годов начинается стремительный рост экономики многих малых и особенно карликовых государств мира за счёт превращения их в офшорные зоны и налоговые оазисы. В этих государствах в невероятных размерах растёт уровень жизни населения, начинают строиться дворцы и виллы, прокладываются великолепные дороги, налаживаются коммунальное хозяйство, возникают высокотехнологичные производства, продуктивно решаются многочисленные социальные вопросы и др. Это имело не только тот эффект, что в их возможности выполнять свои финансовые обязательства как членов той или иной международной организации больше не было сомнений, но и вызывало чувство уважения у государств-контрагентов.

В-третьих, в силу изменения экономической ситуации и при поддержке таких же государств, возникших на месте бывших колоний, многие малые и карликовые государства (в том числе Европы) становятся полноправными членами ООН и других универсальных и региональных международных межправительственных организаций, признанными субъектами международных межгосударственных отношений и международного права. Теперь уже за ними признавалось право заключать любые международные договоры, если те не противоречат императивным нормам международного права.

В-четвёртых, объективно не имевшие до этого никакого заметного влияния на международную политику, эти государства стали представлять собой определённую политическую силу, с которой стало необходимым

считаться даже ведущим державам мира. Для усиления этого эффекта малые и карликовые государства стали объединять свои усилия¹. В результате они начинают представлять собой организованное формальное большинство во многих международных организациях и их структурах, например, в той же Генеральной Ассамблее ООН. Для выработки и продвижения общей позиции по наиболее важным для них вопросам эти государства, в рамках уже упоминавшегося Форума малых государств или, например, созданного в 1990 г. Альянса малых островных государств, стали координировать свои позиции, а затем продвигать общие решения как единый блок в соответствующей международной организации. Они даже стали откровенно «договариваться» с крупными государствами по вопросу голосования по отдельным резолюциям, а также по выборам тех или иных должностных лиц в международных организациях [9, с. 3].

На третьем этапе.

Третий этап принёс малым и карликовым государствам много разочарований. Однополярная система мироустройства, продвигаемая США и странами Запада, больше не позволяла им заметно нарастить участие в решении мировых вопросов, а начавшееся с 2008 г. давление, оказываемое на них Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и политика Группы 20 (G-20), привело к вынужденному изменению установленного в них порядка налогообложения нерезидентов, т. е. к фактическому отказу от оказания офшорных услуг, что сильно ударило по их экономике.

В связи с событиями на Украине, начиная с 2014 года, и особенно с началом Специальной военной операции мир изменился: началось прямое противостояние могущественных держав и их союзников, обменивающихся многочисленными санкциями и вызовами по отношению друг к другу. Значение и авторитет многих универсальных международных организаций,

¹ Сплочённость в природе вообще часто сопутствует маленькому размеру.

включая ООН, сильно пошатнулись, а деятельность части из них (в силу политизации) приобрела негативный и даже разрушительный характер. Дипломатия в значительной степени уступила своё место силовым способам решения накопившихся проблем. В этих условиях значение малых и карликовых государств в международных отношениях заметно снизилось, и они были вынуждены переключаться с внешней политики на внутреннюю.

Но время проходит, и сегодня уже нет сомнений в том, что мир движется к созданию многополярного мира, в условиях которого большие державы более не смогут в одностороннем порядке доминировать в рамках глобальной политической системы, а малые и карликовые государства получают, наконец, неплохие перспективы перестать быть политическими статистами и сумеют занять своё особое место в формируемом новом мировом устройстве. Но для достижения этой цели им необходимо учитывать свои преимущества и слабые стороны. К числу первых следует отнести их массовость, наличие богатого опыта успешного применения политики балансирования, отсутствие «скелетов в шкафу» (в силу чего их предложения не вызывают у других участников международных отношений сомнений в их объективности) и др. Среди их слабых сторон допустимо отметить всё тот же недостаток природных и финансовых ресурсов, значительную ограниченность свободы действий [5, с. 18.], направленность их во внешних приоритетах не столько на свою безопасность, сколько на внешнеэкономическую деятельность [13, с. 29], чувствительность к внешнему давлению и необходимость учёта интересов соседних стран [14, с. 54], а также то обстоятельство, что малая страна «не может себе позволить стоять на стороне проигрывающего» [14, с. 54].

Стратегии поведения и инструменты.

Каковы же основные стратегии поведения, которые позволят малым и карликовым странам мира найти и закрепить за собой особое место в новом мировом порядке? Исследователи традиционно выделяют в качестве таковых две из них: политику балансирования и примыкания, содержание которых с течением времени только расширяется [6, с. 89]. На наш взгляд, как раз в

поиске оптимального сочетания балансирования и примыкания и заключается суть верного внешнеполитического курса для малых и карликовых государств, тем более что в комбинировании этих двух стратегий и скрывается секрет сохранения их независимости на протяжении столь длительного времени. За счёт многополярности они также могут взять на себя более активную роль в международных отношениях, например, выступать посредниками на переговорах, выдвигать мирные инициативы и др.

Что касается инструментария реализации указанных стратегий, то, по нашему мнению, малым и карликовым государствам мира следует:

1. Вновь начать проявлять инициативу в рамках различных международных и региональных организаций, присоединяться к новым и создавать свои форматы диалога, продолжать объединяться с другими малыми странами мира и формировать свои «клубы по интересам» на различных международных площадках. Они действительно заинтересованы в развитии потенциала международных организаций [2, с. 87], а значит, будут с энтузиазмом работать на заданном направлении.

2. Возможно, что в новых условиях им следует создать свою собственную организацию малых и карликовых государств мира. Допустимо организовать это при посредничестве средних и крупных государств, но думается, что они могут справиться с этим и своими силами.

3. В поисках друзей среди более крупных игроков им не стоит замыкать свои интересы исключительно ближайшим географическим районом.

4. Поскольку они не обладают серьёзным военным могуществом, полагаем, что им прежде всего следует лоббировать соблюдение правил международной вежливости и политической морали в международных отношениях.

5. Им необходимо отойти от своих узкоэкономических интересов и чаще выступать с инициативами по мирному решению глобальных проблем, а также посредничества.

6. Малые и карликовые государства могут использовать влияние своей культуры, проводить спортивные мероприятия (например, Формулу 1), выставки и т. д. Им можно стать центрами проведения тех или иных значимых мероприятий, таких как фестивали, концерты, конкурсы, показы кинофильмов и т. п. Тем более, что в реализации подобной политики они вправе рассчитывать на содействие неправительственных и благотворительных организаций.

Конечно, инструментарий не исчерпывается только этим списком, но ограниченность объёма статьи не позволяет перечислить все возможные из них.

Что касается России, то ей следует, исходя из современного контекста, продолжать планомерную работу по усилению контактов со всеми заинтересованными государствами, вне зависимости от их размера и степени реального сегодняшнего влияния на мировые процессы. Все войны, холодные и горячие, когда-нибудь заканчиваются, и в мироустройстве нового многополярного мира всегда будет приятно встретиться с государствами, ставшими для тебя союзниками уже в связи с тем, что ты помог им обрести их заслуженное место в мире.

Список источников и литературы:

1. Зверев Ю.М., Межевич, Н.М. Подходы к типологии малых европейских государств на примере Эстонии. Латвии, Литвы [Текст] / Ю.М., Зверев, Н.М. Межевич. // Полис, 2019. № 5. С. 181–191.
2. Кавешников Н. «Малые и вредные»? [Текст] / Н. Кавешников. // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2008. Том 13. № 1 (40). С. 84–92.
3. Крылов Н.Б. Принципы участия государств в системе ООН. Н.Б. Крылов. М.: Международные отношения, 1986. 49 с.
4. Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты. [Текст] / И.Н. Новикова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 219–242.

5. Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. [Текст] / И.Н. Новикова. СПб.: Изд-во СПб. 2006. 448 с.
6. Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств. [Текст] / А.С. Скриба. // Международные процессы. 2014. Т. 12. №4. С. 88-100.
7. Aodha É.М. Human Rights Diplomacy of Small States. [Текст] / É.М. Aodha // Human Rights Diplomacy: Contemporary Perspectives. M. O’Flaherty, Z. Kędzia, A. Müller and G. Ulrich (eds.). Leiden, Boston: Brill. 2011. 301 p.
8. Browning C. Small, Smart and Salient? Rethinking Identity in the Small States Literature. [Текст] / C. Browning. // Cambridge Review of International Relations. 2006. Vol. 19, № 4, P. 669–684.
9. Cooper A., Shaw T. The Diplomacies of Small States at the Start of the Twenty-first Century: How Vulnerable? How Resilient? [Текст] / Andrew F. Cooper, Timothy M. Shaw. // The Diplomacies of Small States: Between Vulnerability and Resilience. The Diplomacies of Small States Between Vulnerability and Resilience. London: Palgrave Macmillan. 2009. P. 1-18 (XXXV, 291 p.).
10. Corbett, J., and Veenendaal, W. Why Small States are Beautiful, [Текст] / Jack Corbett, Wouter Veenendaal // Political Insight, 2019. Vol. 10. № 1. P. 4–8.
11. Long T. Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power. [Текст] / Tom Long. // International Studies Review. June 2017. P. 185-205.
12. Pace R. Small States and the Internal Balance of the European Union: The Perspective of Small States. Gower, J., and Redmond, J. (ed.). [Текст] / Roderick Pace // Enlarging the European Union: The Way Forward. Burlington: Ashgate Publishing Limited. 2000. P.107–109. (XI+195 p.)
13. Rothstein R. Alliances and Small Powers. [Текст] / Robert Rothstein, New York: Columbia University Press. 1968. x, 331 p.
14. Zibrandt von Dosenrode-Lynge, S. Westeuropäische Kleinstaaten in der EG und EPZ, [Текст] / Sören Zibrandt von Dosenrode-Lynge. Zürich: Verlag Rüegger. 1993. 471 p.

Об авторах: АЛИМОВА-НЕФЁДОВА Мария Борисовна. Министерство иностранных дел России. Атташе. E-mail: Nefedova-mary2010@mail.ru

About the authors: ALIMOVA-NEFEDOVA Mariia Borisovna. The Russian Ministry of Foreign Affairs. Attaché. E-mail: Nefedova-mary2010@mail.ru

УЧАСТИЕ СМИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гвоздев Р.О.

Дипломатическая Академия МИД России, Москва

PARTICIPATION OF THE MEDIA IN ENSURING GLOBAL SECURITY

Gvozdev R.O.

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В статье определяется роль СМИ в процессе обеспечения глобальной безопасности. Проводится классификация средств массовой коммуникации. Рассматриваются методы позитивного и негативного влияния информационных медиа на состояние аудитории и его взаимосвязь с глобальной устойчивостью. Новизной работы является дефиниция роли СМИ в системе обеспечения глобальной безопасности по средствам анализа примеров прямого воздействия масс-медиа на состояние защищенности внешнеполитических акторов. В ходе проводимого научного исследования используются следующие методы: классификация, контент-анализ, абстрагирование и синтез. В результате проведенной работы был сделан вывод о том, что СМИ в процессе обеспечения глобальной безопасности выполняют роль инструмента, который в зависимости от эксплуатации, может как способствовать укреплению устойчивости, так и оказывать на нее деструктивное воздействие.

Abstract. The article defines the role of the media in the process of ensuring global security. A classification of mass communication media is carried out. The methods of positive and negative influence of information media on the state of the audience and its relationship with global sustainability are reviewed. The novelty of the work is the definition of the role of the media in the system of ensuring global security by analyzing examples of the direct impact of the mass media on the state of security of foreign policy actors. During the ongoing scientific research, the following methods are used: classification, content analysis, abstraction and synthesis. As a result of the work, it was concluded that the media in the process of ensuring global security plays the role of a tool that, depending on its use, can both help strengthen sustainability and have a destructive impact on it.

Ключевые слова: глобальная безопасность, СМИ, информация, аудитория, фейковые новости, коммуникации, медиа.

Keywords: global security, media, information, audience, fake news, communications, media.

СМИ в современных условиях

Последовательность процессов социального развития способствовала формированию современного «информационного» общества. Именно поэтому в текущих реалиях прослеживается тесная взаимосвязь между информационным пространством, его наполнением, развитием телекоммуникационных технологий и социумом. Следует отметить, что, в основном, опыт подобного взаимодействия склонен иметь тенденцию к увеличению объемов производимой информации и ее влияния на состояние аудитории.

Под аудиторией, в данном контексте, воспринимается общественная среда, а под состоянием – превалирование в ней тех или иных настроений. Ситуация в социуме, в свою очередь, является ключевым фактором в обеспечении безопасности в каждом отдельном государстве, и, как следствие, может иметь воздействие на глобальную устойчивость [2, с. 149].

В соответствии с вышеизложенным представляется актуальным проведение исследования основных акторов, осуществляющих распространение информации, которыми являются средства массовой коммуникации.

Среди СМИ можно выделить несколько видов:

1. Информационные агентства (организации, занимающиеся сбором, обработкой и передачей информации);
2. Пресса (газеты, журналы);
3. Телерадиовещательные (ТВ Каналы, радио);
4. Электронные (интернет-издания, социальные сети, блоги, новостные порталы, информационные программы).

Проводя анализ методов воздействия средств массовой коммуникации на состояние глобальной безопасности, в первую очередь следует отметить

позитивные аспекты. К положительным трендам можно отнести активно проходящие в СМИ процессы цифровизации [4, с. 121]. Так, по средствам углубления интеграции в киберпространство современные медиа могут способствовать обеспечению устойчивости, предоставляя широкий доступ к разнообразным ресурсам с достоверной информацией. Такой подход делает возможным рост репутации медиа и доверия аудитории, предпочитающей получать данные из проверенных источников. Помимо прочего, с помощью СМИ в общество могут попадать объективные сведения из разных стран и культур, что обеспечивает разнообразие и многогранность понимания мировых событий.

СМИ могут также использоваться в целях решения глобальных социальных, экономических и иных проблем, привлекая к ним внимание аудитории. Например, во многом, благодаря средствам массовой коммуникации в обществе широко распространяется информация об экологических угрозах, таких как глобальное потепление, вызванное выбросами парниковых газов.

СМИ помогли повысить осведомленность общественности о существующей проблеме. Статьи, новости, документальные фильмы и иные методы подачи информации достигли широкой аудитории и позволили людям узнать о последних научных исследованиях. Без достаточного освещения в СМИ исследований экспертов по данным вопросам не могла быть сформирована актуальная система по борьбе с климатическими изменениями.

Помимо прочего, по средствам формирования информационной базы у своей аудитории, СМИ вносят ощутимый вклад в укрепление устойчивости в финансовом секторе. Современные медиа обеспечивают повышение прозрачности финансовых институтов и компаний, а также предоставляют анализ и экспертные комментарии от специалистов в финансовой области, которые помогают интерпретировать сложные финансовые данные и тренды. А также на платформе средств массовой коммуникации могут реализовываться различные специальные проекты, направленные на

повышение финансовой грамотности населения. Данный комплекс методов способствует развитию экономической сферы и более глубокой интеграции с социумом.

Однако в то же время СМИ могут оказывать и иное воздействие на обеспечение защищенности субъектов глобальной безопасности. В этой связи особое место в современном медийном поле занимают фейковые новости. Появляется все больше электронных медиа ресурсов, распространяющих заведомо ложные данные. Фейки, публикуемые в различных источниках представляются крайне резонансными, в виду чего способны представлять угрозу для безопасности во всех сферах. Кроме того, доставляемая в социум информация от официальных СМИ может быть искажена ввиду влияния различных факторов, таких как финансирование, политические интересы, цензура и манипуляция информацией [5, 153].

«Белые каски» как пример манипуляции информацией

Одним из наиболее ярких примеров воздействия СМИ на восприятие аудиторией контекста происходящего можно назвать освещение деятельности «Белых касок», неправительственной добровольческой организации, действующей на территории Сирии с целью помощи людям, пострадавшим во время гражданской войны. Деятельность объединения активно освещалась в американских и британских СМИ, в частности в CNN [6], Guardian [7] и FoxNews [8], в результате чего оно смогло заработать доверие и поддержку западной аудитории. Однако «Белые каски» помимо реализации своей основной задачи неоднократно обвиняли правительственные войска Сирии в целенаправленном уничтожении мирного населения и применении запрещенных боеприпасов, в частности, химического оружия в Думе в апреле 2018 года [9].

В доказательство к своим обвинениям добровольцы регулярно прикладывали видеоматериалы, которые тщательно освещались перед западной аудиторией. Такой подход способствовал росту лояльности в отношении добровольцев и агрессии в адрес официального правительства

Сирии. Однако, как выяснилось позже, в том числе по заявлениям лиц, причастных к созданию видеоматериалов или из интервью, например, с Омаром Диабом, отцом мальчика, якобы пострадавшего при обстреле в Думе, сами видео оказались постановочными.

Тем не менее, факты введения в заблуждение не были преданы широкой огласке в западном медиапространстве, а информация, распространенная в СМИ ранее, уже оказала свой эффект на позитивное восприятие «Белых касок» аудиторией. В следствии чего западная общественность выступала за сохранение финансовой поддержки своими правительствами оппозиционных группировок в Сирии. Как результат – сплочение западного сообщества и укрепление его системы безопасности наряду со снижением внутренней устойчивости в Сирии по средствам демонизации официального правительства и роста поддержки оппозиции.

Роль средств массовой коммуникации в Египетской революции

Еще одним характерным примером значимости влияния СМИ на состояние защищенности можно назвать события 2011 года в Египте, которые привели к революции и отставке президента Хосни Мубарака. Роль катализатора в произошедшем отдают электронным медиа и социальным сетям, в которых распространялась информация о проходящих в соседнем Тунисе протестах. В частности, в Facebook размещались публикации призывающие египтян бороться за свою свободу, а также фото-видеоматериалы с ранеными демонстрантами и требованиями отомстить [1, с. 253].

Аудитория склонна к восприятию негативной информации в сложной обстановке, в связи с чем призывы к радикализации в интернет-пространстве достаточно быстро нашли свой отклик и спровоцировали волну протестов по всему Египту. Кроме того, помимо распространения дестабилизирующих идей и лозунгов социальные сети сильно снизили эффективность официальных властей в противодействии беспорядкам. Таким образом, в момент

отключения президентом интернета 28 января 2011 года коммуникации между митингующими продолжились благодаря Facebook и Twitter (X).

Официальные СМИ, в частности «Аль-Ахрам», которые всегда выступали в поддержку египетского правительства, начали плавно изменять свою риторику [3, с. 1]. На место критики революционных протестов пришли статьи, представляющие происходящее в положительном ключе, а вскоре и призывы властей к изменениям в системе государственного управления.

Помимо прочего, свой вклад в развитие египетской революции также внесли западные медиа. Вскоре после начавшихся по всей стране митингов британский The Guardian выпустил статью о колоссальном состоянии лидера Египта и его семьи [10]. Публикация содержала информацию о счетах президента в швейцарских банках, а также о недвижимости в разных частях света. В сложившихся к тому времени обстоятельствах новость о богатстве Хосни Мубарака еще сильнее взволновала общественность и спровоцировала активизацию протестов.

Как результат, события в Египте есть наглядная демонстрация возможностей СМИ влиять на общество по средствам контекста и радикализации предоставляемой информации. Кроме того, распространение публикаций о ходе Египетской революции во многом стало катализатором событий в Ливии, Сирии и Йемене, которые привели к серьезным изменениям в ближневосточном регионе и оказали влияние на состояние глобальной безопасности.

Заключение

В ходе исследования удалось выявить прямую взаимосвязь деятельности СМИ и ее воздействия на обеспечение глобальной устойчивости. По средствам анализа приведенных примеров определяется степень и формат участия современных медиа и используемых ими средств информационно-коммуникационных технологий в условиях политической нестабильности субъектов на международной арене.

Таким образом, можно определить, что в текущих реалиях, СМИ в процессе обеспечения глобальной безопасности выполняют роль инструмента исключительной важности: в зависимости от методов эксплуатации и типа распространяемой информации средства массовой коммуникации могут как способствовать укреплению межгосударственных связей и противостоянию глобальным вызовам и угрозам, так и быть катализатором социальных потрясений и дестабилизации политической обстановки в стране или целом регионе.

Список использованной литературы:

1. Грабельников А. А., Тамух Мохаммед Анасс. – Роль СМИ Египта в революции 2011 года // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 252–255.
2. Головин Юрий Алексеевич, Орлов Александр Николаевич Возрастание роли СМИ в обеспечении информационной безопасности // Знание. Понимание. Умение. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozhrastanie-rol-i-smi-v-obespechenii-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 21.11.2023).
3. Михайлевский Е.В. Об изменении позиции государственных СМИ Египта к отражению происходящих внутригосударственных процессов // Институт Ближнего Востока 11.02.2011
4. Сергеев Е.Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие. – №1 – 2009. – С. 117-126.
5. Гаврилов А.А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества // Молодой ученый. – №8. – 2012 – С. 152-155.
6. The White Helmets: 'The most dangerous job in the world' // CNN URL: <https://us.cnn.com/2017/01/19/health/my-hero-hala-gorani-white-helmets-syria/index.html> (дата обращения 22.11.2023)
7. The White Helmets: Syria's extraordinary band of volunteer lifesavers // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/global/2016/sep/23/the-white-helmets-syria-volunteer-rescue-workers-heroes-hope-horror> (дата обращения 22.11.2023)
8. Syria Civil Defense, or 'White Helmets' // FoxNews URL: <https://www.fox13news.com/news/syria-civil-defense-or-white-helmets> (дата обращения 22.11.2023)

9. Gassed where they had hidden, Syrian families killed in minutes // CNN URL: <https://edition.cnn.com/2018/04/09/middleeast/syria-douma-victims-intl> (дата обращения 22.11.2023)

10. This article is more than 12 years old Mubarak family fortune could reach \$70bn, says expert // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/04/hosni-mubarak-family-fortune> (дата обращения 23.11.2023)

Об авторах: Гвоздев Роман Олегович – магистрант Дипломатической академии МИД России, факультет "Международные отношения", barkspace@yandex.ru

About the authors: GVOZDEV Roman Olegovich – Master's Degree Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Faculty of International Relations, barkspace@yandex.ru

УДК 327.57

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ДЕГРАДАЦИИ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ВООРУЖЕНИЯМИ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Иванов Г.Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва

THE MAIN REASONS FOR THE DEGRADATION OF THE STRATEGIC ARMS CONTROL SYSTEM IN THE POST-COLD WAR PERIOD

G.G. Ivanov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Аннотация: Окончание «холодной войны» привело к снижению международной напряженности между ядерными державами. Однако постконфронтационное мирное сосуществование длилось недолго. Ситуация ухудшилась после выхода США из таких договоров, как ДПРО, ДРСМД и ДОН, прекращения участия России в СНВ-3 и отзыва ею ратификации ДВЗЯИ в 2023 году. Развитие американской концепции глобальной противоракетной обороны, вмешательство стран Запада в региональные территориальные конфликты других государств, общая активизация разведывательной деятельности и военно-стратегическое усиление позиций новых центров силы в формирующемся многополярном миропорядке еще больше способствуют этой тенденции. Все это, наряду с развитием новых технологий и ухудшением глобальной безопасности в современном неустойчивом мире, приводит к полной деградации механизма контроля над стратегическими вооружениями и возрастанию международной нестабильности. В этой статье будет рассмотрена совокупность причин, ведущих к этой тенденции. Новизна исследования заключается в систематизации основных факторов, способствующих этому процессу, а также предложении новой интерпретации происходящего процесса наряду с анализом новых перспектив решения данной проблемы.

Abstract. The end of the Cold War led to a decrease in international tensions between nuclear powers. However, the post-confrontation peaceful coexistence did not last long. The situation worsened after the US withdrawal from treaties such as the ABM, the INF Treaty and the Treaty on Open Skies, the termination of Russia's

participation in START III and its withdrawal of ratification of the CTBT in 2023. The development of the American global missile defense system, the intervention of Western countries in the regional territorial conflicts of other states, the general intensification of intelligence activities and the military-strategic strengthening of the positions of new centers of power in the emerging new global multipolar order further contribute to this trend. All this, along with the development of new technologies and the deterioration of global security in the modern unstable world, leads to the complete degradation of the strategic arms control system and an increase in international instability. This article will look at the combination of reasons leading to this tendency. The novelty of the study lies in the systematization of the main factors contributing to this process, as well as the proposal of a new interpretation of the ongoing process along with the analysis of new prospects for solving this international issue.

Ключевые слова: система контроля над стратегическими вооружениями, многополярный порядок, ядерное оружие, международная нестабильность, РФ, США, КНР

Key words: strategic arms control system, multipolar order, nuclear weapons, international instability, Russia, USA, China

Введение

В последние годы наблюдается деградация системы контроля над стратегическими вооружениями, обусловленная несколькими факторами. В частности, изменение геополитической обстановки в мире и усиление напряженности между ключевыми государствами в этой области, такими как США, Россия и Китай, приводящие к увеличению недоверия и началу новой гонки вооружений. Параллельно этому, развитие новых технологий, таких как гиперзвуковые ракеты, создает трудности в соблюдении действующих договоров. Эти факторы в совокупности вносят нестабильность в существующий механизм контроля и требуют внимательного анализа для разработки эффективных стратегий обеспечения безопасности в сфере стратегического разоружения.

Исследовательская проблема работы заключается в выявлении и классификации основных факторов, приводящих к деградации контроля над вооружениями, и предложении мер по его трансформации. В работе

используется материалистическая парадигма оборонительно-наступательного реализма, которая предполагает, что увеличение военной мощи государства является одним из главных способов обеспечения ее безопасности. Этот подход часто используется для объяснения межгосударственной риторики в отношении таких держав, как Россия, США и КНР. В данном исследовании применяется и концепция стратегического сдерживания, которая предполагает, что обладание сильным военным потенциалом государства ограничивает агрессивные действия со стороны других стран. Эта теория остается актуальной в современных условиях в связи с увеличением напряженности в мировом сообществе. Работа подчеркивает роль средств вооруженной борьбы в современном мире. В частности, отмечается развертывание новых высокотехнологичных средств поражения в неядерном оснащении. Эти средства способны решать стратегические задачи «проецирования силы» в любых регионах мира, что вносит свои особенности в современные стратегии и взаимоотношения между государствами.

Методология исследования заключается в применении исторического анализа предыдущих событий, а также сравнительного анализа для выявления основных изменений в военно-стратегической области. В некоторых случаях для проведения количественного анализа используется обзор статистических данных о количестве стратегических оружий в определенных рассматриваемых державах.

Факторы деградации механизма контроля над стратегическими вооружениями

После окончания Холодной войны произошли изменения в мировом порядке, которые повлияли на механизм контроля над стратегическими вооружениями. Изменение геополитической карты мира, обусловленное распадом Советского Союза, привело к формированию новых независимых государств, включая Россию. Этот исторический процесс сопровождался не только разрушением биполярной системы, но и установлением новой, многополюсной. Это, в свою очередь, осложнило переговоры и процесс

заклучения соглашений по мерам контроля над этими видами арсеналов. Существенным аспектом нового многополярного мира стало стратегическое укрепление различных центров силы. Примером тому является Китай, руководство которого активно наращивает объем ядерного военного оборудования — количество ядерных боеголовок там увеличилось с 290 до 500 в период с 2019 года по май 2023 года [7]. Подобная динамика наблюдается и в КНДР, которая провела около 69 ракетных запусков в 2022 году, включая испытания межконтинентальных баллистических ракет [12]. Иран, в свою очередь, продолжает разрабатывать гиперзвуковые ракеты, достигая значительных успехов, в том числе с разработкой ракеты Фаттах в текущем году [9].

Возобновившееся недоверие между государствами препятствует заключению договоренностей о контроле над ракетными типами оружия, что находит свое отражение в конкретных действиях стран. Во-первых, после выхода Вашингтона из Договора о противоракетной обороне (ДПРО) в 2001 году, они активно начали осуществлять свою доктрину глобальной противоракетной обороны, модернизируя существующие комплексы и размещая их на Ближнем Востоке, в Восточной Азии и Европе [13]. Во-вторых, Россия, в ответ на приближение американских и британских разведывательных самолетов к своим границам, начала проводить регулярные разведывательные полеты над нейтральными водами в Арктике, Северной Атлантике, Тихом океане и Черном море [8]. В-третьих, интенсификация военных учений членов НАТО в Европе дополнительно способствует общему недоверию, укрепляя военную напряженность в регионе [2]. В-четвертых, испытания новых образцов оружия в различных державах, таких как Америка и Северная Корея, являются еще одним фактором, поддерживающим отсутствию доверия. Например, в этом году Вашингтон провел испытания на подземном ядерном полигоне в Неваде [10].

В данном контексте отсутствие доверия приводит к тому, что государства отказываются соблюдать существующие договоры. В

определенных ситуациях они отклоняются от международных договоров из-за взаимных нарушений и последующих обвинений [1, стр. 28]. Примером этого может служить выход Вашингтона из таких международных соглашений, как ДПРО, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и Договор по открытому небу (ДОН). Это порождает замкнутый цикл, в котором уровень доверия снижается, вызывая дополнительную дестабилизацию. Учитывая и так существующую хрупкость режима разоружения, важно отметить, что любое негативное геополитическое событие оказывает влияние на будущее развитие этой системы. В качестве примера можно упомянуть недавнее прекращение участия России в Договоре о стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-III) [3] и отзыв ею ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) [4], произошедшие в контексте украинского конфликта.

В современном мире происходит эскалация напряженности между ядерными державами, что делает международную ситуацию все более труднорегулируемой. Одним из ключевых факторов для этого является рост числа региональных конфликтов. В последние два года активизировались такие горячие точки, как российско-украинский и израильско-палестинский конфликты и напряженность в китайско-тайваньском проливе. Эти конфликты несут в себе потенциал перерасти в глобальную конфронтацию, учитывая вмешательство крупных государственных игроков, которые стремятся защитить свои региональные интересы [11, стр. 5]. Параллельно с этим наблюдаются попытки фрагментации мира на западные и не западные страны [5]. Формирование региональных коалиций становится ярким проявлением таких попыток, особенно в контексте военных конфликтов, таких как те, что разворачиваются на Украине, в Палестине и вокруг Тайваня. Эта тенденция угрожает глобальной стабильности и может привести к полномасштабной ядерной конфронтации, если не будут предприняты эффективные шаги по разрешению и предотвращению эскалации конфликтов, что подчеркивает неэффективность нынешних принципов разоружения и контроля.

Развитие новых технологий в области военного строительства за последние десятилетия привело к существенным изменениям в военно-стратегической сфере. Появились новые виды оружия, такие как кибероружие, гиперзвуковые, лазерные, и противоспутниковые оружия. Исходя из этого, существующие договоренности в большинстве случаев не охватывают, а следовательно, не ограничивают разработку и наращивание этих новых видов военных технологий. Зачастую темпы разработки новых видов вооружений в несколько раз опережают процесс переговоров и заключения соглашений, соответствующих реальности, что не ставит преград для государств в их стремлении к военно-технологической модернизации.

Перспективы развития ситуации в военно-стратегической сфере

В этой связи возникает вопрос не о способах, а о концептуальной необходимости сохранения устаревшей системы стратегического ограничения и контроля. В медийных источниках, научных работах по теме и других местах этой тенденции выделяется негативную коннотацию как в России, так и в западных странах. Однако, следует подчеркнуть, что ликвидация договоров в этой области — это естественный процесс, который отражает изменение международного порядка в целом. Если необходимо осуществить переход международного порядка от однополюсного к многополюсного, то нужно сконцентрироваться на будущем, проходя через некоторые этапы хаоса.

С чего следует начать для построения нового механизма контроля над вооружениями? Во-первых, необходимо отделить политическую от военно-стратегической сферы. Вопросы политики не должны влиять на общее желание отдельных государств урегулировать данную сферу. Представляется возможным согласовать рамочное соглашение, которое закрепляло бы эту позицию у трех ключевых держав-обладательниц ядерных вооружений (КНР, РФ и США). Это соглашение, подписав которое, три страны заявляют свое намерение не использовать стратегические оружия для реализации политических (наступательных) амбиций, а только в оборонительных целях. В нем нужно сделать акцент на том, что политическая

сфера и деятельность, связанная с оборонительно-стратегическим потенциалом держав-участниц, не должны коррелировать, а должны быть разделены так же, как европейские государства в результате Вестфальского мира 1648 года разделили религиозную составляющую от политической в международных отношениях, прекратив вести войны из-за своих конфессиональных различий. Последнее, в свою очередь, считалось невозможным до тех пор, пока оно не было фактически реализовано.

Во-вторых, в силу наличия успешного опыта заключения двухсторонних договоров в стратегической сфере представляется возможным пересмотр и использование методологии и знаний, полученных в ходе реализации подобного рода договорённостей. Двусторонние соглашения более применимы в этой области, поскольку стратегические документы многостороннего характера остаются трудно выполнимыми, нератифицированными, а в некоторых случаях и неподписанными из-за большого количества разных участников с разными интересами. Универсальными примерами таких договоров являются ДВЗЯИ, ДЗЯО и ДОН. Если они и подписаны, и ратифицированы не исключены нарушения, из-за которых следуют взаимные обвинения и постепенный спад доверия между их участниками. В последствии появляются конфликты между последними, а слишком амбициозные задачи этих режимов превращаются в нереализуемые идеалистичные концепции. По этой причине необходима новая философия при рассмотрении данной проблемы [6, стр. 6].

Для выхода из этой ситуации необходимо начать с урегулированием отношений на высшем уровне между ключевыми участниками нового многополярного режима, а затем двигаться вниз, фокусируясь на конкретных задачах, которые затрагивают остальные государства. Это позволит избежать необходимости согласования решений с большим количеством государств-участников, что может привести к затягиванию процесса и снижению эффективности. В первую очередь следует восстановить доверие, разработать и согласовать новые, более осуществимые международно-правовые

ограничения между Москвой и Вашингтоном. Эти соглашения могут послужить образцом для заключения двусторонних договоров между другими государствами-обладательницами стратегических арсеналов. Установление стабильных отношений между двумя державами в данной области создаст возможность для привлечения Китая к новой системе контроля над стратегическими вооружениями, учитывая его интересы как государства со значительным экономическим потенциалом.

Отметим, что Китай вероятнее всего нарастать соответствующее количество боеголовок, которое в достаточной степени отвечает размерам и интересам его экономики. В противном случае новый международный режим стратегического сдерживания останется несбалансированным, а прежние проблемы останутся нерешенными. Только нарастив свои стратегические возможности до уровня, сравнимого с американскими и российским потенциалом, КНР будет более склонна к сотрудничеству, что подразумевает готовность ограничить свой потенциал для сохранения будущего статус-кво. Чтобы вовлечь Китай в новую международную структуру стратегического контроля, важно согласовать общие международно-правовые ограничения между Россией и Китаем. Реализация такого плана более вероятной, чем достижение аналогичного соглашения между Соединенными Штатами и Китаем, учитывая прочные военно-стратегические связи между Москвой и Пекином. В этом контексте российская сторона берет на себя роль лидера, выступающего за налаживание сотрудничества между двумя другими странами, обладающими наибольшим количеством ядерных боеголовок в мире, а именно США и Китаем.

Результатом этого должно стать юридически согласованное ограничение количества и качества данных типов арсеналов как между российской и американской сторонами, так и между Россией и Китаем в рамках двусторонних переговоров, посвященных этому вопросу. Такой подход может проложить путь к созданию новой многополярной структуры контроля над стратегическими оружиями. В отличие от формального и

комплексного режима с отдельными институтами, он будет основан на двусторонних соглашениях между тремя основными ядерными державами. Подобная система двусторонних договоренностей будет основываться на гарантиях, которыми станут, прежде всего, партнерские отношения между Россией и Китаем и предыдущий опыт сотрудничества в этой сфере между Российской Федерацией и США.

Если не будут предприняты шаги по реструктуризации контроля над стратегическими вооружениями, последуют следующие сценарии развития ситуации. С одной стороны, все это потенциально может спровоцировать начало нового пика их количественного наращивания со времен, предшествовавших окончанию холодной войны. С другой стороны, общий объем ядерных боеголовок и носителей в мире может остаться прежним при условии их качественного совершенствования. Последний вариант позволит сохранить или увеличить общую эффективность и летальность стратегического арсенала упомянутых государств, даже если его объемы не изменятся.

Несомненно, реализация предложенной выше концепции сопряжена с серьезными трудностями. Ее достижение потребует широких политических дискуссий и компромиссов между тремя сторонами. Особый акцент необходимо сделать на усилиях, которые российское руководство следует предпринять в этом направлении. Тем не менее, это представляет собой перспективный подход, который, с одной стороны, восстановит относительную всеобъемлющую стратегическую стабильность в контексте геополитических изменений на международной арене и, с другой стороны, позиционирует Россию как одного из архитекторов многополярного мира не только в политическом и экономическом плане, но и в его военно-стратегическом аспекте.

Заключение

Распад режима контроля над стратегическими вооружениями представляет собой естественный процесс, отражающий фундаментальные

изменения в современных международных отношениях. Для построения новой многополярной системы необходимо провести разделение между политической и стратегической сферами, а также использовать опыт двусторонних соглашений. В этом контексте Россия может занять лидирующую роль, инициируя создание нового механизма контроля в этой области, базированного на двусторонней договорной основе. Принятие необходимых шагов становится ключевым аспектом для предотвращения потенциальных угроз и обеспечения стабильности в области стратегического контроля. Однако, отсутствие конструктивных мер в этом направлении может привести к возникновению нового пика количественного наращивания стратегических вооружений или их качественному усовершенствованию.

Список использованной литературы:

1. Батюк В. Смерть контроля над вооружениями. // АПЕ. 2018. №1. стр. 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-kontrolya-nad-vooruzheniyami> (Дата обращения: 05.12.2023)
2. В Германии проходят крупнейшие в истории учения ВВС стран НАТО // Официальный веб-сайт НАТО. 12 июня 2023г. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_215611.htm?selectedLocale=ru (Дата обращения: 02.12.2023)
3. Депутаты поддержали приостановление Договора между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 22 февраля 2023г. URL: <http://duma.gov.ru/news/56449/> (Дата обращения: 06.12.2023)
4. Одобрен отзыв ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 25 октября 2023г. URL: <http://council.gov.ru/events/news/149343/> (Дата обращения: 07.12.2023)
5. Окунев И. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики // Российский совет по международным делам (РСМД). 21 марта 2019г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/> (Дата обращения: 07.12.2023)
6. Пархалина Т. Введение. Кризис Россия - Запад и новые подходы к вопросу контроля над вооружениями // АПЕ. 2020. №3. стр. 6. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-krizis-rossiya-zapad-i-novye-podhody-k-voprosu-kontrolya-nad-vooruzheniyami> (Дата обращения: 15.12.2023)

7. Постникова Е. Китай как возрастающая ядерная держава: как усиление страны может повлиять на режим ядерного нераспространения? // ПИР-Центр. 7 ноября 2023г. URL: <https://pircenter.org/editions/kitaj-kak-vozzrastajushhaja-jadernaja-derzhava-kak-usilenie-strany-mozhet-povlijat-na-rezhim-jadernogo-nerasprostraneniya/> (Дата обращения: 27.10.2023)

8. Пресс-конференция по итогам визита в Китай // Официальный веб-сайт Президента России. 18 октября 2023г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72532/audios> (Дата обращения: 30.10.2023)

9. Hinz F. Military Balance Blog, "Removing the hype from Iran's 'hypersonic' conqueror" International Institute for Strategic Studies, July 2023, <https://www.iiss.org/online-analysis/military-balance/2023/07/removing-the-hype-from-irans-hypersonic-conqueror/> (Accessed: 28.10.2023)

10. Kelsey D. "How an underground explosion in Nevada will help the US detect nuclear tests", Popular Science, October 2023, <https://www.popsci.com/technology/nevada-underground-test-explosion/>, (Accessed: 03.12.2023)

11. Joint Publication 3-72, "Joint Nuclear Operations", April 2020, Directorate for Joint Force Development of the U.S., p. 5, Available at: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3_72.pdf (Accessed: 06.12.2023)

12. Missile Defense Project, "North Korean Missile Launches & Nuclear Tests: 1984-Present" Missile Threat, Center for Strategic and International Studies, April 20, 2017, last modified June 1, 2023, <https://missilethreat.csis.org/north-korea-missile-launches-1984-present/> (Accessed: 27.10.2023)

13. Missile Defense, "An Assessment of U.S. Military Power" (Map 18), The Heritage Foundation, October 2022, <https://www.heritage.org/military-strength/assessment-us-military-power/missile-defense> (Accessed: 30.10.2023)

Об авторах: Иванов Георги Георгиев – студент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, e-mail: givanov@edu.hse.ru

About the authors: Ivanov Georgi Georgiev – student in the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE, e-mail: givanov@edu.hse.ru

НАГОРНОКАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Манукян Г.Д.

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван

THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF ARMENIAN-RUSSIAN RELATIONS

G.D. Manukyan

Russian-Armenian (Slavonic) university, Erevan

Аннотация: Армяно-российские отношения, претерпевающие значительные изменения за последние годы, нельзя охарактеризовать, как статичные. Существует множество поводов и событий, непосредственно влияющих на динамику развития взаимоотношений этих стран. Нагорно-Карабахский конфликт один из самых трепетных вопросов, волнующих Россию и Армению, и конфликт, урегулированием которого занимаются не первый десяток лет. Сегодня тема еще более актуальна в связи с коренными изменениями, образовавшимися новыми политическими реалиями.

Abstract: The Armenian-Russian relations, which have undergone significant changes in recent years, cannot be described as static. There are many reasons and events that directly affect the dynamics of the development of relations between countries. The Nagorno-Karabakh conflict is one of the most sensitive issues of concern to Russia and Armenia, and a conflict that has been settled for decades. Today, the topic is even more relevant in connection with the fundamental changes that have formed new political realities.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, конфликт, Россия, Армения

Keywords: Nagorno-Karabakh, conflict, Russia, Armenia

Введение

Общественно-политическая жизнь в мире за последние годы сильно изменилась. Региональные конфликты перерастают в более глобальные столкновения на разных фронтах, чаще в гибридном формате. Взаимоотношения между государствами, строящиеся на взаимопонимании и союзе в одном направлении, претерпевают трансформации из-за тех или иных

конфликтов и войн. Нагорно-Карабахский конфликт после войны 2020 г. находится в центре внимания региональных игроков и ключевых внерегиональных акторов, имеющих свои планы и видение решения конфликта. Российская Федерация с самого начала возникновения разногласий не просто была вовлечена в процесс урегулирования, а играла главную роль – посредника. России, имеющей дружеские отношения и с Республикой Армения, и с Азербайджанской Республикой не просто помочь в урегулировании конфликта таким образом, чтобы обе стороны остались довольны. Так, после Третьей Арцахской войны (осенью 2020-го года) отношения между Россией и Арменией ухудшились, несмотря на размещение миротворческого контингента в Нагорном Карабахе. Негативная тенденция российско-армянских отношений продолжала развиваться, перерастая в прямые претензии друг к другу на самом высоком уровне. При этом российско-азербайджанские отношения претерпевают изменения в положительную сторону, сопровождающиеся подписаниями различных совместных заявлений и документов о сотрудничестве.

Первопричины и основания сложившихся современных взаимоотношений между РА и РФ

Динамика ухудшения армяно-российских отношений стала более отчетливой после войны в 2020-ом году, когда в общественность стала вбрасываться информация о некачественном и неработающем вооружении, проданном РФ Армении за последние годы. Позднее началась активная критика роли и деятельности российского миротворческого контингента. Действительно в реальности работа российских миротворцев отличалась от прописанных обязательств в Трехстороннем заявлении от 9 ноября 2020 года. Более предметно изучив вопрос обязанностей и реальной деятельности миротворцев, за период присутствия в Нагорном Карабахе, можно выделить следующие ключевые аспекты: они помогали жителям в восстановлении инфраструктуры, разминировали территории, находящиеся в зоне их ответственности, оказывали гуманитарную помощь, способствовали

возвращению военнопленных и поиску пропавших без вести. Что касается невыполнения обязательств, то это выразилось в неспособности препятствовать Баку в установлении незаконного КПП в зоне своей ответственности в Лачинском коридоре. Российские миротворцы не просто не смогли противодействовать действиям Азербайджана, но и сами оказались в блокаде вместе со 120 000 населением на 9 месяцев, оторванными от Армении, на территории которой находится их 102-ая база и опорные пункты.

За этот период в целом существовало несколько площадок для урегулирования конфликта, в частности российская и западная. Западными площадками являются Брюссель и Вашингтон, где проводились встречи глав Азербайджана и Армении при посредничестве западных коллег. Достигались определенные договоренности и подписывались документы, в результате которых на армянскую сторону чаще накладывались обязательства. Таковыми обязательствами были признание азербайджанской стороне Нагорного Карабаха без предварительных условия и обеспечения прав и свобод населения Нагорного Карабаха. После достижения одной уступки со стороны Армении на стол переговоров клался новый документ с новым требованием, в частности, передача так называемых анклавов Азербайджану. Необходимо учитывать, что Запад и со времен Первой Арцахской войны в 1992-94-ых стремился сыграть ключевую роль посредника и урегулировать конфликт, однако, что в 90-ые, что в 2020-ом году активные боевые действия удалось остановить России. Учитывая активную вовлеченность России и ее влияние на регион Южного Кавказа ожидаемо, что именно на российской переговорной площадке будет подписана большая часть заявлений. Так, за послевоенный период, при посредничестве РФ было подписано 4 трехсторонних заявления на высшем уровне, которые, с точки зрения России служат основой урегулирования конфликта. Однако в сентябре 2023 года произошли события, не получившие должного внимания и наказания, что привело к еще большему казусу в армяно-российских отношениях. Однако продлению мандата миротворцев армянская сторона не против, в отличии от азербайджанской,

которая часто на самых высоких уровнях заявляет о временном присутствии РФ в регионе.

Фактор Азербайджана в развитии российско-армянских отношений

Азербайджан, пользуясь случаем, продолжал оказывать и политическое и военное давление на Армению и Арцах. В сентябре в ходе военной операции Азербайджаном была осуществлена этническая чистка на территории Нагорного Карабаха. Российские миротворцы, ставшие свидетелями этнической чистки, были также убиты азербайджанскими военными. Однако, эти провокационные действия не встречали сопротивления со стороны РФ, как и во время войны в 2020-ом году, когда был сбит российский вертолет Ми-24. Россия не реагировала должным образом на грубейшие нарушения азербайджанской стороны, что еще больше снизило доверие армянского общества к союзнику как главному провайдеру безопасности.

Со временем увеличивались взаимные претензии и недовольства российского и армянского руководств. В России республику обвиняют в смене вектора внешней политики в сторону Запада, в Армении — это обосновывают бездействием России и игнорированием азербайджанской агрессии как в отношении Нагорного Карабаха, так и в отношении союзника Республики Армения, территориальная целостность которой тоже подвергалась угрозе и обстрелам. В марте 2021-го года и в сентябре 2022-го года Азербайджанские ВС напали на суверенную территорию РА и продолжали держать под оккупацией более 220 км². В РФ был переоценен подход Армении в отношении Нагорного Карабаха, так как, если ранее Армения была готова его отстаивать, Нагорный Карабах был практически интегрирован в состав Армении (в области экономики, безопасности и т.д.), то нынешняя Армения вела курс на отказ от Арцаха. Подобной оценки в России, конечно же, не ожидали, но произошедшие ценностные изменения в самой Армении привели к таким результатам. В итоге российское присутствие и влияние стремительно падает, чему доказательством служит недавнее достижение Ереваном и Баку совместного соглашения без каких-либо посредников о возвращении

военнопленных. На протяжении 2023 же года заметна значительно активная роль западных посредников.

Влияние внешнеполитических кризисов РФ на формирование курса политики в ЮК

При анализе динамики взаимоотношений двух стран необходимо учитывать не только проблемы и факторы, формирующие внешнюю политику одной страны, но и повестку другой. Россия в этом плане отчетливо показала свои внешнеполитические приоритеты, имея активную фазу боевых действий на другом фронте, где вовлечена не как посредник, а как непосредственный участник. Большая аккумуляция сил, средств и ресурсов на украинском фронте привела к тому, что остальные региональные направления становились во многом второстепенными для России. В Армении тем самым переоценили готовность РФ держать обозначенные красные линии - недопущение этнической чистки, к примеру. Результатом стало то, что Россия более не является ключевым провайдером безопасности Армении, хотя российские миротворцы еще не покинули Арцах, российская военная база продолжает находиться в Гюмри, а пограничные войска участвуют в охране границы. В Армении существовала уверенность в безусловной поддержке и жесткой реакции РФ при нападении Турции или Азербайджана на территорию Армении. В реальности сложилась картина бездействия и отвлечённости в определенной степени России от проблем других регионов. Однако стоит учитывать и тот факт, что Армения обращалась за помощью в рамках ОДКБ, а не на основе двухстороннего союзнического отношения РФ-РА. Такая позиция дала большую уверенность Баку в своей силе и безнаказанности. Учитывая исторический и боевой опыт России, убийство миротворцев должно было привести к большой военной кампании, чего не произошло в Нагорном Карабахе. Азербайджан урегулировал вопрос путем финансовой поддержки семьям погибших, как и при нацеленном ударе по российскому вертолету в 2020-ом году.

Выводы

В сегодняшней политической повестке отчетливо видны проблемы в коммуникации и методах выстраивания армяно-российских отношений, что доказывают постоянные претензии, отсутствия на встречах в рамках общих площадок, таких как ОДКБ, ЕАЭС. Из-за наличия конфликтных узлов сложилась слабая коммуникация между Ереваном и Москвой, которые все еще формально являются союзниками, имеют общие экономические, социальные, гуманитарные программы и проекты. Динамика развития дипломатических отношений между РФ и РА оценивается больше негативно нежели положительно, несмотря на постоянный рост экономических показателей, увеличения авиасообщения и других положительных тенденций. Для решения образовавшихся пробелов в отношениях, сторонам необходима конкретизация договоренностей. Нагорно-Карабахский конфликт, а в частности, позиция России по нему и субъективное восприятие Армении, сильно повлияли на взаимоотношения РФ и РА, усугубив кризис. На фоне этого, пользуясь отстранённостью России в регионе появляются новые игроки – Иран, Индия, стремящиеся внести свой вклад в урегулировании конфликта.

Список использованной литературы:

1. Гегамян В., Э. Элбакян, К. Игитян, С. Мелконян «Переговорный процесс по Нагорному Карабаху. От пораженческой автономии до победного Карвачара»
2. Золян С. «Нагорный Карабах: проблема и конфликт»
3. Мелконян С. «Что угрожает российскому влиянию на Южном Кавказе»
4. Мелконян С. «Экватор пройден: будущее российских миротворцев в Нагорном Карабахе»
5. Соловьев В. «Горцы и предупреждения»
6. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 22 февраля 2022 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5777>
7. Трехстороннее заявление от 9 ноября 2020 года по прекращению боевых действия в Нагорном Карабахе. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64381>

8. Информационный бюллетень Министерства обороны Российской Федерации о деятельности российского миротворческого контингента в зоне нагорно-карабахского конфликта (на 04 августа 2022 г.). – URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12431695@egNews
9. Информационный бюллетень Министерства обороны Российской Федерации о деятельности российского миротворческого контингента в зоне нагорно-карабахского конфликта (на 6 марта 2023 г.). – URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12456809@egNews
10. Никол Пашинян в испанском городе Гранада принял участие в 3-м саммите Европейского политического сообщества (на 4 октября 2023 г.). - <https://www.primeminister.am/ru/foreign-visits/item/2023/10/04/Nikol-Pashinyan-visit-to-Granada/>
11. Ограничить отношения с Россией захотели 70 процентов армян. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/07/socies/>

Об авторах: МАНУКЯН Гегецик Давидовна – магистрант Российско-Армянского университета, gegetsik_manukyan@mail.ru

About the authors: MANUKYAN Geghetsik – master in Russian-Armenian university, gegetsik_manukyan@mail.ru

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**Пашаян А.Р.**

Дипломатическая академия МИД России, Москва

CRISIS OF GLOBAL GOVERNANCE**A.R. Pashayan**

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Автор рассматривает концепцию глобального управления, и на примере кризисных явлений в ряде международных организаций, обострившихся на фоне пандемии коронавируса, начала российско-украинских и полистино-израильских конфликтов делает вывод о том, что существующая система глобального управления не справляется с решением задач глобальной безопасности, что приводит к формированию новых форм коллективного управления, основанных на механизме трансрегионального сетевого взаимодействия.

Abstract. The author examines the concept of global governance, and using the example of crisis phenomena in a number of international organizations, aggravated against the backdrop of the Coronavirus, the beginning of the Russian North-Eastern Military District and the Palestinian-Israeli conflict, he concludes about the crisis of global governance and the formation of new forms of collective governance based on the mechanism of transregional network interaction.

Ключевые слова: глобальное управление, глобальная безопасность, кризис, БРИКС

Keywords: global governance, global security, crisis, BRICS

Введение. Глобализация влечет за собой целый ряд проблем, для решения которых потребовались качественно новые методы и средства, и к середине XX в. в политической науке выделился такой феномен политической глобализации, как глобальное управление (global governance). С 1990-х гг. понятие глобального управления стало часто используемым в политических и научных дискуссиях [10, С. 119].

Однако сегодня все больше внимания в российском экспертном сообществе уделяется теме кризиса системы глобального управления [Н. Л.

Смакотина [10], М. Тищенко [12], Н. А. Васильева [3] и др.]. А усиление кризисных явлений в результате пандемии COVID-19 и украинского конфликта делает проблему исследования еще более актуальной.

В настоящее время все большее развитие получают неформальные объединения государств – в качестве примера можно привести объединение БРИКС, интерес к которому проявляет все больше стран и который постепенно проявляется в качестве действенного института глобального управления. Активный рост влияния объединения из пяти стран, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика (ЮАР) (далее БРИКС) с учетом выхода на лидерские позиции в мировой политике восточных стран (Китай и Индия) и африканского континента может быть признаком того, что постепенно формируется полицентричная система, основанная на механизме трансрегионального сетевого взаимодействия, что означает формирование крупных функциональных международных кластеров, межгосударственных объединений, создаваемых государствами из разных регионов мира.

Кризис глобального управления

Глобальное управление — система институтов, принципов, правил, норм, процедур, которые способствуют коллективным действиям и сотрудничеству между странами и другими субъектами, охватывая широкий спектр глобальных вопросов [14]. При этом основополагающей целью управления является решение задач глобальной безопасности, которые включают в себя различные аспекты, такие как терроризм, киберугрозы, конфликты между государствами и проблемы, связанные с изменением климата [2, с. 187]. Поддержание глобальной безопасности в 21 веке требует совместных усилий со стороны международного сообщества, чтобы эффективно бороться с терроризмом, киберугрозами, решать международные конфликты и т.д. О кризисе этой системы можно судить по кризисным явлениям в крупнейших международных организациях.

1. Кризис Организации Объединённых нации (далее ООН), что подтверждается низким уровнем действенности Совета Безопасности (далее СБ) ООН, как центра управления по проблемам безопасности. Согласимся с исследователями, которые отмечают, что отсутствие мировых войн — это не заслуга управленческих решений СБ ООН, а всего лишь результат давних договоренностей стран-постоянных членов СБ избегать прямых столкновений [3, С. 23]. В качестве примера можно привести деятельность Совета Безопасности в связи с конфликтом между Россией и Украиной: отсутствие положительных результатов для мирного разрешения конфликта, поскольку, как отмечают исследователи, деятельность Совета превратилась в механизм США и стран «Коллективного Запада» для продвижения своих национальных целей [7, С. 19]. Примером тому может служить то, что проявляется на фоне начала войны между Израилем и Палестиной. В начале СВО Генассамблея ООН приняла резолюцию о приостановке участия России в Совете по правам человека. В то же время, несмотря на огромные потери среди мирного населения во время палестино-израильского конфликта, подобного решения в сторону Израиля принято не было.

2. Ограниченность возможностей институтов глобального управления на примере ВОЗ. Специальная комиссия журнала Lancet выступила с критикой стратегии ВОЗ по борьбе с пандемией COVID-19, отметив, что «ВОЗ действовала слишком осторожно и медленно по ряду важных вопросов: Организация с запозданием сообщала данные о способах передачи вируса, слишком поздно объявила чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение» [11, С. 1].

3. Кризисные явления в Всемирной Торговой Организации (Далее ВТО). Развязавшаяся в 2018 г. торговая война между США и Китаем привела к тому, что рост мировой экономики упал на четверть и перешел к рецессии [12, С. 1]. Торговый конфликт двух крупнейших экономик мира наглядно показал, что механизмы ВТО, которые должны решать глобальные торгово-экономические

проблемы, оказались неэффективными в подобном противостоянии, поставив вопрос о дальнейшем существовании организации.

БРИКС – актор новой системы глобального управления

На наш взгляд БРИКС может стать ключевым актором новой системы глобального управления поскольку на это указывают следующие причины:

1. Возможность реализации принципа управления без правительства, или *governance without government*. Принцип управления без правительства предлагает, что различные формы социального управления, такие как саморегулирование, самоорганизация и горизонтальное сотрудничество могут эффективно заменить или дополнить традиционные правительственные структуры и их роль в управлении обществом. Эта концепция утверждает, что управление может быть достигнуто через процессы коллективного действия, которые основаны на доверии, взаимопомощи и участии всех заинтересованных сторон.

Одним из ключевых принципов управления без правительства является принцип децентрализации власти. Вместо того чтобы иметь централизованную иерархическую систему управления, где все решения принимаются из верхов, принцип управления без правительства предлагает распределение власти между различными уровнями общества, группами и организациями. Это позволяет улучшить локальные знания и ресурсы, эффективнее реагировать на местные потребности и обеспечивать большую гибкость и адаптируемость. Такие формы управления могут быть эффективными средствами для решения сложных проблем и содействия участию и вовлечению всех заинтересованных сторон.

На наш взгляд БРИКС может реализовать данный принцип, поскольку уже сейчас эта организация не ограничена официальными нормативными документами, уставами и секретариатом: их нет, а Председателем ассоциации выступает страна-организатор саммита, которая обеспечивает координацию всей текущей деятельности. Примером может служить также Гражданский форум БРИКС, который выступает в качестве дискуссионной платформы для

гражданского общества в странах БРИКС, в рамках которой может быть предложен ряд гражданских инициатив с перспективой включения их в повестку саммитов лидеров БРИКС [9, С. 174], или избранный странами БРИКС способ равного долевого участия и принцип равноправия при совместном управлении Новым банком развития [1, С. 25].

Кризис «традиционных» организаций, приведенный выше, отчетливо показывает, что мир движется в сторону принципа управления без правительства, который означает распределение власти между всеми членами общества.

2. Несмотря на статус неформального объединения, БРИКС становится форум для решения ключевых глобальных проблем. К примеру, в рамках БРИКС функционирует Антинаркотическая рабочая группа [4, С. 1], в марте 2022 года был открыт Центра БРИКС по исследованию и разработке вакцин [8, С. 1] и т.д.

Вместо унификации по американскому образцу, общие ценности пяти стран — это свобода в выборе путей развития, значимость государственного суверенитета, уважение исторических традиций и культурного разнообразия – способствуют мирному сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству различных цивилизационных проектов и становится основой для многополярного мира. Тем самым решается проблема культурных расхождений стран, входящих в объединение – достижение общих целей при сохранении национальных ценностей. В настоящее время они усиленно развивают такие направления деятельности, как снижение бедности, обеспечение населения доступным образованием, здравоохранение и охрана окружающей среды.

3. Страны БРИКС являются крупными, динамично развивающимися экономиками. В совокупности после вступления в БРИКС новых членов, объединение будет составлять это 30% мирового ВВП и примерно 45% населения Земли [5, С. 1]; без всякого сомнения, они обладают уникальной комплексной мощью. По многим важным показателям, таким как трудовые

ресурсы, географическое положение, экономическое производство, инновационный потенциал высоких технологий, военные силы, страны БРИКС занимают ключевое место в мире [6, С. 61]. Несмотря на различия в моделях развития, каждая из входящих в эту группу стран отличается позитивной динамикой экономического развития и сильными позициями, а усиление всей группы усилит и влияние каждого участника. Кроме того, страны БРИКС разрабатывают новую денежную единицу [13, С. 1], которая в будущем может стать конкурентом доллара как глобальной резервной валюты. Усиление влияния БРИКС за счет вступления новых стран ведет к дедолоризации мировой экономики.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: констатация кризиса глобального управления на примере рассмотренных международных институтов не означает отсутствия перспектив формирования новых форм коллективного управления, но без устаревших бюрократических структур. Примером этому может служить БРИКС, который без официальных нормативных документов, уставов и т.д. становится важным форумом для решения ключевых глобальных проблем.

Список использованной литературы:

1. Ахэмаййти Д. Модель равноправного управления Новым банком развития межгосударственного объединения БРИКС / Д. Ахэмаййти // Альманах «Крым». – 2023. – № 35. – С. 23-30.
2. Быстрянец С. Б. Глобальное управление: теоретические подходы и лексика / С. Б. Быстрянец, А. А. Марков, П. С. Быстрянец // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 185-189.
3. Васильева Н. А. ООН: кризис глобального управления / Н. А. Васильева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 20-35.
4. Заседание Антинаркотической группы БРИКС // BRICS-Russia, 2020. – URL: <https://brics-russia2020.ru/photo/20200812/510318.html> (дата обращения: 12.12.23).

5. Как вырастет вес БРИКС в мировой экономике после расширения // РБК, 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/08/2023/64e76eff9a794732ef6cee82> (дата обращения: 12.12.23).
6. Медушевский Н. А. Арабские страны и расширение БРИКС / Н. А. Медушевский, Ф. Е. Пензин // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12, № 7-1. – С. 58-73.
7. Михайленко В. И. Кризис глобального управления и внешняя политика ЕС / В. И. Михайленко // Европейский регионализм: теории и практика : материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 18–19 марта 2019 г.). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. — С. 15-21.
8. Открытие Центра БРИКС по исследованию и разработке вакцин 22 марта 2022 г. // Embassy of India in Moscow, 2022. – URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/press-releases-22-03-2022.php> (дата обращения: 12.12.23).
9. Петроне Ф. БРИКС и гражданское общество: вызовы и будущие перспективы в многополярном мире / Ф. Петроне // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – № 4. – С. 171-195.
10. Смакотина Н. Л. Глобальное управление или глобальное регулирование? / Н. Л. Смакотина, М. А. Егоренкова // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 4. – С. 118-130.
11. Соколов Н. Комиссия Lancet раскритиковала ВОЗ за ее методы борьбы с пандемией COVID-19 / Н. Солоколов // Медвестник, 2022. – URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Komissiya-Lancet-raskritikovala-VOZ-za-ee-metody-borby-s-pandemiei-COVID-19.html> (дата обращения: 27.11.23).
12. Тищенко М. Три кризиса ВТО / М. Тищенко, О. Кувшинова // ЭКОНС, 2020. – URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/tri-krizisa-vto/> (дата обращения: 27.11.23).
13. У БРИКС может появиться своя валюта. Какой она будет и для чего нужна // Газета.ru, 2022. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/06/22/15024608.shtml> (дата обращения: 27.11.23).
14. What is global governance? // Global Challenges Foundation, 2023. – URL: <https://globalchallenges.org/global-governance/what-is-global-governance/> (дата обращения: 27.11.23).

Об авторах: Пашаян Александр Рустамович – аспирант Дипломатической академии МИД России, e-mail: alexandr.pashyan@mail.ru

Научный руководитель: Тимакова Ольга Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

About the authors: Pashayan Alexander Rustamovich – Postgraduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: alexandr.pashyan@mail.ru

Scientific Adviser: Timakova Olga Alexandrovna – Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Погосова М.С.

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

INFORMATION AS A WEAPON IN HYBRID WARFARE

M.S. Pogosova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

Аннотация: Настоящая научная статья исследует роль информации в контексте гибридной войны и ее различных форм. Статья направлена на рассмотрение понятий информации и гибридной войны, а также на исследование их взаимосвязи. Автор представляет обзор современных примеров использования информации в качестве инструмента геополитического противостояния. Результаты исследования позволяют получить анализ роли информации в гибридной войне и ее влияние на общественное мнение и стратегические решения. Кроме того, статья предлагает рекомендации и подходы к защите и контролю над информацией с целью предотвращения потенциального влияния информационных операций на военные и политические процессы.

Abstract. This article explores the role of information in the context of hybrid warfare and its various forms. The article aims to examine the concepts of information and hybrid warfare, as well as to explore their interrelationship. The author provides an overview of modern examples of the use of information as an instrument of geopolitical confrontation. The results of the study provide an analysis of the role of information in hybrid warfare and its impact on public opinion and strategic decisions. In addition, the article offers recommendations and approaches to information protection and control in order to prevent the potential impact of information operations on military and political processes.

Ключевые слова: гибридная война, внешняя политика, информационная война, кинетическая война, информационное противостояние

Keywords: hybrid warfare, foreign policy, information warfare, kinetic warfare, information confrontation

Современное мировое сообщество переживает один из самых сложных процессов – процесс смены и формирования новой системы международных отношений. С момента прекращения существования биполярной системы международных отношений произошли колоссальные изменения с точки зрения экономики, технологий и политики. В значительной степени увеличилось количество акторов международных отношений, возросла степень взаимной зависимости государств в рамках экономического сотрудничества, развились информационные технологии. В подобных условиях реализация геополитических интересов государств посредством классического инструмента их достижения, открытых военных конфликтов, усложняется международным правом и глобализационными процессами. Однако нельзя говорить о том, что военный конфликт, как инструмент геополитики, прекращает свое существование, наоборот, он переходит в новые поля воздействия на государства, приобретает гибридный формат. На сегодняшний день современное профессиональное сообщество все чаще говорит о гибридных войнах, инструментарий которых значительно шире классического формата противостояния. При таких условиях значительно возрастает роль информации, как одного из инструментов геополитического воздействия.

Определение информации, в качестве оружия в гибридном противостоянии невозможно без обозначения концепции и характерных признаков гибридных войн. Различные инструменты гибридных войн применялись мировым сообществом и ранее, однако в XXI веке подобные инструменты стали применяться комбинировано, что в свою очередь повлияло на формирование концепции гибридных войн. Тем не менее, сам термин является относительно новым, подобная формулировка стала применяться в начале этого тысячелетия. Авторство, а также основные разработки данной методики достижения геополитических целей принадлежит американским исследователям. В 2005 г. американские военные публицисты Джеймс Мэттис и Френк Хоффман применяют подобный термин, рассматривая специфику

конфликтов нового поколения, отмечая значимость использования других инструментов давления, помимо классического открытого вооруженного противостояния, к которым относили партизанские движения, экономическое давление и нетрадиционные атаки[1].

В дальнейшем, как зарубежным, так и отечественным научным сообществом, велись исследования в рамках изучения подобного формата геополитического противостояния. Так, были сформированы и описаны основные характеристики гибридной войны, к которым на сегодняшний день относят использование обширных возможностей компьютерных и коммуникационных технологий, оказание экономического давления. Современные гибридные войны могут носить как открытый характер, например, ввод эмбарго и использование ограничивающих санкций, так и воздействие на население посредством СМИ и информационных технологий, которые значительно сложнее обнаруживаются и контролируются. Сложность противостояния гибридным войнам в первую очередь обуславливаются последним фактором, который замедляет процесс введения ответных мер.

В экспертном сообществе при рассмотрении гибридных войн и других форматов геополитического противоборства, особенно выделяются информационные конфликты. Для дальнейшего определения роли информации, в качестве оружия в гибридных войнах, необходимо раскрыть понятие термина «информация» в современных реалиях.

В широком смысле, информация представляет собой данные, которые могут быть интерпретированы для получения сведений или воздействия на окружающую среду. Учитывая многообразие форматов работы, в которых задействованы базы данных, информация является многофункциональным и многопрофильным явлением. Так, данные применяются как в компьютерных технологиях, так и используются в межличностном взаимодействии.

В рамках гибридного противостояния, универсальность информации, как инструмента, иначе «оружия» позволяет воздействовать на государство на разных уровнях. Сегодня все чаще звучат такие определения, как

кинетическая, информационная и кибер- войны, которые работают с информацией в различных ее проявлениях.

Кибер-войны представляют собой новый формат противоборства, который появился в связи с развитием технологий и быстрой информатизацией человечества. Перенос большинства сфер жизнедеятельности человека в Интернет, с одной стороны значительно повышает уровень комфорта жизни населения, однако с другой – позволяет воздействовать на государства с разных уровней. Посредством хакерских и DDoS-атак, в рамках гибридного и информационного противостояния заинтересованные стороны могут значительно затормозить, а в некоторых случаях, полностью остановить деятельность государства в информационном пространстве. Отсутствие доступа к информации и привычным услугам посредством сети Интернет негативно сказывается, как на внутригосударственных процессах государства, так и на массовом сознании людей, которые в силу информационных атак лишены доступа к услугам и информации.

Ярким примером применения DDoS-атак является противостояние стран западного мира с Россией, в рамках гибридной войны, введенной в ответ на начало Россией специальной военной операции на территории Украины. Большое количество существующих информационных сервисов, подвергшихся информационной атаке, на различный период времени перестали работать. Среди них была и система «Единый портал государственных и муниципальных услуг», который подвергался несколько раз DDoS-атакам, в следствии чего процесс предоставления услуг населению усложнился. Помимо этого, также предпринимались попытки к хищению конфиденциальных данных о пользователях «Госуслуг», что в свою очередь напрямую являлось угрозой информационной безопасности страны. Посредством хакерских атак, фишинга злоумышленники получили большой объем информации, который в дальнейшем мог применяться в шантаже конкретных физических лиц, а также оказывать давление на остальное

население. Подобные атаки также совершались и на другие жизненно важные для функционирования системы и жизни граждан, что в свою очередь негативно сказывалось на общей безопасности государства.

Тем не менее, кибер-атаки носят временный характер, в том числе и благодаря своевременной реакции со стороны правительства стран, а также высоким уровнем развития собственного технологического потенциала. Значительно большую угрозу представляют кинетические и информационные войны, которые своей целью ставят не замедление и прекращение информационных процессов в стране, а воздействие на массовое сознание населения.

Информационный вектор гибридных войн по большей степени нацелен на подрыв доверия населения к действующему правительству, формирование и координация протестных настроений, которые в дальнейшем могут использоваться для манипулирования политической элитой и мировым сообществом в целом.

Для достижения этой цели используется дезинформация, активная информационная работа с конкретными категориями граждан, а также манипуляции с конкретными темами, которые могут вызвать массовую общественную реакцию. Подобные инструменты довольно часто применяются в средствах массовой информации, и особенно в социальных сетях. Особое внимание следует уделить социальным сетям, в которых информация распространяется значительно быстрее и подвержена большей вероятности искажения, в особенности гиперболизации изначальной распространенной информации.

Характерной особенностью социальных сетей является то, что они являются не только средствами массовой информации, но и коммуникации [3]. Возможность оставлять реакцию на полученные новости, использование алгоритмов социальных сетей позволяет в должной степени манипулировать информацией и распространять ее на большую аудиторию.

Рассматривая кинетические и информационные войны, которые имеют дело с психологической манипуляцией информацией и воздействием на массовое сознание, следует обозначить разницу в данных направлениях. Если информационные войны относятся к тактическому формату воздействия и носят краткосрочный характер, то кинетические войны больше носят стратегический характер и скорее относятся к долгосрочному планированию. В связи с этими отличиями, качество и уровень информации, подвергающейся искажению, меняется [4].

В краткосрочной перспективе объектом информационного искажения являются актуальные новости, заявления различных политических деятелей и процессы, происходящие в международном пространстве. Примером манипуляции информацией в данном контексте служит ситуация вокруг новости о зверском массовом убийстве израильских младенцев боевиками ХАМАС [2]. Изначально, информация была распространена в средствах массовой информации без предоставления каких-либо доказательств, позже в сети официальными представителями действующего правительства Израиля были опубликованы фотографии, в качестве доказательства заявления. Тем не менее, распространение информации началось значительно раньше, что в свою очередь повлекло за собой реакцию мирового сообщества, как известными политическими деятелями, так и простыми пользователями сети интернет. Более того, опубликованное фото стало также предметом обсуждения и споров, в связи с информацией о том, что официальными представителями государства распространяется фейк, созданный посредством технологий искусственного интеллекта.

Однако, в международном информационном пространстве все чаще звучат новости о поддержке населением разных стран Палестинской стороны в данном конфликте. Примечательно использование социальных сетей в формировании подобного настроения среди населения. Палестинскими блогерами на таких видео платформах как TikTok, YouTube активно распространяются видеозаписи, в которых пользователю демонстрируют

последствия атак на территорию Сектора Газа, жертв, в особенности детей, которые переживают различные эмоции в непростой для населения период. Наибольший отклик со стороны аудитории наблюдается в видео, в которых люди переживают яркие эмоции, такие как отчаяние или страх, или же видеоролики, в которых дети стараются сохранить спокойствие в период наибольшей опасности. Несмотря на то, что призывы к поддержке Палестину в открытую в подобных видео не озвучиваются, активное обсуждение в комментариях приводит к увеличению количества просмотров и росту поддержки со стороны населения других стран Палестины.

Использование информации в подобных форматах воздействия направлено на формирование реакции «здесь и сейчас» и манипуляции населением с целью достижения быстрых результатов. Однако, другой формат информационного противостояния нацелен на достижение результатов в долгосрочной перспективе [6].

Рассматривая кинетические войны, примером манипуляции информацией можно считать переписывание истории, т.е. осознанное искажение известных фактов, которые уже имеют устоявшийся формат хранения. Основной целью подобных информационных атак является молодежь, которая в современных условиях легче поддается внушению и не обладает должным уровнем критического мышления. На примере современной Украины, наблюдается искаженное восприятие таких значимых исторических событий, как Вторая мировая война. Наблюдается большой разрыв между тем, что о данном событии знают старшее поколение и молодежь. Искажение информации на протяжении нескольких десятилетий как раз и стало одним из залогов успеха политического переворота, который произошел на территории Украины в 2014 году.

В данном случае, необходимо отметить сложность противодействия подобным формам манипуляции общественного сознания, так как атакам подвергается самая слабая категория граждан. Успешно понимая и используя основные запросы молодых людей в внутригосударственных условиях,

манипулируя любознательностью молодежи, у государств, заинтересованных в применении информационного воздействия, получается достигнуть долгосрочных результатов в рамках гибридного противостояния.

В контексте гибридных войн, информация представляет собой один из самых универсальных и эффективных инструментов, иначе оружия, для достижения геополитических целей. Особенно опасным, с точки зрения безопасности населения, является именно информационное и кинетическое воздействие. На примере современного сообщества, наблюдаются примеры успешного противостояния экономическому давлению, а также кибер-атакам. Однако, применение информации, в качестве инструмента манипуляций общественным сознанием представляет наибольшую угрозу национальной безопасности государства, а по сему требует особого внимания со стороны правительств стран. Учитывая специфику гибридных войн, особое значение приобретают превентивные меры, особенно связанные с информационной грамотностью и информационной безопасностью. Также требуется активная работа с молодежью, как самой уязвимой категорией населения, в области формирования доверия по отношению к правительству стран.

Список использованной литературы:

1. Артамонов В.А., Артамонова Е.В. Гибридные войны: новые вызовы XXI века // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. №6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-novye-vyzovy-xxi-veka> (дата обращения: 09.12.2023).
2. Баранов А «Израильская Буча»: Чудовищная ложь о 40 обезглавленных младенцах стала оружием в войне [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27567/4835746/?ysclid=lq4bwgb1h4838107631> (дата обращения: 14.12.2023).
3. Ларионова Д.П. Информация как социальное оружие // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-kak-sotsialnoe-oruzhie> (дата обращения: 12.12.2023).
4. Селин И.А. , Фентисов Д.А. Информация - новое оружие массового поражения // Социально-политические науки. 2022. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-novoe-oruzhie-massovogo-porazheniya> (дата обращения: 10.12.2023).

5. Якимчук В. В. Понятие гибридной и информационной войн в российской и зарубежной литературе // Скиф. 2020. №8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gibridnoy-i-informatsionnoy-voyn-v-rossiyskoj-i-zarubezhnoj-literature> (дата обращения: 12.12.2023).

6. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and ‘Trust’ as the Antidote // NATO REVIEW URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Об авторах: ПОГОСОВА Мария Сергеевна – Специалист по УМР 1 категории, Пятигорский государственный университет, pogosova-mari@mail.ru

About the authors: POGOSOVA Maria Sergeevna – Specialist in Educational and Methodological Work 1 category, Pyatigorsk State University, pogosova-mari@mail.ru

**ДИПЛОМАТИЯ «ВСЕХ ТРЕКОВ» КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ
ИНСТРУМЕНТ ПРОЦЕССА МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ
КОНФЛИКТОВ**

Поникаровский Р.О.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**DIPLOMACY OF “ALL TRACKS” AS AN AUXILIARY INSTRUMENT IN
THE PEACEFUL CONFLICT RESOLUTION PROCESS**

Ponikarovskii R.O.

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В данной работе раскрывается значение применения инструментов многоуровневой дипломатии в процессе урегулировании конфликтов. Проанализированы основы теории мультитрековой дипломатии и устойчивого диалога с опорой на реальные переговорные процессы. Автор приходит к выводу, что подобные формы участия не позволяют решить конфликт быстро, однако они направлены на формирование наиболее устойчивого результата, а также на поддержку переговорных процессов.

Abstract. This paper explores the significance of employing multilevel diplomacy tools in the conflict resolution process. The fundamentals of multi-track diplomacy theory and sustainable dialogue are analyzed based on real negotiation processes. The author concludes that such forms of engagement may not lead to a quick resolution of conflicts but are oriented towards establishing the most sustainable outcome and supporting negotiation processes.

Ключевые слова: многоуровневая дипломатия, мультитрековая дипломатия, устойчивый диалог, мирное урегулирование, переговорный процесс.

Keywords: multilevel diplomacy, multi-track diplomacy, sustainable dialogue, peaceful resolution, negotiation process.

Заключение финального соглашения на переговорах далеко не всегда может играть ключевую роль для достижения мира между конфликтующими сторонами, так как мирный договор может не учитывать большое количество скрытых причин, которые могут быть выявлены во время глубокой проработки проблемы в рамках диалога. Кроме того, жизнеспособность

заключаемых на переговорах соглашений нередко находится в прямой зависимости от сложившегося в переговорном процессе уровня доверия между договаривающимися партнерами и их способности взаимодействовать на стадии имплементации достигнутых договоренностей.

Настоящая работа призвана показать значение инклюзивного диалога, а также использования альтернативных треков дипломатии в качестве вспомогательных инструментов переговорного процесса.

Прежде всего, необходимо разобраться в истоках неудач мирных договоров. Главным образом, стоит выделить несколько основных причин. Одна из них - поверхностность достигаемых договоренностей. [7, с. 30] Действительно, одним из главных интересов в урегулировании любого вооруженного конфликта является прекращение боевых действий, однако часто упускаются коренные причины их начала, предпосылки возникновения конфликтов, которые могут вновь обостриться спустя время и привести к эскалации.

Обеспечение максимальной инклюзии в переговорах нередко становится залогом успешного решения подлежащих урегулированию вопросов. Одним из таких примеров может служить опыт, приобретенный в рамках астанинского процесса по урегулированию конфликта на территории Сирийской Арабской Республики. Так, в 2017 году, впервые за все время конфликта, тогда удалось организовать встречу делегации правительства Сирии с представителями вооруженной оппозиции. Это послужило первым шагом для решения вопросов обмена пленными, доставки гуманитарной помощи, а также создания безопасных зон на территории Сирии, что существенно сократило число жертв конфликта [3, с. 5].

Другой причиной низкой эффективности мирных усилий может быть то, что стороны не выполняют условия, на которых было основано заключение мирного соглашения [7, с. 33]. Своего рода подтверждением тому могут служить «минские соглашения», из тринадцати пунктов которых фактически выполнялись только те, что касались обмена пленными. Одной из причин

неудачи данных договоренностей называют нежелание Украины идти на прямой контакт с представителями Донецкой и Луганской Народных Республик, что было одной из ключевых причин недопонимания между сторонами. В итоге «минские соглашения» не смогли ни в коей мере обеспечить даже частичное урегулирование конфликта.

Также значимой причиной малой жизнеспособности мирных соглашений может являться несущественное значение переговоров для вовлеченных в них участников [7, с. 32]. Сам факт переговорного процесса стороны могут воспринимать как войну с помощью других средств, стремясь добиться своих целей вместо того, чтобы искать совместное решение конфликтной ситуации на принципах сотрудничества. Примером в этом контексте может служить приднестровское урегулирование, когда из более чем трехсот достигнутых за столом переговоров соглашений выполняется лишь десятая часть. Здесь нередко соглашения подписывались только для демонстрации договороспособности и под натиском внешних партнеров.

Несмотря на указанные причины, без переговоров устойчивое разрешение конфликта невозможно. Перед учеными и практиками неизменно стоит задача определения имеющихся дополнительных инструментов, позволяющих организовать переговорный процесс более эффективно, и сделать его результат максимально устойчивым.

Этой проблеме посвящены работы ведущих российских и зарубежных ученых и специалистов, задающие теоретическую рамку настоящего исследования. Прежде всего, это труды В. Дэвидсона и Дж. Монтвилля [10], которые положили начало дискуссиям о конкурентоспособности «неофициальных» методов, обозначив «второй трек» дипломатии. Л. Даймонд и Дж. Макдональд расширили данный концепт до многоуровневой дипломатии, в рамках которой исследователи говорят о девяти различных уровнях, включающих большое количество возможных участников дипломатического процесса [8]. Особенно подробно проблема эффективности достигаемых соглашений раскрыта в исследованиях Гарольда Сондерса,

который обобщил богатый практический опыт применения методов устойчивого диалога [4].

В конце прошлого века Л. Даймонд и Дж. Макдональд определили основных участников процессов международного взаимодействия, которые имеют возможность оказывать влияние на ход дипломатического процесса [9].

Первый уровень авторы отводят государству как главному участнику процесса урегулирования конфликта, использующему официальные методы дипломатической деятельности, а также включающему строго регламентированный состав возможных участников переговорного процесса.

На втором уровне, как считают Дж. Макдональд и Л. Даймонд, находятся неправительственные акторы, создающие предпосылки для урегулирования конфликтной ситуации, когда на официальном уровне определенные формальные ограничения не позволяют этого достичь.

«Третий трек» подразумевает взаимодействие бизнес-структур, которое позволяет укрепить экономический потенциал партнерства, возникающего на месте конфликта. Включение данного уровня является одним из инструментов мер укрепления доверия между конфликтующими сторонами, суть которых заключается в реализации совместных проектов, что позволяет мотивировать стороны продолжать сотрудничество.

На четвертом месте в концепции мультитрековой дипломатии – частные лица, инициативы которых на уровне волонтерских организаций, а также путем реализации инструментов гражданской дипломатии, способствуют поддержанию мира.

Пятый уровень включает в дипломатический процесс представителей сферы науки и образования. Совместное проведение исследований, академическая мобильность, а также реализация образовательных программ содействуют мягкому расширению взаимопонимания между субъектами отношений.

Шестой уровень – активизм и общественные движения, охватывающие самые разные вопросы: от экологии до проблемы разоружения, привлекая

внимание широкой общественности, но, в то же время, также воздействуют и на формат проведения внешней политики, формированием повестки со стороны мирных жителей.

«Седьмым треком» авторы концепции называют вовлечение представителей религиозных организаций и религиозных лидеров, которые являются моральными ориентирами для миллиардов людей. Своими заявлениями религиозные представители могут поспособствовать формированию определенного отношения не только широких масс, но и политических элит к тем или иным действиям. Большая часть мероприятий, проводимых вышеназванными уровнями, была бы невозможной без финансирования со стороны представителей «восьмого трека» – меценатов и благотворителей.

На девятом уровне находится крайне актуальное взаимодействие посредством средств массовой информации, которые не только могут передать мнение государства населению, или же, напротив, озвучить общественное мнение, но и лоббировать интересы тех или иных групп [9, с. 68].

Дж. Макдоналд и Л. Даймонд пишут, что все составляющие многоуровневой дипломатии проявляют свою эффективность по отношению к укреплению переговорного процесса в нескольких общих для них форматах [8]:

- каждый из треков тем или иным способом стремится изменить восприятие главной причины конфликта, или же снизить уровень напряжения между сторонами;
- взаимодействие на различных уровнях позволяет укрепить отношения между сторонами благодаря открытию новых каналов сотрудничества и коммуникации;
- деятельность на всех уровнях, в первую очередь, направлена на определение новых системных способов решения конфликтной ситуации;

- лидеры мнений из разных сфер, участвуя в процессе, оказывают влияние на видение конфликтной ситуации, выбирая своей целью привлечение людей к определенной точке зрения;
- мультитрековая дипломатия позволяет прийти к мирному урегулированию теми путями, которые были закрыты для традиционных форм дипломатии;
- задействование каждого трека, главным образом, является диалоговым инструментом, выступающим против проявления насилия;
- на каждом из уровней проблема прорабатывается максимально глубоко, что позволяет обнаружить скрытые на первый взгляд темы, нахождение решения по которым впоследствии позволит сделать будущий мир более устойчивым.

Все большее развитие получает в последние десятилетия такая международная практика, когда в некоторых ситуациях подлежащий обсуждению на переговорах спорный вопрос разделяется на составляющие части, которые отдаются на обсуждение специально созданным рабочим группам. Последние же на своих встречах вырабатывают ряд предложений для последующей передачи на рассмотрение на уровне делегаций конфликтующих сторон. Конечно, наиболее острые моменты всё ещё должны обсуждаться на уровне выше, чем на заседаниях рабочих групп, однако такой инструмент может не только снизить уровень нагрузки на переговорах, но и повысить стабильность переговорного процесса, в случае если из-за расхождения по принципиальным вопросам стороны откладывают проведение новых переговорных сессий.

В целом такая практика хорошо описана Г. Сондерсом, концептуализировавшим теорию устойчивого диалога, которая подразумевает инклюзивность и многоуровневость переговорного процесса [4, с. 382]. В модели Сондерса инклюзивный процесс обеспечивают так называемые «диалоги о мире», которые подразумевают взаимодействие представителей всех заинтересованных групп населения сторон, участвующих в конфликте.

Главной задачей такого формата взаимодействия является определение не только коренных причин конфликтной ситуации, но и выявление всех интересов, которые необходимо учитывать для установление наиболее устойчивого мира впоследствии.

Как пишет Г. Сондерс, такой «устойчивый диалог» позволяет, во-первых, развивать контакты участников до уровня необходимости продолжения взаимодействия, так как вопросы, которые закономерно возникнут после первой встречи, станут повесткой дня на следующей [4, с. 45]. Во-вторых, он обеспечивает широту обладания информацией участников о своих партнерах. А это, свою очередь, обязательно включает в себя интересы, а также ключевые «боли» сторон, что позволяет определить истинные причины занимаемой ими позиции. Скорее всего, стороны смогут определить совершенно неожиданные для себя перспективы совместной работы [4, с. 45].

Первым испытанием такого подхода, по мнению Г. Сондерса, стало межтаджикское урегулирование. Противоречия в рамках конфликта в Таджикистане возникали не только между этносами или конфессиями, но и между различными кланами внутри страны, усугубляясь из-за идеологических и культурных причин. В связи с многогранностью кризиса начало переговоров на официальном уровне не представлялось возможным, поэтому взаимодействие в форме устойчивого диалога оказалось удачным решением проблемы. Внедрения всех описанных выше принципов принесло свои ощутимые результаты.

Так, прежде всего, за первый год взаимодействия произошла трансформация отношения участников диалога друг к другу. За шесть трехдневных сессий в течение года они прошли путь от открытой неприязни друг к другу до полноценного сотрудничества по согласованию общего финального документа [4, с. 159]. В данном случае ответом на вопрос: «как устойчивый диалог может помочь переговорному процессу?» является переход сторон от конфронтации к стремлению начать переговорный процесс по нахождению возможностей для совместного преодоления проблем.

Кроме того, участники начали совершенно по-новому воспринимать сам процесс урегулирования конфликта. Они самостоятельно пришли к осознанию многогранности вопроса и необходимости уделить внимание различным измерениям конфликта, в связи с чем стороны пришли к созданию рабочих групп, в рамках которых будут изучены вопросы организации условий по возвращению беженцев, реструктуризации экономики, острой проблемы разоружения, а также создания новой конституции. Важным моментом является определение состава данных рабочих групп: туда входили не только представители правительства и оппозиции, но и делегаты от местного самоуправления [4, с. 159]. В совокупности все эти условия привели к осознанию важности сотрудничества в конфликтной ситуации, а также к видению перспективы мирного урегулирования. В последствии участниками междатджикского диалога даже была создана собственная неправительственная организация под названием: «Общественный комитет по содействию демократическим процессам в Таджикистане», которой, в итоге, было полностью передано руководство процессом урегулирования конфликта [4, с. 250].

Экспертные рабочие группы функционируют и в рамках урегулирования конфликта между Молдовой и Приднестровьем. Переговорный процесс между сторонами на первом треке нельзя назвать стабильным и устойчивым, однако отраслевые рабочие группы, включающие в свой состав профильных, отраслевых экспертов обеих сторон конфликта, продолжают взаимодействие. Благодаря внедрению данного уровня в процесс урегулирования, между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова продолжают контакты по вопросам здравоохранения, экономики, экологии, образования, деятельности правоохранительных органов и многих других важных аспектах жизни граждан, даже если стороны фактически отказывались от переговоров, что подтверждает эффективность подобных методов [5]. Во время самой длительной паузы в переговорном процессе с 2006 по 2011 год функционировало только неформальное

взаимодействие между дипломатами, «оттепелью» в данном случае стало подписание первого на высшем уровне соглашения о структуризации экспертных групп в рамках программы мер укрепления доверия. На сегодняшний день встречи проходят не так регулярно, как, скажем в 2018 году, когда наблюдался пик взаимодействия рабочих групп. Однако данный формат продолжает работать, предоставляя сторонам возможность продолжения сотрудничества по многим направлениям.

Существуют и другие формы реализации мультитрековой дипломатии, которые нередко служат вспомогательными для переговоров. К таким можно отнести и практику мер укрепления доверия, которая позволяет сторонам наладить диалог путем реализации совместных проектов. Как указывает Н. Шевчук, меры укрепления доверия представляют собой хорошо апробированный инструмент, используемый международными участниками для примирения в этнополитических конфликтах в различных регионах мира, включая Балканы, Южный Кавказ, Донбасс [6, с. 42]. В Приднестровье меры укрепления доверия не ограничены рамками переговорного процесса и могут быть применены в ходе прямого взаимодействия международных игроков со сторонами конфликта вне существующих дипломатических форматов [6, с. 43]. В 2016 году участники переговорного процесса по приднестровскому урегулированию согласовали восемь направлений деятельности, по которым договорились сотрудничать для создания более благоприятного контекста процесса урегулирования конфликта.

В последние годы мы наблюдаем все более сложные и многогранные конфликты, решение которых исключительно с помощью традиционных дипломатических методов может быть не самым эффективным. Сторонами конфликта все чаще становятся такие новые акторы, как вооруженная оппозиция, политическое взаимодействие с которыми может быть осложнено, а официальная дипломатия - ограничена. В таких случаях, по мнению М. Архиповой, инструменты неофициальной дипломатии становятся мощным вспомогательным элементом, предоставляя сторонам возможность

взаимодействия через альтернативные каналы [2, с. 119]. Это позволяет не только обеспечить инклюзивный процесс, формирующий устойчивый мир, благодаря глубокой проработке среди различных общественных групп, но и предложить новые пути решения вопросов гуманитарной помощи, обмена пленными и создания деэскалации, что позволяет начать спасать жизни людей как можно раньше.

Вспомогательным элементом процесса также может секретность переговорного процесса. Именно благодаря стремлению избежать огласки факта переговоров в Осло в 1993 году между представителями Израиля и Организации Освобождения Палестины впоследствии привело стороны к определенному прогрессу в отношениях, итогом которого стало подписание Декларации о принципах мира с последующим рукопожатием между лидерами сторон [1, с. 4].

Результат подобных процессов часто не является очевидным, и, действительно, подобные инструменты не всегда направлены на ускорение процесса принятия решений. Весь формат скорее нацелен на более устойчивые последствия мирного разрешения конфликтной ситуации, так как стороны сотрудничают и вырабатывают новые формы взаимодействия, а не просто идут на взаимные уступки. Именно время на проявление последствий является главной неизвестной в решении уравнения мирных переговоров. Однако, чем больше времени стороны потратят на изучение интересов друг друга, тем больше возможностей получения наиболее полной картины интересов своих партнеров они обретают. Это позволяет вырабатывать основанное на совпадающих интересах переговорное пространство, поспособствовать его расширению, или же, укреплять уже имеющиеся результаты сотрудничества.

В некоторых процессах, таких как межтаджикское урегулирование, применение инструментов неофициальной дипломатии идет «как по учебнику», в ходе чего конфликт удается не только разрешить, но и создать новую прочную базу для дальнейшего взаимодействия. В некоторых случаях, соглашения становятся нежизнеспособными по ряду причин: от изначального

предвзятого отношения к факту переговорного процесса до фактического нежелания исполнять условия договора.

Переговоры, которые основаны на ультиматуме, скорее всего, будут обречены на неудачу, ровно так же, как и переговоры, основанные на уступках, которые не смогут быть выполнены из-за большей глубины конфликта и конфликта с интересами вовлеченных групп населения. Устойчивый результат переговоров будет возможен только тогда, когда он будет представлять собой не обмен позициями и угрозами между соперниками, лавирующими среди возможностей полной победы, а углубление доверия между партнерами, осуществляющими поиск совместного решения возникшей проблемы, а также её проработку на всех актуальных уровнях.

Именно в этой связи актуальность форм применения методов неофициальной дипломатии с задействованием «всех треков» не только в переговорном процессе, но и в политическом взаимодействии между странами, будет непременно расти, хотя выработка окончательных и всеобъемлющих решений все равно будет отнесена на официальный уровень.

Список использованной литературы:

1. Абрамов С.М. Израиль и Палестина: испытание переговорным процессом (на примере «Осло-1» и «Осло-2») // ИСОМ. 2016. №4-1.
2. Архипова, М. Взаимодействие официальной и неофициальной дипломатии / М. Архипова // Обозреватель. – 2007. – № 1(204). – С. 114-120.
3. Жансугурова Ж. А., Жумабекова А. А. Роль Астанинского процесса в урегулировании Сирийского конфликта // Власть и общество. – 2020. – №. 4. – С. 4-7.
4. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформации и изменения / Гарольд Г. Сондерс / Пер. с англ. И. В. Поляничевой; Под науч. ред. А. Г. Аксенёнка, И. Д. Звягельской. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. — 382 с
5. Шевчук Н.В. Приднестровское урегулирование в условиях COVID-19: старый болезни, новый диагноз. Аналитическая статья РСМД от 29.05.2020

6. Шевчук, Н. Тактика малых шагов в урегулировании конфликтов: казус Приднестровья / Н. Шевчук // Международные процессы. – 2022. – Т. 20. – № 1(68). – С. 38-54.
7. Blunck M. et al. National Dialogue Handbook: A guide for practitioners //Berlin: Berghof Foundation. https://www.berghoffoundation.org/fileadmin/redaktion/Publications/Other_Resources/NationalDialogue/BF-NationalDialogue-Handbook.pdf. – 2017.
8. Dr. Louise Diamond and Ambassador John McDonald. Multi-Track Diplomacy: A Systems Approach to Peace. Third Edition. West Hartford, CT: Kumarian Press. 1996.
9. McDONALD, John W. (2012). “The Institute for Multi-Track Diplomacy” Journal of Conflictology. Vol. 3, Iss. 2, pp. 66-70
10. William D Davidson and Joseph Montville. Foreign Policy According to Freud // Foreign Policy, 1981

Об авторе: ПОНИКАРОВСКИЙ Роман Олегович – магистрант, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: ponikrmn@gmail.com

About the author: PONIKAROVSKII Roman Olegovich – Master’s degree student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: ponikrmn@gmail.com

УДК: 323.2, 327

МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ НАРКОТРАФИКУ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ЛОПЕСА ОБРАДОРА

Проказникова Е.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

METHODS OF COUNTERING ILLEGAL DRUG TRAFFICKING DURING THE PRESIDENCY OF LOPEZ OBRADOR

E.S. Prokaznikova

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod

Аннотация:

Данная статья посвящена теме «Методы противодействия незаконному наркотрафику в период президентства Лопеса Обрадора». Мексика всегда занимала главенствующую роль в борьбе с наркоторговлей, имеющей транснациональный характер, и в период правления Лопеса Обрадора Мексика начала реализовывать более современные методы борьбы с угрозой наркотиков в регионе. Данный доклад рассмотрит основные инструменты противодействия наркоторговле, а также последствия незаконного наркотрафика для региона.

Ключевые слова: Мексика, Лопес Обрадор, наркотрафик, Латинская Америка, незаконный бизнес

Abstract:

This is devoted to the topic "Methods of countering illegal drug trafficking during the presidency of Lopez Obrador." Mexico has always played a dominant role in the fight against drug trafficking, which is transnational in nature, and during the reign of Lopez Obrador, Mexico began to implement more modern methods of combating the threat of drugs in the region. This report will examine the main tools for countering drug trafficking, as well as the consequences of illegal drug trafficking for the region.

Keywords: Mexico, Lopez Obrador, drug trafficking, Latin America, illegal business

Мексика занимает главенствующую роль в борьбе с наркоторговлей, которая на протяжении десятилетий остается значительной проблемой для

всего региона. В то же время, Мексика не только является крупнейшим поставщиком наркотических веществ в США и другие регионы всего мира, но и служит их производителем и потребителем, что усугубляет масштабы наркобизнеса. Данная статья рассмотрит основные стратегии борьбы с незаконной торговлей наркотиками и преступностью в Мексике в период с 2018 по 2023 год. В методологических рамках исследования используется системный подход и проводится комплексный анализ последствий и методов борьбы с рассматриваемой проблемой. В статье разбираются результаты активности преступных группировок и способы противостояния картелям, такие как усиление безопасности и социальные реформы.

Проблема контрабанды наркотиков является одной из ключевых для Мексики, поскольку она подрывает стабильность не только внутри страны, но и во всем регионе. Так, торговля наркотиками давно перестала быть основным направлением деятельности мафии: преступные группировки занимаются перевозками нелегальных мигрантов из самой Мексики и других стран Центральной Америки, торговлей оружием, похищением людей, детской проституцией, контрабандой бензина, торговлей органами и прочими видами криминального бизнеса. [3] Это провоцирует высокие показатели преступности в Мексике.

Также картели формируют собственный рынок труда, что, в свою очередь, формирует лояльность местного населения к наркоторговцам, поскольку содействие этому бизнесу представляется людям более выгодным занятием, чем обычный труд или сотрудничество с государством. Из-за недостаточно развитой инфраструктуры и поставок большого количества сельскохозяйственной продукции из США местные производители не видят смысла в выращивании различных культур. Более 500 тысяч человек трудоустроены в наркобизнесе, и большинство из них занято в сельском хозяйстве — фермеры выращивают и продают сырье для наркотиков. [3]. Само государство вынуждено выделять огромные суммы из бюджета на борьбу с наркоторговлей, в то время как эти деньги могли бы быть направлены на

улучшение инфраструктуры, повышение уровня образования и борьбу с бедностью, которые являются важными факторами развития картелей. И организованная преступность, и борьба с ней повышают уровень насилия в стране, подрывая внутреннюю стабильность и безопасность, при чем зачастую операции по противодействию деятельности картелей не имеют успеха, а только раскручивают спираль насилия в Мексике. Также важно упомянуть, что картели повышают уровень коррупции, привлекая в ряды наркоторговцев чиновников, полицию и правоохранителей, что также затрудняет борьбу с преступностью.

Действительно, долгое время вооруженное противодействие преступности было основным методом устранения картелей. Однако, это не только не спасло страну от насилия, но привело к еще большему его разжиганию. С нынешним президентом АМЛО связана попытка смены парадигмы, поскольку еще во время своей предвыборной программы он пообещал сосредоточиться на экономическом развитии страны и искоренить причины растущей преступности и насилия. В первую очередь, представлялось необходимым сосредоточиться на структурных причинах проблемы с помощью новых методов, которые включают в себя борьбу с неравенством и бедностью, разграблением ресурсов страны и вмешательством в ее внутренние дела. Конкретные меры включали в себя повышение заработных плат сотрудникам правоохранительных органов, социальные реформы и борьбу с зависимостью и коррупцией. [4] Было объявлено о старте стипендиальных программ для молодежи, которые должны поспособствовать вовлечению молодых людей в образовательные процессы. Согласно мексиканскому правительству, такие программы не только формируют поддержку властей среди населения, но и являются превентивными мерами по вовлечению в преступность несовершеннолетних и студентов.

Несмотря на заявления о переходе к демилитаризации, названной стратегией «Объятия, а не пули» (*Abrazos, No Balazos*), число убийств в стране продолжает расти. Вначале президентского срока Обрадора было

провозглашено снижение преступности, на деле показатели продолжают расти, достигая рекордных точек. Одновременно с этим, 97% правонарушений остаются нераскрытыми, а сами правоохранители зачастую подвергаются опасности, поскольку количество убийств представителей силовых структур увеличивается. [2]

Лопес Обрадор изменил подход, когда увидел неэффективность государства перед наркокартелями и их влиянием. Уже в 2019 году он создал Национальную гвардию, которая по первоначальной задумке должна была увести солдат с улиц страны, поскольку ее должны были возглавлять гражданские лица. Инициатива сразу была раскритикована, поскольку в процессе реализации инициативы стало ясно, что НГ является той же армией, просто в другой форме — значительная часть персонала была набрана из мексиканских вооруженных сил, что делает из нее военное формирование.

Однако, после массовых беспорядков и вспышек насилия в 2022 году, когда вооруженные банды устраивали столкновения в многих регионах страны, власти усилили контроль, а Национальная гвардия была передана в ведение армии и будет патрулировать города до 2028 года. За соответствующее решение проголосовала Нижняя палата Конгресса Мексики. [1]

В то же время, Мексика стремится сократить военное вмешательство со стороны США. Несмотря на то, что план Мерида оказал огромное влияние на борьбу с организованной преступностью, с приходом Лопеса Обрадора он начал терять свою значимость из-за попытки отказа АМЛЮ от сотрудничества путем применения силы в пользу сотрудничества путем развития. Одной из целей отказа от Инициативы Мерида является сокращение зависимости от США и уровня вмешательства во внутренние дела Мексики. Однако, через год после отмены инициативы Мерида, было принято новое соглашение о сотрудничестве, приуроченное к двухсотлетию американо-мексиканских отношений, с акцентом на здравоохранение и образование, а также точечные нападения лаборатории по производству наркотиков, ликвидация

наркобаронов, предотвращение трансграничной преступности [7]. По сути, новое сотрудничество мало отличается от старого, поскольку и цели, и методы остаются теми же.

Также Мексика относится к одной из стран региона, в которой декриминализовали хранение некоторых наркотических веществ в малых количествах (с 2008 года разрешены хранение и транспортировка 2 г опия, 50 мг героина, 5 г марихуаны, 0,5 г кокаина, 40 мг метамфетаминов и 15 мкг ЛСД [5]) Эта мера должна предотвратить криминализацию наркозависимых и предотвратить их попадание в преступный мир. Лопес Обрадор продвинул эту идею дальше – так, президент содействует легализации производства и употребления марихуаны в рекреационных целях с целью сократить черный рынок наркобизнеса.

Таким образом, мы видим, что наркотрафик и организованная преступность остаются острой и неразрешимой проблемой. В данном случае правительству необходим комплексный подход. Невозможно представить преодоление влияния и власти вооруженных группировок полностью мирными методами, однако важно учитывать, что бандитизм удастся победить только если власти смогут улучшить экономическое положение народа, побороть нищету и безработицу. В то же время, для коренного решения проблемы необходимы системные изменения в сфере образования, безопасности и здравоохранения. Однако, признание того факта, что беззаконие в стране это в первую очередь социальная проблема, а потом уже вопрос безопасности, уже является шагом на пути к снижению преступности.

Список использованной литературы:

1. Спицын А. Г. «ЛЕВЫЙ» ПРЕЗИДЕНТ МЕКСИКИ ЛОПЕС ОБРАДОР / А. Г. Спицын // Вестник МГЛУ. Общественные науки. — 2021. — № Вып. 1 (842).
2. Пупышева Мария, Артем Зуев Внутривластная конъюнктура современной Мексики: состояние и перспективы развития / Мария Пупышева,

Артем Зуев // АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. — 2023. — № №2(67).

3. Марчук Н.П. Влияние транснационального наркобизнеса на экономику и безопасность Мексики / Н.П.Марчук // Латинская Америка. — 2021. — № № 1/2022 .

4. Школяр Николай Андреевич «Четвертая трансформация» в Мексике и перспективы ее продолжения / Николай Андреевич Школяр [Электронный ресурс] // РСМД : [сайт]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chetvertaya-transformatsiya-v-meksike-i-perspektivy-ee-prodolzheniya/?sphrase_id=111868099 (дата обращения: 14.12.2023).

5. Шарафутдинов Д. Р., Хасанова К. Э. Компаративный анализ наркополитики Российской Федерации, Мексики и Португалии // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 2(31). С. 11-11. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-2-11-11>.

6. Luis Miguel Morales Gámez The Desecuritization Of Drug Trafficking In Mexico Under The Amlo Administration / Luis Miguel Morales Gámez // Janus.Net, e-journal of International Relations. — 2022. — № Vol. 13, №. 1.

7. Stephanie Brewer The Bicentennial Framework: opportunities and challenges as U.S.-Mexico security cooperation begins a new chapter / Stephanie Brewer [Электронный ресурс] // WOLA : [сайт]. — URL: [/www.wola.org/analysis/the-bicentennial-framework-opportunities-and-challenges-as-u-s-mexico-security-cooperation-begins-a-new-chapter/](http://www.wola.org/analysis/the-bicentennial-framework-opportunities-and-challenges-as-u-s-mexico-security-cooperation-begins-a-new-chapter/) (дата обращения: 14.12.2023).

Об авторах: ПРОКАЗНИКОВА Екатерина Сергеевна – студент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, e-mail: ekatherina.prokaznikovaaa@gmail.com

About the authors: PROKAZNIKOVA Ekaterina Sergeevna – student, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, e-mail: ekatherina.prokaznikovaaa@gmail.com

**ПОНЯТИЕ И ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА И АНТИТЕРРОРИЗМА В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ**

Симонова Э.Ю.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**THE NOTION OF TERRORISM AND ANTITERRORISM IN THE
MODERN WORLD. A UNITED STATES PERSPECTIVE**

E.Yu. Simonova

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В начале XXI века терроризм стал угрозой мировой безопасности вследствие глобализации и «глобальной войны с террором». Новый характер угрозы требует развития международного антитеррористического сотрудничества и выработки его основных принципов и понятий. Данная задача затруднена рядом обстоятельств, среди которых высокая политизация понятия терроризма, усугубленная американской антитеррористической кампанией.

Abstract. Terrorism has become a threat to international security at the beginning of the 21st century due to globalization and the Global War on Terrorism. A new nature of the threat requires development of international counterterrorism cooperation and elaboration of its main principles and definitions. There are several obstacles to it comprising a highly politicized notion of terrorism aggravated by the US counterterrorism campaign.

Ключевые слова: терроризм, определения терроризма, типология терроризма, антитерроризм, американская антитеррористическая стратегия, понятие насильственного экстремизма, американская президентская антитеррористическая риторика.

Keywords: terrorism, definitions of terrorism, types of terrorism, antiterrorism, the US counterterrorism strategy, notion of violent extremism, the US presidential rhetoric on counterterrorism.

В начале XXI века террористическая угроза сильно изменилась. Связано это не только с появлением т.н. супертерроризма в лице транснационального вооруженного радикально-исламистского движения, которое по-прежнему

представляет угрозу мировой безопасности, но и с масштабной транснационализацией терроризма как такового, которая началась еще раньше.

Согласно Глобальному индексу терроризма 2023, в 2022 году жертвами терактов стали 6 701 человек, что ниже пиковых значений 2015 года на 38% [3]. В то же время «Исламское государство» (террористическая группировка, запрещена в России) и связанные с ним группировки по-прежнему превосходят другие террористические организации по числу жертв – вопреки военному поражению иГИЛОВЦЕВ в 2017 году.

Новый характер террористической угрозы требует развития международного антитеррористического сотрудничества, чему способствовала бы выработка общепринятых определения и типологии терроризма.

Выработка таких определений, однако, затруднена в связи с многообразием форм и типов терроризма, а также с высокой политизированностью этого термина. Объявленная Вашингтоном в 2001 году «глобальная война с терроризмом» данную проблему лишь усугубила.

Первые классификации террористических движений были разработаны в 1970-80-ые гг.: они представляли собой, в основном, категоризации по типам акторов (государственные и негосударственные), по политической ориентации (национально-освободительные движения, право- и леворадикальные группировки, религиозные группы и др.), либо по преследуемым целям [7, pp. 39–59].

После терактов 11 сентября 2001 г. на первый план вышло деление терроризма на международный и внутренний типы. Сегодня такое разделение представляется устаревшим, поскольку большинство группировок транснационализировали отдельные аспекты своей деятельности.

Другая широко используемая типология основана на классификации по доминирующей мотивации террористической группировки: здесь выделяются

социально-политический, националистический и религиозный типы терроризма.

Среди прочих современных типологий терроризма отметим классификации по количеству и видам применяемых сил и средств, а также территории охвата. По видам применяемых средств часто отдельно выделяют кибертерроризм, вокруг понятия которого в научном сообществе ведутся ожесточенные споры.

Высокий уровень транснационализации терроризма повлек за собой создание универсальной правовой базы, посвященной борьбе с данным феноменом. Противодействие терроризму нацелено главным образом на предотвращение терактов и превентивную дестабилизацию террористических организаций. В то же время проблематика превентивных мер остается недостаточно изученной.

Как можно оценивать эффективность борьбы с терроризмом? Посредством подсчета терактов и их жертв: чем их меньше, тем эффективнее стратегия. В действительности, изменение числа терактов может быть связано с изменениями внутри террористической организации, а не с действиями государства. Большое количество жертв теракта может лишить террористическую организацию поддержки представителей референтных групп. Другой наиболее распространенный метод оценки связан с количеством арестов членов террористических группировок. В опубликованном в 2006 году американским правительством докладе «Спустя 5 лет после терактов 11 сентября: успехи и вызовы» говорится, что аресты руководства и членов «Аль-Каиды» свидетельствует об успехах «глобальной войны с террором» [2]. В действительности, глобальная война с терроризмом лишь способствовала его увеличению в мире.

В американском федеральном законодательстве существует несколько определений терроризма: одно содержится в Федеральном кодексе (22 U.S. Code § 2656f, U.S.C.) и определяет его как «предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое группировками

субгосударственного уровня или нелегальными агентами против невоенных целей, чтобы воздействовать на соответствующую аудиторию» [6]. Другое определение содержится в Кодексе Федеральных Постановлений США: «Терроризм – это незаконное применение силы и насилия против лиц или собственности с целью запугать или принудить правительство, гражданское население или любую их часть в рамках достижения политических или социальных целей» [11].

После терактов 11 сентября 2001 г. в США произошел настоящий сдвиг в восприятии террористической угрозы – пересмотрены понятия внутреннего и внешнего терроризма и введен термин «международный терроризм». Все это в совокупности обеспечило Вашингтону большую гибкость в применении концепции терроризма в соответствии со своими интересами.

До терактов 11 сентября террористическая угроза в США делилась на «внутреннюю» и «внешнюю» (пришлую). Под последней понимались атаки на США со стороны иностранцев – отдельных террористов, террористических организаций или поддерживающих их правительств. После упомянутых событий в основу разделения был положен критерий совершения такого нападения в пределах территориальной юрисдикции США («внутренний» терроризм) или за ее пределами («международный» терроризм).

Согласно принятому 26 октября 2001 г. Закону «Объединяя и укрепляя Америку путем предоставления необходимых средств для предотвращения и воспрепятствования терроризму», под «внутренним» терроризмом понимается «деятельность, А) несущая опасность для человеческой жизни и представляющая собой нарушение уголовного законодательства США или какого-либо штата; Б) замышляющаяся, очевидно, для того, чтобы – запугать или принудить мирное население, – повлиять на политику государства путем запугивания или принуждения, – или воздействовать на политику государства, совершая массовые разрушения, убийства или похищения людей; В) совершающая прежде всего в пределах территориальной юрисдикции США» [9].

Под «международным» терроризмом, согласно Федеральному кодексу США, понимаются «акты насилия или действия, ставящие под угрозу человеческую жизнь, которые являются нарушением уголовного законодательства США, либо одного из американских Штатов, или которые могли бы стать уголовным преступлением, если бы были совершены в пределах юрисдикции США или одного из американских Штатов; которые направлены на запугивание или принуждение гражданского населения, а также на то, чтобы повлиять на политику правительства путем запугивания или принуждения; или на то, чтобы повлиять на поведение правительства посредством массовых разрушений, убийств, похищений людей; и которые совершаются преимущественно за пределами американской территориальной юрисдикции или выходят за национальные границы за счет средств, которыми они осуществляются, лиц, которые подвергаются запугиванию или принуждению, или мест, где злоумышленники действуют или ищут убежища» [10].

Такое прочтение понятия международного терроризма фактически придает американскому антитеррористическому законодательству экстерриториальный характер. Таким образом, любая террористическая деятельность, определяемая таковой с точки зрения американского законодательства, классифицируется как преступление вне зависимости от места своего совершения и от того, направлено ли оно против граждан или собственности США.

Неоднозначные итоги «глобальной войны с терроризмом» способствовали разработке концепции «противодействия насильственному экстремизму» (далее – ПНЭ) в годы президентства Б. Обамы. Как и в случае с понятием терроризма, термин «насильственный экстремизм» также не имеет общепринятого определения. В США также не существует единого правового понятия экстремизма. Согласно определению, данному в сентябре 2011 г. в документе Агентства США по международному развитию «Меры реагирования в области развития на насильственный экстремизм и

повстанческие движения. Воплощение принципов на практике», под насильственным экстремизмом понимается «пропаганда, участие, подготовка или другая форма поддержки идеологически мотивированного или оправдываемого насилия для содействия достижению социальных, экономических и политических целей» [1].

Ключевыми особенностями были упор на несиловые аспекты антитерроризма, а также повышение внимания к «доморощенному» экстремизму в США. В то же время сдвиг к ПНЭ на уровне дискурса на практике не означал отхода от опоры на военно-силовую составляющую стратегии США по борьбе с терроризмом.

Американская антитеррористическая стратегия демонстрирует гораздо большую преемственность, чем может показаться. Изменение президентской антитеррористической риторики, подкрепленное сменой соответствующей терминологии, было призвано решать определенные политические задачи, зачастую не связанные непосредственно с противодействием терроризму.

На фоне критике ПНЭ Президент США Д. Трамп отошел от разговоров о противодействии насильственному экстремизму и сосредоточился в рамках своих выступлений на жестких мерах по борьбе с джихадизмом при отходе от приоритетности смены неудобных режимов.

Впоследствии по мере нарастания праворадикальной и снижения джихадистской угроз на территории США, усиления раскола в американском обществе антитеррористическая риторика нового Президента США Дж. Байдена снова изменилась. Спустя почти 20 лет после начала войны с «международным» терроризмом впервые во главу угла было поставлено противодействие «внутреннему» терроризму в лице расово или этнически мотивированных насильственных экстремистов и антиправительственных или противостоящих власти насильственных экстремистов, которые, согласно терминологии ФБР, относятся к внутренним насильственным экстремистам [5]. Под последними понимаются «лица, находящиеся или действующие преимущественно в пределах США или их территорий без указаний или

влияния со стороны иностранной террористической группировки или другого зарубежного государства, которые стремятся к продвижению политических или социальных целей посредством незаконного применения силы или насилия» [4]. Именованные внутренними террористами лиц, сопротивляющихся властям, воспринимается многими исследователями по меньшей мере избыточным.

Джихадистская угроза в Стратегии вынесена за скобки. Впоследствии ФБР отнесло ее к «доморощенному насильственному экстремизму» и к главной международно-террористической угрозе США. Под доморощенными насильственными экстремистами ФБР понимает «лиц любой национальной принадлежности, которые живут или действуют преимущественно в пределах США или их территорий, которые продвигают, участвуют или готовятся к участию в идеологически мотивированной террористической деятельности по достижению политических или социальных целей, продвигаемых иностранной террористической организацией, но которые действуют самостоятельно – без указаний со стороны иностранной террористической организации» [4].

Администрация Президента США Дж. Байдена фактически заявила о завершении «глобальной войны с терроризмом» и переходе к следующему этапу в американской антитеррористической стратегии, который, по ее словам, будет сконцентрирован на внутреннем насильственном экстремизме. При этом недавно в американскую антитеррористическую риторику вновь вернулся разговор о международной террористической угрозе американской национальной безопасности.

Другим примером избирательного подхода к использованию терминологии из области борьбы с терроризмом служит отход на уровне политологического дискурса от строгого именованья террористическими некоторых группировок, которые включены в американский список террористических организаций. Речь, в частности, идет о террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам» (группировка запрещена в России и

признана террористической). В американском политологическом сообществе последние годы «Хайят Тахрир аш-Шам» именуется в первую очередь как «оппозиционная сила в Сирии, стремящаяся свергнуть режим Б.Асада» и лишь затем как «назначенная террористической» [8].

Таким образом, несколько определений терроризма и изменчивая терминология способствуют большой гибкости в реагировании Вашингтона на актуальные угрозы американским интересам, формируя политически мотивированные векторы противодействия терроризму. При этом необходимо отметить, что зачастую данные векторы направлены не только на борьбу с реальными угрозами, но и в целом способствуют отработке вопросов внутривластной и международной повестки США.

Список использованной литературы:

1. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. Putting Principles into Practice. USAID Policy. September 2011. URL: https://2012-2017.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/VEI_Policy_Final.pdf (дата обращения: 21.11.2023).
2. 9/11 Five Years Later: Successes and Challenges. September 2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/documents/organization/72027.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).
3. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2023: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney, March 2023. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-web-170423.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).
4. MIL-OSI Security: Threats to the Homeland. Source: Federal Bureau of Investigation FBI Crime News, Statement for the record. MIL-OSI Publisher, November, 1, 2023. Foreign Affairs.co.nz. URL: <https://foreignaffairs.co.nz/2023/11/01/mil-osi-security-threats-to-the-homeland/> (дата обращения: 23.11.2023).
5. National Strategy For Countering Domestic Terrorism. June 2021. National Security Council. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/National-Strategy-for-Countering-Domestic-Terrorism.pdf> (дата обращения: 11.08.2021).
6. Patterns of Global Terrorism 2001. United States Department of State. Washington, DC, 2002. URL:

<https://www.stat.gov/documents/organization/10319.pdf> (дата обращения: 27.05.2018).

7. Schmid A.P., Stohl M. and Flemming P. Typologies. In Schmid A.P. et al., Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. Amsterdam: North-Holland, 1988.

8. Stanford, Center for International Security and Cooperation, Freeman Spogli Institute for International Studies. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/hayat-tahrir-al-sham> (дата обращения: 27.11.2023).

9. Uniting And Strengthening America By Providing Appropriate Tools Required To Intercept And Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act Of 2001. Section 802. URL: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

10. 18 US Code Chapter 113b-Terrorism. Title 18 «Crimes and criminal procedure». Part I – Crimes. Section 2331. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title18/part1/chapter113B&edition=prelim> (дата обращения: 05.08.2021).

11. US Code of Federal Regulations, 28 C.F.R. Section 0.85. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/CFR-2010-title28-vol1/CFR-2010-title28-vol1-sec0-85> (дата обращения: 17.11.2023).

Об авторах: СИМОНОВА Эллада Юрьевна – соискатель ученой степени кандидата политических наук, стажер, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: Romanova.ellada@gmail.com

About the authors: SIMONOVA Ellada Yuryevna – Postgraduate student, intern, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: Romanova.ellada@gmail.com

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
НАТО 2010 И 2022 ГГ.**

Скрипченко А.В.

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва

**COMPARATIVE ANALYSIS OF 2010 AND 2022 NATO STRATEGIC
CONCEPTS**

A.V. Skripchenko

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba, Moscow

Аннотация: В статье автор предпринял попытку сравнить две концепции НАТО 2010 и 2022 гг. Актуальность темы исследования определяется нарастанием напряженности в сфере безопасности, а также необходимостью проследить, каким образом нестабильная международная обстановка повлияла на вектор развития Североатлантического альянса. Научная новизна состоит сопоставлении двух концепций, обнаружении изменений в подходе НАТО к обеспечению евроатлантической безопасности и адаптации к новым угрозам. Автор полагает, что концепция 2022 стала отражением нового этапа эволюции НАТО. Характерными чертами этого этапа стали превращение Альянса в глобальную организацию, выходящую за рамки своей основополагающей задачи по обеспечению обороны своих членов, а также становление НАТО более враждебной по отношению к России и Китаю. Напряженность в отношениях России с западными странами, экономический подъем КНР, а также развитие новых технологий – все это стало представлять угрозу странам НАТО. Отличия новой Стратегической концепции от предыдущей заключаются в возвращении НАТО к подходам обеспечения безопасности своих членов периода холодной войны, а также в стремлении альянса стать глобальной организацией, пытающейся сохранить доминирующее положение Запада.

Abstract. In the article, the author made an attempt to compare the two concepts of NATO 2010 and 2022. The relevance of the research topic is determined by the increasing tension in the security sphere, as well as the need to trace how the unstable international situation affected the vector of development of the North Atlantic Alliance. The scientific novelty consists in comparing the two concepts, detecting changes in NATO's approach to ensuring Euro-Atlantic security and adapting to new

threats. The author believes that the concept of 2022 has become a reflection of a new stage in the evolution of NATO. The characteristic features of this stage were the transformation of the Alliance into a global organization that goes beyond its fundamental task of ensuring the defense of its members, as well as the formation of NATO more hostile towards Russia and China. Tensions in Russia's relations with Western countries, the economic rise of China, as well as the development of new technologies – all this has become a threat to NATO countries. The differences between the new Strategic Concept and the previous one is NATO's return to the approaches of ensuring the security of its members during the Cold War, as well as the alliance's desire to become a global organization trying to maintain the dominant position of the West.

Ключевые слова: НАТО, евроатлантическая безопасность, концепция, геополитическое соперничество, США, Россия, Китай.

Keywords: NATO, Euro-Atlantic security, concept, geopolitical rivalry, USA, Russia, China.

Теоретико-методологические рамки исследования. В работе были использованы общенаучные инструменты, в частности, контент-анализ, а также дескриптивный и сравнительные методы исследования.

Исследовательская проблема заключается в определении того, как изменения международной обстановки отразились на стратегических концепциях НАТО и в чем состоят их основные отличия.

Североатлантический альянс с момента своего создания периодически трансформировал свое стратегическое видение евроатлантической безопасности. Условно эти трансформации ученые разделяют на несколько этапов: период «холодной войны», период после ее окончания, период после 2001 г., обусловленный новыми угрозами безопасности [2, с. 56]. На саммите в Брюсселе в 2021 г. была провозглашена новейшая повестка дня на период до 2030 г., что можно считать четвертым этапом трансформации стратегии альянса [11].

В период «холодной войны» НАТО, представляя собой военно-политический блок противостоящий СССР, обозначал своими целями сдерживание и обеспечение обороны. Затем, в период после 1991 г. НАТО

«приняла более широкий подход, в котором понятия «сотрудничество» и «безопасность» дополняли основные концепции сдерживания и обороны [6]. Тогда же возникла идея о необходимости реформирования стратегии альянса для распространения либеральных и демократических ценностей во всем мире, что в результате отразилось в Римской декларации сессии Совета НАТО 8 ноября 1991 г. [8]. В этот период вышли две Стратегические концепции: в 1991 и в 1999 гг.

Очевидно, что прошедшее десятилетие с момента выхода последней Стратегии 1999 г. было наполнено множеством событий, которые подтолкнули руководство НАТО в очередной раз пересмотреть свою Стратегическую концепцию. Ключевым событием стали террористические акты 11 сентября 2001 г. Они обнажили кризис Альянса, который оказался не готов к противостоянию новой угрозе. Это повлекло за собой переориентацию НАТО на борьбу с терроризмом, противодействие распространению оружия массового поражения, и т.д. Также существовала идея о необходимости развертывания системы ПРО в Европе, выдвинутая еще во время президентства Дж. Буша-мл. В связи с этим, встал вопрос о необходимости выстраивания конструктивных партнерских отношений с Россией, что и было отражено в тексте концепции 2010 г.

Принятие новой концепции в 2022 г. было связано с обострением кризиса вокруг Украины и началом Россией СВО, а также с произошедшими в течение последнего десятилетия геополитическими и технологическими изменениями, которые оказали влияние как на сферу безопасности, так и на международные отношения в целом.

В тексте Стратегической концепции 2010 г. красной нитью проходят три фундаментальные задачи НАТО, а именно коллективная оборона, кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества. Все три задачи отражали намерение Североатлантического альянса отклониться от своего сугубо оборонительного вектора в пользу более широкого видения глобальной стратегии.

СК 2022 г. отдает приоритет сдерживанию и обороне, нежели другим ключевым задачам. Сдерживание в рамках новой СК подразумевает наращивание натовского военного присутствия в Восточной Европе, а затем после решения Швеции и Финляндии вступить в состав Альянса – еще и на севере европейского региона. Кроме непосредственного увеличения численности военного контингента, НАТО считает необходимым повышение оборонных расходов. Еще с 2014 г. в НАТО было принято решение об установлении показателя военных расходов членов в размере 2% ВВП. На саммите в Вильнюсе в 2023 г. генсек НАТО Й. Столтенберг заявил, что 2%-й показатель должен стать «абсолютным минимумом» [4], однако удалось достичь этой цели только 11 странам (по состоянию на июль 2023 г.) [9, с. 3]. Это является своего рода сигналом о переходе гонки вооружений на новый этап, а также демонстрирует возврат Альянса к подходам обеспечения своей безопасности времен холодной войны.

В СК 2010 состояние евроатлантического региона характеризуется как мирное [1]. Определенные вызовы для Альянса сохранялись в виде наращивания военного потенциала ряда стран, обострения проблем распространения ЯО и терроризма в некоторых регионах, однако вероятность возникновения масштабного конфликта в данном регионе в то время была низкой. Согласно новой концепции, в евроатлантическом регионе мир отсутствует [7, с. 3]. Полная ответственность за его отсутствие возлагается главным образом на РФ. Обвинять Россию сначала в намерении дестабилизировать систему безопасности в Европе, а теперь и в окончательном ее разрушении, для НАТО стало обыденным явлением, однако ранее эти обвинения звучали лишь на уровне риторики, а сейчас представлены в документально зафиксированном виде. Это говорит о том, что более нет необходимости ограничиваться исключительно словесными заявлениями и можно подкрепить свою позицию в отношении России реальными действиями. Вместе с тем, в пункте №9 СК 2022 отмечено, что «НАТО не стремится к конфронтации и не представляет никакой угрозы для Российской Федерации»

[7, с. 4]. Несмотря на помощь Украине со стороны НАТО, попытки Киева втянуть Альянс в открытый конфликт с Россией не оказались успешными. Например, инцидент с украинской ракетой ПВО упавшей на территорию Польши в ноябре 2022 г. был использован украинской стороной в качестве повода привести в действие ст. 4 Вашингтонского договора [5].

В концепции 2010 г. НАТО «не рассматривает никакую страну в качестве своего противника» [1]. С одной стороны, это свидетельствовало об открытости, неконфликтности и стремлении к сотрудничеству. Однако, тогда и не было страны, располагающей одновременно возможностью и желанием хотя бы бросить вызов альянсу, не говоря уже о намерениях реального вооруженного нападения. В этом смысле, руководство НАТО на тот период еще имело возможность формулировать видение своей безопасности в общих чертах, избегая таким образом каких бы то ни было негативных оценок в отношении других стран.

В целом положения концепции 2010 направлены скорее на поддержание, чем на наращивание натовского потенциала. Это ярко контрастирует с положениями новой концепции, где основной акцент делается именно на наращивании и укреплении потенциала альянса, причем именно в киберпространстве и космосе. Во-первых, это связано с теми вызовами, которые появляются в результате интенсивного развития технологий, их повсеместного внедрения во все сферы деятельности и, соответственно, от альянса требуется принятие адекватных мер по противодействию этим угрозам. Во-вторых, это говорит о том, что НАТО как альянс, главенствующую роль в котором играют США, не может допустить, чтобы этот альянс был бы вытеснен другими технологически развитыми странами, например КНР, или имел бы недостаточный потенциал по сравнению с ними. Поэтому для НАТО так важно именно укреплять, модернизировать и увеличивать свои силы и средства, а не просто поддерживать их на достаточном для безопасности уровне.

В обеих концепциях подтверждается, что Альянс «остается ядерным союзом» [1,7]. Тренд на стремление к недопущению использования ЯО сохранился, НАТО по-прежнему призывает к «созданию условий безопасности для мира без ядерного оружия [7, с.1]. Однако стоит обратить внимание, что США намерены пересмотреть свои позиции по отношению к своим ядерным силам в Европе. Обусловлено это обострением противостояния США и России и процессом распада стратегической стабильности в области вооружений. В связи с этим, например, в рамках союзнического взаимодействия Великобритании и США, британские подводные лодки, способные нести ядерные боезаряды, рассматриваются как один из объектов ядерного планирования США. Это говорит скорее о декларативных, а не о реальных намерениях НАТО не допустить эскалации в ядерной сфере.

НАТО в новой СК определяет терроризм как «прямую асимметричную угрозу безопасности наших граждан и международному миру и процветанию» [7, с.4]. Однако, эта проблема была смещена практически в самый конец приоритетных направлений деятельности НАТО. Связано это прежде всего тем, что нарастание глубокой, долгосрочной и всеохватывающей конкуренции сверхдержав превратилось в первоочередную проблему для НАТО.

КНР представлена в тексте СК 2022 в лице главного соперника НАТО в киберпространстве, в экономической, космической и технологической сферах, а также как «системный вызов евроатлантической безопасности» [7, с.5]. Впервые упоминание о КНР как о «вызове» Североатлантическому альянсу прозвучало на саммите в Лондоне в 2019 г. [10]. Однако стоит обратить внимание на то, что Китай представляет угрозу даже не столько для НАТО как таковой, сколько для США. Именно они активно продвигали антикитайскую повестку в альянсе еще за несколько лет до выхода новой концепции.

Обострение отношений между США и КНР происходило по целому спектру вопросов: наращивание Китаем своего экономического и военного потенциала, активизация Пекина в ИТР, и в целом стремление Китая обрести

большой вес на мировой арене – все это не могло не вызывать беспокойства у Соединенных Штатов, стремящихся удержаться на позиции глобального гегемона. В попытках найти точки соприкосновения, США в 2009 г. выступили с предложением о создании «Группы двух» (G2), которое было отвергнуто КНР. Впоследствии это стало поводом для усиления антикитайского вектора во внешней политике США, получившего новый импульс с приходом к власти администрации Д. Трампа, начавшего торговую войну с КНР.

Расширение партнерских связей с Австралией, и другими странами региона, использовалось США для наращивания своего военного присутствия в ИТР, а также для формирования в нем антикитайского плацдарма. Для этого сначала были предприняты попытки возродить АНЗЮС, затем были созданы альянсы QUAD и AUKUS. Европейские страны НАТО, которые активно вовлекаются Вашингтоном в соперничество с Китаем, неохотно воспринимают эти намерения. Во-первых, не все европейские страны располагают достаточными ресурсами для этого, исключение составляют лишь Франция и Великобритания. Во-вторых, торгово-экономическое сотрудничество с КНР для европейских держав является более приоритетным и необходимым, чем перспектива ввязывания в долгосрочное соперничество, особенно в таком отдаленном от Европы Индо-Тихоокеанском регионе. В-третьих, после начала украинского кризиса в 2014 г. и его обострения в феврале 2022 главной угрозой безопасности для европейских стран стала Россия, поэтому основное внимание европейцев устремлено именно на ликвидацию российской «угрозы», а не на реагирование на китайский «вызов».

В концепции 2010 г. взаимодействию НАТО с ООН был посвящен целый пункт (№31). Как отмечает К.П. Курылев, «не справившись с задачей по обеспечению безопасности в мире, Альянс вернулся к пониманию важности ООН как мировой наднациональной организации и ее роли для мирового многостороннего сотрудничества» [3, с.16]. В СК 2022 г. ООН упоминается

лишь вскользь. Это свидетельствует о том, что НАТО намерена реализовывать свою политику в обход ООН в связи с наличием незападных стран с правом вето в Совете Безопасности, которые могли бы препятствовать принятию выгодных альянсу решений.

Упоминание ИТР в новой концепции обусловлено наличием особых интересов в данном регионе у отдельных членов альянса: у США и Великобритании. Основными целями США являются форсирование геополитического давления на Китай и увеличение своего присутствия в регионе. У Великобритании, помимо таких же мотивов, есть также и экономические выгоды от наращивания сотрудничества со странами ИТР. Например, в рамках AUKUS был подписан контракт на строительство британскими компаниями подводных лодок на сумму 4 млрд. фунтов стерлингов [12]. По сути, США четко обозначили, что потенциал НАТО будет всячески использован для противостояния с КНР и давления на нее как в ИТР, так и в других регионах и сферах.

Проблема изменения климата с каждым годом обретала всю большую популярность, особенно в западных странах, и продолжает мутировать практически на всех уровнях и на всех площадках. НАТО не стала исключением и также внедрила в свой основной стратегический документ климатическую повестку. В предыдущей концепции климатическая повестка практически отсутствовала. Согласно СК 2022, «изменение климата является определяющим вызовом нашего времени, оказывающим глубокое воздействие на безопасность государств-членов» [7, с.6]. Для НАТО включение данного вопроса в новую концепцию вызвано необходимостью модернизировать и адаптировать вооруженные силы своих членов в условиях меняющегося климата. Несмотря на то, что НАТО считает необходимым для себя стать «ведущей международной организацией в том, что касается понимания последствий изменения климата <...> и адаптации к ним» [7, с.12], альянс остается в первую очередь военно-политическим блоком, главной задачей которого является обеспечение эффективной обороны и сдерживания.

Учитывая, что НАТО уже давно вышла за пределы своего географического «ареала» и устремилась в такие регионы как Ближний Восток, Северная Африка и Сахель, события, происходящие в них, «вливают на нашу безопасность и безопасность наших членов» [7, с.4]. Это говорит о том, что для НАТО жизненно необходимы такие вооруженные силы, которые были бы способны осуществлять оборону и сдерживание в сложных климатических условиях.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: очевидно, что новая Стратегическая концепция НАТО существенно отличается от предыдущей. Во-первых, напрямую названы страны, угрожающие безопасности стран-членов, причем с использованием агрессивных формулировок и обвинений. Во-вторых, подчеркивается направленность НАТО на экспансию в регионы, находящиеся далеко за пределами Евро-Атлантики, об этом свидетельствует «подход кругового обзора» («360 градусов»). В-третьих, принятое международным сообществом международное право, юридически подтвержденное и одобренное им, в НАТО заменяется размытым и неясным «основанным на правилах международным порядком». С так называемыми «правилами игры», придуманными Западом, более не могут соглашаться страны, стремящиеся к построению многополярного мира и именно в этом НАТО видит для себя угрозу. В-четвертых, экономическое и технологическое развитие незападных стран, в первую очередь КНР и РФ, является вызовом для США, стремящихся удержаться на лидирующих позициях на мировой арене. Предыдущая концепция 2010 г. спустя несколько лет практически перестала отвечать требованиям времени, хотя сам документ предполагает долгосрочные перспективы развития. Новая же концепция НАТО стала отражением того, что Альянс начал делать еще задолго до ее выхода и, учитывая темпы и непредсказуемость происходящих событий, она также может представлять собой «дорожную карту» лишь на несколько лет вперед.

Список использованной литературы:

1. «Активное участие, современная оборона» // NATO.int. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.11.2023)
2. Загородний В.В., Патана А.Г., Романченко Т.Е. Эволюция стратегической концепции НАТО как потенциальная угроза миру и безопасности // Сборник научных работ серии «Право». – Донецк., 2022. – С. 54-66.
3. Курылев К.П., Казанчев Д.В. Стратегическая концепция НАТО 2010 года в контексте обеспечения безопасности в Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2013. №1. – С. 11-23.
4. НАТО установит 2% ВВП как минимальный размер военных расходов // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2023/64a7f9a89a79474daebc4d75?from=copy> (дата обращения: 16.11.2023)
5. СМИ: в Польше подтвердили украинскую принадлежность упавшей в ноябре ракеты. // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20230926/raketa-1898658396.html> (дата обращения: 15.11.2023)
6. Стратегические концепции // NATO.int. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm (дата обращения: 15.11.2023)
7. Стратегическая концепция НАТО 2022 года // NATO.int. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 15.11.2023)
8. Тимакова О.А. Политика администрации Дж. Байдена в отношении НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. №1(27). С. 139-152.
9. Тимакова О.А. Отношения НАТО и ЕС: проблемы углубления взаимодействия // Вестник ученых-международников. 2022. №3(21). С. 72-85.
10. Declaration on Peace and Cooperation. // NATO.int. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm (accessed: 15.11.2023)
11. Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2023). // NATO.int. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230707-def-exp-2023-en.pdf (accessed: 15.11.2023)
12. London Declaration. // NATO.int. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_171584.htm?selectedLocale=en
13. NATO 2030: Making a strong alliance even stronger // NATO.int. – URL: <https://www.nato.int/nato2030/> (accessed: 17.11.2023)

14. £4 Billion UK contracts progresses AUKUS submarine design // GOV.UK.
– URL: <https://www.gov.uk/government/news/4-billion-uk-contracts-progresses-aukus-submarine-design> (accessed: 17.11.2023)

Об авторах: СКРИПЧЕНКО Анастасия Владимировна – студентка, РУДН им.
П.Лумумбы, e-mail: nastia090902@gmail.com

About the authors: SKRIPCHENKO Anastasia Vladimirovna – student, RUDN,
e-mail: nastia090902@gmail.com

КЛИМАТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ НАТО

Тимакова О.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

NATO'S CLIMATE SECURITY THREATS

O.A. Timakova

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В XXI веке климатическая безопасность начинает занимать все более важное место в системе национальной безопасности большинства государств мира. Экстремальные погодные условия, климатические катастрофы и повышение температуры сделали проблему изменения климата одной из самых дискутируемых тем современности, в том числе на полях международных организаций. Вопросы, связанные с изменением климата, декларируются приоритетными и для НАТО. Обосновывая актуальность адаптации к изменению климата для сферы безопасности, альянс использует характеризует данный вызов как «мультипликатор угроз» – он повлияет на операции и миссии НАТО, а также безопасность альянса в целом как в Евроатлантическом регионе, так и в более широком окружении Североатлантического союза.

Abstract. In the 21st century, climate security is beginning to occupy an increasingly important place in the national security system of most countries in the world. Extreme weather conditions, climate disasters and rising temperatures have made the issue of climate change one of the most debated topics of our time, including on the sidelines of international organizations. Issues related to climate change are declared a priority for NATO. In justifying the security relevance of adaptation to climate change, the alliance characterizes this challenge as a “threat multiplier” – it will affect NATO operations and missions, as well as the security of the alliance as a whole, both in the Euro-Atlantic region and in the wider Alliance environment.

Ключевые слова: НАТО, США, страны Европы, изменение климата, безопасность.

Keywords: NATO, USA, European countries, climate change, security.

Последствия изменения климата для безопасности имеют каскадный характер [8]. В долгосрочной перспективе экологические проблемы приведут к климатической миграции, ухудшению системы продовольственной безопасности, эпидемиям, снижению экономического благосостояния домохозяйств. Уязвимые группы населения и экономики развивающихся стран окажутся под особенно сильным давлением, что повлияет на всю систему международной безопасности.

Изменение климата, несомненно, станет для современных государств и международных организаций одним из главных вызовов, требующих адаптации в ближайшие десятилетия. В экспертном сообществе нет единого мнения о том, какую роль и место должна занимать климатическая повестка в стратегии альянса [15; 16; 20; 25; 27]. До недавнего времени вклад НАТО как организации в международную климатическую повестку и вопросы климатической безопасности оставался достаточно скромным.

Руководство альянса и страны-члены поддерживали нарратив, что НАТО участвует в климатической политике через национальную политику стран-членов, даже при отсутствии общей союзной стратегии.

НАТО определили перед собой амбициозную цель – стать первой международной организацией в сфере безопасности в авангарде международных усилий по адаптации к изменению климата. В 2021 году НАТО был опубликован первый концептуальный документ, зафиксировавший базовые основы общей политики блока в сфере изменения климата – План действий по изменению климата и безопасности (Climate Change and Security Action Plan) [23]. Тогда же НАТО объявили еще одну революционную задачу: первыми среди акторов международной безопасности снизить выбросы CO₂ как минимум на 45% до 2030 г. и до 2050 г. достичь чистого нуля.

В теории международных отношений климатический фактор в сфере безопасности рассматривается с кардинально противоположных позиций. В связи с чем, существует много разных подходов к определению и концептуализации климатической безопасности.

Среди множества классических и неклассических школ и теорий следует выделить наиболее релевантные для исследуемой темы. В период после окончания холодной войны особенно популярным был взгляд на проблему с точки зрения традиционных школ национальной безопасности [11; 18] – основное внимание было посвящено ограниченности ресурсов и возможным конфликтам – региональным и международным – проистекающим из борьбы за контроль над этими ресурсами [13; 19; 21]. В похожем ключе изучали вопрос исследователи, занимающиеся «ресурсным проклятием», которое, по их мнению, должно также стать причиной нестабильности в разных регионах мира [2]. «Зеленая теория» международных отношений [3] предложила подход, сделав фокус на климатической безопасности и справедливости как ключевых аспектах человеческой безопасности (human security) [4]. Другим инновационным подходам стала конструктивистская теория «секьюритизации» Копенгагенской школы по безопасности [5], которая позволяла объяснить климатические угрозы через призму вопросов национальной безопасности.

Международные экспертные площадки и форумы, не только военно-политического, но и экономического характера, также анализируют воздействие изменения климата на будущее развитие мира. В ежегодном отчете Глобальных рисков за 2022 год Международного экономического форума в Давосе эксперты указали среди приоритетных угроз на перспективу до 10 лет – провал климатической политики, экстремальные погодные условия и потерю биоразнообразия [30]. В прогнозе 2023 г. [31] уже четыре первых места были отданы экологическим рискам: провал климатической политики был заменен двумя отдельными вызовами – неспособностью смягчить последствия изменения климата и адаптироваться к ним. Что касается прогноза 2024 г. [32], то аналогично предыдущему – четыре ключевых риска являются экологическими по своему характеру: экстремальные погодные условия, критические изменения в системах Земли, потеря биоразнообразия и

разрушение экосистем, нехватка ресурсов. До этого, в 2020 г. все пять рисков, выбранных экспертами, были экологическими.

Вопросы климатической политики занимают важное место и в общественном и профессиональном дискурсе стран-членов НАТО. Согласно ежегодному опросу общественного мнения граждан стран-членов НАТО за 2022 г. [22], более трети респондентов указывают изменение климата более важной угрозой их безопасности, чем риск войны, политической нестабильности, терроризма и кибератак.

Хотя позицию, что именно изменение климата будет формировать среду безопасности в Евро-Атлантическом регионе, разделяют большинство стран-членов блока, позиции союзников о необходимой степени вовлеченности альянса разнятся. Решение проблем соотнесенности изменения климата и безопасности предполагает активные действия в таких сферах общественной жизни, которые выходят за традиционные представления о сфере ответственности НАТО. С другой стороны, это вписывается в логику трансформации альянса, который с конца холодной войны планомерно расширяет список вызовов и угроз, а также причин их возникновения.

Одновременно, достаточно широко распространено мнение, что альянс и не должен изменять подход к реализации своих базовых задач в соответствии с тенденциями устойчивой повестки в мире [25], а сфера национальной безопасности не должна быть подчинена требованиям сокращения выбросов [14].

Национальные военные стратегии, в основном, укладываются в три траектории [12]. Одни, например, США – давно включают климатический компонент в систему военного планирования. Другие, как Германия, признают, что изменение климата будет влиять на безопасность, но не используют это обстоятельство в процессе принятия решений и планирования собственной обороны. Турция относится к третьей группе и вовсе не указывает климатические проблемы в списке угроз безопасности.

На общеорганизационном уровне, впервые связь климата и безопасности в Стратегической концепции НАТО появилась еще в 1991 году. Однако программ и проектов, напрямую связанных именно с адаптацией или смягчением последствий изменения климата в тот период инициировано не было. Некоторые исследователи объясняют то, что так долго формировалась общая климатическая политика альянса, причиной, что данная проблематика традиционно является прерогативой национальных правительств [6].

Климатическая проблематика и вопрос изменения климата был выведен на уровень вызова безопасности альянса в Стратегической концепции 2010 года. В частности, связь изменения климата и безопасности была проведена со второй базовой задачей НАТО – кризисным реагированием. В декларации Лиссабонского саммита тогда же было отмечено, что ключевые экологические и ресурсные ограничения, включая риски для здоровья, изменение климата, нехватку воды и растущие потребности в энергии, будут и дальше формировать будущую среду безопасности в областях, вызывающих озабоченность НАТО, и имеют потенциал существенно повлиять на планирование и операции НАТО.

Важным этапом в становлении климатической политики НАТО стало принятие в 2014 году на саммите в Уэльсе рамочной программы «Зеленой обороны» – комплексного системного плана, охватывающего широкий спектр мероприятий, включая поддержание операционного потенциала, защиту окружающей среды и энергоэффективность. Лейтмотивом программы было обеспечение безопасности использования энергетических ресурсов и развитие энергосберегающих технологий в военной отрасли, что и было зафиксировано в декларации саммита: страны-члены продолжают «дальнейшее развитие компетенций альянса в поддержке защиты критически важной энергетической инфраструктуры; и работу над значительным повышением энергоэффективности наших вооруженных сил».

Значительный шаг и прогресс в институционализации климатической политики НАТО был сделан в 2021 году на саммите в Брюсселе, когда был

принят План действий по изменению климата и безопасности [23]. План действий НАТО определяет четыре основных направления политики альянса: повышение осведомленности стран НАТО о последствиях изменения климата для безопасности, содействие адаптации к изменению климата во всех областях работы НАТО, смягчение его последствий за счет сокращения военных выбросов и расширение связей с другими участниками, которые активно действуют в сфере климатической безопасности.

Вопросы изменения климата вошли в новую Стратегическую концепцию НАТО, принятую на саммите в Мадриде в 2022 году – страны-члены альянса определили, что климатическая сфера будет интегрирована в базовые задачи НАТО. Однако новых конкретных обязательств и дальнейших планов этой политики на саммите определено не было.

В 2022 году НАТО выпустили первый [8], а в 2023 году второй, расширенный и дополненный, Доклад об оценке воздействия изменения климата и безопасности (Climate Change and Security Impact Assessment) [24].

Значительную часть этого документа составляет принятое альянсом обоснование влияния климата на безопасность и деятельность блока: изменение климата рассматривается как системный риск и «мультипликатор угроз». Изменение климата будет существенно формировать стратегическую среду безопасности Североатлантического союза как в Евро-Атлантическом регионе, так и в более широком окружении. Оно станет движущим фактором для безопасности в трех основных плоскостях: изменение условий доступа и использования ресурсов; влияние климатической миграции на социально-экономическую стабильность государств; дополнительные затраты на устранение крупномасштабных стихийных бедствий и катастроф.

Последствия изменения климата будут ощущаться во всех регионах, где осуществляет свою деятельность НАТО. Исходя из доклада становится понятно, что наибольшее внимание НАТО уделяет двум таким регионам – Арктике и Крайнему Северу и Ближнему Востоку и Северной Африке – где в наибольшей степени проявятся последствия изменения климата. Все это

создаст новые условия геостратегической конкуренции и борьбы за природные ресурсы, что может иметь последствия для миссий и операций блока.

Нужно отметить, что хотя эксперты по безопасности стран Запада не ставят под сомнение, что изменение климата повлечет за собой последствия для безопасности, однако, на данный момент, отсутствуют подтверждаемые исследования и методологические подходы, которые был могли детально описать взаимовлияние климата и безопасности [9; 19; 21] – какая степень изменения в экосистемах, каким образом и в каких масштабах приведет к однозначным последствиям для безопасности. Также как и не могут быть на данный момент определены переломные или пороговые значения, позволяющие проследить связь с безопасностью. Текущая методология позволяет их установить только в ретроспективе [17].

Эксперты RAND Corporation, принимая во внимание это обстоятельство, все же говорят, что нельзя отрицать достаточно тривиальный вывод, что периоды нестабильности следуют за эпизодами стихийных бедствий [18]. Также, хотя многие исследователи согласны, что ухудшение климатических условий приведет к большему количеству вооруженных внутригосударственных и межгосударственных конфликтов, предсказательные модели искусственного интеллекта не находят убедительных доказательств, что именно высокие температуры и изменение количества осадков станут основными факторами будущих кризисов [7].

Вероятность засухи, неспособность государств обеспечить продовольственную безопасность и другие экологические факторы приведут также к росту климатической миграции и потенциальной новой волне нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, что станет проблемой для безопасности стран НАТО. А таяние полярных льдов приведет к повышению уровня моря, большей изменчивости температуры и количества осадков, и в последствии усилению конкуренции за природные ресурсы в Арктике, учащению использования водных путей в регионе и повышению

вероятности морской конфронтации и потенциальным климатическим катастрофам в Арктике. В связи с этим, еще в Плане действий НАТО по изменению климата и безопасности 2021 г., указывалось, что изменение климата может создать «условия, которые могут быть использованы государственными и негосударственными акторами, которые угрожают Альянсу или бросают ему вызов» [23].

Следовательно, силам НАТО придется действовать в более экстремальных климатических условиях, сталкиваясь с новыми жесткими оперативными требованиями. Более высокие температуры, повышение уровня моря, значительные изменения в характере осадков и экстремальные погодные явления станут проверкой устойчивости вооруженных сил и инфраструктуры, которые, как указывают авторы доклада, уязвимы к более крупномасштабным климатическим угрозам.

Поставленная задача предполагает значительную адаптацию [26] к новым ситуациям и непредвиденным последствиям изменения климата. Опустынивание и таяние вечной мерзлоты создадут новые технические и геополитические проблемы. Уменьшение количества осадков и частые засухи повышают вероятность возникновения пожаров на полигонах и тренировочных площадках, что затрудняет доступ и ограничивает военную мобильность. Опустынивание влияет на критически важную водную инфраструктуру военных баз и запасы водных ресурсов для развернутых сил. Наводнения, повышение уровня моря и понижение солености воды потенциально могут привести к выводу из строя оборудования и инфраструктуры НАТО.

Поскольку стихийные бедствия, вызванные изменением климата, будут становиться все более серьезными и частыми, вооруженные силы будут все чаще привлекаться для оказания гуманитарной помощи и помощи при стихийных бедствиях. К такому заключению эксперты пришли и в другом прогнозе НАТО почти десятилетней давности. В итоговом отчете Strategic Foresight Analysis, подготовленном в рамках семинара Верховного

главнокомандующего ОВС НАТО по трансформации отмечается, что воздействие изменения климата «станет очевидным во всем мире и, по прогнозам, будет усиливаться; увеличивающееся количество климатических катастроф и экстремальных погодных явлений потребует более частых операций гуманитарной помощи, спасательных миссий при стихийных бедствиях и восстановительных работ» [29]. В документе же 2023 г. однако ставится под вопрос способность стран НАТО предоставлять критически важные услуги своему населению и военным силам в жизненно важных секторах, включая связь, энергетику, транспорт, а также продовольственную и водную системы.

Система кризисного реагирования в НАТО действовала по системе ad-hoc с середины 1950-х годов без единого координационного центра контроля над климатическими катастрофами. Однако уже в 1990-х годах был создан Евроатлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы (Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre – EADRCC). Он входит в сферу ответственности Комитета по развитию гражданского планирования НАТО (Civil Emerging Planning Committee – CEPС), а с 2022 года Комитета устойчивости (Resilience Committee – RC). Его работа связана с предоставлением гуманитарной помощи и реагированием на стихийные бедствия, а также защитой критически важной инфраструктуры.

НАТО обладает большим опытом участия в операциях кризисного реагирования и помощи гражданским службам экстренной помощи. В последние годы Силы реагирования НАТО (СРН) также использовали как в странах-членах [33] для помощи борьбе с пожарами, наводнениями и землетрясениями, так и в странах по всему миру. В странах Карибского бассейна СРН – устраняли последствия ураганов. В 2006 г. были задействованы в Кашмире для содействия Пакистану в восстановлении инфраструктуры и системы коммуникаций после землетрясения. Военные госпитали и медицинский персонал оказывали помощь в обеспечении эпидемиологической безопасности в период пандемии COVID-19 и

участвовали в усилиях местных властей во время экстремальной жары, от которой пострадали пожилые люди и другие группы населения, находящиеся в группе риска [28].

Использование сил НАТО в операциях кризисного реагирования обоснованно, так как именно они могут в короткие сроки предоставить немедленную помощь в распределении гуманитарной помощи и ремонте инфраструктуры. Тем не менее, сохраняется несколько нерешенных проблем. Первая из них, вопрос финансирования – на данный момент такие операции оплачиваются не из общего бюджета НАТО. Все расходы на участие несут страны, участвовавшие в операциях.

Другим препятствием является взаимодействие НАТО и ЕС. Традиционный вопрос о разграничении полномочий не решен. На данный момент, ЕС имеет почти те же военные ресурсы для оказания чрезвычайной помощи, что и НАТО [1]. Но гражданские ресурсы и информационно-координационная система ЕС значительно шире. Кроме того, ЕС больше интегрирован в систему ООН, что позволяет им работать на международном уровне в сотрудничестве с Управлением ООН по координации гуманитарных вопросов (UN's Office for the Coordination of Humanitarian Affairs – ОСНА).

С начала XXI века вопросы климатической безопасности начали занимать все большее место в политике альянса. НАТО, признавая влияние изменения климата на среду международной безопасности, продолжает определять границы этого влияния. В среднесрочной перспективе изменение климата будет создавать новые непредвиденные вызовы для военной сферы, как на уровне персонала, обслуживания техники и оборудования, так и на системном уровне.

Климатическая стратегия НАТО реализуется в парадигме интерпретации традиционной безопасности блока и интеграции климатической повестки и существующие механизмы деятельности альянса.

Изменение климата признано «мультипликатором угроз» и потенциально может получить место аналогичное энергетической безопасности – то есть жизненно важное для национальной безопасности стран-членов НАТО. Следовательно борьба с этими вызовами может быть осуществлена с применением конвенциональных видов вооружений.

Действия альянса в сфере климатической повестки остаются предельно ограниченными и включают информационную работу о проблемах климатической безопасности, участие в специализированных международных экспертных мероприятиях и поддержку национальных усилий стран-членов и партнеров. В случае же принятия более активных действий в сфере климатической безопасности, возникает традиционная необходимость согласования подходов разных стран альянса. На данный момент, стратегии стран кардинально разнятся.

Существующие инструменты и механизмы, а также ресурсы альянса смогут позволить организации участвовать в будущих операциях кризисного реагирования и формировать повестку сотрудничества со странами-партнерами в климатической и более широкой социально-экономической сфере. Использование климатической повестки в НАТО позволит связать большее количество угроз с вопросами национальной безопасности, что сделает борьбу с климатическими вызовами в самом широком охвате новым инструментом кризисного регулирования.

Список использованной литературы:

1. Тимакова О.А. Дорожная карта укрепления безопасности и обороны Европы: перспективы реализации «Стратегического компаса» ЕС // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9(2). С. 151–167.
2. Badeeb R., Lean H., Clark J. The evolution of the natural resource curse thesis: a critical literature survey // Resources policy. 2017. Vol. 51. P. 123-134.
3. Barnett J. The Meaning of Environmental Security: ecological politics and policy in the new security era. London: Zed Books, 2001. 184 p.
4. Brunet P., Meulewaeter C., Ortega P. Report 49: Climate crisis, armed forces and environmental peace // URL:

- <https://centredelas.org/publicacions/maloshumosdelejercito/?lang=en> (дата обращения: 23.01.2024).
5. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A new framework for analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 240 p.
 6. Causevic A. Facing an Unpredictable Threat: Is NATO Ideally Placed to Manage Climate Change as a Non-Traditional Threat Multiplier? // The Quarterly Journal. 2017. Vol. 16. №2. P. 59-80.
 7. Climate Change and Conflict // URL: <https://www.rand.org/nsrd/projects/climate-change-and-conflict.html> (дата обращения: 23.01.2024).
 8. Climate Change and Security Impact Assessment. The Secretary General's Report // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/280622-climate-impact-assessment.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
 9. Conflict Prevention in the Era of Climate Change Adapting the UN to Climate-Security Risks // URL: <https://unu.edu/cpr/project/conflict-prevention-era-climate-change-adapting-un-climate-security-risks> (дата обращения: 23.01.2024).
 10. Dröge S. Addressing the Risks of Climate Change // URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020RP06/> (дата обращения: 23.01.2024).
 11. Environment of Peace: Security in a New Era of Risk. Stockholm: SIPRI. 2022. 98 p.
 12. Farhan A., Kossmann S., van Raj A. Preparing NATO for climate-related security challenges // URL: <https://www.chathamhouse.org/2023/07/preparing-nato-climate-related-security-challenges> (дата обращения: 23.01.2024).
 13. Homer-Dixon T. Environmental Scarcities and Violent Conflicts // International Security. 1994. Vol. 19. № 1. P. 5-40.
 14. Jalili D. Enhancing Military Sustainability Through Education: Balancing Quick Wins with Systemic Behavioural Change // URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-024-2186-6_8 (дата обращения: 23.01.2024).
 15. Jankowski D., Wieczorkiewicz J. Op-Ed Toward a 'Greener' NATO // URL: <https://berlinpolicyjournal.com/op-ed-toward-a-greener-nato/> (дата обращения: 23.01.2024).
 16. Kertysova K. Towards a Greener Alliance / in Clack T., Meral Z., Selisny L. (eds.) Climate Change, Conflict, and (In)security. London: Routledge, 2023. 402 p.
 17. Lenton T. (ed.) Global tipping points // URL: <https://global-tipping-points.org> (дата обращения: 23.01.2024).
 18. Lippert T.H. NATO, Climate Change, and International Security: A Risk Governance Approach. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 264 p.

19. Mach K. J. et al. Climate as a Risk Factor for Armed Conflict // Nature. – 2019. – №571. – P. 193-197.
20. Maternowski Ch. Navigating a Global Crisis: Climate Change and NATO. – URL: <https://natoassociation.ca/wp-content/uploads/2023/02/NAOC-Climate-Change-publications-v2.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
21. Mobjörk M. Exploring the Links between Climate Change and Violent Conflict // URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2017/08> (дата обращения: 23.01.2024).
22. NATO Annual Tracking Research 2022 // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/230320-annual_tracker_report.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
23. NATO Climate Change and Security Action Plan // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_185174.htm (дата обращения: 23.01.2024).
24. NATO Climate Change and Security Impact Assessment. Second Edition 2023. The Secretary General's Report // URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230711-climate-security-impact.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
25. Rico L. NATO and Climate Change // URL: <https://www.belfercenter.org/publication/nato-and-climate-change-climatized-perspective-security> (дата обращения: 23.01.2024).
26. Rühle M. NATO and Emerging Security Challenges: Beyond the Deterrence Paradigm // American Foreign Policy Interests. 2011. Vol. 33. №6. P. 278–279.
27. Shea J. Foreword / in Kingham R.A., Lazard O. (eds.) Sustainable Peace and Security in a Changing Climate: Recommendations for NATO 2030. Brussels and the Hague: Environment & Development Resource Center, 2021. 97 p.
28. Shea J. NATO and Climate Change. Better Late than Never // URL: <https://www.gmfus.org/news/nato-and-climate-change-better-late-never> (дата обращения: 23.01.2024).
29. Strategic Foresight Analysis 2013 Report: The Shared Perspective of the World in 2030 and Beyond Security Implications // URL: https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/sfa_security_implications.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
30. The Global Risks Report 2022 // URL: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2022/> (дата обращения: 23.01.2024).

31. The Global Risks Report 2023 // URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
32. The Global Risks Report 2024 // URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 23.01.2024).
33. UK leading NATO's response to Turkey earthquakes // URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-leading-natos-response-to-turkey-earthquakes> (дата обращения: 23.01.2024).
34. Wales Summit Declaration // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 23.01.2024).

Об авторах: ТИМАКОВА Ольга Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

About the authors: ТИМАКОВА Olga Aleksandrovna – Ph.D. (Political Science), Associate Professor at the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Фаттахов А.И.

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва

COGNITIVE WARFARE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS TRANSFORMATION

A.I. Fattakhov

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Существующий ядерный потенциал сверхдержав остается одним из наиболее значимых сдерживающих факторов в системе глобальной безопасности. Вместе с тем, между западными странами, их союзниками и странами им оппонирующими (в первую очередь, Россией, Китаем, Ираном, а также странами «глобального Юга»), нарастают противоречия. Они заключаются в разности взглядов на текущее и будущее мироустройство, конкуренции за мировые товарные рынки, критические технологии, рынки энергоносителей. Существующие разногласия и полярные позиции сторон ведут к активации существовавших ранее конфликтов, а также к возникновению новых. Полем физического противостояния становятся территории третьих стран (конфликты в Йемене, Сирии, Украине, Палестине), получая расширение в информационном пространстве. Постепенно затрагивается когнитивная сфера населения участвующих сторон, включая вовлеченных прокси и стран-соседей по региону, континенту. В этой связи специалисты начинают классифицировать противостояния, затрагивающие когнитивную сферу народонаселения, как войну 6-го поколения – когнитивную войну. Автор статьи рассматривает предпосылки возникновения когнитивных войн, их отличие от информационных войн, а также прогнозирует их перспективы, роль и значение в системе международных отношений в XXI веке.

Abstract. The existing nuclear potential of superpowers continues to be one of the most significant containing factors in the global security system. At the same time, contradictions between Western countries and their allies, and countries opposing them (primarily Russia, China, Iran, as well as countries of the “Global South”), are growing. They are considered in views on the current and future world order,

competition for world commodity markets, critical technologies, energy markets. Existing contradictions and polar positions of the parties lead to the activation of pre-existing conflicts, as well as to the emergence of new ones. The territories of third countries (conflicts in Yemen, Syria, Ukraine, Palestine) became the field of physical confrontation, expanding in the information space. The cognitive sphere of the population of the participating parties, including the involved proxies, neighboring countries in the region, continent is also being influenced a lot. In this regard, experts are beginning to classify confrontations affecting the cognitive sphere of the population as a 6th generation warfare, so called a cognitive warfare. The author of the report examines the prerequisites for the emergence of cognitive warfare, their difference from information warfare, and also predicts their prospects, role and significance in the system of international relations in the 21st century.

Ключевые слова: Когнитивные войны, война 6-го поколения, международные отношения, когнитивное противостояние, некинетические конфликты, сознание человека.

Keywords: Cognitive warfare, 6th generation warfare, international relations, cognitive confrontation, non-kinetic conflicts, human consciousness.

Предпосылки

Трансформация однополярного мира, существовавшего после распада СССР, в многополярный, происходит на фоне глобального кризиса системы международных отношений. Выражается он, в частности, в столкновении национальных интересов и антагонизма ценностей ведущих мировых держав. Существующие противоречия и значительные расхождения в видении нового мироустройства ведут к возникновению новых и расконсервации / активизации существующих конфликтов в различных частях планеты. Наличие ядерного оружия у ведущих держав, стран ядерного клуба, включая страны не признавших владение им официально, налагает значительные ограничения на прямые вооруженные противоборства с применением конвенционального кинетического вооружения по причине возможного перехода в глобальный военный конфликт с применением ядерного оружия.

XXI век и его эпоха постинформационного общества с возможностями получения, распространения и обмена информацией не требует прямых вооруженных столкновений, как главного условия для навязывания своей воли

и воздействия на сознание оппонента. Не менее действенными инструментами для воздействия на сознание широких масс становятся когнитивные, информационные, ментальные (ценностные) войны как неотъемлемые компоненты гибридной войны.

В этой связи когнитивная плоскость (сознание, восприятие, память, мышление) как конкретного индивида, так и широких масс становится потенциальной зоной воздействия. Объектами воздействия становятся лица, принимающие решения на различных уровнях в системе государственного и военного управления, сферах экономики, финансов, промышленности, бизнес-среды, а также широкие слои населения. Одной из основных целей является создание давления на руководящие органы власти, либо создание зоны нестабильности для последующего влияния извне со стороны другого субъекта международных отношений.

Суть когнитивной войны

Дискуссии о когнитивных войнах предшествовало обсуждение оружия, которое было бы способно воздействовать на психику человека, разговоры о котором велись с 70-80-х годов XX века, в том числе в СССР. Впервые детально о когнитивных войнах, как о самостоятельном виде войны, заговорили ближе к 2010-х годах XXI века. Концепция ведения когнитивной войны была описана в докладе *Cognitive Warfarefare*, который был подготовлен в 2021 году руководителем iHub (Центр передовых разработок, действующий в интересах НАТО) Франсуа дю Клузелем по запросу со стороны Верховного главнокомандующего Объединенных вооруженных сил НАТО по трансформации (SACT). НАТО планирует выделять операции в когнитивной сфере (сферы сознания и мышления) в отдельный шестой домен (после суши, воды, воздуха, космоса, киберпространства) для проведения военных операций в 2030-50 годах.

Когнитивная война (*Cognitive Warfarefare*) – это скоординированная и объединенная общим замыслом совокупность инструментов и методов воздействия на сознание человека без силового вмешательства. Можно также

сказать, что когнитивная война – это война за сознание и в сознании как конкретного индивида, так и определенной общности людей. Объектом воздействия в когнитивной войне является человеческий капитал, тогда как в информационной войне это в первую очередь контроль и управление информационными потоками.

Основным замыслом когнитивной войны является сохранение неуязвимым пространства мышления атакующего и разрушение пространства мышления атакуемого. В этой связи можно также провести аналогию с хакерством и назвать это «взломом сознания». Целью является не то, что индивид думает, а то, как он думает – механизмы и логика мышления. Основной задачей является подрыв доверия в обществе. Основной средой воздействия на текущий момент остаются СМИ, новые медиа (блоги, ютуб- и телеграм-каналы) и социальные сети. Наряду с информационным воздействием может применяться и оружие, воздействующее на сознание и влияющее на снижение эффективности когнитивных функций.

Одним из возможных, но не доказанных (как минимум, публично) на текущий момент примеров проведения когнитивной операции служит так называемый «Гаванский синдром». О нем стало известно после жалоб американских дипломатов и членов их семей, работавших в 2016 году на территории Кубы и в 2017 на территории КНР. Предполагаемой причиной воздействия могла стать импульсная радиочастотная энергия, о чем сообщается в отчете комиссии по расследованию. По итогам медицинских обследований у дипломатов выявлено легкое травматическое повреждение головного мозга, у некоторых проблемы с центральной нервной системой.

Ключевыми угрозами когнитивных войн являются:

- повседневность ее разрушительной деятельности без озвученной даты начала и завершения операции. Она может вестись как в сочетании с военными действиями, так и абсолютно автономно.
- относительная незаметность (оружие на базе излучения, волнового воздействия, влияющее на сознание)

- неконвенциональность действий (отсутствие регламентирующих подобные операции документов)

Ни одно государство не запрашивает и маловероятно, что запросит разрешение в Совбезе ООН на проведение подобных операций.

- Высокая вероятность использования прокси-сил для ведения операций из «серых зон» «без адреса»

- возможность асимметричного военного ответа конвенциональным оружием со стороны противника

- проблема низкой избирательности (ненаправленность)

Еще большей проблемой является высокая степень уязвимости населения и лиц, принимающих решение в когнитивной войне. Применительно международным отношениям ведение операций в когнитивной сфере может быть отнесено к неконвенциональным военным действиям

- низкая изученность (моделирование) предполагаемых последствий и масштаба ущерба, в первую очередь, наносящий уровень человеческому потенциалу субъектов международных отношений

- милитаризация когнитивных и нейронаук, затрагивающая широкий спектр первоначально гражданских исследований в этой части

- использование искусственного интеллекта для проведения операций при когнитивных войнах с трудно моделируемыми последствиями части вероятности и, особенно, масштабов последствий - «четвертом квадранте неопределенности» согласно трактованию Н. Талеба

- применение препаратов военной нейрофармакологии, расширяющих когнитивные способности военнослужащих / прокси с одновременным воздействием на снижение болевого порога, подавление моральных, ценностных и этических ограничений

Трансформация международных отношений

Трансформация международных отношений создает негативные предпосылки для ведения операций в когнитивной сфере. Одной из основных проблем существующей системы международных отношений является полярное отношение к схожим событиям. Разный подход по ряду сравнимых между собой критериев (количество погибших гражданских лиц, ущерб гражданской инфраструктуре, соблюдение Женевской конвенции и проч.) привело к дистрофии влияния ряда международных организаций (ООН, ОБСЕ, МОК). Яркими примерами является полярная разность в оценках и суждениях применительно к российско-украинскому, арабо-израильскому конфликтам. Возникающая разница в конъюнктурном и откровенно двухмерном подходе создает почву для ведения «невидимых операций».

Когнитивные войны видятся потенциальным инструментом XXI века для агрессивного воздействия для достижений субъектами международных отношений своих национальных интересов и продвижения / отстаивания своих ценностей. Понятие когнитивных войн требует пристального изучения, как отдельного объекта исследований. На национальном уровне требуется выработка методов и инструментов действенного противодействия, защиты национального суверенитета и населения от ее масштабных негативных последствий.

Будущее когнитивных войн видится в сочетании с технологиями искусственного интеллекта, направленное на изменение сознания человека, способности осуществлять им независимые критические суждения, обладание автономной системой мышления.

Можно также предположить, что способность осуществлять самостоятельное независимые суждения станет конкурентным преимуществом, возможно, и роскошью.

Выводы и необходимые действия

В этой связи становится принципиально важным ограничение возможности ведения когнитивных войн на уровне регулирования и перевода в конвенциональную плоскость, разработка механизмов ограничения. Новая

система международных отношений, которая находится на этапе формирования, должна учесть данную сферу или, согласно терминологии НАТО, домен проведения операций, как зону потенциального регулирования.

Возможности неограниченного и нерегулируемого ведения операций в когнитивной сфере приведет к параличу и окончательному падению авторитету международных организаций уровня ООН, а также возможности асимметричного ответа конвенциональными кинетическими способами.

Требуется глубокое и всестороннее изучение феномена когнитивных войн в следующих сферах: политическая, военная, социологическая, медицинская, техническая с обобщением итогов и их рассмотрением в плоскости взаимоотношений субъектов международных отношений с последующим закреплением подходов как в регулирующих документов международных организаций, в первую очередь, конвенциях ООН, так и в руководящих документах в области стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Необходимо определение способов и методов противостояния в когнитивных войнах для Российской Федерации в контексте выбора оптимальной стратегии дальнейших взаимоотношений с субъектами международных отношений в части отстаивания своих национальных ценностей и интересов

Список использованной литературы:

1. Белаш В. Буря в микроволновке // Коммерсант. 11.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5872818> (дата обращения 01.12.2023)
2. Белоус А. И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века. М.: Техносфера, 2023. - 527 с.
3. Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Новости ВПК. 27.02.2013 URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения 01.12.2023)
4. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 1) // Вопросы теоретической экономики. М., 2023. №2 С. 85-98

5. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. М., 2023. №3 С. 92-107
6. Талеб Н. Н. Черный лебедь. М.: Азбука-Аттикус, 2013. – 633 с.
7. Du Cluzel F. Cognitive Warfarefare. Innovation Hub. 2021

Об авторах: ФАТТАХОВ Азамат Ильгисович – аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Azamat.I.Fattakhov@yandex.ru

About the authors: FATTAKHOV Azamat Ilgisovich – Postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Azamat.I.Fattakhov@yandex.ru

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Хамраев А.А.

Тверской государственной университет, Тверь

**EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL ORGANISATIONS IN THE
MODERN WORLD**

A.A. Khamraev

Tver State University, Tver

Аннотация: В данной статье дается определение слову эффективность, и оценивается вклад ООН в формирование безопасного мира. А также работа Совета безопасности и ее роль в международных отношениях.

Abstract. This article defines the word effectiveness and assesses the UN, to the formation of a safe world. As well as the work of the Security Council and its role in international relations.

Ключевые слова: Эффективность, ООН, Совет безопасности, международные отношения.

Keywords: Effectiveness, Security Council, international relations.

На фоне международных конфликтов обостряется вопрос, насколько эффективны международные организации для обеспечения мира и безопасности. Существуют большое количество международных организаций, целью которых является обеспечить мир и безопасность, но мы будем рассматривать главную организацию, такую как Организация Объединенных Наций и ее главный комитет Совет Безопасности.

Чтобы ответить на вопрос, насколько эффективны данные организации в современном мире, нужно дать определение слову «эффективность». Самуел Баркин, в своей книге «Международная Организация: Теория и Институты» выражает эффективность в 2 аспектах.

1. Снижение транзакционных издержек. Режим может снизить транзакционные издержки, предоставляя площадку для обсуждения вопросов,

создавая стандартные правила и процедуры решения проблем, а также создавая административные структуры. Хорошим примером режима, реализовавшего эти стратегии, является Совет Безопасности ООН. Логика Совета заключается в том, что когда возникают угрозы международной безопасности, их должен обсуждать авторитетный международный орган. Но создание такого органа каждый раз, когда возникает новая угроза международной безопасности, потребует недель или даже месяцев, тогда как необходимое время реагирования часто измеряется часами. Таким образом, Совет Безопасности отчасти является попыткой снизить транзакционные издержки. Это общепринятый форум для обсуждения угроз международной безопасности, поэтому, когда такая угроза возникает, государствам не нужно тратить время на то, чтобы выяснить, где ее обсудить. Кроме того, у членов Совета есть представители в резиденциях, поэтому они могут попасть на встречу за считанные часы, а не дни. У него есть стандартные правила процедуры, так что представители государства могут сразу перейти к делу, а не обсуждать, как действовать дальше. И у него есть административная структура, которая занимается такими вопросами, как ведение документации, перевод и т. д., чтобы представители могли сразу перейти к делу, не беспокоясь об этих функциях. Та же логика применима к большинству международных режимов, и чем чаще сторонам режима приходится сталкиваться с новыми проблемами, тем больше потребность в снижении транзакционных издержек

2. разработке "правил поведения", международных норм пр. То есть эффективность заключается в разработке международно-правовых институтов в различных сферах, например, регламентирующих поведение в ходе вооруженных конфликтов - международное гуманитарное право и пр. [2: 44]

Предшественником ООН была Лига Наций, она была учреждена в 1919 году, в соответствии с Версальским договором «для развития сотрудничества между народами и для обеспечения мира и безопасности», но в связи с тем,

что данная организация была не эффективной, она была упразднена.[3] Организация Объединенных Наций была создана 24 октября 1945 года. Основные цели ООН, это сохранения мира и безопасности, предотвращение конфликтов, развитие дружеских отношений, содействие в разрешении проблем в таких сферах как: экономических, социальных, культурных и гуманитарных. А также быть центром для согласования действий наций в достижений этих целей.[1] Но такие факторы, как политические разногласия, отсутствие механизмов принуждения, избыточная бюрократия, сложность в работе с конфликтами, делают данную Организацию менее эффективной, усложняя и продлевая решения по разным вопросам, т.е. продлевают транзакционные издержки. А если рассматривать самый главный комитет Совет Безопасности, то можно сказать, что структура СБ отражает расклад сил мира после второй мировой войны, которая не соответствует нынешним реалиям, а наличие право вето, только усложняют принятие резолюций, тем самым делая СБ не совсем эффективным комитетом ООН.

Если бы мы могли ликвидировать Совет Безопасности на год в качестве эксперимента, было бы трудно сказать, насколько сильно изменило бы ситуацию его отсутствие, потому что каждый кризис в области безопасности индивидуален.[2: 46] Несмотря на минусы и транзакционные издержки Организации Объединенных Наций и главного комитета Совета Безопасности, нельзя не оценить тот вклад которую она внесла в мир, а также платформу для диалога которую предоставляет данная организация.

Список использованной литературы:

1. Устав Организации Объединенных Наций : принят 26 июня 1945 года. – Текст : электронный // Государственная система правовой информации : официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-1>
2. Barkin. J. Samuel. International organization: theories and institutions / J. Samuel Barkin. – New York: Palgrave macmillian, 2013. – 203 p.

3. Предшественник ООН – Лига Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.un.org/ru/about-us/history-of-the-un/predecessor> (дата обращения: 14.12.2023).

Об авторах: ХАМРАЕВ Азизбек Анварович – студент 3 курса, Тверской государственный университет. azizmontana77@gmail.com

About the authors: KHAMRAEV Azizbek Anvarovich – 3 year student Tver State University. azizmontana77@gmail.com

**НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В
СЕРБСКО-КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ**

Шевченко Е.В.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара

**VIOLATION OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW IN THE
SERBIA-KOSOVO CONFLICT**

E.V. Shevchenko

Samara National Research University, Samara

Аннотация: Статья посвящена конфликту Сербии, Косово и Метохии после распада Югославии 3 июня 2006 г. Тема исследования представляется актуальной, поскольку конфликт до сих пор не исчерпан и необходимо найти пути и инструменты его решения, которые бы учитывали интересы всех его участников. Были рассмотрены исторические предпосылки и основания этого конфликта, сформулированы позиции России, США и Евросоюза по данному вопросу, а также обозначена проблема нарушения принципов территориальной целостности Сербии. Новизна исследования заключается в том, что спрогнозированы варианты развития конфликта в современных политических условиях, а также предложены возможные пути его решения. В статье отмечается неприемлемость практики гуманитарных интервенций в решении сербско-косовского и подобных ему конфликтов. Автор считает, что иные субъекты, вступающие в конфликт, исходят из своих интересов и не стараются помочь непосредственным участникам конфликта прийти к согласию и решить проблему мирным путем. В заключение делается вывод о том, что у сербско-косовского конфликта нет быстрого и однозначного решения, но наиболее оптимальным вариантом являются поиски консенсуса в рамках международного права.

Abstract. The article is devoted to the conflict in Serbia, Kosovo and Metohija after the collapse of Yugoslavia on June 3, 2006. The topic of the study seems relevant, since the conflict has not yet been resolved and it is necessary to find ways and tools to resolve it that would take into account the interests of all its participants. The historical background and foundations of this conflict were examined, the positions of Russia, the United States and the European Union on this issue were formulated,

and the problem of violation of the principles of the territorial integrity of Serbia was identified. The novelty of the study lies in the fact that options for the development of the conflict in modern political conditions are predicted, and possible ways to resolve it are proposed. The article notes the unacceptability of the practice of humanitarian interventions in resolving the Serbian-Kosovo and similar conflicts. The author believes that other entities entering into conflict proceed from their own interests and do not try to help the direct participants in the conflict come to an agreement and solve the problem peacefully. In conclusion, it is concluded that the Serbia-Kosovo conflict does not have a quick and unambiguous solution, but the best option is to seek consensus within the framework of international law.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, Косовский конфликт, правомерность, международное право, принцип территориальной целостности государства, принцип самоопределения наций, гуманитарная интервенция, нарушение принципов международного права, мирное разрешение международных споров.

Keywords: interethnic conflict, Kosovo conflict, legality, international law, the principle of territorial integrity of the state, the principle of self-determination of nations, humanitarian intervention, violation of the principles of international law, peaceful resolution of international disputes.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что нарушение принципов международного права происходит в мировой правовой практике постоянно, следовательно, изучение причин, механизмов и последствий нарушения принципов международного права в сербско-косовском конфликте поможет понять источники, характер и природу данного явления с целью предотвращения подобных ситуаций в будущем.

Исследовательская проблема заключается в определении того, почему сложились условия, при которых произошло нарушение принципов международного права, предполагающих территориальную целостность государств мира и соблюдение и уважение прав граждан государств.

Методология исследования

Методологической базой исследования стали метод контент-анализа и формально-юридический метод. **Теоретической основой** исследования

явились работы по проблеме Косовского конфликта Е.А. Апажевой, С.Г. Мирзоевой, Н.С. Лавровой [2], Е.Ю. Гуськовой [4], А.К. Камкина [5], К.П. Курылева, В.С. Шабловского [7], Е.Г. Пономаревой [8], А.В. Фролова [9]; Б.Д. Кривокапича по указанной проблеме [13; 14], а также по проблеме мирного разрешения международных споров [6]; работы по проблеме гуманитарной интервенции В.Н. Абрамова [1], С.Н. Бабурина [3], Л.Н. Тарасовой [10], Ж.К. Шайымбетовой [11]. В отношении «гуманитарной интервенции» необходимо дать некоторые пояснения. Это понятие, предложенное М. Бетатти и Б. Кушнером в работе «Le Devoir d'ingérence» (1987) для обоснования права, даже обязанности, демократических государств вмешиваться в дела иностранных государств, невзирая на их суверенитет, с целью недопущения или разрешения гуманитарных катастроф [12], трактуется в нашей работе в традициях российской и сербской науки как «инструмент силовой политики» [1, с.71]. Эта позиция имеет принципиальный характер и обусловлена тем, что концепция гуманитарных интервенций противоречит нормам и принципам международного права и на практике зачастую выглядит неоправданной и неадекватной, поскольку «политические мотивы в межгосударственных взаимоотношениях всегда довлеют над гуманными» [10, с.105]. Исследователь В.Н. Абрамов в статье 2008 г. указывал на опасность торжества концепции гуманитарной интервенции в мировой политике: «И если данная концепция станет основой мировой политики, то есть вероятность, что такие понятия, как суверенитет и территориальная целостность государства могут стать анахронизмами» [1, с.77]. Как видим, гуманитарные интервенции способны создать новые проблемы, не только не решив уже существующих, но и обострив их. Исследователь Б.Д. Кривокапич отмечает, что гуманитарные интервенции неприемлемы, поскольку способны повлечь за собой злоупотребления, такие как сецессия, терроризм, организованная преступность и т.д., и не способны привести к разрешению конфликтов [13, с.45].

История вопроса

Обратимся к рассмотрению конфликта между Сербией и непризнанным государством Косово после окончательного распада Югославии (2006). Для этого необходимо проанализировать историю конфликта, его основания, а также позицию России, США и Евросоюза по данному вопросу.

Следует отметить, что конфликт на Балканах имеет давнюю историю: еще Османская империя, начиная с XIV века, стремилась заселить Косово и близлежащие территории мусульманским населением. Битва на Косовом поле (1389) и последующее завоевание Балкан османами привели к тому, что численность албанцев в Косово неуклонно росла и к середине XIX века превысила 50 % от общего числа населения.

После Второй мировой войны лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито запретил изгнанным сербам возвращаться в Косово, что также оказало влияние на демографическую и социально-политическую ситуацию в Косово. После смерти Тито (1980) в Югославии начались процессы дезинтеграции, вызванные националистическими настроениями, царившими в бывших республиках и автономных краях Социалистической Федеративной Республики Югославия. В 1981 г. в столице Косова Приштине произошли беспорядки, которые, по мнению многих исследователей, послужили началом распада социалистической Югославии.

После целого ряда военных конфликтов на территории бывшей Югославии на протяжении 1990-х г.г. в Косово югославской армией велись боевые действия против албанских сепаратистов. В марте 1999 г. переговоры между югославскими властями и косовскими албанцами под эгидой Контактной группы, состоящей из представителей стран НАТО и Российской Федерации, оказались безрезультатными, вследствие чего НАТО приняло решение начать против Югославии военную операцию «Союзная сила», которая сопровождалась бомбардировками и привела к многочисленным жертвам среди мирного населения. НАТО без согласия Совета Безопасности ООН напала на суверенное государство и путем ракетно-бомбовых ударов

заставила сербские силы покинуть территорию Косово, фактически отторгнув эту территорию у Сербии.

Результаты и дискуссия

Как отмечают исследователи Е.Н. Пономарева и А.В. Фролов, «это был первый в истории военный удар, нанесенный по суверенному государству в ответ не на внешнюю агрессию, а на внутренний конфликт» [9, с.32]. Вмешательство сильных государств (США и стран-членов Евросоюза – Германии, Великобритании, Франции) во внутренние дела слабого (Югославии) явилось нарушением норм международного права, противоречащим уставу ООН. Военная интервенция стран НАТО против Югославии была осуществлена без резолюции Совета безопасности ООН и стала нарушением такого принципа международного права, как отказ от применения силы.

В соответствии с резолюцией СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 г. в Косово был введен режим управления ООН. На территорию края были введены миротворческие силы KFOR (Kosovo Force), которые должны были установить нейтралитет, однако заняли проалбанскую позицию. Межэтнический конфликт в регионе усугубило то, что фактически в Косово стала править состоявшая из албанских боевиков Армия освобождения Косово.

В ноябре 2005 г. специальным представителем ООН в Косово был назначен Мартти Ахтисаари, который объявил, что его симпатии находятся на стороне албанцев. Таким образом, был нарушен один из главных принципов права в целом – принцип беспристрастности. В прессе отмечалось, что за разработку и продвижение своего «плана Ахтисаари» он получил крупную взятку от косовских сепаратистов.

С течением времени распад Югославии продолжился. 3 июня 2006 г. Декларацию независимости принял парламент Черногории. 17 февраля 2008 г. парламент Косово проголосовал за принятие декларации о независимости края. США, Великобритания, Франция и Германия признали независимость

Косово, хотя сецессия Косова от Сербии была совершена с грубейшими нарушениями Конституции Сербии и основных принципов и норм общего международного права, а также конкретных положений Резолюции Совета Безопасности ООН (№ 1244 от 10.06.1999 г.) [6, с.57]. Независимость Косово не признается Сербией и Россией, а также многими другими государствами, в числе которых КНР, Испания, Словакия, Кипр, Румыния, Греция и т.д. Провозглашение независимости Косово и признание независимости рядом стран является нарушением такого принципа международного права, как сохранение территориальной целостности государства.

Сербия старалась разрешить конфликт в Косово исключительно мирными и правовыми средствами. В 2006 г. была принята новая Конституция Сербии, согласно которой автономный край Косово и Метохия является неотъемлемой частью территории Сербии, но при этом обладает статусом существенной автономии в рамках суверенного государства Сербия. Новая Конституция наделяла Косово и Метохию более широкой автономией, чем автономия Воеводины, таким образом, две автономии в составе Сербии получили разный правовой статус. Принятие новой Конституции должно было сохранить Косово в составе Сербии и положить конец конфликту. Однако все усилия властей Сербии не были восприняты руководством Косово, которое в одностороннем порядке объявило о своей независимости в феврале 2008 г.

Сербии удалось при помощи резолюции Генеральной Ассамблеи запросить консультативное мнение Международного суда ООН относительно одностороннего провозглашения независимости Косово. В 2010 г. суд определил, что действия Приштины соответствовали нормам международного права. Таким образом, государство может косвенно исходатайствовать, но это не значит, что ходатайство будет удовлетворено. Правительство Сербии, начиная с провозглашения независимости Косова, последовательно заявляет о непризнании этой территории Белградом. Однако Косовский конфликт по-прежнему остается не решенным.

Рассмотрим возможные пути решения конфликта между Сербией и Косово. Наиболее справедливым вариантом решения косовской проблемы стал бы раздел Косово между Сербией и Албанией: Северное Косово возвращается в состав Сербии, остальная часть Косово отходит Албании. Такой вариант решения конфликта соответствовал бы интересам обеих сторон и мог бы улучшить социально-политическую обстановку на Балканах. Еще одним из возможных путей решения конфликта мог бы явиться учет мнений всех заинтересованных сторон в соответствии с принципами международного права с последующим проведением референдума на территории Косово. Однако у этого варианта есть негативные моменты: референдум может привести к подтверждению независимости Косово, поскольку сербы были насильно вытеснены с исконных территорий и не смогли бы принять участия в голосовании.

Выводы

Косовский конфликт продемонстрировал, что однополярный мир нарушает сложившуюся веками систему международного права и международных договоров. В данном конфликте произошло столкновение двух основополагающих принципов ООН – принципа территориальной целостности государства и принципа самоопределения наций.

До тех пор, пока Сербия считает Косово своей территорией, конфликт является нерешенным, что может вызвать его неоднократное повторение в будущем. Данный конфликт показывает, к чему может привести практика гуманитарных интервенций со стороны США и других государств, вмешивающихся в противостояние между центром и субъектом. Иные субъекты, вступающие в конфликт, исходят из своих интересов и не стараются помочь непосредственным участникам конфликта прийти к согласию и решить проблему мирным путем. Подобные вмешательства могут привести мир к глобальной войне. Как видим, у этого конфликта нет быстрого и однозначного решения, но наиболее оптимальным и единственно верным решением являются поиски консенсуса в рамках международного права.

Список использованной литературы:

1. Абрамов В.Н. Концепция «гуманитарной интервенции» как инструмент силовой политики США // [Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки](#). 2008. № 1. С.71-77.
2. Апажева Е.А., Мирзоева С.Г., Лаврова Н.С. Косовский кризис и межэтническое противостояние на Балканах в 90-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 1. С.6-11.
3. Бабурин С.Н. Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т.19, № 2. С. 15-27. DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(2).15-27
4. Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. – М. : Индрик, 2013. – 460 с.
5. Камкин А.К. Конфликт идентичностей как маркер разделенных обществ на Балканах (на примере Сербии, Черногории и территории Косово) // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. №1 (34). С. 3-3. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-3-3
6. Кривокапич Б.Д. Мирное разрешение международных споров: монография / Б.Д. Кривокапич; отв. ред. А.Г. Безверхов., науч. ред. А.В. Юдин; пер. с сербского В. Симоновой. – Самара: Изд-во Самарского университета. 2020. – 592 с.
7. Курылев К.П., Шабловский В.С. Косовский конфликт (1999–2020): текущее состояние и пути его разрешения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С.112-127. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-112-127
8. Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 99-124. DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124
9. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-университета. 2019. № 2 (65). С. 32-56. DOI: [10.24833/2071-8160-2019-2-65-32-56](#)
10. Тарасова Л.Н. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С.99-105.
11. Шайымбетова Ж.К. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право // Московский журнал международного права. № 3 (2009). С. 62-78. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-3-62-78

12. Bettati M., Kouchner B. Le Devoir d'ingérence. Paris, Denoël, 1987. 300 p.
13. Krivokapić B. The NATO bombing of Yugoslavia (1999) 20 years later – the problems of legality, legitimacy and consequences // David vs. Goliath: NATO war against Yugoslavia and its implications, Institute of International Politics and Economics & Faculty of Security at the University of Belgrade, Belgrade 2019. P. 19-57.
14. Krivokapić B. NATO aggression against Yugoslavia – a harsh violation of all relevant international documents // Yugoslav Law, 1-3, 2000. P.85-112.

Об авторе: ШЕВЧЕНКО Егор Вячеславович – студент 2 курса Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, e-mail: egorshevchenko889@gmail.com

About the author: SHEVCHENKO Egor Vyacheslavovich – 2nd year student of Samara National Research University, e-mail: egorshevchenko889@gmail.com

АТР В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ

УДК 327

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АСЕАН И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Арсеньева А.С.

Тверской государственной университет, г. Тверь

HISTORY OF THE FORMATION OF ASEAN AND COOPERATION IN THE ASIA-PACIFIC REGION

A.S. Arsenyeva

Tver State University, Tver

Аннотация: В статье рассматривается организация АСЕАН, куда входят государства Юго-Восточной Азии. Рассматривается формирование и развитие организации с начала создания до настоящего времени. Данная организация считается сегодня ядром интеграции в Азии, так как АСЕАН постепенно расширяла партнерство не только с региональными государствами, но и нерегиональными.

Abstract. The article discusses the ASEAN organization, which includes the states of Southeast Asia. The formation and development of the organization from the beginning of its creation to the present is considered. Today, this organization is considered the core of integration in Asia, as ASEAN has gradually expanded its partnership not only with regional states, but also with non-regional ones.

Ключевые слова: АСЕАН, АТР, интеграция, политика, организация.

Keywords: ASEAN, Asia-Pacific region, integration, policy, organization.

На сегодняшний день Азиатско-Тихоокеанский регион играет все больше роли на мировой арене. В регионе образовались страны с сильной экономикой, и ряд интеграционных объединений. Страны АТР – это государства, которые имеют высокие темпы роста в большинстве областей международных отношений. Актуальность темы заключается в том, что сегодня наибольший интерес мировое сообщество проявляет к странам и

организациям Азии, и смещение центра мировой экономики и политики в регион вызывает мало сомнений.

Одной из ведущих экономических, культурных региональных межправительственных организаций является АСЕАН, куда входят 10 стран Юго-Восточной Азии. Она была образована в 1967 году, на момент образования в ней было всего пять членов: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Затем присоединялись и другие государства – Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма. Первоначальной целью создания АСЕАН была стабилизация ситуации в Юго-Восточной Азии в 1960-е годы, потом основной функцией стало сотрудничество стран друг с другом. [3: 226-230]

Министры иностранных дел пяти стран в 1967 году подписали Декларацию АСЕАН в Бангкоке, которая включала в себя пять глав. Там выделялись главные цели организации: сотрудничество стран в таких сферах, как экономическая, культурная, социальная, образовательная и другие, также государства должны были поддерживать уважение справедливости и верховенства права [8].

После азиатского финансового кризиса в конце 1990-х годов страны в скором времени восстановили свои экономики. Можно выделить промежуток 1997-2002, когда было подписано множество соглашений о партнерстве. Так, в 1997 году в Куала-Лумпуре проходила встреча на высшем уровне, где говорилось о планах развития региона. В качестве задач были определены следующие: создание таможенного союза, совместных промышленных объектов и товарных ассоциаций стран производителей. [3: 235]

Глобальный финансовый кризис сильно повлиял на Юго-Восточную Азию, особенно на Южную Корею, Таиланд, Малайзию, Индонезию и Филиппины. Наибольший ущерб был нанесен в 1997-1998 годах. Это было связано с быстрым ростом экономик стран Азии с 1960-х годов, когда их государства были названы «азиатскими тиграми». Но такое просветление было основано на экспорте и не соответствовало развитым системам. В то же время европейские страны испытывали снижение роста ВВП, на фоне чего

темпы развития Азии были высокими. Внешние инвестиции в страны региона были краткосрочными и могли подорвать экономическую стабильность, отражая слабость финансового сектора, низкое капиталовложение и неэффективное законодательство [2].

Многие страны не учли различные факторы, что привело к обвалу национальных валют и накоплению больших долгов. Из-за девальвации юаня и йены и снижения спроса из европейских стран и США страны АСЕАН столкнулись с сокращением экспорта и растущим дефицитом. Финансовый кризис распространялся через инвестиционные и финансовые каналы. Многие страны обратились за помощью к МВФ и приняли антикризисную политику, включая жесткие денежно-кредитные политики, финансовые реформы и укрепление рынков и конкуренции, защиту населения и повышение прозрачности финансового сектора. Таиланд стабилизировал свои рынки уже в начале 1998 года, в Индонезии процесс затянулся, но завершился успешно [7].

Таким образом, страны АСЕАН приняли различные меры для преодоления кризиса, включая создание резервных фондов, регулирование курсов валют и международное сотрудничество с МВФ и Всемирным банком. В результате все страны АСЕАН постепенно восстановили свои экономики и приняли Ханойскую декларацию развития, которая определяла план интеграции и развития до 2020 года.

После преодоления кризиса к АСЕАН присоединились новые диалоговые партнеры: Китай, Индия, Россия, Южная Корея, Новая Зеландия, Монголия, Австралия, США, Турция и Канада. АСЕАН проводит ежегодные встречи как с внутренними, так и с внешними партнерами. Особо важными являются саммиты АСЕАН-Индия, АСЕАН-Австралия и Новая Зеландия, а также формат 10+3. Организация продолжает развивать отношения с другими странами с начала XXI века [1].

С 15 декабря 2008 года АСЕАН начала действовать в новых рамках после принятия Хартии, которая стала юридически обязательным

соглашением между странами-участницами и имеет важное значение в экономической, политической и социальной сферах [3].

В то же время происходит новый валютно-финансовый кризис, но в отличие от предыдущего, он не имеет глобальных последствий для стран Юго-Восточной Азии. Выход из кризиса для стран АСЕАН стал зависеть от экономических факторов, и на основе создания единого экономического пространства в фокус развития могли быть поставлены другие компоненты, такие как социальные и политические [4].

В 2020 году АСЕАН подписала соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве в формате видеоконференции, что стало началом существования самого крупного блока свободной торговли. В соглашение входят 10 стран АСЕАН, а также Китай, Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия. Эта платформа даст толчок для процветания региона и может внести свой вклад в развитие и восстановление мировой экономики [5].

Сегодня страны Азиатско-Тихоокеанского региона считаются главным двигателем глобального экономического роста. Они производят более 60% мирового ВВП и привлекают более 45% инвестиций.

Одним из ключевых факторов, способствовавших возникновению АСЕАН, была необходимость совместного управления и регулирования региональных вопросов в период холодной войны. Сильное влияние СССР и Соединенных Штатов Америки в регионе создавало определенные сдвиги в балансе сил и требовало международного сотрудничества для обеспечения мира и стабильности в регионе. В этом контексте АСЕАН стала форумом, где государства региона могли обсуждать вопросы безопасности, экономического сотрудничества и взаимодействия [7].

Общая история колониального прошлого и культурное наследие также способствовали общности интересов и сотрудничества между государствами-участниками. Культурный обмен и совместные инициативы в области

образования и культуры помогли укрепить связи между государствами-членами.

В настоящее время АСЕАН является одной из самых успешных региональных организаций в мире. Она играет важную роль в обеспечении региональной безопасности, ведении диалога и сотрудничества в вопросах экономического развития и противодействия изменению климата. АСЕАН является организацией, которая стремится создать стабильный, процветающий и конкурентоспособный регион на международной арене. Основным акцентом является внутренняя динамика развития региона, а также расширенное сотрудничество с другими странами, включая РФ, США, Китай, Японию и другие.

Успехи АСЕАН достигнуты благодаря постоянным усилиям ее членов. Все страны региона достигли высокого уровня государственного управления, что способствовало быстрой модернизации экономики и социальной сферы. Несмотря на политическое разнообразие и различия в уровне экономического развития, АСЕАН активно развивает региональное экономическое сотрудничество.

АСЕАН стремится занять существенную роль в формирующемся мировом порядке. Однако она сталкивается с вызовами, такими как усиление конкуренции со стороны других региональных блоков, дипломатические проблемы, территориальные споры и вопросы безопасности в Юго-Восточной Азии. Успех АСЕАН и ее перспективы зависят от способности ее членов сохранить единство и укрепить интеграционные процессы.

Исследование истории становления АСЕАН и ее взаимодействия с международными акторами в Азиатско-Тихоокеанском регионе позволяет более глубоко понять влияние геополитических интересов, исторических связей и культурных факторов на формирование и развитие региональной организации. Это также подчеркивает важность сотрудничества и диалога в решении глобальных вызовов и проблем, с которыми сталкиваются государства в современном мире.

Список использованной литературы:

1. Арапова Е.Я. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе. / Е.Я. Арапова. – Москва : Проспект, 2021. – С. 208. – Дата обращения : 04.12.2023. – Загл. с экрана.
2. Колосюк Н.А. Причины азиатского финансового кризиса / Н.А. Колосюк. – Текст : электронный. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-aziatskogo-finansovogo-krizisa/viewer>. – Дата обращения : 02.12.2023. – Загл. с экрана.
3. Костюнина Г.М. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // Г.М. Костюнина. – Текст : электронный // Международная экономическая интеграция: учебное пособие / Под ред. Н.Н.Ливенцева. – М.: Экономистъ, 2006 – С. 226-261. Дата обращения: 03.12.2023. – Загл. с экрана.
4. РИА Новости Комментарий: соглашение о ВРЭП является победой мультилатерализма : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ria.ru/20201116/soglashenie-1584817231.html>. – Дата обращения : 02.12.2023. – Загл. с экрана.
5. РИА Новости :[Электронный ресурс]. – Россия и АСЕАН укрепляет сотрудничество в сфере безопасности и экономики. – Режим доступа : <https://ria-turbopages.org/ria.ru/s/20211028/asean-1756690095.html>. – Дата обращения : 02.12.2023. – Загл. с экрана.
6. Студенческий научный форум – 2013 / Причины и последствия Азиатского кризиса 1998 года : Электронный ресурс. – Режим доступа : <https://scienceforum.ru/2013/article/2013006680>. – Дата обращения [03.12.2023](https://scienceforum.ru/2013/article/2013006680). – Загл. с экрана.
7. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration) [Электронный ресурс]. – ASEAN.- Bangkok, 1967. – Режим доступа : <https://clck.ru/34VVpA>. – Дата обращения : 01.12.2023. – Загл. с экрана.
8. The ASEAN Charter [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <https://clck.ru/34VVyK>. – Дата обращения : 01.12.2023. – Загл. с экрана.

Об авторах: АРСЕНЬЕВА Алина Сергеевна – студентка 4 курса Тверского государственного университета, e-mail: lina.arseneva.022@mail.ru

About the authors: Arsenyeva Alina Sergeevna – 4th year student of Tver State University, e-mail: lina.arseneva.022@mail.ru

**БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В АТР КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ КНР И РФ)**

Бобохонов Р.Р.

Санкт–Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, Санкт–Петербург

**COUNTERING TERRORISM IN THE APR AS A BASIS FOR BUILDING
A MULTIPOLAR WORLD (THE EXAMPLE OF THE CHINA AND
RUSSIA)**

R.R. Bobokhonov

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint–Petersburg

Аннотация: Борьба с терроризмом остаётся важным социально-политическим направлением в работе как каждой страны, так и региональных объединений. Деятельность террористических организаций является серьёзным вызовом всем нынешним субъектам международных отношений, подрывая и сводя к минимуму уже сложившиеся процессы безопасности, столь необходимые для осуществления деятельности государств и международных организаций. В работе исследуется вопрос о том, как борьба с терроризмом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) будет способствовать созданию многополярности, к которому стремятся одни из главных мировых акторов в лице Китая и России. На примере этих стран произведён анализ борьбы с терроризмом; вместе с тем определено как противостояние ему может быть взято за основу создания многополярного мира.

Abstract: The struggle against terrorism remains a key focus for all countries and regional groupings. The activities of terrorist organisations pose a serious challenge to all current actors in international relations, undermining and minimizing the already established security processes so necessary for the activities of states and international organisations. The paper seeks to explore how the struggle against terrorism in the APR will contribute to the creation of multipolarity, which is the aspiration of one of the world's major actors in the form of China and Russia. Using these countries as an example, the paper analyses how the struggle against terrorism can be used as a basis for the creation of a multipolar world.

Ключевые слова: терроризм, Азиатско–Тихоокеанский регион, Китай, Россия, многополярность, сотрудничество.

Keywords: terrorism, Asia-Pacific region, China, Russia, multipolarity, cooperation.

К середине 90-х гг. XX века среди специалистов по международным отношениям из Китая и России начало появляться понимание того, что демократизация международной политики в русле формирования многополярности не за горами. Главным изобретателем отечественной концепции многополярного мира является Е.М. Примаков, занявший в январе 1996 года пост министра иностранных дел. Благодаря ему термин «многополярность» крепко обосновался во внешней политике РФ. В обновлённой в марте 2023 года Концепции внешней политики РФ многополярность продолжает занимать особое положение – внешняя политика России носит миролюбивый, открытый и прагматичный характер, основанный на уважении общепризнанных принципов и норм международного права и стремлении к равноправному международному сотрудничеству для решения общих задач и продвижению общих интересов [7].

Китай также заинтересован в избавлении мира от однополярности, где множество процессов происходит из-за прямого или косвенного влияния США. В 1996 году объявлено о формировании между двумя странами отношений равноправного доверительного сотрудничества, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Урегулированы основные территориальные вопросы между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном с одной стороны и Китаем — с другой, достигнуты важные договорённости о мерах доверия и взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы. В итоге, в Москве и Пекине пришли к выводу, что подходы стран к международным отношениям близки или совпадают. В результате, в 1997 году между КНР и РФ была достигнута договорённость о подготовке

совместного документа о базовых подходах двух стран к современной системе международных отношений [3].

Проблема терроризма – это угроза глобального масштаба, затрагивающая весь мир и влияющая на безопасность людей и государства, которая в более широком масштабе имеет свои причины и собственную специфику развития. Одними из самых важных и распространённых проблем терроризма являются: политическая нестабильность, социально–экономическое неравенство, религиозные и идеологические убеждения, а также недостаточное обеспечение безопасности пользователя в условиях развития современных технологий (интернета и социальных сетей).

Политические проблемы вызваны неурегулированными конфликтами и спорами на политической арене, такими как нарушение прав человека, колониализм, оккупация территорий, и другими. Некоторые из террористических организаций используют терроризм как способ привлечь внимание к своим проблемам, и примером служит начавшийся в октябре 2023 года израильско-палестинский конфликт.

Религиозные и идеологические убеждения основаны на нетерпимости по отношению к отдельным группам лиц или даже конфессиям, которые могут способствовать радикализации и приводить к террористическим актам. Некоторые радикально настроенные группировки верят в использование насилия, как в праведный путь, несмотря на то, что их убеждения не соответствуют общественным и правовым нормам. Примером служит «Аль–Каида», которая борется за установление теократического строя с нормами шариата в арабских странах, где был свергнут светский режим [2].

Социально–экономическое неравенство слоёв населения вызвано безработицей, бедностью, социальной изоляцией, проблемами доступа к здравоохранению и образованию. В таком случае, терроризм используется и для поиска средств к существованию.

Стремительное развитие технологий в виде интернета и социальных сетей является мощным инструментом для осуществления деятельности

террористов. Интернет используется ими для вербовки людей разных национальностей и распространения своих идей. Примером служит ИГИЛ, кураторы которых использовали доступ к новым технологиям для вербовки людей в свои ряды с последующим осуществлением террористических актов [2]. Данная организация завербовала много людей из стран АТР, в том числе из Китая и России.

КНР и РФ прекрасно знакомы с терроризмом и экстремизмом в силу того, что в каждой из них есть регионы, которые в тот или иной период были замечены с экстремистскими и сепаратистскими взглядами. В Китае достаточно остро стоял вопрос таких настроений в Синьцзян–Уйгурском автономном районе (СУАР). Значительная часть экстремистов из этого района находится в рядах ранее упомянутого ИГИЛ и прочих террористических структурах. Уйгуры много лет ведут борьбу за независимость, и волнения на этнической почве часто приводили к проявлению насилия и заканчивались массовыми протестами [11].

В СУАР проживает самая большая мусульманская диаспора в КНР (из 21 млн жителей региона около 8 млн исповедуют ислам) [11]. Власти КНР пытаются бороться с распространением радикальных идей, которые также входят в перечень запрещённых тем для распространения в обществе.

Практически все теракты в КНР совершаются участниками уйгурских организаций, и в связи с этим Пекин ужесточил контроль за уйгурами, установив по всему региону системы наблюдения и создав «центры массового содержания под стражей», которые западные страны сравнивают с концлагерями Второй мировой войны. Официально подобные «лагеря» называются «центрами профессионально-технического образования» или «центрами перевоспитания» [11].

В современной России самые громкие теракты были связаны с войнами в Чечне и деятельностью бандитских формирований Северного Кавказа. Одна из самых известных и страшных страниц в истории РФ – захват заложников 1 сентября 2004 года в школе города Беслан. В результате террористического

акта погибли 333 человека, из них – 186 детей. Штурм школы произошёл 3 сентября, и именно эту дату выбрали для Дня солидарности в борьбе с терроризмом. С 2005 года в РФ вспоминают жертв терактов, совершённых на территории страны [10]. Помимо Беслана в списке самых страшных терактов находится захват больницы в Будённовске (1995 год); взрывы жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске (1999); захват заложников во время мюзикла «Норд-Ост» в московском театре на Дубровке (2002); взрывы в московском метрополитене, датированные 1996-м, 2000-м, 2004-м и 2010-м годами; взрывы в поезде «Невский экспресс» (2007 и 2009); теракт в аэропорту Домодедово (2011); двойной теракт в Волгограде (2013); авиакатастрофа над Синайским полуостровом (2015) и теракт в Санкт–Петербургском метрополитене (2017).

Теракты в РФ производились чеченскими и северокавказскими националистами, которые своими действиями требовали вывода российских войск из Чечни. Однако, проблема терроризма перенеслась и на послевоенное время. Именно теракт в Беслане стал поводом для реформирования системы противодействия терроризму в стране. 6 марта 2006 года, президент РФ Владимир Путин подписал федеральный закон «О противодействии терроризму» [14]. Документ заменил федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 1998 года и был направлен не только на пресечение, но и на предупреждение терроризма во всех его формах и проявлениях. В том же году была создана координационная межведомственная структура – Национальный антитеррористический комитет (НАК) [1].

Одним из основных направлений государственной политики КНР и РФ является обеспечение национальной безопасности. Учитывая, что страны находятся в близости от очагов возгорания экстремистских настроений, наиболее остро стоит проблема распространения этих идей на другие страны региона. На фоне роста терроризма, обе страны излагали свою позицию в вопросах борьбы с ним. Пекин призывает координировать действия международного сообщества по борьбе с терроризмом, придерживаться

многостороннего подхода и согласованного стандарта при противодействии терроризму. Китай выражает собственную точку зрения по каждому теракту и заявляет, что правительство выступает против терроризма и намерено укреплять сотрудничество с международным сообществом для нанесения удара по радикалам. Пекин обязательно выражает свои соболезнования стране, ставшей жертвой терроризма, а также оказывает гуманитарную помощь населению ряда регионов, в которых народ подвергается террористическим атакам (особенно в Африке) [6].

Принятие Пекином закона по противодействию терроризму привело к изменениям в использовании военной мощи КНР за рубежом, что позволило включать новые разработки Народно–освободительной армии (НОАК) в рамках принятой военной доктрины, проводимых учений, закупаемого оборудования, а также базирования и дипломатической деятельности, и изменило подходы Пекина к международному сотрудничеству – Китай начал активно развивать диалог по обмену разведывательными данными с новыми партнерами. Противодействие терроризму со стороны КНР заметно на примере проводимых учений. Он активно принимает участие в учениях в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), сотрудничает с Пакистаном, не оставляет без внимания противостояние терроризму в Юго-Восточной Азии. На протяжении 2002–2016 гг. Китай проводил учения по борьбе с терроризмом по периметру своих границ, сотрудничая со странами-соседями, что говорит о региональном характере стратегии Пекина до недавнего времени [4].

РФ также выступает за расширение сотрудничества в борьбе с терроризмом между государствами АТР, поскольку мер, принимаемых на национальном уровне, недостаточно. Особенно продвигается расширение в рамках ШОС и региональных форумов АСЕАН по безопасности, членами которых являются обе страны. ШОС – первая организация, выдвинувшая в своих официальных документах вопрос о борьбе против терроризма с чётким терминологическим определением. В настоящее время именно отношения

России и Китая координируют деятельность и придают вектор развития организации во всех сферах.

ШОС является организацией, обеспечивающая региональную безопасность. Её страны–участницы — Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан, КНР. Подписание Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 15 июня 2001 года [6] показало, что одним из приоритетных направлений взаимодействия стран, наряду с сотрудничеством в военной сфере и достижением взаимного согласия по вопросам границ было выбрано совместное противодействие вызовам и угрозам безопасности государств–участников. В качестве основных направлений сотрудничества центральных компетентных органов сторон Конвенция определила: обмен информацией о готовящихся и совершаемых преступлениях, а также пресечённых попытках их совершения; об организациях, группах и лицах готовящих и/или совершающих преступные деяния; обмен опытом, нормативно–правовыми актами и информацией о практике их применения [6].

Как раз ШОС позволяет КНР и РФ осуществлять политику безопасного и стабильного развития в регионе, а также предоставляет пространство для развития отношений со стратегическими партнёрами. Например, в октябре 2002 г. в целях устрашения террористов, КНР и РФ первыми провели в рамках организации антитеррористические военные учения. В августе 2003 года государства-члены провели на территории Китая и Казахстана первые многосторонние антитеррористические военные учения ШОС [6].

После подписанного в 2005-м году «Меморандума о проведении совместных военных учений» между КНР и РФ, с 19 по 25 августа того же года были проведены совместные военные учения «Мирная миссия – 2005» во Владивостоке, а также на примыкающей к ней морской территории Шаньдун. Основная цель учений заключалась в углублении взаимодоверия и укреплении дружбы КНР и РФ, расширении сотрудничества и взаимодействия стран и их армий в сферах обороны и безопасности, отработка совместных

координированных действий по борьбе с международным терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, а также разрешение кризисных ситуаций, повышение способности противостоять новым вызовам и угрозам [6]. Тогда и началось кооперирование стран в области международной безопасности, затрагивающее и АТР.

Роль РФ в международной борьбе с терроризмом очень высока. Именно Россия предложила рассмотреть план по разработке специализированного Кодекса, направленного на защиту прав человека от терроризма. Благодаря инициативной деятельности РФ, на 58 сессии ООН была принята резолюция A/RES/58/174 «Права человека и терроризм», призывающая уважать права социальных меньшинств и «решительно осуждает этнические и другие формы нетерпимости». Помимо данного аспекта, в резолюции также указывается, что защита от терроризма не должна быть ограничена расовой или этнической принадлежностью человека, его вероисповеданием и другими факторами [12].

Продолжение борьбы с терроризмом в АТР может служить основой для создания многополярности. Такой мир предполагает наличие нескольких ключевых акторов, обладающих влиянием и ресурсами, что снижает риск доминирования одной силы и способствует сотрудничеству между различными странами. Такими ключевыми акторами являются КНР и РФ. В то же время, борьба с террористами имеет свои особенности и сложности. Регион характеризуется культурным, религиозным и этническим разнообразием, что создаёт условия для возникновения террористических группировок. Также, АТР является одним из ключевых экономических и геополитических центров мира, в которой сконцентрировано 40% совокупной территории, 40% численности населения мира, 57% мирового ВВП, 48% международной торговли и более 40% мирового притока прямых иностранных инвестиций [9].

Для создания многополярности странам АТР следовало бы продолжать и дальше разрабатывать, и реализовывать координацию между собой, а также принимать широкий спектр мер борьбы с терроризмом – возможно даже

создание единых внутрирегиональных спецслужб, целью которых было бы выявление и предотвращение террористических актов в регионе, основателями которых будут КНР и РФ, и в которых будут числиться страны, вовлечённые идеей обеспечения безопасности и создания многополярности. Необходимо распространять информацию о террористических организациях и их деятельности, укреплять обмен разведывательной информацией и сотрудничество между спецслужбами разных стран, а также разрабатывать и реализовывать соответствующие законы и конвенции, направленные на борьбу с финансированием радикалов.

Создание многополярности требует разработки и реализации политических мер для урегулирования конфликтов и преодоления разногласий. Важно и дальше поддерживать диалог, переговоры и дипломатическое урегулирование споров между странами, чтобы предотвращать конфликты, которые могут стать почвой для терроризма. Правда стоит признать, что сейчас в этом заинтересованы не все крупные игроки на международной арене.

Список источников и литературы:

1. Борьба с идеологией насилия: российский опыт противодействия терроризму // ТАСС – URL: <https://tass.ru/politika/2718994?ysclid=lpmfcktg81397948358>
2. Запрещённая в РФ организация
3. Интервью официального представителя МИД России М.В.Захаровой телеканалу «РТ», 23 апреля 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1810539/?ysclid=lpu5s5an2y769421584
4. Казанцев В.Е. Политика Китая по противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 2–6 декабря 2019 г.). — Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2019. — С. 158-162. — URL:

https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83601/1/978-5-7996-2941-0_2019_28.pdf?ysclid=lpmbociqq341328515

5. Кирсанов Г.В. Шанхайская организация сотрудничества: правовые аспекты развития региональных антитеррористических институтов // Журнал российского права. - 2004. №3. - С.131.

6. Клещёва Т.А. Роль России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом в странах АТР и на Российском Дальнем Востоке // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 1. – С. 34 - 48. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=59262

7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=lpu34yfn9r442805919#sel=2:1:7Uh,2:17:pVy>

8. Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско–китайское сотрудничество и безопасность в АТР. // Сравнительная политика. 2019;10(2):135-151.

9. О форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Министерство иностранных дел Российской Федерации – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/forum-aziatsko-tihookeanskoe-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-ates-/1558774/?ysclid=lpu6skiptn804253679

10. Память сквозь года: Самые страшные теракты в России // Пятый канал – URL: <https://www.5-tv.ru/tabloid/310571/pamat-skvoz-goda-cto-stalo-stemi-kto-perezil-terakty-vrossii/?ysclid=lpu5itijif863020960>

11. Панасенко В.Н. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // Труды Академии управления МВД России. 2020. №4 (56). С.191–197

12. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 декабря 2003 года [по докладу Третьего комитета (A/58/508/Add.2)] // Организация Объединённых Наций – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/504/74/PDF/N0350474.pdf?OpenElement>

13. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ // Президент России – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522>

Об авторах: БОБОХОНОВ Руслан Рустамович – студент, Санкт–Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: ruzegzavoevatel@gmail.com

About the authors: BOBOKHONOV Ruslan Rustamovich – student, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, e-mail: ruzegzavoevatel@gmail.com

США И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Верхоломов С.А.

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре

USA AND REGIONALIZATION PROCESSES IN EAST ASIA

S.A. Verkhologov

Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur

Аннотация: Восточная Азия является одним из быстро развивающихся регионов, догоняющим ведущие страны и регионы мира. Зарубежные и отечественные исследователи полагают, что восточноазиатский регион в будущем станет центром мирового развития. Однако США, считающие себя мировым лидером, не согласны с меняющейся международной обстановкой, вследствие чего их политика в регионе направлена на его дестабилизацию. Для достижения своих целей американская администрация используют противоречия между странами Восточной Азии – «китайская угроза», территориальные споры, корейская проблема и др. США искусственно накаляют внешнеполитическую ситуацию в регионе. При проведении исследования автор использовал публикации отечественных и зарубежных авторов. Статья будет интересна как специалистам, так и всем тем, кто интересуется историей региона и всемирной историей.

Abstract: East Asia is one of the rapidly developing regions, which is catching up with the leading countries and regions of the world. Foreign and domestic researchers believe that the East Asian region will become the center of world development in the future. However, the United States, which considers itself an international leader, does not agree with the changing international situation, therefore its policy in the region is aimed at destabilizing it. To achieve its goals, the American administration uses the contradictions between the countries of East Asia – the “Chinese threat”, territorial disputes, the Korean problem, etc. The United States artificially heats up the temperature of the foreign policy situation in the region. When conducting the research, the author used publications of domestic and foreign authors. The article will be of interest to both specialists and all those interested in the history of the region and world history.

Ключевые слова: Восточная Азия, регионализация, интеграция, США, китайская угроза, «ловушка Фукидида».

Keywords: East Asia, regionalization, integration, USA, Chinese threat, “Thucydides’ trap”.

Соединенные Штаты, стремившиеся одержать победу в противостоянии с Советским Союзом, отдали предпочтение практической реализации проекта функционального регионализма на территории Восточной Азии. Суть внешнеполитической программы сводилась к объединению стран Юго-Восточной Азии в единый фронт и созданию на его базе международных организаций, нацеленных на сдерживание роста влияния СССР в Восточной Азии.

Помимо прочего США считали, что экономический рост в регионе за счет помощи стратегических союзников снизит привлекательность антикапиталистических идеологий, в связи с чем американское правительство решило продвигать «японский проект» в Восточной Азии. С 1958-1960 гг. между США и Японией была подписана серия договоров – выделение низкопроцентных кредитов, сокращение расходов на оборону, продвижение японского экспорта и т.д. Хотя премьер министр Японии Киси Нобусукэ впоследствии лишился своего поста, подписанные договоры положили начало японскому экономическому чуду. [4]

Экономическое возвышение Японии способствовало экономическому росту стран восточноазиатского региона, вошедшее в научный оборот как феномен «полет стаи гусей». Проект, реализуемый США в Восточной Азии, привлек внимание и Китая, правительство которого понимало, что развивать экономику можно только за счет интеграции в мировую экономическую систему. Экономическому росту Китая в регионе значительно способствовала Япония, которая выступала сторонником вступления Китая в ВТО, политики «одного Китая», источником ПИИ и т.д.[10]

С распадом Советского Союза и установлением гегемонии США ускорились процессы глобализации и регионализации в мире. Уверенные в своем могуществе и сконцентрированные в тот момент на Ближнем Востоке,

США начали терять контроль над ситуацией в восточноазиатском регионе в виду роста влияния Китая, который предложил пересмотреть сложившуюся систему региональной безопасности в Азии. Поэтому «новый регионализм» проводимый в Восточной Азии в последнее время «рассматривается в качестве заметного этапа разрушения американской модели глобализации». [1, 169]

Ситуация в регионе стала меняться в конце 2000-х гг. США осознали, что с течением времени они заметно потеряли позиции в Восточной Азии. Гегемонистские амбиции Китая в регионе, поддерживаемые сотрудничеством АСЕАН+3, бросили вызов американскому миропорядку в регионе. В 2009 году американский президент Б. Обама в Токио заявил о том, что США должны увеличить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе [12]. С этой целью Вашингтон провел саммит АСЕАН-США (2009), министерскую встречу США-нижний Меконг (2009), было заключено рамочное соглашение с восточноазиатскими странами, что положило начало присоединению Вашингтона к форуму «Восточноазиатский саммит».

В целях реанимации АТЭС, структур ВТО и своих позиций в Восточной Азии США активно начали продвигать Соглашение о Транс-Тихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТТП). Соглашение было подписано в 2006 году между Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром. В 2008 году США присоединились к переговорам об инвестициях и финансовых услугах. В 2010 году администрация Б. Обамы взяла на себя обязательство руководить переговорным процессом. На саммите АТЭС в 2011 году участники ТТП достигли соглашения, которые определили специфику организации [7]. Однако с приходом к власти администрации Д. Трампа США принимают решение о выходе из ТТП, так как в 2010-е. на горизонте у США появилась новая проблема – это возвышение Китая, который своими действиями бросил вызов американскому миропорядку. При этом отношения от года к году между странами обостряются, и сложившуюся ситуацию можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, американское правительство озабочено обновлением военной доктрины НОАК (Народно-освободительной армией Китая), в рамках которой происходит перевооружение армии и флота. Так, например, согласно ежегодному отчету Министерства обороны США НОАК в 2020 г. уже достигла паритета с Соединенными Штатами или даже превзошла их в таких областях, как кораблестроение, наземное базирование баллистических и крылатых ракет, комплексных систем ПВО [8]. По оценкам Стокгольмского международного института исследования мировых проблем, расходы КНР на оборону увеличились на 76 % с 2011 по 2020 гг. [13].

Во-вторых, Китай и его армия осуществляют кибератаки на американские технологические компании и правительственные учреждения США с целью получения/ кражи технологий [7]. Такими действиями, по мнению американских специалистов, Китай подрывает экономику США, путем осуществления промышленного шпионажа.

В-третьих, американские власти озабочены сближением России и Китая, где потенциальный союз «авторитарных» государств угрожает демократическим ценностям западного мира.

В-четвертых, американские власти и их союзники обеспокоены продвижением проекта ОПОП. США, Япония, Австралия, Индия и ведущие европейские страны (Германия, Великобритания, Франция, Германия) рассматривают проекты, связанные с «Пояс и Путь», как часть плана Пекина по расширению стратегического влияния в мире, в том числе, с целью создания военного плацдарма.[14, 9]

Американский исследователь Г. Киссинджер отмечает: «В геополитическом плане для каждой крупной азиатской державы, включая Китай, проблема состоит не столько в том, чтобы завоевать соседей, сколько в том, как помешать соседям объединиться против нее. Япония боится укрепления китайского колосса. Опасения самого Китая относительно Японии и России основываются на столетнем опыте. В течение более полувека идет

пограничный спор между Китаем и Индией, восходящий к распрям между императорским Китаем и британскими правителями Индии».[2,119]

С приходом к власти Дж. Байдена в 2021 году стратегия региональной безопасности в Восточной Азии начала меняться, но ее отличительная особенность заключается в том, что она использует опыт предыдущих президентов.

Во-первых, в стратегии национальной безопасности США, выпущенной в 2022 году, Китай объявлен главным соперником коллективного Запада, а Индо-Тихоокеанский регион будет играть ключевую роль во внешней политике Вашингтона [10]. Большую роль в продвижении американских интересов будет играть Индо-Тихоокеанская экономическая программа (IPEF). Новый формат экономического взаимодействия, необходим для укрепления геоэкономических позиций США в Восточной Азии и мире. Благодаря соглашению Соединенные Штаты будут укреплять торговые контакты, аккумулировать иностранные инвестиции, тем самым будут теснить Китай на его же поле [13].

Во-вторых, американская администрация решила сформировать военный союз из государств по периметру КНР, используя «систему оси и спиц», то чего не удалось сделать во времена Б.Обамы. [3;20] Для достижения данной цели были сформированы AUKUS (союз Австралии, США и Великобритании), второе рождение получает QUAD (четырёхсторонний стратегический диалог Австралии, США, Индии и Японии).

В-третьих, США выстраивают кооперативную систему региональной безопасности в Восточной Азии. Для реализации данной стратегии американские власти используют опыт Д. Трампа во внешней политике, где большую роль играют международные институты. Администрация Д. Байдена ссылается на многосторонние организации и международные нормы в контексте своей политики безопасности, в том числе с целью модернизации системы «оси и спиц». [9,15]

В-четвертых, США будут проводить политику «дисбаланса сил» для переманивания на свою сторону государств Юго-Восточной Азии, так как страны АСЕАН будут искать гарантии безопасности против сильного Китая.

В-пятых, США придают особое значение экономическим организациям (АСЕАН, АТЭС) и проектам (IPEF, RCEP, ВЗВ), которые должны стать прямыми конкурентами китайской инициативы «Один пояс, один Путь».

В-шестых, американская сторона целенаправленно нагнетает военно-политическую обстановку в регионе. В последнем номере журнала «Foreign Policy» (от 4.02.2024) американский политолог М. Бекли пишет, что КНР готов начать войну в регионе. И для этого есть несколько причин, по мнению исследователя, – социально-экономические проблемы (застой в экономике, старение нации), авторитаризм Си Цзиньпина, наличие территориальных споров и тайваньской проблемы и т.д. [5].

Список использованной литературы:

1. Балакин, В.И. Регионализм и регионализация в Восточной Азии [Текст] /В.И. Балакин // Государство и Гражданское общество: политика, экономика, право. - 2015. – № 3. - С. 169- 183.
2. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века [Текст]/ Г. Киссинджер; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исследования постиндустриального о-ва, Журнал «Свободная Мысль». - М.: Ладомир, 2002. – 351 с.
3. Цветкова Н., Стругач Ф. США в АТР. Влияние экспертного сообщества на процесс принятия внешнеполитических решений [Текст / Н.Цветкова, Ф.Стругач]// АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ. - 2019. – № 3. - С. 18-23.
4. Beckley M., Horiuchi Y., Miller J.M. America's role in the making of Japan's economic miracle // Journal of East Asian Studies. - 2018. – Vol.18 (1). - P. 1-21.
5. [Beckley M. How Primed for War Is China?](https://foreignpolicy.com/2024/02/04/china-war-military-taiwan-us-asia-xi-escalation-crisis/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=FP%20This%20Week%20-%2002072024&utm_term=fp_this_week) [Электронный ресурс]. URL: https://foreignpolicy.com/2024/02/04/china-war-military-taiwan-us-asia-xi-escalation-crisis/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=FP%20This%20Week%20-%2002072024&utm_term=fp_this_week (дата обращения 07.02.2024)

6. Campbell C. China's Military: The People's Liberation Army (PLA) // Congressional Research Service. - June 4, 2021. - 54 p.
7. Cyber operation enabling expansive digital authoritarianism. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/reports-publications/reports-publications-2022/item/2334-cyber-operations-enabling-expansive-digital-authoritarianism> (дата обращения 12.06.2023).
8. Hansen B. The Indo-Pacific: What's the Strategy vis-à-vis China? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencespo.fr/cei/observatory-indo-pacific/wp-content/uploads/2022/07/Brynn-HANSEN-Indo-Pacific-Final-Paper.pdf> (дата обращения 13.01.2024)
9. Heiduc F. Security in the Indo-Pacific. The Asianisation of the regional security architecture // SWP Research Paper. 2022. Paper 11. – 38 p.
10. Indo-Pacific strategy of the United States. The White House. Washington. 2022. – 19 p.
11. Jerden B., Hagstrom L. Rethinking japan's china policy: Japan as an accommodator in the rise of China 1978-2011 // Journal of East Asian Studies. - 2012. – Vol. 12 (2). P. 215-250.
12. Min Y. China and competing cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the new silk road // Asian Security. - 2015. - Vol. 11. – №. 3. - P. 206-224.
13. Perestrello M. NATO and the Indo-Pacific region. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2023-11/021_%20PCNP%202022_%20E%20rev.%202%20fin%20-%20INDO-PACIFIC%20-%20PERESTRELLO%20REPORT.pdf (дата обращения 13.01.2024)
14. Wu S., Colombage J. Indo-Pacific Strategy and China's Response // Institute for China-America Studies № 5. – 15 p.

Об авторах: ВЕРХОЛОМОВ Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета, e-mail: verholomov_s@mail.ru

About the authors: VERKHOLOMOV Sergey A. – senior lecturer History and Cultural Study Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), e-mail: verholomov_s@mail.ru

**РОЛЬ ДИАСПОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ:
КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР**

Гулянец В.В.

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

**ROLE OF DIASPORA IN THE FOREIGN POLICY OF STATES:
CHINESE VECTOR**

V.V. Gulyants

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

Аннотация: На современном этапе развития международных отношений роль диаспоры как инструмента внешней политики государств значительно возрастает. Статья посвящена фактору диаспоральной политики и роли диаспор во внешней политике современных государств. Вектор исследования направлен именно на китайскую диаспору, как самую многочисленную в мире. С началом политики реформ и открытости и по сегодняшний день во внешнеполитической стратегии Китая большое внимание уделяется формированию и развитию диаспоральной политики страны, так как она воспринимается Правительством КНР как принципиально важный инструмент реализации внешней политики. Помимо прочего, представлен анализ китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии, так как наибольшее количество зарубежных китайцев находится в странах данного региона.

Abstract: At the present stage of development of international relations, the role of the diaspora as an instrument of foreign policy of states is significantly increasing. The article is devoted to the factor of diaspora politics and the role of diasporas in the foreign policy of modern states. The research vector is aimed specifically at the Chinese diaspora, as the largest in the world. From the beginning of the policy of reform and opening up to the present day, China's foreign policy strategy has paid much attention to the formation and development of the country's diaspora policy, since it is perceived by the Government of the People's Republic of China as a fundamentally important tool for implementing foreign policy. Among other things, an analysis of the Chinese diaspora in Southeast Asia is presented, since the largest number of overseas Chinese are located in the countries of this region.

Ключевые слова: Китай, диаспора, диаспоральная политика, хуацяо, Юго-Восточная Азия, внешняя политика, лобби.

Key words: China, diaspora, diaspora policy, huaqiao, Southeast Asia, foreign policy, lobby.

На сегодняшний день усиление процессов глобализации приводит к свободному перемещению населения. Увеличению миграционных потоков способствует большое количество факторов экономического, политического и социального характера. В свою очередь именно глобальные миграционные потоки формируют диаспоры.

Диаспоры являются относительно новыми инструментами внешней политики государств, приобретая политическое и культурное влияние, а также сосредотачивая значительные финансовые активы в странах пребывания, диаспоры обеспечивают этническую родину, связь с которой они сохраняют, возможностями для реализации национальных интересов. Понимание этого факта необходимо всем странам, но в особенности государствам, стремящимся занять лидирующее положение на мировой арене.

Деятельность диаспор на международной арене может быть активной и пассивной, что обусловлено рядом причин, которые в первую очередь определяются участием национальных диаспор во внешнеполитической стратегии государств, а именно взаимодействием со страной происхождения.

Например, китайская диаспора стала движущей силой в процессе становления экономики Китая, а еврейская диаспора, тесно взаимодействуя с США и ЕС, используется Израилем для выстраивания стратегического партнерства с Западом.

В данном контексте стоит провести анализ самой большой диаспоры в мире – китайской. Особый интерес представляет китайская диаспора в регионе Юго-Восточной Азии, ведь на данный момент около 75 % зарубежных китайцев приходится на страны Юго-Восточной Азии, что, безусловно, не может не отразиться на внутренней политике и экономике каждой отдельной страны региона. Кроме того, в начале двадцать первого века китайская диаспора считалась «четвертой экономикой мира» после Соединённых

Штатов Америки, Китая и Японии, так как она обладает капиталом в размере 1,5 миллиардов долларов [1]. Следовательно, на протяжении последних тридцати лет экономическая мощь КНР в Юго-Восточной Азии активно развивается в первую очередь за счёт инвестирования региона в экономическое сотрудничество с Китаем.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии начала формироваться после 1950-х годов и сейчас является неотъемлемой частью стран данного региона. Важной особенностью Юго-Восточной Азии является то, что она полностью признает Китай, равно как и этнически китайское население.

Китайские диаспоры в Юго-Восточной Азии больше рассматриваются как бизнес-диаспоры, так как они служат источником инвестиций для стран региона. После финансового кризиса 1997 года китайское правительство оказывало поддержку странам Юго-Восточной Азии, тем самым КНР усилила не только взаимодействие со странами региона, но и своё влияние на внутреннюю экономику каждого отдельного государства [6].

Ключевой сферой деятельности китайских диаспор в странах Юго-Восточной Азии является торговля. По сравнению с национальными предпринимателями в странах Юго-Восточной Азии китайские бизнесмены имеют высокую степень интернационализации, следовательно, могут эффективно использовать возможности стран региона для привлечения иностранных инвестиций с целью обеспечения трансграничной торговли. Торговля, равно как и отношения между Китаем и странами Юго-Восточной Азии находятся на высоком уровне, о чем свидетельствует факт создания зоны свободной торговли между Китаем и странами АСЕАН.

Например, на данный момент хуацяо создали крупнейшие холдинги в таких странах как Филиппины, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Таиланд. Необходимо отметить, что бизнес-активы пяти стран составляют более 90 % всех активов китайских бизнесменов в Юго-Восточной Азии [2].

Кроме того, зарубежные китайцы стремятся участвовать в государственных и политических делах стран региона. На данный момент

наблюдается дискурсивная политическая власть представителей китайских диаспор, которая заключается в их праве выражать свою волю в стране проживания.

Стоит отметить, что страны Юго-Восточной Азии начали отменять ограничения на политические права зарубежных китайцев. На данный момент иностранные китайцы активно участвуют в политической жизни страны проживания, совершенствуют свой политический дискурс, а также стремятся найти политические средства для защиты своих экономических интересов.

Представителей этнического населения Китая, участвующих в политической жизни стран региона, можно разделить на две группы. Во-первых, население с китайским происхождением участвуют в политике, но как граждане страны, не отмечая при этом этнические особенности своей диаспоры. Например, президент Филиппин Коразон Акино и премьер-министр Таиланда Йинглук. Второй формой участия зарубежных китайцев в политике стран ЮВА является формирование китайских политических партий, особенно в Сингапуре, Малайзии и Индонезии. Но стоит отметить, что из всего региона Юго-Восточной Азии Сингапур является единственной страной, где китайцы доминируют в процессе принятия внешнеполитических решений. Первые три министра Сингапура, а именно Ли Куан Ю, У Цзоодун и Ли Сяньлун были этническими китайцами.

Таким образом, наибольшее влияние китайской диаспоры можно наблюдать в Сингапуре и Малайзии. В этих странах этнические китайцы участвуют не только в различных социальных и культурных аспектах страны, но также образуют влиятельные китайские политические партии. Например, история формирования Малайской ассоциации китайцев начинается с создания в 1949 году Малазийской китайской ассоциации. А в Сингапуре китайцы составляют около 75% от населения, что, безусловно, отражается на внутренней политике и экономике страны. Кроме того, в Сингапуре существует риск утраты национальной идентичности ввиду активного влияния КНР на данное государство [2].

Следовательно, Китай активно использует свои зарубежные диаспоры во внешней политике в Юго-Восточной Азии. Хуацяо во внешней политике КНР выступают не только в качестве инструмента распространения «мягкой» силы, а именно культурных и образовательных ценностей, но также как рычаг развития экономики и торговли, что безусловно приводит не только к улучшению стратегического партнёрства со странами региона, но и к формированию положительного внешнеполитического имиджа Китая как ведущего игрока на мировой арене.

Диаспоральная политика – государственная поддержка соотечественников за рубежом – играет ключевую роль в укреплении внутренней консолидации зарубежных диаспор и в развитии их влияния на внешнюю политику страны проживания. Именно поэтому многие государства активно поддерживают свои зарубежные диаспоры, как, например, в Японии и Китае ежегодно выделяется значительная доля средств из государственного бюджета на эти цели.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что под воздействием глобализации формируется явно новая политическая картина мира, так как растёт тенденция взаимозависимости и взаимодополняемости мира во многих сферах. Диаспоры представляют собой один из малоизученных феноменов современных политических коммуникаций, но не оставляет сомнения факт влияния диаспор на мировую политику, однако последствия их влияния предусмотреть очень сложно. Диаспора как инструмент внешней политики современного государства является проводником его основных национальных и культурных интересов, распространяя их на глобальном уровне. Кроме того, диаспора, очевидно, играет значительную роль в процессе развития и укрепления экономики своей страны, что также говорит о ее необходимости в системе международных отношений. Именно поэтому, справедливо сделать вывод о том, что диаспора бесспорно является элементом «мягкой» силы современных государств.

Список использованной литературы:

1. Анохина Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2012. - № 361. - С. 63 - 64
2. Афонасьева А.В. Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.). М., 2013.
3. Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / составитель, отв. Редактор Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН. – 2013. – 392 с.
4. India's Diaspora Policy: A new era of inclusion [Электронный ресурс] // The Indian Economist. – Режим доступа: <https://m.dailyhunt.in/news/india/english/the+indian+economist-e-paper-indecono/india+s+diaspora+policy+a+new+era+of+inclusion-newsid-73885531> (дата обращения: 01.12.2023)
5. 东南亚华人的政治经济地位 [Электронный ресурс] // 新加坡文献馆. – Режим доступа: <https://www.sginsight.com/xjp/index.php?id=4144> (дата обращения: 28.11.2023)
6. 论东南亚的华族 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sea.cssn.cn/webpic/web/sea/upload/2012/02/d20120216150227927.pdf> (дата обращения: 03.12.2023)

Об авторе: ГУЛЯНЦ Виктория Викторовна – атташе Представительства МИД России в городе Минеральные Воды, аспирант, Пятигорский государственный университет, e-mail: gulyants_vika@mail.ru

About the author: GULYANTS Victoria Victorovna, attache of the Representative Office of the Ministry of Foreign Affairs of Russia in Mineralnye Vody, postgraduate student, Pyatigorsk State University, e-mail: gulyants_vika@mail.ru

**ИНДОНЕЗИЯ В АСЕАН: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ**

Календарь О.К.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

**INDONESIA IN ASEAN: HISTORICAL RETROSPECTIVE
AND MODERN REALITIES**

O.K. Kalendar

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: В представленной статье рассматриваются роль и место Индонезии на различных этапах становления, развития и институционализации регионального сотрудничества в Юго-Восточной Азии на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. С момента создания Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1967 г. Индонезия постепенно укрепляла свои позиции как ведущая политическая сила региона, оказав значительное влияние на формирование организационных и идеологических основ объединения. Статья подводит некоторые итоги многолетней работы Индонезии по линии АСЕАН. На основе изученных материалов предпринята попытка определить стратегию, направление и перспективы развития ассоциации в ближайшем будущем и роль Индонезии в данном процессе, в частности.

Abstract: The article examines the role and place of Indonesia at various stages of the establishment, development, and institutionalization of regional cooperation in Southeast Asia in the second half of XX – beginning of XXI century. Since the formation of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in 1967, Indonesia has been gradually strengthening its position as a leading political force in the region that had a significant impact on the association's organizational and ideological basis. The article summarizes some of the results of work carried out by Indonesia over many years within ASEAN. On the basis of the studied materials, an attempt is made to determine the strategy, direction, and prospects for the association's development in the near future and particularly Indonesia's role in this process.

Ключевые слова: Индонезия, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, международные отношения, региональная интеграция

Keywords: Indonesia, ASEAN, Southeast Asia, international relations, regional integration

После окончания Второй мировой войны структура международных отношений претерпела серьезные изменения, в результате сложилась биполярная система мира с формированием двух центров – СССР и США. Соперничество сверхдержав привело к образованию ряда межправительственных организаций, в том числе военно-политических блоков, самыми крупными из которых стали Организация Североатлантического договора (*North Atlantic Treaty Organization*) и созданная в противовес ей Организация Варшавского договора.

Подобное динамичное развитие системы международных отношений не могло не оказать влияние на мировое сообщество, в частности, на развитие внешней политики стран Юго-Восточной Азии. Поскольку в 1950–1960-х гг. молодые независимые государства Юго-Восточной Азии оставались весьма уязвимыми, в приоритете при подготовке их правительственных программ развития стало укрепление регионализма и межгосударственных связей, национальной безопасности и экономического развития, в том числе путем выработки совместной политики.

Наращение кризисных явлений побудило страны региона рассмотреть вопрос о создании альтернативной конфедерации наций или региональной организации. Таким образом, история формирования и становления Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, *Association of South East Asian Nations*) как одной из крупнейших и, по современным оценкам, успешных региональных организаций начинается с нескольких двусторонних и многосторонних соглашений. Не последнюю роль в данном процессе сыграла Республика Индонезия.

С 1958 г. при участии Индонезии развернулись переговоры по Договору о дружбе и экономическом сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (*Southeast Asia Friendship and Economic Treaty*), основной целью которого было

объявлено налаживание экономического, торгового и культурного взаимодействия. Тем не менее предложенный план не получил необходимой поддержки из-за разногласий между потенциальными членами новой организации [9, 2–9.]. Несмотря на, казалось бы, неудачный результат, подобное коллективное обсуждение создания объединения стран Юго-Восточной Азии стало важным шагом на пути дальнейшего усиления региональной интеграции.

В 1961 г. по итогам встречи министров иностранных дел Малайской Федерации, Филиппин и Таиланда была основана Ассоциация Юго-Восточной Азии (*Association of Southeast Asia*) [2]. Как сообщалось, страны-члены организации рассчитывали на последующее вступление Индонезии в их ряды, а также сопутствующее укрепление регионального сотрудничества в рамках работы новой ассоциации [1, 178]. Тем не менее Джакарта не была заинтересована в присоединении к уже существовавшему союзу, где Индонезия стала бы фактически примкнувшим гостем, а не одним из учредителей, что могло предоставить бóльшие возможности при продвижении национальных интересов.

В соответствии с наиболее распространенной версией, инициатором создания АСЕАН стал Таиланд [11]. Однако некоторые исследователи приписывают идею формирования ассоциации правительству Индонезии, состав которого был обновлен после прихода к власти генерала Сухарто в 1966 г. Согласно данной версии, с инициативой выступил новоназначенный министр иностранных дел Адам Малик, который был полон решимости приступить к довольно резкой смене внешнеполитического курса государства. Одним из элементов предлагаемой им политики стало изменение имиджа страны в глазах мирового сообщества и расширение регионального сотрудничества при непосредственном и активном участии Индонезии [4, 50–51].

Восьмого августа 1967 г. в г. Бангкок министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда подписали

Декларацию о создании АСЕАН (Бангкокская декларация) [12]. Участники нового объединения договорились содействовать дальнейшему укреплению мира и стабильности в регионе, осуществлять сотрудничество в области политического, социально-экономического и культурного развития, способствовать развитию тесных, равноправных и долгосрочных партнерских связей с образовавшимися на мировой арене международными и региональными организациями [10].

В целях документального оформления основ функционирования АСЕАН в 1976 г. на полях Первого саммита ассоциации на о. Бали был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор). В соглашении были отражены основополагающие принципы мирного сосуществования и эффективного развития межгосударственного сотрудничества в регионе, в том числе взаимное уважение суверенитета, равенства и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, разрешение споров мирными средствами, отказ от применения силы или угрозы применения силы [13].

Представляется важным отметить, что тогда же страны АСЕАН обратились к концепции «национальной устойчивости» (*ketahanan nasional*), разработанной и принятой в 1960-х гг. в Индонезии. Согласно данной концепции, «национальная устойчивость» – это способность государства защитить свои национальные интересы как от внутренних, так и от внешних вызовов и угроз [5].

По итогам саммита 1976 г. члены АСЕАН постановили, что национальная безопасность стран Юго-Восточной Азии является основополагающим вкладом в достижение главной цели ассоциации – обеспечение и поддержание международного мира и стабильности. Предпринимая усилия по укреплению «национальной устойчивости», социально-экономического, природно-ресурсного, технологического и культурного потенциала, правительства стран АСЕАН сформировали и утвердили концепцию «региональной устойчивости» (*ketahanan regional*) [7].

Следует отдельно подчеркнуть, что еще на начальном этапе существования организации ее участники договорились придерживаться ряда принципов, которые отчасти нашли отражение в вышеупомянутом Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и впоследствии получили название «пути АСЕАН» (*ASEAN Way*). В соответствии с «путем АСЕАН», первостепенным подходом к урегулированию спорных вопросов должно быть проведение открытой дискуссии и консультаций, выработка справедливого и согласованного решения, взаимное уважение и терпимость, невмешательство АСЕАН во внутреннюю политику стран-членов и двусторонние конфликты между ними [8, 202].

Вместе с тем данные принципы характерны для традиционной политической культуры Индонезии, а некоторые из них являются составной частью ее национальной идеологии. Именно индонезийская сторона предложила ввести описанную систему механизмов сотрудничества, которые впоследствии стали неотъемлемой частью политики АСЕАН и не раз доказали свою эффективность.

При непосредственном участии Индонезии Первый саммит привел к трансформации АСЕАН: принятые решения не только определили руководящие положения по дальнейшей работе организации, но и изменили траекторию ее развития на последующие годы. Примечательно, что постоянный секретариат АСЕАН с тех пор располагается именно в индонезийской столице. Многие исследователи сходятся во мнении, что индонезийские лидеры принимали наиболее активное участие в процессе моделирования организационной деятельности и определения особенностей функционирования ассоциации не только на первом этапе ее существования, но и позднее [1, 179].

В целом в 1980-е и 1990-е гг. дальнейшее оформление получила поддерживаемая Индонезией политика нейтрализации, во многом направленная на сдерживание конфликтов и военно-политических противостояний на территории Юго-Восточной Азии [3, 360]. В известной

мере АСЕАН выступила в качестве посредника, чьи действия были направлены на предотвращение конфронтации и мирное урегулирование споров как между странами объединения, так и между мировыми державами в вопросах, непосредственно затрагивавших государства региона.

Нельзя не отметить, что на пути к урегулированию внутривосточного кризиса, разразившегося в Индонезии после падения режима президента Сухарто в 1998 г., внешнеполитические задачи отошли на второй план. В частности, Джакарте пришлось отказаться от прежнего активного участия в деятельности АСЕАН [1, 183]. Как следствие, Индонезия потеряла лидирующие позиции, заработанный за многие годы авторитет был несколько подорван.

Намеченная тенденция претерпела изменения в 2004 г. после вступления в должность президента Суило Бамбанг Юдойоно, и постепенно вопросы внутривосточного развития вновь приобрели актуальность. Индонезия восстановила влияние в регионе и подтвердила свой статус одного из лидеров АСЕАН.

Тем не менее по сей день остается открытым вопрос: является ли Индонезия «первой среди равных»? Несмотря на значительные успехи страны на региональной арене, достигнутые за первую четверть XXI в., нельзя упускать из внимания позиционирование АСЕАН как единого сообщества, члены которого являются равноправными участниками международного общения.

В течение 2023 г. Индонезия занимала пост председателя ассоциации. За этот год состоялись Сорок второй и Сорок третий саммиты АСЕАН, а также смежные саммиты, ряд многосторонних и двусторонних встреч. В целом за 2023 г. страны региона и, главным образом, Индонезия как председатель смогли внести весомый вклад в процесс разработки политики, стратегий и программ, нацеленных на разрешение многочисленных политических и экономических задач и преодоление социальных кризисов, которые стоят перед асеановским сообществом сегодня [6].

С определенной долей уверенности можно утверждать, что на современном этапе Индонезия удерживает неофициальное лидерство, то есть является «первой среди равных», проводником первоначальных целей и идей АСЕАН. Хотя такую позицию нельзя назвать безоговорочной и единственно верной, она имеет под собой довольно серьезные основания, а вклад Индонезии в региональное сотрудничество на протяжении последних шестидесяти лет снискали уважение и признание остальных стран Юго-Восточной Азии.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что несмотря на некоторые взлеты и падения, периодические разногласия внутри организации и влияние внешних геополитических факторов, Индонезия продолжает укреплять свой потенциал, одновременно адаптируясь к новым реалиям, меняющимся требованиям и условиям мировой политики. Вполне вероятно, будучи активным участником работы на площадке АСЕАН, Индонезия, как и прежде, намерена наращивать усилия в целях развития всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия как в двустороннем, так и многостороннем формате.

Список использованной литературы:

1. Малетин Н. П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. 2, № 4 (45) (2019).
2. Bangkok Declaration (Association of South-East Asia). URL: <https://elibrary.judiciary.gov.ph/thebookshelf/showdocs/36/11080> (дата обращения: 14.12.2023).
3. Emmers R. Unpacking ASEAN Neutrality: The Quest for Autonomy and Impartiality in Southeast Asia // Contemporary Southeast Asia. Vol. 40, No. 3 (2018).
4. Gordon B. K. East Asian Regionalism and United States Security. McLean: Research Analysis Corporation, 1968.
5. Ketahanan Nasional: Pengertian, Fungsi, Ciri, dan Contoh. URL: <https://pasla.jambiprov.go.id/ketahanan-nasional-pengertian-fungsi-ciri-dan-contoh> (дата обращения: 14.12.2023).

6. Results of the 2023 ASEAN Summit. URL: <https://asean2023.id/en/news/results-of-the-2023-asean-summit> (дата обращения: 14.12.2023).
7. Speech by Mr. S. Pushpanathan, Deputy Secretary-General of ASEAN at the National Resilience Institute of Republic of Indonesia “Building Regional Resilience: ASEAN Charter, ASEAN Community Blueprints and ASEAN Community” Jakarta, 20 May 2009. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/Speech-DSG-AEC-SP-NationalResilienceInstitute.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).
8. *Supancana I. B. R.* Maritime Boundary Disputes between Indonesia and Malaysia in the Area of Ambalat Block: Some Optional Scenarios for Peaceful Settlement // *Journal of East Asia and International Law*. Vol. 8, No. 1 (2015).
9. *Tarling N.* Southeast Asian Regionalism: New Zealand Perspectives. Singapore: ISEAS, 2011.
10. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), 8 Agustus 1967. URL: <http://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).
11. The Founding of ASEAN. URL: <https://asean.org/the-founding-of-asean> (дата обращения: 14.12.2023).
12. *The Straits Times*, 08.08.1967. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19670808-1.1.1> (дата обращения: 14.12.2023).
13. Treaty of Amity and Co-operation in Southeast Asia, 24 February 1976. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201025/volume-1025-I-15063-English.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).

Об авторе: КАЛЕНДАРЬ Ольга Константиновна – аспирант, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, email: okalendar@iaas.msu.ru

About the author: KALENDAR Olga Konstantinovna – Postgraduate Student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, email: okalendar@iaas.msu.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Калинина А.А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород

CHINA'S TERRITORIAL DISPUTES IN THE ASIA-PACIFIC REGION

A.A. Kalinina

N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod

Аннотация: данная статья посвящена существующим на данный момент территориальным спорам Китайской Народной Республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основное внимание уделено рассмотрению вопроса по поводу принадлежности островов Сенкаку, архипелага Спратли и Парасельских островов, так как из-за этих территорий в современном мире возникают конфликтные ситуации между государствами.

Abstract. this article is devoted to the current territorial disputes of the People's Republic China in the Asia-Pacific region. The main attention is paid to the consideration of the issue regarding the Senkaku islands, Spratly and Paracel islands since potential conflicts between states arise over these territories in the modern world.

Ключевые слова: Китай, Южно-Китайское море, острова Спратли, Восточно-Китайское море, Сенкаку, Парасельские острова

Keywords: China, South China sea, Spratly islands, East China sea, Senkaku, the Parasel islands

После проведения Китаем политики «реформ и открытости» в 1978 году, страна вышла на новый уровень благодаря модернизации своей экономики после «большого скачка», открытости внешним рынкам и инвестициям со стороны иностранных государств [1, с.30]. В результате всех экономических, политических, социальных преобразований появилось сильное государство, которое активно взаимодействует с другими странами и проявляет свои лидерские амбиции. Со временем у Китая стали обостряться уже

существующие территориальные противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в основном, конфликтные зоны соотносятся с Восточно-Китайским и Южно-Китайским морями.

В процессе данного исследования были использованы сравнительный метод, формально-юридический метод.

Актуальность данной работы заключается в становлении АТР как одного из важнейших макрорегионов мира. Китай, Япония, США, Тайвань развивают экономический, политический и военный потенциал, чтобы впоследствии занимать лидирующее положение. Помимо этого, амбициозные планы стран приводят к росту опасности возникновения территориальных конфликтов в регионе.

Одним из самых серьезных на данный момент территориальных споров –противоречия Китая с Японией в Восточно-Китайском море касаются принадлежности островов Дяоюйдао или островов Сенкаку. Острова Сенкаку находятся в акватории Восточно-Китайского моря и являются объектом территориальных споров между Японией, Тайванем и Китайской Народной Республикой. Споры между сторонами ведутся давно. Острова Сенкаку находятся на границе между принадлежащими Японии островами Рюкю и Тайванем.

В международном праве есть нормы, которые определяют, имеет ли государство возможность и основания претендовать на территорию. Если на территории есть признаки символической аннексии, то есть находится флаг, опознавательные знаки, по которым можно понять, что территория уже занята каким-либо государством, то такой шаг считается проявлением суверенитета на территорию. Япония утверждает, что могла занять острова по праву *terra nullius*, потому что на территории не было поселений людей, следовательно, они могли присвоить острова Сенкаку себе. Официальная позиция Пекина заключается в том, что острова были найдены китайцами еще во времена империи Мин в 1471 году.

Во время Первой японо-китайской войны 1894-1895 годов по результатам Симоносекского мирного договора 1895 года, согласно статье II [2, с.2-3], династия Цин передавала Японии острова Сенкаку, притом, что не указана принадлежность Сенкаку Формозе (Тайваню) и Пескадорским островам, соответственно острова Сенкаку оказались под властью Японии. Китай также заявляет о том, что на картах 1783 и 1785 года острова Сенкаку принадлежали им, в ходе японо-китайской войны острова были захвачены Японией и именно поэтому их необходимо отдать Китаю обратно. Первая документально подтвержденная встреча с островами была сделана китайскими моряками в пятнадцатом веке.

Китай ссылается также на то, что Тайвань давно связан с островами Сенкаку и по Сан-Францисскому мирному договору территории должны отойти Китаю вместе с Тайванем и Пескадорскими островами, которые некоторое время принадлежали Японии по Симоносекскому мирному договору. Уже позже, по результатам Сан-Францисского мирного договора согласно статье II [3, с.2] а) Япония, признавая независимость Кореи, отказывается от всех прав, оснований и претензий на Корею, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон и Дагелет; б) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова; в) Япония отказывается от всех прав, оснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские. Япония согласится с любым предложением Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций о передаче под систему опеки ООН, с Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти, островов Нансей Сёто, расположенных к югу от 29 градуса северной широты (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сёто к югу от Софу Ган (включая острова Бонин, остров Розарио и острова Волкано) и островов Парес Вела и Маркус [3, с.3]. После внесения такого предложения и принятия по нему положительного решения Соединенные Штаты обладают правом осуществлять всю административную, законодательную и судебную власть над территорией и жителями этих островов, включая их

территориальные воды. С начала 1970-х годов идёт более ожесточённый спор между Китаем и Японией касаясь этих территорий, ведь в 1971 году США передал острова Сенкаку Японии [6]. Согласно этому договору, статья 5 обязывает Соединённые штаты защищать Японию в случае нападения третьей стороны. Вмешательство США в данный регион только усугубляет ситуацию, напрягая своим присутствием Пекин.

В 1978 году после подписания японо-китайского договора о мире, дружбе и сотрудничестве Япония и КНР заявили о замораживании дебатов вокруг островов [7]. Спор по поводу Сенкаку возобновился с новой силой уже в 2012 году. Токио заявил, что частное лицо продало Японии эти острова. По мнению автора, несмотря на существующие разногласия, ни Япония, ни Китай на данный момент не заинтересованы в конфликтных ситуациях, скорее пытаются сгладить международные противоречия в разных сферах. В ноябре 2023 года в Сан-Франциско состоялась встреча председателя КНР Си Цзиньпина с премьер-министром Японии Фумио Кисидой. Лидеры стран «договорились посвятить себя совместному построению конструктивных и стабильных китайско-японских отношений, отвечающих требованиям новой эпохи» [5].

Помимо противоречий в Восточно-Китайском море, также существуют конфликтные зоны в Южно-Китайском море касаясь островов Спратли и Парасельских островов. Проблема заключается в том, что кроме КНР на Парасельский архипелаг имеют притязания также Вьетнам и Тайвань. Что касается островов Спратли, то кроме КНР на них претендуют Вьетнам, Филиппины, Индонезия и Мьянма. Согласно статистике, Южно-Китайское море является одним из важных центров мировой торговли для Китая, так как даже на 2016 год доля торговли Китая через Южно-Китайское море занимала около 39.5 процентов и составляет 1470 миллиардов долларов [8].

Официальная позиция Пекина заключается в том, что существует договор о Девятипунктирной линии 1947 года (U-линия в Южно-Китайском море), по которому Китаю принадлежат архипелаг Спратли и Парасельские

острова. Этот договор появился в результате работы националистического правительства Чан Кайши в 1933 году для обозначения островов в Южно-Китайском море. Эти противоречия обострились ещё в 1884-1885 годах во время китайско-французской войны, когда Китай оспорил притязания французского Индокитая на территории в Южно-Китайском море. С этого момента Китай стал обозначать свои претензии на картах. Несмотря на это, Франция в 1933 году аннексировала острова и начала строительство метеорологических станций.

В 1941 году Япония аннексировала территории, сделав их частью Тайваня, однако по результатам Каирской декларации и Сан-Францисского мирного договоров [3] территории, которые получала Япония, переходили к Китаю. Так как территории обозначились как часть Тайваня, Парасельские острова и Спратли должны были перейти по договору к китайской стороне. В 1954 году Франция уходит из Индокитая, по сути, перестав играть важную роль в регионе. Северный Вьетнам признал принадлежность территорий Китаю, Южный же Вьетнам заявил об аннексии Спратли и Парасельских островов. После этого Китай в битве у острова Шанху разгромил вьетнамские войска, что позволило ему распространить свое влияние на Парасельский архипелаг.

В 1972 году Филиппины также стали пытаться получить эти заветные территории. Такие страны, как Филиппины, Малайзия ссылаются на Конвенцию о морском праве 1982 года [4, часть 5] и правом на исключительную экономическую зону, однако ИЭЗ не даёт права государствам полностью контролировать или аннексировать территории, ИЭЗ провозглашает «суверенные права» на морское дно и территории [4, часть 5]. В результате всех споров, в 2016 году Гаагский суд передал территории Вьетнаму, над которыми он признал суверенитет, что вызвало волну негодования в Китае и массовые протесты. Этот шаг говорит о нежелании Китая принять решение Гаагского суда о признании Парасельских островов и архипелага Спратли принадлежащими Вьетнаму. Основная проблема

территориальных конфликтов в Южно-Китайском море заключается в том, что страны начинают строить на прибрежных территориях в рамках ИЭЗ станции, заселять острова людьми, что, по сути, приводит конфликты в тупик и вынуждает страны договариваться о совместном использовании ресурсов. По мнению автора, для Китая важны данные территории по большей части из-за находящихся там полезных ископаемых, которые, безусловно, нужны Пекину.

В заключение необходимо сказать о том, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе сейчас большое количество территориальных споров и многих других проблем, часть из которых решена, часть – ещё нет. Тем не менее, Китай отстаивает свою позицию, ссылаясь на исторические предпосылки, международные договоры, по которым он имеет право претендовать на территории в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список использованной литературы:

1. Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна / Ю.М. Галенович. --- М.: Издательский дом ВНК, 2019. --- 386 с.
2. Ср. Мас Мургау, назв. изд. т. I, стр. 18—24; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Д. Востока 1895—1905 г. Изд. б. Мин. ин. дел. СПб., 1905, стр. 1—12
Электронные ресурсы:
3. Сан-Францисский мирный договор 1951 года. Режим доступа: <https://www.mid.ru/upload/archive/dd743b8289afe6007e772f308af3f02b.pdf> (дата обращения: 09.02.2024)
4. Конвенция о морском праве 1982 года, часть 5 Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900747?ysclid=lq19c9an88443217961> (дата обращения: 09.02.2024)
5. Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Японии Фумио Кисидой. Режим доступа: [Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Японии Фумио Кисидой \(china-embassy.gov.cn\)](https://china-embassy.gov.cn) (дата обращения: 09.02.2024)
6. Agreement Between the United States of America and Japan Concerning the Ryukyu Islands and the Daito Islands, Washington and Tokyo (simultaneously), 17th June, 1971. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/enru.ru.324127b1657a1f783e84739e747

[22d776562/https/web.archive.org/web/20101004181232/http://www.niraikanai.wma.net/pages/archive/rev71.html](https://www.web.archive.org/web/20101004181232/http://www.niraikanai.wma.net/pages/archive/rev71.html) (дата обращения: 09.02.2024)

7. Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United States of America. Режим доступа: [MOFA: Japan-U.S. Security Treaty](#) (дата обращения: 09.02.2024)

8. How Much Trade Transits the South China Sea? | ChinaPower Project (csis.org) Режим доступа: <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/> (дата обращения: 09.02.2024)

Об авторах: КАЛИНИНА Анастасия Артёмовна – студентка, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, e-mail: fjusokalinina@yandex.ru

About the authors: KALININA Anastasia Artemovna – student, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, e-mail: fjusokalinina@yandex.ru

**УЧАСТИЕ КИТАЯ В ВОПРОСАХ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ
ВОСТОКЕ (2013-2023 гг.)**

Кузнецов В.В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

**CHINA'S INVOLVEMENT IN SECURITY ISSUES IN THE MIDDLE
EAST (2013-2023)**

V.V. Kuznetsov

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Аннотация: Данная статья представляет собой исследование политики Китая в области безопасности на Ближнем Востоке в период с 2013 по 2023 годы. Основная цель работы заключается в анализе динамики военного сотрудничества между Пекином и арабскими государствами за указанный период. Работа представляет уникальное исследование политики Китая в области безопасности на Ближнем Востоке за период с 2013 по 2023 годы, придавая особое внимание новым и важным аспектам этой динамичной деятельности. Работа выявляет, как Китай трансформировал свое военное воздействие в регионе через заключение оборонных соглашений, экспорт современного вооружения и проведение совместных военных учений. Уникальность исследования также заключается в анализе дипломатического влияния Пекина на разрешение конфликтов в Ближнем Востоке. В результате исследования автор делает вывод, что за последние десятилетия Китай активно увеличил свое военное присутствие в Ближнем Востоке через подписание оборонных соглашений с Саудовской Аравией и ОАЭ, экспорт вооружений (дронов-беспилотников, БМП и самолетов), проведение совместных военных учений и активное дипломатическое участие, что оказало существенное влияние на геополитическую динамику региона.

Abstract. This article is a study of China's security policy in the Middle East in the period from 2013 to 2023. The main purpose of the work is to analyze the dynamics of military cooperation between Beijing and the Arab states over the specified period. The work presents a unique study of China's security policy in the Middle East from 2013 to 2023, focusing on new and important aspects of this dynamic activity. The work reveals how China has transformed its military influence in the region through the conclusion of defense agreements, the export of modern weapons

and joint military exercises. The uniqueness of the study also lies in the analysis of Beijing's diplomatic influence on conflict resolution in the Middle East. As a result of the study, the author concludes that over the past decades, China has actively increased its military presence in the Middle East through the signing of defense agreements with Saudi Arabia and the UAE, the export of weapons (combat drones, IFVs and airplanes), joint military exercises and active diplomatic participation, which had a significant impact on the geopolitical dynamics of the region.

Ключевые слова: Китай на Ближнем Востоке, участие Китая в вопросах безопасности, военное сотрудничество Китая, китайский экспорт оружия, военные учения Китая.

Keywords: China in the Middle East, China's participation in security issues, China's military cooperation, Chinese arms exports, China's military exercises.

Введение

В течение последнего десятилетия Китай проявил уникальный интерес к вопросам безопасности на Ближнем Востоке, ставших одними из наиболее сложных и динамичных в мировой политике. Этот регион, богатый ресурсами и важный в геополитическом плане, привлек внимание Китая в контексте его стратегического расширения и стремления обеспечить стабильность в окружающем мире. С 2013 по 2023 гг. Пекин активно укреплял свою роль в сфере безопасности на Ближнем Востоке, принимая участие в различных инициативах, стратегических партнерствах и решении глобальных вызовов, что оказывает важное воздействие на геополитическую динамику региона. В данном контексте рассмотрение участия Китая в вопросах безопасности на Ближнем Востоке за указанный период представляет интерес для понимания эволюции китайской внешней политики и её влияния на глобальную безопасность.

Данная является актуальной, поскольку отражает изменяющуюся динамику мировой политики и растущую геополитическую роль Китая. В последние годы Китай стал важным игроком в международных отношениях, стремясь активно участвовать в решении глобальных проблем и заявлять о своей глобальной ответственности. Ближний Восток, в свою очередь, остается

ключевым регионом, где развиваются разнообразные политические и экономические события, а также нарастающие вызовы в области безопасности. Участие Китая в этих процессах представляет собой новый элемент в геополитической конфигурации и может иметь долгосрочные последствия для безопасности и стабильности в этом регионе.

При написании работы был за основу была взята теория баланса сил, которая отражает анализ влияния китайской активности на баланс сил в регионе, особенно в контексте взаимоотношений с другими акторами, такими как США. А также геостратегический анализ, позволивший исследовать воздействия китайских военных баз и дипломатического присутствия на безопасность в регионе.

Дипломатическое присутствие Китая на Ближнем Востоке

В последнее десятилетие Китай ведет активную внешнюю политику по обеспечению безопасности на Ближнем Востоке. Это проявляется усилением военного присутствия китайских войск в регионе. Так, с 2017 г. Пекин имеет свою первую военную базу за пределами самого Китая в порту Дорале в Джибути, где сейчас на вооружении около 2000 моряков и которая может принимать авианосцы и подводные лодки ВМС Китая [1]. Пекин также предпринял в 2021 г. попытку строительства базы в Халифе – порт в ОАЭ, где было дислоцировано около 5000 американских солдат, проект по итогу был заморожен после американского вмешательства, но в 2023 г. представители ОАЭ вновь заговорил о его строительстве [2]. В Пакистане Китай изучает возможность создания военной базы в порту Гвадар [3], практически примыкающем к иранской границе с выходом на Оманский залив.

Помимо растущего инфраструктурного присутствия, Китай в течение нескольких лет участвует в миссиях по борьбе с пиратством и обеспечению морской безопасности в Аравийском море и Аденском заливе. Эти операции позволяют Пекину обезопасить маршрут поставок энергоносителей из Саудовской Аравии. Китай, разместил свои атомные подводные лодки в

Аденском заливе с 2014 по 2015 гг. и сегодня работает над тем, чтобы содержать подобные суда вблизи Баб-эль-Мандебского пролива [4].

Хотя военное присутствие Китая и его способность к вмешательству на Ближнем Востоке кажутся все более неоспоримыми, он также присутствует в разрешении конфликтов посредством дипломатии. Таким образом, китайские власти значительно активизировали свои усилия, чтобы утвердиться в качестве посредников в различных конфликтах во всем регионе. В Сирии, например, Пекин предложил «дорожную карту» разрешения конфликта в 2012 г., в 2014 г. и в 2021 г. [5]. Некоторые высокопоставленные чиновники Йемена призывают Китай к дипломатическому вмешательству, чтобы положить конец гражданской войне.

Власти Китая же расширяют свои представительства, так в апреле 2023 года поверенный в делах Китая в Йемене – Шао Чжэн, провел пять отдельных встреч с членами президентского совета Йемена и надеется достичь разрешения конфликта, используя импульс своего успеха в отношениях с Ираном и Саудовской Аравией [6]. Что касается израильско-палестинского конфликта, то Китай продолжает свои посреднические усилия, выдвинув предложения по разрешению конфликта в 2021 г. Более осторожно Китай также участвовал в иранской ядерной программе, чтобы довести Венские переговоры до успешного завершения и снять американские санкции против Исламской Республики. В 2023 году он выразил желание «конструктивно участвовать в возобновлении ядерного соглашения» [7].

Военное присутствие Китая на Ближнем Востоке

Растущее военное присутствие Китая на Ближнем Востоке также выражается в расширении военного сотрудничества со странами региона. В последние годы совместные маневры имеют тенденцию множиться. Например, в марте 2023 г. ВМС Китая, России и Ирана в течение пяти дней проводили морские учения в Оманском заливе [8]. Другие страны региона не остались в стороне: китайские войска проводили как морские, так и сухопутные учения с Саудовской Аравией в 2016 г. и в 2019 г., с Турцией в

2010 г. и с Египтом в 2010 г. и в 2019 г. Эти маневры, хотя и могут показаться относительно безобидными, посылают сильный дипломатический сигнал: совместно обучаясь, участвующие страны демонстрируют свою способность проводить военные операции вместе, а, следовательно, и доверять друг другу. Таким образом, учения демонстрируют реальное стремление к сотрудничеству.

Китайская военная техника и технологии также набирают популярность на Ближнем Востоке. Растущая закупка китайской техники еще раз свидетельствует об утрате американского влияния, в том числе и со своими ближайшими союзниками, такими как Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, куда китайский экспорт вооружений за период 2016 г. по 2023 г. подскочил на 386% и 169% соответственно [9]. Абу-Даби закупил у Китая первый военно-учебный самолет L-15 в декабре 2022 г., Эр-Рияд продвинул свое военное сотрудничество с Пекином до такого уровня, что подписал в 2022 г. соглашение, направленное на производство китайских баллистических ракеты «Донг Фэн-3» на территории Саудовской Аравии. Несколькими годами ранее, в 2017 году, Саудовская Аравия и Китай уже подписали соглашение, направленное на создание на территории Саудовской Аравии китайского завода по производству боевых дронов CN-4, который сейчас находится в эксплуатации [10]. Также Китай начал поставлять новые БМП и БТР.

Фактически, китайские дроны стимулируют китайский экспорт на Ближний Восток. В качестве покупателей, помимо Саудовской Аравии и ОАЭ, также были: Египет, Ирак, Иордания, а также Алжир. Закупка вооруженных дронов не представляется тривиальным действием, поскольку Соединенные Штаты и Израиль пользовались монополией, пока Китай, Турция и Иран не смогли воспроизвести качественные модели, которые были продемонстрированы в Ливии в 2019 г., Нагорном Карабахе в 2020 г. и в Украине с 2022 г. Таким образом, выбор китайских дронов вместо американских приобретает весьма специфическое геополитическое

измерение, что привело к тому, что Китай сегодня стал крупнейшим экспортером боевых дронов в мире [11].

Заключение

Таким образом, китайское военное присутствие на Ближнем Востоке становится все более ощутимым, а Китай расширяет свое дипломатическое влияние весьма заметным образом. От создания первой морской базы в Джибути, до переговоров о строительстве новых уже в ОАЭ и Пакистане. Увеличение китайского влияния проецируется и на его способность выступить посредником в кризисных ситуациях на примере Ирана и Саудовской Аравии, что подстегивает другие страны обращаться за помощью к Китаю, как в случае с Йеменом. Китайский экспорт вооружения и его способность заменить американский или израильский, особенно в секторе дронов-беспилотников также показывает рост влияния и сотрудничества между арабскими и китайскими государствами, а военные учения лишь закрепляют эту тенденцию.

Список использованной литературы:

1. Китайская база в Джибути готова принимать авианосцы. Издательский дом «Коммерсантъ», 19.05.2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4349043> (Дата обращения: 23.11.2023).
2. Work on 'Chinese military base' in UAE abandoned after US intervenes – report. The Guardian, 19.09.2021. [Internet resource]. - Available at: URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/19/chinese-military-base-uae-construction-abandoned-us-intelligence-report> (Accessed: 29.11.2023).
3. Бейсбол против вэйци: нужны ли Китаю военные базы за рубежом? Международный дискуссионный клуб Валдай, 28.11.2022. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/beysbol-protiv-veytsi/> (Дата обращения: 23.09.2023).
4. China's nuclear submarines in Gulf of Aden could cause unease: Experts. The Economist Times, 28.04.2015. [Internet resource]. - Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/chinas-nuclear-submarines-in-gulf-of-aden-could-cause-unease-experts/articleshow/47083578.cms?from=mdr> (Accessed: 25.09.2023).

5. Спецпосланник ООН призвал активизировать международную дипломатию для разрешения сирийского кризиса. Жэньминь Жибао, 29.04.2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0429/c31520-9845318.html> (Дата обращения: 30.11.2023).
6. Фриман Ч. Растущая роль Китая на Ближнем Востоке: региональная геополитика и политика США. Россия в глобальной политике, 17.08.2023. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rol-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (Дата обращения: 05.12.2023).
7. After Iran-Saudi Mediation, China Angles for Another Diplomatic Victory in Yemen. The Diplomat, 22.04.2023. [Internet resource]. - Available at: <https://thediplomat.com/2023/04/after-iran-saudi-mediation-china-angles-for-another-diplomatic-victory-in-yemen/> (Accessed: 11.12.2023).
8. Россия, Иран и Китай проведут военно-морские учения. РБК, 15.03.2023. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2023/64117d4e9a7947e5744b1969?from=copy> (дата обращения: 11.12.2023).
9. China's surprising drone sales in the Middle East. DefensNews, 23.04.2021. [Internet resource]. - Available at: <https://www.defensenews.com/opinion/2021/04/23/chinas-surprising-drone-sales-in-the-middle-east/> (Accessed: 11.12.2023).
10. Saudi Arabia permits China to set up 1st drone factory in Middle East. The Economic Times, 26.03.2017. [Internet resource]. - Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/saudi-arabia-permits-china-to-set-up-1st-drone-factory-in-middle-east/articleshow/57841121.cms?from=mdr> (Accessed: 11.12.2023).
11. How China became the world's leading exporter of combat drones. AlJazeera, 24.01.2023. [Internet resource]. - Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/24/how-china-became-the-worlds-leading-exporter-of-combat-drones> (Accessed: 11.12.2023).

Об авторах: КУЗНЕЦОВ Владимир Владимирович – студент Южного федерального университета по направлению «международные отношения», e-mail: vkuznetsov@sfedu.ru

About the authors: KUZNETSOV Vladimir Vladimirovich – student of the Southern Federal University in the department of International Relations, e-mail: vkuznetsov@sfedu.ru

**МИНИЛАТЕРАЛИЗМ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
В СВЯЗИ С СВО НА УКРАИНЕ**

Мафуанг С.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

**MINILATERALISM IN THE INDO-PACIFIC REGION
IN CONNECTION WITH SPECIAL MILITARY OPERATION IN
UKRAINE**

S. Mafuang

RUDN University, Moscow

Аннотация: Данная статья анализирует мировую политику через волны тенденции цифровой автоматизации, пандемии COVID-19, а также геополитики и геоэкономики в связи со специальной военной операцией России на Украине. Эти тенденции способствовали принятию странами-членами АСЕАН решения о направлении экономического сотрудничества в формате минилатерализма с мировыми державами. В докладе отмечается, что Индонезия, являющаяся потенциальным членом БРИКС, в настоящее время фокусируется все же на вступлении в членство ОЭСР, а не в БРИКС. А также АСЕАН опасаются потенциальных конфликтов по вопросам безопасности с QUAD и AUKUS.

Abstract. This report will analyze global politics through the waves of digital automation trends, the COVID-19 pandemic, as well as geopolitics and geoeconomics in connection with a special military operation of Russia in Ukraine. These trends contributed to the decision by ASEAN member countries to pursue economic cooperation in the format of minilateralism with the superpowers. The report notes that Indonesia, being a potential member of BRICS, is currently only focusing on becoming a member of the OECD, not the BRICS. ASEAN also fears potential conflicts on security issues with QUAD and AUKUS.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Россия, АСЕАН, индонезия, минилатерализм

Keywords: Indo-Pacific region, Russia, ASEAN, Indonesia, Minilateralism.

В результате продолжающейся специальной военной операции (СВО) России на Украине происходят значительные изменения в мировой политике и парадигме мировой безопасности, что оказывает влияние не только на условный Запад, но и на Индо-Тихоокеанский регион. Международный порядок вступает в эпоху деглобализации и фрагментации. Возрастает риск того, что многие страны захотят обратиться к ядерному оружию, отказываясь от других форм гарантий безопасности, а государства, уже обладающие ядерным оружием, не станут отказываться от его применения. А также у стран, не входящих в НАТО, возрастает желание стать ее членами для обеспечения собственной безопасности. В центре внимания также оказывается сложная ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе. Инициативы, такие как QUAD, AUKUS, АСЕАН и проект Индо-Тихоокеанского региона, начинают формировать свои контуры, сталкиваясь с дилеммами безопасности и институциональными вызовами. [1]

С другой стороны, при растущей напряженности между США и Китаем в Южно-Китайском море и в кризисе в Мьянме в сфере геоэкономической конкуренции китайский проект «Один пояс – один путь» (ОПОП; BRI) и западная Индо-Тихоокеанская стратегия находятся в центре внимания минилатерализма. Восстановление баланса сил, легитимности и создание коалиций в Индо-Тихоокеанском регионе были бы сильнее, если бы они основывались на понимании местной динамики, уникальной для региона. Так, геополитика в современном мире приобрела значение неотъемлемой перспективы, через которую каждое государство должно осознать и проанализировать сложившуюся динамику мировой политики. После завершения Холодной войны США установили либеральную гегемонию, характеризующуюся четко организованной иерархией в мировой структуре. Тем не менее, статус США как униполярной глобальной силы находится под угрозой из-за восхода Китая и других сверхдержав. Мировое сообщество движется в направлении многополярной структуры, но структура власти в

новом мировом порядке оказывается неопределенной, что вызывает конкуренцию и напряжение.

Либеральная теория недостаточно учитывает вероятность того, что высокий уровень экономической взаимозависимости может уменьшить вероятность возникновения межгосударственных конфликтов. Тем не менее, дорогостоящая СВО на Украине свидетельствует о том, что существует разрыв между теорией и реальностью. Кроме российско-украинского конфликта, здесь также следует отметить другие международные конфликты, включая азербайджанско-армянский, киргизско-таджикский, а также арабо-израильские столкновения. Очевидно, что нет явного лидера, способного поддерживать глобальный порядок.

Однако российско-украинский конфликт не является единственной тенденцией, а, скорее, обозначает собой результат пересекающихся и усиливающих друг друга тенденций. Первая из этих тенденций, существующая в течение некоторого времени, — это цифровая автоматизация, представляющая собой процесс замены человеческого труда цифровыми технологиями. Второй фактор, ускоривший данный процесс, — пандемия COVID-19. В период пандемии стал виден риск для глобальной экономики, в которой она слишком зависит от человеческого фактора. В результате производственная система мировой экономики пересмотрела свою парадигму с акцентом на «эффективность» в сторону «устойчивости». [2] И третья тенденция, геополитическое и геоэкономическое давление, усиливает две вышеуказанные тенденции.

Марк Саксер, региональный директор Азиатско-Тихоокеанского региона Фонда Фридриха Эберта (FES), отметил, что тенденция состоит не в том, чтобы вернуть глобализацию в исходную точку, а в том, чтобы изменить направление глобализации и разделить ее на два полюса. В таком случае первый полюс — превалирование политических приоритетов над важностью экономических рынков. В Вашингтоне, например, популярна идея отделения США от китайского рынка, что приводит к перераспределению производства

в другие страны. После этого начались стратегические переструктурирования цепочки поставок, известные как «nearshoring», «reshoring» и «friend-shoring». Это означает перемещение производственных и инвестиционных баз обратно в страну или перенаправление инвестиций в соседние страны или переезд в дружественные страны. [3] Некоторые учёные рассматривают это явление как процесс деглобализации.

Второй полюс – это регионализация. В последние годы многие учёные выступали за совместные усилия в рамках минилатерализма, стремясь повысить эффективность решений в рамках многосторонности и регионализма. Все эти процессы поддерживают и ускоряют процесс цифровой автоматизации, а также уменьшают уязвимость глобальной экономической системы как перед эпидемическими угрозами, так и перед геополитической конкуренцией.

С другой стороны, рассматривая последствия вооруженного конфликта между Россией и Украиной, можно отметить, что возник целый каскад «ударных волн» по разным участкам мировой арены. Многие из этих волн сначала ощущались в Европе, а затем распространились по всему миру. Во-первых, цены на продукты питания, энергоресурсы и инфляция в Европе значительно увеличились, вызвав глобальные последствия. Во-вторых, возникли политические конфликты, что проявилось, в частности, на ГА ООН. Государства подверглись давлению и были вынуждены делать выбор, опираясь на дипломатические механизмы.

Тем не менее в формате минилатерализма значимым достижением АСЕАН за последний год является создание сотрудничества «Ланьцан-Меконг» (Lancang-Mekong Cooperation: LMC) под руководством Китая как «мини-ОПОП» в рамках субрегионального сотрудничества АСЕАН. В последние годы институционализация сотрудничества «Ланьцан-Меконг» быстро расширялась, в том числе в области взаимодействия в сфере безопасности. [4] Этот минилатеральный форум сыграет важную роль в поддержании стабильности в Мьянме и укреплении институционализации и

роли АСЕАН. Мьянма и соседние страны доверяют Китаю в качестве лидера в рамках ЛМС для обеспечения устойчивой безопасности в Мьянме.

Именно в этом контексте Россия постепенно восстанавливает своё присутствие в регионе различными способами и планирует продолжать это делать, несмотря на ограниченность ресурсов и непредсказуемый ход СВО на Украине. Большинство стран АСЕАН нейтральны в отношении СВО и укрепляют связи с Россией. Индонезия, Вьетнам и Таиланд входят в число многообещающих партнёров России в Юго-Восточной Азии, поскольку они не вводили антироссийские санкции. Россия наращивает двусторонние торгово-экономические связи с большинством государств региона, а те, в свою очередь, готовы углублять и укреплять сотрудничество. Об этом сообщается российскими экспертами в докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия и Азия: парадоксы новой реальности». [5, с. 20] Хотя российские эксперты считают страны АСЕАН дружественными по отношению к России, аналитический центр Observer Research Foundation (ORF) в Индии утверждает, что конфликт на Украине поднял вопросы о международных правилах уважения территориальной целостности и суверенитета стран, а также поднял важные вопросы о принципах свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. [6]

В начале 2022 года Джакарта начала переговоры по созданию зоны свободной торговли с ЕАЭС и выразила стремление вступить в БРИКС, но в 2023 году отклонила приглашение присоединиться к группе. [7] Индонезия разделяет многие цели, которые поставил перед собой БРИКС, включая установление более справедливого глобального экономического порядка и отказ от слишком сильной зависимости от доллара США в международных сделках. При этом Индонезия считает, что её национальным интересам лучше всего будет способствовать вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), состоящую, в основном, из западных стран. В этом году Индонезия восстановила экономический статус страны с доходом выше среднего, но у страны есть амбиции войти в пятёрку

крупнейших экономик мира до середины века. По мнению индонезийского руководства, путь к этому — ОЭСР, а не БРИКС. Из-за отказа Индонезии от вступления в членство БРИКС и новых целей АСЕАН, асеановские форматы остаются на настоящий момент чуть ли не единственной переговорной платформой, где могут встретиться представители России, Китая, США и западных стран. Это определённо отражает взвешенный подход стран АСЕАН к мировой ситуации, активный нейтралитет и стремление слышать интересы всех сторон. [8]

По мнению эксперта Колдуновой Екатерины Валерьевны, директора центра АСЕАН МГИМО (интервью газете «Ведомости»), АСЕАН не заинтересована в пересмотре международного порядка и в том, чтобы глобальные противоречия перекинулись в их регион. [9] Так, в рамках сотрудничества в формате минилатерализма для России и стран Юго-Восточной Азии на данный момент остаётся мало возможностей, поскольку члены АСЕАН знают, что создание возможной структуры сотрудничества в БРИКС для Индонезии разъединяет и ослабляет солидарность государств-членов АСЕАН.

Более того, некоторые страны Юго-Восточной Азии (Индонезия и Малайзия) обеспокоены созданием AUKUS и его влиянием на региональную стабильность, в то время как другие страны Юго-Восточной Азии, такие как Вьетнам и Филиппины, осторожны, прежде чем делать официальные заявления против присутствия AUKUS в регионе. [10] Филиппины утверждали, что присутствие Запада могло бы сдержать более агрессивные действия Китая в Южно-Китайском море. Индонезия отмечала, что AUKUS может спровоцировать гонку вооружений в регионе и нанести ущерб нераспространению ядерного оружия. AUKUS, возможно, не угрожает напрямую Индонезии или какой-либо другой стране Юго-Восточной Азии, но это спровоцирует ответ Пекина и усилит военное соперничество США и Китая в регионе. В таком случае, если Индонезия решит присоединиться к БРИКС, где Россия и Китай являются основными соперниками для США, может

возникнуть конфликт по вопросам безопасности и кризис единства в самом АСЕАН.

В заключение, в результате геополитических перемен, возникших после начала СВО на Украине, значительные изменения происходят и в мировой политике и парадигме безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Возрастает риск того, что многие страны захотят обратиться к ядерному оружию, отказываясь от других форм гарантий безопасности. В целом, геополитическая ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе в настоящее время находится в состоянии значительной неопределенности. В регионе наблюдается усиление конкуренции между США и Китаем, что может привести к росту напряжённости и дестабилизации. Страны АСЕАН, стремясь сохранить свой нейтралитет, пытаются балансировать между этими двумя державами. Более того, формирующиеся американоцентричные минилатеральные региональные структуры ослабляют институциональное существование АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе. АСЕАН окружена минилатеральными партнёрами по безопасности, а также дилеммами QUAD и AUKUS. В настоящее время QUAD даже расширяет сотрудничество в экономической сфере, создавая тем самым институциональную дилемму и проблему институционального разделения труда в регионе.

Список использованной литературы:

1. Mearsheimer J.J. The Darkness Ahead: Where The Ukraine War Is Headed [Electronic resource] // John's Substack. 2023. URL: <https://mearsheimer.substack.com/p/the-darkness-ahead-where-the-ukraine> (accessed: 18.09.2023).
2. Marc Saxer. How corona broke the system [Electronic resource]: International Politics and Society // IPS Journal, Friedrich Eberto Stiftung. 2020. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/global/how-corona-broke-the-system-4180> (accessed: 17.10.2023).
3. Marc Saxer. A geoeconomic tsunami [Electronic resource]: Economy and Ecology // IPS Journal, Friedrich Eberto Stiftung. 2023. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/a-geoeconomic-tsunami->

6538/?tx_web2pdf_pi1%5Baction%5D=&tx_web2pdf_pi1%5Bargument%5D=printPage&tx_web2pdf_pi1%5Bcontroller%5D=Pdf&cHash=1363c6378af2f7e59ca27f5fb7e0ae97 (accessed: 17.10.2023).

4. Tungkeunkunt K., Bunyavejchewin P. (Re-)Narrating the Evolution of the Lancang-Mekong Cooperation: China's Diplomacy Behind the Scenes // *Strateg. Anal.* Routledge, 2022. Vol. 46, № 5. P. 494–509.

5. Бордачёв Т.В. Россия и Азия: парадоксы новой реальности. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2023.

6. Saha P. The ongoing Russia-Ukraine conflict: Impact on Southeast Asia [Electronic resource] // Observer Research Foundation. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-ongoing-russia-ukraine-conflict-impact-on-southeast-asia/> (accessed: 09.11.2023).

7. Tenggara Strategics. Analysis: Indonesia joining BRICS? Thanks, but no thanks [Electronic resource] // The Jakarta Post. 2023. URL: <https://www.thejakartapost.com/opinion/2023/09/04/analysis-indonesia-joining-brics-thanks-but-no-thanks.html> (accessed: 10.10.2023).

8. Куклин Н. Итоги саммита АСЕАН в Индонезии [Electronic resource] // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-sammita-asean-v-indonezii/>.

9. Гасымов Н. Эксперты «Валдая» назвали трех самых перспективных для России партнеров в АСЕАН [Electronic resource] // Ведомости. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/04/993236-eksperti-valdaya-nazvali-treh-samih-perspektivnih-dlya-rossii-partnerov-v-asean>.

10. Aristyo Rizka Darmawan. AUKUS adds fuel to the South China Sea dispute [Electronic resource] // East ASIA Forum. 2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/11/01/aukus-adds-fuel-to-the-south-china-sea-dispute/>.

Об авторах: МАФУАНГ Супатат – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, e-mail: supatatmafuang@gmail.com

About the authors: MAFUANG Supatat – Postgraduate Student, RUDN University, e-mail: supatatmafuang@gmail.com

**ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ:
ПОДХОДЫ РОССИИ И СТРАН АСЕАН**

Терехова В.С.

Тюменский государственный университет, Тюмень

**DIGITAL DIPLOMACY AND DATA DIPLOMACY: APPROACHES OF
RUSSIA AND ASEAN COUNTRIES**

V.S. Terekhova

Tyumen State University, Tyumen

Аннотация: В связи с внедрением цифровых технологий появились новые угрозы, связанные с утечкой и взломом конфиденциальной информации. Поэтому в формирующемся многополярном миропорядке особое внимание уделяется вопросу информационной безопасности, цифровой дипломатии и защите данных. В статье рассматривается процесс создания устойчивого взаимодействия в сфере информационной защиты, которое закрепилось в заявлении России и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих ИКТ.

Abstract. Due to the introduction of digital technologies, new threats have emerged related to the leakage and hacking of confidential information. Therefore, in the emerging multipolar world order, special attention is paid to the issue of information security, digital diplomacy and data protection. The article examines the process of creating sustainable interaction in the field of information security, which was consolidated in the statement of Russia and ASEAN on cooperation in the field of ensuring the security of the use of information and communication technologies and ICTs themselves.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, персональные данные, международная информационная безопасность, дипломатия данных, PDPA, сбор и обработка данных, информационно-коммуникационные технологии, страны АСЕАН.

Key words: digital diplomacy, personal data, international information security, data diplomacy, PDPA, data collection and processing, information and communication technologies, ASEAN countries.

Введение

В условиях меняющегося миропорядка Российская Федерация как мировая держава и государство-цивилизация стоит у истоков формирования нового многополярного устройства. Во внешнеполитической Концепции 2023 года Азиатско-Тихоокеанский регион занимает 4 позицию по приоритету региональной кооперации, что относит его к значимым партнерам по развитию международного взаимодействия. [10] В связи с усовершенствованием цифровых технологий появились новые угрозы, связанные с утечкой и взломом данных, развязыванием информационных войн и кибертерроризмом. Данные кибератаки являются вторжением в частную жизнь, наносят вред репутации пользователю и подрывают международную безопасность и стабильность. Поэтому одним из важных составляющих взаимовыгодного сотрудничества является содействие формированию в регионе открытой, многосторонней и равноправной безопасности, в том числе развитие и обеспечение информационной защиты, а также задействование потенциала региона в целях формирования Большого Евразийского партнерства.

Формирование устойчивого взаимодействия в сфере информационной защиты закрепилось в заявлении России и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих ИКТ. В документе обозначены действия по формированию устойчивой информационной сферы, к ним относятся в том числе ответственное использование ИКТ и защита персональных данных, которые должны основываться на общепринятых признаках международного права.

Подходы России

Наряду с традиционными методами реализации внешнеполитической деятельности развитие информационной сферы побудило использование технологий, сайтов и социальных платформ для осуществления дипломатических задач. Цифровая дипломатия стала мировым феноменом для

транслирования позиций стран и усовершенствования информационной безопасности, в том числе введения новых ресурсов по обработке цифровых данных пользователей сети Интернет. Начало цифровой дипломатии (digital diplomacy) и дипломатии данных (data diplomacy) в России положил 2010 год благодаря Министерству иностранных дел. Публикуя оригинальный контент и разоблачая фейковые материалы, ведомство демонстрирует зарубежным пользователям альтернативную позицию на мировую политику и деятельность по отстаиванию национальных интересов в ней России. Продвижение цифровой дипломатии побудило активное взаимодействие посольств и консульств с аудиторией и оперативное реагирование на происходящее в сети. [16]

Однако на смену линейной кооперации пользователя в информационном поле как потребителя контента и участника социально-медийного процесса приходит обратный эффект влияния цифровых следов и данных не только на этого пользователя, но и на политику и международные отношения. Таким образом, становление процесса датафикации вызывает увеличение как цифровых отпечатков в сети, так и широкое неконтролируемое использование аналитики больших данных в политических целях. Явление датафикаций в свою очередь устанавливает свои рычаги в ведении дипломатии и внешней политике, такие как фрагментация, фреймы и цифровая неопределенность. [17]

Феномен фрагментации основывается на предоставлении и потреблении сообществом пользователей информации в пределах определенной повестки или ценностей. Таким образом, разделение Интернета на национальные секторы, объединение идеологий и ценностей в группах в социальных сетях, а также фильтрация информации по политическим предпочтениям формируют условия для появления феномена фрагментированной политической реальности, что создает ряд сложностей при реализации информационной работы не только в зарубежных государствах через социальные платформы фрагментированной политики, но также оказывает влияние и на основных

акторов традиционной системы международных отношений — государства, размывая силу и влияние на мировую политику.

В эпоху датафикации осуществление цифровой дипломатии зависит от применения эмоционального спектра предоставления информации, именуемого как фрейминг. Благодаря применению ключевых слов и тональности постов реализуется таргетирование массива сообщений через различные паблики, эхо-камеры, пузыри фильтров. Для конкурентоспособности с различными источниками информации, официальные источники используют фрейминг для разной целевой аудитории. Проведение этого процесса является одним из ключей к реализации эффективной цифровой дипломатии.

Цифровизация разделила международные отношения и интерпретацию информации о происходящих событиях. Тем самым одним из элементов датафикации следует отметить и цифровую неопределенность, которая является стимулятором изменения поведения социальных объединений или внешнеполитическую деятельность государства. Действия информационной кампании негосударственных акторов могут продвигать свою повестку, делегитимируя действия оппонентов, создавая собственную политическую реальность. Из-за процессов датафикации цифровая дипломатия стала чаще называться дипломатией данных или *data-driven diplomacy*, которая подразумевает применение аналитики больших данных для осуществления внешнеполитических задач.

В России защита персональной информации регулируется Законом о защите данных №152 ФЗ и другими нормативными актами, включая Закон об информации, информационных технологиях и защите информации № 149 ФЗ. В документах обозначаются специальные категории персональных данных, особенности их обработки и распространение. [2] Также указаны обязанности оператора при сборе информации и порядок мер, осуществляемых при ее защите. [1] Следует отметить, что в Федеральном законе от 14.07.2022 № 266 ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»»

ужесточаются правила обработки конфиденциальных сведений, в частности организации должны уведомлять Роскомнадзор о начале и прекращении обработки информации, а также сообщать о неправомерном доступе третьих лиц к персональным данным сотрудника и отчитываться о расследованиях по этому делу. [3] А в поправках к документу №152 ФЗ от 01.03.2023 ограничена трансграничная передача персональных сведений, если их отправка не соответствует цели сбора, деятельность иностранной организации запрещена в РФ или эти данные не защищены за рубежом. [12]

Таким образом, применение аналитики данных является важным инструментом, без которого уже невозможно полноценно функционировать в цифровой сфере, реализовывать политическую деятельность и продвигать информационную повестку. Однако отсутствие глобальных норм и договоренностей между акторами международной системы в использовании или рассекречивании цифровых следов создает определенные проблемы использования информации в политических целях, включая напряжение отношений и дестабилизацию социальной жизни. Поэтому защита персональных данных российских интернет-пользователей и сотрудничество с рядом организаций, в том числе и с АСЕАН в области информационной безопасности остаются приоритетными задачами.

Подходы АСЕАН

Толчком к развитию цифровой дипломатии стран АСЕАН послужил 2019 год, когда состоялась региональная конференция по цифровой дипломатии по инициативе Индонезии. Эта конференция является платформой для заинтересованных сторон в АСЕАН и за ее пределами, позволяющей использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) для проведения публичной дипломатии. Сетевая дипломатия подчеркивает важность создания и поддержания как внутренних, так и внешних связей между государствами-членами АСЕАН и другими ее партнерами, продвигая свою политическую повестку посредством использования цифровых платформ, включая официальный веб-сайт и

аккаунты в социальных сетях, в которых отображена информация как о странах АСЕАН, так и о партнерах. Стоит отметить, что организация делает упор на привлечение негосударственных субъектов, таких как молодежные организации, аналитические центры и образовательные учреждения, которые участвуют в распространении информации для поддержки «сообщества, ориентированного на людей» АСЕАН. [18]

В реализации data-driven diplomacy стран АСЕАН прослеживается корреляция законов о защите персональных данных по Общему регламенту ЕС по защите данных (GDPR), но с определенными корректировками. Также отличительной особенностью некоторых стран является проведение различия между конфиденциальными персональными данными и общей информацией, однако не все страны проводят различий между этими терминами. Более того, в странах разнится распространение закона о защите данных и их осуществляемая обработка. Следует отметить, что большинство стран АСЕАН достаточно уязвимы для кибератак из-за нехватки квалифицированных специалистов в области информационной безопасности, низкой осведомленности граждан по передаче данных и ослабленной технической составляющей по системе сбора и передачи информации, поэтому она не способна в полной мере противостоять хакерским вторжениям, что как следствие приводит к утечке данных. (Таблица 1)

	Вьетнам	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины	Сингапур
<u>Название закона</u>	Закон Вьетнама о конфиденциальности данных, Указ	Резолюция о защите персональных данных №27, сформирован	Закон 709 о защите персональных данных Малайзии, который создан по	Закон о персональных данных Таиланда (PDPA) основан на Общем	Закон о №10173 о защите персональных данных Филиппин [4]	Закон о защите персональных данных 2012 года (PDPA) [14]

	№13/2023 [5]	согласно образцу Общего регламента по защите данных Евросоюза [11]	образцу Директивы ЕС о защите данных [13]	регламенте ЕС по защите данных, но отличается от него [15]		
<u>Распрос тране- ние закона</u>	Закон распростра няется на государств енные, иностранны ые организаци и, ведомства и частные лица, имеющие офисы или участвующ ие в обработке данных на территори и страны	Закон распростра няется на лица, государств енные органы и междунаро дные организаци и, обработыв ающие персональн ые данные в рамках юрисдикци и Индонезии . Документ распростра	Закон недействит елен за пределами страны, если обработка информаци и не будет осуществл яться в дальнейше м в Малайзии. Однако документ имеет силу в том случае, если обработчи	Закон распростра няется на организаци и, которые расположе ны на территори и страны, независим о от их применени я или не применени я обработки данных. Также документ относится к	Документ действует при любой обработке данных в государств енном или частном секторе в стране. Также закон применяет ся к организаци ям за пределами Филиппин при обработке личной	Закон имеет экстеррито риальное действие, то есть применяет ся к организаци ям, собирающ им, использую щим или раскрываю щим персональн ые данные в Сингапуре, независим

		няется на зарубежных организаци и, которые занимаютс я обработко й личных данных граждан страны или если анализ таких данных имеет юридическ ое значение для Индонезии	к данных не находится в стране, но использовал для обработки данных оборудова ние в Малайзии. Документ не распростра няется на федеральн ое и региональн ые правительс тва.	организаци ям, находящим ся за территории й Таиланда, если они осуществл яют маркетинг овые услуги или проводят мониторин г поведения субъектов данных в стране.	информаци и гражданин а страны, связи организаци и с Филиппин ами или обработко й данных ее жителей, а также осуществл ении коммерчес кой деятельнос ти в Филиппин ах.	о от того, имеет ли сама организаци я физическо е присутстви е или зарегистри рована как компания в Сингапуре.
<u>Различия между данным и</u>	В документе проведено различие между конфиденц иальными	Законопроект дифференцирует персональн ые данные на общие и	Личная информаци я трактуется как ряд сведений, по	В законе о персональн ых данных Таиланда, конфиденц иальная информаци	Закон о защите данных Филиппин разделяет личную и конфиденц	PDPA защищает персональн ые данные и определяет их как

	персональн ыми данными и обычными данными, что показывает соответств ие вьетнамско го законодате льства с законами о защите данных междунаро дных юрисдикци й.	данные особого характера. При этом к первой категории относятся данные, объединен ные для идентифик ации человека. Во вторую категорию включены биометрич еские и генетическ ие данные.	которым можно идентифиц ировать человека, а конфиденц иальной информаци и присущи персональн ые данные, относящие ся к здоровью, политичес ким ориентира м, религиозно й принадлеж ности или иным личным сведениям.	я означает любые данные, которые позволяют идентифиц ировать личность, за исключени ем информаци и об умерших.	иальную информаци ю. К личным данным относится любая информаци я, определяю щая физическо е лицо, а к конфиденц иальным сведениям относят ряд персональн ых данных, включающ ие приватную информаци ю.	любые данные — достоверн ые или нет — о физическо м лице, которое может быть идентифиц ировано по этим данным, к которой организаци я имеет или может иметь доступ.
<u>Сбор информ ации</u>	в Указе содержатся требования к	Сбор информаци и о субъекте	Документ применяет ся ко всем пользовате	В законе обозначен ы основания	Сбор информаци и происходи	Как и GDPR, PDPA предписыв

<p>трансграничной передачи информации, а также положения безопасности по ее защите от несанкционированного доступа и утечек. В документе обозначено, что Вьетнам должен сформировать критерии для международной кооперации и эффективном применении</p>	<p>данных осуществляется с предоставлением причины ее сбора с минимизацией необходимыми материалами, а также сведений об их обработке. В документе разграничиваются обязательства контролера и обработчика данных и накладыва</p>	<p>лям данных, осуществляющие обработку только в коммерческих целях.</p>	<p>для сбора и обработки информации, которые предварительно согласовал субъект данных, а также ряд прав, которыми обладает владелец информации. В документе указаны критерии для подтверждения действительности согласия обрабатываемых данных.</p>	<p>т только с согласия пользователя. Обработка данных допустима при необходимости заключения договора с пользователем, юридическими обязательствах, защиты жизненно важных интересов субъекта данных.</p>	<p>ает, что нужно получить согласие пользователя перед сбором его персональных данных. Однако, в отличие от GDPR, он допускает предпологаемое согласие при особых обстоятельствах, если это не оказывает негативного воздействия на пользователей. Из-за этого PDP А требует</p>
---	---	--	---	---	--

	и законов по защите данных, обмене правовой информацией и помощи расследований с другими органами.	ответственность на обработчиков действуют только с указаниями и контроллерами информации.				от организаций заботиться о персональных данных и не может их передавать за пределы Сингапура, если место, куда они передаются, не обеспечивает тот же уровень защиты, что и в соответствии с PDPA.
<u>Проблема ИБ</u>	Системы сбора и передачи информации и слабо противостоя	Страна сталкивается с массовыми утечками данных и	Государство сталкивается с утечками данных и	Страна подвержена кибератакам (АРТ), в особенности	Филиппины сталкиваются с рядом киберугроз, включая	Страна подвергается кибератакам, в особенности

<p>ят хакерским вторжения м из-за чего происходи т утечка данных. А организаци и передают информаци ю третьим лицам, что повышает риски мошеннич ества в Интернете. Также в стране имеется потребност ь в квалифици рованных специалист ах в области информаци</p>	<p>является одной из самых уязвимых стран к киберугроз ам.</p>	<p>атаками на правительс твенные учреждени я. Поэтому Малайзия усиливает контроль за эффективн остью националь ной системы защиты информаци и и планирует ввести действующ ее законодате льство об информаци онной безопаснос ти.</p>	<p>и касающихс я интернет- мошеннич ества, а также фишинга, кражи персональн ых данных, взлома, кибервымо гательства и кибершант ажа. Более того, одними из самых распростра ненных кибератак, нацеленны х на корпорати вный бизнес, являются эксфилтра</p>	<p>утечку информаци и, фишинг, онлайн- мошеннич ество и кражу данных. В стране неразвитая цифровая инфраструктура, низкий уровень цифровой грамотност и населения, недостаток квалифици рованных сотрудник ов и проблема финансиро вания.</p>	<p>и, связанным и с кражей персональн ых данных (биометри ка). Также в стране наблюдают ся проблемы с защитой инфраструктуры и не хваткой квалифици рованных специалист ов. Более того, пользовате ли Сингапура пренебрега ют правилами цифровой гигиены,</p>
--	--	---	---	---	---

	онной безопасности.			ция и повреждение данных.		что подвергает пользователей риску атак. Чаще всего страна подвергается атакам на деловую электронную почту ВЕС (фишинг).
<u>Сотрудничество с Россией</u>	Россия и Вьетнам поддерживают взаимодействие в обеспечении международной информационной безопасности. В обеспечении	Россия и Индонезия укрепляют двустороннее сотрудничество, формируют согласованную политику по обеспечению	Российская Федерация и Малайзия поддерживают сотрудничество в сфере ИКТ. Страны участвуют в развитии инфраструктуры,	Россия и Таиланд укрепляют взаимодействие в области информационной безопасности, осуществляют переговоры и обмениваю	Россия и Филиппины сотрудничают в области цифровых решений и осуществляют создание программ по развитию технологич	

	и защиты информации и специалисты стран сотрудничают в создании инновационных технологий для защиты облачного хранения и обработки данных.	конфиденциальности информации при трансграничной кооперации, а также координируют меры предотвращения, мониторинга и реагирования на возникающие киберугрозы.	разрабатывают товары и услуги и осуществляют обмен информацией по вопросам технологического партнерства. А также повышают квалификацию специалистов путем образовательных программ.	тятся опытом реагирования на имеющиеся угрозы. Также страны обсуждают развитие возможностей и безопасности функционирования сети Интернет.	еского прогресса.	
<u>Рекомендации</u>	Для дальнейшего укрепления сотрудничества странам следует	Странам следует уделять внимание обмену мнениями и опытом критический	Странам следует наращивать сотрудничество в противодействии угрозам	Для более продуктивного сотрудничества странам следует заключить	Странам стоит заключить соглашение об обеспечении информационной	

	<p>развивать взаимодействие в усoвершенствовании технологий по защите персональной информации, а также способах по предотвращению и ликвидации и кибератак. Нарaщивать образовательную-просветительскую деятельность по осведомленности населения</p>	<p>инфраструктуры.</p>	<p>информационной безопасности, способствовать обеспечению конфиденциальности информации, а также координировать меры предотвращения, мониторинга и реагирования на возникающие киберугрозы.</p>	<p>е в области обеспечения информации безопасности, увеличивает опыт взаимодействия в технологическом развитии, а также наращивать образовательную-просветительскую деятельность по осведомленности населения о защите данных.</p>	<p>безопасности, уделять внимание разработке методов против киберугроз, осуществлять обмен специалистами с созданием специальных форумных сессий и увеличить нормативную-правовую базу по информационной безопасности.</p>	
--	---	------------------------	--	--	--	--

	о защите данных и укреплять сотрудничество по подготовке специалистов.					
<u>Соглашение об информационной безопасности с Россией</u>	Соглашение есть [9]	Соглашение есть [8]	Соглашение в области ИБ нет, только в области ИКТ [6]	Соглашения нет	Соглашения нет	Соглашения нет

Сравнение нормативно-правовых актов о защите персональных данных стран АСЕАН. Таблица 1.

Касаемо других стран АСЕАН можно отметить, что критерий защиты персональных данных недостаточно проработан и безопасность информации пользователей осуществляется при помощи сопряженных документов, касающихся защиты электронных сведений при осуществлении цифровой коммерции или связанных с законом о неприкосновенности частной жизни. [11]

Заключение

Цифровая дипломатия стала важнейшим инструментом по реализации внешнеполитической деятельности, продвижению национальных интересов и обеспечению международной информационной безопасности. В эпоху датафикации невозможно функционировать в цифровом поле без аналитики

больших объемов конфиденциальной информации. Однако отсутствие глобальных норм и нормативно-правовой базы у ряда стран по защите персональных данных приводит к увеличению киберрисков, дестабилизации политической реальности и ухудшению социальных настроений.

Для укрепления информационного сотрудничества и совместного противостояния угрозам Россия и страны АСЕАН подтверждают приверженность к использованию и развитию ИКТ, включая защиту персональных данных, на основе общепризнанных принципах международного права для создания безопасной, открытой региональной и международной информационно-коммуникационной среды. [7] Поэтому страны поддерживают взаимодействие в обеспечении международной информационной безопасности, в том числе в противодействии неправомерного использования ИКТ и вмешательства во внутренние дела государств. Для сокращения цифрового разрыва Россия и АСЕАН участвуют в развитии инфраструктуры, сотрудничают в создании инновационных технологий и разрабатывают программы по защите информации.

Для более эффективного сотрудничества по защите персональных данных России и странам АСЕАН, с которыми складываются дружественные взаимоотношения, следует заключить Соглашение о международной информационной безопасности для более широкого спектра координации между государствами. Также странам необходимо уделять особое внимание наращиванию образовательно-просветительской деятельности по цифровой гигиене с участием экспертов, что поспособствует обмену опытом и подготовке квалифицированных кадров для обеспечения защиты как персональных данных внутри стран, так и международной информационной сферы.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
2. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
3. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных", отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" от 14.07.2022 N 266-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421898/
4. Republic Act 10173 Data privacy act of 2012. URL: <https://ecommerce.dti.gov.ph/wp-content/uploads/2020/11/RA-10173-Data-Privacy-Act-of-2012.pdf>
5. Decree No. 13/2023/ND-CP Protection of Personal data URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/EN/Cong-nghe-thong-tin/Decree-No-13-2023-ND-CP-dated-April-17-2023-on-protection-of-personal-data/564343/tieng-anh.aspx>
6. Двустороннее сотрудничество с Малайзией. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/693/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyan.dex.ru%2f
7. Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5361>
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации. от 28 декабря 2018 года N 2984-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552051443>
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554398783>
10. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/5>

11. Data Protection. URL: <https://www.dlapiperdataprotection.com/index.html?t=law&c=VN&c2=>
12. Законодательство о персональных данных с 1 марта 2023 года: обзор наиболее важных изменений. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/petrova-darya/1618566/>
13. Информационная безопасность. Опыт ведущих стран Азии. URL: <https://ictnews.uz/27/12/2017/infosec-asia/>
14. GDPR and PDPA Compliance: a Checklist for Singapore Companies. URL: <https://www.corporateservices.com/singapore/gdpr-and-pdpa-compliance-for-singapore-companies/>
15. Overview of Thailand's Personal Data Protection Act (PDPA). URL: <https://securiti.ai/thailand-personal-data-protection-act-pdpa/>
16. Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А. Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomatiya-dannyh-rossii-tseli-tendentsii-prognozy/viewer>
17. Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-i-digital-international-relations-vyzovy-i-novye-vozmozhnosti>
18. Utilizing Digital Platforms for Diplomacy in ASEAN: A Preliminary Overview. URL: https://www.researchgate.net/publication/362912618_Utilizing_Digital_Platforms_for_Diplomacy_in_ASEAN_A_Preliminary_Overview

Об авторах: ТЕРЕХОВА Вера Сергеевна – студент бакалавриата Тюменского государственного университета, email: VeraSergeevnaTerekhova@yandex.ru

About the authors: TEREKHOVA Vera Sergeevna – Bachelor's degree student, Tyumen State University, email: VeraSergeevnaTerekhova@yandex.ru

РОЛЬ НАТО В АНТИКИТАЙСКОМ ПЛАЦДАРМЕ США

Терзи А.Е.

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва

NATO'S ROLE IN THE US ANTI-CHINESE FOOTHOLD

A.E. Terzi

State Academic University for the Humanities, Moscow

Аннотация: Расширение военно-политического сотрудничества США с партнерами из Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) в двусторонних и многосторонних форматах, как AUKUS, и укрепление союзничества в рамках НАТО на фоне украинского кризиса привело к появлению нового феномена – вовлечения Североатлантического Альянса в ИТР. Среди руководства Альянса и стран-партнеров впервые частью диалога стала взаимосвязь между региональными процессами и евроатлантической безопасностью. В «Стратегической концепции 2022» также впервые фигурирует Китай, названный наряду с Россией главной угрозой, а региональные игроки два года подряд принимают участие в саммитах НАТО. Развертывание ВМС стран-членов НАТО в акватории Южно-Китайского моря, совместные военно-морские учения и дипломатические усилия со стороны Североатлантического Альянса наносят удар по региональной стратегической стабильности и идут вразрез с интересами национальной безопасности КНР, провоцируя дополнительный виток эскалации напряженности.

Abstract: The expansion of US military-political cooperation with partners from the Indo-Pacific region in bilateral and multilateral formats, such as AUKUS, and the strengthening of partnership within NATO concerning the Ukrainian crisis has led to the emergence of a new phenomenon – the engagement of the North Atlantic Alliance in the Indo-Pacific region. For the first time, the relationship between regional processes and Euro-Atlantic security has become part of the dialogue between the Alliance and regional partners. The "Strategic Concept 2022" also features China for the first time, named along with Russia as the main threat, and regional players have been participating in NATO summits for two years in a row. The deployment of the Navies of NATO member countries in the waters of the South China Sea, joint naval exercises and diplomatic efforts of the North Atlantic Alliance deal a blow to regional strategic stability and run counter to the interests of the national security of China, provoking an additional round of escalation of tension.

Ключевые слова: НАТО, ИТР, Китай, США, ВМС, безопасность, эскалация.

Keywords: NATO, Indo-Pacific Region, China, USA, Navy, security, escalation.

Новым по историческим меркам феноменом в характере сотрудничества и участия акторов мировой политики в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) стало **вовлечение Североатлантического альянса**. Можно выделить две причины его возникновения: расширение военно-политического сотрудничества США с партнерами из ИТР в условиях геополитической конкуренции с КНР и тенденция на укрепление связей в рамках НАТО вокруг поддержки Украины. Еще в 2021-2022 гг. Великобритания, Германия и Франция посылали свои корабли в Южно-Китайское море (ЮКМ), что вызвало резкую дипломатическую реакцию Китая, который воспринял это как угрозу собственной безопасности[2]. США не только расширили свои союзнические отношения со странами региона, но и приложили усилия для привлечения своих европейских союзников в ИТР под знаменем НАТО. В этой связи возникает закономерный вопрос: какую роль играют члены Североатлантического альянса в регионе сегодня и какие риски для эскалации региональной напряженности это создает? Чтобы дать ответ на него, автор обращается к действующему программному документу НАТО, программам партнерства со странами региона и официальным публикациям Альянса, и применяет контент-анализ и методы ситуационного анализа для оценивания событий с точки зрения конкретной исторической ситуации.

Несмотря на то, что ЮКМ, омывающее берега КНР, не входит в зону ответственности НАТО, китайская тема постепенно становится важной внутри Альянса, что проявилось на доктринальном уровне: в «**Стратегической концепции 2022**» (англ. NATO Strategic Concept 2022) отмечена важность ИТР как региона, события в котором способны повлиять на евроатлантическую безопасность – ранее такая взаимосвязь никогда не была предметом обсуждений[9]. Также в документе впервые фигурирует Китай, названный наряду с Россией главной угрозой для Альянса[9].

Подчеркивается, что так называемая «политика принуждения» Пекина бросает вызов интересам, безопасности и ценностям Западного блока[9].

В этой связи, помимо официальных документов, следует обратиться к **дискурсу вышестоящих лиц**. Так, комментируя всплеск волнения в Альянсе вокруг возрастающей китайской военной силы, генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что «происходящее в Европе сегодня может произойти в Восточной Азии завтра», что представляет собой непосредственное обоснование уже существующей и возможной в будущем военной активности в регионе[5]. Лидер Североатлантического альянса отмечал и иную угрозу, подчеркнув, что к 2035 г. Китай, как ожидается, будет иметь 1500 ядерных боеголовок на ракетах, которые могут достичь Северной Америки и всей Европы – территории стран-членов НАТО[6]. Если учитывать фактор разрушенной системы контроля над вооружениями, эти переживания не беспочвенны, однако дополнительная эскалация напряженности вблизи китайских границ никак не способствует урегулированию кризиса. В экономическом аспекте Европу беспокоит зависимость от импорта критически важного минерального сырья, используемого в технологическом производстве. В американском аналитическом центре «Германский фонд Маршалла» (German Marshall Fund) выражают беспокойство в связи с контролем Китая над всей важнейшей европейской инфраструктурой в случае развязывания войны[6]. Это может послужить еще одним фактором для обоснования вовлечения НАТО в регион.

Более того, второй год подряд НАТО приглашает своих азиатских партнеров на ежегодную встречу, что свидетельствует о серьезности, которая придается «китайской угрозе». **Саммит в Вильнюсе 12 июля 2023 г.** посетили лидеры четырех стран – Австралии, Новой Зеландии, Японии и Южной Кореи, так называемая «Азиатско-Тихоокеанская четверка» (Asia Pacific Partners, AP4) – также, как и за год до этого в Мадриде. Й. Столтенберг в Литве призвал партнеров вместе поддерживать «порядок, основанный на правилах», добавив оттенок идеологической борьбы в диалог с азиатскими союзниками в духе

традиционного американского дискурса[10]. Каждая из стран подписала индивидуально адаптированную программу партнерства для модернизации существующих двусторонних соглашений о безопасности с Альянсом, расширив возможности кооперации по вопросам региональной безопасности[1]. Япония, как одна из стран из «четверки», не только открыта к диалогу, но и к более тесному практическому сотрудничеству, что подтверждает ее намерение увеличить к 2027 г. расходы на оборону до 2% ВВП – до уровня, соответствующего планке, установленной в 2014 г. Альянсом[1].

Интересным представляется, что своеобразный **пик дипломатического сближения все же не был достигнут** – им бы стало обсуждаемое открытие представительства Североатлантического альянса в 2024 г. в Токио[3]. Однако протест Франции с заявлением о том, что основной зоной ответственности альянса должна остаться Северная Атлантика, показал, что не вся Европа готова поставить на кон отношения с Китаем и рискнуть ими ради участия в реализации американской политики, направленной против КНР[4].

Помимо дипломатии, у Пекина есть и другие поводы для беспокойства – в первую очередь, это **демонстрация военной силы членов НАТО** посредством развертывания ВМС и проведения совместных военно-морских учений с региональными акторами. Уже в 2021 г. страны Альянса отправили 21 корабль в акваторию ЮКМ, а наиболее ярким примером вовлечения в тот период стало участие не только американских, французских и британских ВМС, но и фрегата Нидерландов[8]. В 2022 г. Великобритания впервые присоединилась к крупнейшим военно-морским учениям «Острый меч» (Keen Sword) [11]. Однако в текущем году в азиатских водах остались лишь американские и канадские корабли – их последние учения прошли в октябре 2023 г. совместно с Австралией, Японией и Новой Зеландией в ЮКМ, став вторыми за год после предыдущих, прошедших в августе[12]. Европейская военная активность в ИТР утихла – можно предположить, что причиной являются либо стремление к постепенному вовлечению в регион, чтобы не

создать впечатления экспансии и не спровоцировать начало конфликта, либо недостаток ресурсов в связи с вспышкой нового регионального «пожара» на Ближнем Востоке, по причине которого в Вашингтоне в некоторой степени переложили ответственность за европейскую безопасность и украинский конфликт на плечи европейских союзников.

Тем не менее, европейские члены НАТО в 2023 г. продолжают поддерживать сотрудничество со странами региона вне военного поля. Примером тому может служить выдвинутая в январе со стороны Альянса инициатива «**Будущее в Индо-Тихоокеанском регионе**» (Futures in the Indo-Pacific) в рамках программы НАТО «Наука во имя мира и безопасности» (Science for Peace and Security, SPS) [7]. Она направлена на выявлении ранее указанной связи региональных процессов и евроатлантической безопасности посредством диалога между представителями экспертного сообщества в течение двух лет, что может заложить почву для выведения сотрудничества на новый уровень в будущем.

Таким образом, на сегодняшний день **сближение НАТО со странами-партнерами из региона протекает в низкоинтенсивном** и постепенном **формате**, что обусловлено нежеланием разжечь конфликт с Китаем – какую бы угрозу он не представлял по мнению руководства Альянса и стран-членов, война не входит в их интересы. Однако если сравнить этот процесс вовлечения с предыдущими десятилетиями, его темпы в значительной мере возросли, что не может не вызывать острую реакцию Пекина. Развертывание ВМС НАТО, организация совместных военных учений и дипломатические усилия Североатлантического альянса наносят удар по региональной стратегической стабильности и идут вразрез с интересами национальной безопасности КНР.

Список использованной литературы:

1. Добринская О. Саммит НАТО: Итоги для Японии: [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) – 19 июля 2023.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-natotiogi-dlya-yaaponii/>. (дата обращения 01.12.2023).

2. Мишин И. О. Индо-Тихоокеанская стратегия администрации Дж. Байдена: преемственность и новые тренды: [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. – 2022. – Спецвыпуск.

URL: <https://rusus.jes.su/s207054760023919-7-1/>. DOI: 10.18254/S207054760023919-7. (дата обращения 01.12.2023).

3. Токио обсуждает с НАТО открытие представительства альянса в Японии: [Электронный ресурс] // ТАСС – 9 мая 2023 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17708165>. (дата обращения 01.12.2023).

4. France opposed to opening of Nato liaison office in Japan, official says: [Электронный ресурс] / The Guardian – June 7, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jun/07/france-opposed-to-opening-of-nato-liaison-office-in-japan-official-says>. (accessed 01.12.2023).

5. Joint press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with Prime Minister Fumio Kishida: [Электронный ресурс] / NATO – January 31, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_210901.htm. (accessed 01.12.2023).

6. NATO has its sights on Asia: [Электронный ресурс] / Foreign Policy – July 24, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/07/24/nato-has-its-sights-set-on-asia/>. (accessed 01.12.2023).

7. NATO launches new cooperation initiative with experts from partners in the Indo-Pacific region: [Электронный ресурс] / NATO – January 25, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_211244.htm#:~:text=On%2025%20January%202023%2C%20NATO,for%20the%20next%20two%20years. (accessed 01.12.2023).

8. NATO Navies Send Strategic Signals in the Indo-Pacific: [Электронный ресурс] / U.S. Naval Institute – August 2022. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2022/august/nato-navies-send-strategic-signals-indo-pacific>. (accessed 01.12.2023).

9. NATO 2022 Strategic Concept: [Электронный ресурс] / NATO – Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. URL: <https://strategicconcept2022.com/wp-content/uploads/2023/06/290622-strategic-concept.pdf#:~:text=Our%20new%20Strategic%20Concept%20reaffirms,commitment%20to%20defend%20each%20othe>. (accessed 01.12.2023).

10. NATO Secretary General: “we must stand together for the rules-based international order”: [Электронный ресурс] / NATO – July 12, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_217484.htm. (accessed 01.12.2023).

11. Royal Navy joins one of the largest military exercises in Pacific for first time: [Электронный ресурс] / Royal Navy – November 21, 2022. URL: <https://www.royalnavy.mod.uk/news-and-latest-activity/news/2022/november/21/20221121-royal-navy-joins-one-of-the-largest-military-exercises-in-pacific-for-first-time>. (accessed 01.12.2023).

12. US-led 5-nation joint naval drill conducted in South China Sea: [Электронный ресурс] / Alperen Aktas – October 24, 2023. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/us-led-5-nation-joint-naval-drill-conducted-in-south-china-sea/3030902#:~:text=The%20joint%20exercise%20was%20conducted,‘Noble%20Caribou%2C%20’%20it%20added>. (accessed 01.12.2023).

Об авторах: ТЕРЗИ Александра Евгеньевна – студентка, Государственный академический университет гуманитарных наук, e-mail: trz11111@mail.ru

About the authors: TERZI Alexandra Evgenievna – Undergraduate student, State Academic University for the Humanities, e-mail: trz11111@mail.ru

ПОЛИТИКА ПЕРУ В АТР. К 25-ЛЕТИЮ В СОСТАВЕ АТЭС

Щербачевич Е.С.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**PERUVIAN POLICY TOWARDS THE ASIA-PACIFIC REGION. TO THE
25TH ANNIVERSARY OF APEC MEMBERSHIP**

E.S. Shcherbachevich

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация. В статье проводится поэтапное исследование внешней политики Перу на азиатском направлении через призму деятельности в составе АТЭС с момента вступления в Организацию в 1998 году и по настоящее время. Делается акцент на сотрудничестве в экономической сфере, однако также затрагивается и политико-дипломатическое направление. Анализируются сильные и слабые стороны сотрудничества за последние 25 лет, выделяются основные направления деятельности, ключевые партнеры и перспективы дальнейшего развития. Также внимание уделяется предстоящему в 2024 году саммиту глав государств АТЭС, который пройдет в Перу и влиянию, которое он окажет на экономику отдельных перуанских регионов и городов.

Abstract. The article provides a complex study of Peru's foreign policy in Asia by means of activities within APEC from the moment of joining the Organization in 1998. The emphasis is based on cooperation in the economic sphere, but the political and diplomatic direction is also touched upon. The pros and cons of cooperation over the past 25 years are analysed, the main areas of activity, key partners and prospects for further development are highlighted. Attention is also paid to the upcoming APEC 2024 summit, which will be held in Peru, and the impact it will have on the economies of some Peruvian regions and cities.

Ключевые слова. Латинская Америка, Перу, внешняя политика, экономическое сотрудничество, АТЭС, региональная интеграция.

Key words: Latin America, Peru, foreign policy, economic cooperation, APEC, regional integration.

Исторически, «потерянным десятилетием» для Латинской Америки считаются 1980-е годы. Регион испытывал огромные экономические потрясения: гиперинфляция, безработица, иммиграция талантливых кадров.

Перу не стало исключением. Еще в 1970-е Перу начало постепенное погружение в социальную, политическую и экономическую яму. Военное правительство Хуана Веласко Альварадо (1968-1975) характеризовалось неудачной аграрной реформой и усилением экономического протекционизма. С приходом военного правительства Франсиско Моралеса Бермудеса (1975-1980), инфляция усилилась и переросла в экономический кризис, который только распространялся. На фоне экономического упадка образовались проблемы терроризма и наркоторговли. К концу 1970-х инфляция достигла 75%. В 1980-е общерегиональная экономическая рецессия лишь ухудшила положение дел. Администрации опытного Ф. Белаунде (1980-1985) и молодого А. Гарсия (1985-1990) не смогли оживить экономику неортодоксальными методами, что привело к отказу от выплаты госдолга иностранным инвесторам, из-за чего отношения с МВФ ухудшились и на какое-то время страна лишилась притока инвестиций.

Таким образом, 1990-е годы Перу встретило в низшей точке своего развития в послевоенной истории. Тем ярче тот контраст и тот прогресс, которого достигла страна к концу десятилетия. В 1990 году к власти пришел Альберто Фухимори, потомок японских иммигрантов. Фухимори активно работал на Азиатско-тихоокеанском направлении и выделял его приоритетным. Первой страной, в которую он совершил визит была Япония. По состоянию на 1990 год, Япония была лидером и экономическим гегемоном. Поэтому этническая связь перуанского президента с этой страной была большим подспорьем и давала дополнительные преимущества к тому факту, что в Перу исторически проживала большая японская диаспора. Однако Фухимори старался наладить контакты со всеми тихоокеанскими странами. За время своего президентства он часто посещал с визитом Китай, Южную Корею, Сингапур, Индонезию, Малайзию, Австралию и Новую Зеландию. Также грамотно работал на североамериканском направлении, несмотря на разногласия с Вашингтоном. Благодаря подобной активности и грамотной дипломатии, уже в 1998 году заявка Перу на членство в АТЭС была одобрена.

Перу получило новые возможности для внешней торговли и стало связующим звеном между членами АТЭС и латиноамериканскими странами, у которых не было прямого выхода к Тихому океану, например, Бразилии или Боливии. С момента присоединения к блоку в 1998 году, экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона увеличился в 7 раз. Средний за 25 лет показатель роста экспорта достиг 15% в год. Эти результаты позволили Перу позиционировать себя в качестве лидирующего поставщика рыбной муки и минералов в рамках форума АТЭС. Кроме того, это второй по величине поставщик авокадо, овощных консервов, фосфатов меди и кальция, и третий по величине поставщик свежего винограда. Азиатский вектор на данный момент занимает около 30% от всего перуанского экспорта.

Администрация Фухимори (1990-2000) сильно расширила связи Перу с Азиатско-Тихоокеанским регионом, а администрация Толедо (2001-2006) продолжила развивать это направление. В январе 2005 года Китай и Перу заключили соглашения в сферах сельского хозяйства, туризма и энергетики. Шесть месяцев спустя президент Толедо встретился с председателем КНР Ху Цзиньтао и подписал соглашения о сотрудничестве в области образования, здравоохранения, туризма и транспорта. Было открыто перуанское консульство в Гуанчжоу в сентябре 2005 года, а в октябре Китай и Перу подписали Меморандум о взаимопонимании, который охватывал сотрудничество в области технологической информации и коммуникаций. Президент Толедо надеялся также развивать прочные отношения и с Японией, однако нежелание японского правительства экстрадировать бывшего президента Фухимори оказалось большим препятствием. Помимо Китая и Японии, администрация Толедо заключила соглашение о свободной торговле с Таиландом в ноябре 2005 года, а в феврале 2006 года государства подписали соглашение о воздушном транспорте. В ноябре 2005 года Южная Корея и Перу ратифицировали договор об экстрадиции. Также в феврале 2006 года Перу открыло посольство во Вьетнаме.

Пришедший на смену Толедо А. Гарсия (2006-2011) дополнил перуано-китайские инициативы, выдвинутые правительством Толедо, опираясь на уже существующие соглашения. Перуанский экспорт в Китай продолжал расти, а встречи китайских и перуанских лидеров были частым явлением, включая официальные визиты президента Гарсии в Китай в 2008 и 2010 годах. Во время своего визита в Пекин в 2008 году Гарсия выразил поддержку по двум очень важным для Китая вопросам: непризнание Тайваня и признание китайского контроля над Тибетом. В 2007 году Перу и Китай начали переговоры по соглашению о свободной торговле, а в 2008 году они повысили свои отношения до стратегического партнерства, которое в 2013 году получило статус уже «всеобъемлющего».

Постоянное участие в форумах АТЭС помогло Перу заключить соглашения о свободной торговле с Канадой и Сингапуром в 2008 году и Китаем в 2009 году. В 2010 году правительство Гарсии заключило соглашение о свободной торговле с Европейской ассоциацией свободной торговли. В 2011 году оно подписало соглашение о свободной торговле с Южной Кореей и соглашение о свободной торговле с Японией.

Также президент Гарсия способствовал созданию *Alianza del Pacífico* (Тихоокеанский альянс). В самом конце президентского срока А. Гарсии Чили, Колумбия, Мексика и Перу в апреле 2011 года официально согласились создать Тихоокеанский альянс (региональное торговое объединение). Впоследствии президенты Тихоокеанского альянса в совместном заявлении объявили о завершении переговоров, устраняющих все торговые барьеры между четырьмя государствами-членами, создавая восьмой по величине экономический союз в мире. На момент создания Тихоокеанского альянса в апреле 2011 года на долю Чили, Колумбии, Мексики и Перу приходилось около 36% населения Латинской Америки. В первый год своего существования Тихоокеанский альянс получил 41% от всех инвестиций в регион и на его долю пришлось 50% экспорта и импорта Латинской Америки.

Более того, средние темпы роста ВВП отдельных стран Тихоокеанского альянса были выше, чем у стран из МЕРКОСУР.

Во время президентства О. Умалы (2011-2016) Перу продолжило линию предыдущих администраций. Соглашение о свободной торговле с Южной Кореей, заключенное в конце срока А. Гарсиа, вступило в силу в августе 2011 года, а в ноябре 2011 года Перу заключило соглашение о воздушном сообщении с Южной Кореей. В марте 2012 года вступило в силу соглашение о свободной торговле с Японией, а в октябре 2013 года Перу и Япония отпраздновали 140-летие дипломатических отношений.

На китайском треке прогресс также усилился, в связи с подъемом Китая. Когда президенты О. Умала и Ху Цзиньтао встретились на встрече АТЭС в ноябре 2011 года в Гонолулу, они пообещали работать для развития стратегического партнерства, сформированного в 2008 году. Год спустя двусторонняя торговля между Китаем и Перу увеличилась более чем в 2 раза. В 2010 году Китай официально обошел США в качестве основного торгового партнера Перу. В апреле 2013 года президент Умала посетил Китай, встретился с новоизбранным председателем Си Цзиньпином и активно лоббировал перуанский экспорт и китайские инвестиции в Перу. В мае 2015 года премьер-министр Китая Ли Кэцян посетил Лиму, чтобы заключить 10 новых двусторонних пактов, а в декабре 2015 г. корабль ВМФ Китая совершил семидневный сервисный заход в порт Кальяо в Лиме. Это была первая остановка судна в южноамериканском порту, и заход в порт был расценен как сигнал растущего влияния Китая в регионе.

Центральным элементом перуанского подхода к Китаю во время администрации О. Умалы была концепция «Перу – региональный центр в Южной Америке». Мотивированный желанием сократить транспортные расходы и обходить Панамский канал, Китай поддержал идею Перу стать «воротами» в Тихий океан. Правительство Китая также поддержало предложение о строительстве амазонской железной дороги, соединяющей

атлантическое побережье Бразилии с тихоокеанским побережьем Перу, которое, по итогу, не было реализовано.

С 2016 по 2023 год в Перу сменилось 5 президентов, что говорит о внутривнутриполитической нестабильности. Однако несмотря на этот факт, азиатский вектор перуанской политики пересмотру не подвергался. Например, президенты П. Кучински (2016-2018) и П. Кастильо (2021-2022) выбирали Китай в качестве своей первой президентской поездки. Бесспорно, Китай останется важным торговым партнером Перу и в будущем.

Помимо китайских партнеров Перу активно взаимодействует с иностранными инвесторами из других азиатских стран. 2024 год для Перу будет крайне продуктивным, так как именно в этой стране пройдет саммит глав государств АТЭС. Это событие даст импульс к развитию отдельных городов (Трухильо, Арекипа, Куско, Укаяли), прибрежных регионов и экономики в целом, что будет иметь положительное влияние. Также на саммите состоятся важнейшие переговоры с потенциальными инвесторами и партнерами, что даст дополнительный толчок к развитию перуанской экономики, как это было в 2008 и в 2016 годах.

Подводя итог, необходимо отметить, что АТЭС сыграло важнейшую роль в развитии перуанской экономики. С момента присоединения к блоку в 1998 году, экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона увеличился в несколько раз. Перу, будучи в составе АТЭС, имеет доступ к 44% мирового населения и 58% мирового ВВП. Имея выгодное географическое положение, большую территорию, соглашения о свободной торговле с рядом крупных азиатских государств, Перу, при сохранении планируемого вектора развития, претендует на статус одного из региональных экономических лидеров.

Список использованной литературы:

1. Новицкий Е.Р. Прошлое и настоящее российско-перуанских отношений // Латинская Америка. – 2018. – № 11. – С.19-25.1

2. Петрова Т.П. «Перу в системе международных отношений (1821-2010 гг.)». – М.: ООО «Аванглион-принт», 2011. – 392 с.
3. Ткаченко В.А. Россия – Перу: формирование отношений в переходный период – ИЛА РАН, 1998
4. Ткаченко В.А. Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия – ИЛА РАН, 2002
5. Adins S., Paredes M. Las relaciones entre Perú y Rusia. Revisión e interpretación desde las Relaciones Internacionales. – Lima: Equis Equis S.A., 2019. – 278 p.
6. Mercado E. Doce años de gobierno militar. Lima La Prensa. Domingo, 20 de julio de 1980, Sección Editorial, página 15.
7. Sommer R. Alineamiento y desafío: la política exterior peruana en los gobiernos de Odría y Velasco. Escuela de Gobierno y Políticas Públicas, Pontificia Universidad Católica del Perú

Об авторе: ЩЕРБАЧЕВИЧ Егор Сергеевич – аспирант, Дипломатическая академия МИД России, email: egor.shcherbachevich2000@gmail.com

About the author: SHCHERBACHEVICH Egor Sergeevich – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, email: egor.shcherbachevich2000@gmail.com

ИНДИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: РОЛЬ ИНДИИ В МИРОВЫХ СОБЫТИЯХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ядав Р.Ш.

Тверской государственный университет, Тверь

INDIA AND THE WORLD POLITICS: THE ROLE OF INDIA IN WORLD EVENTS AND INTERNATIONAL RELATIONS

R.Sh. Yadav

Tver State University, Tver

Аннотация: Индия, как одна из крупнейших стран мира, играет значительную роль в мировой политике и международных отношениях. В данной статье рассматривается влияние Индии на глобальные события, ее участие в международных организациях, таких как ООН, БРИКС и другие, а также ее внешнеполитические стратегии и отношения с другими странами. Также обсуждаются ключевые проблемы, с которыми сталкивается Индия в своих международных отношениях, такие как территориальные споры, борьба за влияние в регионе Южной Азии и т.д. Анализируется роль Индии в различных глобальных и региональных конфликтах, а также ее вклад в мировую экономику и культуру.

Abstract. India being one of the largest countries in the world plays a significant role in world politics and international relations. This article examines India's influence on global events, its participation in international organizations such as the UN, BRICS and others, as well as its foreign policy strategies and relations with other countries. The key issues facing India in its international relations, such as territorial disputes, the struggle for influence in the South Asian region, etc., are also discussed. The article analyzes India's role in various global and regional conflicts, as well as its contribution to the world economy and culture.

Ключевые слова: Индия, ООН, БРИКС, международные отношения.

Keywords: India, the United Nations, BRICS, international relations.

История

Индия обрела независимость от Британской империи 15 августа 1947 года. Первые годы после этого периода были сложными и вызывали огромные

вызовы для новой страны. Вот несколько ключевых аспектов первых лет индийской независимости:

1. Разделение Индии: Одним из значимых событий того времени было разделение Индии на две независимые страны – Индию и Пакистан. Это привело к массовым миграциям, насилию и потере многих жизней.

2. Конституция Индии: В 1950 году вступила в силу Конституция Индии, которая стала основой для демократии в стране.

3. Экономические проблемы: Страна сталкивалась с серьезными экономическими вызовами в виде бедности, низкого уровня развития и недостатка инфраструктуры.

4. Развитие сельского сектора: Поставив перед собой задачу справиться с проблемой голода и бедности, индийское правительство сосредоточилось на развитии сельского сектора, внедряя сельскохозяйственные реформы.

5. Необходимость построения нации: Строительство единого национального сознания и сбор нации были ключевыми задачами. Индия с её разнообразием языков, культур и религий сталкивалась с вызовами поддержания единства.

Эти первые годы независимости оказали глубокое влияние на формирование политической, экономической и социокультурной структуры Индии. Они также определили ряд вызовов, с которыми страна сталкивается в своем пути к развитию. [1]

Стоит отметить, что огромное влияние на международное положение Индии оказали предпринятые действия правительства, начатые в последнем десятилетии XX века. Именно они и стали выступать в роли толчка для ускорения темпов экономического развития. Многие успехи развития Индии на сегодняшнем этапе являются результатом этих реформ.

Экономика

В 1990-х годах в Индии были внесены ряд экономических реформ, которые сыграли ключевую роль в трансформации ее экономического

ландшафта и способствовали её становлению одной из крупнейших и наиболее быстрорастущих стран в мире.

1. Либерализация: Правительство Индии, под руководством премьер-министра П.В. Нарасимха Рао и министра финансов Манмохана Сингха, начало внедрение политики экономической либерализации. Целью этих реформ было сокращение государственного вмешательства, содействие рыночно-ориентированным политикам и открытие экономики для иностранных инвестиций.

2. Реформы в промышленности: Произошли значительные изменения в промышленном секторе с переходом к более рыночной модели. Была ликвидирована система лицензий и разрешений, ограничивающая частный бизнес, что способствовало большему участию частного сектора и появлению конкуренции.

3. Либерализация торговли: Снижены импортные ограничения, и были уменьшены торговые барьеры. Это способствовало интеграции индийской экономики с мировым рынком, развитию международной торговли и подвергло отечественные отрасли воздействию глобальной конкуренции.

4. Приватизация: Правительство начало выход из собственности в нескольких государственных предприятиях, поощряя частное участие и повышение эффективности в отраслях, ранее контролируемых государственными предприятиями.

5. Технологии и телекоммуникации: в 1990-е годы произошло значительное расширение информационных технологий и телекоммуникационных секторов. Были реализованы меры для поощрения частных инвестиций в эти области, что привело к росту ИТ-индустрии и превращению Индии в мировой центр ИТ-аутсорсинга.

6. Развитие инфраструктуры: Был уделен особый акцент на улучшение инфраструктуры, включая транспорт, энергетику и телекоммуникации. Это было важно для поддержки экономической активности и привлечения инвестиций.

Эти реформы были запущены с целью решения экономических проблем, стимулирования роста, привлечения иностранных инвестиций и повышения глобальной конкурентоспособности. [3]

Политические меры

Восхождение Индии в качестве политической державы было обусловлено сочетанием внутренних и международных факторов, включая ряд ключевых реформ и стратегических решений. Несмотря на сложность приписывания политической значимости Индии отдельным реформам, определенные инициативы и геополитические события сыграли значительную роль. Вот несколько факторов, способствовавших восхождению Индии в качестве политически влиятельной державы:

1. Ядерная политика и возможности. В 1998 году Индия провела серию ядерных испытаний, подтвердив свою ядерную способность. Несмотря на международную критику, это действие свидетельствовало о решимости Индии поддерживать сильную оборонительную позицию. В последующие годы ответственное ядерное поведение Индии и стратегическое воздержание способствовали её признанию как ключевого участника мировых обсуждений в области безопасности.

2. Стратегические партнерства. Индия активно развивает стратегические партнерства с различными странами и региональными организациями. Укрепление отношений с крупными державами, такими как США, Россия и страны Европы, а также участие в многосторонних форумах, таких как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и G20, расширило дипломатическое влияние Индии.

3. Модернизация военной сферы. Инвестиции в оборону и модернизация военных возможностей повысили военные способности Индии. Вооруженные силы страны теперь лучше оснащены для решения региональных проблем безопасности и участия в миротворческих миссиях, укрепляя роль Индии в обеспечении глобальной безопасности.

4. Дипломатия мягкой силы. Мягкая сила Индии, включая её живую демократию, культурное разнообразие, индийское кино и успех в области информационных технологий, способствовала её глобальной привлекательности. Мягкая сила играет ключевую роль в формировании образа страны и создании союзов.

5. Влияние индийской диаспоры. Индийская диаспора, особенно в экономически развитых странах, сыграла значительную роль в укреплении политического и экономического влияния Индии. Успех диаспоры в различных областях вносит свой вклад в положительное восприятие Индии за рубежом.

Международные организации

Индия активно участвует в миротворческих миссиях Организации Объединенных Наций и стремится к реформам в международных институтах для отражения современных геополитических реалий. Участие в многосторонних форумах позволяет Индии отстаивать свои интересы и вносить вклад в формирование глобальных политических решений.

Также участие в многосторонних форумах, таких как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и G20, расширило дипломатическое влияние Индии.

Цифровая индустрия

Индия забрала первое место в рейтинге по количеству цифровых транзакций в 2022 году с 89.5 млн транзакций в год. Примечательно, на второе место (в лице Бразилии) их приходится в три раза меньше, то есть 29.2 млн, а у Китая и вовсе всего 17.6 млн. [2]

Помимо этого, UPI, Unified payment interface Единый платежный интерфейс работает в таких странах как Непал, Франция, ОАЭ, Саудовская Аравия, Бахрейн, Сингапур, Мальдивы, Бутан и много других.

Исследования Индии в области блокчейн, крипто, ИИ и робо технологий занимают лидирующие позиции в мире.

Космос

Индия активно развивает космическую сферу. Летом 2023 года, лунная программа Чандрян 3 стала большим успехом и показала могущество Индии всему миру. Весь мир пристально следил за приземлением. За приземлением следили лидеры стран Брикс в прямом эфире во время саммита БРИКС в Йоханнесбурге.

На пороге исторического перехода

Обратите внимание, что Индия не зря поднимает вопрос о переименовании страны с акцентом на «колониальный» статус. Эта история берет свое начало во времена колонизации Индии британцами. Англичане решили использовать для себя более созвучное название и назвали новый регион мира – Индией. [2]

Отказ от своего колониального прошлого является тонким намеком на переходный статус Индии из региональных в ведущие мировые державы. Мы живем в интересное время, когда рушатся привычные центры влияния вместе с однополярным миром. Энергично развивающаяся Индия доказала всем, что нет ничего невозможно, а ее статус глобальной державы может сыграть только на пользу мировой политике.

Миссия Индии заключается в создании автономной, экономически стабильной и мощной в военном плане державы. Ее яркое культурное наследие, исторические ценности и передовые технологии позволяют менять мир в лучшую сторону. [3]

Примечательно, что в плане внешней политики Индия всегда выступала в роли стабильного государства. Мировоззрение, основанное на принципе Vasudhaiva Kutumbakam априори, не может быть агрессивным – это акценты на мир, семью и благополучие.

Список использованной литературы:

1. Индия на мировой арене. URL: [Индия на мировой арене | Статья в журнале «Молодой ученый» \(moluch.ru\)](#) (Дата обращения: 22.11.2023)

2. Новые рубежи Индии. URL: [РСМД :: Новые рубежи Индии \(russiancouncil.ru\)](http://russiancouncil.ru) (Дата обращения: 22.11.2023)
3. Юлия Лайши. Роль Индии в международных отношениях. URL: [Роль Индии в международных отношениях \(spravochnick.ru\)](http://spravochnick.ru) (Дата обращения: 22.11.2023)

Об авторе: ЯДАВ Раман Шанкар – студент, Тверской государственный университет, email: ramanyadavstud@gmail.com

About the author: YADAV Raman Shankar – Student, Tver State University, email: ramanyadavstud@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СТАРОГО СВЕТА

УДК 329

РОЛЬ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАТАЛОНИИ, СТРАНЫ БАСКОВ И ГАЛИСИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ИСПАНИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2023 Г.

Вильчинский А.С.

Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

ROLE OF CATALAN, BASQUE AND GALICIAN PARTIES IN THE SPANISH POLITICAL PROCESS AFTER THE 2023 ELECTIONS

A.S. Vilchinskii

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: статья посвящена характеристике влияния националистических партий Каталонии, Страны Басков и Галисии на работу коалиционного правительства Испании, которое сформировали левые силы ИСРП и Сумар в ноябре 2023 г. Действующему главе правительства Испании, социалисту Педро Санчесу для получения нового мандата по итогам выборов июля 2023 г. была нужна поддержка националистов Каталонии, требующих амнистию политических заключенных после референдума 2017 г. Для получения их голосов Санчес пошел на уступки, отправив на рассмотрение в парламент инициативу об амнистии каталонских политиков, выступавших за независимость региона с 2012 г. Лидер ИСРП получил поддержку каталонских и баскских националистов, но его действия спровоцировали общественные протесты в Мадриде. Националистические силы регионов получили дополнительные рычаги влияния на формирование правительственной повестки дня. В этой связи актуально дать обновленную характеристику роли каталонских и баскских националистических партий в политическом процессе в Испании после выборов 2023 г.

Abstract. the article is devoted to the analysis of the influence the nationalist parties in Catalonia, the Basque Country and Galicia have on the coalition government of Spain, which was formed by the left-wing forces of the PSOE and Sumar. Current

head of the Spanish government, socialist leader Pedro Sanchez needed support of Catalan nationalists, who were demanding amnesty for political prisoners after the 2017 referendum, to win a new mandate following the July 2023 elections. Pedro Sanchez made concessions to gain the votes of nationalists by sending an initiative to Parliament to grant amnesty to Catalan politicians who campaigned for independence for the region since 2012. Sanchez won support of the Catalan and Basque nationalists, but his actions provoked public unrest. At the same time, the nationalists gained additional leverage in shaping the agenda of the government. In this context, it is relevant to provide an updated review of the role of the Catalan and Basque nationalists in the political process in Spain after the 2023 elections.

Ключевые слова: Испания, Каталония, Страна Басков, выборы, партии, коалиция, парламент, националисты.

Keywords: Spain, Catalonia, Basque Country, elections, parties, coalition, parliament, nationalists.

Введение

Всеобщие парламентские выборы в Испании в июле 2023 г. [4] завершились победой правоцентристской Народной партии (НП), получившей 137 мест в нижней палате (Конгрессе депутатов), однако кандидатура ее лидера Альберто Нуньеса Фейхоо не была поддержана парламентским большинством. Основной причиной стала неудача правой коалиции, которую сформировали НП и Вокс, в достижении договоренности с националистами Каталонии и Страны Басков. По этой причине возможность выдвинуть своего кандидата на пост премьер-министра получила левая коалиция, сформированная Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП) и движением Сумар.

Глава социалистов Педро Санчес сумел добиться успеха. Его кандидатура была поддержана 179 депутатами. За лидера социалистов проголосовали представители ИСРП (121 голос), Сумар (31), каталонских ЛРК (7) и «Вместе за Каталонию» (7), баскских БНП (5), «Бильду» (6), галисийской БНГ (1) а также Канарской Коалиции (1). Санчес сумел на три голоса преодолеть необходимый для успеха порог в 176 голосов [7]. Таким образом, становится очевидно, что для эффективного функционирования правительства

ИСРП-Сумар коалиция будет вынуждена обращаться за поддержкой к целому ряду партий, имеющих собственные интересы и цели в нижней палате испанского парламента. Для получения поддержки Санчес уже пошел на ряд компромиссов с националистами [2].

В этой связи исследовательской задачей является необходимость актуализации характеристик, объясняющих направления влияния националистических партий, представляющих три «исторические автономии» Испании – Каталонию, Страну Басков и Галисию – на работу сформированного в 2023 г. коалиционного правительства левых сил ИСРП-Сумар.

Для проведения исследования использовался системный подход, в котором за систему принималось коалиционное правительство ИСРП-Сумар, испанский Конгресс депутатов выступал средой, где функционирует система, а националистические партии трех «исторических автономий» рассматривались в качестве факторов внешнего воздействия.

В работе использован метод анализа документов и сообщений СМИ для изучения содержания договоренностей коалиции ИСРП-Сумар с националистическими силами. Также использовался факторный анализ для определения сфер влияния региональных партий на центральное правительство.

Теоретические рамки исследования сформированы работами российских ученых, изучающих специфику развития партийно-политических систем Европейских стран в XXI. В частности, для анализа особенностей взаимодействия партий в Испании использовались труды С.М. Гавриловой [1,2] и В.Я. Швейцера [3].

Содержание соглашений коалиции ИСРП-Сумар с националистическими партиями Испании

Глава ИСРП Педро Санчес проявил политическую гибкость, которая позволила ему найти сферы совместных интересов с широким кругом региональных партий с националистической идеологией. Стоит рассмотреть

содержание договоренностей правительственной коалиции с движениями, депутаты которых поддержали кандидатуру Санчеса.

Партия Сумар имеет 31 место в Конгрессе депутатов и является главным союзником ИСРП в коалиционном правительстве. Две партии достигли правительственного соглашения, согласно которому они будут продвигать принятие законов по введению 37,5-часовой рабочей недели, а также по сбору дополнительных налогов с банков и крупных энергетических компаний, которые отстают во внедрении экологических стандартов [5].

Важными партнерами коалиции ИСРП-Сумар являются две ведущие каталонские националистические силы – Левые республиканцы Каталонии (ЛРК) и движение «Вместе за Каталонию». Эти партии, выступающие за независимость своего региона, имеют по семь мест в Конгрессе депутатов. Несмотря на то, что они являются разными парламентскими группами, по требованию ЛРК движения объединились для выдвижения общего требования по внесению в парламент законопроекта об амнистии для политиков, причастных к борьбе региона за независимость с 2012 г. Регистрация соответствующего законопроекта об в нижней палате парламента в ноябре 2023 г. привела к соглашению правительственного блока с каталонскими националистами [6].

Не менее важную роль в Конгрессе депутатов играют и националисты Страны Басков. В частности, Баскская националистическая партия (БНП) уже была партнером предыдущего правительства Санчеса и поддержала его кандидатуру в 2020 г. Более того, депутаты БНП проголосовали против А. Нуньеса Фейхоо. В обмен на пять голосов своей партии лидер баскских националистов Андони Ортузар заключил соглашение с социалистами, которое состоит из тридцати положений. Среди них стоит обратить внимание на выделение дополнительного финансирования на социальное обеспечение слабозащищенных слоев населения региона из средств центрального бюджета, а также на планы предоставить автономии новые компетенции в регулировании рынка труда.

Еще одна партия из Страны Басков – Бильду – получила шесть мест в нижней палате парламента. Ее депутаты воздержались в 2020 г. при голосовании по кандидатуре Санчеса. В ноябре 2023 г. ИСПП-Сумар смогла договориться с Бильду, пообещав партии «расширение социальных и экономических прав баскских рабочих и открытие дебатов о многонациональности государства и национальных правах баскского народа» [7].

Поддержку правительственной коалиции оказал и Галисийский националистический блок (БНГ). В Конгрессе депутатов партия представлена только одним депутатом, который также поддержал Санчеса и в 2020 г. Как заявили лидеры галисийской партии, правительственный блок получил голос БНГ в обмен на обещание «списать государственный долг Галисии, предоставить скидки на проезд по межрегиональным автострадам и передать полномочия по контролю за поездами, курсирующими на территории автономии» [4].

Еще одной партией, проголосовавшей за Санчеса, стала Коалиция Канарских островов. Движение также имеет только одно кресло в Конгрессе депутатов. Важно отметить, что, в отличие от других националистических сил, эта партия сначала поддержала кандидатуру А. Нуньеса Фейхоо. Коалиция Канарских островов решила отдать свой голос в пользу Санчеса в обмен на обязательство ИСПП-Сумар внести «поправки в государственный бюджет на 2023 г. с учетом требования по переводу дополнительных 100 млн евро на восстановление острова Ла-Пальма после землетрясения в 2022 г.» [5].

Заключение

Правительственная коалиция ИСПП-Сумар будет вынуждена продолжать проявлять политическую гибкость для сохранения поддержки националистических партий Каталонии, Страны Басков и Галисии. Инициативы Мадрида будут учитывать интересы экономически сильных регионов, которые получили дополнительные рычаги влияния на процесс принятия решений центральными властями. Педро Санчесу будет крайне

тяжело откладывать переговорный процесс с Каталонией и Страной Басков по вопросу расширения полномочий регионов. Влияние Галисийского националистического блока и Коалиции Канарских островов гораздо ниже, однако близкие по националистической идеологии силы других регионов могут проявлять солидарность с более мелкими партиями для усиления давления на центр.

Список использованной литературы:

1. Гаврилова С.М. «Несистемные» политические партии в странах Европы // *Международная жизнь*. – 2018. – N 10. – С. 125–140.
2. Гаврилова С.М. Феномен правого популизма в современной Европе // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. – 2020. – N 4 (26). – С. 212–221.
3. Швейцер В.Я. Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века: монография. – М.: Институт Европы РАН, 2021. – 110 с. – (Доклады Института Европы РАН N 383).
4. Elecciones Generales de 2023 en España // *El País*, 23.07.2023. URL: <https://elpais.com/espana/elecciones/generales/> (дата обращения: 09.12.2023).
5. Jiménez N.M. Estos son todos los apoyos de Pedro Sánchez para la sesión de investidura // *20minutos*, 13.11.2023. URL: <https://www.20minutos.es/noticia/5189727/0/estos-son-todos-los-apoyos-pedro-sanchez-para-sesion-investidura.amp.html> (дата обращения: 10.12.2023).
6. Manifestaciones en Madrid, tras la investidura de Pedro Sánchez: ultima hora en Ferraz con protestas y cargas policiales // *El Confidencial*, 16.11.2023. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2023-11-15/investidura-pedro-sanchez-pactos-congreso-directo_3773998/ (дата обращения: 12.12.2023).
7. Pedro Sánchez destaca en la ejecutiva del PSOE el respaldo a su investidura de 12,6 millones de votantes pertenecientes a ocho partidos // *El País*, 13.10.2023. URL: <https://elpais.com/espana/2023-11-13/pedro-sanchez-destaca-en-la-ejecutiva-del-psoe-el-respaldo-transversal-a-su-investidura-de-126-millones-de-votantes-pertenecientes-a-ocho-partidos.html?outputType=amp> (дата обращения: 08.12.2023).

Об авторах: ВИЛЬЧИНСКИЙ Антон Сергеевич – аспирант, эксперт Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, e-mail: vilchinskii97@inbox.ru.

About the author: VILCHINSKII Anton Sergeevich, – Postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, expert of the Institute for Contemporary International Studies, e-mail: vilchinskiy97@inbox.ru.

**СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ВЕКТОР СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ**

Глубокая О.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**THE MEDITERRANEAN VECTOR OF ITALY'S MODERN FOREIGN
POLICY**

O.A. Glbokaya

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Правый уклон в результате парламентских выборов в Италии в сентябре 2022 года вызывал множество опасений. Экспертное сообщество предрекало ужесточение миграционной политики, разворот к США и усиление евроскептицизма. Тем не менее, Дж. Мелони смягчает риторику и придерживается более прагматичной позиции в области нелегальной миграции, которая наряду с диверсификацией углеводородного импорта является первоочередными внешнеполитическими задачами в регионе, на которых сделан основной акцент в статье. Политика развития «расширенного» Средиземноморья продолжается в новом качестве, где значительная роль отведена «Плану Маттеи».

Abstract. The right-wing tilt resulting from Italy's parliamentary elections in September 2022 has raised many concerns. The expert community predicted a tightening of migration policy, a turn towards the United States and increased Euroscepticism. However, J. Meloni softens the rhetoric and takes a more pragmatic position in the field of illegal migration, which, along with the diversification of hydrocarbon imports, are the primary foreign policy objectives in the region, which are the main focus of the article. The policy of development of the “expanded” Mediterranean continues in a new capacity, where a significant role is assigned to the “Mattei Plan”.

Ключевые слова: Италия, Средиземноморье, внешняя политика, дипломатия, миграционный кризис, энергетика.

Keywords: Italy, Mediterranean, foreign policy, diplomacy, migration crisis, energy.

Современные политические реалии Европы характеризуются выдвиганием на первый план сил, представляющих собой так называемую «политическую альтернативу», зачастую «новую популистскую» [2]. Италия вошла в число стран, в которых произошла смена политического состава. «Правый результат» досрочных парламентских выборов в Италии в сентябре 2022 года породил немало опасений. Особенно беспокоила перспектива ужесточение миграционной политики, ориентированность на США и расхождение с усилиями ЕС [3], что отражает актуальность темы исследования. Предпринята попытка в рамках системного подхода рассмотреть средиземноморский вектор современной внешней политики Италии при новом премьер-министре и определить её влияние на региональную стабильность и сотрудничество в Средиземноморье.

Анализ данных показал, что год спустя Дж. Мелони, вопреки опасениям, отошла от прежних резких высказываний и заняла прагматическую позицию, как минимум, в области нелегальной миграции. Дж. Мелони развивает ранее избранный курс, взяв «на вооружение идею Драги – увязать регулирование миграционных потоков в Европу с политикой ускоренного развития «расширенного» Средиземноморья (европейского Юга, стран Северной Африки и Ближнего Востока)» [1], где первоочередную роль должен сыграть «План Маттеи» по превращению Италии в энергетический хаб Средиземноморья [12].

Данный четырехгодичный план, стратегический программный документ, направлен на расширение совместных инициатив Италии и государств Африканского континента, содействие устойчивому экономическому и социальному развитию последних. В тексте документа отражено желание охватить все возможные на сегодняшний день области сотрудничества и дальнейшего развития: экспорт, инвестиции, образование, исследования, инновации, сельское хозяйство, охрана окружающей среды, адаптации к изменению климата, модернизация цифровой инфраструктуры, содействие занятости, поддержка предпринимательства, в частности

молодежи и женщин, и, в особенности, решение проблемных первопричин нерегулярной миграции, а также энергетическое партнерство [6]. Кроме того, предполагается, что он укрепит координацию государственных и частных инициатив, в том числе финансируемых или гарантированных итальянским правительством относительно государств Африканского континента.

Подобные действия соотносятся с контекстуальной повесткой. Основные внешнеполитические устремления были обозначены в первой речи премьер-министра в зале Монтечitorio: «Мы хотели бы восстановить нашу стратегическую роль в Средиземноморье после многих лет, в течение которых мы предпочитали отступать» (пер. ит.) [8].

Если выделять национальные интересы Италии в расширенном Средиземноморском регионе, то ключевыми окажутся: социально-экономическое развитие в связке со стабильностью и порядком (основная проблемная точка – Ливия, особенно с учётом подписания 25-летнего газового контракта между итальянской ENI и ливийской NOC во время визита Дж. Мелони в Триполи в январе 2023 [9]), контролируемость миграционных потоков, как легальных, так и нелегальных, безопасность средиземноморской энергетики и морских торговых путей [5]. Среди главных целей текущего правительства в расширенном регионе: снижение углеводородной зависимости от России и борьба с притоком мигрантов.

Средиземноморье остается в статусе приоритетного направления внешнеполитической деятельности при новом руководстве, при этом пока не удалось формализовать сотрудничество южно-европейских стран вокруг Средиземноморья, поэтому Дж. Мелони продолжает стремиться к координирующей роли Италии в энергетической сфере и предпринимает взвешенные тактические шаги [4].

Преимственность политики Дж. Мелони прослеживается в двусторонних энергетических соглашениях с Алжиром, являющимся наиболее важным африканским торговым партнером Италии [9].

Основным инструментом достижения вышеуказанных целей выступает дипломатический инструментарий. Высокая дипломатическая активность Дж. Мелони хорошо отражена в инфографике ISPI [10].

Италия активизирует международное взаимодействие с учётом того, что в 2024 году по ротации займет место председателя «Большой семерки». Среди наиболее ярких событий можно выделить Римскую международную конференцию по вопросам миграции в Средиземноморье, организованную Дж. Мелони, прошедшую в июле 2023 года под лозунгом «Диалог равных», которая собрала практически всех лидеров региона, а также представителей от ЕС, США и международных финансовых институтов и запустила так называемый «Римский процесс». Тезисы конференции можно свести к 4 направлениям, а именно:

1. Борьба с нелегальными перевозчиками;
2. Эффективное управление миграционными потоками;
3. Помощь, поддержка мигрантов;
4. Помощь странам происхождения мигрантов.

Последний пункт вызывает опасение, не станет ли это шагом перекладывания ответственности? Тем не менее, очевидно, что конференция – важный шаг на пути превращения Италии из страны, принимающей стабильно сотни мигрантов в день в лидера в решении проблем нелегальной миграции в Средиземноморье. Примечательно, что ни Франция, ни Германия, в конференции не участвовали, хотя тоже находятся среди основных пунктов назначения африканских мигрантов.

Словосочетание «миграционный кризис», прочно закрепившееся в политическом дискурсе за последние 10 лет, на данный момент представляет собой одновременно секьюритизированный фактор риска и артикуляцию внешнеполитических интересов. При этом любое потрясение в Средиземноморском регионе, на Африканском континенте активизирует миграционные потоки. Нынешний год показывает, что главным отправным пунктом для африканских мигрантов сменился с Ливии на Тунис. И, несмотря

на июньскую сделку ЕС с Тунисом (110 млн. евро на борьбу с контрабандой людей, укрепление границ, возвращение нелегальных мигрантов назад), где премьер Италии в ходе серии дипломатических визитов показала солидарность с европейским подходом [18], сохраняется тенденция на рост миграционных потоков с учётом ряда препятствий во внутривосточном поле Туниса.

Согласно открытым данным ноября 2023 года, по морю в Италию в этом году прибыло уже порядка 150 тысяч, август особенно отличился колоссальным наплывом на о. Лампедуза [13]. Это в два раза больше прошлогодних показателей. Дж. Мелони в рассматриваемом вопросе выходит за пределы ЕС: премьер добилась официальной встречи с албанским премьер-министром Э. Рамой и дальнейшего заключения договоренностей по управлению миграционными потоками, а именно открытия лагеря на территории Албании для беженцев, спасенных в море. На первом этапе центры будут вмещать только до 3 тысяч человек; у общественности сразу возникли сомнения насчет гуманности содержания и механизмах контроля вне ЕС и опять же финансовые вопросы [16]. Также на законодательном уровне летом произошло новое изменение – упрощение высылки [7]. Удовлетворяют ли данные меры население и не ожидается ли конфронтации внутри Италии?

Последовавший после конференции визит премьер-министра Италии в США и переговоры с американским президентом, стали для Италии «возможностью упрочить свое положение в кругу руководителей ведущих стран западного мира» [1] и заручиться поддержкой «Плана Маттеи».

В фокусе мировой политики находится саммит южных стран ЕС MED9 конца сентября 2023, проходивший на Мальте, где Дж. Мелони запросила «сплоченную» позицию по миграционному вопросу, реализацию общеевропейского подхода [14] и соблюдения 10 пунктов плана поддержки Лампедузы, предложенного чуть ранее главой Еврокомиссии [15], что не укладывается в предрекаемый отход от европейских стандартов. При этом у премьера есть довольно четкий взгляд на цивилизационное развитие –

исламские и европейские ценности несовместимы, а поскольку в Европе идёт процесс исламизации [17] – Италия должна реагировать. Подобная мысль высказывается не единожды и может повлиять на дальнейший курс страны.

Выводы

Таким образом, Италия, будучи пленницей своего географического положения, уделяет повышенное внимание Средиземноморью, стремясь занять лидирующие позиции в регионе с использованием всего доступного инструментария. Текущими приоритетными сферами выделены миграция и энергетика.

Внешнеполитическую деятельность Дж. Мелони характеризует частичная преемственность политики предыдущего правительства, но отмечается особая непреклонность в миграционной сфере, основанная на идейно-экономических факторах. Премьер прилагает усилия по консолидации европейских подходов к решению данного вопроса, уделяя особое значение необходимости оказывать помощь странам происхождения мигрантов и мирного регулирования процессов.

Анализ данных показывает значительную активизацию внешнеполитических региональных контактов: на повестке дня диверсификация поставок углеводородов и снижение зависимости от России, через продвижение ENI и осуществление «Плана Маттеи».

Предрекаемых международным сообществом радикальных действий не наблюдается, но ситуация может измениться, если усилия 2023 года не дадут свои плоды.

Список использованной литературы:

1. Авилова А.В., Италия между суверенизмом и «Большой семеркой» (к визиту Мелони в США) / Актуальные комментарии, ИМЭМО РАН – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/italy-between-sovereignism-and-the-g7-on-melonis-visit-to-the-usa> (дата обращения: 11.11.2023).

2. Гаврилова, С. М., Новая «правая» Италия и перспективы итальянского популизма / С.М. Гаврилова // *Международная жизнь*. - 2023. - № 8. - С. 82-93.
3. Иликова, Л. Э. Социально-политическая повестка итальянских правых - "Братья Италии": между консерватизмом и популизмом / Л. Э. Иликова // *Власть*. – 2022. – Т. 30, № 5. – С. 207-215. – DOI 10.31171/vlast.v30i5.9265. – EDN RENLFF.
4. Маслова Е.А., Шебалина Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2023. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredizemnomorskaya-karta-v-evropeyskoj-politike-italii> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Ammiraglio G. «Il Mediterraneo allargato» URL: <https://www.ammiragliogiusepedegiorgi.it/mc/481/il-mediterraneo-allargato> (accessed 10.12.2023).
6. Comunicato stampa del Consiglio dei Ministri n. 57 3 Novembre 2023 / Disposizioni urgenti per il “Piano Mattei” per lo sviluppo in Stati del continente africano (decreto-legge) / Governo Italiano Presidenza del Consiglio dei Ministri URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Cdm_57_0.pdf (accessed 12.12.2023).
7. Decreto del presidente del consiglio dei ministri 19 luglio 2023 / Integrazione della programmazione transitoria dei flussi d'ingresso dei lavoratori non comunitari nel territorio dello Stato per l'anno 2022. (23A04691) (GU Serie Generale n.189 del 14-08-2023) URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2023/08/14/23A04691/sg> (accessed: 27.11.2023).
8. Ecco il discorso integrale di Giorgia Meloni alla Camera per la fiducia al governo / La Repubblica, 25.10.2022. URL: https://www.repubblica.it/politica/2022/10/25/news/discorso_integrale_meloni_camera_fiducia-371646980/ (accessed 07.12.2023).
9. Italy’s “Wider Mediterranean”: Is It Just About Energy? / ISPI, 27.01.2023 / URL: <https://www.ispionline.it/en/ispimed/publication/italys-wider-mediterranean-is-it-just-about-energy-109073> (accessed 17.12.2023).
10. Italy’s Renewed Activism in the “Wider Mediterranean”: A Bet for the Future / ISPI, 04.10.2023 / URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/italys-renewed-activism-in-the-wider-mediterranean-a-bet-for-the-future-146369> (accessed 12.12.2023).
11. Italy's Eni signs \$8 billion Libya gas deal as PM Meloni visits Tripoli / Reuters, 28.01.2023 / <https://www.reuters.com/world/italys-meloni-expected-sign-major-gas-deal-she-starts-libya-visit-2023-01-28/> (accessed 17.11.2023).

12. Mezran K, Pavia A, (2023) Giorgia Meloni's Foreign Policy and the Mattei Plan for Africa: Balancing Development and Migration Concerns / Istituto Affari Internazionali – URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/giorgia-melonis-foreign-policy-and-mattei-plan-africa> (accessed: 11.11.2023).
13. Migranti, 150 mila arrivi via mare dall'inizio del 2023: boom del 60 per cento sull'anno / Agenzia nova. 20.11.2023 URL: <https://www.agenzianova.com/news/migranti-150-mila-arrivi-via-mare-dallinizio-del-2023-boom-del-60-per-cento-sullanno/> (accessed: 11.12.2023).
14. Migranti, Meloni: "Rendere concreto e operativo piano von der Leyen" / La Stampa, 29.09.2023 <https://finanza.lastampa.it/News/2023/09/29/migranti-meloni-rendere-concreto-e-operativo-piano-von-der-leyen-/MjIhXzIwMjMtMDktMjlfVExC> (accessed 07.12.2023).
15. Migration: Commission 10-point plan for Lampedusa / European Commission, 19.09. 2023. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/news/migration-commission-10-point-plan-lampedusa-2023-09-19_en (accessed: 20.11.2023).
16. Oriani R.,L'accordo Rama-Meloni per i centri migranti in Albania è un paradosso. Ecco perché / La Repubblica, 23.11.2023. URL: https://www.repubblica.it/venerdi/2023/11/23/news/albania_accordo_italia_migranti_edi_rama-421045865/ (accessed: 11.12.2023).
17. Pirozzi E. Giorgia Meloni: Islam ed Europa hanno un problema di compatibilità: il primo ministro italiano Giorgia Meloni / La nuova gazzetta molisana URL: <https://www.gazzettamolisana.com/giorgia-meloni-islam-ed-europa-hanno-un-problema-di-compatibilita-il-primo-ministro-italiano-giorgia-meloni/> (accessed 17.12.2023).
18. Will Italy's "Rome Process" Change Mediterranean Politics? / ISPI, 27.07.2023/ <https://www.ispionline.it/en/publication/will-italys-rome-process-change-mediterranean-politics-137355> (accessed 12.12.2023).

Об авторах: ГЛУБОКАЯ Ольга Анатольевна – аспирант Дипломатической академии МИД России, e-mail: oaglubokaya@gmail.com

About the authors: GLUBOKAYA Olga Anatolyevna – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: oaglubokaya@gmail.com

**СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГЕРМАНИИ 2022
Г.: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ СТРАТЕГИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ГЕРМАНИИ И В МИРЕ**

Гончаров С.В., Маргия С.Р.

Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

**GERMAN NATIONAL SECURITY STRATEGY 2022: ANALYSIS OF KEY
ASPECTS OF THE STRATEGY AND ITS IMPACT ON SECURITY IN
GERMANY AND IN THE WORLD**

S.V. Goncharov, S.R. Margiya

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые аспекты оборонных документов Германии, проведен сравнительный анализ каждого из них и основных направлений сотрудничества ФРГ со странами и организациями, роли государства на международной арене и ответы на соответствующие вызовы и угрозы в мире. Благодаря системному подходу была рассмотрена Стратегия национальной безопасности Германии 2022 года, как целостный официальный документ, разработанный Правительством Германии и определяющий ключевые приоритеты и меры, направленные на обеспечение национальной безопасности страны. Сотрудничество Германии с США, НАТО и ЕС, борьба с терроризмом, экстремизмом, региональными кризисами. Взаимодействие с Россией, а именно: Москва — это «выдающийся партнер» НАТО и ЕС, по мнению ФРГ в 2006 году, а в 2022 году — главная угроза международному порядку, основанному на правилах. Китай, в свою очередь, партнер, конкурент и системный соперник. Стратегия национальной безопасности Германии — комплексный и системный документ, в котором раскрываются основные направления: защита суверенитета и территориальной целостности Германии, обеспечение безопасности и благополучия граждан. В данной статье также проведен анализ совместной работы в различных сферах между PESCO и НАТО.

Abstract. The article considers the key aspects of German defense documents, conducts a comparative analysis of each of them and the main cooperation fields between Germany, other countries and organizations, the role of the state and responses to relevant challenges and threats in the world. The systematic approach

sees the German National Security Strategy 2022 as an integral official document developed by the German Government and defining key priorities and measures aimed at ensuring national security. Germany's cooperation with the United States, NATO and the EU, the fight against terrorism, extremism, and regional crises. Cooperation with Russia, namely: Moscow is an «outstanding partner» of NATO and the EU, according to Germany in 2006, and in 2022 it is the main threat to the international rules—based order. China, in turn, is a partner, competitor and systemic rival. The German National Security Strategy is a comprehensive and systematic document that reveals the main directions: protecting the sovereignty and territorial integrity of Germany, ensuring the safety and well—being of citizens. This article also analyzes the joint work in various fields between PESCO and NATO.

Ключевые слова: Белая книга, Стратегия национальной безопасности Германии, НАТО, ЕС, PESCO, США, Россия, Китай.

Keywords: The German White Book, National Security Strategy of Germany, NATO, EU, PESCO, USA, Russia, China.

Введение

Стратегия национальной безопасности Германии 2022 представляет собой официальный документ, разработанный Правительством Германии, который определяет ключевые приоритеты и меры, направленные на обеспечение национальной безопасности страны.

Основные цели данной стратегии включают защиту суверенитета и территориальной целостности Германии, обеспечение безопасности и благополучия граждан, а также укрепление международной безопасности и сотрудничества со стратегическими партнерами.

Ранее содержание политических документов Германии ограничивалось изложением оборонной политики, отраженной в «Белой книге» — военно-политической стратегии страны. Однако пришедшая к власти в конце 2021 года «светофорная коалиция» решила, что национальная безопасность ФРГ заслуживает более комплексного и системного документа, то есть отдельной стратегии.

Стратегические оборонные документы ФРГ с 1994 по 2016 гг.

Белая книга 1994 г. изменила внешнеполитическую парадигму государства. Основой поворота во внешнеполитическом курсе стала задача создания самодостаточной Германии, которая вносила бы вклад в мировую политику и при этом претендовала бы на статус относительно самостоятельного игрока, который может критиковать и даже не разделять позицию одного из ведущих государств мира — США. [4]

Германия проходила долгий путь от политической несамостоятельности до Берлинской Республики. Здесь большую роль сыграл Герхард Шредер, который изменил внешнеполитический курс страны. Одной из ключевых задач тогда стояла создание самодостаточной Германии с весомой позицией на мировой арене, которая смогла бы конкурировать с США. С приходом к власти Ангелы Меркель Белая книга была обновлена. Например, туда были включены такие положения как региональные кризисы и конфликты, международный терроризм и распространение оружия массового поражения. Белая книга 2006 г. представляла новый комплексный подход к безопасности Германии, предполагала новую роль Бундесвера, описывая вооруженные силы как «действующую армию» Германии. Такая армия могла принимать участие в пяти миротворческих операциях с максимальной численностью солдат до 14 тыс. [2] Еще одним положением согласно документу является факт, что Москва — «выдающийся партнер» НАТО и ЕС. Задача Берлина — теснее привязать Россию к ЕС. Впервые было озвучено, что ФРГ является одной из доминант, претендующей на место постоянного члена ООН. В Белой книге появляется политика безопасности, ориентированная на перспективный и многосторонний подход, а именно понятие всеобъемлющей безопасности. Таким образом, Белая книга давала возможность Германии заявить о себе не только как об экономическом гиганте, но и о стране с мощной военной силой.

События в Средиземноморско-Ближневосточном регионе, грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликты побудили Германию начать работу над новой редакцией Белой книги по вопросам политики и безопасности Германии и будущего Бундесвера 2016 года. С особой

осторожностью оговорена позиция Федерального Канцлера по вопросу расходов на военные нужды. В соответствии с документом ФРГ — партнер США в обеспечении и формировании международного порядка, нежели зависимый игрок. Этим подтверждается выступление Президента ФРГ Йоахима Гаука, на котором он говорил о роли Германии в ЕС и еще в меньшей степени в НАТО. В 2007 году Германия выработала и предложила своим европейским партнёрам стратегический план по имплементации Евроконституции: удалось достичь компромисса в изменении формата общеевропейского Основного закона и придания ему статуса Договора о реформе ЕС. [2] Германия стала рассматривать Россию как угрозу, а ее внешнюю политику — политику насилия и военного давления в отстаивании своих интересов.

Как заявила Урсула фон дер Ляйен, Германия чувствует потребность в безопасности. Такие события как нищета, голод, разгар международных конфликтов, экономический спад и ухудшения уровня жизни. Германия выделит €100 млрд. на перевооружение армии и модернизацию всей системы безопасности страны. [6]

Так, например, в середине марта издание [Der Spiegel](#) сообщило, что кабинет министров Германии принял решение закупить порядка 35 истребителей F-35 производства [США](#) для переоснащения своих ВВС. Они придут на смену, находящимся на вооружении устаревшим европейским самолетам Tornado совместного производства ФРГ, Италии и Великобритании. Фактически эта сделка позволит Германии вывести свои военные расходы в этом году за пределы 2% ВВП. [8]

Стратегия национальной безопасности Германии 2022 г.

Перейдем к рассмотрению Стратегии национальной безопасности Германии, которая включает в себя следующие ключевые аспекты:

1. Укрепление обороноспособности страны: Стратегия направлена на модернизацию и укрепление основных компонентов обороны Германии, включая армию, военно-морской флот, авиацию и кибербезопасность. Особое

внимание уделяется развитию новых технологий и улучшению военно-технического потенциала страны. В Стратегии вводится понятие «Интегрированная безопасность», согласно которой Германия будет бороться с кризисами, конфликтами и содействовать миру, объединяя гражданские, военные и полицейские меры, осуществляя их в рамках действий на международном и многостороннем уровнях. При этом Федеральное правительство будет в особой мере учитывать интересы женщин и уязвимых групп населения. Подчеркивается также необходимость поддержания мира без применения ядерного оружия.[3]

2. Сотрудничество со стратегическими партнерами (Франция, США, ЕС, НАТО, Израиль)

Согласно Стратегии Германию и Францию связывает дружба, несмотря на исторические противоречия. Германия глубоко укоренена в трансатлантическом альянсе, что олицетворяет тесные связи и глубокое партнерство с США. Дальнейшая интеграция ЕС: вступление государств — Молдовы, Грузии и Украины — подчеркивает путь к свободной и объединенной Европе. В вопросе БВУ Германия остается приверженной, как и члены ЕС, ответственности за право Израиля на существование и самооборону.

3. Восприятие образа “врага”

Россия для Германии на обозримый период представляет крупнейшую угрозу миру и безопасности в евроатлантическом пространстве. В свою очередь, Китай воспринимается как партнер, конкурент и системный соперник. Китай различными способами пытается изменить международный порядок, основанный на правилах, действует вразрез с интересами и ценностями Германии и использует свою экономическую силу для достижения политических целей (рост напряженности вокруг Тайваня). По мнению Главы МИДа Аннелены Бербок, ФРГ стоит отказаться от концепции «перемен через торговлю», согласно которой Запад хотел добиться политических изменений в авторитарных режимах через укрепление торговых

связей с ними. [6] Тем не менее, по-прежнему остается крупнейшим торговым партнером Германии [7], без которого невозможно справиться со многими наиболее острыми глобальными вызовами.

4. Национальная экономика

Общество и экономика подвергаются комплексным угрозам. Терроризм, организованная преступность, нелегальные финансовые потоки, кибератаки и экстремизм активно набирают обороты. Находится под угрозой стабильное снабжение энергоносителями и сырьем. Опора национальной экономики: доступ к рынку, технологиям, сырью, человеческому и финансовому капиталу. Сила и конкурентоспособность Германии основана на ее высоком инновационном потенциале и цифровом, а также технологическом суверенитете. В этой связи государство будет оказывать поддержку сферам образования, научным исследованиям и инновационному потенциалу компаний.

5. Понятие резильентность

Защита демократического общественного порядка от нелегитимного влияния извне, от дезинформации и любых форм экстремизма. [9] Поддержка свободного международного порядка на основании Устава ООН, универсальных прав человека и международного права. Мультилатерализм и укрепление ООН — одни из задач. В противопоставлении деления мира на сферы влияния выдвигают положительную модель, основанную на правилах порядка.

6. Устойчивое развитие (борьба с изменением климата, голодом и нищетой, космическое пространство, пандемия)

Климатический кризис, как и нищета с голодом угрожают экономики и миллионам граждан. Подчеркивается необходимость снижения выбросов на глобальном уровне. В этой связи особую роль играет “зеленая энергетика”. [5]

Свободное и беспрепятственное использование космического пространства — обязательство для безопасности страны. Голод и недоедание. В соответствии с заявлением Федерального правительства необходимо

повышать уровень глобальной продовольственной безопасности посредством трансформации продовольственных и аграрных систем в более устойчивые.

Оборонные проекты НАТО и PESCO в контексте принятия Стратегии национальной безопасности Германии 2022 г.

На сегодняшний день в рамках проекта PESCO Европейского союза и High Visibility Projects НАТО направлены на укрепление оборонных возможностей государств – членов этих двух структур, создание новых военных технологий, совместную закупку оборудования и вооружений, оптимизацию оборонных расходов стран и координацию трансформации структур их вооруженных сил в соответствии с коллективными интересами. [1]

Одной из ключевых задач является проблемы синхронизации и избежания дублирования инструментов НАТО, соглашений между европейскими государствами, роли США в европейской безопасности.

Как в НАТО, так и в ЕС одновременно состоят 21 государство. Взаимодействия между ЕС и НАТО основано на Декларации по европейской безопасности и оборонной политики, механизме «Берлин-плюс», двусторонних декларациях 2016 и 2018 гг. По принятиям документов сотрудничества ЕС и НАТО можно разделить на пять схем. Первая сфера — укрепление коллективной безопасности. Например, анализ гибридных угроз, обмен информации и разведданными, координация в сфере безопасности, укрепление мобильности вооруженных сил. Вторая схема — развитие оборонного потенциала. Именно содействие укреплению оборонной промышленности и улучшение координации при военных учениях. Третья сфера — совершенствование механизмов и проведение внешних акций. К ней относится: наращивание стрессоустойчивости партнеров к Востоку и Югу от ЕС и НАТО. Четвертая сфера — расширение политического сотрудничества ЕС и НАТО. Пятая сфера — гуманитарная. [1]

Несмотря на принятие Стратегии, НАТО и PESCO сотрудничают в этих пяти сферах. ЕС и НАТО также продолжают разрабатывать планы действий в

сферах, в которых существуют общие угрозы. Итак, мы можем сказать, что акторы взаимодействуют между собой интенсивнее, чем с внешними. [1]

Вывод

Таким образом, Германия прошла непростой путь для принятия своей собственной Стратегии национальной безопасности. Предыдущие документы во многом не могли в полной мере отразить внешнюю политику Германии в сфере безопасности. Данная стратегия включает, как и давно укрепившиеся в немецком сознании понятия по поводу безопасности, так и совсем новые вызовы и угрозы для страны. На сегодняшний день мы видим, как Германия расставила приоритеты на мировой арене. В данном документе немецкие власти четко определили партнеров, конкурентов и «врагов».

С принятием документа Германия не оставила трансатлантический альянс. Сферы сотрудничества между НАТО и ЕС продолжают набирать обороты, включая новые проекты, в том числе и инициативу PESCO.

Тем самым, исследуя данный документ важно подчеркнуть его значимость для исследований международных отношений. Германия не отходит от партнерства с западными державами, однако написание Стратегии подтверждает ее готовность действовать самостоятельно.

Список использованной литературы:

- 1.Алешин А.А. Оборонные проекты PESCO и НАТО: координация или конкуренция? [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Киберленинка. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/oboronnye-proekty-pesco-i-nato-koordinatsiya-ili-konkurenciya/pdf> (дата обращения: 09.12.2023)
- 2.Базовые установки Белой книги ФРГ и «погрешность» политических решений [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-ustanovki-beloy-knigi-frg-i-pogreshnost-politicheskikh-resheniy/viewer> (дата обращения: 09.12.2023)
- 3.В стратегии безопасности ФРГ Россию назвали самой большой угрозой для мира [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20230614/germaniya-1878013869.html?ysclid=lpzwxllj4e184315741> (дата обращения 10.12.2023)

- 4.Германия в первой стратегии безопасности назвала Россию угрозой Европе Интернет-сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2023/6489a3fb9a7947e895324f5d?ysclid=lpwwrk1r2f76502376&from=copy> (дата обращения: 10.12.2023)
- 5.Германия замыслила стратегически [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043946> (дата обращения: 10.12.2023)
6. Глава МИД Германии Бербок назвала Китай системным соперником [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5941239> (дата обращения: 10.12.2023)
- 7.Глава Минфина Германии назвал Китай важнейшим торговым партнером [Электронный ресурс] // Интернет-сайт РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20230421/kitay-1866942072.html> (дата обращения 10.12.2023)
- 8.Кабмин ФРГ представил первую в истории страны стратегию нацбезопасности [Электронный ресурс] // Интернет-сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18004795?ysclid=lpzwwsccrd602637009> (дата обращения 10.12.2023)
- 9.Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheit Strategie [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Правительства ФРГ. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/Sicherheitsstrategie-DE.pdf> (дата обращения: 09.12.2023)

Об авторах: ГОНЧАРОВ Сергей Витальевич – студент 3 курса бакалавриата Дипломатической академии МИД России, e-mail: goncharov.serg2018@yandex.ru

МАРГИЯ София Романовна – студентка 3 курса бакалавриата Дипломатической академии МИД России, e-mail: sofia.margiya@gmail.com

About the authors: GONCHAROV Sergey Vitalievich – 3rd year undergraduate student at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: goncharov.serg2018@yandex.ru

MARGIYA Sofia Romanovna – 3rd year undergraduate student at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: sofia.margiya@gmail.com

**ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОЛЬШИ В
УСЛОВИЯХ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА С МОМЕНТА ВСТУПЛЕНИЯ В
ЕС**

Добрынин Я. В., Попп Э.А.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
Москва

**DYNAMICS OF SOCIAL VALUES IN POLAND UNDER
EUROSCEPTICISM SINCE THE ACCESSION TO THE EU**

Y.V. Dobrynin, E.A. Popp

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Аннотация: Евроскептицизм в последнее десятилетие превратился в один из главных вызовов для Евросоюза. Усугубляет эту проблему тот факт, что скептицизм в адрес поддержания статуса “единой Европы” развивается разносторонне – как среди общества, так и в кругах национальных партий и элит. В этом плане Польша не стала исключением. После прихода к власти консервативной партии “Право и справедливость” в 2015 г. в польском государстве наблюдается новый виток развития скептицизма по отношению к дальнейшей интеграции ЕС.

В связи с тем, что именно польское общество привело к власти правую партию, в данной статье путем сравнения общественных ценностей жителей Польши и в целом граждан Евросоюза авторы пытаются решить следующую исследовательскую проблему – отличаются ли общественные установки Польши от ценностей граждан ЕС, что в свою очередь является определяющим фактором в развитии евроскептических настроений в польском государстве? Проведя исследование, авторы приходят к выводу, что польский евроскептицизм не является общественным, так как польское общество, во-первых, разделяет все базовые ценности Европейского Союза, во-вторых, оно благосклонно относится к работе наднациональных институтов.

Abstract. Euroscepticism has become one of the core challenges for the European Union in the last decade. Compounding this problem is the fact that skepticism about maintaining the status of the “united Europe” is developing in many ways - both among society and national parties with elites. In this regard, Poland is no exception.

After the conservative Law and Justice Party came to power in 2015, a new round of skepticism towards further EU integration has been observed in the Polish state. Due to the fact that it was Polish society that brought the right-wing party to power, in this article, by comparing the social values of Polish residents and EU citizens in general, the authors try to tackle the following research problem – does Poland's value structure differ from the values of EU citizens, which in turn is a determining factor in the development of euroscepticism in the Polish state? After conducting a study, the authors conclude that Polish euroscepticism is not public, because Polish society, firstly, shares all the basic values of the European Union, and secondly, it favourably treats the work of supranational institutions.

Ключевые слова: евроскептицизм, общественный евроскептицизм, партийно-политический евроскептицизм, элитный евроскептицизм, европрагматизм, консерватизм, национализм, ЕС, наднациональные институты, Польша, Право и справедливость, ценности граждан.

Keywords: euroscepticism, public euroscepticism, party-political euroscepticism, elite euroscepticism, europragmatism, conservatism, nationalism, EU, supranational institutions, Poland, Law and Justice Party, values of citizens.

Введение. Европейский Союз, будучи самым успешным интеграционным объединением в мире, на данный момент сталкивается со многими вызовами: конституционный кризис 2005 г., миграционные кризисы, рост евроскептицизма. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, рост популизма, евроскептицизма и антиинтеграционных настроений среди стран-членов ЕС, поэтому важно рассмотреть, насколько общественные ценности национальных государств влияют на появление евроскептицизма. Во-вторых, отношения между Российской Федерацией и Польшей обостряются в связи с конфликтом в Юго-Восточной Европе, в этом случае изучение внутренней динамики польского общественного и партийно-политического/элитного мнения становится значимым. В-третьих, прошедшие парламентские выборы в Польше показали дифференциацию поддержки населения, которое все больше отдает предпочтение оппозиции.

Категоризация евроскептицизма. Термин «евроскептицизм» в самом простом его понимании означает несогласие, выступление против власти

Европейского Союза [7, 2]. Этот термин появился в Великобритании в 1980-х годах (Р. Хармсен и М. Шпиринг), но с последующими европейскими кризисами он приобрел значительное распространение.

Так, исследователи П. Таггарт и А. Щербяк категоризировали и уточнили определение евроскептицизма. Профессор Университета Сассакс П. Таггарт дал следующее определение явлению: «Евроскептицизм выражает идею случайной или системной, а также полной или неполной оппозиции процессу европейской интеграции» [4, 363–388]. Более того, Таггарт и Щербяк выделили два вида евроскептицизма: умеренный (критика мероприятий и институтов); радикальный (выход из Евросоюза, отрицание дальнейшей интеграции) [5, 12].

Исследователи П. Копецки и К. Мудде, в свою очередь, смогли определить отношение партий к европейской интеграции, выделив несколько измерений. Первое измерение (идеологическое) выделяет еврофилов (поддерживают объединение Европы через демократию и либеральную рыночную экономику) и еврофобов (критика ЕС, отрицание интеграции). Следующее измерение (стратегическое) разделяет партии на еврооптимистов (симпатизация внутреннему устройству) и европессимистов (критика интеграции Европейского Союза и перспектив, выбранных руководством ЕС). Сопоставив два измерения, можно выделить следующие четыре категории для точного описания позиций партий: евроэнтузиасты, которые считают ЕС лучшим институтом для воплощения европейской идеи; евроскептики, которые поддерживают интеграцию, но критикуют современный облик ЕС; европрагматики, которые не имеют твердых позиций по отношению к ЕС, но и не высказывают критику. Противники евроинтеграции придерживаются более радикальной позиции, критикуя европейскую интеграцию, институты ЕС, а также ценности (см. табл. 1) [2, 300].

Таблица 1. Категории отношения к Европейскому Союзу, по П. Копецки и К. Мудде

	Еврофилы	Еврофобы
Еврооптимисты	Евроэнтузиасты	Европрагматики
Европессимисты	Евроскептики	Противники евроинтеграции

Стоит отметить, что Г. Вайнштейн выделяет также три категории евроскептицизма: общественный (недовольство европейской практикой в обществе), партийно-политический (отражение скептицизма в партийных программах, а также в политике правящих и популярных партий), элитный (скептицизм, выражающийся в поведении, транслировании позиции и политике правящих социальных кругов) [1, 42].

Евроскептицизм в Польше. Евроскептицизм в Польше возник накануне вступления в Европейский Союз в 1995 г., когда в Польше прошли президентские выборы, после которых первый президент Республики Польша Л. Валенса проиграл выборы. В результате победы социал-демократического левого кандидата А. Квасьневского правые партии начали укреплять свои позиции, а евроскептицизм в обществе начал зарождаться (по опросу 2001 г. от 17 до 25% поляков выражали скептицизм к ЕС [9, 2]). Несмотря на то, что в этот период времени важнейшие институты Польши, такие как католическая церковь и профсоюзы, поддерживали европейскую интеграцию, большинство представителей этих структур с подозрением относились к природе Евросоюза. Тем не менее, в 2004 г. Польша стала полноправным членом Европейского Союза. Исследователь Нора Лазар назвала основную причину поддержки обществом вступления Польши в ЕС сложное экономическое положение страны, а также идеологическое стремление к разрыву с коммунистическим прошлым [3, 217–218].

В 2015 г. эти процессы обострились с приходом к власти консервативной партии «Право и справедливость» (далее – ПиС). На сегодняшний день правая партия остается лидирующей в рейтинге популярности партий в Польше. По

данным общественного опроса статистического агентства Statista, около 32,6% опрошенных поддерживают ПиС, Гражданскую коалицию – 29,2%, Польскую крестьянскую партию – 15,4%, Конфедерацию – 7,1%. Так, среди четырех партий, «Право и справедливость» занимает первое место (2023 г.) [8]. В результате, правая партия в очередной раз одержала победу на выборах (35,8% проголосовавших) и заняла большинство мест в нижней палате парламента: Сейм (нижняя палата польского парламента) – 195 депутата (всего 460 мест), Сенат (верхняя палата польского парламента) – 34 сенатора (всего 100 мест) [10].

Так, в своей избирательной программе ПиС придерживаются следующих принципов относительно ЕС: укрепление национального государства в Европейском Союзе в вопросах национальной идентичности, валюты и безопасности, критика «евроэнтузиазма», сводящегося к подчинению более сильным европейским государствам, сохранение национальных культурных ценностей, которые построены на христианской традиции, решение миграционного кризиса совместно с другими странами-членами относительно их национальных интересов. Однако, стоит отметить, что несмотря на некоторую критику ценностей, а также работы институтов ЕС, Польша поддерживает дальнейшее расширение Европейского союза и сотрудничество [6, 176–185].

Таким образом, можно предположить, что евроскептицизм в Польше исходит из общества (down-top), следовательно, его ценностная структура и отношение к политике ЕС и его институтам должны контрастировать с общеевропейскими показателями, что в свою очередь является определяющим фактором в развитии евроскептических настроений в польском государстве. В этом и заключается основная исследовательская проблема текущей статьи.

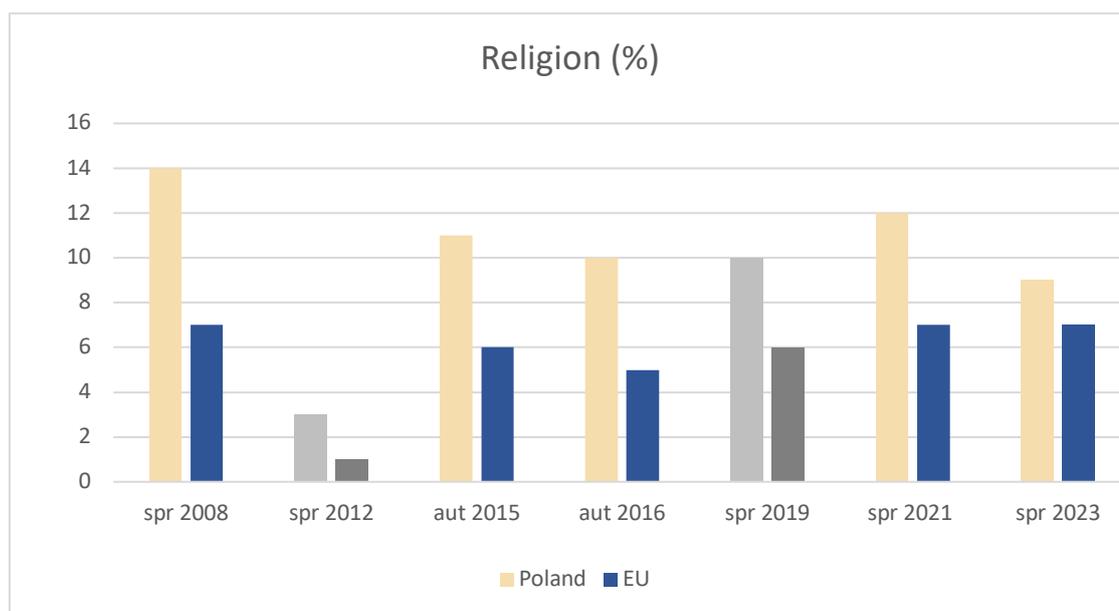
Основным теоретическим подходом для исследования выбрана неолиберальная теория. В качестве теории среднего уровня выбрана теория интерговернментализма (Э. Моравчик). Методологическую основу

исследования образуют компаративистский анализ и часть методов описательной статистики.

Ценностная структура Польши. Для решения поставленной исследовательской проблемы мы, изучив опросы общественного мнения Евробарометра, сравнили в динамике показатели наиболее важных ценностных структур для жителей Польши с момента вступления ее в ЕС со средним значением по Евросоюзу. Ниже представлены визуализированные результаты тех персональных ценностей польских граждан, которые в наибольшей степени изменялись в течение 15 лет.

1. Так, видно, что **религию** как ценность в Польше всегда выбирали чаще, чем в среднем по Евросоюзу. Однако за 15 лет этот разрыв сократился до минимума (см. схему 1).

Схема 1. Популярность религии

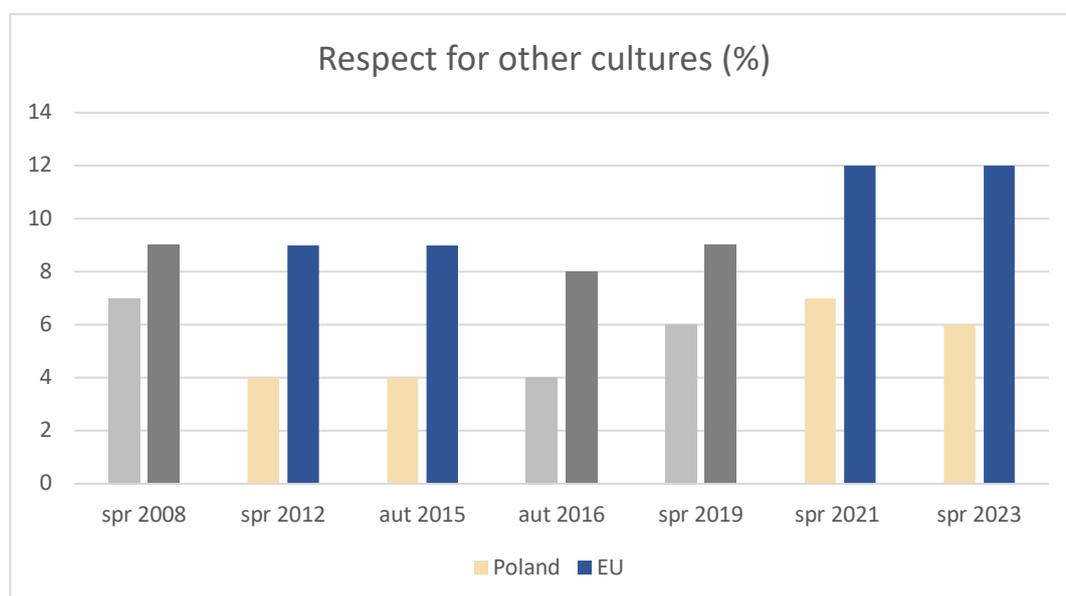

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union. [Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

2. Обратная ситуация с **уважением других культур** – в Польше всего 6% на момент 2023 г. выбрали этот показатель в качестве важного для себя, а общеевропейский уровень – в 2 раза выше (см. схему 2). Тем не менее, стоит сказать, что и религия, и уважение к другим культурам занимают одни из

последних строчек в ценностной структуре и жителей Польши, и в целом граждан ЕС.

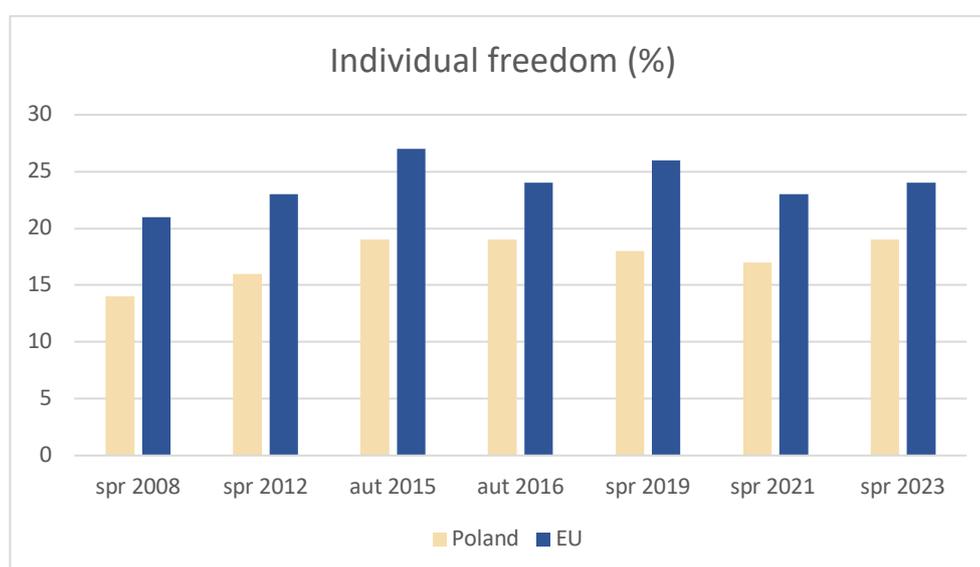
Схема 2. Популярность уважения к другим культурам

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union. [Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

3. Примерно схожую картину можно наблюдать и с **индивидуальными свободами** – польские показатели на протяжении 15 лет были ниже среднего значения по ЕС. Тем не менее, с 2008 г. данная ценность стала более популярной в польском государстве (см. схему 3).

Схема 3. Популярность индивидуальных свобод

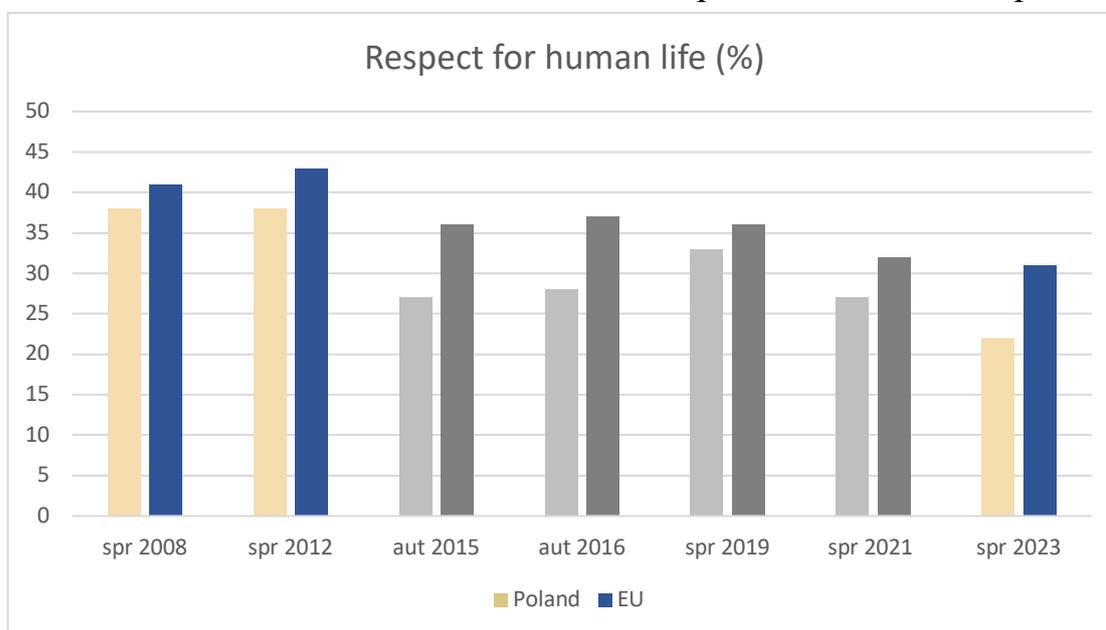

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union. [Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

4. По параметру **уважения человеческой жизни** можно заметить прямо пропорциональное снижение ценности как приоритетной с 2008 г. на более, чем 15% в Польше, и 10% в среднем по Евросоюзу. Однако индикатор уважения человеческой жизни все еще часто выбирают в качестве приоритетной ценности (см. схему 4).

Схема 4. Популярность уважения человеческой жизни

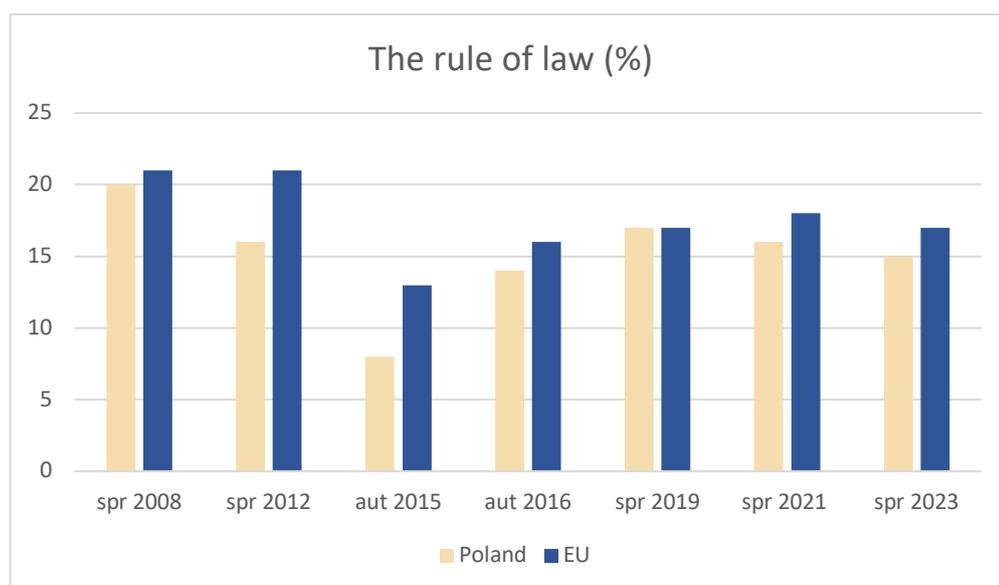
Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union.

[Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

5. Популярность **верховенства закона** как ценности также изменялась прямо пропорционально, и на момент 2023 г. по популярности она фактически была одинакова в среднем ЕС и Польше (см. схему 5).

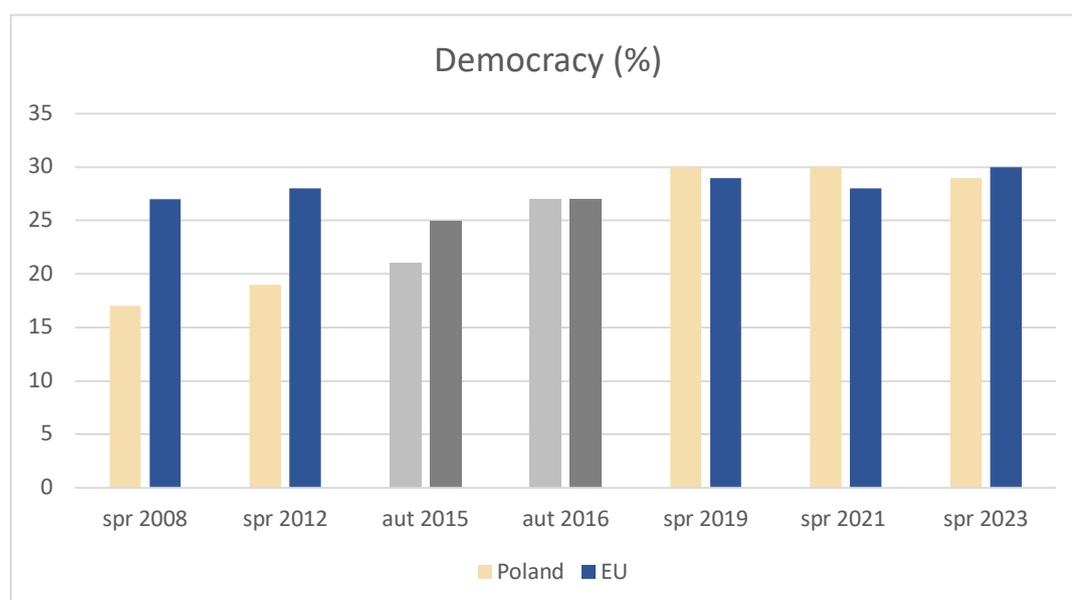
Схема 5. Популярность верховенства закона

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union. [Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

6. **Демократия** как важная ценность, наоборот, выросла почти в 2 раза в Польше и практически не изменилась в среднем по ЕС. На момент 2023 г. демократия является одной из важных ценностей для жителей польского государства (см. схему 6).

Схема 6. Популярность демократии

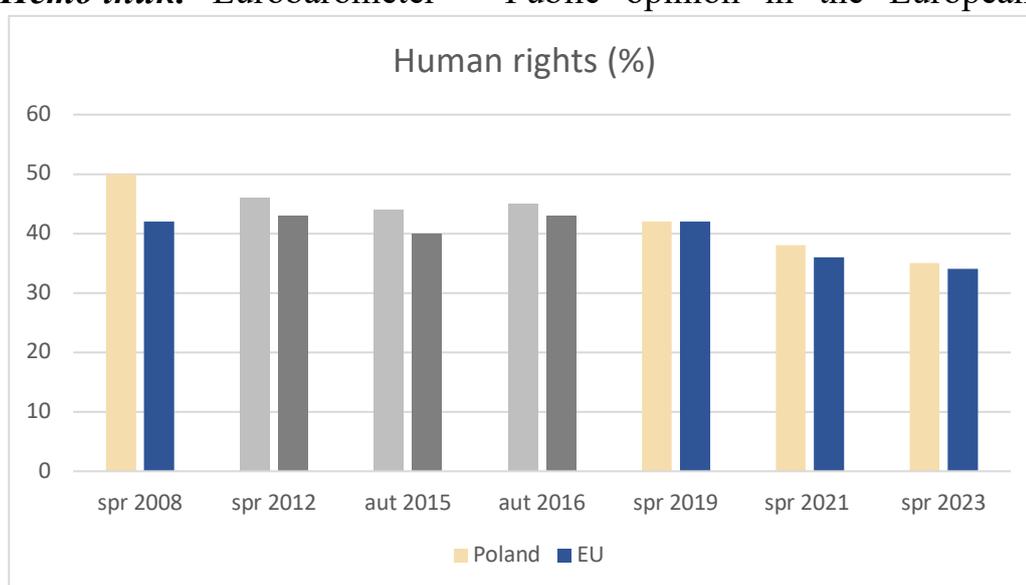

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union. [Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

7. **Права человека** также являются наиважнейшей ценностью в ЕС, включая Польшу. И хотя в динамике популярность этого индикатора снизилась, тем не менее «польский уровень» все еще чуть выше среднего по ЕС (см. схему 7).

Схема 7. Популярность прав человека

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union.

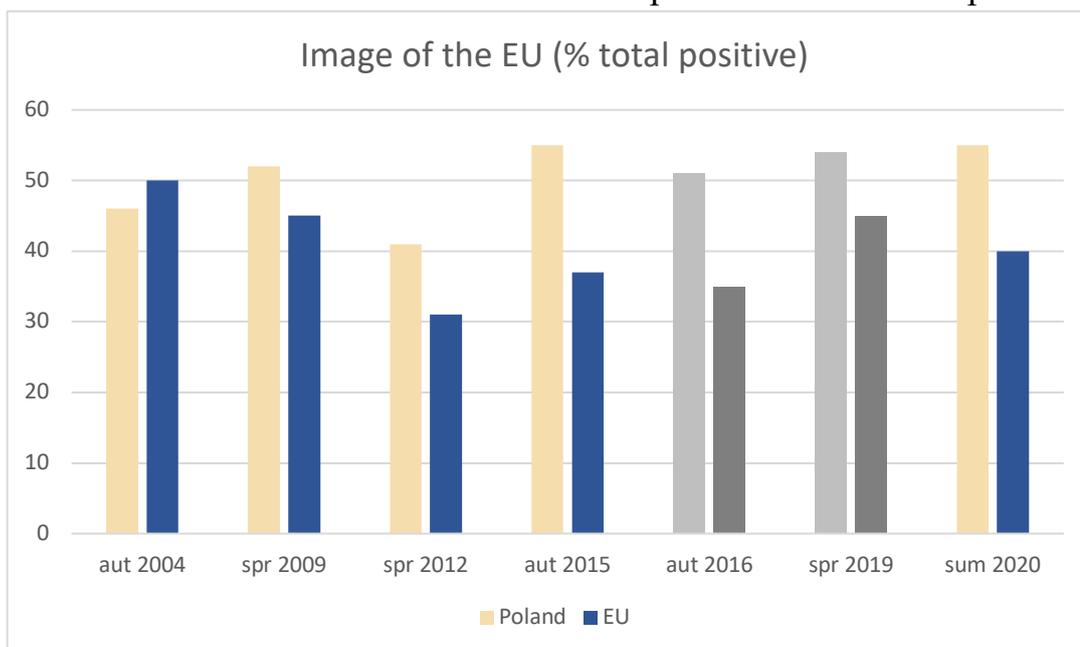
[Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

Все остальные 5 ценностей (самореализация, равенство, толерантность, солидарность, мир), во-первых, не сильно изменились за 15 лет, во-вторых, польские и общеевропейские показатели не сильно отличаются друг от друга [12, 14, 15, 16, 17, 19, 22].

Кроме того, если сравнивать отношение к ЕС, доверие к его институтам, а также довольствие демократией в рамках объединения, то польские показатели практически всегда были выше общеевропейского уровня (см. схемы 8, 9, 10).

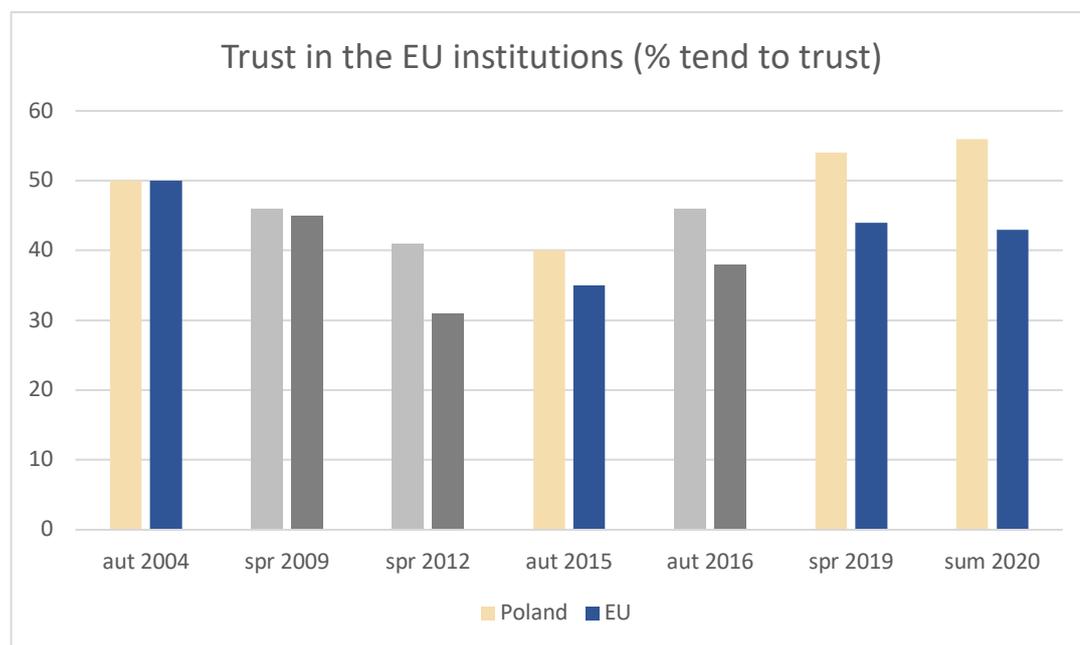
Схема 8. Отношение к ЕС

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union.

[Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

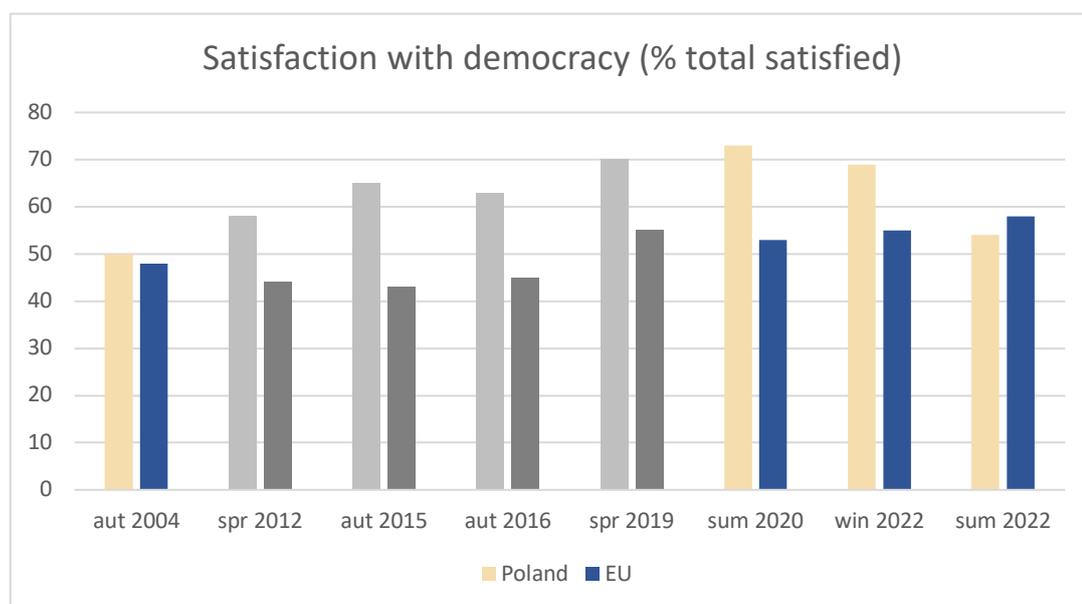
Схема 9. Доверие институтам ЕС

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union.

[Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

Схема 10. Довольствие демократией

Источник: Eurobarometer – Public opinion in the European Union. [Electronic source] // European Commission. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (Accessed date: 15.12.2023).

Выводы. Действительно, анализируя динамику общественных ценностей, можно заметить, что некоторые ценности, которые являются персонально важными для жителей Польши, на протяжении всех 15 лет либо превалировали над общеевропейскими показателями (религия), либо, наоборот, сильно отставали от среднего уровня ЕС (уважение к другим культурам, индивидуальные свободы).

С этой стороны, мы можем охарактеризовать Польшу как государство, где общество разделяет консервативные взгляды – оно более религиозное, не выбирает многокультурность как важную ценность, а также более осторожно относится к индивидуальной свободе. Однако, с другой стороны, эти ценности не занимают передовые позиции в ценностной структуре польского социума – особенно это касается религии и уважения к другим культурам.

Кроме того, во-первых, отношение поляков к демократии как основополагающей ценности за последние 15 лет выросло почти в 2 раза и на момент 2023 г. занимает одну из лидирующих позиций. Во-вторых, уровень популярности других ценностей в Польше не сильно отличается от среднего

уровня по Евросоюзу. То есть польское общество разделяет все те ценности, которые транслирует ЕС. В-третьих, отношение к ЕС и его институтам с 2004 г. выросло со стороны польского населения, и эти показатели превышают общеевропейские.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая нами в начале исследования, **не подтвердилась** – ценностная структура польского общества не является определяющим фактором евроскептицизма в Польше. Отсюда можно сделать предположение, что польский евроскептицизм – не общественный, а больше партийно-политический или элитный.

Однако, мы полагаем, что даже то, что предлагают лидирующие правые партии Польши, если исходить из матрицы П. Копецки и К. Мудде, больше похоже на европрагматизм, нежели на евроскептицизм. Тем не менее, такая гипотеза требует отдельной проверки в рамках нового исследования.

Список использованной литературы:

1. Вайнштейн Г. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики / Г. Вайнштейн // Европа: Новые Реалии. – 2015. – № 8. – С. 40–48.
2. Kopecky P. The Two Sides of Euroscepticism. Party Positions on European Integration in East Central Europe / P. Kopecky, C. Mudde // European Union Politics. – 2002. – Vol. 3, No. 3. – P. 297-326.
3. Lazar N. Euroscepticism in Hungary and Poland / N. Lazar // Politeja. – 2015. – P. 215-233.
4. Taggart P. A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party systems / P. Taggart // European Journal of Political Research. – 1998. – Vol. 33. – P. 363-388.
5. Taggart P. Theorising Party-Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality. / P. Taggart, A. Szczerbiak // Sussex European Institute, Working Paper. – 2003. – Vol. 69. – P. 1–27.
6. Dokumenty oraz pliki. [Electronic source] // PiS. – URL: <https://pis.org.pl/dokumenty> (Accessed date: 06.12.2023).
7. Euroscepticism. Information Guide // Cardiff University. – 2013. – P. 1-21.
8. Public support for political parties in Poland as of November 2023. [Electronic source] // Statista. – URL:

- <https://www.statista.com/statistics/1094949/poland-support-for-political-parties/>
(Accessed date: 06.12.2023).
9. Opinie o członkostwie w Unii Europejskiej 2023. [Electronic source] // Fundacja Centrum Badania Opinii Społecznej. – URL: chrome-extension://efaidnbnmnibpcajpegglefindmkaj/https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2023/K_055_23.PDF (Accessed date: 06.12.2023).
 10. Referendum Ogólnokrajowe 2023 r. [Electronic source]. – URL: <https://referendum.gov.pl/referendum2023/> (Accessed date: 06.12.2023).
 11. Standard Eurobarometer 62 - Autumn 2004. [Electronic source] // European Commission. – 2004. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/455> (Accessed date: 06.12.2023).
 12. Standard Eurobarometer 69 - Spring 2008. [Electronic source] // European Commission. – 2008. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/742> (Accessed date: 06.12.2023).
 13. Standard Eurobarometer 71 - Spring 2009. [Electronic source] // European Commission. – 2009. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/829> (Accessed date: 06.12.2023).
 14. Standard Eurobarometer 77 - Spring 2012. [Electronic source] // European Commission. – 2012. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/1063> (Accessed date: 06.12.2023)
 15. Standard Eurobarometer 84 - Autumn 2015. [Electronic source] // European Commission. – 2015. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2098> (Accessed date: 06.12.2023)
 16. Standard Eurobarometer 86 - Autumn 2016. [Electronic source] // European Commission. – 2016. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2137> (Accessed date: 06.12.2023).
 17. Standard Eurobarometer 91 - Spring 2019. [Electronic source] // European Commission. – 2019. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2253> (Accessed date: 06.12.2023).
 18. Standard Eurobarometer 93 - Summer 2020. [Electronic source] // European Commission. – 2020. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2262> (Accessed date: 06.12.2023).
 19. Standard Eurobarometer 95 - Spring 2021. [Electronic source] // European Commission. – 2021. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2532> (Accessed date: 06.12.2023).
 20. Standard Eurobarometer 96 - Winter 2021-2022. [Electronic source] // European Commission. – 2022. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (Accessed date: 06.12.2023).

21. Standard Eurobarometer 97 - Summer 2022. [Electronic source] // European Commission. – 2022. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2693> (Accessed date: 06.12.2023).
22. Standard Eurobarometer 99 - Spring 2023. [Electronic source] // European Commission. – 2023. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3052> (Accessed date: 06.12.2023).

Об авторах: ДОБРЫНИН Ярослав Витальевич – студент 1 курса магистратуры Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, e-mail: yaroslavdob96@mail.ru

ПОПП Эвелина Александровна – студентка 1 курса магистратуры Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, e-mail: popp-e@inbox.ru

About the authors: DOBRYNIN Yaroslav Vitalievich – Master’s Degree Student of the National Research University Higher School of Economics, e-mail: yaroslavdob96@mail.ru

POPP Evelina Alexandrovna – Master’s Degree Student of the National Research University Higher School of Economics, e-mail: popp-e@inbox.ru

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СТАРОГО СВЕТА В
КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОСТОЯНИЯ С
ГЛОБАЛЬНЫМ ЮГОМ**

Заболотный А.А.

Дипломатическая Академия МИД России, Москва

**MODERN EUROPE: NEW CHALLENGES OF THE OLD WORLD IN
THE CONTEXT OF COOPERATION AND CONFRONTATION WITH
THE GLOBAL SOUTH**

A.A. Zabolotnyy

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные вопросы взаимодействия Европейского союза со странами Глобального Юга, а именно: сотрудничество в условиях глобализации и кризиса на Украине, соперничество с Китаем за роль в развивающемся мире, использование внешнеполитического влияния ЕС в борьбе за свои интересы, а также вызовы, с которыми объединение сталкивается на фоне интенсивного развития регионов. В контексте глобального изменения баланса сил, с ростом влияния и развития стран Южной Америки, Азии, Океании и Африки, возникает вопрос о положении старых центров международного влияния, таких как Европа. В настоящий момент Европа переживает системные изменения в политическом и экономическом ландшафте. В европейской политической повестке дня звучат призывы наладить сотрудничество со странами в контексте конфронтации с Россией и растущего влияния Китая. Эти два государства, особенно Китай, активно расширяют свое влияние, например, в Африке, что ставит перед европейцами проблему выбора концепции взаимодействия со странами Глобального Юга из-за их разнообразия. Фокус статьи нацелен на политику ЕС в текущей геополитической ситуации.

Abstract. This article examines the main issues of the European Union's interaction with the countries of the Global South, namely: cooperation in the context of globalization and the crisis in Ukraine, rivalry with China for a role in the developing world, the use of the EU's foreign policy influence in the struggle for its interests, as well as the challenges that the association faces against the background of intensive regional development. In the context of the global change in the global balance of

power, with the growing influence and development of the countries of South America, Asia, Oceania and Africa, the question arises about the position of the old centers of international influence, such as Europe. Europe is currently undergoing systemic changes in the political and economic landscape. There are calls on the European political agenda to establish cooperation with countries in the context of confrontation with Russia and the growing influence of China. Two states, especially China, are actively expanding their influence, for example, in Africa, which poses the problem for Europeans of choosing the concept of interaction with the countries of the Global South because of their diversity. The focus of the article is on the role of the EU in the current geopolitical situation.

Ключевые слова: Мягкая сила; Глобализация; Международный кризис.

Keywords: Soft power; Globalization; International crisis.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобального изменения мирового баланса сил, с ростом влияния и развития стран Южной Америки, Азии и Африки, встает вопрос о положении старых центров международного влияния, как Европа. На данный момент в Европе происходят системные изменения политического и экономического ландшафта. Евроинтеграция - основа европейской политической повестки на протяжении 50 лет, в условиях мирового кризиса, начала претерпевать изменения. Евроскептицизм, как один из главных трендов, заставляет руководство объединения изменять свои подходы к определению внешней политики, основываясь на концепции европоцентризма, а не как прежде следованию доктрине евроатлантизма[4, 136 стр.]. Последние годы «глобальный юг» – это условное обозначение менее развитых стран юга (Южной Америки, Азии и Океании), которые в XXI веке остаются ареной противостояния великих держав. Однако в последние десятилетия многие страны Глобального юга имеют интенсивный рост экономики и населения, что позволяет им также увеличивать свое значение в мировой политике.

Актуальность исследования: Изменение мировой политической конъюнктуры создает из стран Глобального юга пространство для

сотрудничества, а в некоторых случаях для соперничества. В европейской политической повестке звучат призывы о налаживании сотрудничества со странами в контексте противостояния с Россией и роста влияния Китая. Эти два государства, особенно Китай, активно расширяют свое влияние, например в Африке, что ставит перед европейцами проблему выбора концепции взаимодействия со странами Глобального юга, ввиду их разнообразия.

Цель исследования - понять роль происходящих процессов в контексте изменения мирового баланса сил, и какие перспективы это несет.

Исследовательский вопрос: Какую роль займет ЕС в вопросе взаимодействия с Глобальным югом?

Гипотеза: ЕС, как единое объединение займет смежную позицию между сотрудничеством и противостоянием с отдельными странами Глобального юга.

Теория: Системный анализ, объяснительно-аналитическая парадигма, парадигма власть-общество.

Методология: Кейс-стади, контент-анализ.

Предмет исследования: Вызовы для ЕС, возникающие в результате взаимодействия между Объединением и странами Глобального юга в контексте геополитических и экономических процессов.

Объект исследования: Международная политика и отношения, геополитические процессы, экономическое сотрудничество и противостояние, культурные и социальные динамики между ЕС и Глобальным югом.

Эмпирическая база данного исследования будет состоять из научных трудов и публикаций европейских и международных центров из стран России, США, ЕС и других. Данная эмпирическая база поспособствует сформировать теоретическую и практическую составляющую данной исследовательской работы.

Структура работы: Введение; Основная часть; Заключение.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сотрудничество ЕС и Глобального Юга.

1. Глобализация в контексте сотрудничества ЕС и Глобального Юга.

Глобализация - это ключевой элемент современного развития мира после 1991 года. В условиях формирования всемирной интеграции и унификации, сотрудничество между ЕС и странами Глобального Юга приобрело одно из ключевых направлений деятельности.

Если говорить о теории глобализации, то это основная черта развития современного мира в условиях изменения структуры мировой экономики. В условиях глобализации все национальные экономики тесно взаимосвязаны друг с другом путем системы международного разделения, труда, экономических и политических отношений [1, 39 стр.]. Мировой рынок, как основная торговая площадка, является одним из главных выходов для национального производителя услуг и товаров для реализации собственной продукции. Глобализация основывается на транснационализации (формирования наднациональных коммерческих структур) и регионализации (создания региональных блоков). Европа - это первая часть света была, где был создан региональный блок на основе экономики, а потом и политики. ЕС, начиная свой путь от Европейского объединения угля и стали, превратился в полноценный наднациональный экономический и политический союз, со своей собственной валютой - евро, а также общей финансовой и внешнеполитической стратегией. Также идут разговоры о создании общей европейской армии [2, 27 стр.], однако пока это не стоит на повестке дня. В странах Глобального Юга также имеют свои собственные региональные блоки, одни из них: АСЕАН (наиболее интегрированный), МЕРКОСУР, Восточно-африканское сообщество (с перспективой создания единого государства) и другие. Однако в виду экономических и политических факторов, эти объединения не могут создать полноценную структуру региональной интеграции, как в ЕС, а экономическая мощь некоторых европейских стран превышает совокупную долю того же АСЕАН в мировой экономике [8, 4 стр.].

Однако это не отменяет сотрудничество ЕС с региональными блоками. ЕС сотрудничает с АСЕАН с 1972 года, с МЕРКОСУР у ЕС соглашение о свободной торговле. Рынки Южной Америки и Юго-Восточной Азии представляют перспективные направления для развития торговли ЕС, в виду их интенсивного экономического развития. Многие европейские компании, на фоне высоких налогов и заработных плат, переносят свои мощности в эти регионы, что создает возможности для более тесного сотрудничества. В свою очередь, ЕС через входящие в страны в его объединения страны (Люксембург и Ирландия) привлекает международные инвестиции, оказывая непосредственное влияние на движения мирового капитала, в том числе из стран Глобального Юга.

Также следствием глобализации стало новое мировое разделение труда, а именно рост потоков трудовых мигрантов в более развитые и состоятельные страны. Это объективный процесс, возникший в результате кризиса трудовой силы в странах Европы в результате Второй Мировой войны, а затем общим снижением прироста численности коренного населения в виду различных факторов, как: рост благосостояния, образованности и общего скептицизма в общественном сознании. ЕС активно привлекает трудовых мигрантов для развития собственного производства и поддержания низкооплачиваемых профессий. Несмотря на позитивное отношение к потоку мигрантов со стороны руководства ЕС и большинства государств объединения, возникает проблема взаимодействия парадигмы власть-общество [9, 12 стр.]. Поток мигрантов создает существенные проблемы и конфликты на бытовом и социальном уровне, что влечет формирования позиций евроскептицизма и правого национализма, что крайне опасно для объединения, построенного на концепции либерализма. Проще говоря, власть - приветствует мигрантов, общество - отвергает.

Также несмотря на процесс глобализации и увеличения уровня кооперации между ЕС и странами Глобального Юга, объединение продолжает подходить к этому вопросу выборочно. С некоторыми странами Юга ЕС

развивает позитивное сотрудничество, которое выгодно для обеих сторон. Во многих случаях ЕС развивает сотрудничество, которое выгодно исключительно самому Союзу, что ставит вопрос в политической повестке стран Глобального Юга о продолжении политики неокOLONIALИЗМА со стороны Брюсселя и отдельных стран, входящих в объединение. С отдельными странами ЕС имеет высокий уровень кооперации, в частности в торговле, однако политически между ними существуют противоречия в виду различий в подходах. Данный вопрос стоит рассмотреть в следующей части.

Предварительный итог заключается в том, что взаимодействие между ЕС и странами Глобального Юга в условиях глобализации растет. Современные глобальные процессы влияют на сотрудничество между регионами в позитивном и негативном ключе, включая вопросы торговли, экономики, миграции, политики и прочего.

2. Сотрудничество ЕС со странами Глобального Юга.

Международный кризис, вызванный конфликтом на Украине, заставляет ЕС более усиленно развивать сотрудничество со странами Глобального Юга. ЕС, как объединение, зависимо от сырьевых ресурсов, в частности от нефти и газа, необходимых для функционирования промышленности, энергетики и хозяйства.

До 2022 года ЕС активно в этом вопросе сотрудничал с российскими компаниями, которые предоставляли ресурсы в неограниченном количестве, что обеспечивало экономический рост и взаимовыгодное сотрудничество для обоих субъектов. Однако под давлением союзников в лице США и Великобритании, а также общего общественного мнения, негативно настроенного после начала Специальной Военной Операции к любой кооперации с Российской Федерацией, был вынужден в качестве санкционных мер диверсифицировать источник притока энергоресурсов. Налажено сотрудничество с Алжиром в вопросе газового проекта, активно развивается кооперация с Катаром, Индонезией, а также с Ливией, в частности с правительством маршала Хафтара [10, 5 стр.], с которым ЕС хотя не

поддерживает официальные отношения, однако территория под контролем войск маршала включает в себя большинство нефтяных месторождений страны, что вынуждает ЕС применять исключительно правила неформальной, теневой политики, в противовес официальной позиции в поддержке Правительства Национального Согласия в Триполи.

Стоит рассмотреть сотрудничество ЕС в следующей парадигме: позитивное и негативное.

2.1. Позитивное

ЕС заявляет [4, 136 стр.] о готовности сотрудничать со всеми субъектами международных отношений, заинтересованных в этом. Однако на практике Союз применяет выборочный принцип для собственной выгоды, иногда в противовес своим контрагентам, особенно в странах Глобального Юга. Стоит рассмотреть конкретные примеры позитивного сотрудничества ЕС:

Бразилия - крупнейшая страна в Южной Америке по объемам территории, экономики и населения. Бразилия исторически имеет тесные связи с континентальной Европой на протяжении всего своего существования. За последние десятилетия данная страна показала высокие уровни экономического роста, однако главными факторами, мешающие ей полноценно развиваться являются: высокий уровень коррупции и преступности, а также бедность населения.

Несмотря на эти факторы, Бразилия активно развивает партнерские отношения с ЕС в промышленной, финансовой и иных секторах экономики. ЕС также не имеет политических претензий к внутренней системе Бразилии, что исключает применение объединением различных механизмов воздействия на внутренний процесс. На территории Бразилии действуют автомобильные предприятия Фольксвагена, Рено, Фиата. Бразильская авиапромышленная компания Embraer активно использует европейские комплектующие для своих самолетов. Ресурсные компании такие как Vale и Petrobras поставляют свою продукцию для нужд европейского рынка. На 2019 год общий торговый оборот между ЕС и Бразилией составил около 87 миллиардов евро [6, 11 стр.].

АСЕАН - наиболее интегрированный экономический союз стран Глобального Юга. Принцип работы исключительно экономический и региональный. ЕС и АСЕАН имеют хороший фундамент для развития кооперации. ЕС и АСЕАН подписали рамочное соглашение о партнерстве для углубления связей. Евросоюз также является крупным торговым партнером и инвестором в экономику стран объединения. На 2019 год общий торговый оборот между АСЕАН и ЕС составил около 280 миллиардов евро [8, 9 стр.]. Это включает в себя как экспорт из стран АСЕАН в ЕС, так и импорт товаров и услуг из ЕС в страны АСЕАН.

Африка (Камерун, ДР Конго, Танзания) - несмотря на серьезный рост влияния Китая на Африканском континенте, европейские страны по сей день сохраняют в регионе прочные позиции, которые способствуют налаживанию выгодного взаимодействия с бывшими колониями. Исторически с обретения независимости Камерун находится в сфере влияния Франции, второй экономики ЕС после Германии. Камерун для ЕС важен в поставках различных ресурсов, как нефть, древесина и алюминий. ДР Конго занимает прочные позиции в поставке кобальта и других редких ископаемых для европейской цифровой промышленности, в частности в производстве чипов и другой электроники. Танзания занимается поставками золота, компоненты которого используются в ювелирном деле, а также в военно-промышленном комплексе. Однако, несмотря на лояльность руководства стран данных африканских государств, использование дешевой рабочей силы, часто несовершеннолетней, заставляет экспертов говорить о новой форме неокOLONИализма со стороны ЕС по отношению к местному населению.

2.2. Негативное

ЕС является крупным игроком на мировой политической арене, однако не всегда его действия можно трактовать, как позитивные. В последнее время европейская внешняя политика по отношению к отдельным странам Глобального Юга привела к международным кризисам [5, 1 стр.], к военным

переворотам и кардинальным пересмотрам внешней политики данных государств. Стоит рассмотреть основные.

Нигер - один из крупных производителей урановой руды, необходимой для атомной промышленности Европы, в частности Франции. Пятая Республика со времен независимости сохраняла присутствие в этом государстве, путем наличия военных баз, активным вмешательством во внутренний политический процесс, а также использованием дешевой рабочей силы в опасном для здоровья деле. Данная политика привела к тому, что в 2023 году случился военный переворот, приведя к власти антифранцузские силы.

Мали - одно из самых нестабильных государств в мире. Мали является экспортером золота, что делает ее важным звеном в сохранении европейского влияния в Западной Африке. Однако в 2021 году к власти пришли антиевропейские силы, которые кардинально поменяли её внутренний и внешний политический курс. Причины были те же: использование дешевой рабочей силы богатыми ресурсами страны, которая от добычи драгоценного металла получала гораздо меньше, чем могла бы.

Республика Конго - единственная из представленных стран, которая имеет стабильное правительство и политическую ситуацию. Конго-Браззавиль является важным экспортером нефти, нефтепродуктов, меди и других минеральных ресурсов. Негативное сотрудничество заключается в том, что политический курс страны строго ориентирован на Китай [3, 1 стр.]. Местное руководство не позволяет европейцам заходить на рынки этой страны. Однако в 1990-е годы были попытки наладить взаимодействие, которые не привели к успехам.

Рассмотрев позиции различных сторон сотрудничества ЕС, как позитивного, так и негативного, **предварительный итог** стоит озвучить следующим образом: Сотрудничество Европейского Союза со странами Глобального Юга имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Позитивные аспекты заключаются в том, что с отдельными странами развивается интенсивная кооперация, что дает возможности для

экономического развития. Негативные заключаются в том, что страны попадают в высокую зависимость от ЕС, превращая взаимоотношения в неравные условия, что приводит к недовольству населения стран Глобального Юга, и как следствие к потере влияния объединения в развивающихся регионах. В данном контексте стоит изучить вопрос соперничества и вызовов для Евросоюза в современной текущей международной обстановке.

3. Соперничество и вызовы

Европейский Союз, как крупный политический экономический игрок на международной арене, заинтересован в защите своих собственных интересов. Европейские чиновники готовы использовать любые методы и способы для противостояния вызовам, с которыми сталкивается объединение. На данный момент основные вызовы для ЕС несут конфликт на Украине и миграционные потоки из стран Глобального Юга. Не менее важными вызовами являются рост влияния Китая в Африке.

Роль Глобального Юга в конфликте Украины и России, как отмечают эксперты [5, 15 стр.], нейтральная. В представлении обывателя данный международный кризис находится далеко и не оказывает никакого влияния на их среднестатистическую жизнь. Глобальный Юг действует исключительно в интересах приобретения выгоды от сотрудничества, как с Россией, так и с Украиной. ОАЭ стали новой «гаванью» для российских денег и элиты, предложив посредническую роль во взаимодействии со странами ЕС. ЕС всячески угрожает введением новых санкций за сотрудничество с Россией, однако дальше публичных заявлений и показательных акций в медиа данная инициатива никак не развивается. В Пакистане, воспользовавшись внутренней политической нестабильностью, при участии американских и европейских специальных структур был свергнут с поста премьер-министра Имран Хан, занимавший прокитайскую позицию, а также совершивший визит в Россию в день начала Специальной Операции 24 февраля 2022 года. Его место занял миллиардер Шахбаз Шариф, начавший оказывать помощь ВСУ (Вооруженным силам Украины), однако в открытое противостояние с Россией

не вступил, как и не отказался от сотрудничества с Китаем, несмотря на возражения европейских чиновников.

Рост влияния КНР в странах Глобального Юга становится всё более серьезным вызовом для Европейского Союза, который традиционно сохранял свое присутствие на континенте. Китаю, как интенсивно растущей экономической силе, крайне необходимо импортировать полезные ресурсы. Африка является крайне перспективным направлением для осуществления добычи ресурсов, однако страны в регионе экономически слабо развиты, население крайне негативно относится к иностранцам, которые пытаются извлечь только выгоду. Китайцы предлагают для таких стран, на первый взгляд, идеальный вариант: он не вмешивается в государственно-политическое устройство африканских государств, не старается осуществить «цветные революции» или иные попытки смещения правительств. Однако, согласившись на кредитные деньги, африканские государства вернуть долг не могут, что приводит к тому, что в обмен на погашение кредита отдают в собственность или в аренду китайским компаниям право на добычу полезных ресурсов. Такой рост влияния Китая на африканские государства заставляет ЕС использовать более жесткую реакцию в виде:

- Поддержки антикитайской пропаганды среди населения африканских государств;
- Найм частных военных компаний для нейтрализации активных китайских инвесторов или государственных служащих;
- Финансирование через некоммерческие фонды антикитайских политических партий в странах наиболее подверженных китайскому влиянию (Замбия, ЮАР, Мозамбик, Эфиопия и др.)

Не менее важным вызовом для Европейского Союза является рост авторитаризма в странах Глобального Юга. Либеральная демократия и рыночная экономика – это идеологический нарратив, который пропагандирует ЕС в условиях распространения своего геополитического влияния на страны,

где с правами человека и гражданина существуют определенные проблемы. «Мягкая сила» ЕС: медицина, образование для студентов, разнообразие потребительских товаров и высокие стандарты жизни - по сей день остаются привлекательными для представителей стран Глобального Юга [7, 4 стр.]. Однако рост авторитаризма связан с тем, что такие страны, как Сингапур, ОАЭ, Катар, Малайзия совершили экономический рывок, не меняя политической системы, став привлекательными моделями для других автократий. «Мягкая сила» ЕС на фоне постоянных забастовок, миграционного кризиса и геополитического конфликта с Россией теряет свои позиции, что заставляет еврочиновников пересмотреть свои позиции по данному вопросу.

На этом фоне можно сделать **предварительный итог**, что взаимодействие ЕС со странами Глобального Юга сопряжено с соперничеством и вызовами. Соперничество может возникать в экономической, политической и иных сферах. Европейский Союз сталкивается с вызовами, такими как рост влияния Китая, ослабление позиций либеральной демократии в мировом процессе, что вынуждает использовать более агрессивную внешнюю риторику Союза в вопросе взаимодействия с Глобальным Югом, в особенности в их сотрудничестве с другими великими державами, в частности с Россией на фоне кризиса на Украине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом этой исследовательской работы является то, что взаимодействие между ЕС и странами Глобального Юга растет в контексте глобализации. Современные глобальные процессы влияют на сотрудничество между регионами позитивным и негативным образом, включая вопросы торговли, экономики, миграции, политики и другие.

Рассмотрев позиции различных сторон сотрудничества с ЕС, как положительные, так и отрицательные, следует озвучить следующий **вывод**: сотрудничество Европейского союза со странами Глобального Юга имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Положительными аспектами

являются то, что развивается интенсивное сотрудничество с отдельными странами, что предоставляет возможности для экономического развития, обмена знаниями и технологиями и так далее. Негативные заключаются в том, что страны становятся сильно зависимыми от ЕС, превращая отношения в неравные условия, что приводит к недовольству населения стран Глобального Юга и, как следствие, к потере влияния ассоциации в развивающихся регионах.

В свою очередь, взаимодействие ЕС со странами Глобального Юга также чревато соперничеством и вызовами. Соперничество может возникнуть в экономической, политической и других сферах. Европейский союз сталкивается с такими вызовами, как растущее влияние Китая, ослабление позиций либеральной демократии в глобальном процессе, что вынуждает его использовать более агрессивную внешнюю политику объединения в вопросе сотрудничества между странами Глобального Юга, особенно в вопросе их взаимодействия с другими субъектами геополитики, в частности с Россией на фоне кризиса на Украине.

Список использованной литературы:

1. Глебов Г. И., Милаева О. В. Современные международные отношения. Учебное пособие. - 1-е изд. - Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. - 98 с. Glebov G. I., Milaeva O. V. Modern international relations. A study guide. - 1st ed. - Penza: Publishing House of Penza State University, 2010. - 98 p.
2. Журин В. Европейская армия: Поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны.. - 1-е изд. - М.: МГИМО, 2012. - 87 с. Zhurkin V. The European Army: Defeats and victories. General security and Defense policy.. - 1st ed. - Moscow: MGIMO, 2012. - 87 p.
3. Интересы Китая в Африке // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-evrope-i-globalnyy-yug/https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 15.12.2023). China's Interests in Africa // INF URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-evrope-i-globalnyy-yug/https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> / (date of access: 12/15/2023).

4. Клинке Я. Геополитика и политическое право: уроки Германии // Международные отношения. - 2018. - №3. - С. 136.
5. Кризис в Европе и глобальный Юг // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/krizis-v-evrope-i-globalnyu-yug/> (дата обращения: 09.12.2023). I'm on the blade. Geopolitics and Political Law: Lessons from Germany // International relations. - 2018. - No.3. - p. 136.
6. Тайар В. М. ЕВРОСОЮЗ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА. // Актуальные проблемы Европы. - 2022. - №3. - С. 11. Tayar V. M. THE EUROPEAN UNION AND LATIN AMERICA: THE MAIN FORMS AND DIRECTIONS OF INTERREGIONAL COOPERATION. // Actual problems of Europe. - 2022. - No.3. - p. 11.
7. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ МИРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ // КиберЛенинка URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-zhizni-naseleniya-v-stranah-mira-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения: 08.12.2023). THE LEVEL OF LIFE OF THE POPULATION IN THE COUNTRIES OF THE WORLD AT THE PRESENT STAGE // CyberLeninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-zhizni-naseleniya-v-stranah-mira-na-sovremennom-etape/viewer> (date of application: 08.12.2023).
8. Файншмидт Р. И. Асеан и ЕС: ретроспектива и современное состояние сотрудничества. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2019. - №4. - С. 9. Feinschmidt R. I. Asean and the EU: a retrospective and the current state of cooperation. // South-East Asia: actual problems of development. - 2019. - No.4. - p. 9.
9. Хвыля-Олинтер Н.А. Миграционный нокаут Европе. - 1-е изд. - М.: АСТ, 2016. - 67 с. Khvylya-Olinter N.A. Migration knockout of Europe. - 1st ed. - Moscow: AST, 2016. - 67 p.
10. Эль С. Современное состояние торговых отношений между Ливией и Европейским Союзом // Современные проблемы науки и образования. - 2020. - №3. - С. 5. El S. The current state of trade relations between Libya and the European Union // Modern problems of science and education. - 2020. - No.3. - p. 5.

Об авторе: ЗАБОЛОТНЫЙ Александр Андреевич – аспирант, Дипломатическая академия МИД России, ведущий специалист, АО «Вертолеты России», e-mail: zabolotka@gmail.com

About author: ZABOLOTNYY Alexander Andreevich, Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, leading specialist, JSC «Russian Helicopters», e-mail: zabolotka@gmail.com

**КОНЦЕПЦИЯ «ВЕЛИКОЙ АЛБАНИИ» КАК
ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР НА БАЛКАНСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ**

Кашкарёв О.Р.

Сибирский федеральный университет, Красноярск

**THE GREATER ALBANIA CONCEPT AS A DESTABILIZING FACTOR
IN THE BALKANS**

O.R. Kashkariov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме для современных международных отношений – роли албанского фактора в дестабилизации международной обстановки на Балканском полуострове. На основе исторических, политических и социокультурных фактов в статье исследуется феномен «паналбанизма» и даётся обоснование возможности реализации данной концепции в XXI веке. Под «албанизацией» подразумевается объединение Албании и албаноязычных регионов Сербии (Косово), Черногории, Македонии и Греции (Эпир) в единое унитарное государство под управлением Тираны. Особая роль в этом объединении отдается поддержке албанской столицей сепаратизма и криминальных кланов, рассматривающим территории за пределами границ Албании как перспективные рынки сбыта нелегальной продукции. Помимо этого, в статье дается прогноз возможных событий, вызванных гипотетическим появлением нового государства на мировой арене по следующим направлениям: политическому, социокультурному и экономическому.

Abstract. The article describes an urgent problem for modern international relations - the role of the Albanian factor in the destabilization of the international situation on the Balkan Peninsula. Based on historical, political and socio-cultural facts, the article explores the phenomenon of "pan-Albanism" and provides a justification for the possibility of implementing this concept in the XXI century. "Albanization" means the unification of Albania and the Albanian-speaking regions of Serbia (Kosovo), Montenegro, Macedonia and Greece (Epirus) into a single unitary state under the rule of Tirana. A special role in this association is given to the support of the Albanian capital of separatism and criminal clans that consider territories outside

the borders of Albania as promising markets for illegal products. In addition, the article provides a forecast of possible events caused by the hypothetical appearance of a new state on the world stage in the following areas: political, socio-cultural and economic.

Ключевые слова: Албания, сепаратизм, ирредентизм, Косово, Балканский полуостров, албанская мафия, паналбанизм, международная безопасность, мировая политика.

Key words: Albania, separatism, irredentism, Kosovo, the Balkan Peninsula, the Albanian mafia, pan-Albanism, international security, world politics.

Албанский национализм появляется во времена получения Албанией окончательной независимости от Османской империи. Король Зогу I видел в национализме путь к объединению албанцев, которые несправедливо разбросаны по всему Балканскому полуострову. Эту идею активно поддерживало правительство Муссолини, которое с помощью радикализации албанского населения пыталось ослабить своих геополитических соперников: Грецию и Югославию. После Второй Мировой войны паналбанскую идею активно поддерживало правительство Энвера Ходжи, которое хотело с помощью консолидации этнических албанцев ослабить Югославию и не допустить поглощения Тираны Белградом [1].

С свержением коммунистического режима новая Албания начинает поддерживать этнические группировки за ее пределами. Конституция Албании 1998 года закрепляет возможность объединения албанцев, а «Платформа для решения албанского вопроса», созданная Албанской академией наук, провозглашает необходимость вхождения всех регионов, населённых албанцами в состав Албании [2]. Албанское правительство реализует эту идею путем спонсирования албанских военизированных группировок в соседних государствах.

Самым ярким примером реализации идеи «Единой Албании» является Косово. Албанцы там занимают около 90% всего населения области. Армия освобождения Косова, которая была создана албанскими спецслужбами, на данный момент контролирует государственный аппарат Приштины [3]. В 2008

году Албания приветствовала независимость Косова и первой признала ее. Стало активно налаживаться сотрудничество между Приштиной и Тираной. В 2018 году Президент Косова Хашим Тачи и премьер-министр Албании Эди Рама подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве во внешней политике и объединении диппредставительств, что подразумевает будущую интеграцию Косова в состав Албании. Сам албанский премьер называет воссоединение «вопросом времени» и считает, что оно произойдет после вступления обеих республик в Евросоюз.

Македония и Черногория тоже стали жертвой «албанской бомбы». С распадом Югославии их постигла судьба Сербии, связанное с противостоянием албанским военным формированиям. Албанские сепаратисты этих государств, воодушевленные примером Косова, тоже решили отделиться [4; 5]. Но проблема в том, что албанцев на этих территориях не так много, как в Косово, что и затрудняет отделение этих областей. АНО и АНА по косовскому сценарию ввергают Македонию в конфликт, который разрешается Охридскими соглашениями, по результатам которых албанские сепаратисты организовали «Демократический союз за интеграцию», основная цель которого объединение албанских регионов Македонии и Черногории с Косово и Албанией. Но на данный момент в албанских регионах Македонии существуют албанские подполья, которые пользуются поддержкой Аль-Каиды, что уже представляет угрозу и для Албании, и для Боснии с Турцией.

В отличие от стран бывшей Югославии Греция чувствует себя более комфортно, но также становится жертвой албанских аппетитов. Эпир, который принадлежит Греции, не так густо населен албанцами, но проблема в том, что албанское население Греции также мечтает об отделении. Греческих албанцев не устраивает насильственная эллинизация населения, запрет албанского языка и отношение к эпирским албанцам, как к людям второго сорта. Нежелание Греции наладить конструктивный диалог с албанским меньшинством переросло в появление Армии освобождения Чамерии, которая

убивает греческих полицейских и спонсируется албанским правительством [6].

Учитывая все конфликты между албанским меньшинством и правительством, которые произошли в 1990-е годы и продолжаются по сей день, а также их причины, то вероятность возникновения Всеалбанского государства возможно ввиду следующих факторов:

1. Особая идеология «Паналбанизма», которая провозглашает включение всех областей, населенных албанцами в единую политическую конъюнктуру с использованием как «жестких», так и «мягких» силовых методов [7].

2. Высокие демографические показатели албанцев. В среднем на одну албанскую женщину приходится по 2-3 ребенка, что вдвое больше показателей государств по соседству. Поэтому в албаноязычных областях, соседних с Албанией, государств, албанцы перестают быть меньшинством и, напротив, превращаются в этническое большинство.

3. Культура албанского народа. Албанские семьи считаются самыми патриархальными и закрытыми семьями в Европе, особая роль в которых отдается кровным узам и готовности защищать семью ценою собственной жизни. Такой подход значительно усложняет поиск представителей мафиозных структур, ввиду организации албанских кланов по семейному признаку. Помимо этого, еще одним фактором закрытости является албанский язык, который является единственным представителем Иллирийской группы в мире и не похож на Славянскую или Эллинскую языковые системы, что приводит к нулевой ассимиляции эмигрантов и создает крепкие связи албанских диаспор с этническими албанцами.

4. Способность формировать теневые или квазигосударственные структуры со своей иерархией и порядками при наличии официальных институтов Власти в государствах. Яркими примерами можно выделить Армию Освобождения Косова, которая из военизированной организации превратилась в Демократическую партию Косова и стала основной

государственной структурой частично признанной республики, и албанскую мафию, которая тесно слилась с официальной Тираной и формирует собственную политическую повестку.

5. Тяжелое и постоянно ухудшающееся социально-экономическое положение албанцев. Албания - лидер по уровню безработицы в Европе, крайнее обнищание населения приводит к массовому оттоку населения в поисках работы за границу и усилению албанских диаспор и усилению криминальных структур, обещающих албанцам большие и быстрые деньги.

Последствия такого воссоединения могут быть для Балкан катастрофическими. Во-первых, объединенная с Косово Албания создаст прецедент и угрозу территориальной целостности Северной Македонии, Черногории и Греции, где албанцы являются крупнейшим меньшинством. Это может привести к новой войне на Балканах, направленной против Албании, которая будет сопровождаться этническими чистками против жителей спорных территорий.

Во-вторых, объединение Албании в контексте поглощения ею всех территорий, населённых албанцами, создадут новый миграционный кризис, вызванный бегством неалбанского населения в другие страны Европы, либо же, наоборот, бегством албанского населения из приграничных с Албанией территорий.

В-третьих, политический конфликт между Албанией и ее соседями затормозит рассмотрение кандидатуры единого албанского государства в Союз, потому что Греция и Болгария, являясь членами ЕС будут всячески препятствовать вхождению «Великой Албании», требуя от нее вернуть спорные территории соседям. С учетом постоянно ухудшающейся ситуации в Евросоюзе и его неспособности разрешить данный вопрос мирным путем это может привести к выходу балканских государств и последующей дезинтеграции организации.

В-четвертых, реализация паналбанской идеи создаст ужасающий прецедент в мировом сообществе. Успех Албании воодушевит Венгрию,

Румынию и Польшу на скорейшее воссоединение своих бывших территорий, что может спровоцировать крупный конфликт в Восточной Европе.

В-пятых, новое албанское государство усилит позиции Турции в Европе. Анкара активно налаживает сотрудничество как с Тираной, так и с Приштиной. Турецкое правительство хочет влиять на свои бывшие балканские вотчины через мусульманские Албанию и Боснию, которые ослабят главных турецких противников в регионе: Грецию и Сербию. Албания является главным транзитным узлом для беженцев из Ближнего Востока в Европу, что позволяет Анкаре давить на Брюссель.

В-шестых, объединенная Албания спровоцирует рост преступности в Европе. На данный момент около 60% албанской экономики занимает теневой сектор. Албанская мафия является главным поставщиком на европейский черный рынок наркотиков, оружия, людей и органов [8; 9]. За счет новых территорий албанская мафия расширит плантации прекурсоров. Крупные балканские порты увеличат транзит наркотиков и оружия из Южной Америки и Африки. Сотрудничество албанской мафии с криминальными структурами Европы приведёт к маргинализации нетрудового населения Европы и превращению многих европейских кварталов в гетто.

Самая главная угроза заключается в том, что албанский криминалитет и повстанцы сотрудничают с исламистскими террористическими группировками Ближнего Востока, а именно ИГИЛ и Аль-Кайдой (запрещены в России) [10]. Террористы обучают повстанцев вести партизанскую войну и организовывать теракты, поставляют албанцам наркотики и оружие и покупают у них рабов. Появление на Балканах террористических групп создает угрозу радикализации мусульманских Албании, Боснии и Турции. Транзит беженцев из Албании открывает террористам двери в Европу, где те смогут влиять уже и на беженцев, угрожая Европе, в том числе и Восточной, новыми терактами и разгулом криминала.

Таким образом, исследование выявило, что концепция «Великой Албании» дестабилизирует ситуацию на Балканах, потому что Албания

активно поддерживает этнический сепаратизм в соседних странах, что усиливает нетерпимость по отношению к албанцам и обостряет ситуацию в регионе. Использование организованной преступности и радикальных исламистов угрожает маргинализацией структур и общества европейских стран и распространением терроризма в Европе. В связи с чем Албанию следует рассматривать как главную угрозу для стабильности в регионе. Единственным выходом из данного кризиса послужит объективная политологическая экспертиза данной проблемы, координированные действия государств против организованной преступности и терроризма на Балканах и разработки системы «красных черт» на Полуострове, нарушение которых будет рассматриваться международным сообществом как прямая угроза международной безопасности.

Список использованной литературы:

1. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. I (1878-1997 гг.). М.: Индрик, 2006. 312 с
2. Албанский фактор кризиса на Балканах. Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2004. 192 с
3. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право, 2001. 720 с
4. Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики. Аналитический доклад. М.: ИНФРА-М, 2008. 32 с.
5. Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. Т. II. М.- Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 206-214.
6. Платошкин Н.Н. Эди Рама – новая албанская реальность // Международная жизнь. 2017. № 8. С. 68-75.
7. Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО-Университет, 2010. 252 с.
8. Пономарева Е.Г. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / De Conspiratione. Сб. монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 331-522

9. Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Государство-бандит»: Косово в мировой системе // Обозреватель. 2013. № 5. С. 67-76.

10. Чугунов К.В. Балканский рай для террористов // Неизвестная разведка. 2004. № 1. С.4-6.

Об авторах: КАШКАРЁВ Олег Русланович – студент, Сибирский Федеральный университет, e-mail: oleg.kashkareff@yandex.ru

About the authors: KASHKARIOV Oleg Ruslanovitch –Bachelor’s Degree Student, Siberian Federal University, e-mail: oleg.kashkareff@yandex.ru

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ИСПАНИИ КАК УГРОЗА ИСПАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Короткова П. Д.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

THE FRAGMENTATION OF SPAIN'S PARTY SYSTEM AS A THREAT TO SPANISH DEMOCRACY

P.D. Korotkova

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni
Novgorod

Аннотация: Традиционная двухпартийная система Испании переживает непростые времена ввиду перераспределения политических сил в государственных органах Королевства и локальных и глобальных кризисов, значительно влияющих на восприятие партий в обществе. Такие тенденции прослеживаются во многих странах мира, что находит отражение не только отрицательных элементах их внутренней политики, но и внешней. Главным проявлением этих тенденций в Испании считаются парламентские выборы. Помимо этого, данные тренды оказывают воздействие на роль Мадрида как сильного актора на международной арене и уникальную форму испанской демократии и государственно-территориального устройства вследствие практически десятилетнего коалиционного правительства, результаты правления которого не удовлетворяют интересы и нужды испанцев. Впоследствии граждане Королевства начинают испытывать симпатии к сепаратистским партиям, если люди непосредственно проживают в регионе их происхождения, либо второстепенных партий с особо выделяющейся программой, как Vox. Таким образом, представляется реальным нарастание внутривнутриполитической нестабильности, которая повлияет на положение Испании в Европе и мире в целом.

Abstract. Spain's traditional two-party system is experiencing internal turmoil due to the redistribution of political power in the Kingdom's government institutions and local and global crises that significantly affect the perception of parties in society. Such trends can be seen in many countries around the world, which is reflected not only in the negative elements of their domestic policies, but also in their foreign

ones. General elections are considered to be their main manifestation. In addition, these trends have an impact on the role of Madrid as a powerful actor in the international arena and the unique form of Spanish democracy and state-territorial structure due to almost a decade of coalition government, the results of which do not satisfy the interests and needs of the Spanish. Subsequently, citizens of the Kingdom begin to feel sympathy towards separatist parties, if they directly live in the region of their origin, or secondary parties with a particularly distinct program, such as Vox. Thus, it seems highly probable that there will be an increase in internal political instability, which will affect Spain's position in Europe and the world in total.

Ключевые слова: Испания, парламентские выборы, региональные выборы, партийная система, политические партии, Педро Санчес, Народная партия, Испанская социалистическая рабочая партия.

Keywords: Spain, general elections, regional elections, party system, political parties, Pedro Sánchez, People's Party, Spanish Socialist Workers' Party.

Современное мироустройство сталкивается с многочисленными кризисами революционного характера, формирующих новую систему международных отношений. Так, в условиях различных потрясений страны, давно закрепившиеся как главные политические акторы проходят проверку на прочность вследствие не только изменений, происходящих на глобальном уровне, но и на внутреннем. Особенно данные трансформации заметны в Старом Свете, а именно в современной Европе, которая сталкивается с новыми вызовами, угрожающими внутригосударственной стабильности и демократии, что обуславливает актуальность нашего исследования. Одним из примеров данного феномена является формирование новой партийной системы в Королевстве Испания на протяжении почти десятилетия, которое может радикально изменить расстановку сил в Генеральных Кортесах, испанском парламенте, и повлиять на направленность ее внешней политики и степень влияния на международные события как в индивидуальном порядке, так и в рамках Европейского Союза (ЕС). Проблемой перестройки традиционной двухпартийной системы в Королевстве является угроза испанской демократии и сложившейся политической системе, особенностью которой является не

только широкое отражение взглядов населения, но и уникальная форма государства автономий.

Для того, чтобы провести подробный анализ вышеупомянутой исследовательской проблемы и найти возможные пути ее решения, использовались следующие методологические и теоретические рамки исследования. Для проведения всеобъемлющего анализа применялся системный подход, рассматривающий изменения в испанской партийной системе и их влияние на индивидуальном, государственном и международном уровнях, и прогнозирование для составления сценария возможного развития ситуации в будущем. В качестве теоретических оснований исследования использовались научные работы, посвященные становлению партийных систем в различных странах мира таких авторов, как Аббот Лоуэлл (1856-1943), исследовавший политические партии в странах Западной Европы и то, какие системы они образуют, на каких основаниях и как такой порядок влияет на политику, проводимой их правительствами.

Стоит отметить, что в 1978 году была установлена действующая политическая система Королевства Испания посредством принятия Конституции на общенациональном референдуме. Таким образом, в стране была восстановлена монархия, принявшая парламентскую форму. Демократический транзит окончательно завершился в 1982 году, когда явка на парламентских выборах достигла практически 80%, что показало приверженность граждан демократической системе и позволило впервые произойти политической смене власти с момента упразднения националистического авторитарного режима Франсиско Франко. С тех пор была установлена двухпартийная система.

Рассмотрим распределение власти в Королевстве для того, чтобы понять, как функционирует исследуемая система. В первую очередь, обратим внимание на испанский двухпалатный парламент, который носит название Генеральные Кортесы. Нижней палатой, представляющей испанский народ, является Конгресс депутатов, состоящий из 350 народных избранников и

включающий деление на парламентские группы, как правило, партии и их объединения. Однако такое размещение сил свойственно и верхней палате, Сенату. Соответственно, партии и их взгляды на внешнюю и внутреннюю политику имеют особенное влияние на законодательный процесс.

Как правило, правительство формирует та партия, которая на парламентских выборах смогла набрать абсолютное большинство, им является получение минимум 176 мандатов в Конгрессе депутатов.

Однако с момента проведения 12-х парламентских выборов 20 декабря 2015 г. двухпартийная система переживает кризис, так как резко снизились показатели двух исторически сложившихся партий-лидеров, Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и Народной партии (НП). Ни одна из них не смогла получить абсолютное большинство по результатам выборов, вследствие чего было сформировано коалиционное правительство. Стоит отметить, что данный тип правительства существует до сих пор, что непосредственно отражает кризис партийной системы Королевства. Еще одной особенностью выборов 2015 года является появление в Генеральных Кортесах новых молодых партий, обладающих потенциалом расширения своего влияния в парламенте, например, левой Podemos.

С тех пор такая фрагментация политических сил привела к дестабилизации устоявшейся системы: теперь когда-то ведущим партиям не удастся получить абсолютное большинство в Конгрессе депутатов, что свидетельствует не только об эрозии двухпартийной системы, но и об образовании новой - многопартийной. Кроме того, ввиду экономических и социальных проблем в стране возросли крайне правые настроения, что позволило ультраправой партии Vox обрести значительную поддержку среди испанских граждан. Она известна тем, что придерживается идей евроскептицизма и выступает за упразднение децентрализованного унитарного государственно-территориального устройства и традиционные ценности, которые противоречат европейским. Благодаря такой поддержке Vox смогла достичь популярности и получить 15% голосов на парламентских

выборах 10 ноября 2019 г., став третьей по величине партией, представленной в Нижней палате Кортесов.

Стоит отметить, что в наши дни кризис испанской партийной системы еще больше обостряется. 28 мая 2023 года состоялись региональные выборы в Испании, результаты которых стали шокирующими для правящей элиты, так как население выразило недоверие политике, проводимой коалиционным правительством ИСРП и Unidas Podemos. Такие результаты плебисцита были обусловлены различными факторами как внутренними, так и внешними. Во-первых, пандемия коронавируса вызвала повышение уровня инфляции и оказала негативное влияние на ВВП большинства стран мира, и Испания не осталась в стороне – его падение составило 10,8% [3, с. 70]. Это повлекло за собой рост безработицы, давно свойственной Испании, но до сих пор нерешенной проблемы, ввиду строгих мер по борьбе с COVID-19, предпринимаемых правительством Педро Санчеса. Во-вторых, с момента вступления в ЕС Королевство является одним из главных реципиентов финансовой поддержки со стороны институтов объединения, например, Европейского инвестиционного банка, где в 2022 году оно заняло 2 место после Франции [8, с. 10], вследствие чего формируется зависимость от общей экономической ситуации в ЕС, а экономический рост замедляется, что отражается на испанских гражданах и резидентах в индивидуальном порядке и влияет на их мнение о действиях социалистического правительства. В-третьих, во всем мире наблюдается усталость от украинского кризиса и событий, связанных с российской специальной операцией в Украине. Однако, что ИСРП, что НП с малой вероятностью пересмотрят свои взгляды на внешнюю политику и финансовую поддержку Киева вследствие нестабильности внутри общества из-за европейских принципов и достаточно ограниченных средств и ряда товаров, предоставляемых украинскому правительству.

Так, в результате майских региональных выборов социалисты потеряли первенство, а «народники» одержали решительную и долгожданную победу

не только в большинстве автономных сообществ, но и в столичном регионе. Впрочем, ни одна партия так и не смогла получить абсолютное большинство, что привело к очередному формированию коалиций. Вследствие этого Педро Санчес, премьер-министр Королевства, созвал досрочные парламентские выборы, прошедшие 23 июля 2023 г. с целью проведения активной предвыборной кампании блока ИСРП - Sumar, обличающей их конкурентов, союз НП и Vox, ввиду восприятия последней партии как экстремистской. Тем не менее, это не принесло успеха ИСРП, потому что оппозиция в лице «народников» получила 137 мест в Конгрессе депутатов (это на 48 мест больше, чем на последних выборах), расклад сил ИСРП изменился лишь на 1 место по нарастающей, а Vox потеряла 19 мандатов, но все еще оставалась третьей партией по численности и влиянию.

Помимо этого, кризис политической системы еще больше осложнялся затянувшимся голосованием по кандидатуре на пост премьер-министра Королевства Испания, которое проходит в Конгрессе депутатов. Процедура, касавшаяся выдвижения Альберто Нуньес Фейхоо от НП и проведенная в конце сентября, не увенчалась успехом для правой коалиции. Действительно, ни правое, ни левое объединение не сумели получить абсолютное большинство в Конгрессе депутатов для выдвижения своих членов на пост председателя Правительства (для этого нужно минимум 176 мандатов, но было набрано только 172). Говоря о региональных партиях, представленных в Конгрессе и чье мнение является решающим в формирующейся партийной системе, то они тяготеют к сепаратизму.

Однако Педро Санчес смог добиться их расположения и заполучить необходимые недостающие голоса и 16 ноября был переизбран на третий срок, заручившись самой крупной поддержкой по сравнению с его предыдущими инвестирами, несмотря на то, что еще несколько месяцев назад такой сценарий развития событий казался невозможным.

Для того, чтобы получить доверие региональных партий в Кортесах, Педро Санчес заключил сделки с партиями Esquerra Republicana de Catalunya

и Junts per Catalunya. Первый пакт предусматривает прощение долга каталонского правительства на сумму 15 млрд долларов США, а второй – амнистию каталонских сепаратистов и Карлеса Пучдемона, бывшего главы Каталонии, скрывающегося от властей в Бельгии вследствие нарушения Конституции Испании и проведение незаконного референдума по независимости Каталонии. Данное решение противоречит устоям унитарной Испании, где сепаратизм расценивается негативно, несмотря на феномен «государства автономий», особенно это заметно во взглядах правых партий. Например, представители НП назвали это «карт-бланшем для сепаратистов» и зашли так далеко, что обвинили Педро Санчеса в «политической коррупции» за «принятие решений против общих интересов в обмен на личную выгоду» [9].

Ввиду изменившейся политической картины в автономных сообществах Королевства, где НП смогла одержать победу на региональных выборах, такое решение Санчеса вызвало протесты среди консервативно настроенных граждан и политиков не только внутри регионов, но и в столице в преддверии голосования в Кортесах по кандидатуре Премьер-министра. Кроме того, данная попытка «расшатать» систему внутри страны может привести к разрастающимся правым и ультраправым настроениям в уже сложившейся политической и социальной напряженности, что могло бы позволить союзу НП и Vox добиться расположения на политической арене. Однако, он также кажется слабым вследствие противоречий взглядов «народников» и крайне правых на евроинтеграцию.

Анализируя политическую обстановку в государственных органах Королевства, сложившуюся на данный момент времени, стоит отметить, что левая и правая коалиции рискуют потерять поддержку среди населения, либо же сохранить действующие позиции, которые не изменятся, если рассматривать их в краткосрочной перспективе, позволив и далее формироваться новой многопартийной системе. В первую очередь, такой расклад событий зависит от того, что не каждое автономное сообщество имеет

собственную региональную партию или располагает такой политической силой в Генеральных Кортесах. Например, в двух самых крупных территориальных субъектах – в Андалусии и Кастилии и Леоне – такие группы вовсе отсутствуют, что дает населению возможность прибегнуть к поддержке формирований второго плана, таких как ультраправая партия Vox. Данное изменение общественных настроений обусловлено участвовавшими обвинениями в коррупции в независимости от того, какая из лидирующих партий к ним причастна.

Во-вторых, несмотря на вновь выросшую популярность «народников» и их опережение ИСРП по количеству занятых мест в Конгрессе, правый блок, в который входят крайне правые силы, постепенно теряющие популярность, может негативно расцениваться не только со стороны прогрессивного европейского общества, но и на уровне ЕС вследствие евроскептицизма, антимиграционного движения, упразднения «государства автономий», авторитаризма, национализма и традиционных настроений, проявляющихся в противодействии феминизму (который является ключевым в программе социалистов) и религиозной дискриминации.

В-третьих, Испания рискует пострадать от нарастающих сепаратистских настроений ввиду предстоящей амнистии каталанских осужденных националистов и их поддержки социалистами, которые привержены идеям федерализма и вполне могут позволить расширить автономию Каталонии и Страны Басков. Такая дезорганизация представляет угрозу внутренней политике и делает политические программы партий невнятными и неточными для населения.

В результате вышеупомянутых факторов влияющих на расстановку сил среди испанских партий сама политическая система делится на несколько составных частей, которые даже не связаны друг с другом. Региональные партии эксплуатируются лидирующими с целью вернуть былую популярность, что никогда не позволит им занять ключевые позиции в парламенте. То же самое происходит и с Vox. Тем не менее, вопреки

коалициям правых и левых, ИСРП и НП продолжать занимать главенствующее положение в партийном строе Королевства, так как до сих пор не была представлена альтернатива, которой будет доверять подавляющее большинство испанцев.

Таким образом, государственная система Испании рискует оказаться в затяжном политическом кризисе, который может изменить лидирующие позиции Королевства в Европе и на международной арене, а поддержка ИСРП будет меняться день ото дня, так как еще неизвестно, какую цену придется Санчесу заплатить за сделки с сепаратистами.

Список использованной литературы:

1. Баранов А.В. Изменения поддержки политических партий на региональных и муниципальных выборах в Андалусии (2018–2023 гг.) // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 15–24.
2. Баранов А. В. Тенденции преодоления кризиса Народной партии Испании (2018–2022 гг.) в контексте электоральных процессов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 104–114.
3. Попов И.В. Испания: на старте предвыборной кампании – 2023 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №1. С. 68-77.
4. Хенкин С. (2023) Есть ли шансы у каталонского сепаратизма? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/est-li-shansy-u-katalonskogo-separatizma/?sphrase_id=122846887 (дата обращения: 01.12.2023).
5. Хенкин С. (2023) Политическая ничья как очередной вызов испанской демократии. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskaya-nichya-kak-ocherednoy-vyzov-ispanskoy-demokratii/?sphrase_id=122846887 (дата обращения: 01.12.2023).
6. Шпак М. (2023) Год выборов в Испании: новый (ультра)правый поворот? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/god-vyborov-v-ispanii-novyy-ultra-pravyy-povorot/> (дата обращения: 01.12.2023).
7. Шпак М. (2023) Из отпуска – на выборы: испанцы голосуют за новый состав Генеральных кортесов. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/columns/europeanpolicy/iz-otpuska-na-vybory-ispaniya-vybiraet-parlament/](#) (дата обращения: 01.12.2023).

8. EIB Group Activities in EU Cohesion Regions 2022. European Investment Bank. Available at: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20230031_eu_cohesion_regions_2022_en.pdf (accessed 13.12.2023).

9. 4 claves de cómo logró Pedro Sánchez su tercer mandato como presidente del gobierno de España (y la alta tensión con la que empieza). BBC News Mundo. 16.11.2023. Modo de acceso: <https://www.bbc.com/mundo/articles/cgep52vpv5xo> (fecha de referencia: 05.12.2023).

10. Pedro Sánchez, presidente del Gobierno por tercera vez con más votos y escaños que en las anteriores investiduras. El País. 16.11.2023. Modo de acceso: <https://elpais.com/espana/2023-11-16/pedro-sanchez-presidente-del-gobierno-por-tercera-vez-con-mas-votos-y-escaños-que-en-las-anteriores-investiduras.html> (fecha de referencia: 05.12.2023).

11. Quién ha ganado las elecciones 2023: Mapa de resultados. El Mundo. 29.05.2023. Modo de acceso: <https://www.elmundo.es/elecciones/2023/05/29/6473cd0efdddffdb4b8b4570.html> (fecha de referencia: 22.11.2023).

12. Resultado y escrutinio de las elecciones 2023. El Mundo. 24.07.2023. Modo de acceso: <https://www.elmundo.es/elecciones/elecciones-generales/2023/07/23/64bd56a1fdddff78a98b45e4.html> (fecha de referencia: 22.11.2023).

Об авторах: КОРОТКОВА Полина Дмитриевна – студентка Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: dim.corotckov2010@gmail.com.

About the authors: KOROTKOVA Polina Dmitrievna – an undergraduate student of National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, e-mail: dim.corotckov2010@gmail.com.

ЧЛЕНСТВО В ЕС ДЕ-ФАКТО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Менчиков Д.Ю.

МГИМО МИД России, Москва

Подворко М.С.

Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Одинцово

DE-FACTO MEMBERSHIP IN THE EUROPEAN UNION:

PERSPECTIVES FOR DEVELOPMENT

D.Yu. Menchikov

MGIMO University, Moscow

M.S. Podvorko

MGIMO University-Odintsovo, Odintsovo

Аннотация: В настоящее время набирающим популярность форматом отношений с Европейским Союзом является так называемое «членство де-факто». При этом существует ряд критериев его определения. Таковыми являются выравнивание внешней политики страны с общим внешнеполитическим курсом Европейского Союза, тенденция к передаче национального суверенитета на уровень ЕС, принцип важности формального членства (*membership matters*) (проявляется в более жёсткой позиции Европейского Союза по отношению к третьим странам в сравнении со странами-членами), высокий уровень внедрения права Евросоюза (*acquis communautaire*) в местное законодательство, высокий уровень экономического взаимодействия с Европейским Союзом, высокий уровень интеграции технических и иных стандартов, интеграция в энергетической сфере, социально-культурная интеграция, фактор принадлежности к европейской идентичности. Однако в силу ряда ограничений для государств, включая ограничение суверенитета, данный формат сотрудничества может натолкнуться на ряд препятствий в своём дальнейшем развитии. Научная новизна заключается в концептуализации членства в ЕС де-факто, а также в изучении перспектив его дальнейшего развития на текущем этапе европейской интеграции, начиная с правления Комиссии фон дер Ляйен в 2019 году. Теоретической базой исследования является теория либерального институционализма. Выбранными методами являются сравнительный анализ и синтез.

Abstract. At the current stage, a new format of cooperation with the EU, the so-called “de-facto membership” is gaining popularity. There are some criteria defining it. These are: alignment of the country’s foreign policy with the general foreign policy course of the European Union; tendency of devolving the national sovereignty to the EU level; the principle of importance of the formal membership (membership matters) (it can be observed through a hasher position of the European Union toward third states compared to the member-states); high level of incorporation of the EU law (*acquis communautaire*) into the national legislation; high level of the economic cooperation with the EU; high level of integrating technical and other standards; integration in the sphere of energy; sense of social and cultural unity, belonging to the European identity. Nevertheless, due to a number of limitations for the countries, in particular, the limitation of sovereignty, this format of cooperation might encounter several hindrances in its development. The scientific novelty consists in conceptualizing de-facto membership in the EU and studying of its perspectives at the current stage of the European integration, in particular, starting from the Von der Leyen Commission since 2019. The chosen methods are comparative analysis and synthesis. The research has been done through the lens of liberal institutionalism theory.

Ключевые слова: Европейский Союз, европейская интеграция, членство де-факто, выравнивание внешней политики, *acquis communautaire*.

Keywords: the European Union, European integration, de-facto membership, alignment of foreign policy, *acquis communautaire*.

Интеграционные процессы – один из важнейших трендов в мировой политике. Сближение государств в тех или иных сферах можно наблюдать повсеместно, будь то Европа (ЕС, ЕЭП и др.), Юго-Восточная Азия (АСЕАН) или Южная Америка (МЕРКОСУР). При этом необходимо признать, что на текущий момент в мире сложилась система некой привилегированности в интеграционных процессах. Для вступления в интеграционные объединения необходимо соответствие установленным критериям. С другой стороны, наряду с членством де-юре можно выделить и так называемое «членство де-факто», когда формально государство не является членом интеграционного объединения, однако фактически участвует во многих его проектах. Текущие события на Украине показывают, как то или иное государство может быть объектом внешней политики интеграционных объединений, не будучи их

полноценным членом и как интеграционные объединения могут существенно влиять на проводимую государством политику, равно как и на ситуацию в регионе. В зависимости от рассматриваемого региона, варьируются также формы сотрудничества государств в рамках интеграционных объединений. Так, в Европейском Союзе важным является фактор наднационального управления, передачи ряда полномочий странами-участницами Еврокомиссии и Евросовету, в то время как в рамках АСЕАН установился гораздо более свободный формат взаимодействия государств, что отображает их подчеркнуто критическое отношение к формату передачи национальной суверенности после длительной эпохи её ограничения. В данной статье мы рассмотрим так называемое «членство в ЕС де-факто», изучим некоторые его особенности.

Предлагаем ознакомиться с критериями его определения и оценки уровня интенсивности сотрудничества в рамках данного формата.

Что касается политической сферы, одним из ключевых аспектов является выравнивание внешней политики страны в соответствии с внешнеполитическим курсом ЕС. Это же является и одним из критериев оценки к членству в интеграционном объединении. В качестве примера можно привести Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, имевшее в этом отношении юридически закреплённое обязательство. Согласно статье 129 Соглашения о выходе из Европейского Союза, Великобритания обязалась придерживаться общей внешнеполитической линии, проводимой Евросоюзом до конца переходного периода (31 декабря 2020 года). Следует отметить и то, что во внешнеполитическом курсе обеих сторон Соглашения в целом имеется достаточно много общих моментов, включая сотрудничество с Соединёнными Штатами Америки, санкционную политику. Санкционной политике ЕС следуют большинство стран-кандидатов, за исключением Сербии и Турции. Позиция последних вызывает критику со стороны руководства Евросоюза. Помимо этого, следует отметить и частичную передачу суверенитета на уровень Евросоюза, при этом на

наднациональный уровень может передаваться преимущественно суверенитет политический (органов государственной власти), в то время как народный суверенитет может оставаться на национальном уровне. В данном случае речь может идти об участии в программах ЕС под руководством институтов Евросоюза, или же получении и выполнении рекомендаций от Европейского Союза. С другой стороны, в случае, например, с Швейцарией, при активном её участии в европейских программах страна преимущественно сохраняет национальный суверенитет [6]. Наконец, важно обозначить общий для всех стран подход со стороны Европейского Союза, который можно сформулировать как важность членства в ЕС, «membership matters», когда страны-члены ЕС имеют большие преимущества в сравнении с теми государствами, кто формально не состоит в интеграционном объединении [5]. Примером может послужить вышеупомянутая Великобритания. Будучи членом Евросоюза, государство пользовалось достаточно обширными привилегиями, руководство ЕС шло на уступки правительству Дэвида Кэмерона в ходе переговоров. После же проведения референдума о членстве и положительного его результата ситуация достаточно резко изменилась не в пользу британской стороны [2].

Важным моментом является интеграция в правовой сфере. Особенностью членства де-факто является существенное интегрирование правовых норм Европейского Союза (*acquis communautaire*), а также технических и иных стандартов в национальное законодательство. Данный аспект зафиксирован в Копенгагенских критериях для вступления в Евросоюз 2003 года, а также является объектом тщательного мониторинга со стороны Еврокомиссии.

Говоря о торгово-экономической сфере, следует отметить высокий уровень торгового сотрудничества, включая соглашения об экономической ассоциации, а также интеграцию технических и санитарных стандартов ЕС. В первую очередь это предполагает активное участие в Европейском Едином рынке, а также секторальное сотрудничество на основе двусторонних

соглашений [1]. Важен также высокий уровень интегрированности в финансовой и банковской сферах [4].

Отдельно следует отметить энергетический аспект как разновидность экономического сотрудничества. Данный элемент членства де-факто предполагает расширенное участие в европейском энергетическом рынке, включая ценовую политику, высокий уровень интеграции энергетических технических стандартов Евросоюза на национальном уровне.

Наконец, культурно-идеологический компонент включает в себя принятие европейских ценностей, положительное в своём большинстве отношение населения к членству в Евросоюзе и ЕС в целом, осознание принадлежности к европейской идентичности.

Формат членства де-факто представляется достаточно удобным, так как в данном случае сокращается объём бюрократических и процессуальных сложностей, сотрудничество можно осуществлять на выборочной основе. Однако в силу ряда ограничений для государств, включая ограничение суверенитета, данный формат сотрудничества может натолкнуться на ряд препятствий в своём дальнейшем развитии. По причине необходимости делегирования политического суверенитета на уровень ЕС правительства стран-членов де-факто могут в конечном итоге неохотно пойти на подобный формат сотрудничества, уклоняясь от более глубокой интеграции, в частности, в тех сферах, где требуется существенная передача суверенитета. Кроме того, негативные последствия, издержки евроинтеграции, включая высокий уровень конкуренции на европейском рынке, что может пагубным образом сказаться на тех акторах, которые к данной конкуренции не готовы, могут привести к росту отрицательного восприятия евроинтеграции, членства в ЕС де-факто, а также к росту евроскептицизма.

Список использованной литературы:

1. Бабынина Л.О. Говорова Н.В., Тимошенко Е.П. Европейский Союз и Швейцария: разнонаправленные векторы сотрудничества // Современная Европа. 2015. №2. С. 34-47.
2. Кавешников Н.Ю. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ РАЗВОДА. СТАТЬЯ 1. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВОПРОС//Современная Европа, 2018, №5, с. 5–16 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520180516>
3. Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community 2019/C 384 I/01 XT/21054/2019/INIT OJ C 384I, 12.11.2019, p. 1–177 (BG, ES, CS, DA, DE, ET, EL, EN, FR, GA, HR, IT, LV, LT, HU, MT, NL, PL, PT, RO, SK, SL, FI, SV) Date of entry into force unknown (pending notification) or not yet in force., Date of effect: 01/01/1001 ELI: [http://data.europa.eu/eli/treaty/withd_2019\(3\)/oj](http://data.europa.eu/eli/treaty/withd_2019(3)/oj)
4. Burghof, Hans-Peter and Gehrung, Marcel, One Market to Rule Them All - How Financial Integration Influenced Inequality in the European Union (December 9, 2020). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3377180> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3377180>
5. Jannike Wachowiak & Fabian Zuleeg (2022) Brexit and the Trade and Cooperation Agreement: Implications for Internal and External EU Differentiation, *The International Spectator*, 57:1, 142-159, DOI: 10.1080/03932729.2022.2030604
6. Schwok R. Switzerland – European Union. An impossible membership?/Publisher-Peter Lang.-2009.- ISBN 978-90-5201-576-7.

Об авторах: МЕНЧИКОВ Даниил Юрьевич – соискатель кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) Факультета международных отношений МГИМО МИД России, e-mail: dmenchikov@bk.ru
ПОДВОРКО Мария Сергеевна – студентка Международно-правового факультета Одинцовского филиала МГИМО МИД России

About the authors: MENCHIKOV Daniil Yuryevich – Postgraduate Student, MGIMO University, e-mail: dmenchikov@bk.ru

PODVORKO Mariya Sergeevna is a student at the Faculty of International law, MGIMO-Odintsovo

**УПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫМИ МИГРАЦИОННЫМИ
ПРОЦЕССАМИ В ЕВРОСОЮЗЕ (ОПЫТ АВСТРИИ)**

Надеждин А.Е.

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва

MANAGEMENT OF MIGRATION (AUSTRIA'S CASE)

A.E. Nadezhdin

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Аннотация: Основной исследовательский фокус публикации направлен на Австрию, которая вследствие различных факторов сталкивается с современными миграционными процессами, обладая историческим опытом формирования многонационального общества, выработки механизмов интеграции и допуска на внутренний рынок труда иностранцев. В условиях нарастания внешнего миграционного давления на страны Евросоюза, в особенности, на фоне кризисных событий 2015 г. и 2022 г. Вена изучает варианты усовершенствования механизмов управления миграцией, в особенности в отношении приема беженцев из кризисных регионов. Австрийские подходы по пресечению нелегальной миграции зачастую осложняют взаимодействие с официальным Брюсселем. Для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности Австрия использует жесткие инструменты (патрулирование границ, принудительная депортация), а также активно взаимодействует посредством двусторонних контактов, как с сопредельными государствами, так и третьими странами для пресечения неупорядоченных перемещений людей. Новым вызовом является украинский кризис, который сопряжен с появлением нового миграционного потока, требующего в рамках реализации курса «европейской солидарности» оперативного решения вопросов размещения, финансирования и интеграции в общество выходцев из Украины.

Abstract. the main research focus of the publication is aimed at Austria, which, due to various factors, is confronting with modern migration processes, having historical experience in forming a multinational society, developing mechanisms for integration and admission to the domestic labor market of foreigners. In the context of increasing external migration pressure on the EU countries, especially against the background of the crisis events of 2015 and 2022. Vienna is exploring options for

improving migration management mechanisms, especially with regard to the reception of refugees from crisis regions. Austrian approaches to curbing illegal migration often complicate cooperation with official Brussels. To protect national interests and ensure security, Austria uses strict tools (border patrols, forced deportation), and also actively interacts through bilateral contacts with both neighboring States and third countries to curb irregular movements of people. A new challenge is the Ukrainian crisis, which is associated with the emergence of a new migration flow, which requires, as part of the implementation of the European solidarity course, prompt solutions to the issues of accommodation, financing and integration into society of immigrants from Ukraine.

Ключевые слова: миграционные процессы, Австрия, украинский кризис, социально-экономические проблемы, криминализация, принимающий социум.

Key words: migration processes, Austria, Ukraine crisis, social-economic problems, criminalization, host society.

Введение. Страны Западной Европы продолжают сталкиваться с серьезным усилением внешнего миграционного давления, связанного с разрастанием масштабов нелегальных трансграничных перемещений и прибытием иностранных граждан, которые хотели бы получить убежище. Основные направления следования нелегалов проходят через Атлантический океан – из Марокко, Сенегала на Канарские острова и далее на континентальную Европу, центрально-средиземноморский – из Туниса и Ливии на Мальту и Сицилию, а также западно-балканский маршруты. По данным Агентства по безопасности внешних границ «Фронтекс», за 11 месяцев 2023 г. зафиксировано более 331 тыс. попыток незаконного пересечения границ Европейского союза, что является максимальным показателем с 2015 г. Наряду с «классическими» миграционными донорами на Ближнем Востоке, Центральной Азии и Африке появился новый маршрут следования потенциальных беженцев с территории Украины[4]. В условиях столкновения двух различных по качественно-количественным показателям потоков европейские страны вынуждены актуализировать механизмы приема, распределения, финансирования и интеграции прибывших.

Эмпирической базой публикации стали статданные государственных органов Евросоюза и Австрии, нормативные акты, оригинальные материалы иноязычных СМИ, которые способствовали более точному исследованию трендов и особенностей миграционных процессов на текущем этапе. Сравнительно-исторический и ретроспективный методы применялись для анализа специфики миграционных процессов и определения основных этапов формирования государственной политики в данной сфере. Причинно-следственный анализ позволил определить качественно-количественные характеристики миграционных процессов в Австрии.

Актуальная миграционная ситуация в Австрии

Несмотря на традиционно жесткие подходы к регулированию миграции и обеспечению национальной безопасности, с миграционными процессами высокой интенсивности и структурной неоднородности сталкивается Австрия. Страна остается привлекательной для иностранцев в силу комплекса причин, таких как высокий уровень жизни, развитая система социальных гарантий, разноплановые возможности для трудоустройства, устоявшиеся позиции национальных диаспор. По данным статистики, численность населения Австрии увеличивается за счет внешних миграционных процессов и на текущий момент составляет 9,1 млн. чел[5]. Спустя 100 лет, в 2023 г. население Вены вновь достигла 2 млн. чел. Наблюдается прирост количества выходцев из т.н. семей с миграционным фоном в обществе (в 2021 г. они составляли 2,24 млн. или 25,4%). Самым многонациональным городом страны является Вена. Порядка 50% ее жителей либо не имеют австрийского гражданства, либо родились за пределами страны или их отец и мать родились за рубежом. Что касается других регионов, то высокая концентрация мигрантов (в среднем 15-20%) также наблюдается в федеральных землях Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия.

Европейский миграционный кризис 2015 г. оказал сильное воздействие на Австрию, которая являлась одной из ключевых транзитных стран на западно-балканском маршруте следования мигрантов в страны Западной

Европы. В стране было подано 88 тыс. обращений на получение статуса беженца (в 2014 г. – 28 тыс. подобных ходатайств) [3]. Вместе с тем позиция австрийского руководства не совпадала с концепцией канцлера ФРГ А.Меркель – «открытых дверей» и «культуры приветствия», а подразумевала ужесточение миграционного законодательства для минимизации рисков, связанных с несанкционированными трансграничными перемещениями людей. Так, осенью 2015 г. в одностороннем порядке официальная Вена, несмотря на обвинения в нарушении принципов Шенгенского соглашения, приняла решение возобновить процедуру пограничного контроля с сопредельными государствами. Парламент страны одобрил закон, позволяющий правительству вводить режим ЧП в случае обострения ситуации с беженцами[1]. Принят нормативно-правовой акт, который формирует правовую основу интеграции лиц, подавших ходатайство на получение статуса беженца. В соответствии с его основными положениями, подобный контингент обязан подписывать т.н. согласие на участие в проводимой государством «интеграции», подразумевающей регулярное посещение специальных курсов по изучению традиций страны пребывания и немецкого языка. Отказ несет для беженцев правовые издержки, в т.ч. сокращение финансовой поддержки. Ускорен процесс выработки механизмов трудоустройства квалифицированной рабочей силы из третьих стран и адаптации прибывших иностранцев в рамках т.н. модели «интеграция до иммиграции». В дальнейшем указанная концепция стала основой национального плана действий по интеграции, в котором впервые обозначены цели и задачи, приоритетные направления политики в сфере регулирования миграционных процессов, направленные как на создание «окна возможностей» для прибывших и инструментов для минимизации дискриминационных практик, противодействия ксенофобии, так и закрепление обязанностей мигрантов перед принимающим обществом [10].

По аналогии с другими странами Евросоюза Австрия сталкивается с проблемами, спровоцированными неупорядоченными трансграничными

перемещениями людей. Одним из серьезных вызовов для внутренней безопасности является криминальная «активность» иностранцев. По данным МВД Австрии, в 2022 г. в качестве подозреваемых в совершении различных деликтов проходили 128 тыс. 594 иностранцев[8]. Среди правонарушителей преобладали выходцы из Румынии, Германии, Сербии, Турции, Венгрии и Сирии. Основные правонарушения – кражи, нанесение телесных повреждений, незаконное приобретение, хранение и продажа наркотических веществ. Другая проблема связана с недостаточным уровнем сред и интеграцией мигрантов в принимающий социум. Вызовом является прибытие в страну большого количества малообразованных и зачастую неграмотных людей. В частности, среди зарегистрированных в 2022 г. беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки только 30% умеют читать и писать по причине трудностей с получением образования в странах исхода (в 2019 г. – 49%) [2]. Школьники, которые являются выходцами из семей с миграционным фоном и прибыли в страну недавно, демонстрируют низкую успеваемость и нередко бросают учебное заведение. В подобной ситуации лимитированы возможности иностранцев завершить обучение на интеграционных курсах, выйти на рынок труда, что способствует формированию предпосылок для увеличения численности граждан, получающих социальное пособие.

Австрия и международные миграционные процессы

В 2022-2023 гг. Австрия, вновь находясь в эпицентре транзитного миграционного потока с Балканского полуострова, стремится пресечь неупорядоченные трансграничные перемещения людей и обеспечить внутреннюю безопасность посредством «жестких» инструментов (в первую очередь, усиленное патрулирование всей государственной границы, использование инструмента принудительной депортации). В общеевропейском измерении Вена является сторонником жестких мер в вопросе управления миграционными процессами, что подразумевает принцип квотирования мигрантов и наделение стран первого въезда всей полнотой ответственности за контроль над качественно-количественными показателями

потока, реализацию комплекса мер по рассмотрению ходатайств о получении статуса беженца и принятию соответствующих решения, включая проведение процедуры принудительной депортации. В основополагающих вопросах в сфере миграции Австрия стремится отстаивать собственные интересы, зачастую сталкиваясь с критическими замечаниями со стороны Брюсселя. Функционирует диалоговый формат глав Австрии, Венгрии и Сербии для обсуждения проблематики противодействия нелегальной миграции. В рамках двусторонних контактов с другими государствами ЕС миграционной тематике уделяется серьезное внимание. Интенсивно развиваются контакты с Германией и Швейцарией. В сфере взаимодействия с третьими странами интерес представляет сотрудничество Австрии с Индией (в начале 2023 г. было подписано соглашение о миграции и мобильности, направленное на пресечение неупорядоченных трансграничных перемещений людей и стимулирование легального притока квалифицированных специалистов), Египтом, Ираком и Сомали. В рамках развития всего комплекса двустороннего диалога с Великобританией новым треком стало сотрудничество в сфере миграции. Австрия заинтересована в изучении недавно запущенного формата кооперации Великобритании и Руанды, который подразумевает высылку лиц, нелегально прибывших на остров, для ожидания решения по поданному ходатайству о получении статуса беженца[6].

Наращение миграционного давления наряду с активизацией традиционных маршрутов следования мигрантов из кризисных регионов в западную Европу обусловлено прибытием беженцев из Украины. Несмотря на свой нейтральный статус, Вена придерживается общеевропейской позиции на введение рестрикций в отношении нашей страны и всеобъемлющую поддержку киевского режима. С марта 2022 г. по февраль 2023 г. в стране было зарегистрировано 97 тыс. 047 беженцев (70% – женщины, 30% – мужчины), большинство из которых концентрируется в столичном регионе [9]. В структуре миграционного потока преобладают разделенные семьи, состоящие

из женщин в сопровождении несовершеннолетних и пожилые люди. Предоставление широкого спектра социально-правовых гарантий прибывшим с Украины сопряжено как со значительной финансовой нагрузкой и ограничением возможностей их полноценной интеграции в социум, так и с ростом недовольства коренного населения. Реализация концепции «открытых дверей» применительно к украинцам имеет свои издержки. В частности, имеются трудности с обучением детей в школах ввиду незнания немецкого языка, фиксируются случаи злоупотреблений с получением социальных выплат, а также ограничено желание выходить на местный рынок труда и возвращаться в страну исхода.

Выводы

Таким образом, миграционная проблематика сохраняет свою актуальность, воздействуя на внутривнутриполитические процессы в Евросоюзе. Традиционно привлекательные для внешней миграции развитые в социально-экономическом отношении страны вновь испытывают усиление внешнего давления, в первую очередь, вследствие неупорядоченных трансграничных перемещений высокой интенсивности из кризисных регионов. Одним из таких государств является Австрия, которая обладает богатой «миграционной» историей и выступает точкой притяжения иностранных граждан. В условиях социально-демографических трансформаций и увеличения численности граждан с миграционным фоном и беженцев Вена изучает варианты оптимизации инструментов их интеграции в социум и встраивания в местный труд.

На фоне усиления внешнего миграционного давления и растущих вызовов, связанных с неупорядоченными трансграничными перемещениями людей (в т.ч. криминализация общества, террористическая угроза, дополнительная финансовая нагрузка), Австрия избирательно следует официальному курсу Брюсселя, который подразумевает распределение ответственности, солидарность при приеме, распределении и финансировании прибывших иностранцев. В качестве защитных мер Вена в одностороннем

порядке использует механизмы усиленного пограничного контроля, депортации иностранцев, которым отказано в получении убежища, прорабатывает варианты кооперации с сопредельными государствами и странами, поэтапно корректируя положения национального законодательства в сфере миграции. Новым вызовом вследствие реализации курса «трансатлантической солидарности» по поддержке киевского режима является прием беженцев из Украины, который имеет серьезное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию, общество, финансовую и образовательную систему, местный рынок труда.

Список использованной литературы:

1. Bund erhält mehr Spielraum bei Flüchtlingsunterbringung
https://www.parlament.gv.at/aktuelles/pk/jahr_2015/pk0976
2. Deutliche Warnung: 70% der Asylberechtigten koennen nicht lesen und schreiben
<https://exxpress.at/deutliche-warnung-70-der-asylberechtigten-koennen-nicht-lesen-und-schreiben/>
3. Flüchtlingsmigration im Spiegel der Bevölkerungsstatistik
https://www.statistik.at/stdoku/subdokumente/b_asylstatistik_stat-nachr_04_17.pdf
4. Frontex: 331,600 illegally reached Europe so far in 2023
<https://brusselssignal.eu/2023/11/frontex-331600-migrants-illegally-reached-europe-so-far-in-2023/>
5. Geografie und Bevölkerung
<https://www.migration.gv.at/de/leben-und-arbeiten-in-oesterreich/oesterreich-stellt-sich-vor/geografie-und-bevoelkerung/>
6. Österreich und Großbritannien gemeinsam gegen illegale Migration und Terrorismus
https://www.ots.at/presseaussendung/OTS_20231102_OTSO136/oesterreich-und-grossbritannien-gemeinsam-gegen-illegale-migration-und-terrorismus-bild
7. Österreichische Integrationsgesetz (Integrationserklärung, Integrationsvereinbarung)
<https://www.okay-line.at/Informationen/einreise-aufenthalt-und-staatsbuergerschaft/oesterreichische-integrationsgesetz-integrationserklaerung-integrationsvereinbarung.html>
8. Polizeiliche Kriminalstatistik 2022
https://bundeskriminalamt.at/501/files/2023/PKS_Broschuere_2022.pdf

9. Ukraine-Krieg <https://www.statistik.at/sonderthemen/ukraine-krieg>
10. 50 Punkte – Plan zur Integration von Asylberechtigten und subsidiär
Schutzberechtigten in
Österreich https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Integration/Nationale_Integrationsfoerderung/50_Punkte-Plan.pdf

Об авторах: НАДЕЖДИН Александр Евгеньевич – Министерство иностранных дел Российской Федерации, e-mail: 3039210@mail.ru

About the authors: NADEZH DIN Alexander Evgenievich – Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: 3039210@mail.ru

**НЕМЕЦКИЙ ВКЛАД В ДОСТИЖЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
АВТОНОМИИ ЕС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНФРОНТАЦИИ**

Перчун А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

**THE GERMAN CONTRIBUTION TO THE ACHIEVEMENT OF
STRATEGIC AUTONOMY OF THE EU IN THE CONDITIONS OF
GLOBAL CONFRONTATION.**

A. Perciun

National Research Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny
Novgorod

Аннотация:

Данная работа посвящена концепции стратегической автономии Европейского Союза — ключевом компоненте его современной политической стратегии. Новый миропорядок способствует формированию новых центров силы. Особый фокус на анализе уделяется воздействию Германии на формирование новой концепции безопасности ЕС и ее влиянию на будущее развитие стратегической автономии ЕС от НАТО. Эффективная реализация этой концепции значительно усилит влияние и повысит уровень безопасности ЕС в глобальной политике. В рамках данной работы будет проводиться комплексный анализ кооперации европейских стран, а также роль Германии в проектах оборонной политики ЕС, с целью определения роли Германии в улучшении и достижения стратегической автономии ЕС. Как будет видно из работы ФРГ стремится уделять внимание концепту “соседства”, нежели развитию военно-промышленного комплекса, следовательно роль Германии в таких проектах как PESCO, SCAF значительна, но не соответствует требованиям данных проектов, однако роль Германии в расширении политического влияния ЕС отражена в пересмотре внешней политики как ФРГ, так и ЕС. В эпоху конфронтации ЕС стремится стать автономным геополитическим центром силы и акцент делается именно на политических инструментах, нежели на военно-промышленных.

Abstract. This work is devoted to the concept of strategic autonomy of the European Union - a key component of its modern political strategy. The new world order

contributes to the formation of new centers of power. Particular focus of the analysis is on Germany's impact on the formation of the new EU security concept and its impact on the future development of the EU's strategic autonomy from NATO. The effective implementation of this concept will significantly increase the influence and security of the EU in global politics. As part of this work, a comprehensive analysis of a number of cooperation practices of European countries will be carried out, as well as the role of Germany in EU defense policy projects, in order to determine Germany's role in improving and achieving the strategic autonomy of the EU. As will be seen from the work, Germany strives to pay attention to the concept of “good neighborliness” rather than to the development of the military-industrial complex, therefore the role of Germany in projects such as PESCO, SCAF is significant, but does not meet the requirements of these projects, however, the role of Germany in expanding the political influence of the EU is reflected in revision of the foreign policy of both Germany and the EU. In an era of confrontation, the EU strives to become an autonomous geopolitical center of power and the emphasis is on political instruments rather than military-industrial ones.

Ключевые слова: стратегическая автономия, ЕС, PESCO, оборонная политика, военная интеграция, Германия.

Keywords: strategic autonomy, EU, PESCO, defense policy, military integration, Germany.

Введение

Образование Европейского Союза стало одним из самых значимых событий для европейского континента и положило начало новой, современной эпохи Европы, переживавшей тогда кризис идентичности. В эпоху турбулентности мировой политики, разрушения старых акторов и появления новых, формирование единого центра силы в Европе оставалось вопросом времени, особенно беря в расчет интеграционные тенденции более радикально настроенных политических элит Европы. Несмотря на современный подход ЕС к обращению за помощью к структурам НАТО и США, Европа стремится добиться усиления своего военного потенциала не только для ускоренной поддержки Украины, но также и для усиления своих позиций в мире. В 20-е года XXI-го века ЕС распространяет свое влияние на Африканский континент, стараясь занять важнейшие источники ресурсов, в том числе уран.

Гипотезой данной работы является следующее утверждение - ФРГ стремительно интегрируется в военные проекты для военной интеграции ЕС и делала она это на протяжении практически всего периода существования данных проектов. Отсюда следует, что анализ следует начинать с 2017 г., когда был запущен совместный проект СКАФ между Францией и ФРГ. Анализ должен проводиться в рамках методологии системного подхода и, следовательно, рассматриваться будет не только военный аспект, но и политическая кооперация. Столь многозначный термин обладал изначально военной направленностью и был призван обозначить рамки военной интеграции европейских стран, с целью обеспечения безопасности ЕС и формирования условий для независимой силовой внешней политики.

Стратегическая автономия ЕС: определение.

Стратегическая автономия ЕС не является современным термином, как уже было упомянуто, однако первое его использование датируется 2013 годом, когда данный термин был впервые упомянут Советом ЕС. В дальнейшем стратегическая автономия ЕС получила определение, которое заключалось в - способности Европейского Союза действовать области безопасности и обороны вместе с партнерами, когда это возможно, и в одиночку, когда это необходимо. [10, 4] Неудивительным будет тот факт, что данное определение оказалось слишком расплывчатым, ибо не обладало явными объяснением целей и задач, которые ЕС будет реализовывать, обладая так называемой “стратегической автономией”.

В докладе Немецкого института международных отношений и безопасности стратегическая автономия определялась как способность ЕС устанавливать приоритеты и принимать решения в сфере внешней политики и безопасности, имея на то институциональные, материальные и политические основания, а также претворять решения в жизнь при помощи третьих стран или единолично [3, 132-140]. Таким образом, сравнивая два определения можно увидеть не только эволюционный подход к стратегической автономии, но также и серьезную разницу в подходах. Второй подход свойственен

немцам, когда речь заходит о стратегической автономии и новой роли ЕС в системе международных отношений и данная сторона стратегической автономии еще не раз будет подтверждаться немецкими политиками и также практическим подходом Германии к сотрудничеству с другими странами-членами ЕС. К тому же, позиция Германии значительно отличается и во внешнеполитическом направлении и нередко расходится с позицией США, хоть и на современном этапе, в условиях глобальной конфронтации НАТО и РФ сложно заметить особенности внешней политики Германии.

Международные проекты ЕС.

Самой продвинутой формой кооперации стран ЕС по наращиванию и интеграции оборонного потенциала, затрагивающей большинство аспектов ведения боевых действий, является проект PESCO. Отличительной особенностью данного проекта является его европейская направленность. В итоговом рабочем документе PESCO указывается на необходимость укрепить военно-промышленный комплекс и оборонный потенциал Европейского Союза без опоры на США. Данное распределение напоминает армейскую структуру со специализацией каждой страны на определенном аспекте ведения боевых действий. Проект PESCO стал совместной инициативой Франции и Германии, запущенный 13 ноября 2017.

ФРГ считала, что вместо формирования наступательной группы сильных государств, иначе говоря, централизацией проекта в руках стран-лидеров ЕС, проект должен был быть децентрализован для участия всех стран Европейского Союза. В конце концов, Париж был вынужден согласиться с немецкой стороной. В противном случае, Франция не смогла курировать весь проект в одиночку. [5, 33-47]

Однако лидером по количеству проектов остается Франция. Из 47 направлений PESCO Франция участвует в 31 проектов, 7 из которых нацелены на разработку летального оружия, а ФРГ участвует только в 18 проектах, 4 из которых являются проектами летального вооружения.

Проект	Франция	Германия	Испания	Италия
Подводный противоминный дрон (MAS MCM)	Нет	Нет	Нет	Нет
Европейская бронемашин	Нет	Нет	Нет	Да
Мобильная артиллерийская платформа дальнего действия (“евроартиллерия”)	Нет	Нет	Нет	Да
Разведывательно-ударный БПЛА (“евродрон”)	Да	Да	Да	Да
Подводный модуль быстрого реагирования	Да	Нет	Нет	Нет
Наземные ракетные системы средней дальности	Да	Нет	Нет	Нет
Модернизация ударного вертолета “Тигр	Да	Да	Да	Нет

Космическая система противоракет перехватчиков	а	Д	а	Д	а	Д
Модульный наземный дрон	а	Д	а	Д	а	Д
Итого участие	/9	6	/9	4	/9	4

Таблица 1. Распределение проектов PESCO по лидирующим странам ЕС. Составлено автором.

На основе таблицы, которая затрагивает лишь 9 основных летальных направлений проект PESCO можно увидеть свойственные ФРГ тенденции. Из 9 проектов, ФРГ участвует лишь в 4. Данное распределение проектов говорит о том, что ФРГ не принимает активное участие в проектах PESCO, отдавая предпочтение иному виду кооперации, и предлагая иным государствам ЕС принять на себя полномочия по кураторству проектов PESCO. [8, 7]

	Франция	Испания	Италия	Германия
Франция		61%	52%	32%
Испания	76%		56%	48%
Италия	62%	54%		50%
Германия	67%	80%	87%	

Таблица 2. Процент сотрудничества между государствами-членами PESCO, по количеству двустороннего сотрудничества на государство.

Differentiated Integration Within PESCO – Clusters and Convergence in EU Defence. December 2019.

ФРГ реализует значительное количество своих проектов в партнерстве с другими государствами. С Францией немецкая сторона занимается реализацией 67% проектов, с Испанией около 80%, а с Италией данное значение составляет абсолютный максимум и достигает 87%. Однако с Германией многие страны не заинтересованы в кооперации по вопросам проектов в рамках PESCO. Так, Франция, Испания, Италия реализуют сильно меньше проектов с Германией, 32%, 48% и 50% соответственно. [8, 14]

Таким образом, можно прийти к выводу, что кооперация в рамках проекта PESCO остается приоритетным направлением немецкой политики и является одним из методов достижения стратегической автономии. Однако, как видно из распределения проектов, ФРГ не показывает заинтересованность в данном проекте.

Двусторонний уровень военного сотрудничества.

Переходя на межгосударственный уровень, стоит отметить стремления Федеративной Республики Германия совместить потенциалы соседних стран для усиления военной интеграции в рамках Европейского Союза. Любопытно то, что данный аспект развития стратегической автономии является сугубо двусторонним.

ФРГ уже обладает опытом частичной интеграции сухопутных сил и формирования интернациональных военных подразделений. Данный процесс включает в себя создание условий для совместных закупок вооружения, унификация нормативных актов в военной сфере, а также стандартизацию вооружения. В немецкий бундесвер частично интегрированы межгосударственные формирования других государств: существует немецко-французская бригада, 1-й немецко-голландский армейский корпус и объединенная 43-я механизированная бригада Нидерландов с 1-м танковым дивизионом ФРГ. [2]

Данные межгосударственные инициативы способствуют интенсификации эффективного взаимодействия вооруженных сил обеих стран

при проведении совместных военных операций. Для дивизий создан единой штаб, но голландские бригады, например, остаются в прямом подчинении Министерству обороны Нидерландов. [2]

Схожий тренд на унификацию присутствует и сферах разработки нового вооружения. ФРГ также активно стремится унифицировать военно-промышленный комплексы Европы, чтобы избежать излишнего разнообразия в производстве вооружения и военной техники.

Кооперация по расширению стратегической автономии ЕС проявляется также и в рамках проектов разработки вооружения. Так можно выделить проект боевого самолета СКАФ (FCAS). [6] Изначально перспективный проект истребителя ЕС, способного конкурировать с американским F-35 и российским Су-57, оказался довольно значимой совместной разработкой Франции и ФРГ. [12] [13] Однако в данный момент проект сталкивается с трудностями. Между ФРГ и Францией существует конфликт по вопросам массового производства самолетов проекта СКАФ, привлечения третьих стран в проект, а также существуют разногласия из-за лидерства в проекте. ФРГ стремится сделать проект инклюзивным, включив в него другие страны. [4]

Второй проект связан с разработкой основного боевого танка ЕС. Проект ОБТ, инициированный в 2012 г, должен был стать унифицированным танком ЕС, обладавшим разными подвидами, например, беспилотный танк, способный вести операции в сложных условиях среды. Вновь между Парижем и ФРГ возникли разногласия ввиду разного подхода к анализу угроз, обороне и доктрине применения оружия. Однако сейчас пока рано говорить о явных проблемах в данном проекте. Первый прототип должен быть создан к 2035 г., поэтому проект все еще находится в стадии планирования и разработки.

Стратегическая геополитическая автономия.

Стоит обратить внимание и на геополитический аспект развития стратегической автономии. В 2021 г. Европейской комиссией были определены приоритетные направления внешней политики ЕС. Одним из инициаторов и источником нового видения стратегической автономии ЕС

является ФРГ. Восстановление экономики после пандемии остается приоритетным направлением политики ЕС и Германии, и благодаря данной политике все страны ЕС смогут эффективно противостоять недобросовестной торговой практике недружественных стран. [8] Таким образом, в рамках ЕС помимо идеи военной интеграции, которая была встречена с относительно малым энтузиазмом, начали продвигать концепцию соседства. Следуя из данной концепции, странам ЕС стоит обратить внимание на сотрудничество с другими регионами. На сегодняшний день приоритетными направлениями являются:

- Сотрудничество со странами Персидского залива и Ираном.
- Интенсификация сотрудничества в сфере цифровых технологий со странами Латинской Америки.
- Разумная конкуренция и сотрудничество с КНР.

Последнее направление особенно любопытно, ибо оно отражает понимание лидеров ФРГ центральной роли Китая в системе международных отношений. Германия стремится наладить конструктивный диалог с КНР. Так в 2022 канцлер ФРГ Олаф Шольц направился с официальным визитом в КНР, где встретился с Си Цзиньпином.

Импорт и Экспорт в млрд. долл. США

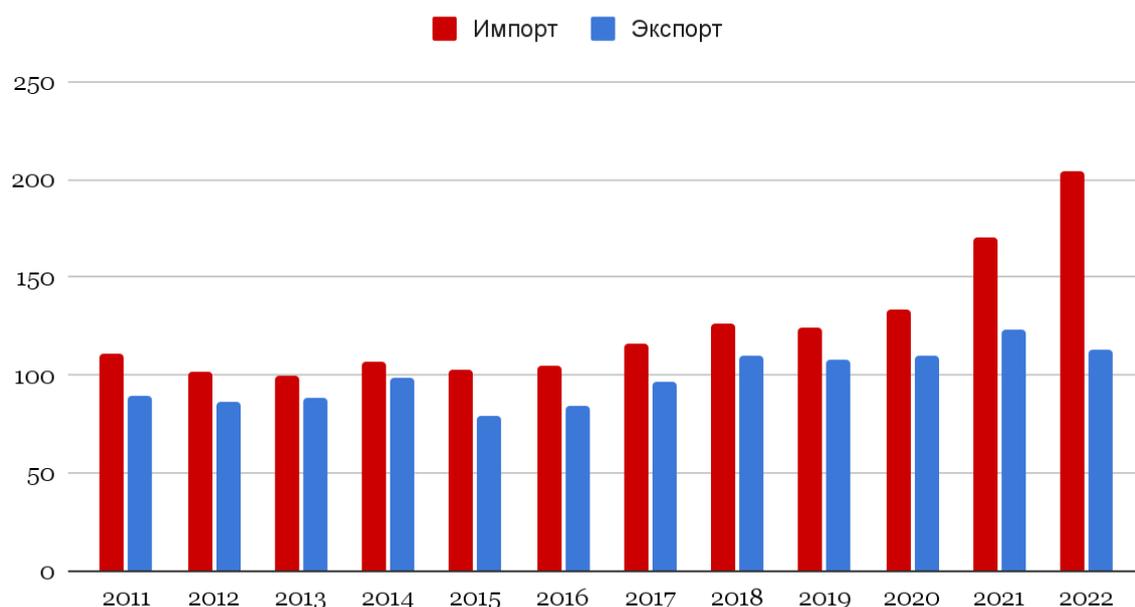

Таблица 3. Годовая статистика международной торговли товарами.
https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=TOTAL&reporter=Germany&trade_flow=Export,Import&partner=China&indicator=TV,YoY&time_period=2011,2012,2013,2014,2015,2016,2017,2018,2019,2020,2021,2022

Взаимное стремление обеих стран выстроить экономическое партнерство прослеживается также и в взаимной торговле между КНР и ФРГ. Однако, стоит отметить значительное стремление ФРГ покупать все больше товаров из Китая. Так с 2011 импорт из КНР вырос с 112 млрд долл. до 204 млрд долл США, что стало абсолютным рекордом в истории сотрудничества КНР и ФРГ. Данным скачком в импорте можно и объяснить приезд Шольца в КНР, однако здесь больше отображается стремление ФРГ сбалансировать влияние США в Европе, посредством сотрудничества с Китаем. Данному сотрудничеству практически ничего не мешает. Однако, хоть и ФРГ де-юре не признает Тайвань, де-факто Тайвань и ФРГ поддерживают также дружественные отношения, что является помехой для сотрудничества КНР и ФРГ.

Таким образом, политическая направленность стратегической автономии ставит перед собой цель переосмысление геополитического устройства международной системы, с целью балансировки позиции ЕС. Посредством сотрудничества с КНР и одновременно США, ФРГ стремится дать толчок развитию стратегической автономии, формируя тем самым условия взаимозависимости с Западом и Востоком.

Заключение

Таким образом, проведя анализ имеющейся информации относительно вклада ФРГ в стратегическую автономию, можно сделать вывод, что ФРГ не заинтересован в военном аспекте развития концепции. Это означает, что изначальная гипотеза не подтвердилась в результате. Отсюда следует, что ФРГ значительно преуспела именно в политической направленности стратегической автономии, нежели в военной. Однако понятие “стратегическая автономия” не должно быть ограничено лишь военной

сферой. Политический аспект концепции соседства является относительно рабочей альтернативой для ЕС и ФРГ и может стать хорошей заменой военной кооперации. Однако, в рамках ЕС военная кооперация будет продолжаться, несмотря на нежелание многих стран так, как данный процесс диктуется условиями внешних обстоятельств, а именно периодом турбулентности и развитой взаимозависимости, которая все еще воспринимается либеральным Западом как метод недопущения конфликтов.

Список использованной литературы:

1. Арбатова Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? : дис. Мировая экономика и международные отношения наук: М., 2020. - 51-66 с.
2. Германия и Нидерланды подготовили план объединения сухопутных сил // [rbc.ru](https://www.rbc.ru/politics/02/02/2023/63db5b249a79473d00a5b8d0) URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/02/2023/63db5b249a79473d00a5b8d0> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. К вопросу об автономности правопорядка Европейского Союза // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 3 (19). С. 132–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-avtonomnosti-pravoporyadka-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 14.12.2022).
4. Ситников А. Истребитель будущего уткнулся носом в землю. Новый франко-германский самолет может оказаться самым дорогим в мире. // Свободная пресса URL: <https://svpressa.ru/war21/article/215184/> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Тимофеев П.П. Сравнительный анализ приоритетов Франции и ФРГ в развитии PESCO. Анализ и прогноз. // Журнал ИМЭМО РАН. - 2019. - №2. - С. 33-47.
6. Франция и Германия приступили к созданию перспективной боевой авиационной системы FCAS. // URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2019/0208/092850885/detail.shtml> (дата обращения: 10.12.2023).
7. About PESCO. // URL: <https://pesco.europa.eu/> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Blockmans S., Crosson D.M. Differentiated Integration Within PESCO – Clusters and Convergence in EU Defence. // URL: <https://www.ceps.eu/wp->

content/uploads/2019/12/RR2019_04_Differentiated-integration-within-PESCO.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

9. Commission sets course for an open, sustainable and assertive EU trade strategy // URL: www.eeas.europa.eu/delegations/world (дата обращения: 10.12.2023).

10. Council of the European Union, Implementation Plan on Security and Defence (14392/16) // URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14392-2016-INIT/en/pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

11. Morillas P. An Architecture fit for Strategic Autonomy. Policy brief. // URL: https://feps-europe.eu/wp-content/uploads/downloads/publications/211125%20policy%20brief_strategic-autonomy2.pdf. (дата обращения: 10.12.2023).

12. Projet Franco-allemand de construction d'un avion de combat. // RFI URL: <https://www.rfi.fr/fr/europe/20180425-projet-franco-allemand-construction-avion-combat-scaf> (дата обращения: 10.12.2023).

13. 22040, l'odyssée du SCAF – Le système de combat aérien du futur. Sénat. // URL: http://www.senat.fr/rap/r19-642/r19-642_mono.html (дата обращения: 10.12.2023).

Об авторах: ПЕРЧУН Артём – студент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, e-mail: artemperciun@gmail.com

About the authors: PERCIUN Artiom – Student, National Research Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, e-mail: artemperciun@gmail.com

ВОДОРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ЕС: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И СЛОЖНОСТИ НА ПУТИ К УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ

Ручина В.М.

Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный
Университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

HYDROGEN ENERGY IN THE EU: CURRENT STAGE AND DIFFICULTIES ON THE WAY TO CARBON NEUTRALITY

V.M. Ruchina

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod

Аннотация: В статье рассматривается роль водородной энергетики в современной энергетической повестке ЕС. Проводится анализ водородных стратегий стран квалифицированного большинства ЕС с целью выявления их национальных особенностей и потенциала совместной кооперации в рамках водородной повестки. Так же анализируются сложности, связанные с процессом внедрения водородной энергетики и ее транспортировки внутри союза. Делаются выводы относительно перспективности и реалистичности перехода на водородную энергетику для ЕС в ближайшем будущем.

Abstract. The article examines the role of hydrogen energy in the modern energy agenda of the EU. The analysis of the hydrogen strategies of the countries of the qualified majority of the EU is carried out in order to identify their national characteristics and the potential for joint cooperation within the framework of the hydrogen agenda. The difficulties associated with the process of introducing hydrogen energy and its transportation within the union are also analyzed. Conclusions are drawn regarding the prospects and realism of the transition to hydrogen energy for the EU in the near future.

Ключевые слова: ЕС, ВИЭ, водород, углеродная нейтральность, «зеленый водород, «серый» водород, водородная стратегия, декарбонизация.

Keywords: EU, renewable energy, hydrogen, carbon neutrality, "green hydrogen, "gray" hydrogen, hydrogen strategy, decarbonization.

Водород - основа углеродной нейтральности.

Водородная энергетика – сравнительно новая отрасль энергетики, получившая свое развитие в последнее десятилетие. Водород уже

рассматривается в качестве ключевого элемента в борьбе с глобальным потеплением путем сокращения выбросов CO₂. Одним из лидеров в исследовании водорода в качестве альтернативы ископаемому топливу является ЕС. Общесоюзные усилия по развитию водородной энергетики подкрепляются национальными стратегиями стран-членов организации. Таким образом, комплексный анализ места водорода в энергетической повестке ЕС, детальное рассмотрение национальных стратегий стран ЕС, а также оценка препятствий на пути реализации водородных стратегий позволяют сделать выводы относительно реалистичности водородного перехода в ЕС.

8 Июля 2020 года Европейская комиссия опубликовала Водородную Стратегию ЕС [2], Стратегию Интеграции Европейской Энергетической Системы. [6] и Индустриальную стратегию союза. [3] Все данные документы в совокупности являются неотъемлемой частью Европейской «Зеленой сделки». [4] После публикации водородной стратегии ЕС становится очевидным, что ЕС рассматривает водород в качестве ключевого компонента, необходимого для достижения углеродной нейтральности. Стремление союза к сокращению выбросов углекислого газа, а также к переходу на экологически чистую энергетику было установлено давно и планомерно подкреплялось конкретными действиями. К примеру, еще в 2005 году в ЕС была реализована инициатива по установлению квот на выброс CO₂ с возможностью для компаний перепродавать данные квоты, тем самым создавая рыночную цену CO₂. [1] Однако подобные инициативы не способны решить ключевую проблему - потребность в энергоемком топливе, способном удовлетворить не только бытовые нужды стран ЕС, но и обеспечить энергией промышленность. Несмотря на то, что альтернативные источники энергии за последние годы получили крайнюю распространенность в ЕС, возобновляемая энергетика не способна полностью обеспечить энергетическую стабильность стран по нескольким причинам. Во-первых, солнечная и ветряная энергетика не стабильна, так как интенсивность ее выработки зависит от природных

факторов. Во-вторых, установка и обеспечение необходимой инфраструктуры для выработки ВИЭ требует крупных инвестиций, что доступно не всем странам ЕС. [18] В данной ситуации переход на водородную энергетику является выгодной альтернативой для ископаемого топлива, которое все еще играет ключевую роль в промышленности и других важных отраслях.

Водород является одним из самых распространенных химических элементов на нашей планете. Он крайне летуч, так как в 13 раз легче воздуха и почти в 8 раз легче природного газа. Водород крайне химически-активен, каждый его кг содержит примерно в 2,4 раза больше энергии чем 1 кг природного газа. H_2 уже давно используется в промышленном секторе при производстве нефтепродуктов и удобрений, а также в сфере металлургии. При этом, водород может использоваться в качестве энергоносителя не только в газообразном, но и в жидком состоянии, что позволяет говорить о синтезе углеродно-нейтрального топлива на основе водорода для транспортного сектора, авиации и флота. Таким образом, именно водород может стать новой, экологически чистой альтернативой существующим энергоносителям и стать основой «зеленой» энергетики союза. [16]

Водородные стратегии стран квалифицированного большинства ЕС.

После публикации общей Водородной Стратегии ЕС началась разработка и представление водородных стратегий отдельных стран союза. В целом, все водородные стратегии повторяют или же развивают идеи общей водородной стратегии организации, однако существуют и значительные особенности, представляющие интерес. Обозначим, что публикации водородной стратегии предшествовало согласование и утверждение крупнейшей финансовой программы поддержки стран ЕС «NextGenerationEU». Среди приоритетных сфер поддержки фонда числится и поддержка зеленого сектора. Именно эта программа стала финансовой основой для многочисленных проектов по исследованию и водородной энергетике. [11]

При более детальном рассмотрении национальных водородных стратегии стоит начать с водородной стратегии **Испании**, как одной из самых амбициозных. [9] В стратегии обозначается географически-выгодное положение Испании, обеспечивающее стабильную выработку солнечной и ветряной энергетики. Данные обстоятельства позволяют Испании занять место страны-экспортера экологически чистого, зеленого водорода, полученного при помощи ВИЭ. В своей стратегии Испания рассматривает 60 конкретных инициатив по развитию водородной энергетики, условно разделенных на 4 блока: регулирование производства водорода как отдельного сектора энергетики, создание водородной инфраструктуры и цепочки создания стоимости в стране и создание систем постоянного мониторинга водородного производства. Планируется увеличить мощность электролизеров до 4 ГВт к 2030 году, а также заместить 25% производимого промышленностью водорода на «зеленый водород», что позволит значительно сократить выбросы CO₂ от производства «серого» водорода.

Стратегия так же ставит задачу расширить транспортный парк за счет как минимум 150-200 автобусов на водороде, а также произвести от 5000 до 7500 тысяч легковых автомобилей на водородном топливе. Для реализации столь амбициозных целей активно привлекается частный бизнес. К примеру, проект H2Ports предусматривал внедрение первого терминального тягача на водородных топливных элементах в Валенсии к концу 2021 года. Это первый шаг в применении водорода в портах.

Крайне интересно на контрасте с Испанией смотрится водородная стратегия **Германии** [7] и ее обновленное издание 2023 года [5]. Обозначим, что Германия стала одной из самых продвинутых стран в использовании водорода в качестве альтернативного топлива для транспорта. К примеру, первый водородный поезд был запущен в Германии еще в 2017 году [13]. Особое место Германии в водородной «революции» отмечается и в стратегии, где указывается на принятие Германией «глобальной ответственности за сокращение выбросов парниковых газов во всем мире». Особое внимание в

стратегии уделяется созданию конкурентноспособного внутреннего рынка водорода. Отметим так же, что на первое место ставится использование водорода в промышленном и транспортном секторах, а обеспечение отопления при помощи водорода откладываться. Указывается так же на сложность обеспечения водородной энергетикой воздушный и морской транспорт, а также оборонный сектор страны.

В качестве целей ставится установка электролизеров с производственной мощностью до 5 ГВт к 2030 году, что должно покрыть нужды промышленного сектора. Стратегия не отличается своей конкретностью и амбициозностью, а ее основной отличительной чертой, является спонсирование развития водородной энергетике в странах ЕС и за пределами союза и развитие средств доставки и хранения водорода в Германии. Данное обстоятельство было закреплено в обновленной водородной стратегии Германии 2023 года, в которой указывается, что для удовлетворения нужд Германии необходимо импортировать от 50% до 70% водорода. Следовательно, Германия позиционирует себя как главного импортера водорода и основного спонсора водородных проектов в союзе.

Французская водородная стратегия, в отличии от двух предыдущих отличается своей консервативностью.[15] В качестве приоритетов стратегия указывает декарбонизацию промышленности, развитие водородной инфраструктуры и поддержку инновационных разработок в данной сфере. В основном стратегия фокусируется на декарбонизации существующих способов добычи водорода в промышленном секторе, отводя транспортному сектору лишь второе место. Ожидается рост ежегодного производства зеленого водорода до 40 ГВтч к 2050 году, что превышает потребление водорода в стране. При этом водород производится исключительно внутри страны на промышленных предприятиях. В стратегии упоминается производство «зеленого» водорода, а также перспективы производства водорода при помощи технологий улавливания CO₂ на атомных электростанциях и ископаемых ресурсов, что вполне характерно для

энергетической системы страны. К 2028 году планируется установить электролизеры общей мощностью до 6,5 ГВт.

Особое место в развитии водородной энергетики союза занимает **Италия**. [10] Итальянский потенциал в сфере водородной энергетики обусловлен как минимум двумя факторами: 1) высокая доступность возобновляемых источников энергии, чем в других европейских странах, и 2) наличие нескольких трубопроводов, соединяющих северную Африку с Южной Италией, которые можно было бы использовать для импорта водорода. Цели водородной стратегии Италии схожи с общей концепцией ЕС: декарбонизация промышленности, использующего в основном «серый» водород для своих нужд; внедрение водорода в транспортный сектор. При этом, Италия является одной из ведущих стран Европы с точки зрения исследований в водородной сфере: в период 2008-2017 годов ЕК профинансировала 128 проектов, в которых участвовали более 80 итальянских бенефициаров. В 2019 году было подписано соглашение с компанией Toyota об установке водородных заправочных станций в Венеции, а в марте 2019 года ENI, одна из итальянских энергетических компаний, подписала соглашение с Национальным консорциумом по сбору, переработке и утилизации пластиковых отходов о создании проекта по производству водорода из пластиковых отходов.

Говоря о **Польской** водородной стратегии сложно выделить какие-либо особенности. Стратегия повторяет положения стратегии ЕС, делая акцент на расширение инфраструктуры ВИЭ, развитии транспортной инфраструктуры H₂ внутри союза, отдавая предпочтение наземной транспортировке. Уделяется внимание декарбонизация промышленности, переходу на водородное топливо как наземного транспорта, так и транспорта водного. Подчеркивается необходимости инвестиций и развития водородных технологий. [8]

На основании проанализированных концепций мы можем наблюдать интересный феномен «распределения ролей» в развитии водородной

энергетики: Германия - главный импортер, тогда как Испания позиционирует себя как основной экспортер. Франция остается условно нейтральной, опираясь на внутреннее производство. В то же время, учитывая избыточность производства водорода в случае успеха стратегии, очевидно, Франция имеет потенциал стать вторым важным экспортером для Германии. Италия остается лидером в сфере новейших разработок в водородной энергетике, способствуя ускорению развития данной отрасли во всем союзе. Своего рода изолированной в данной схеме остается Польша, однако наращивание мощностей ВИЭ способно изменить данное обстоятельство. Такая структура распределения между крупнейшими странами союза эффективна с точки зрения развития водородной отрасли так как подразумевает совместный вклад выгодный всем сторонам.

Трудности на пути к углеродной нейтральности.

Несмотря на потенциал водородной энергетике в качестве альтернативы ископаемым видам топлива, реализация водородных стратегий сопряжена с многочисленными трудностями. Начать стоит с финансовой составляющей. В Водородной стратегии ЕС предпочтение отдается именно зеленому водороду. Производство данного вида водорода крайне дорогостоящее. Производство 1 кг «зеленого» водорода обходится от 2,5 до 6 долларов США, а 1 кг «серого» водорода стоит 1,73 доллара США. [14] Сбалансировать данное обстоятельство можно, увеличив налог на выброс CO₂, однако данная мера должна вводиться постепенно, дабы не навредить промышленности. Во-вторых, сложность транспортировки и отсутствие необходимой инфраструктуры для распределения водорода по всему союзу препятствует развитию отрасли. [17] Существует несколько способов транспортировки водорода: строительство новых трубопроводов для водорода, обновление существующих трубопроводов для транспортировки водорода, транспортировка газообразного водорода наземным транспортом и транспортировка жидкого водорода. Строительство сети трубопроводов крайне финансово- и время-затратно. Транспортировка водорода через

существующие трубопроводы возможна, однако подразумевает транспортировку смеси водорода и природного газа, где водород составляет не более 10%. Этот способ также требует модификации трубопроводов. Наземная транспортировка газообразного водорода также финансово затратна так как требует использование большого количества специальных контейнеров, а транспортировка сжиженного водорода требует высокой степени изоляции и подразумевает потерю примерно 10-15% водорода. [12]

Транспортная сеть и сеть трубопроводов центральной Европы более развита, чем в ЦВЕ, следовательно водород будет менее доступен в регионе. В-третьих, для производства зеленого водорода в промышленных масштабах необходима развитая структура ВИЭ по всему союзу. При этом, далеко не все страны вырабатывают достаточно энергии для достаточно производства водорода. В-четвертых, выработать общую водородную политику в ЕС будет трудно из-за общей сложности процесса принятия решений в союзе. Несмотря на расширенные полномочия ЕК, сферы экономики и границ членов организации остаются в ведомости национальных государств, что усложняет процедуру достижения консенсуса. Каждый из этих пунктов – ключевой в развитии водородной инфраструктуры союза и каждый из них имеет потенциал стать препятствием на этом пути.

Выводы

Водородная «революция» в ЕС – перспективная инициатива, способствующая достижению углеродной нейтральности. Водородные стратегии стран ЕС сходятся на необходимости развития водородной энергетики для декарбонизации промышленности, а также транспортного сектора – основных производителей CO₂. Разность условий, в которых находятся государства ЕС привело к своеобразному «распределению ролей» в процессе развития водородной энергетики. Такая структура позволяет максимизировать эффективность работы отрасли. В то же время, данный процесс сопряжен со сложностями на всех этапах: от производства водорода до его транспортировки и унификации законодательной базы,

регламентирующей его использование. Данные обстоятельства значительно замедляют процесс развития отрасли и делают обсуждения относительно перехода к водородной энергетике в ближайшие годы не релевантными. В перспективе союзу будет крайне сложно добиться единого мнения относительно вида производимого водорода, еще сложнее будет договориться о деталях транспортировки и регулировании финансовой составляющей водородного рынка, так как вопрос пограничного контроля и экономики остается в ведомости национальных правительств.

Список использованной литературы:

1. Жозеп Боррель, Год Войны и Энергетического и Климатического кризиса. Представительство Европейского Союза в РФ. 06.01.2023 года. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/год-войны-и-энергетического-и-климатического-кризисов_ru?s=177
2. A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe."EU Commission 8th July 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/attachment/865942/EU_Hydrogen_Strategy.pdf.pdf
3. A New Industrial Strategy for Europe. EU Commission 10th March 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0102>
4. European Green Deal. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/>
5. Fortschreibung der Nationalen Wasserstoffstrategie, NWS 2023. Die Bundesregierung. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/fortschreibung-nationale-wasserstoffstrategie.pdf?__blob=publicationFile&v=3
6. Powering a climate-neutral economy: An EU Strategy for Energy System Integration 8th July 2020 URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A52020DC0299>
7. New National Hydrogen Strategy 2020. The Federal Government. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/EN/Publikationen/Energie/the-national-hydrogen-strategy.pdf?__blob=publicationFile&v=6
8. Polish Hydrogen Strategy Until 2030 With an outlook Until 2040. Ministry of Climate and Environment. URL: [3_Polish_Hydrogen_Strategy_EN_summary.pdf](#)

9. Spain. Green Hydrogen Organization, URL: <https://gh2.org/countries/spain#:~:text=With%20the%20green%20hydrogen%20strategy%2C4.6%20million%20tonnes%20by%202030>
10. Strategia Nazionale Idrogeno Linee Guida Preliminari. Ministero dello sviluppo economico. URL: https://www.mimit.gov.it/images/stories/documenti/Strategia_Nazionale_Idrogeno_Linee_guida_preliminari_nov20.pdf
11. Use of NextGenerationEU proceeds. European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/eu-borrower-investor-relations/nextgenerationeu_en
12. Алексеева О.А., Козлов С.И., Фатеев В.И. Транспортировка водорода. Журнал «Альтернативное Топливо». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportirovka-vodoroda/viewer>
13. Виталий Петрунин: «Мы на пороге водородной эпохи». Нижегородская ассоциация промышленников и предпринимателей. URL: <https://napp52.ru/vitalij-petrudin-my-na-poroge-vodorodnoj-epohi/>
14. Плешаков. А. С. Водородная энергетика в рамках энергоперехода Европейского союза. URL: <vodorodnaya-energetika-v-ramkah-energoperehoda-evropeyskogo-soyuza-3.pdf>
15. Ines Bouacida. France’s hydrogen strategy: Focusing in domestic hydrogen production to decarbonize industry and mobility. Resurch Institute for Sustainability. Potsdam. June 2023
16. Martin Lambert. EU Hydrogen Strategy A case for urgent action towards implementation Oxford Institute for Energy Studies, July 2020.
17. Rossana Scita, Pier Paolo Raimondi and Michel Noussan. Green Hydrogen: the Holy Grail of Decarbonisation? An Analysis of the Technical and Geopolitical Implications of the Future Hydrogen Economy. Barriers to the implementation of a clean hydrogen economy. Fondazione Eni Enrico Mattei (FEEM) (2020) URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26335.5>
18. Toni Pyke. The energy debate: renewable energy cannot replace fossil fuels. Development education. 17.04.2017. URL: <https://developmenteducation.ie/feature/the-energy-debate-renewable-energy-cannot-replace-fossil-fuels/>

Об Авторах: РУЧИНА Валерия Михайловна – магистрантка, Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный Университет имени Н. И. Лобачевского, e-mail: rvm1808@yandex.ru

About the Authors: RUCHINA Valeria Mikhailovna – Master’s Degree Student,
Lobachevsky State University, e-mail: rvm1808@yandex.ru

РОЛЬ АРКТИКИ В ИНИЦИАТИВЕ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

Стрекаловская А.А.

МГЛУ, Москва

**ROLE OF THE ARCTIC IN THE «ONE BELT – ONE ROAD»
INITIATIVE**

A.A. Strekalovskaia

MSLU, Moscow

Аннотация: Данная статья посвящена роли Арктики в инициативе «Один пояс – один путь». В рамках упомянутого проекта все больше набирает обороты арктическая составляющая. Исследуя данный регион, в статье рассматриваются причины возникновения планов открытия «Северного шелкового пути», значимость этого маршрута для КНР и РФ, а также возможные проблемы и перспективы развития.

Abstract. This article is devoted to the role of the Arctic in the «One Belt– One Road» initiative. The Arctic component is gaining momentum within the framework of the mentioned project. Exploring this region, the article examines the reasons for the plans to open «The Northern Silk Road», the importance of this route for China and the Russian Federation, as well as possible problems and development prospects.

Ключевые слова: Арктика, «Один пояс – один путь», «Северный шелковый путь», Северный морской путь.

Keywords: Arctic, «One Belt– one Road», «Northern Silk Road», Northern Sea Route.

Арктика – один из самых необычных и богатых регионов на Земле. На морском дне данной территории находятся порядка 13% мировых запасов нефти и 30% природного газа. Но Арктика интересна не только полезными ископаемыми, но и логистическими возможностями использования Северного морского пути для уменьшения энерго и время затрат на перевозки.

На сегодняшний день для ведения торговли суда Китайской Народной Республики проходят через Малаккский пролив, который находится под

контролем Малайзии. Любая накалённая ситуация за острова в Южно-Китайском море может повлечь за собой блокаду пролива, так как Малайзия является одним из участников спора. Транспортировка через Суэцкий канал и Средиземное море осложняются нестабильной обстановкой в странах Северной Африки и пиратством на данных территориях. В связи с этим стабильность в дипломатических отношениях между КНР и РФ может гарантировать безопасность и непрерывность торгового маршрута через Северный морской путь. Основной областью сотрудничества России и Китая является развитие инфраструктуры СМП, а также увеличение объема транспортных перевозок и взаимовыгодное освоение нефтяных и газовых месторождений.

«Ледовый Шелковый путь» — это широкомасштабный проект в рамках китайской инициативы «Один пояс и один путь», созданный в соответствии с современными реалиями на международной арене, где актуальность арктического вопроса постоянно возрастает. Арктика, имеющая колоссальные возможности, с каждым годом вызывает все больший интерес и внимание не только у арктических и приарктических стран, но и у государств мирового сообщества, не относящихся ни к первой, ни ко второй категории, как, например, Китайская Народная Республика. Китай является внерегиональным актором, но несмотря на это, все чаще акцентирует внимание на том, что Арктика и ее богатства — это достояние всего мирового сообщества.

В 2013 году Си Цзиньпин выдвинул идею о создании «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского пути XXI века», результатом объединения которых стало провозглашение новой амбициозной инициативы «Один пояс и один путь» [1]. Проект, который должен соединить Европу, Азию и Африку.

В мае 2015 года Россия и Китай подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППП) [2], тем

самым показав, что Российская Федерация будет вовлечена в ОПОП и является важным партнером и действительно опорой в данной инициативе.

Начиная с 2017 года идея об освоении и использовании СМП вступает в активное положение. В марте во время форума «Арктика — территория диалога» и в апреле на конференции дискуссионного клуба «Валдай» российская сторона предложила Китаю инвестировать в проекты Северного Морского пути [3. с. 111]. В мае 2017 года В.В. Путин, указывая в своей речи на 1-м форуме «Один пояс и один путь» на перспективность СМП, призвал к совместному его освоению, развитию и процветанию [2]. 26 мая министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Китай поддерживает российское предложение о разработке и создании «Ледяного Шелкового пути» [4].

20 июня 2017 года в КНР была опубликована Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь» [5], в которой сформулированы главные принципы и изложены действия по созданию и развитию «Морского Шелкового пути XXI века». В данном документе говорится, что китайская сторона будет активизировать действия по образованию «голубого экономического коридора» через Северный Ледовитый океан, а также участвовать в освоении, использовании и развитии Арктики [6], что является одним из первых официальных подтверждений заинтересованности КНР в СМП.

26 января 2018 года Китайской Народной Республикой была опубликована Белая книга об арктической политике страны. Данный документ официально показал, насколько Китай заинтересован в регионе, а также обозначил цели, задачи и принципиальные позиции китайской стороны в арктическом вопросе. Одним из самых спорных положений в Белой книге является то, что в географическом положении Китай — это «Страна, близкая к Арктике», или иначе «околоарктическое государство», объясняя это тем, что КНР является одной из стран, расположенных наиболее близко к Полярному кругу.

Основываясь на Белой книге, Китайская Народная Республика преследует четыре главные политические цели в Арктическом регионе. Первая из них — это понимание. КНР хочет «понять» Арктику, развить и улучшить ее возможности и потенциал научных исследований в различных науках таких, как океанология, геология, биология, география и др. Вторая цель — защита. Китай собирается активно реагировать на изменения климата, в частности на глобальное потепление и таяние ледников, содействовать экологической и климатической устойчивости Арктики. Третья цель — это развитие. КНР планирует укрепить и развить технологические инновации, усовершенствовать судоходные маршруты на территории Северного Ледовитого океана, внести значимый вклад в социально-экономическое развитие Арктического региона. Четвертой целью является участие в управлении Арктикой для обеспечения общих интересов всех государств международного сообщества в данном регионе.

Северная часть инициативы «Один пояс и один путь» включает в себя большое количество различных взаимодействий и подразумевает сотрудничество в разных областях. В силу того что вдоль побережья СМП находятся довольно перспективные залежи природных и энергетических ресурсов, в данной сфере уже в последние годы происходит активное взаимодействие между Россией и Китаем в рамках стратегии «Ледовый Шелковый путь». На данный момент в китайско-российском сотрудничестве в области энергетики стоит обратить внимание на проект «Ямал СПГ» (первый арктический энергетический проект в рамках инициативы «Один пояс и один путь»). КНР финансово поддерживает проект «Ямал СПГ», ее вложения составляют порядка 63% от общего объема инвестиций [4. С. 54], что в свою очередь сыграло значимую роль в дальнейшем существовании и развитии проекта после европейских и американских санкций в отношении России в результате украинского кризиса. Благодаря участию в «Ямал СПГ» Китай существенно повышает собственный статус на мировых энергетических

рынках, также инициатива «Один пояс и один путь» поднимается на новый уровень, имея направление в виде «Ледового Шелкового пути».

В свою очередь совместный проект с Китаем для России имеет не меньшее значение. В.В. Путин в 2023 году на международном форуме «Один пояс и один путь» заявил – «что касается Северного морского пути, то Россия не просто предлагает партнерам активно использовать его транзитный потенциал. Скажу больше: мы приглашаем заинтересованные государства к прямому участию в его развитии. Готовы обеспечить надежную ледовую проводку, связь и снабжение» [8].

Таким образом, Китайская Народная Республика — это яркий и активный актер на мировой арене, который успешно работает над разработкой и развитием управленческой системы и международных норм в Арктике. Развитие и освоение Северного Морского пути является довольно тяжелой и высоко-затратной задачей, которой необходимо эффективное международное сотрудничество. «Один пояс и один путь» — это инициатива, в рамках которой Китай вместе с заинтересованными государствами смогут создать и активно и эффективно развивать «Ледовый Шелковый путь», а также содействовать стабильному социально-экономическому развитию региона. «Ледовый Шелковый путь» — это не просто использование Северного Морского пути в качестве транспортно-логистической магистрали, но и возможность для сближения стран и создания перспективного сотрудничества.

Список использованной литературы:

1. Официальный сайт ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/2168441> Дата обращения: 23.11.2023
2. Официальный сайт Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/> Дата обращения: 23.11.2023
3. Шучунь В., Еремин В., Янь Ч. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному Морскому пути // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 109—120 Дата обращения: 25.11.2023

4. Официальный сайт Renmin Ribao. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0620/c31521-9230968.html> Дата обращения: 25.11.2023
5. Официальный сайт Синьхуа новости. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com//english/2017-06/20/c_136380414.htm Дата обращения: 25.11.2023
6. Михайличенко К., ПРОЕКТ «ЛЕДОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И КИТАЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ // Научная статья. 2019 Режим доступа: [file:///C:/Users/309/Downloads/proekt_ledovyy_shelkovyy_put_v_ramkah_initsiativy_odin_poyas_i_odin%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/309/Downloads/proekt_ledovyy_shelkovyy_put_v_ramkah_initsiativy_odin_poyas_i_odin%20(1).pdf) Дата обращения: 30.11.2023
7. Ледовый Шелковый путь // Журнал Китай. 06.2018. № 6 (152). С. 53—55. Дата обращения: 01.12.2023
8. Официальный сайт РИА Новости Режим доступа: <https://ria.ru/20231018/sotrudnichestvo-1903498471.html> Дата обращения: 01.12.2023

Об авторах: СТРЕКАЛОВСКАЯ Александра Алексеевна – бакалавр, Московский государственный лингвистический университет им. М. Горького, e-mail – strekaleksa@yandex.ru

About the authors: STREKALOVSKAIA Alexandra Alekseevna – Student, Moscow State Linguistic University named after M. Gorky, e-mail – strekaleksa@yandex.ru

**СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СЕРБИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ
ВЫЗОВОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Тарабрина Л.А.

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SERBIA IN THE FACE OF
NEW CHALLENGES: MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS**

L.A. Tarabrina

Voronezh State University, Voronezh

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы и перспективы сотрудничества России и Сербии. По итогам анализа удастся обозначить проблемы, связанные с поддержанием политики коллективного Запада, неоднозначным поведением сербской политической элиты и недостаточным развитием культурных связей между Россией и Сербией. Обозначаются перспективы развития отношений с политическими партиями Сербии и усиления культурного взаимодействия между двумя странами.

Abstract. The article discusses the main problems and prospects of cooperation between Russia and Serbia. Based on the results of the analysis, it is possible to identify problems related to the maintenance of the policy of the collective West, the ambiguous behavior of the Serbian political elite and the insufficient development of cultural ties between Russia and Serbia. The prospects for the development of relations with the political parties of Serbia and the strengthening of cultural interaction between the two countries are outlined.

Ключевые слова: сотрудничество, Сербия, Россия, проблемы, перспективы.

Keywords: cooperation, Serbia, Russia, problems, prospects.

Сложившийся миропорядок определил новые векторы развития России. Сотрудничество со странами Балканского полуострова представляется важной задачей, которая встает перед российской властью сейчас. Сербия в свою очередь также старается развивать партнерские отношения с Россией. «Какие проблемы и перспективы существуют в развитии российско-сербских отношений?» – главный вопрос, ответ на который дает данная статья.

Для начала стоит рассмотреть вопрос об *исторических связях и их зарождении*. Сотрудничество между Сербией и Россией началось еще в XV веке, когда Россия делала пожертвования сербским монастырям и церквям[6]. В будущем страна также не оставила сербский народ и помогала в борьбе с Османской империей. Официально отношения закрепились в 1838 году, когда русское консульство было открыто в Сербии. Здесь стоит отметить, что в 2023 году почта Сербии выпустила специальное юбилейное издание почтовых марок «185 лет дипломатических отношений между Сербией и Россией». В XIX веке начались войны с Турцией. Россия была на стороне Сербии и способствовала восстановлению сербской государственности. В последующем сотрудничество складывалось неоднозначно. Во время Первой мировой войны Россия также была на стороне Сербии. Стоит заметить, что согласно официальной версии Россия вступила войну именно из-за выполнения союзнических обязательств перед этой страной. Однако в будущем СССР признал Королевство Югославия только в 1940 году (последней из балканских стран). Распад Югославии в дальнейшем вызвал волну сочувствия в России к сербам. В 2003 году были анонсированы первые крупные проекты в сфере энергетики, а в 2008 подписано Межправительственное соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли [5]. Далее последовали декларация о стратегическом партнерстве и соглашение о поставках природного газа. В целом событийный ряд русско-сербской истории подчеркивает, что еще с давних времен Россия и Сербия заложили прочный фундамент для сотрудничества.

Для изучения проблемы следует обратить внимание на *экономическую сферу*. Фундаментом для взаимовыгодных отношений можно считать, безусловно, энергетический сектор. Это объясняется многими причинами. Например, еще в 2009 году ОАО «Газпром нефть» удалось приобрести контрольный пакет акций компании NIS. Спустя десяток лет мы можем наблюдать, что такое решение пошло на пользу обеим сторонам. Согласно данным Газпрома [2] прибыль сербской компании увеличилась в три раза.

Важной узловой точкой экономического сотрудничества стала также ратификация договора о свободной торговле между Сербией и ЕАЭС. Вместе с тем, стоит заметить, что одним из важнейших рисков данной сферы является сотрудничество в отрасли малого и среднего бизнеса. Здесь следует обратить внимание на возросший уровень инфляции в 2022 году, который оказывает влияние на такие важные параметры для предпринимателей, как сырье, логистика, энергия и т.д.

Центральным аспектом рассмотрения проблемы является ее *геополитическая сторона*. Россия и Сербия признают многополярность современного мира. Однако Сербия в некоторых вопросах поддерживает политику коллективного Запада, что слабо коррелирует с интересами России. Еще один вопрос достойный внимания – нежелание Сербии вводить санкции против России. Многие эксперты сходятся во мнении, что это происходит из-за исторических связей, о которых уже упоминалось ранее. Хоть Сербия и считается одним из главных кандидатов на вступление в Евросоюз, президент страны А. Вучич в ближайшее время такого не планирует [3]. Его решение обосновывается весьма просто: вступление в ЕС будет предполагать принятие антироссийских санкций. Говоря о территориальной целостности, следует обратить внимание на то, что как у Сербии, так и у России есть определенные трудности. У балканской страны это вопрос с Косово, у России это Крым, ДНР и ЛНР. Однако Сербия не может признать референдум в Крыму, так как это означает, что она должна будет признать таковой и в Косово. Также можно рассмотреть отношение сербских политических партий к России. Правящей в стране можно считать Сербскую прогрессивную партию (СПП), основатель которой сам президент. После того, как партия пришла к власти в стране, она выступила за активное сотрудничество, как с Западом, так и с Россией. Сами граждане воспринимают партию, как пророссийскую, способствующую активному развитию российско-сербских отношений. Однако верхушка партийной элиты в основном обучалась и работала на западные корпорации. Есть также отдельные партийцы, которые выступают против некоторых

решений России. Например, депутат парламента Драган Шормаз в своих выступлениях подчеркивает негативное влияние России на политику Сербии. Вторая партия – Социалистическая партия Сербии (СПС). Социалисты выступали за отставку министра экономики Р. Басты, так как он ратовал за введение антироссийских санкций. Третья партия для рассмотрения – Народная партия. Она выступает против независимости Косово, поддерживает идеи военного нейтралитета. Однако в программе партия указывает, что выступает за вступление в Евросоюз. Несмотря на это лидер партии считает Россию крупнейшим торговым партнером Сербии. Таким образом, изучив партийные настроения (табл.1), можно сказать, что сербские партии в целом благоприятно воздействуют на российско-сербские отношения, но с определенными оговорками.

Таблица

Сербские партии и их отношение к РФ.

	СПП	СПС	Народная партия
Мест в Народной Скупщине	95/250	22/250	12/250
«+» Для России	Граждане воспринимают как пророссийскую	Выступили за отставку «антироссийского» министра	Считают Россию крупнейшим торговым партнером
«-» Для России	Верхушка партийной элиты тесно связана с Западом	-	В программе выступают за вступление в Евросоюз

Немаловажным представляется рассмотрение *культурно-творческой сферы*. Вследствие теплых взаимоотношений сербов и россиян, а также многовековой истории сотрудничества, взаимодействие в области культуры активно развивается, но все равно требует большего количества активностей. В качестве примера можно рассмотреть деятельность Центра «Российско-Балканский диалог» [4], офис которого находится в г. Воронеж. Центр создан для развития и поддержки интереса к истории и культуре сербского народа. За несколько лет благодаря Центру в России реализовано более 50 культурно-просветительских и общественных проектов на территории Москвы, Воронежской, Белгородской, Ивановской, Тамбовской областей, среди них – фестивали балканской культуры, выставки, круглые столы, конференции и т.д. Таким образом, можно сделать вывод о том, что российские граждане знают о сербской культуре, стараются делиться знаниями с другими, сотрудничать с представителями Сербии. К сожалению, не так много регионов в России, где проводятся подобные мероприятия. Для налаживания более крепких связей нужно привлекать для создания мероприятий большее количество регионов и выделять бюджетные средства на развитие такого взаимодействия.

Основные выводы. На основании вышеизложенного можно четко определить основные проблемы и перспективы сотрудничества Сербии и Российской Федерации. В качестве проблем можно обозначить: риски, связанные с открытием малого и среднего бизнеса в Сербии, обусловленные ростом инфляции; поддержание в некоторых вопросах политики коллективного Запада, слабо коррелирующей с интересами России; неоднозначное поведение видных сербских политических деятелей, относящихся к правящей партии; недостаточное развитие культурных связей между регионами России и Сербии. Среди перспектив можно обозначить следующее: наиболее актуальной для сотрудничества продолжает оставаться экономическая сфера ввиду «бедности» ресурсов Сербии, в частности – сфера энергетики; со стороны политической сферы следует развивать

сотрудничество с политическими партиями, которые настроены положительно, в том числе большинство правящей партии Сербии; в сфере культуры требуется усиление взаимодействия российских регионов и Сербии, так как это может укрепить фундамент зародившихся партнерских отношений. Сербия для России в данной геополитической обстановке является «ценным игроком», поэтому взаимовыгодное сотрудничество должно выходить на новый уровень.

Список использованной литературы:

1. Анашкина А.Г. Современное состояние российско-сербских отношений и перспективы их развития // Дипломатическая служба. 2018. №2.
2. Зорина С. НИС: 10 лет в периметре «Газпром нефти» // Сибирская нефть. – 2019. – №1.
3. Кошечкина В. Политолог Топорнин объяснил тесными связями нежелание Сербии вводить санкции против России /В. Кошечкина//Lenta.ru. Режим доступа: <https://turbo.lenta.ru/news/2023/07/02/srbja/> (дата обращения: 04.10.2023)
4. Официальный сайт центра международного сотрудничества «Российско-Балканский диалог» Режим доступа: <https://dialogrs.ru/> (дата обращения: 30.08.2023)
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли от 25.01.2008 Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902086906> (дата обращения: 02.10.2023)
6. Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече. 2009. – 301 с.
7. Толвайшис Л. Сербско-российское сотрудничество как ресурс внешней политики Российской Федерации //Вестник Московского университета. Политические науки. 2019. №2. С. 97-103
8. Энтина Е. Перспективы российско-сербского сотрудничества в области экономики, науки и образования. МДК «Валдай». Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-rossiysko-serbskogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 01.10.2023)

Об авторах: ТАРАБРИНА Лилия Алексеевна – студент 4 курса бакалавриата
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» e-mail:
tarabrinal@list.ru

About the authors: TARABRINA Lilia Alekseevna – 4th year undergraduate
student of Voronezh State University e-mail: tarabrinal@list.ru

УДК 325.2

**МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ КУРСА
ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ**

Харламова Е.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**THE MIGRATION FACTOR IN SHAPING OF POLAND'S DOMESTIC
AND FOREIGN POLICY COURSE**

E.M. Kharlamova

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация: В настоящей статье автором рассмотрен миграционный фактор в качестве одного из основополагающих в рамках формирования внутренней и внешней политики Польши. Оценена позиция данного государства и отдельных политических сил по отношению к общеевропейскому миграционному кризису, обострению ситуации на восточных границах, наплыву беженцев с территории Украины и перспективе восстановления связи с Полонией. Рассмотрены законы, стратегии и документы, касающиеся миграционного вопроса и миграционной политики страны, а также произведен анализ речей, выступлений отдельных представителей руководства страны и программ партий, формирующих большинство в Сейме. Дана оценка разных позиций относительно миграционной повестки в правительстве, что представляет особую важность для исследований в свете недавних парламентских выборов и смены власти в стране.

Abstract. In the article the author considers the migration factor as one of the fundamental factors in the formation of Poland's domestic and foreign policy. The position of this state and political forces in relation to the pan-European migration crisis, the aggravation of the situation on the eastern borders and the prospect of restoring ties with Polonia is assessed. Laws, strategies and documents related to the migration issue and migration policy of the country were reviewed, as well as an analysis of speeches of representatives of the country's leadership and programs of the parties forming the majority in the Seim. The assessment of different positions on the migration agenda in the government is given, which is of particular importance for research in case of the recent parliamentary elections and the change of power in the country.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис в ЕС, миграционная политика Польши.

Keywords: migration, migration crisis in the EU, Poland migration policy.

Начало общеевропейского миграционного кризиса принято отождествлять с 2015 г. и известной речью А. Меркель об открытости Европы к принятию всех мигрантов, желающих найти пристанище на европейском континенте [3]. Действительно, политика открытости по отношению к мигрантам с разных частей света, а особенно из стран с низким уровнем жизни и продолжительными боевыми действиями на своих территориях, привела к наплыву сотен тысяч беженцев и спровоцировала проблемы как внутри отдельных стран-членов организации, так и между государствами в рамках ЕС. Однако в случае с миграционной стратегией Польши стоит учитывать ряд особенностей, которые выделяют ее из традиционного перечня позиций остальных европейских держав. Прежде всего это многолетние противостояния миграционной политике ЕС при власти партии «Право и Справедливость», особое географическое положение как буферного государства, отделяющего ЕС от восточных соседей, моноэтничность польского общества и приоритетность восточного направления в вопросах миграции.

Выбор курса реализации миграционной политики 2015-2023

С приходом в 2015 г. к власти правой консервативной партии «Право и справедливость» правительством сразу был взят курс на выработку самостоятельной миграционной политики. Несогласие с общеевропейской позицией проявлялось в предвыборной кампании партии, отказе от квот ЕС на содержание мигрантов и инициаторстве встреч глав Вышеградской группы по кооперации в сфере охраны границ [2].

Однозначный отказ от понятия квот правительство мотивировало тем, что среди беженцев в страны ЕС подавляющее большинство - граждане стран Ближнего Востока и Африки. Учитывая однородность польского общества и

большой процент религиозного населения (по данным последней переписи населения 94.8% респондентов отметили национальность как «поляк/полька», 2.26% приравнивают себя к полякам и только 1,55% отметили иную национальность [9]), польское правительство прием мигрантов из другой культурной и этнической среды рассматривало как угрозу безопасности, почву для межнациональной и этнической розни.

Позиция властей не менялась на протяжении всего правления «ПиС» и даже после выборов 2015 г., однако все еще при председательстве М. Моравецкого в Загребе на саммите стран ЕС и планировании общего политического курса на 2024 г. он выступил с заявлением о том, что Польша не будет выступать за общую миграционную стратегию ни при каких обстоятельствах. Принудительная политика ЕС в данном случае нарушает суверенное право национального государства на свою защиту от угроз безопасности [5]. Важно отметить, что как на выборах 2015 г., так и в процессе подготовки к выборам 2023 г. миграционная повестка была одной из важнейших. Противостоящими политическими силами вопросы, связанные с мигрантами с Украины, Белоруссии или из стран Африки и Ближнего Востока используются как дискредитирующее оппонента оружие. Так, на том же выступлении в Загребе, в ноябре 2023 г. М. Моравецкий соотнес переговоры лидера тогдашней оппозиции Д. Туска о возможном принятии Польшей общеевропейских квот с его преданностью Брюсселю и отсутствию заинтересованности в реальном благополучии польских граждан [5]. Д. Туск, напротив, в своих выступлениях и главном программном документе Гражданской коалиции «100 пунктов на первые 100 дней у власти» [10] сопоставил напряжённость на границе с Белоруссией с политикой партии «ПиС», для которой важна консолидация населения на почве страха и ненависти.

Помимо угроз, связанных с возможными конфликтами на территории страны, консервативное правительство обуславливало отказ от общего курса ЕС опасениями распространения терроризма и большой нагрузкой Польши в

связи с наплывом мигрантов из Украины и Белоруссии, приток которых был спровоцирован как внутривосточными проблемами в этих странах, так и продуманными инструментами польской стратегии «мягкой силы».

Ориентация на Восток и приоритетные направления миграционной стратегии

Восточное направление для Польши остается приоритетным сразу по нескольким флангам: это и политика обеспечения безопасности (где Польша инициатор многих региональных объединений как «Люблинский треугольник», «Междуморье»), прием и ассимиляция мигрантов, интеграция восточных соседей с институтами ЕС и НАТО.

По данным министерства по делам иммигрантов белорусы на втором месте среди иммигрантов в Польше после украинцев, и интенсификация оттока с территории Белоруссии началась с 2020 г., последних президентских выборов и запрете ряда оппозиционных СМИ. Более 38 тыс. граждан Белоруссии (из более 100 тыс. проживающих на территории Польши) обладают картой поляка [6]. Карта поляка стала эффективным инструментом для легализации в стране и доступна она для всех, кто способен доказать польское происхождение. По историческим, территориальным причинам больше всего подают на карту поляка и получают одобрение постоянного вида на жительство граждане Белоруссии и Украины. Министерством отмечается, что новая волна притока мигрантов связана с началом СВО и многочисленными запросами со стороны белорусов на международную защиту в Польше. На декабрь 2023 г. такого рода защиту получили уже более 7,1 тыс. человек [6].

Самая многочисленная группа иностранцев, проживающих в Польше - украинцы (более 80% от всех иностранцев на территории страны). Приток мигрантов продолжается уже долгие годы, однако с февраля 2024 г. интенсифицировался в несколько раз. Временной защитой пользуется на данный момент почти миллион украинцев, и более 1,4 млн. обладают постоянным видом на жительство [7].

Восточная политика Польши также была объектом споров с ЕС, поскольку ею правительство мотивировало свой отказ от принятия мигрантов из «неблагоприятных» стран и запрашивало дополнительное финансирование для мигрантов из Украины с начала СВО из бюджета ЕС как государству, больше других помогающему гражданам Украины.

Выборы 2023 г. и перспективы трансформации миграционной политики

В выборах 2023 г. победила либеральная левая коалиция во главе с Д. Туском и партией «Гражданская платформа». В предвыборной программе партия также сделала акцент на ликвидации напряжённости на границе с Белоруссией и открытии средств ЕС на оборону восточной границы [10]. Поскольку партия в целом настроена проевропейски, все споры с ЕС, затеянные консерваторами, она намерена прекратить. Значит, и конфронтации по вопросам миграции скорей всего будет положен конец. Важно отметить, что ни одна политическая сила (разве что за исключением ультраправых, националистов) открыто и четко о вопросах миграции из Украины и Белоруссии не высказывается. Опасаясь распространения негативной реакции среди граждан, правительство «сглаживает углы» и выражает, по крайней мере публично, полную солидарность с этими народами и выражает поддержку. В случае с мигрантами с «нежелательных» стран ситуация иная. Еще в 2021 г. Д. Туск попытался выразить поддержку мигрантам, которые просили убежища в Польше и других странах ЕС: «Это просто бедные люди, которые ищут своего места на земле» [9]. За такую позицию параллельно введению ЧП, внедрению военного контингента со стороны правительства, он был жестко раскритикован и правыми политиками, и общественностью в СМИ.

Исходя из изучения предвыборной повестки как в 2015 г., так и в 2023 г. можно сделать вывод о том, что миграционный фактор по-прежнему остается актуальным. При этом в отношении мигрантов из ближайших, преимущественно славянских стран политические силы действуют более консолидировано, несмотря на множество разногласий, чего нельзя сказать о

восприятию мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока. И несмотря на отсутствие конкретного плана в реализации миграционной стратегии, пришедшая к власти в 2023 г. либеральная коалиция намерена действовать строго в соответствии с общеевропейским курсом, о чем свидетельствуют заявления Д. Туска и других лидеров коалиции. Определено можно говорить об изменениях, которые затронут миграционный вопрос в ближайшем будущем, что приведет к окончанию споров Польши с ЕС и нормализации обстановки на восточных границах.

Список использованной литературы:

1. Апанович М. Ю. Международный опыт реализации миграционной политики: Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. — 32 с.
2. Горизонтов Л. Е. Миграционная политика постсоциалистической Польши: динамика стратегических установок // Современная Европа. 2019. №7. С. 179-185.
3. Меркель призвала видеть в притоке беженцев новые возможности для Германии // РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/12/2015/5684c8cd9a79474ec5c9dc51> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Jarosław Kaczyński - wystąpienie w sprawie imigrantów w Sejmie RP, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ko48eXBkTzA> — 03.11.22.
5. Mateusz Morawiecki o przyjmowaniu migrantów. "Polska to odrzuca" // Wiadomości URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/mateusz-morawiecki-o-przyjmowaniu-migrantow-polska-to-odrzuca/57141x8> (дата обращения: 01.12.2023).
6. Obywatele Białorusi w Polsce – raport // Urząd do Spraw Cudzoziemców URL: <https://www.gov.pl/web/udsc/obywatele-bialorusi-w-polsce--raport2> (дата обращения: 03.12.2023).
7. Obywatele Ukrainy w Polsce – aktualne dane migracyjne // Urząd do Spraw Cudzoziemców URL: <https://www.gov.pl/web/udsc/obywatele-ukrainy-w-polsce--aktualne-dane-migracyjne2> (дата обращения: 03.12.2023).
8. Tusk: to są biedni ludzie którzy potrzebują pomocy // TV Republika URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xtDulQ14no8> (дата обращения: 30.11.2023).

9. Tutak G Polityka migracyjna Polski wobec europejskiego kryzysu migracyjnego // Świat Idei i Polityki. - Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, 2018 . - С. 460-484.
10. 100 konkretow na pierwsze 100 dni u władzy // Koalicja Obywatelska URL: <https://100konkretow.pl/wp-content/uploads/2023/09/100konkretow.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

Об авторах: ХАРЛАМОВА Екатерина Максимовна – магистрантка, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: katya.harlamova00@yandex.ru

About the authors: KHARLAMOVA Ekaterina Maksimovna – Master’s Degree Student, St. Petersburg State University, e-mail: katya.harlamova00@yandex.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ «АРКТИЧЕСКОЙ ГОНКИ» В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Хрястов И.Р.

Дипломатическая Академия МИД России, Москва

**ACTUALIZATION OF THE «ARCTIC RACE» IN THE CONTEXT OF
MODERN INTERNATIONAL RELATIONS**

I.R. Khryastov

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: в современных реалиях Арктический регион, не смотря на смещение внимания мировой общественности на другие регионы, сохраняет высокую степень значимости. Причины, по которым в 21 веке ведется борьба за господство над Арктикой, в том числе, стратегическое превосходство, ресурсный и экономический потенциал региона, до сих пор крайне важны. Данные факторы являются аттрактором интересов не только «арктических» государств, они привлекают внимание сверхдержав, провоцируя инвестирование значительных средств в свои арктические программы. В рамках выступления будет приведен анализ факторов важности Арктики, а также будут рассмотрены арктические программы сверхдержав: Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки.

Abstract: in modern realities, the Arctic region, despite the shift of world public attention to other regions, retains a high degree of importance. The reasons for the struggle for dominance over the Arctic in the 21st century, including strategic superiority, resource and economic potential of the region, are still extremely important. These factors are an attractor of interests not only of the "Arctic" states, they attract the attention of superpowers, provoking significant investments in their Arctic programs. The presentation will include an analysis of the importance factors of the Arctic, as well as the Arctic programs of the superpowers: the Russian Federation, the People's Republic of China and the United States of America.

Ключевые слова: Арктика, международные отношения, геополитика, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки.

Keywords: Arctic, international relations, geopolitics, Russian Federation, People's Republic of China, United States of America.

Актуальность "арктической гонки" в условиях современных международных отношений можно обосновать следующим образом:

1. Геополитическая важность Арктики: В условиях изменения климата и расширения возможностей для освоения природных ресурсов, Арктика приобретает особую стратегическую важность. По мере таяния льдов и изменения экологической обстановки региона, морские пути становятся более доступными, что привлекает внимание к вопросам контроля, безопасности и ресурсного потенциала региона.

2. Внимание основных сверхдержав: Крупнейшие мировые игроки, такие как США, Россия, Китай и другие, включают политику и интересы Арктики в свои стратегические программы и документы. Это свидетельствует о том, что регион становится объектом внимания в контексте геополитических стратегий и планов ведущих государств, что в свою очередь подчеркивает его ключевую роль в мировых делах.

3. Усиление военных учений со стороны НАТО: Учащение военных учений и демонстрация военной присутствия в регионе со стороны НАТО указывает на изменение приоритетов в области безопасности и обороны, что также отражает сдвиг внимания к Арктике в контексте международных отношений.

При написании данной статьи автор использовал такие методы, как наблюдение, сравнение и анализ

На данный момент основные сверхдержавы мира, такие как РФ, США и КНР, направляют свои усилия на укрепление своих позиций в Арктике. Для понимания причин того, почему «арктическая гонка» вновь набирает обороты, необходимо выделить факторы, почему странам интересно занимать главенствующее положение в Арктике.

В настоящее время Северный морской путь (СМП) является одной из главных составляющих экономической заинтересованности государств-членов НАТО в укреплении своей военной мощи путем проведения военных учений на территории Арктики. В законодательстве Российской Федерации данный морской путь закреплён как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике» [1]. Среди преимуществ СМП можно выделить:

- 1) меньшие затраты топлива в ходе рейса.
- 2) существенное уменьшение продолжительности рейса.
- 3) отсутствие необходимости платить за проход судна. Например, за проход итальянского судна, перевозившего негабаритный груз, который предназначался для нефтяных платформ, в 2011 году владельцы данного судна были вынуждены заплатить 2 миллиона 28 тысяч долларов, учитывая, что вес груза составлял 59 тысяч тонн [5].

- 4) отсутствие риска нападения пиратов, что обусловлено особым контролем за безопасностью данного морского пути со стороны Российской Федерации, а также невыгодностью природных условий для существования такого явления как пиратство на всем протяжении Северного Морского Пути. В качестве примера можно привести нападение сомалийских пиратов на топливный танкер «Арис 13» в 2017 году [8].

- 5) отсутствие очереди. Наиболее явным доказательством неудобства морского пути через Суэцкий канал в контексте наличия очередей из судов стала авария, произошедшая 23 марта 2021 года с контейнеровозом «Эвер Гивен», повлекшая за собой полную блокировку Суэцкого канала, что в результате привело в мощному удару по глобальной экономике и образованию большой очереди из кораблей. По данным Lloyd's List коллапс, вызванный аварией, обошёлся мировой торговле в 400 миллионов долларов в час [9]. В контексте противоречий между государствами – членами НАТО и Российской Федерацией необходимо отметить, что, согласно Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 году, Северный морской путь входит в 200-

мильную исключительную экономическую зону Российской Федерации, что обязывает все государства мира при намерении осуществить грузоперевозку по Северному морскому пути согласовывать данное действие с Администрацией Северного морского пути, что указано в приказе Министерства транспорта РФ от 17 января 2013 г. №7 «об утверждении правил плавания в акватории Северного морского пути» [12, 1].

б) наличие в Арктике большого количества природных ресурсов, среди которых наибольшую ценность представляют нефть, природный газ и уран. На сегодняшний день на нефтегазовые ресурсы Арктики претендуют сразу несколько транснациональных нефтяных компаний, таких как, например, Shell, British Petroleum и EXXON, чьи штаб-квартиры расположены в городах, находящихся в государствах – членах НАТО. По данным, полученным При сохранении объемов спроса на нефть на уровне, установленном в 2017 году, одни только запасы нефти Арктики могли полностью удовлетворять мировой спрос на нефть на протяжении 145 лет. На сегодняшний день более 2/3 углеводородных ресурсов Арктики расположены в российском сегменте Арктики. Добыча углеводородов ведется также в Карском море, а в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах ведется разработка сухопутных месторождений углеводородов. Сегодня ведется разработка нефтегазовых месторождений на шельфе Баренцева моря, в число которых входят такие крупные нефтяные месторождения, как Приразломное, Варандейское, Долгинское и Медыньское. Месторождения природного газа на сегодняшний день также активно разрабатываются, например, Мурманское, Лудловское и Северо-Кильдинское месторождения. Также в Арктическом регионе разведаны газоконденсатные и нефтегазоконденсатные месторождения, являющиеся источниками газового конденсата, необходимого при производстве как синтетических каучуков и пластмасс, так и различных видов топлива. В декабре 2013 года российская компания «Газпром нефть» получила первую поставку арктической нефти на Приразломном месторождении в Печорском море [20, 4, 10].

7) Арктика также является крайне выгодным регионом с точки зрения расположения там военных баз, так как переброска войск через арктический регион многократно быстрее, чем переброска военного контингента через Атлантический океан. Необходимо также учитывать, что в настоящее время военная доктрина США, одного из государств – членов НАТО, во многом ориентирована на усиление своего военно-морского флота, в состав которого на сегодняшний день входит большое количество атомных подводных лодок (АПЛ), имеющих возможность запуска баллистических ракет. Российская Федерация также активно укрепляет свою обороноспособность в данном регионе путем постройки военных баз и модернизации существующих видов вооружений под условия крайне низких температур арктического региона. К числу таких военных баз можно отнести военную базу «Северный клевер», расположенную на острове Котельный. На данный момент этот объект обороны нашей страны рассчитан на обеспечение 250 военнослужащих продовольствием на протяжении года. Также «Северный клевер» укомплектован зенитными ракетно-пушечными системами средней дальности «Панцирь», способными работать в условиях крайне низких температур[19, 11].

На основании данных факторов можно сделать вывод о том, что Арктика остается важной для основных сверхдержав мира. Следовательно, они предпринимают шаги по укреплению своих возможностей в Арктике.

В Арктике необходимо установить нормативную базу, на основе которой государства – члены Североатлантического альянса проводят совместные учения в различных точках земного шара. В первую очередь необходимо отметить, что все государства – члены НАТО при вступлении в альянс подписывают Североатлантический договор, составленный и принятый 4 апреля 1949 года в Вашингтоне. В данном документе устанавливаются права и обязанности государств – членов НАТО. Особое внимание при анализе данного документа необходимо обратить на статью 5, так как данная статья договора НАТО опирается на соблюдение статьи Устава

ООН о самообороне, принятого 26.06.1945 в Сан-Франциско, США. Уставом ООН, согласно данной статье, разрешается реализация государством своего права на индивидуальную или коллективную самооборону до тех пор, пока Совет Безопасности ООН не примет необходимые меры для поддержания международной безопасности и мира. Статья 51 Устава ООН также обязывает государства, принимающие меры для реализации своего права на самооборону, немедленно уведомлять Совет Безопасности ООН о принятых мерах. Данная статья Устава ООН также устанавливает, что меры, предпринятые государством для обеспечения своей безопасности в случае проявления в отношении него актов агрессии со стороны другого государства, никоим образом не должны затрагивать сферу ответственности и полномочия Совета Безопасности ООН. Таким образом, военные учения, проводимые государствами – членами Североатлантического альянса, являются мерами по обеспечению подготовки к реализации статьи 5 договора НАТО [21, 13].

В целом, как и в стратегии 2019 года, в новой арктической стратегии США «Regaining Arctic Dominance» Российская Федерация прежде всего позиционируется как стратегический противник Соединенных Штатов. Министерство обороны США уделяет особое внимание тезису об особом интересе со стороны Российской Федерации в отношении природных богатств Арктики. На сегодняшний день Россия обладает необходимыми способностями для реализации своих интересов в этом направлении. В новой арктической стратегии 2021 года «Regaining Arctic Dominance» американское командование выражает обеспокоенность тем фактом, что параллельно с наращиванием военной мощи Российской Федерации в Арктическом регионе происходит также повсеместная модернизация, усиление и обновление российской армии. Опасность для американских национальных интересов в Арктическом регионе заметно повышается ввиду взаимовыгодного и плодотворного сотрудничества Российской Федерации с Китаем. В Арктическом регионе деятельность этих двух государств направлена на взаимодействие в области добычи полезных ископаемых, однако

американское командование убеждено, что со временем присутствие Китая в Арктике будет только наращиваться при помощи России как дружественного Китаю государства. Важно отметить, что командование вооруженных сил США признает неизвестными на будущее сотрудничество КНР и России цели и задачи, как и перспективы развития Арктического региона в связи с этим фактором.

Поскольку военно-морской флот Соединенных Штатов является основой вооруженных сил данного государства, США как государство, входящее в состав НАТО, на регулярной основе проводит учения с участием боевых кораблей государств – союзников по НАТО. А так как в последнее время значимость арктического региона в глазах государств – членов НАТО резко возросла, можно сделать вывод о том, что военно-морские учения государств, входящих в состав блока НАТО, все чаще проводятся в данном регионе. В течение долгого времени на регулярной основе силами ВМС США проводятся военно-морские учения ICEX (Ice Experience), подразумевающие отработку военными кораблями маневров в Арктике. В период с 2000 по 2010 года ввиду проблемы недостаточного финансирования военно-морские учения ICEX были под угрозой отмены. Старт военно-морских учений ВМС США ICEX 2020 был дан 4 марта 2020 года, когда было завершено возведение временного ледового лагеря «Sea Dragon». Данный ледовый лагерь был назван в честь одноименной американской атомной субмарины, впервые преодолевшей под водой в 1960 году Северо-Западный проход (морской путь, проходящий севернее Канады и ведущий из Атлантического в Тихий океан). В последних учениях ICEX приняли участие новейшие модели американских подводных лодок: SSN-22 Connecticut, тип «Seawolf» и SSN-769 Toledo, тип «Los Angeles». В ходе данных учений, специалисты из США, Канады, Великобритании, Норвегии и Японии проверили степень готовности подводного флота НАТО действовать в условиях арктического региона. В рамках проведенных учений перед военнослужащими НАТО была поставлена задача по отработке широкого спектра задач, среди которых были: проверка

работоспособности систем вооружения, гидроакустических систем, систем навигации и связи. В 2018 году многоцелевой авианосец ВМС США CVN-75 «Гарри Трумен», относящийся к типу «Нимиц», пересек Полярный круг. В регионе также с недавних пор возобновлены полеты военно-воздушных сил США и НАТО. Необходимо отметить, что SSN-769 Toledo в ходе учений осуществила всплытие в непосредственной близости от зоны интересов Северного Флота РФ, что привлекло внимание вооруженных сил РФ и является неудачной попыткой провокации вооруженных сил РФ на какие-либо ответные действия [2].

Важно отметить, что еще в 2015 году ВМФ КНР был заказан ледокол Hai Bing 722, которому предстояло стать головным кораблем в новом подклассе ледокольных судов типа 272. В марте 2016 года был заказан уже второй корабль данного ледокольного подкласса, Hai Bing 723. Согласно официальному заявлению, данным кораблям предполагается войти в состав Северного флота КНР и перейти к патрулированию акватории Бохайского моря. Однако ввиду практически полного отсутствия ледового покрова на поверхности воды в данном районе, вероятнее всего данные суда будут привлечены для работы в Арктическом регионе. Китайская Народная Республика придерживается плана стратегии «Полярного шелкового пути», что выражается в высокой степени заинтересованности правительством КНР в наращивании трафика китайских кораблей в акватории Северного Морского Пути. Это выражается в активной поддержке со стороны Госсовета КНР тех китайских компаний, которые участвуют в проектах строительства инфраструктуры и используют для своих грузоперевозок акваторию Северного Морского Пути. Например, китайская компания China Cosco Shipping на момент 2021 года довела количество своих грузовых кораблей, курсирующих между Европой и Китаем по акватории Северного Морского Пути, до 10 судов [3].

Стратегия национальной безопасности, утвержденная указом Президента РФ №400, охватывает достаточно широкий спектр

факторов, влияющих на процесс обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов Российской Федерации. В соответствии с этим в тексте Стратегии национальной безопасности РФ Арктика отдельно отмечается как регион, важный для России. Отмечается, что в условиях рецессии ведущих экономик мира, а также в условиях обострения борьбы различных государств за доступ к рынкам и источникам природных ресурсов зачастую некоторые государства прибегают к методам недобросовестной конкуренции. В рамках подобной недобросовестной конкуренции действия Запада, ориентированные на воспрепятствование освоению Россией Арктики, можно выделить масштабное использование экономических санкций, повышение внимания мирового сообщества к вопросам сохранения благоприятной окружающей среды и климатическим изменениям, используемые в качестве предлога для ограничения доступа российских компаний к рынкам экспорта и сдерживания российской промышленности, а также открытое политическое давление, оказываемое странами Запада на Российскую Федерацию с целью недопущения усиления позиций Российской Федерации в Арктическом регионе. Соответственно, подобные действия со стороны государств, входящих в состав НАТО, направлены главным образом на то, чтобы не дать Российской Федерации возможность заполучить сильное геополитическое преимущество за счет высокой степени развитости российской инфраструктуры в Арктическом регионе. Согласно данной стратегии национальной безопасности, актуальными целями внешней политики Российской Федерации на сегодняшний день являются укрепление национальной безопасности Российской Федерации, упрочнение позиций РФ как государства, занимающего позицию одного из наиболее влиятельных геополитических центров в современном мироустройстве. В соответствии с этим, обеспечение и защита интересов Российской Федерации в различных регионах мира, в частности в Арктическом регионе, являются одними из шагов на пути к достижению целей внешней политики Российской Федерации, обозначенных в данной стратегии [14, 16, 17].

В рамках обеспечения готовности Федеральной Службы Безопасности к осуществлению данного пункта стратегии национальной безопасности проводятся регулярные учения как в рамках только структуры ФСБ, так и во взаимодействии с другими подразделениями и структурами. 14 февраля 2020 года оперативным штабом Пограничного управления ФСБ России по западному арктическому району совместно с ФГУП «Атомфлот» в акватории Кольского залива была проведена тренировка подразделений антитеррора на атомном ледоколе. В смоделированной ситуации подразделение ФСБ успешно отработало взаимодействие с другими подразделениями и показало высокий уровень слаженности действий подразделений силовых ведомств. В рамках проведенных учений были изучены варианты, способы и тактические приемы проведения практических мероприятий по пресечению акта незаконного вмешательства на объекте МЭД. Федеральная Служба Безопасности 3 августа 2021 года официально опубликовала видео-запись задержания 6 июля 2021 года консула Эстонии, государства, входящего в состав Североатлантического Альянса, Марта Лятте. Причиной задержания консула Эстонии стала попытка консулом Лятте получить от гражданина Российской Федерации документации и материалов, носящих закрытый характер и касающихся планов Российской Федерации в Арктическом регионе. Важно отметить, что согласно материалам, предоставленным ФСБ, Лятте был заведомо осведомлен о закрытом характере документации, которую он пытался получить. Соответственно, в связи с проведением Мартом Лятте деятельности, несовместимой с его дипломатическим статусом, консул Эстонии был объявлен персоной нон грата и уехал из России. Данные меры, предпринятые ФСБ с целью предотвращения попадания информации закрытого характера в распоряжение иностранных государств, являются мерами по достижению цели обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, основанной на укреплении суверенитета РФ в информационном пространстве, что указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В рамках

достижения данной цели одним из шагов, согласно Стратегии Национальной безопасности РФ, является предотвращение или минимизация ущерба национальной безопасности, связанного с осуществлением иностранными государствами технической разведывательной деятельности [6, 7, 15].

Список использованной литературы:

1. Бобров Ю.В. Северный морской путь: национальный правовой режим в меняющемся международном контексте. Аналитическая записка Российского совета по международным делам. 2016. URL: <https://russiancouncil.ru/upload/NorthernSeaRoute-Policybrief9-ru.pdf> (дата обращения 15.10.2023)
2. Выступление вице-адмирала ВМС США Дэрила Коудла для прессы об учениях «ICEX 2020», 04.03.2020 URL: <https://runews.su/poslednie-novosti/armija/9256-podlednaja-ataka-ssha-otrabotajut-udar-po-rossii-v-arktike-armija.html> (дата обращения 28.10.2023)
3. Интернет-портал «Совершенно Секретно», статья от 26.04.2021 «Полярный шелковый путь», автор В. Волгаев. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/polyarnyy-shelkovyy-put/> (дата обращения 24.10.2023)
4. Интернет-страница Экспертного Совета при Правительстве РФ, Рабочей группы «Развитие Арктики и Северного морского пути», статья «Природные ресурсы Арктики» URL: <https://будущее-арктики.рф/prirodnye-resursy-arktiki/> (дата обращения 25.10.2023)
5. Новостное агентство «Вести FM», статья от 09.09.2011 «За проход по Суэцкому каналу заплатили больше 2 миллионов долларов», А. Попов URL: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1388804/> (дата обращения 25.10.2023)
6. Новостное интернет-издание Мурманский Вестник, статья от 14.02.2020 «Пограничники управления ФСБ России провели учения на мурманском ледоколе» URL: <https://www.mvestnik.ru/newslent/pogranichniki-upravleniya-fsb-rossii-proveli-ucheniya-na-murmanskom-ledokole/> (дата обращения 29.10.2023)
7. Новостное интернет-издание ТАСС, статья от 03.08.2021 «В ФСБ заявили, что консул Эстонии хотел получить закрытые данные о планах России в Арктике» URL: <https://tass.ru/politika/12051517> (дата обращения 26.10.2023)

8. Новостное агентство «BBC NEWS», статья от 15.03.2017 «Захватившие танкер сомалийские пираты потребовали выкуп», URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39276843> (дата обращения 26.11.2023)
9. Новостное агентство «Forbes», статья от 26.03.2021 «Блокировка Суэцкого канала обходится в \$400 млн в час для мировой торговли», С. Мингазов URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/424583-blokirovka-suesckogo-kanala-obhoditsya-v-400-mln-v-chas-dlya-mirovoy-torgovli> (дата обращения 01.12.2023)
10. Онлайн-издание журнала «Сибирская нефть», выпуск №111 (мая 2014 г.), статья «Новая нефть для Старого Света», автор С. Орлов URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2014-may/1104850/> (дата обращение 04.12.2023)
11. Отчет о проверке ведения строительных работ на объекте «Северный клевер», проведенной заместителем командующего СФ вице-адмиралом В.Н. Соколовым, статья от 22.09.2015, новостной портал сайта Министерства обороны РФ URL: <https://s-vesti.ru/news/severnoy-flot/5762-arkticheskiy-kompleks-severnoy-klever/> (дата обращения 05.12.2023)
12. Приказ Министерства транспорта РФ (17.01.2013) №7 «об утверждении правил плавания в акватории Северного морского пути»
13. Устав ООН, ст. 51, 26.06.1945, Сан-Франциско, США
14. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», стр. 5, п. 16
15. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», стр. 20, п. 56
16. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», стр. 39, п. 100
17. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», стр. 41, п. 101.17
18. ФЗ №155 от 31 июля 1988 «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации
19. Джеймс Н. Гибсон «Nuclear Weapons of the United States: An Illustrated History.», 1996
20. Statistical Review of World Energy 2017, составлен ТНК «British Petroleum» URL: <https://www.ourenergypolicy.org/resources/bp-statistical-review-of-world-energy-june-2017/> (дата обращения 02.12.2023)
21. The North Atlantic Treaty, Washington D.C., 04.04.1949

Об авторе: ХРЯСТОВ Иван Романович – студент II курса магистратуры
Дипломатической Академии МИД России, e-mail: ivan.khryastov07@mail.ru

About the author: KHRYASTOV Ivan Romanovich – second-year Master’s
Degree Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation, e-mail: ivan.khryastov07@mail.ru

АРКТИЧЕСКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Хрястова М.Р.

Московский Государственный Лингвистический Университет, Москва

THE ARCTIC ISSUE IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

M.R. Khryastova

Moscow State Linguistic University, Moscow

Аннотация: данная научная статья исследует роль арктического региона в современных международных отношениях. Тема арктического вопроса становится все более актуальной в свете изменения климата, повышения интереса к ресурсам этого уникального региона и транспортному сообщению по новым маршрутам, в том числе по Северному Морскому пути. В статье представлен обзор ключевых нерешенных проблем региона, их особенностей. Автор статьи проводит анализ, используя данные существующих исследований и официальных документов. Результаты исследования позволяют лучше понять сложность и многогранность арктического вопроса и выявить потенциальные направления для разрешения конфликтных ситуаций в регионе. Эта статья имеет значение для политологов, экологов, исследователей международных отношений и всех тех, кто интересуется арктическим регионом и его ролью в мировой политике.

Abstract: this scientific article explores the role of the Arctic region in modern international relations. The topic of the Arctic issue is becoming increasingly relevant in the light of climate change, increased interest in the resources of this unique region and transport links along new routes, including the Northern Sea Route. The article provides an overview of the key unresolved problems of the region and their features. The author of the article conducts an analysis using data from existing studies and official documents. The results of the study allow us to better understand the complexity and versatility of the Arctic issue and identify potential areas for conflict resolution in the region. This article is important for political scientists, environmentalists, researchers of international relations and all those who are interested in the Arctic region and its role in world politics.

Ключевые слова: арктический регион, ресурсный состав, геополитическая конкуренция, Климатическая Доктрина, разграничение морского дна, международное сотрудничество.

Keywords: Arctic region, resource composition, geopolitical competition, Climate Doctrine, seabed delimitation, international cooperation.

Введение

Арктический регион является одной из ключевых тем современных международных отношений. Он представляет собой обширную территорию, расположенную вокруг Северного полюса и включающую в себя Арктический океан и прилегающие к нему существенные территории суши. Арктика отличается своей уникальной экосистемой, а также стратегическими и экономическими возможностями.

Актуальность исследуемой темы обусловлена следующими тезисами:

Во-первых, изменением климата и расширением экономической активности в Арктике. В связи с глобальным потеплением и таянием льдов, Арктика становится все более доступной для добычи природных ресурсов, таких как нефть, газ, минералы и рыба. Это привлекает большой интерес со стороны различных государств, вызывая конфликты интересов и необходимость разработки международных договоров.

Во-вторых, транспортными возможностями и морскими путями. С таянием льдов в Арктике открываются новые возможности для транспортных маршрутов, включая Северный морской путь. Это может существенно сократить время и затраты на торговлю между Азией и Европой, а также повлиять на геополитическую и экономическую силу различных государств.

В-третьих, стремлением государств защитить свои интересы и получить контроль над территорией в Арктике. В свете расширения экономической активности и улучшения транспортных возможностей, многие государства стремятся установить свое присутствие и контроль в регионе. Это может вызывать конфликты между государствами и требует проработки международных договоров и механизмов сотрудничества.

Метод изучения:

Для изучения темы "Арктический вопрос в современных международных отношениях" используются аналитические данные, статистика, исторический анализ, а также изучение международных договоров и соглашений. Для более глубокого понимания сложных динамик взаимодействия между различными акторами в Арктическом регионе также применяются геополитический анализ, сравнительное исследование и экспертные оценки.

Степень разработанности проблемы

Многие политики, социологи и научные сотрудники поднимают арктический вопрос в своих исследованиях. С уверенностью можно сказать, что проблема состояния Арктики на данный момент активно разрабатывается, однако нынешние политические процессы напрямую влияют на ее геополитику, что не позволяет полноценно раскрыть все стороны нерешенных аспектов. Рассмотрим несколько актуальных статей, размещенных в журнале "Арктика XXI век. Гуманитарные науки".

Одной из ключевых особенностей Арктического региона является наличие разнообразных полезных ископаемых, таких как нефть, минералы, газ и т.д. В статье М.С. Коваленко и Е.В. Сибилевой "Ресурсный состав Арктики, сложности добычи и перспективы ее развития" предоставлен анализ состояния использования минерально-сырьевых баз, а также программы, направленные на внедрение новых технологий, позволяющих решить имеющиеся сложности по наращиванию мощи региона. Помимо указанных выше авторов еще многие, например, С.В. Молодцова, Ф.К. Салманова, О.А. Сергиенко давали в своих работах оценку доли ресурсов арктических углеводородов на уровне одной четвертой мирового объема. [2 с.8]

Вопрос экологических проблем, вызванных военной активностью, потребовал подписания Декларации об арктическом военно-экологическом сотрудничестве между Россией, США и Норвегией. Министры обороны России, США и Норвегии подписали Декларацию в Бергене 26 сентября 1996 г. Она и по сей день является актуальной. "Декларация устанавливает основу

для будущего сотрудничества по предотвращению и очистке как радиоактивного, так и нерадиоактивного загрязнения, вызванного военной деятельностью" - сообщает издательство "Forsvarsdepartementet". [6 с.8]

А.М. Фадеев, А.Е. Череповицын и Ф.Д. Ларичкин активно рассматривают транспортные, научные и нефтегазовые проекты, реализуемые в Арктическом регионе. Под их авторством написана монография “Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике”. Этот процесс был выбран ими из-за того, что он охватывает ряд важных проблем геополитического, экономического, общественного и природоохранительного аспектов. [3 с.8]

Зарубежные исследователи не оставляют без внимания регион. Мэтью Гросс в своей статье “Геополитическая конкуренция за Полярным кругом” пишет о “современной золотой лихорадке”, обусловленной значительной концентрацией природных ресурсов, а также стратегическим расположением Арктики. В погоне за властью и военным превосходством великие державы (США, Россия, Китай) демонстрируют конкуренцию. Об этом пишет и Андреас Остаген в своей статье “Нюансы геополитики в Арктике”. Он описывает климатические и геополитические последствия конфликта государств в регионе, а также условия их сотрудничества. [7 с.8; 5 с.8]

Новая Климатическая Доктрина (2023)

1. Деградация многолетней мерзлоты;
2. Нарушение экологического равновесия – вытеснение одних биологических видов другими;
3. Повышение риска для здоровья граждан, принадлежащих к отдельным социальным группам;
4. Рост повторяемости и интенсивности периодов (...) природных стихийных явлений;
5. Повышение пожароопасности в лесах;
6. Распространение инфекционных и паразитных заболеваний.

Северный Морской путь

Севморпуть – это морской путь, который проходит через воды Северного Ледовитого океана и соединяет Северную Европу с Азией. На современном этапе развития Севморпути можно наблюдать несколько важных тенденций.

Первое, что стоит отметить, это строительство новых кораблей для охраны данного маршрута. В связи с увеличивающимся интересом к использованию Севморпути для грузовых и пассажирских перевозок, появилась необходимость в усилении безопасности и защите данного транспортного коридора. Для этой цели разрабатываются специализированные ледоколы и противоледовые суда, способные обеспечить безопасность плавания в ледяном покрове.

Второй аспект развития Севморпути – это перевозка грузов. Учитывая уникальное положение данного морского пути, он может стать привлекательной альтернативой традиционным транспортным маршрутам. Севморпуть сокращает расстояние между Северной Европой и Азией, что позволяет сэкономить время и ресурсы при перевозке грузов. Кроме того, благодаря уменьшению ледяного покрова в регионе, можно ожидать расширения годового времени навигации по Севморпути, что дополнительно стимулирует его использование в качестве транспортного коридора.

Третье направление развития Севморпути связано с увеличением водного пространства в регионе из-за таяния ледников. В результате глобального потепления происходит уменьшение площади ледяного покрова, что расширяет возможности для плавания по Севморпути. Более крупные и глубоководные суда теперь могут свободно проходить через ранее недоступные участки маршрута, что способствует развитию и росту грузопотока.

Разграничение морского дна Северного Ледовитого океана

Сейчас можно наблюдать процесс разграничения морского дна Северного Ледовитого океана, следовательно важно полагаться на международную нормативно-правовую базу регулирования правоотношений

государств в данной сфере и учитывать как универсальные международно-правовые соглашения, так и акты регионального и двустороннего характера, а также решения компетентных международных учреждений, таких как “Комиссия по границам континентального шельфа”, “Международный орган по морскому дну” и другие.

Нерешенные аспекты проблем в Арктическом регионе.

Арктика представляет собой территорию, которая имеет множество подвешенных проблем, решение которым пока не найдено.

Первой такой проблемой можно назвать границы и притязания: Некоторые страны, включая Россию, Канаду, Данию (как представителя Гренландии), США и Норвегию, претендуют на эксклюзивные права на определенные арктические территории и ее естественные ресурсы. Вопрос о границах и непрерывности морского дна Арктики остается нерешенным, что может привести к потенциальным конфликтам между заинтересованными странами. Желание прав преследует не только арктические, но и неарктические государства, не имеющие прямого выхода к Арктике.

Вторая проблема - разделение арктических ресурсов: Арктический регион обладает богатыми запасами природных ресурсов, включая нефть, газ, рыбу и минеральные ресурсы. Неразрешенные вопросы о владении и разделении этих ресурсов могут привести к напряженности и конфликтам между странами.

Из второй проблемы вытекает следующая - охрана окружающей среды: Арктика является крупнейшей региональной экосистемой в мире и играет важную роль в поддержании климата планеты. Нерешенные аспекты относительно защиты окружающей среды и обеспечения устойчивого развития в Регионе создают потенциальную угрозу для экологической целостности Арктики.

Четвертой, но не менее важной проблемой является трудность международного сотрудничества. Для успешного управления арктическими вопросами требуется международное сотрудничество и диалог между

заинтересованными странами. Однако некоторые страны, включая Россию и США, имеют различные подходы к решению арктических вопросов, что затрудняет поиск общих решений и создает напряженность в международных отношениях.

И наконец пятая - безопасность и военная активность: Рост интереса к Арктике вызывает вопросы о безопасности и военной активности в регионе. Нерешенные аспекты относительно вооружения, доступа к арктическим территориям и контроля над стратегическими проходами (например, Северный морской путь) создают потенциальную угрозу для международной стабильности и безопасности в регионе.

Решение этих нерешенных аспектов требует дальнейшего диалога, сотрудничества и поиска компромиссных решений между заинтересованными странами и сторонами, а также учета экологического и устойчивого развития Арктики в качестве приоритета.

Выводы

Таким образом, в результате исследования темы “Арктический вопрос в современных международных отношениях” становится очевидным, что активное развитие региона вызывает интерес различных стран. Это приводит к возрастанию геополитической напряженности и конкуренции в Арктике. Особое внимание в статье уделяется экологическим, транспортным и ресурсным аспектам проблем арктического региона. Необходимо подчеркнуть важность сотрудничества и диалога между странами с целью обеспечения устойчивого развития Арктики и сохранения ее уникальной экосистемы. Также статья выделяет важность разработки международного правового регулирования для решения споров и конфликтов, возникающих в районе. Арктический вопрос имеет множество аспектов и требует внимания со стороны стран и международных акторов для обеспечения устойчивого развития и сохранения региона.

Список использованной литературы:

1. Ибрагимов А.М., Устарханов У.Н. Территориальные претензии арктических государств на континентальный шельф Арктики // А.М. Ибрагимов, У.Н.Устарханов. - Юридический вестник ДГУ. - 2017. - 5 с.
2. Коваленко М.С., Сибилева Е.В. Ресурсный состав Арктики, сложности добычи и перспективы ее развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2023, № 1(31). С. 26-36
3. Фадеев А.М. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике: монография / А.М. Фадеев, А.Е. Череповицын, Ф.Д. Ларичкин. - Апатиты: КНЦ РАН. - 2019. - 289 с.
4. Федорцова К.В., Сидоренко П.Л. Сохранение биоразнообразия Арктической зоны // К.В. Федорцова, П.Л. Сидоренко. - Газовая промышленность. - 2017. - 4 с.
5. Andreas Osthagen The Nuances of Geopolitics in the Arctic - 2020
6. Declaration on Arctic military environmental cooperation // Издательство "Forsvarsdepartementet". 1996
7. Mattew Gross Geopolitical Competition in The Arctic Circle - Harvard International Review. - 2020
8. National Security Act of Norway, 2017
9. Oran Young Arctic Politics in an Era of Global Change - The Brown Journal of World Affairs. - 2012. - pp. 165-178 (14 pages)

Об авторах: ХРЯСТОВА Мария Романовна – студент II курса Московского государственного лингвистического университета, e-mail: mary.khryastova@yandex.ru

КОЖУХОВА Кира Евгеньевна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, e-mail: kozhuhova@mail.ru

About the authors: KHRYASTOVA Maria Romanovna – second-year student of the Moscow State Linguistic University, e-mail: mary.khryastova@yandex.ru

KOZHUKHOVA Kira Evgenievna – Candidate of Political Sciences, Lecturer at the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of the Moscow State Linguistic University, e-mail: kozhuhova@mail.ru

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША 2023: ИЗ
КОНСЕРВАТИЗМА В ЛИБЕРАЛИЗМ**

Филиппов Д.Н.

Иркутский государственный университет, Иркутск

**PARLIAMENTARY ELECTIONS IN THE REPUBLIC OF POLAND 2023:
FROM CONSERVATISM TO LIBERALISM**

D.N. Philippov

Irkutsk State University, Irkutsk

Аннотация: парламентские выборы в республике Польша, которые прошли 15 октября 2023 года, стали для партии «Право и справедливость» поражением, которая была доминирующей партией в период с 2015-2023 гг. Парламентские выборы раскололи польское общество на две части: западная часть голосовала за оппозиционную «Гражданскую коалицию», восточная – за государственную коалицию «Права и справедливости». Основопологающая причина падения правительства «Права и справедливости» заключается в относительно недавнем появлении социально-экономических кризисов, которые были вызваны действиями самой партии в целях удержания власти и продвижения собственных политических интересов. Политические процессы, которые предопределились значимыми кризисами, повлияли на результаты в выборы Национального Собрания Республики Польша и стали основопологающим фактором высокой явки избирателей и уравнивания сил государственной партии и оппозиции в законодательной ветви власти.

Abstract. The parliamentary elections in the Republic of Poland, which took place on 15 October 2023, were a defeat for the Law and Justice party, which had been the dominant party from 2015-2023. The parliamentary elections split Polish society into two parts: the western part voted for the opposition Civic Coalition, while the eastern part voted for the state coalition Law and Justice. The underlying reason for the fall of the Law and Justice government lies in the relatively recent emergence of socio-economic crises, which were caused by the party's own actions in order to retain power and promote its own political interests. The political processes that were predetermined by the significant crises influenced the results in the elections of the National Assembly of the Republic of Poland and became a fundamental factor in the high voter turnout and the balancing of the forces of the state party and the opposition in the legislative branch of power.

Ключевые слова: выборы, Польша, Сейм, Сенат, «Право и справедливость», «Гражданская платформа».

Key words: elections, Poland, Sejm, Senate, “Law and Justice”, “Civic Platform”.

15 октября 2023 года в Польской республике прошли выборы Национального собрания, ставшие провалом для правительственной национал-консервативной партии «Право и справедливость» [13]. Партия занимала доминирующую позицию в политической системе Польши с 2015 года. Политическая ситуация, сложившаяся на 2023 год, стала переломным моментом для «ПиС», особенно, для законодательной ветви власти.

Как и за кого отдавал свой голос польский гражданин? На голосование, пришло 74,3% населения Польши, с небольшой разницей в сотых процентах (74,38% пришло в Сейм, 74,31% пришло в Сенат) [рис. 1]. Явка избирателей, в сравнении с выборами в парламент 2019 года, увеличилась на 12,6%, с 61,7%, что говорит о явной заинтересованности поляков повлиять на политическую жизнь страны. И ведь действительно, за короткий период в четыре года, с 2019 по 2023 гг., нашлось множество причин увеличения избирательной явки. На протяжении 2019–2023 годов интерес граждан к политике вырос, и, если устоявшиеся в польском государстве кризисы будут усложняться, то дальнейший интерес поляков в политической жизни страны будет только нарастать.

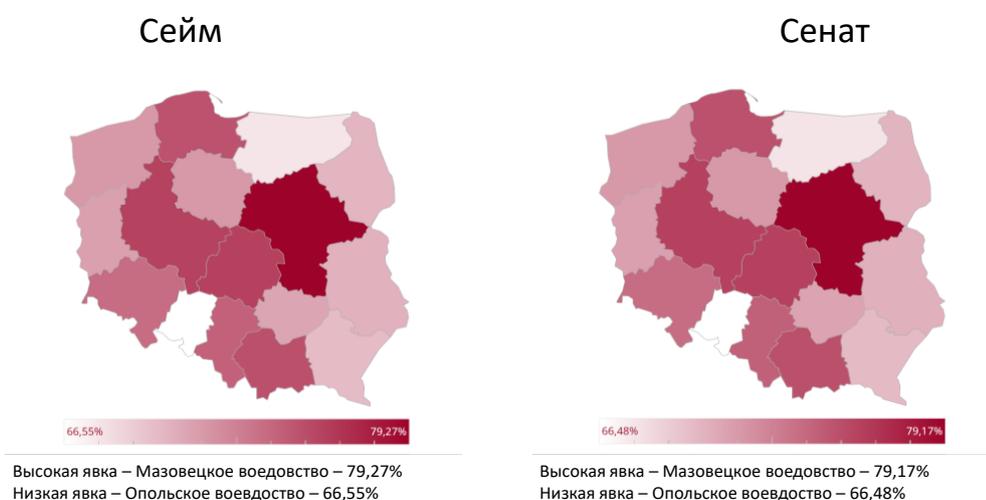

Рисунок 1. Явка избирателей в Национальное Собрание Польши 2023 года

Выборы в Сейм проходят по пропорциональной системе, используя метод Д`Ондры, и для получения мандата партии необходимо преодолеть 5-процентный порог [2]. Поэтому, ни одна бескоалиционная партия не смогла пройти данный порог и получить мандат. В выборах участвовало пять коалиций, собравшие в себе партии различных политических спектров – от ультралевых до ультраправых. Итог выборов в Сейм напрямую связан с распределением мест коалиций. Каковы их результаты? Из 460 депутатских кресел 194 мандата получила коалиция «Права и справедливости», в то время как оппозиция, суммируя их количество мест, набрала 266 мандатов [табл. 1].

Объединённые правые (Право и справедливость) – 190	Гражданская коалиция – 157	Третий путь – 65	Левые – 26	Конфедерация – 18
«Право и справедливость» – 157	«Гражданская платформа» – 122	«Польша 2050» – 33	«Новые левые» – 19	«Новая надежда» – 6
«Суверенная Польша» – 18	Современная партия – 6	Польская народная партия – 28		«Конфедерация» – 7
«Республиканская партия» – 4	«Польская инициатива» – 3	«Уния европейских демократов» – 0		
«Кукиз`15» – 2	«Зелёные» – 3	«Согласие» – 0	«Левые вместе» – 7	«Партия польской короны» – 2
Беспартийные кандидаты – 13	«АГРОуния» – 1 Беспартийные кандидаты – 22	Беспартийный кандидат – 1		Беспартийные кандидаты – 3

Таблица 1. Результаты выборов в Сейм Национального Собрания Республики Польша 2023 г.

«Объединённые правые» победили в 22 округах. Меньше всего, Коалиция получила мест в западных округах. «Гражданская коалиция» сумела продвинуть наибольшее количество своих депутатов в 21 округах, в некоторых округах соревнуясь с «Объединёнными правыми» в крупных городах: в Варшаве, Кракове и Катовице. «Гражданская коалиция», в противовес «Объединённым правым», заняла политические позиции на западе страны и в округах крупных городов. «Третий путь» не смог ни в одном округе

победить и набрал наибольшее количество депутатов в округе «Варшава-1» и в Белостоке. Коалиция «Левые» получила 3 мандата из наибольшего количества в округе «Варшава-1», что. И, наконец, последнее место заняла ультраправая «Конфедерация свободы и независимости», набрав 18 мандатов. «Конфедерация» не смогла нигде победить, ей удалось в округах пробиться по одному депутату, в основном, на востоке и юге страны [рис. 2]. Экзитпол оказался [15], в целом, схож с результатами выборов в Сейм по количеству голосов [табл. 2].

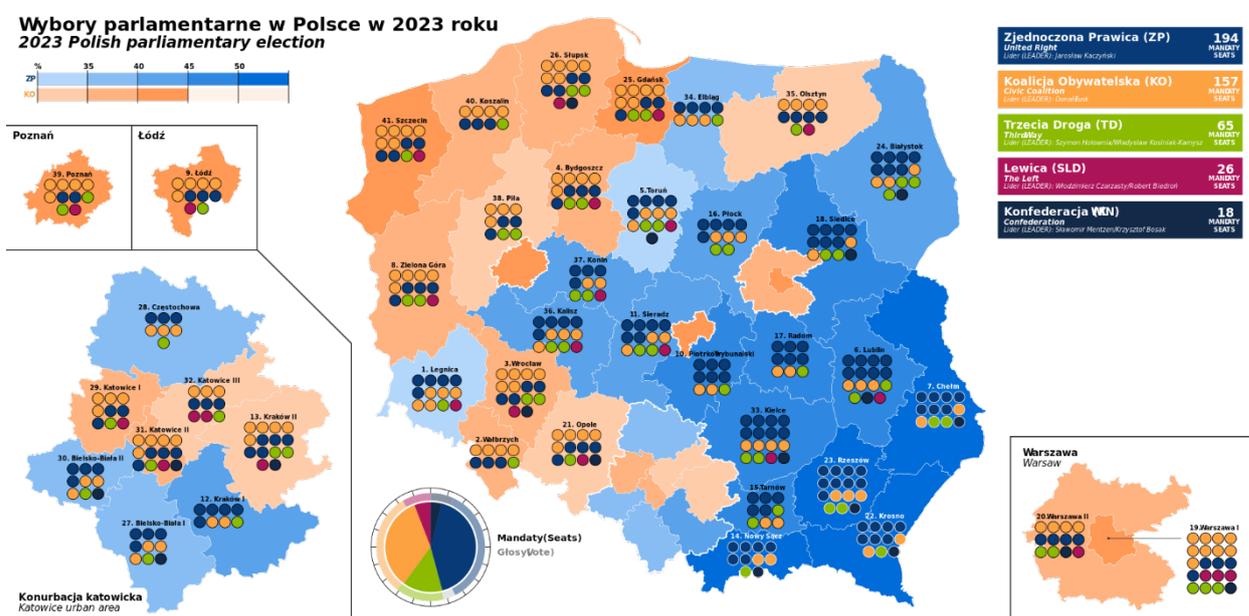

Рисунок 2. Распределение мест коалиций на выборах в Сейм

	Экзитпол:	Процент голосов:
«Право и справедливость»	36,8%	35,38%
«Гражданская коалиция»	31,6%	30,7%
«Третий путь»	13%	14,42%
«Левые»	8,6%	8,61%
«Конфедерация»	6,2%	7,16%

Таблица 2. Результат экзитпола и результат выборов в Сейм по количеству голосов

Выборы в Сенат проходят с помощью мажоритарной системы относительного большинства. Побеждает окружной кандидат, набравший наибольшее количество голосов. Сенат состоит из 100 равноправных по площади, одномандатных округов. «Права и справедливость получила» 34 места, в то время как объединённая оппозиция получила 65 мандатов. Также, в составе «Гражданской коалиции» в Сенат прошли 4 независимых кандидата. Лишь одно место получил независимый кандидат, не входящий ни в одну из вышеназванных коалиций [табл. 3]. Для сравнения – на выборах 2019 года «ПиС» получила 48 мест, обгоняя по своему количеству оппозицию. С учётом того, что оппозиционная коалиция, набрав 65 мандатов против 34 мест, выборы в Сенат стали сокрушительным поражением для «Права и справедливости», которая стала меньшинством. Партии в Сенат заняли, примерно, те же округа и места, что и в Сейм [рис. 3]

«Право и справедливость» – 34	«Гражданская коалиция» – 41	«Третий путь» – 11	«Левые» – 9	Независимые кандидаты в оппозиции «Права и справедливости» – 4	Независимый кандидат – 1
«Право и справедливость» – 29	«Гражданская платформа» – 36	«Польша 2050» – 4	«Новые левые» – 5		
«Суверенная Польша» – 1		Польская народная партия – 4	«Левые вместе» – 2		
«Республиканская партия» – 0		«Уния европейских демократов» – 1	«Польская социалистическая партия» – 1		
Беспартийные кандидаты – 4	Беспартийные депутаты – 5	«Согласие» – 1	«Уния труда» – 1		

Таблица 3. Результаты выборов в Сенат Национального Собрания Республики Польша 15 октября 2023 года

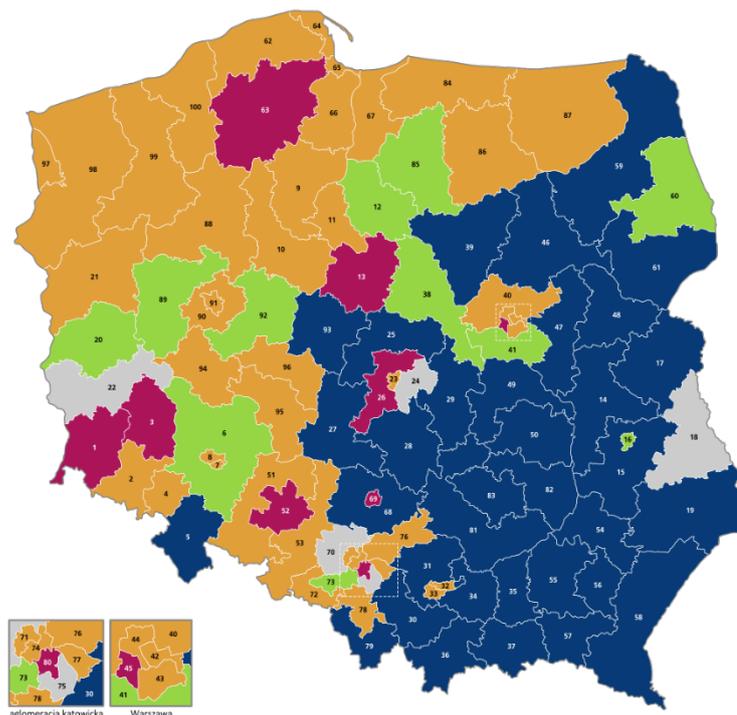

Рис 3. Распределение мест коалиций на выборах в Сенат

«Гражданская платформа» является либеральной партией (христианская демократия, либерализм), а «Право и справедливость» - национал-консервативная партия. Учитывая этот факт, Польша республика, в процессе выборов, разделилась на либеральный Запад, и консервативный

Восток. Выборы в Национальное Собрание можно рассматривать как противостояние «Права и справедливости» против «Гражданской платформы». С чем связана данная ситуация? Во-первых, они заключаются в программах и особенностях партий [табл. 4].

Политические программы действия «Пис» и «Пп»

Право и справедливость	Гражданская платформа
Ориентированные слои: многодетные семьи («Семья 500+»), пенсионеры, жители сельских местностей и малоимущих представителей молодёжи.	Ориентированные слои: пенсионеры и малоимущая молодёжь
Внешняя политика: сохранение национального суверенитета, членство в ЕС и НАТО, сотрудничество с США, проукраинская позиция	Внешняя политика: улучшение отношений с ЕС
Портрет избирателя: «мохер» – патриот с основным образованием, крестьянин, католик и противник ЛГБТ	Портрет избирателя: средний класс, житель крупного города, за права ЛГБТ
Запрет аборт	Право на аборт
Мигрантофобия	Содержание мигрантов за счёт фонда ЕС
Обладание всевозможными инструментами влияния	Отсутствие инструментов влияния

Таблица 4. Различия в программах и действиях партий «Право и справедливость» и «Гражданская платформа»

Во-вторых, важную роль в результатах выборов сыграли кризисы социально-экономического характера.

1. Судебная реформа лишила независимость судей путём утверждения их на должность президентом страны, а также, иммунитет судей в случае критики реформы. На протяжении нескольких лет, Брюссель пытался повлиять на польские власти различными способами: от осуждения Еврокомиссией до заморозок активов средств Фонда ЕС. Судебная реформа стала отличным инструментом для очернения репутации оппозиционеров. Реформа, в 2023 году, была принята польским обществом не очень воодушевленно – в крупных городах под патронажем «Гражданской платформы» состоялись митинги, в основном, против «Права и справедливости» и ее слабоэффективной политики [7].

2. Польша в 2022 году испытала на себе экономические осложнения: рост инфляции и цен на газ и нефть. В сентябре прошлого года инфляция в Польше составила 16% [9]. Государство призывало ограничить население в использовании электричества, цены на которое повышалось. Реальные зарплаты падали, себестоимость продукции росла. Инфляция, с прошлого года, спала путем организации и принятия властями антиинфляционных мер. На ноябрь 2023 года инфляция составила 6,5% [11]. Антироссийская политика как ключевой фактор внешней политики «Права и справедливости» наложила отпечаток на ухудшение экономического положения страны. Этим фактором воспользовалась оппозиция в лице Туска, обвинив правительство «в политических ошибках» [4].

3. Наплыв мигрантов из Ближнего Востока и Африки в Польшу, через Белоруссию, начался в августе 2021 года. Для решения проблемы было принято решение о строительстве стены вдоль польско-белорусской границы. Противостояние мигрантам оказалось тщетным: за два года ситуация не изменилась, а наплыв увеличился. Воспользовавшись ситуацией, Дональд Туск успел дважды обвинить власть в «исламизации» Польши. Туск припомнил намерения правительства выдавать до 400 тысяч виз по упрощенной системе для мигрантов из мусульманских стран. Высказывания Туска антиисламского и антимигрантских характеров являются попыткой ополчить народ против «ПиС». Туск намеревался показать, что миграционный кризис – дело рук «Права и справедливости». Миграционный кризис осложнился наплывом беженцев с Украины, в феврале 2022 года. В феврале 2023 года число украинских беженцев составило до 1,5 миллионов [6]. Проблема миграционного кризиса заключается в нежелании украинцев интегрироваться в польское общество. «Право и справедливость, для защиты украинских мигрантов, лоббировало выплату пособий «Семья 500+», предназначенную, изначально, для поддержки демографии в стране [12]. Это пособие за полгода было выплачено более 2 млн. гражданам, 1,8 из которых – украинцы [17]. Действие вызвало у поляков чувство второсортности в своей

стране, а также гнев к украинцам. Так, по октябрьским опросам, прием беженцев с Украины поддержало 57% опрошенных, результат в сентябре был выше на 8% [14]. Поляки устали содержать украинцев за свой счет.

4. Взаимоотношения с Украиной. Поставки вооружений и обучение украинских солдат для боевых действий, снятие уголовной ответственности с польских наемников на Украине [8] и их отрицание участия в конфликте [16], поддержка т.н. «территориальной целостности» страны – все это осуществляла «Право и справедливость» с одной целью – показать, что Польша является ведущей европейской державой в борьбе с т.н. «российской агрессией». Но, несмотря на активную солидарность Польши с соседней страной, поляки стремятся восстановить историческую справедливость: Украина не признает Волынскую резню 1943 года и не эксгумировала тела погибших в резне до сих пор. В предвыборной кампании партии использовали тему резни в вопросе отношений с Украиной. Наряду с миграцией украинцев и попыткой признания Волынской резни, в поддержку слоек, пострадавших от украинской конкуренции в поставке зерна в Польшу, 16 сентября было введено бессрочное эмбарго на импорт зерна с Украины [10]. Конфликт перерос в блокаду КПП дальнобойщиками, которые также пострадали от украинской конкуренции [1]. Можно наблюдать, как дружественные отношения двух государств перерастают в скрытую войну за сохранение экономических показателей и престижа страны.

Подводя итог, важно заявить следующий вывод: в основу провала «Права и справедливости» и роста популярности оппозиции легли кризисы, которые были спровоцированы деятельностью самой «ПиС», с одной единственной целью – целью длительного удержания у власти и поиска поддержки среди электората. В целом, у «Гражданской платформы», в объединении с оппозицией, появилась лишняя у «ПиС» руководящую роль, которую партия занимала в течение 8 лет, и управлять Польской республикой в соответствии со своими политическими амбициями. Дальнейшее усугубление ситуации в социально-экономической сфере может сказаться

сугубо отрицательно на популярности «ПиС». Дальнейшую судьбу «Права и справедливости» покажут последствия кризисов, обострение которых стоит тоже под вопросом. При неясности перспектив, в целом, можно наблюдать тенденцию, когда самая консервативная страна в Европе теряет свой заслуженный титул, а с этим происходит переход польского общества из консерватизма в либерализм.

Список использованной литературы:

1. «Они становятся банкротами»: поляки объявили блокаду трех КПП на границе с Украиной. – Текст : электронный // Газета.ru : сайт. – 2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/06/17834467.shtml?ysclid=lpparn9nta81599863> (дата обращения: 27.11.2023).
2. Васильева В. М. Электоральная география и выборы в Польше / В. М. Васильева. – Текст : электронный // Высшая школа экономики. Факультет социальных наук : сайт. – 2023. – URL: <https://social.hse.ru/news/212672030.html#:~:text=Избирательная%20система%20в%20Польше%20пропорционал%> (дата обращения: 28.11.2023).
3. Грандиозный миграционный скандал разгорелся в Польше накануне парламентских выборов. – Текст : электронный // SB.BY : сайт. – 2023. – URL: <https://www.sb.by/articles/aferisty-ot-diplomatii.html> (дата обращения: 28.11.2023).
4. Дональд Туск обвинил правящую партию Польши в политических ошибках. – Текст : электронный // Газета.ru : сайт. – 2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/11/29/21812455.shtml> (дата обращения: 27.11.2023).
5. Матюхин Д. С. Парламентские выборы в Республике Польша 2023: стратегии ключевых партий и возможные результаты / Д. С. Матюхин // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 2 (24). – С. 390–406.
6. Названо число украинских беженцев в Европе. – Текст : электронный // Рамблер. Новости. – 2023. – URL: https://news.rambler.ru/world/50299751/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 28.11.2023).
7. Полмиллиона человек вышли на митинг оппозиции в Варшаве. – Текст : электронный // Sputnik. Казахстан : сайт. – 2023. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20230605/polmilliona-chelovek-vyshli-na-miting-oppozitsii->

v-varshave-35618346.html?ysclid=lpo4ov2bg2833516092 (дата обращения: 28.11.2023).

8. Польских наемников больше не будут наказывать за службу в ВСУ. – Текст : электронный // Новости восточной ленты : сайт. – 2022. – URL: <https://novostivl.ru/news/20221222/170126/?ysclid=lpp1kye28m695848289> (дата обращения: 28.11.2023).

9. Польша - Уровень инфляции. – Текст : электронный // Trading economics: сайт. – 2023. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/poland/inflation-cpi> (дата обращения: 27.11.2023).

10. Польша ввела бессрочное эмбарго на импорт зерна из Украины. – Текст : электронный // РБК : сетевое издание. – 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2023/650575519a79471d1d0c9ec8> (дата обращения: 27.11.2023).

11. Annual inflation to slightly exceed 14 pct in 2022 says central bank. – Text : electronic // The First News : website. – 2022. – URL: <https://www.thefirstnews.com/article/annual-inflation-to-slightly-exceed-14-pct-in-2022-says-central-bank-31678> (date of application: 30.11.2023).

12. Family 500+. – Text : electronic // gov.pl : official website. – 2023. – URL: <https://www.gov.pl/web/family/family-500> (date of application: 30.11.2023).

13. Polish opposition leader Tusk declares win as ruling conservatives lose majority. – Text : electronic // npr : website. – 2023. – URL: <https://www.npr.org/2023/10/15/1206033591/poland-votes-in-an-election-seen-as-the-most-important-of-its-3-decade-old-democ> (date of application: 30.11.2023).

14. CBOS: w Polsce spada poparcie dla przyjmowania uchodźców z Ukrainy [sondaż]. – Tekst : elektroniczny // Kresy.pl : witryna. – 2023. – URL: <https://kresy.pl/wydarzenia/cbos-w-polsce-spada-poparcie-dla-przyjmowania-uchodzcow-z-ukrainy-sondaz/> (data odwołania: 01.12.2023).

15. Мамы wyniki z 30 proc. komisji. PiS wygrywa, ale opozycja bierze Sejm [NA ŻYWO]. – Tekst : elektroniczny // Wiadomości : witryna. – 2023. – URL: https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/14,190451,30301576.html#do_w=77&do_v=824&fallback=true&do_st=RS&do_sid=1074&do_a=1074&e=RelRecImg6 (data odwołania: 01.12.2023).

16. Polski Korpus walczy już po stronie Ukrainy. "Zadanie wykonane celująco bez strat własnych". – Tekst : elektroniczny // Wiadomości : witryna. – 2023. – URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,29746029,polski-korpus-pierwszy-raz-walczy-w-ukrainie-zadanie-wykonane.html> (data odwołania: 01.12.2023).

17. W pół roku 500 plus dla 2 mln obcokrajowców. W czołówce m.in. Rosjanie. – Tekst : elektroniczny // Business insider : witryna. – 2023. – URL:

<https://businessinsider.com.pl/wiadomosci/w-pol-roku-500-plus-dla-2-mln-obcokrajowcow-w-czolowce-min-rosjanie/4tl8vp2> (data odwołania: 01.12.2023).

18. Wybory do Sejmu i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej 2023 r.. – Tekst : elektroniczny // Krajowe Biuro Wyborcze : witryna. – URL: <https://wybory.gov.pl/sejmsenat2023/pl> (data odwołania: 01.12.2023).

Об авторе: ФИЛИППОВ Дмитрий Николаевич – студент, Иркутский государственный университет, e-mail: Chieftain2003@gmail.com

About the author: PHILIPPOV Dmitriy Nikolayevich – student, Irkutsk State University, e-mail: Chieftain2003@gmail.com

ДИПЛОМАТИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В АФРИКЕ

УДК 327

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН АРАБСКОГО МИРА В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аббасова С.В.

МГИМО (У) МИД России, Москва

CULTURAL SECURITY OF THE ARAB WORLD IN THE CONTEXT OF MILITARY CONFLICTS

S.V. Abbasova

MGIMO University, Moscow

Аннотация: В докладе проведен анализ проблем, с которыми сталкиваются страны Арабского мира в сфере культурной безопасности в условиях многочисленных военных конфликтов и столкновений. Систематизированы меры, которые принимает международное сообщество для обеспечения культурной безопасности данного региона. Выделены причины неэффективности подписанных в сфере культуры конвенций в данном регионе, а также предложены действия, меры для обеспечения частичного решения проблемы разрушения объектов культурного наследия.

Abstract. The report analyzes the problems faced by the countries of the Arab world in the field of cultural security in the context of numerous military conflicts and clashes. The measures taken by the international community to ensure the cultural security of the region are systematized. The reasons for the ineffectiveness of the conventions signed in the field of culture in this region are highlighted, and actions and measures are proposed to provide a partial solution to the problem of destruction of cultural heritage sites.

Ключевые слова: Арабский мир, культурная безопасность, культурное наследие, ЮНЕСКО, военные конфликты, конвенции.

Keywords: the Arab world, cultural security, cultural heritage, UNESCO, military conflicts, conventions.

Перед Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) поставлена задача находить и помогать сохранить уникальные, но находящиеся под угрозой исчезновения традиции различных культур и включить их в Список нематериального культурного наследия для будущих поколений. [2] ЮНЕСКО занимается документированием и сохранением культурных традиций и наследия всех 193 государств-членов. Все задокументированные традиции сначала номинируются исследователями и подвергаются многолетнему изучению. Включенные в данный список традиции создают и умножают богатство культур арабского мира. Без них многие древние практики и знания были бы навсегда утеряны. [3] Однако вопрос сохранения культурного наследия в странах Арабского мира представляется довольно сложным в условиях многочисленных военных конфликтов, войн, террористических атак, хищений и контрабанд в данном регионе. Жертвами конфликтов, которые охватили многие арабские страны после «арабской весны» 2011 года, стали не только люди, но и культурные ценности, которыми особенно богаты страны с такой древней историей, как Сирия, Ирак, Йемен и Ливия. Их культурному наследию за годы военного противостояния был нанесен значительный урон.

Перечень ЮНЕСКО насчитывает 88 памятников архитектуры и культуры на территории арабских стран, из которых 20 включены в "список объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой из-за вооруженных конфликтов". Так, например, к 2017 году в список всемирного наследия ЮНЕСКО были включены шесть объектов на территории Сирии: исторический центр Дамаска, старый город в Басре, археологические памятники Пальмиры, старый город в Алеппо, замки Крак де Шевалье и Кальбат-Салах-ад-Дин (крепость Саладина), а также руины Северной Сирии, насчитывающие около 40 поселений, датируемых I-VII веками. Однако все шесть объектов были серьезно повреждены в ходе Гражданской войны, а город Алеппо - один из старейших городов мира - разрушен до основания. Есть и объекты, которые были настолько сильно повреждены, что представляется

уже невозможным их восстановить (город Нимруд в Ираке, Армянская кафедральная церковь "Святых сорока мучеников" и Великая мечеть Алеппо или мечеть Омейядов в Алеппо).

Проблема обеспечения культурной безопасности арабских стран способствует консолидации действий данных стран, а также всего международного сообщества. Арабские страны совместно с ЮНЕСКО готовы защищать от уничтожения и разграбления культурное и историческое наследие Ближнего Востока. Так, открытый в 2012 году в Бахрейне под эгидой ЮНЕСКО Арабский региональный центр мирового наследия призван помочь сохранить культурное наследие арабских стран при любых обстоятельствах. А по итогам прошедшей в 2015 году в Каире международной конференции по сохранению памятников древности была подписана декларация, участниками которой стали Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Судан и Оман. [1] В данной декларации отмечается, что страны договорились "наращивать сотрудничество с целью противодействия разграблению и незаконному обороту культурных ценностей". Среди мер, осуществляемых ЮНЕСКО в данной сфере, можно выделить следующие:

- разминирование объектов культурного значения;
- проведение для сотрудников музеев и археологических объектов арабских стран тренингов. Одним из таких тренингов является цикл семинаров "Первая помощь объектам культурного наследия во время войн и конфликтов";
- команда работников ЮНЕСКО делает все возможное, чтобы сберечь ценности, которые физически можно переместить;
- реставрационные работы в условиях, когда конфликты заморожены, снижают свою интенсивность. В рамках ЮНЕСКО были сформированы так называемые силы реагирования, которые собирают информацию и ждут того времени, когда ситуация в этих странах нормализуется, чтобы сразу начать международную кампанию по восстановлению объектов культурного наследия. А Арабский региональный

центр ЮНЕСКО набрал команду специалистов, которая готова выехать на места для реставрации исторических памятников сразу, как обстановка в этих странах нормализуется. [6]

Примечательно, что арабские страны являются участниками ряда международных конвенций, призванных не допустить повреждения и разрушения объектов культурного наследия в ходе вооруженных конфликтов (Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года). [4] Так, Конвенция 1954 года обязывает государств-участников уважать культурные ценности, расположенные на их собственной территории, а также на территории других договаривающихся сторон, запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, разграбления или незаконного присвоения культурных ценностей, а также поддерживать усилия компетентных национальных властей оккупированной территории, чтобы обеспечить охрану и сохранение ее культурных ценностей. Однако, несмотря на установление вышеперечисленных обязательств, данные соглашения не способствуют обеспечению культурной безопасности в полной мере. Это во многом связано с характером военных конфликтов и противостояний, распространенных в данном регионе. Конфликты в данном регионе не являются классическими межгосударственными военными конфликтами. В большинстве своем они представлены гражданскими войнами, а именно внутренними интернационализированными конфликтами, в которых задействованы множество акторов, имеет место интервенция других государств, и в которых участвуют в том числе и международные неправительственные организации и группировки, которые не являются участниками каких-либо конвенций и могут наносить огромный ущерб культурному наследию. Особый урон объектам культурного наследия наносят не только сами вооруженные конфликты, но и преднамеренные террористические акты, совершаемые Исламским государством (ИГИЛ), террористической и запрещённой на

территории РФ организацией. [5] Исторические памятники и музеи в арабских странах, где идут военные конфликты, особенно в Ираке и Сирии, страдают не только от разрушения, но и от разграбления. В связи с чем и была принята в 2015 году резолюция 2199 Совета Безопасности ООН, призывающая к запрету торговли объектами культурного наследия из Ирака и Сирии и к принятию усиленных мер по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей. [7] ЮНЕСКО настоятельно рекомендует государствам ужесточить законодательство в этой области.

Таким образом, в условиях характера конфликтов в данном регионе, когда сторонами конфликтов не являются лишь государства, которые можно принудить к соблюдению международных конвенций, а еще и ряд других группировок и организаций, возможно лишь частичное решение проблемы сохранения объектов культурного наследия и обеспечения культурной безопасности. [8]

Среди мер, которые необходимы для укрепления культурной безопасности стран Арабского мира можно выделить следующие:

- предварительные работы по защите культурных объектов и недопущении их повреждения, вывоз некоторых культурных объектов из зон военных столкновений;
- реставрация объектов культурного наследия в периоды снижения интенсивности конфликтов;
- международное осуждение террористических организаций и НПО, сторон конфликтов, которые не уважают культуры данных стран, запрет на поддержку данных участников конфликтов со стороны других стран (например, запрет на поставки вооружений для сторон конфликтов, которые разрушают культурное наследие);
- обеспечение соблюдения Конвенции ЮНЕСКО 1970 года “О мерах, направленных на запрещение и предотвращение незаконного ввоза, экспорта и передачи права собственности на культурные ценности”, а также усиление международного сотрудничества в проведении расследований,

уголовном преследовании и судебных разбирательствах по делам, связанным с контрабандой культурного достояния: пресечение незаконной торговли предметами, представляющими культурную ценность, что можно достигнуть путем применения санкций по отношению к лицам и организациям, которые торгуют с террористами предметами культурной ценности, вывезенными из стран Арабского мира. Кроме этого, сотрудники таможни должны проходить специальное обучение для ознакомления с "особенностями импорта и экспорта объектов культурного достояния". А музеи и аукционные дома должны уделять "пристальное внимание" происхождению предметов культуры перед тем, как приобретать их.

Список использованной литературы:

1. Ананьин М.И. Состояние дел в области культуры в Королевстве Саудовская Аравия. Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения.". 2016;(3):102-107.
2. Беда А.М. Охрана культурного наследия. М., 1999.
3. Бойко А.Ю. О методических рекомендациях по оценке объектов культурного наследия / А.Ю. Бойко // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2016. - №10 (181). - С.66-72.
4. Конвенция "Об охране всемирного культурного и природного наследия", 1972 г.
5. В Сирии пострадали шесть объектов всемирного наследия ЮНЕСКО // ТАСС: 01.12.2017. URL: <https://tass.ru/kultura/4774946?ysclid=lon6xowxzt108648896>
6. Наумкин В. Как объединить усилия по спасению уникальных древних памятников ближневосточных цивилизаций? / Виталий Наумкин // РСМД. - 2015. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kak-obedinit-usiliya-po-spaseniyu-unikalnykh-drevnykh-pamyat/?ysclid=lon6ttivvg890912738>
7. ЮНЕСКО: власти Сирии берегут древности даже в оппозиционных районах // РИА: 18.05.2015. URL: <https://ria.ru/20150518/1065087628.html>
8. Почему арабские культурные памятники все реже включают в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО? // Рамблер/новости: 01.08.2020. URL: <https://news.rambler.ru/other/44601534-noonpost-egipet-pochemu-arabskie->

kulturnye-pamyatniki-vse-rezhe-vklyuchayut-v-spisok-obektov-vsemirnogo-naslediya-yunesko/?ysclid=lon6xe1514798584260

Об авторах: АББАСОВА Сема Вагифовна – студентка 2 курса Факультета управления и политики МГИМО (У) МИД России, e-mail: Abbasova_S_V@my.mgimo.ru

About the authors: ABBASOVA Sema Vagifovna – 2nd year student, School of Governance and Politics MGIMO University, e-mail: Abbasova_S_V@my.mgimo.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКОВАС ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ**

Блинкова З.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

**ECOWAS ACTIVITIES ENSURING FOOD SECURITY IN WESTERN
AFRICA**

Z.A. Blinkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: В настоящее время наблюдается ухудшение продовольственной ситуации в Африке, в том числе в западном ее регионе из-за экстремальных погодных условий, кризиса региональной безопасности в зоне Сахеля и экономических потрясений. В данной статье кратко охарактеризована продовольственная ситуация в Западной Африке, а также проанализирована деятельность Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) по обеспечению продовольственной безопасности в рассматриваемом регионе. Новизна темы состоит в применении системного подхода к рассмотрению деятельности ЭКОВАС как регионального актора обеспечения продовольственной безопасности как самостоятельно, так и при сотрудничестве с другими международными организациями (как межгосударственными, так и неправительственными). В статье рассмотрены руководящие принципы сельскохозяйственной политики Экономического сообщества стран Западной Африки как части Комплексной программы развития сельского хозяйства в Африке, деятельность Постоянного межгосударственного комитета по борьбе с засухой в Сахеле, сотрудничество с ООН и Африканским фондом сельскохозяйственных технологий. В заключении приведены некоторые рекомендации по улучшению продовольственной ситуации в регионе как государствам, так и рабочим органам организации.

Abstract. The food situation in Africa, including the Western region, is currently deteriorating due to extreme weather conditions, the regional security crisis in the Sahel and economic shocks. This article briefly describes the food situation in West Africa and analyses the activities of the Economic Community of West African States (ECOWAS) in ensuring food security in the region under review. The novelty

of the topic lies in the application of a systematic approach to examine the activities of ECOWAS as a regional actor in ensuring food security, both on its own and in collaboration with other international organisations (both interstate and non-governmental). The article discusses the guiding principles of the agricultural policy of the Economic Community of West African States as part of the Comprehensive Africa Agriculture Development Programme, the activities of the Permanent Inter-State Committee for Drought Control in the Sahel, cooperation with the UN and the African Agricultural Technology Fund. It concludes with some recommendations for improving the food situation in the region, both for states and for the organisation's working bodies.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, международные организации, сельскохозяйственная политика, Западная Африка, Сахель, ЭКОВАС.

Keywords: food security, international organisations, agricultural policy, West Africa, Sahel, ECOWAS.

Введение. По данным Глобального доклада о продовольственных кризисах, подготовленного Глобальной сети по борьбе с продовольственными кризисами, число людей, столкнувшихся с острой проблемой отсутствия продовольственной безопасности в Западной Африке достигло нового рекорда в 2022 году, составив около 41,45 млн человек в 15 странах.

Наибольшее число людей, находящихся в ситуации отсутствия продовольственной безопасности, приходится на Нигерию (21 штат и федеральный столичный округ с населением около 19,45 млн человек), далее следуют Нигер, Камерун, Буркина-Фасо, Чад, Мали, Сьерра-Леоне, Гвинея и Мавритания.

Среди причин кризиса можно отметить следующие:

1. Конфликты и региональные кризисы в Центральном Сахеле, например, в приграничных районах Того и Ганы, стали основной причиной острого отсутствия продовольственной безопасности в Буркина-Фасо, Мали, Нигере и Нигерии с населением 34,85 миллиона человек;

2. Экономические потрясения стали основной причиной острого отсутствия продовольственной безопасности в Кабо-Верде, Гамбии, Гане,

Гвинее, Либерии, Сенегале, Сьерра-Леоне и Того, где около 6,6 миллиона человек столкнулись с высоким уровнем дефицита продовольствия. Непомерно высокий уровень задолженности и медленные темпы роста, отчасти обусловленные затяжными последствиями COVID-19 и усугубленные напряженной геополитической обстановкой, повлияли на национальную экономику и ограничили бюджетное пространство для реализации мер социальной защиты.

Резкое обесценивание валюты и разгул инфляции, в частности в Гане и Сьерра-Леоне, негативно сказались на покупательной способности домохозяйств. Цены на продовольствие в целом росли на протяжении 2022 г. из-за высоких мировых цен на продовольствие, топливо и удобрения, достигнув рекордного уровня в ряде стран.

3. Экстремальные погодные условия. Неравномерные и ниже среднего уровня дожди в 2021 г. привели к дефициту урожая в странах Сахеля, особенно в Нигере, что значительно снизило доступность продовольствия в 2022 г. Наводнение в 2022 г. нарушило работу рынков и источников средств к существованию и привело к локальным потерям урожая, что ограничило наличие и доступность продовольствия на местах. По состоянию на декабрь 2022 г. от наводнений пострадали около 7,05 миллиона человек в 14 странах, включая Нигерию [6, 43-44].

Сельскохозяйственная политика ЭКОВАС ECOWAP как часть программы СААДР. В 2005 г. Экономическое сообщество Западноафриканских государств (ЭКОВАС) приняло сельскохозяйственную политику Экономического сообщества Западной Африки (ECOWAP), определяющую принципы и цели в сельскохозяйственном секторе и направления сельскохозяйственного развития для обеспечения устойчивой продовольственной безопасности в государствах-членах, достойного вознаграждения работников сельского хозяйства и расширения торговли на устойчивой основе в рамках как региона, так и всего мира.

Тремя осями этой политики являются:

1. Повышение производительности и конкурентоспособности сельского хозяйства Западной Африки;
2. Внедрение торгового режима внутри Западной Африки;
3. Адаптация торгового режима по отношению к странам за пределами региона.

Сельскохозяйственная политика Западной Африки также согласуется с реализацией Комплексной программы развития сельского хозяйства в Африке (CAADP), составляющей Новое партнерство Африканского союза в интересах развития Африки (AU/NEPAD). После 10 лет реализации CAADP главы государств и правительств африканских стран, в частности на уровне ЭКОВАС, подтвердили приверженность ее основным принципам в декларации Малабо от 2014 г., где были установлены четкие принципы, направления деятельности и целевые показатели на период 2015-2025 гг.

Программа ECOWAP/CAADP направлена на достижение целей устойчивого развития (ЦУР) по сокращению бедности и голода путем достижения целей, изложенных в декларации МАЛАБО, включая искоренение голода и сокращение вдвое бедности в Африке к 2025 г., а также целевых показателей среднегодового роста в сельскохозяйственном секторе на 6% и выделение в среднем 10% национальных бюджетов на этот сектор [4].

Деятельность Постоянного межгосударственного комитета по борьбе с засухой в Сахеле (CILSS). Он выполняет функции технического органа: проведение мониторинга продовольственной безопасности стран Западной Африки и Сахеля. Сегодня CILSS представляет собой региональный комитет по борьбе с засухами и реализует четкую программу, включающую в себя анализ, прогнозирование и принятие мер по смягчению последствий засух в его 17 государствах-членах в регионе Западной Африки и Сахеля.

Во всем Сахеле продовольственная безопасность неразрывно связана с устойчивостью к засухе. Работа CILSS, которая первоначально строилась вокруг вопросов сохранения почв и воды, вышла на уровень сложных информационных систем и средств отображения данных. CILSS ведет

постоянный контроль за ситуацией в регионе и ищет пути повышения устойчивости хрупкой экосистемы, дающей средства к существованию миллионам животноводов и фермеров.

В его распоряжении находится крупный центр обработки космической информации и разработанный и проверенный на практике протокол сбора данных о продовольственной безопасности в странах-участницах. В начале, середине и конце каждого земледельческого сезона страны-члены и партнеры CILSS собираются на региональные семинары и на основе собранных данных анализируют состояние сельского хозяйства и продовольственной безопасности.

На этих региональных семинарах по предотвращению и действиям в условиях продовольственных кризисов (ПДУПК) государства представляют свои итоговые прогнозы урожая и вырабатывают единую позицию. Вся информация объединяется в “зерновой баланс”, который в качестве отчетного документа CILSS подготавливает для каждой страны-члена, где учитывается национальное производство, планы по импорту, доступная продовольственная помощь и имеющиеся запасы продовольствия в сопоставлении с потреблением.

CILSS имеет региональный учебный центр в Нигере, где специалисты по сельскому хозяйству и техническим дисциплинам могут повысить свою квалификацию. Его программа AGRHYMET (Agrometeorology and Operational Hydrology and their Applications – Региональный учебный центр по агрометеорологии и прикладной гидрологии и их применению) включает курсы не только по сельскому хозяйству, гидрологии и метеорологии, как следует из названия, но и по управлению природными ресурсами, адаптации к изменению климата и защите растений.

Сотрудничество с ООН. Не меньшее внимание уделяется изучению вопросов обработки информации и информационным системам. Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО) оказала CILSS поддержку в гармонизации норм контроля за пестицидами в рамках

Комитета Сахеля по пестицидам, который выполняет функции координационного центра в отношении всех пестицидов, поступающих в Сахель.

ФАО также оказала активную поддержку CILSS в разработке его “Cadre Harmonisé” (гармонизированная система) – инструмента, применяемого на страновом уровне в дополнение к продовольственному балансу для классификации текущего и прогнозируемого состояния продовольственной безопасности по стандартной шкале по всему региону. За основу стандартной шкалы взята Комплексная классификация стадий продовольственной безопасности (ККС) – инструмент, разработанный ФАО для сопоставления изменения состояния продовольственной безопасности в пространстве и времени.

В целом, уже на протяжении четырех десятилетий ФАО оказывает комитету техническое, экспертное и финансовое содействие [1].

Еще одной мерой по сокращению голода в странах составляет реализация программ школьного питания, которую ЭКОВАС осуществляет вместе со Всемирной продовольственной программой. Так, в октябре с.г. более ста технических экспертов провели встречу в Дакаре (Сенегал) для обмена знаниями и передовыми практиками по внедрению программ школьного питания с использованием местных продуктов.

В ходе встречи было отмечено, что контрольные показатели в области здравоохранения, питания и образования вносят значительный вклад в экономический рост в субрегионе. Внедрение программ школьного питания, основанных на местном производстве, может, среди прочего, сократить бедность, увеличить охват школьным образованием, генерировать доход, повышать ценность местных продуктов и способствовать сплоченности, стабильности и производительности сообщества.

Комиссар ЭКОВАС призвал все государства-члены работать над моделью школьного питания, которая предлагала бы детям безопасную, разнообразную и питательную пищу из местных источников.

Школьные столовые могут помочь укрепить местные продовольственные системы, в частности, путем создания стабильных рынков, стимулирования местного сельского хозяйства и улучшения сельскохозяйственного производства.

В конце конференции технические эксперты разработали стратегические планы, которые помогут национальным правительствам усилить политическую поддержку принятия политики школьного питания при одновременном обеспечении финансовых инвестиций для расширения программы.

По данным Всемирного отчёта о состоянии школьного питания за 2022 г., несмотря на сложное положение, государства - члены ЭКОВАС кормят наибольшее число детей школьного возраста в Африке (22,4 миллиона по состоянию на 2022 г.).

В целом, в странах ЭКОВАС 85 процентов программ школьного питания финансируются из национальных бюджетов. Эти программы создали более 200 000 прямых рабочих мест в 11 странах ЭКОВАС, в основном для женщин в качестве поваров, упаковщиков продуктов питания, агентов по контролю качества, переработчиков и перевозчиков. Это подтверждает, что, когда школьное питание закупается на месте, программа школьного питания способствует укреплению местных продовольственных систем, созданию стабильных рынков и развитию местного сельского хозяйства и устойчивых цепочек поставок.

В рамках этой региональной конференции по школьному питанию участники обсудили и поделились самыми последними региональными исследованиями и фактическими данными, масштабами, охватом и тенденциями в области школьного питания в регионе, а также рассказали о национальных подходах, опыте, передовой практике в рамках местных программ школьного питания и о препятствиях на страновом уровне для расширения масштабов этих программ [5].

Сотрудничество ЭКОВАС и Африканского фонда сельскохозяйственных технологий (ААТФ). Низкая продуктивность сельского хозяйства, отсутствие безопасности в области продовольствия и питания и предоставление мелким фермерам доступа к технологиям, изменяющим жизнь, - это проблемы, которые ААТФ и ЭКОВАС договорились решать в партнерстве в западноафриканском субрегионе.

Лидеры двух организаций встретились в Абудже в мае 2023 г., чтобы обсудить способы обеспечения продовольственной безопасности субрегиона. Во время встречи исполнительный директор ААТФ заявил о сосредоточении фонда на расширении возможностей мелких фермеров по всей Африке к югу от Сахары с помощью сельскохозяйственных инноваций, которые могут принести богатство и здоровье семьям, а также принести пользу всем сообществам и странам. Было выражено стремление к устойчивому партнерству с ЭКОВАС, чтобы помочь фермерам региона стать конкурентоспособными на глобальном уровне с помощью технологий.

Представители ААТФ призвали ЭКОВАС рассмотреть возможность быстрой гармонизации ключевых стратегий и законов, чтобы обеспечить свободное перемещение приемлемых технологий по всему субрегиону, что позволит фермерам максимально использовать преимущества технологий для повышения производительности [2].

Заключение. В заключении необходимо упомянуть ряд рекомендаций, данных Сетью по предотвращению продовольственного кризиса, как правительствам стран-членов ЭКОВАС, так и рабочим органам организации [3, 2]. Рекомендации правительствам:

1. Мобилизовать финансирование для реализации национальных планов реагирования, особенно в районах, затронутых отсутствием гражданской безопасности;
2. Усилить мониторинг информации о ситуации с продовольствием и питанием в связи с кризисом в сфере безопасности и высокой стоимостью жизни;

3. Вести информационное наблюдение за риском наводнений и ситуацией с саранчой;

4. Принять необходимые меры для обеспечения безопасности и доступа в зоны конфликтов гуманитарным организациям.

Рекомендации рабочим органам ECOWAS:

1. Усилить региональную координацию и мониторинг национальных планов реагирования;

2. Продолжать наращивать потенциал национальных по использованию инструментов для мониторинга сельскохозяйственного сезона, анализа продовольственной безопасности реализации национальных планов реагирования;

3. Укрепить гидрометеорологический мониторинг и распространение информации из региональных и национальных систем климатического прогнозирования и предупреждения;

4. Обеспечить практическую реализацию взаимосвязи между гуманитарной деятельностью, развитием и миром.

Список использованной литературы:

1. Правительства стран Сахеля и Западной Африки избегают неожиданностей благодаря сезонному мониторингу | ФАО | Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fao.org/in-action/sahelian-and-west-african-governments-avoid-surprises-thanks-to-seasonal-monitoring/ru/> (дата обращения: 01.12.2023);

2. AATF partners with ECOWAS to improve agricultural productivity – AATF. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.aatf-africa.org/aatf-partners-with-ecowas-to-improve-agricultural-productivity/> (дата обращения: 02.12.2023);

3. AVIS sur la situation alimentaire et nutritionnelle dans un contexte d'insécurité civile et d'inflation persistante au Sahel et en Afrique de l'Ouest. C.2. [Электронный ресурс] // URL: https://www.food-security.net/wp-content/uploads/2023/06/Avis-PREGEC-Abuja_Juin-2023_FR.pdf (дата обращения: 02.12.2023);

4. ECOWAP Web Based Monitoring and Evaluation System. About us. [Электронный ресурс] // URL: <https://ecowap.ecowas.int/about-ecowap> (дата обращения: 02.12.2023);
5. ECOWAS member states and partners meet on school meals in West Africa. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wfp.org/news/ecowas-member-states-and-partners-meet-school-meals-west-africa> (дата обращения: 02.12.2023);
6. FSIN and Global Network Against Food Crises. 2023. GRFC 2023. Rome. С.43-44. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-hi-res.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

Об авторах: БЛИНКОВА Злата Александровна – магистрантка 1 курса, МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: zlatblinkova@yandex.ru

About the authors: BLINKOVA Zlata Alexandrovna – 1st year Master's Degree Student, Lomonosov Moscow State University, e-mail: zlatblinkova@yandex.ru

**ПРОЕЦИРОВАНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ АРАВИЙСКИХ
МОНАРХИЙ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ**

Козлова А.А.

МГИМО (У) МИД России, Москва

**PROJECTING CONFRONTATION BETWEEN THE ARABIAN
MONARCHIES ON THE AFRICAN CONTINENT**

A.A. Kozlova

MGIMO University, Moscow

Аннотация: В 2011 году на Ближнем Востоке произошли события «Арабской весны», проявившееся в разных формах: публичные выступления, сепаратизм отдельных провинций, просьбы к королю. «Арабская весна» оказала влияние на политику стран Персидского залива в Африке, спроецировав их противостояние на локальные конфликты (Египет, Судан, Эфиопия и Эритрея). Позиция Саудовской Аравии и ОАЭ часто вступала в конфликт с позиций Турции и Катара по отдельным вопросам. Хотя государства и имеют разные взгляды на политическую ситуацию в странах Северной Африки, африканский регион продолжает иметь большое значение для аравийских монархий, в том числе из-за необходимости импорта сельскохозяйственной продукции.

Abstract. «The Arab Spring» took place in the Middle East in 2011. It expressed itself in different forms: public speeches, separatism of selected provinces and requests to the king. "Arab Spring" influenced the politics of the Gulf countries in Africa, projecting their confrontation into localized conflicts (Egypt, Sudan, Ethiopia and Eritrea). The positions of Saudi Arabia and the UAE have often conflicted with the positions of Turkey and Qatar on certain issues. Although the states have different views on the political situation in African countries, Africa continues to be important for the Arabian countries for agricultural products import.

Ключевые слова: Арабская весна, страны Персидского залива, Африка, Египет, Эфиопия, Эритрея, Судан, конфронтация, проецирование.

Keywords: The Arab Spring, the Gulf countries, Africa, Egypt, Sudan, Ethiopia, Eritrea, confrontation, projecting.

‘Solidarity is the only valid means available for transforming the Red Sea into a zone of peace, cooperation and friendship, a factor of peaceful coexistence among the peoples of the area rather than a zone of instability, tension and confrontation’

© Бутрос Бутрос-Гали,
министр иностранных дел Египта и Генеральный секретарь ООН в
1992-1996 годах

Все страны Персидского залива имеют свои интересы в Африке, в первую очередь государства вынуждены импортировать сельскохозяйственную продукцию, поэтому соединение инвестиций стран Персидского залива и плодородной земли Африки - способ решения проблемы. Кроме того, аравийские страны имеют свои стратегические интересы. В связи с этим особенностью влияния аравийской модели на Африку является выделение огромных финансовых ресурсов и оперативное реагирование на изменение локальных ситуаций.

В 2011 году на Ближнем Востоке произошли события «Арабской весны», проявившиеся в публичных выступлениях (Тунис, Египет), сепаратизме в отдельных провинциях (Ливия) и просьб к королю (Саудовская Аравия). Бунт как устоявшаяся форма протеста на Ближнем Востоке получил неожиданный размах и перешёл на глобальный уровень. Во время кризиса 2009-2010 годов, когда правительства, провозглашавшие социалистическую политику, не смогли обеспечить нуждающееся население дотациями, оказалось закономерно, что к власти должны были прийти военные силы или исламские партии.

В качестве примера того, как исламисты в 2011 году пришли к власти, можно рассмотреть опыт Туниса: в 2011 году умеренно-исламистская партия «Ан-Нахда» пришла к власти, получив большинство мест в Учредительном собрании и сформировав правительство. Однако в результате сложившейся

политической ситуации в 2014 году победу одержала светская партия «Нидаа Тунис».

До 2012 года безусловным лидером в торговле с Африкой была Саудовская Аравия [5]. Однако постепенно нестабильная политическая обстановка в арабском регионе способствовала становлению «блоковости»: с одной стороны Саудовская Аравия и ОАЭ, а с другой Катар и Турция. Под нестабильной политической обстановкой понимается появление на политической арене новых сил, в частности исламистов, и разной степени поддержки их со стороны стран Персидского Залива. Так, например, в Египте Саудовская Аравия и ОАЭ поддержали египетских салафитов и движение «Нур», а Катар и Турция - движение «Братья-мусульмане». Перечисленные государства, поддерживая исламистов, надеялись закрепить своё первенство в арабском мире.

С 2015 года Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия и Катар расширили своё влияние в политической жизни Африки. Например, Саудовская Аравия и ОАЭ поддерживали сближение Эфиопии и Эритреи. Турция же активно усиливала своё военное присутствие в Аденском заливе, отправляя турецкие корабли в регион.

После свержения Омар аль-Башира, президента Судана, в 2019 году началось продвижение демократических преобразований и создано гражданское правительство. Однако в 2021 году в результате военного переворота оно было свергнуто. В такой политической ситуации в Судане позиции стран Персидского залива опять разделились: ОАЭ поддерживали «Силы быстрого реагирования», а Саудовская Аравия - Абдель Фаттах аль-Бурхана, который в свою очередь отстранил от власти Оамр аль-Башира, имеющего тесные связи с Катаром. В данной ситуации «блок» СА и ОАЭ оказался нестабильным.

Ключевым странами для инвестиций в 2022 году стали Египет, Марокко, Алжир и Нигер. Важно отметить, что основной поток вложений идёт в такую сферу как «транспорт и инфраструктура». Например, в 2022 году ОАЭ

подписали с Суданом проект строительства порта на Красном море стоимостью 6 млрд. долл. Кроме того, Dubai Ports World, являющееся третьим крупнейшим портовым оператором в мире, на сегодняшний день уже имеет материально-технические базы в Дакаре (Сенегал), Бамако (Мали) и Кигали (Руанда), Алжире и Джиджели (Алжир), Бербере, Босасо (Сомали).

Таким образом, «Арабская весна» повлияла на политику стран Персидского залива, спроецировав противостояние государств на их позиции в локальных конфликтах (например, в Египте и Судане). Во многих случаях Саудовская Аравия консолидировалась с ОАЭ, а Турция и Катаром, продолжая отстаивать свои собственные стратегические интересы. Африканский регион имеет большое значение для аравийских монархий, в том числе из-за необходимости импорта сельскохозяйственной продукции. В связи с этим ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия продолжают вкладывать инвестиции в такие страны как: Египет, Марокко, Алжир и Нигер. Кроме того, занимаются модернизацией портов на территории Африки.

Список использованное литературы:

1. Европейский взгляд на ситуацию в Персидском заливе // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/interview/evropeyskiy-vzglyad-na-situatsiyu-v-persidskom-zalive/?ysclid=lq45q56vpn109635259>
2. Сапронова М. Прошлое, настоящее и будущее стран Арабской весны // URL: <https://studylib.ru/doc/2115231/proshloe--nastoyashhee-i-budushhee-stran-arabskoj-vesny?ysclid=lolvz4e6sa958810242>
3. Специальный проект ТАСС: От Арабской весны до Третьей Мировой войны // ТАСС. URL: <https://tass.ru/spec/arabspring?ysclid=lolw29tktu835700094>
4. Труевцев К. Десять лет «Арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/desyat-let-vesny/>
5. Федорченко А., Артюшкин В. Экономическое проникновение в Африку стран Персидского залива. URL: https://mgimo.ru/library/publications/ekonomicheskoe_proniknovenie_v_afriku_st_ran_persidskogo_zaliva/?ysclid=lolw68szrv496303301&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

6. EY Attractiveness Program Africa. URL: [ey-aar-2019-bold-action.pdf - Yandex Documents](#)

7. Reports Africa Horizons 2023-2024: [africa-horizons-202324-10427.pdf \(knightfrank.com\)](#)

Об авторах: КОЗЛОВА Анастасия Александровна – студентка, МГИМО (У) МИД России, e-mail: kozlova_an_al@my.mgimo.ru

About the authors: KOZLOVA Anastasia Aleksandrovna – Student, School of Governance and Politics MGIMO University, e-mail: kozlova_an_al@my.mgimo.ru

**ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В АФРИКЕ В
КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Лысуха А.В.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**REASONS FOR THE FAILURE OF FRENCH POLICY IN AFRICA IN
THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY**

A.V. Lysukha

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В статье рассматриваются причины неудачной политики Франции в Африке, в частности – в регионе Сахеля. Выявляются основные факторы, способствующие ослаблению позиций французов в регионе. Особое внимание уделено неэффективности антитеррористическим операциям «Сервал» и «Бархан», а также роли появления новых инициативных международных акторов в регионе с желанием инвестировать в африканские страны и развивать многостороннее сотрудничество. Вместе с тем, в статье будет предложен обзор возможных сценариев развития отношений между Пятой республикой и западноафриканскими государствами.

Abstract. The article examines the reasons for France's unsuccessful policy in Africa, in particular in the Sahel region. The main factors contributing to the weakening of the French position in the region are identified. Particular attention is paid to the ineffectiveness of the anti-terrorist operations Serval and Barkhane, as well as the role of the emergence of new proactive international actors in the region with a desire to invest in African countries and develop multilateral cooperation. At the same time, the article will provide an overview of possible scenarios for the development of relations between the Fifth Republic and West African states.

Ключевые слова: африканские страны, политика Франции, многостороннее сотрудничество, мягкая сила.

Key words: African countries, French policy, multilateral cooperation, soft power.

Внешняя политика Франции на протяжении нескольких веков была сосредоточена на африканском регионе. Оказывая там всестороннее влияние, французы могли рассчитывать на поддержание авторитета на международной

арене, оставляя за собой контроль над континентом, богатым полезными природными ископаемыми [9]. Президенты Пятой республики заявляли о «перезагрузке» отношений страны с африканским континентом, о нежелании вмешиваться во внутренние дела региона. Однако каждый раз, как только интересы Парижа оказывались под угрозой, риторика французов менялась [6]. За период с 2020-2023 года в Африке прошло 8 государственных переворотов, что свидетельствует о довольно неустойчивом положении местных правительств, а также о неспособности Пятой республики в полной мере обеспечить региональную безопасность в регионе. Именно поэтому важно акцентировать внимание на причинах неудач и ошибок внешней политики Франции в Африке и проанализировать возможные сценарии развития отношений в позитивной и негативной перспективе.

Первая причина – неэффективность Франции в борьбе с терроризмом в регионе. Изначально для этой цели Париж организовал операцию «Сервал», в результате которой удалось помешать и остановить наступление туарегов и исламистов в Мали [8]. Несмотря на это, итоги завершившейся в 2014 году операции носили весьма спорный характер, так как джихадисты рассеялись по пустынной территории северной части государства, по-прежнему представляя опасность для жителей Мали и соседних стран. Операция «Бархан», начавшаяся в 2014 году, тоже не оправдала надежд [7]. Ее целью в Сахаро-Сахельском регионе (Нигер, Мали, Буркина-Фасо, Мавритания, Чад) была борьба с терроризмом и стабилизация ситуации до уровня, когда местные власти смогут сами обеспечивать безопасность. [10] Однако этого не случилось, так как после многолетнего присутствия французов на территории Мали атаки джихадистов не прекратились. В 2022 году правительство Мали настояло на выводе французских войск со своей территории. В марте 2023 г. власти Буркина-Фасо объявили о денонсации договора о военной помощи с Францией, заключенного более 60 лет назад. В октябре 2023 г. французам пришлось вывести войска из Нигера, где недавно произошел государственный переворот. Эти события в франкоязычных африканских странах

продemonстрировали высокий уровень недоверия местного населения присутствию французских войск на их территории, так как их политика борьбы с терроризмом не приносит определенных качественных результатов.

Вторая причина – экономический кризис африканских государств региона Сахеля. Сосредоточившись на противодействии с джихадизмом, Париж недооценил социально-экономический аспект вопроса, сделав фокус лишь на военную часть. Уровень жизни в регионе Сахеля чрезвычайно низкий, около 40% населения живут за чертой бедности. В связи с этим, будет важным заметить, что, хоть финансовая помощь Пятой Республики с 2012 по 2019 года и увеличилась практически в два раза (420 млн евро), однако высокая степень коррупции в государственных аппаратах стран сыграла свою роль, а именно, финансы зачастую задерживались на личных счетах представителей власти и не шли на реализацию социально-экономических проектов. Отказ от продолжения спонсирования бюджетов партнеров в качестве помощи было бы неоднозначным решением, поэтому Э. Макрон предложил увеличить финансирование подобных программ помощи на уровень 0,7% бюджета страны в надежде, что это изменит актуальное положение дел. Но этот уровень помощи прогнозируется быть достигнутым только к 2030 году в соответствии с возможностями Франции.

Третья причина – появление новых, перспективных партнеров в лице Китая и России, с которыми Парижу сложно конкурировать [3]. В последние годы были проведены саммиты Россия-Африка, российско-африканский экономический и гуманитарный форум, укрепившие «всеобъемлющее и равноправное сотрудничество» Российской Федерации с африканскими странами в различных областях: политика, безопасность, экономика, научно-техническое и гуманитарное направления. За восемь месяцев 2023 года объем товарооборота России со странами Африки увеличился на 43,5% по сравнению с тем же периодом прошлого года.

Китай же, в свою очередь, активно инвестирует в Африку. Стоит отметить роль КНР в развитии промышленной цепочки Африки в таких

секторах, как сельское хозяйство, цифровая экономика, фармацевтика, логистика и инфраструктура [2]. Практически все дорогостоящие инфраструктурные проекты в африканских странах финансируются китайскими кредиторами в рамках инициативы Си Цзиньпина «Один пояс, один путь». В настоящее время Франция перестала ассоциироваться в ряде стран как близкий партнер. На данный момент африканские страны заинтересованы в развитии отношений с новыми партнерами, которые ведут диалог на равных и справедливых основаниях и могут предложить более выгодные экономические проекты и более эффективные решения в области безопасности.

Четвертой причиной утраты лидерских французских позиций в регионе стал политический фактор, а точнее существенные недостатки африканской политики. Неудача ранее упомянутой операции «Бархан» свидетельствовала о неверно выбранных инструментах проведения своей внешнеполитической стратегии в Африке. Сконцентрировав свое внимание на противодействии исламизму и террористической активности, президент Франсуа Олланд, а за ним и Эммануэль Макрон пошли на силовые методы, отвергнув предложения дипломатов действовать менее радикально. Лидеры Пятой Республики не хотели замечать, что джихадизм являлся лишь последствием государственного кризиса в регионе Сахеля. Франция не обращала внимание на призывы к обеспечению социальной справедливости населения. В 2013 году в риторике официальных лиц Франции все чаще звучало беспокойство о всемирном масштабе террористической угрозы [4]. А для того, чтобы оправдать введение французских войск в Мали в том же году, дипломаты получили указание добиться положительного ответа на применение силовых методов. Бывшая колониальная держава в лице Франции, призванная стабилизировать ситуацию в регионе, на протяжении последнего десятилетия не добилась значительных результатов в области обеспечения безопасности, равно как и в предоставлении гарантий для местных правительств. Вместо этого, французы уходили, не выполнив свою основную задачу по реализации

операций, к чему довольно неоднозначно отнеслось население Сахельского региона. Также стоит отметить, что стремление Пятой республики добиться поставленных целей в регионе, хоть и потерпело неудачу, однако позволило сделать следующий вывод: передача оружия странам, охваченным гражданскими войнами, на самом деле, только усугубляет кризисное положение конфликта, продлевает период действия повстанческих групп и нелегитимных правительств.

Несмотря на ослабленное влияние Франции в регионе после череды переворотов в Буркина-Фасо, в Габоне, Мали и Нигере, Пятая республика не готова полностью уйти из региона, поэтому продолжает поддерживать отношения с дружественными ей странами, среди которых стоит выделить Кот-д'Ивуар, Сенегал, Камерун и Чад. Сотрудничество с указанными государствами продолжает развиваться и укрепляться в таких сферах, как экономическое, промышленное, дипломатическое и культурное.

Далее стоит рассмотреть возможные сценарии развития отношений Пятой республики со своими некогда дружественными африканскими странами. Во-первых, для того, чтобы начать «перезагрузку» отношений Франция может сконцентрироваться на «мягкой силе», а не на военной. Главными элементами политики «мягкой силы» Франции являются ее язык и культура, где особую роль играет «Франкофония» [5]. Учитывая данный аспект, Пятая республика имеет большие возможности для проведения образовательной и культурной политики. Франция, в первую очередь, может сфокусироваться на молодом поколении Африки: создать позитивный положительный образ государства, так как психология восприятия играет довольно важную роль в сознании общественности и, как следствие, позволит провести в будущем мягкую перезагрузку отношений. Кроме того, параллельно с данной стратегией Франция, скорее всего, продолжит укреплять свои позиции в таких странах, как Сенегал, Кот-д'Ивуар, Конго, Камерун. Кроме того, существует предположение, что Франция, чтобы не терять свой статус в африканских государствах, будет корректировать свой

внешнеполитический курс в пользу выстраивания дальнейших отношений на базе взаимного уважения и равенства, что предполагает взаимовыгодные экономические контракты. К тому же, ввиду изменения внешнеполитического курса и анализа прошлых ошибок Пятая республика вряд ли предпримет очередную попытку вмешательства в региональные конфликты в Африке, откажется от дорогостоящих неэффективных военных операций. Наконец, за громкими инициативами и заявлениями о солидарной помощи развитию континента последуют конкретные действия, которые вызовут доверие африканских лидеров и готовность развивать сотрудничество с Пятой республикой.

Подводя итог, стоит сказать, что прошлая политика Франции в регионе Сахеля была непредусмотрительной и не привела к построению доверительных отношений с рядом африканских государств региона. На сегодняшний день прошлые инструменты для удержания влияния в Сахеле не работают, французы так и не смогли найти работоспособную формулу сахельского урегулирования. Недовольство неоправданным и безрезультативным присутствием французских войск постепенно наращивалось африканским населением, пока не привело к организации государственных переворотов и настойчивому выдворению военных сил Пятой Республики. Французы неоднократно пытались «перезапустить» отношения с Африкой при президентах Жаке Шираке, Николя Саркози и Франсуа Олланде. Но при их администрации сохранялись колониальные установки, которые мешали выстраивать равноправный диалог с африканскими государствами. Президент Э. Макрон, отмечавший ранее недопустимость «колониальных отношений с Африкой» продолжил следить за политическим курсом африканских стран, сохранять военное присутствие в нерезультативной борьбе с терроризмом, лоббировать интересы французского бизнеса. Сегодня мы видим, как Париж шаг за шагом теряет свои позиции в ранее положительно настроенных западноафриканских государствах, которые отказываются от идеи сотрудничества с французами и выбирают новых

партнеров в лице России и Китая. Они не отмечены колониальным прошлым с африканскими странами и могут предложить их лидерам инвестиции в перспективные проекты в области промышленности, здравоохранения, развития инфраструктуры, технологий, в области обеспечения безопасности. «Перезагрузка» отношений с африканскими странами и сохранение присутствия в регионе невозможно без переосмысления политики Франции на африканском направлении и направления усилий в развитие отношений с помощью наиболее актуальных инструментов «мягкой силы» и диалога на основе равенства и уважения интересов партнеров.

Список использованной литературы:

1. Емельянов А. И., Сидорова Г. М. Антитеррористическая стратегия Франции в зоне Сахеля в рамках европейской безопасности // Политические науки. 2021. № 4. С. 50-52
2. Калика Арно «Активизация политики России в Африке и её ограничения» // *Russie.Nei.Visions*, Ифри. 2019. № 114. С. 9-11
3. Наджаров А. М. Внешняя политика Франции в районе Африканского рога // Современная Европа. 2021. № 5 С. 193
4. Саватеев А. Д. Исламский фундаментализм в Африке: миф? Угроза? Реальная опасность? // Ежегодник Института Африки РАН «Африка: слагаемые современного развития». 2014. С. 228–268.
5. Смирнова О.А., Семенычева Т.П. Роль Франции и Международной организации «Франкофония» в сохранении культурного многообразия / О.А. Смирнова, Т.П. Семенычева // *Международные отношения*. 2011. № 1. С. 5-7
6. Филиппов В. Р. Африканская политика Э. Макрона: «мягкая сила» или сила оружия? // *Международные отношения*. 2018. № 2. С. 111–112.
7. Филиппов В. Р. Приоритеты африканской политики Э. Макрона: операция «Бархан» // *Международные отношения*. 2018. № 3. С. 80-92.
8. Филиппов В. Р. Малийский кризис 2012-2013 годов // Сборник Института Африки РАН «Год планеты: экономика, политика, безопасность». 2013. С. 420-434.
9. Châtaigner, J-M. Principes et réalités de la politique africaine de la France // *Afrique Contemporaine*. 2006. № 220 (4). P. 247–248.
10. Leboeuf A. La politique africaine de la France sous François Hollande. *Renouvellement et impensé stratégique*. Bruxelles : IFRI, 2014.

Об авторах: ЛЫСУХА Александра Вячеславовна – студентка 4 курса факультета международных отношений Дипломатической академии МИД России, e-mail: sshalysukha@gmail.com.

About the authors: LYSUKHA Alexandra Viacheslavova - 4th year student of the Faculty of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: sshalysukha@gmail.com.

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ СИРИИ И ЛИВАНА

Лях О.А.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

AMERICAN FACTOR IN BILATERAL RELATIONS BETWEEN SYRIA AND LEBANON

O.A. Liakh

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Аннотация: Сирия и Ливан во многие исторические эпохи находились под властью одного государства, проводимая ими политика имела свои особенности. Соседство для стран являлось основополагающим фактором при организации между ними взаимодействия в различных сферах. Важным политическим игроком на территории Ближнего Востока являются США, которые считают «демократизацию» арабского региона одним из приоритетов своей внешней политики и стремятся укрепить свои позиции на территории региона посредством тесного и активного взаимодействия с Израилем. Однако, с вступлением Башара Асада в должность президента Сирийской Арабской Республики курс сирийско-ливанских отношений ознаменовался смягчением в двусторонних отношениях и позволил осуществить вывод сирийского военного контингента с территории Ливана, что предоставило властям Ливана более полную свободу во внутривластном направлении государства. Однако при всем этом, ввиду многочисленных массовых протестов во время «арабской весны» и в связи с распространением исламских радикальных течений, наблюдается осложнение социально-экономической ситуации в регионе. Таким образом, сирийский кризис приводит к обстоятельному изменению проводимой внешней политики сирийского руководства по отношению к соседнему Ливану.

Abstract. Syria and Lebanon in many historical eras were under the rule of one state, the policies they pursued had their own characteristics. Neighborhood for countries was a fundamental factor in organizing interaction between them in various fields. An important political player in the Middle East is the United States, which considers the “democratization” of the Arab region one of the priorities of its foreign policy and seeks to strengthen its position in the region through close and active interaction with Israel. However, with the assumption of the presidency of Bashar al-Assad as

President of the Syrian Arab Republic, the course of Syrian-Lebanese relations was marked by a softening in bilateral relations and allowed for the withdrawal of the Syrian military contingent from Lebanese territory, which gave the Lebanese authorities more complete freedom in the internal political direction of the state. However, with all this, due to numerous mass protests during the “Arab Spring” and in connection with the spread of Islamic radical movements, there is a complication of the socio-economic situation in the region. Thus, the Syrian crisis leads to a thorough change in the ongoing foreign policy of the Syrian leadership towards neighboring Lebanon.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика; Ливан; США; внешняя политика; сирийский кризис.

Keywords: Syrian Arab Republic; Lebanon; USA; foreign policy; Syrian crisis.

Введение. Ближний Восток является одним из важнейших геополитических регионов мира, богатых полезными ископаемыми. Это стало одной из причин повышенного интереса со стороны держав, стремящихся максимально распространить влияние, в частности, в отношении Сирии и Ливана.

Средиземное море, восточное побережье и прилегающие территории долгое время находились под властью колониальных европейских держав. Установление границ всех государств Ближнего Востока произошло лишь в начале 19-го века по ряду соглашений. В случае Ближнего Востока искусственное установление границ является фактором, способным провоцировать территориальные споры и региональные конфликты. В различное время в регионе присутствовали Россия, Франция, Великобритания, США, Италия и другие.

Территория региона в колониальный период всегда подвергалась вмешательству крупных империалистических держав, что провоцировало военные конфликты, однако стабилизация политической ситуации на Ближнем Востоке достигалась за счет баланса интересов, а не баланса сил. Интересы держав были различными: Россия стремилась получить выход к черноморским проливам и обезопасить себя от военного удара с южного

направления, Италия желала заполучить больше территорий под своим мандатом, а Франция и Великобритания стремились получить доступ к энергоресурсам, располагающимся в регионе. Долгое время территории Сирии и Ливана находились под мандатом Франции, поэтому политика, проводимая в Ливане, не отличалась от политики, проводимой в Сирии. В тоже время САР, располагая определенным авторитетом на Ближнем Востоке, также пытались проводить собственную внешнюю политику по отношению к Ливану [1]. Особый интерес к региону неоднократно проявляли Соединенные штаты Америки в целях наращивания экономического и военного сотрудничества, что объясняется необходимостью получения Вашингтоном лояльности со стороны основных ближневосточных лидеров. Цель статьи – проанализировать двусторонние отношения Ливана и Сирии, а также роль США в регионе.

Результаты исследования.

Выделим некоторые этапы развития политических рамок и условий в которых происходило формирование двусторонних отношений Сирии с Ливаном. А также рассмотрим роль США на каждом этапе.

Первый этап - определяется временными рамками с 1940-1960 гг. в этот момент зарождается новая эпоха в истории региона: Сирия и Ливан обретают независимость, а на карте мира появляется новое государство – Израиль, которое получает признание и поддержку официального Вашингтона и становится «правой рукой» США в регионе. В частности, Сирия в указанный период сосредоточена на решении внутренних проблем в стране и не участвует во внутривнутриполитической жизни Ливана.

Второй этап – с 1960-1990 гг. в данный период формируется активное американо-израильское военно-политическое сотрудничество. Американские дипломаты рассматривают Израиль в качестве региональной державы для сдерживания влияния СССР на Ближнем Востоке. В ходе правления Дж.Кеннеди в США американская сторона отказывается от политики равновесия сил между Израилем и арабскими государствами в пользу

американо-израильского стратегического сотрудничества, а в дальнейшем, при Л.Джонсоне, был взят курс на обеспечение военного превосходства Израиля над странами арабского региона.

На фоне активизации израильско-американского сотрудничества отношения между Сирией и Ливаном заметно ухудшаются ввиду роста политического влияния мусульманских радикалистов внутри Ливана и вдоль общих границ. Официальный Дамаск располагая к данному времени превосходством в военной сфере над Ливаном пытается стать медиатором между основными политическими элитами внутри Ливана. Однако, утратив возможности политического влияния принимает решение о вводе сирийского военного контингента в Ливан в целях создания в Бейруте лояльного Дамаску руководства. Таким образом, Сирия в указанный период становится доминирующим игроком в Ливане.

Третий этап – 1990-2010 гг., США становятся единственным лидером в регионе и пытаются выстроить собственную модель развития контролируемых ими арабских стран. При этом фактором международно-политического характера, влияющим на формирование военно-политической стратегии США на Ближнем Востоке, является продолжающийся ближневосточный конфликт. Вместе с тем ситуация, связанная с государствами арабского региона, должна также учитываться Израилем в ходе построения своей внутренней и внешней политики. Стремление США извлекать прямую политическую, экономическую и военную выгоду из арабо-израильского конфликта требует от руководства США предусматривать при разработке своей военно-политической стратегии механизмы управления конфликтом [2]. При этом к настоящему времени рассуждать о действенных рычагах, которые позволят американцам управлять ситуацией на Ближнем Востоке преждевременно. В случае же активной военной помощи Израилю, арабо-израильский конфликт может перерасти в новую фазу и дестабилизировать социально-экономическую и политическую ситуацию в регионе, что можно наблюдать в настоящее время на территории Палестины в

2023 году. Однако, лидеры арабских стран располагая опытом развития локальных конфликтов, особенно на фоне продолжающегося сирийского кризиса, не разделяют действия США и строят новую концепцию влияния на ближневосточный регион, в том числе сквозь призму международных организаций.

Кроме этого, в данный период отдельное место в отношениях между Сирией и Ливаном занимает «Хезболла» – военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, основанная в 1982 г. и выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Эта военизированная группировка является одной из крупнейших политических сил в Ливане, имеющей значительный политический вес в системе управления государством, свою военную и гражданскую инфраструктуру. «Хезболла» в свою очередь долгое время выступала для сирийского правительства в качестве возможного инструмента для сохранения своего влияния на территории Ливана [3].

Важным событием, повлиявшим на изменение курса сирийско-ливанских отношений, можно считать избрание президентом Сирийской Арабской Республики Башара Асада. Примерно в то же время на парламентских выборах в Ливане одерживает победу политический блок Рафика Харири, бывшего премьер-министра, настроенного настороженно по отношению к внешнеполитическим действиям сирийского руководства. В связи с присутствием в Ливане сирийского военного контингента происходит усиление антисирийских отношений, которые поддерживаются «Хезболлой», ставшей на тот момент весьма внушительной политической силой. Данные события вызвали уменьшение сирийского влияния в Ливане: сирийское руководство пересмотрело внешнеполитический курс государства, Совет Безопасности ООН принял резолюцию о выводе сирийских войск из Ливана, а напряженность между государствами повысилась. При этом «Хезболла» укрепила свои позиции на внутривосточной арене, сохранив гражданскую

и военную инфраструктуру, став единственной организацией, имеющей связи с Сирийской Арабской Республикой [4].

Четвертый этап – с 2010 года по настоящее время на территории арабского региона вспыхнули массовые протесты и многочисленные революции, получившие название «арабская весна». Сирия не оказалась в стороне от этих событий. Экономические и социальные проблемы, безработица и влияние более могущественных государств повлияли на рост недовольства среди населения, а также стали причиной гражданской войны. Данные события повлияли и на формирование нового миграционного кризиса, в результате чего многие сирийцы, оказавшиеся в затруднительном положении, начали переселяться в соседний Ливан. Беженцы из Сирии начали активно занимать рабочие места в Ливане, что вызвало обострение экономической ситуации, нарастание проблем социально-экономического характера привело к дестабилизации обстановки на ливанской территории. При этом положение дел в Сирии и соответственно в Ливане полностью удовлетворяли внешнеполитические интересы официального Вашингтона по отношению к указанным странам. Израиль в свою очередь осуществляет масштабную кооперацию с США в целях совершенствования собственных вооруженных сил и повышения обороноспособности страны [5].

Также немаловажным фактором является наличие террористических группировок и присутствие исламских радикальных движений на территории Ближнего Востока. В результате гражданской войны в Сирийской Арабской Республике данные движения получили большее распространение и смогли укрепить свои позиции. Боевики «Исламского Государства Ирака и Леванта» (запрещено на территории в РФ) начали проникать из Сирии в Ливан, совершая террористические акты и нападения на местных жителей. Ввиду распространения исламского экстремизма, в стратегии национальной безопасности США был сформирован новый политический курс в отношении тех стран, которые, по мнению политического руководства США, являлись пособниками террористических

лидеров. Аспекты внешней политики США лишь усилили нестабильность в регионе и привели к угрозе падения устоявшихся политических режимов, отражение данной политики было особенно заметно в отношениях между Сирией и Ливаном. Многочисленные санкции против режима Б. Асада усилили миграционный кризис, что отобразилось на увеличении количества беженцев на территории Ливана с вытекающими последствиями в виде ухудшения социально-экономической ситуации в регионе и конфронтации между этноконфессиональными группами.

Несмотря на то, что Сирия и Ливан во многие исторические эпохи находились под властью одного государства, проводимая ими политика имела свои особенности. Соседство государств являлось основополагающим фактором при взаимодействии стран. Безусловно важным политическим игроком на территории Ближнего Востока являются США, которые считают «демократизацию» арабского региона одним из приоритетов своей внешней политики и стремятся укрепить позиции на территории региона посредством тесного и активного взаимодействия с Израилем. Однако, вступление Башара Асада в должность президента Сирийской Арабской Республики ознаменовалось смягчением курса сирийско-ливанских отношений и поводом для вывода сирийского военного контингента с территории, что предоставило властям Ливана возможность для корректировки внутривосточного курса страны. При всем этом, ввиду многочисленных массовых протестов во время «арабской весны» и в связи с распространением исламских радикальных течений, наблюдается осложнение социально-экономической ситуации в регионе и значительное ослабление влияния Сирии на Ливан в случае сравнения с третьим этапом в двусторонних отношениях арабских стран [6].

Заключение.

С учетом происходящего кризиса в Сирии необходимо отметить, что ожидать возобновления высокого уровня политических и экономических отношений с Ливаном не следует. При этом миграционный поток сирийских граждан в Ливан серьезно ухудшил положение дел внутри ливанского

государства. В свою очередь возвращение сирийских беженцев на родину может спровоцировать сценарий 2000-х гг., когда экономика Сирии была не в состоянии справиться с выполнением необходимых действий в отношении беженцев из Ирака, что привело к росту деструктивных настроений внутри общества.

Сирийский кризис будет оказывать негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в обоих государствах (дефицит автомобильного топлива, электроэнергии, продуктов питания, медикаментов и т.д.) В качестве позитивного прогноза следует отметить план поставок через Сирию в Ливан иорданской электроэнергии, выработанной из египетского газа. В случае выполнения данной инициативы Дамаск сможет частично вернуть себе контроль и статус в отношениях с Ливаном, а также стабилизировать экономическую ситуацию внутри страны. С учетом пристального внимания США к внутривосточной ситуации в обеих странах, а также заинтересованности в сохранении тяжелой обстановке в Сирии, видится маловероятным улучшение экономической и политической стабильности внутри САР в ближайшие годы.

Список использованной литературы:

1. Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центрполиграф, 2016. - ISBN: 978-5-227-05792-1. - Текст : непосредственный.
2. Sharp, J., Humud, C. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf>. (дата обращения 28.11.2023). - Текст : электронный.
3. Виганд К. Превращение террористической организации «Хизбалла» в политическую партию. Wiegand K. Reformation of a terrorist group: Hezbollah as a Lebanese political party // studies in conflict and terrorism. - Philadelphia, 2009. - сб. 32, № 8. - стр. 668-680. - Текст : электронный.
4. Ахмедов В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М.: ИВ РАН, 2018. - ISBN 978-5-89282- 820-8. - Текст : непосредственный.

5. Humud, C. Syria and U.S. Policy. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/IF11930.pdf>. (дата обращения 20.11.2023). - Текст : электронный.
6. Ходынская-Голенищева М.С. Сирия. Трудный путь от войны к миру. М.: Абрис, 2019. – ISBN. 978-5-00111-470-3. - Текст : непосредственный.

Об авторе: ЛЯХ Олег Александрович – ведущий специалист Центра международных исследований факультета международных отношений БГУ, e-mail: o.liakh92@gmail.com

About the author: LIAKH Oleg Aleksandrovich – leading specialist at the Center for International Studies, Faculty of International Relations, BSU, e-mail: o.liakh92@gmail.com

**СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В САХЕЛЕ: МАСШТАБЫ И
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНОЙ УГРОЗОЙ**

Николаева В.А.

МГИМО (У) МИД России, Москва

**MODERN TERRORISM IN THE SAHEL: SCOPE AND CHALLENGES
OF COMBATING THE INTERNATIONAL THREAT**

V.A. Nikolaeva

MGIMO University, Moscow

Аннотация: В работе рассматривается феномен международного терроризма в Сахеле, а также его место в международном политическом дискурсе. Предпринята попытка дать оценку эффективности деятельности, осуществляемой крупными международными акторами в регионе, а также выявить причины, в силу которых действия Сахелийских стран остаются неэффективными в противодействии терроризму на примере успешного опыта Мавритании.

Abstract. This paper examines the phenomenon of international terrorism in the Sahel and its place in the international political discourse. An attempt is made to assess the effectiveness of the activities carried out by major international actors in the region, as well as to identify the reasons why the actions of the Sahelian countries remain ineffective in countering terrorism, using the successful experience of Mauritania as an example.

Ключевые слова: Сахель, страны Сахеля, терроризм, противодействие терроризму, международные организации, масштабы проблемы, международное сотрудничество, террористическая угроза, Мавритания, модернизация ВС, успешный опыт.

Keywords: Sahel, Sahel countries, terrorism, counter-terrorism, international organisations, scope of the problem, international cooperation, terrorist threat, Mauritania, modernisation of the Armed Forces, successful experience.

Актуальность: в течение последних 15 лет можно наблюдать различные фазы террористической активности: пиковыми периодами с наибольшим числом террористических актов, а также жертв стали 2007 и 2015 г. [12, с. 12],

периоды между которыми сопровождались постепенным снижением, а затем ростом террористической активности.

Несмотря на тот факт, что в мире в целом количество атак и смертность от терроризма снизились на 38% со своего пика в 2015 г., ситуация в Сахеле развивается вопреки этому тренду [1, с. 11]. Согласно индексу Global Terrorism Index 2023, на сегодняшний день Сахель является эпицентром международного терроризма: 43% от общего уровня смертности от террористических атак приходится именно на этот регион, что составляет на 7% больше, чем за 2021-2022 г.

Таким образом, несмотря на общемировую тенденцию по снижению террористической активности, ситуация в Сахеле развивается вразрез общей тенденции, что и обуславливает актуальность изучения данной проблемы.

Исследовательская проблема: в условиях развития терроризма в Сахеле всё большее число международных акторов, как государственных, так и негосударственных, проявляют активность в регионе и участвуют в преодолении этого вызова. Однако несмотря на предпринимаемые попытки политического урегулирования, оно всё ещё представляется невозможным, а действия акторов, в т.ч. совместные, не приносят желаемых результатов.

Используемые методы: Работа написана с точки зрения неореализма с сильным силовым фактором в урегулировании общественных противоречий, при этом большой ролью негосударственных акторов, однако также присутствуют черты неолиберализма – урегулирование ситуации в регионе предполагает тесное сотрудничество всех присутствующих там акторов, где большую роль также получают негосударственные акторы, такие как ТНК, коммерческие организации и др.. Преобладает *эмпирический* нежели нормативный подход к изучению материала, т.к. изучаются факты и статистические данные, нежели работа в нормативно-правовыми источниками и теоретическими. Кроме того, методология индукционная, т.к. на основании частных фактов осуществляется переход к общим выводам.

Основными методами, используемыми в исследовании являются: анализ глобальных тенденций и изменений в мировой политике, где рассматривается тесная связь не только событий и изменений, происходящих в непосредственно регионе, но и их глобальное значение. Кроме того, используются следующие методы: анализ и синтез информации из официальных электронных ресурсов международных организаций, специальной литературы, публикаций в периодических изданиях, посвящённых феномену терроризма в Сахеле; изучение, системный анализ и сравнение нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы терроризма; изучение статистических данных.

Одна из первых сложностей, которая возникает при рассмотрении региона, это определение его географических границ и, соответственно, стран, принадлежащих к этому региону. Не имеет прикладного смысла определение границ Сахеля с исключительно географической точки зрения, так как такой подход объединит 12 стран с разными социальными, политическими и экономическими реалиями. В данной работе под термином Сахель будут пониматься страны-участницы G5 Sahel [16, с.13]: Мавритания, Нигер, Чад, Мали и Буркина-Фасо, а так же частично Сахельские государства, которые оказывают значительное влияние на его развитие, такие как, например, Сенегал, Гвинея, Гамбия, Камерун и Нигерия [4, с. 11].

Государственные и негосударственные акторы в регионе; используемые ими механизмы по урегулированию кризиса

Для урегулирования сложившегося в регионе кризиса, действуют как международные, так и местные структуры, целью которых является обеспечение порядка и безопасности в Сахеле. Однако несмотря на объединение усилий, предпринимаемые действия и операции не приносят желаемого результата, и обстановка в регионе остаётся неурегулированной.

Основных акторов региона можно разделить на две группы: деструктивные, непосредственно террористические группировки локального и международного уровней, а также конструктивные, деятельность которых

направлена на решение кризиса. В данной работе речь пойдет именно о конструктивных акторах.

Конструктивные акторы в свою очередь выражены государственными и негосударственными. При этом возникает некоторая сложность в классификации: что будет считаться государственным актором, а что не государственным. Для более чёткой классификации за государственные акторы возьмём субъекты международных отношений, действующих исключительно официально от лица государства или нескольких государств, в т.ч. Международные правительственные организации. К негосударственным отнесём ТНК, субъекты, тесно связанные со страной, но при этом официально её не представляющие и т.д.

Государственные акторы

В свою очередь государственные акторы региона можно условно разделить на три группы: непосредственно страны Сахеля, также страны-интервенты и международные правительственные организации (ММПО)

К основным странам, осуществляющим интервенцию, можно отнести Францию и Китай, каждая из стран преследует свои цели.

Франция

В период с 2013 по 2022 Вооруженные силы Франции постоянно присутствовали в регионе в рамках двух военных операций: Сервал (2013-2014) и Бархан (2014-2022) [17, с.12]. Несмотря на отдаленность Сахеля от границ Франции, проблема нестабильности в регионе несёт для неё угрозу через её южные границы из-за усиливающихся потоков миграции. Кроме того, встаёт вопрос о защите урановых месторождений в Нигере, разрабатываемых французской ТНК “Арева” [13, с. 12]

Китай

С ослаблением присутствия Франции в Сахеле, туда приходят другие страны, в т.ч. и Китай [6, с. 11]. Интересы Китая в регионе состоят из двух элементов: рост политического веса в регионе, а также доступ к сырьевым ресурсам, в особенности к урану, который является важнейший элементом в

ядерной энергетике. На данный момент основной механизм присутствия КНР в Сахеле - оказание финансовой поддержки, инфраструктурные проекты и участие китайского контингента в миротворческих миссиях ООН.

Алжир

Сахаро-Сахельский регион представляет интерес в т.ч. для Алжира, однако в силу дипломатического противостояния Алжира с Францией, правительство Алжира проводит в регионе свою собственную политику. Одна из важнейших причин участия Алжира в урегулировании кризиса в регионе - протяженность общих с Сахелем границ, составляющая 3000 км. Однако в последние годы влияние страны в регионе уменьшилось из-за сложной экономической ситуации в самом Алжире.

Основными механизмами, использованными Алжиром в попытке стабилизировать обстановку, стали Нуакшотский процесс, инициированный Алжиром в 2013 г. и созданный в 2010 г. Объединённый оперативный штаб [3, с. 11]. Также по инициативе Алжира был организован Глобальный форум по борьбе с терроризмом в Нью-Йорке с участием ООН, ЕС, АС.

Чад и Судан

В силу малой эффективности общей системы по поддержанию стабильности и безопасности в регионе, а также противодействию терроризма, были разработаны региональные механизмы. Одной из них стали Чадско-Суданские смешанные силы (Force mixte Tchad-Soudan, FMTS) [18, с. 13] со штаб-квартирой в Аль-Дженайне.

Международные организации

Международные организации, действующие в регионе, можно разделить на три группы: глобального уровня, субрегиональные и региональные.

К организациям *глобального уровня* относятся ЕС и ООН. Помимо присутствия военного контингента в регионе [5, с.11], международные организации глобального уровня создают институты и стратегии, направленные на укрепление местных правительств, установление

стабильности и безопасности [15 с. 12], а также проводят гуманитарные миссии. Таким образом, ЕС и ООН ведут активную деятельность по урегулированию кризиса в регионе не только с помощью миротворческих операций, но прибегая к более широкому “инструментарии” [11, с. 12]. Более подробно механизмы и институты отражены в схеме 1.

К *субрегиональным организациям*, направленным на противодействие терроризму в регионе, можно отнести Африканский Союз [10, с. 12], к главному механизму которого относится создание Африканской архитектуры мира и безопасности (ААМБ) [2, с. 11], созданному при подписании протокола о Совете мира и безопасности в 2003 г. (СМБ) [14, с. 12].

Основной *региональной организацией*, направленной на установление мира и поддержание стабильности в регионе, была G5 Sahel или “Группа пяти” [16, с. 12], созданная в 2014 г., в состав которой входят Буркина-Фасо, Чад, Мали, Мавритания и Нигер. Основной целью организации являлась координация совместных действий стран по программам развития и обеспечение безопасности стран-участниц в ответ на растущую нестабильность в регионе. Однако на данный момент не представляется возможным точно оценить возможное влияние роспуска G5 Sahel, на существующую ситуацию в регионе и перспективы появления новой региональной международной организации, которая заменит “Группа пяти”.

Также к региональным организациям относится ЭКОВАС. Основной целью которого является усиление сотрудничества государств и предотвращение «расползание» терроризма из Сахеля в прибрежные государства (принятие в 2017 протокола “Аккра”) и противодействие трансграничной преступности в приграничных регионах (один из примеров - проведение в 2020 г. Операции “Комоз” . ЭКОВАС в полной мере осознают важность совместных усилий по борьбе с терроризмом и активно противодействуют расползанию угрозы, однако недостаточность имеющихся сил и средств, а также комплексный характер угрозы обуславливают

необходимость разработки механизма по долгосрочному урегулированию, а не локального противодействия террористическим группировкам

Негосударственные акторы

Несмотря на активные действия государственных акторов в регионе, большую роль также играют и негосударственные, которые в свою очередь имеют большое влияние в регионе и участвуют в урегулировании кризиса. К негосударственным акторам можно отнести коммерческие организации.

Коммерческие организации

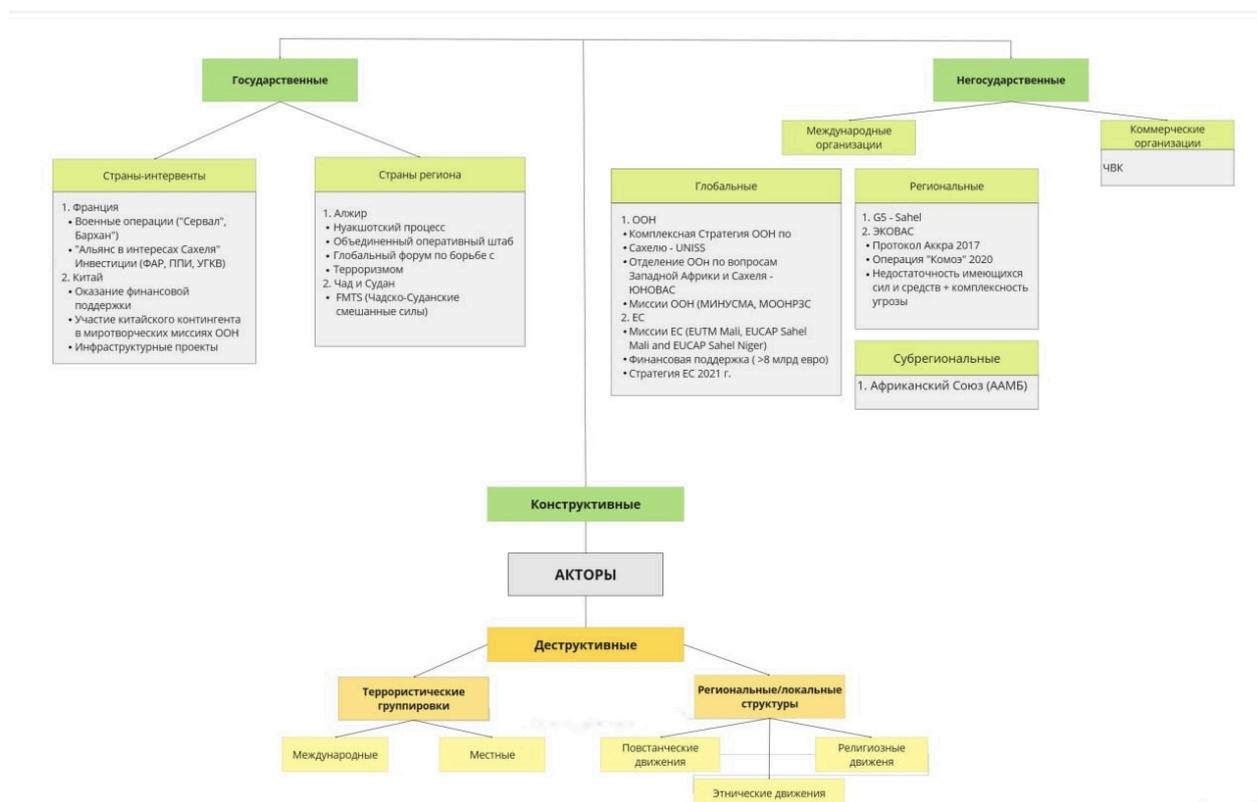
К основным коммерческим организациям, действующим в регионе, относятся ЧВК. Основной частной военной корпорацией, присутствующей в Сахеле является ЧВК Вагнера, которое, несмотря на отсутствие официальной принадлежности к государству, представляет интересы России: Мали заключит соглашение с российской ЧВК Вагнер по подготовке малийских военнослужащих. Россия стремится расширить свое влияние в Мали, поскольку ее все чаще рассматривают как потенциального партнера в сфере безопасности, способного заполнить вакуум после вывода французских войск из северной части страны.

Таким образом, в борьбу с терроризмом в зоне Сахеля включено множество акторов, таких как национальные государства, международные правительственные организации, коммерческие организации, все из которых преследуют свои цели. Несмотря на политический вес акторов, присутствующих в регионе, их разрозненность только усугубляет обстановку в регионе.

Схема 1. Акторы в регионе

**Успешный опыт Мавритании в противодействии терроризму.
Почему он оказывается неэффективными для других стран**

Мавритании, в отличие от большинства стран Сахеля удалось оказать эффективное противодействие терроризму, полностью реструктурировав и модернизировав Вооруженные Силы стран [9, с. 11]. Тем не менее это не было бы возможно без проведения комплексных мер. Проанализировав успешный

опыт борьбы Мавритании с террористическими группировками [8, с. 11], можно выделить следующие причины, в силу которых действия других Сахелийских стран остаются неэффективными в противодействии терроризму

- *Ориентация на региональное сотрудничество и отсутствие координации между акторами региона.*

Большинство стран Сахеля ориентированы на региональное сотрудничество, что ограничивает их в проведении политики по работе со внутренними структурами и заключение местных политических соглашений, необходимых для минимизации террористической активности. Региональное же сотрудничество необходимо на следующем этапе поддержания стабильности и безопасности.

В условиях слабой координации по линии Африка-Африка и Африка-Европа приводит к взаимному пересечению или дублированию компетенций, размыванию сфер деятельности и её неэффективности.

- *Отсутствие опыта взаимодействия с исламистами ранее.*

В большинстве стран Сахеля до вспышки терроризма в 2010-х г. основными деструктивными акторами являлись локальные этно-религиозные, а не джихадистские группировки [7, с. 11], т.е. власти этих стран не имели опыта в противодействии радикальным группировкам, а также действенного механизма по борьбе с ними.

- *Отсутствие поддержки населения и работы с ним со стороны государства.*

Большинство Сахелийских стран нацелены непосредственно на борьбу с террористами, при этом отсутствует работа с населением. Включение населения в общественную жизнь поможет как уменьшить территорию, подконтрольную террористическим группировкам, так и усилить государственную власть на всей территории страны.

- *Локализация террористических групп*

В отличие от Мавритании, где террористические организации в основном создавали свои центры в Нуакшоте, что ограничивало их мобильность, в большинстве стран региона группировки более мобильны и свободнее передвигаются по пустынным территориям, составляющим большую часть территории стран, что усложняет возможность их отслеживания и совершения контртеррористических операций.

Таким образом, помимо основных причин высокой террористической активности в регионе, присутствуют сопутствующие факторы, характерные именно для данного региона, которые в свою очередь затрудняют противодействие терроризму в Сахеле.

Заключение

Регион Сахеля никогда не был спокойным и стабильным, основными причинами этого были социально-экономические и политические проблемы в

Сахелийских странах, большинство из которых относятся к беднейшим странам мира. Несмотря на то, что в борьбу с терроризмом в зоне Сахеля включено множество акторов, их присутствие не помогает стабилизировать обстановку в регионе. Все они преследуют свои цели и только противодействие терроризму становится единой для всех, однако их разрозненность становится одним из факторов, усложняющих борьбу с терроризмом.

Однако Мавритании удалось оказать эффективное противодействие терроризму. Проанализировав успешный опыт борьбы Мавритании с террористическими группировками, можно выделить причины, в силу которых действия других Сахелийских стран остаются неэффективными в противодействии терроризму. Выявление данных причин позволяет использовать успешный опыт Мавритании в противодействии терроризму в других странах Сахеля, изменяя её под особенности каждой страны.

Список использованной литературы:

1. Динамика террористической активности в странах G5 Sahel в 1985—2019 гг. // Global Terrorism Database URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Африканская архитектура мира и безопасности (2017) // Fact Military URL: http://factmil.com/publ/strana/afrika/afrikanskaja_arkhitektura_mira_i_bezopasnosti_2017/166-1-0-1142?ysclid=lhbviqjonn741515079 (дата обращения: 10.05.2023).
3. Гадание на «сахельской пороховой бочке»: взорвётся - не взорвётся? // Звезда URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20233211724-6yDHG.html?ysclid=lhb39949eu997715822> (дата обращения: 02.05.2023).
4. Доклад РСМД и МККК №77 / 2022 "Болевые точки Африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы)" 11.05.2022
5. Операции ООН по поддержанию мира в Африке (2020) // Fact Military URL: http://factmil.com/publ/strana/afrika/operacii_oon_po_podderzhaniju_mira_v_afrike_2020/166-1-0-1784 (дата обращения: 03.05.2023).

6. Китай "завоевывает" Африку // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-zavoevyvaet-afriku/?ysclid=lh91y9o7a1626582133> (дата обращения: 02.05.2023).
7. Радикальный исламизм в Африке Южнее Сахары // Российский Совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/extremism-africa/?ysclid=lgwwqk28ух7716083> (дата обращения: 17.04.2023).
8. Гришина Н.В. Мавритания: эволюция политических структур // Ученые записки Института Африки РАН. - 2021. - №3 (56). - С. 56-65.
9. Мелконян Л. А. , Жерлицына Н. А. Действенная модель противостояния террористической опасности: успешный опыт Мавритании // Азия и Африка сегодня – 2023. – Выпуск №3 С. 46-54 [Электронный ресурс]. URL: <https://asaf-today.ru/S032150750024990-1-1> (дата обращения: 22.05.2023).
10. Сидоров Александр Сергеевич Африканская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле // РСМ. 2020. №3 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskaya-arhitektura-mira-i-bezopasnosti-i-konflikt-v-sahele> (дата обращения: 07.05.2023).
11. A regeneration: Implementing the United Nations Integrated Strategy for the Sahel (UNISS): UNDP’s Contribution // UNDP URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/africa/16b6b989e683b4c4551dc8dced9a3920c672af24bb71a2f02b651de808032a04.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).
12. Institute for Economics & Peace (IEP) Global Terrorism Index 2023 / Institute for Economics & Peace (IEP) [Электронный ресурс] // Vision of humanity : [сайт]. — URL: [GTI-2023-web-270323.pdf](https://www.visionofhumanity.org/GTI-2023-web-270323.pdf) (visionofhumanity.org) (дата обращения: 20.03.2023).
13. AREVA - Generation III+ Nuclear Reactors // AREVA URL: <https://www.aveva.com/en/perspectives/success-stories/areva-generation-iii-nuclear-reactors/> (дата обращения: 02.05.2023).
14. African Peace and Security Architecture // African Union URL: <https://au.int/en/apsa> (дата обращения: 10.05.2023).
15. Sahel // UNISS URL: <https://unis-sahel.org/> (дата обращения: 03.05.2023).
16. Accueil Secrétariat exécutif du G5 Sahel – Sécurité et développement// URL: <https://www.g5sahel.org/> (дата обращения: 27.04.2023)
17. Opération BARKHANE // Ministère des armées URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane> (дата обращения: 02.05.2023).
18. Tchad-Soudan: le premier commandement de la force mixte reviendra au Soudan // Jeune Afrique URL: <https://www.jeuneafrique.com/depeches/94026/politique/tchad-soudan-le-premier->

commandement-de-la-force-mixte-reviendra-au-soudan/ (дата обращения:
02.05.2023).

Об авторах: НИКОЛАЕВА Валерия Александровна – студент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, e-mail: lera_nik03@mail.ru

About the authors: NIKOLAEVA Valeriya Aleksandrovna – student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: lera_nik03@mail.ru

**АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ЗАПАДНЫХ И НЕЗАПАДНЫХ СТРАН К
РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В АФРИКЕ НА ЭТАПЕ 2022-2023 ГОДОВ НА
ПРИМЕРЕ РОССИИ, КИТАЯ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ**

Поличенко У.Д.

МГИМО (У) МИД России, Москва

**ANALYZING THE APPROACHES OF WESTERN AND NON-WESTERN
COUNTRIES TO SOLVING THE PROBLEM OF FOOD SECURITY IN
AFRICA AT THE STAGE OF 2022-2023 ON THE EXAMPLE OF RUSSIA,
CHINA, GERMANY AND FRANCE**

U.D. Polichenko

MGIMO University, Moscow

Аннотация: В докладе проведен анализ стратегий России, Китая, Франции, Германии в отношении Африки и мер, реализованных в рамках продовольственной помощи, в частности, “Зерновой сделки”. Предложено разделение подходов на “западный” и “незападный”, выделены их основные признаки. Сделан вывод: незападные страны рассматривают Африку как равноправного партнера в многополярном мире, тогда как западные державы инструментализируют продовольственную помощь для извлечения коммерческой прибыли.

Abstract. The report analyzes the strategies of Russia, China, France, Germany in relation to Africa and the measures implemented in the framework of food aid, in particular, the "Grain Deal". It proposes a division of approaches into "Western" and "non-Western" and highlights their main features. It is concluded that non-Western countries regard Africa as an equal partner in a multipolar world, while Western powers instrumentalize food aid for commercial profit.

Ключевые слова: Африка, Запад, ООН, продовольственная безопасность, продовольственный кризис, продовольственная помощь.

Keywords: Africa, West, the UN, food security, food crisis, food aid.

Актуальность исследования обусловлена повышением
взаимозависимости международных процессов в современном мире, в

частности, связь уровня продовольственной безопасности Африки и деятельности различных акторов на международной арене. Именно поэтому тщательный анализ и типологизация деятельности международных акторов важны как для стран Африки, так и для других крупных участников международных процессов.

Исследовательская проблема работы заключается в вопросе: каким образом можно классифицировать подходы к решению продовольственного кризиса в Африке, применяемые различными странами на этапе 2022-2023 годов.

Теоретико-методологической основой работы являются такие методы, как сравнение и изучение документов. При теоретическом анализе применяется неолиберальная теория международных отношений: наряду с государствами в числе акторов рассматриваются межправительственные организации (ООН, ЕС), а также теория реализма, согласно которой государства руководствуются на международной арене своими целями и национальными интересами.

Обращаясь к актуальности проблемы, стоит отметить, что внимание мирового сообщества к проблеме продовольственной безопасности на Африканском континенте в XXI веке приковано с 2015 года, с момента постановки Организацией Объединенных Наций Цели устойчивого развития №2 “Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства”. С 2022 года, в связи с увеличением числа конфликтов в мире, осложнением логистических цепей и серьезным увеличением числа стран, нуждающихся в помощи, проблема стала одной из наиболее обсуждаемых в рамках международных организаций и форумов. На сегодняшний день 278 миллионов человек в Африке страдают от хронического голода, это составляет порядка 20% населения континента. Значимость и острота проблемы повышаются на фоне украинского кризиса, поскольку Россия и Украина, одни

из лидеров экспорта сельскохозяйственной продукции, в частности, в Африку, вовлечены в конфликт.

В рамках решения проблемы продовольственной безопасности в Африке 22 июля 2022 года в Стамбуле между Россией, Украиной, Турцией и ООН было заключено соглашение, известное как “Черноморская зерновая инициатива”[3]. Она предусматривала обеспечение безопасного экспорта зерновых из украинских портов, предоставление гарантии безопасности прохождению судов с продовольствием и, с другой стороны, устранение финансовых и логистических препятствий при экспорте из России продовольствия и удобрений. Несмотря на продление сделки дважды, она не оправдала своих гуманитарных целей и 18 июля 2023 года соглашение прекратило функционировать. Это объясняется[6] невыполнением со стороны ООН, Украины и Турции российских требований, таких как снятие односторонних санкций с отдельных отраслей российского сельского хозяйства и удобрений. Также отмечается [3], что только 11% продовольствия, отгруженного из Украины, поступило в наименее развитые страны, в то время как ради извлечения коммерческой прибыли 40% было отгружено в европейские страны, 35% - в Китай и Турцию. Однако российская сторона не прекращает усилий по решению проблем продовольственной безопасности в Африке и продолжает как экспорт, так и безвозмездную поставку продовольствия нуждающимся африканским странам (Малави, Кения, Нигерия, Сомали).

Содействие решению проблемы продовольственной безопасности в Африке, осуществление мер поддержки региона является на сегодняшний день одним из основных направлений политики многих стран мира, поскольку Африканский континент приобретает все большую роль для одних государств как пространство международного сотрудничества, для других - как арена соперничества. Лидерами первой группы стран являются Россия и Китай, второй - Франция и Германия, выступающие как лидеры Европейского Союза. Политика стран в отношении Африканского континента закреплена

государствами в различных правовых документах. Для России таким документом является “Концепция внешней политики Российской Федерации” [13], в которой Африка представлена в качестве одного из полюсов многополярного мира и которая подчеркивает право ее стран на проведение независимой политики на международной арене. Для КНР Африка представляется “сообществом цивилизаций”, континентом, страны которого так же, как и Китай, принадлежат к числу развивающихся [7]. В то же время «Основы политики Федерального правительства Германии в Африке» [18], а также их обновленный вариант 2023 года «Формируя будущее» [19] уже несут в себе иную смысловую нагрузку. Германия указывает на широкую вовлеченность в проблемы Африканского континента, призывает активизировать сотрудничество на уровне международных региональных организаций (в частности, между Африканским Союзом и Европейским Союзом), а также предлагает совместно вырабатывать ответы на глобальные вызовы, среди которых - украинский конфликт и усиление присутствия Китая в Африке. Французский подход [20], актуализированный в 2019, году отличается детализированным анализом региональных особенностей континента и разделяет его на четыре субрегиона, определив стратегии в отношении каждого из них. К 2023 году, с увеличением контактов африканских стран со странами незападного мира возрастает и стремление сохранить контакт с африканскими странами. Так, стали звучать заявления президента Франции Макрона о конце эпохи “французской Африки”, в которых он подчеркивает готовность бывшей метрополии к ослаблению своего влияния на континенте и взаимодействию с африканскими странами на основах равенства и взаимоуважения. Однако данные заявления еще не были подкреплены существенными мерами, поэтому о реальном изменении политики говорить рано. Таким образом, четко прослеживается определенная линия поведения различных стран в отношении Африканского континента: в то время как Россия и Китай признают право стран Африки на самобытность, независимое осуществление внешней политики и укрепления в качестве

одного из центров многополярного мира, европейские страны рассматривают континент как инструмент проведения собственной политики в мире, стремясь не допустить его тесных взаимоотношений с конкурирующими центрами международного влияния, подтверждение чему можно увидеть и в последующих жестких заявлениях руководящих лиц европейских государств [1].

Говоря о конкретных мерах борьбы с продовольственным кризисом в Африке, можно также выделить два различных подхода, западных держав с одной стороны, и лидеров незападного мира с другой.

"Мы не должны оставлять поле деятельности авторитарным государствам, которые действуют там и пытаются создать новые зависимости с помощью своих инвестиций"[2], - утверждает Джем Оздемир, министр продовольствия и сельского хозяйства ФРГ, высказываясь о необходимости расширения присутствия Германии и других европейских стран в Африке. Действует, однако, Германия не напрямую, направляя помощь или поставки в африканские страны, а делая вклад в работу ФАО. Так, в марте 2023 года страна сделала взнос на сумму 25 миллионов евро на обеспечение доступа к продовольствию и другим основным товарам и услугам, а также на защиту и восстановление продуктивных источников средств к существованию в пострадавших от засухи районах Кении, Сомали, Судана и Эфиопии. Французский подход к решению проблемы продовольственной безопасности касается не напрямую Африки, а всех стран мира в целом и в основном также проводится через программы крупных международных организаций и интеграционных групп. Так, Франция активно содействует осуществлению инициативы "Коридоры солидарности", запущенной Европейским Союзом и продвигает инициативу "Миссия по обеспечению продовольственной и сельскохозяйственной устойчивости" (FARM), которая реализуется в партнерстве со странами Европейского Союза, G7 и Африканским союзом. Франция вложила 20 млн евро в программу "Grain from Ukraine", запущенную Украиной совместно с Всемирной продовольственной программой ООН для

защиты от массового голода ряда африканских стран, а также запустила собственную программу “Спасение урожаев”, предназначенную для облегчения доступа к удобрениям в уязвимых странах.

Что касается России, ее помощь африканским странам в обеспечении продовольственной безопасности на фоне кризиса 2022-2023 годов включает в себя намного более серьезные меры. Помимо взносов, направленных на реализацию Всемирной продовольственной программы ООН и участия в зерновой сделке, не оправдавшей своих гуманитарных целей по вывозу зерновых из Украины в Африку, Россия также увеличила объем поставок агропромышленной продукции на континент на 91% [9]. В частности, с начала 2022 года произвела поставки 20 миллионов миллионов тонн зерновых [11] и на данном этапе намерена безвозмездно поставить 25-50 тысяч тонн зерна [12], компенсируя тем самым последствия выхода из зерновой сделки. Невзирая на это, западные эксперты критикуют российский подход, используя оскорбительные антироссийские выпады и призывают вернуться к зерновой сделке в увязке с функционированием “коридоров солидарности”, имеющих, с их точки зрения, значительный успех [17].

Российский подход отличается многообразием эффективных мер. В рамках саммита “Россия-Африка” (2023) звучали заявления о скором открытии программ обмена специалистами в агропромышленном секторе и о готовности России осуществить любую необходимую техническую помощь по борьбе с продовольственным кризисом. Китайский подход [7] к обеспечению африканской продовольственной безопасности предлагает не только конкретную помощь проблемным регионам, но и борьбу с самими причинами кризиса: КНР направляет в страны Африки сельскохозяйственных экспертов, инвестирует в сельскохозяйственные проекты и инфраструктуру, необходимую африканским странам, чтобы самостоятельно обеспечить нужный уровень производства в будущем.

Таким образом, сопоставив подходы четырех стран к преодолению продовольственного кризиса, типологически их можно разделить на

“западный” и “незападный”, выделив также особенности каждого из них. В первом случае, помощь именно африканским странам не является конечной целью государства, осуществляющего практические шаги. Придерживающиеся этого подхода страны, в частности, Франция и Германия, стремятся, в первую очередь, облегчить вывоз зерна с Украины, разгрузив тем самым ее зернохранилища и уже потом определяют страну-реципиента помощи или страну-покупателя. Роль также играет возможность получения финансовой прибыли от применяемых мер: как показала зерновая сделка, основная масса сельскохозяйственной продукции, вывезенной из Украины, была поставлена в страны Европы, готовые заплатить более крупную сумму, нежели африканские. И во многом подобный подход принес больше издержек, нежели выгод, самим европейским странам: об этом свидетельствует введение запрета на ввоз агропродукции из Украины в пять европейских стран, где избыток украинского зерна приносил ущерб местным производителям [4].

Помощь стран, придерживающихся “незападного” подхода, Африке действительно является таковой: Россия и Китай стремятся облегчить положение именно африканских стран, будучи при этом готовыми сотрудничать с Европой на благо Африки, что также показала зерновая сделка. “Незападный” подход отличается не только готовностью стран бороться с частными последствиями кризиса, выделяя средства или продукцию единовременным платежом, но и готовностью помочь Африке обеспечить свой продовольственный суверенитет, содействуя развитию ее собственного агропромышленного комплекса.

Говоря о дальнейшем налаживании сотрудничества, очевидно, что страны Африки отдадут приоритет странам, не только декларирующим, но и придерживающимся принципа невмешательства в дела африканских государств, странам, оказывающим ощутимую помощь и поддержку и странам, готовым к построению равноправных взаимоотношений в многополярном мире.

Таким образом, можно заключить, что меры по обеспечению продовольственной безопасности Африки являются для западных стран мерами продвижения своей политики как в регионе, так и во всем мире. Они стремятся инструментализировать продовольственную помощь странам африканского региона для приобретения возможностей извлечения коммерческой прибыли и решения своих внешнеполитических задач. Россия и Китай, с другой стороны, рассматривают Африканский континент как площадку сотрудничества держав и как равноправного партнера в международных отношениях. Нельзя отрицать, что как западные, так и незападные державы руководствуются, в первую очередь, своими внешнеполитическими интересами. Однако, в то время как интересы западной стороны состоят в том, чтобы вновь поставить Африку в зависимость от их финансового обеспечения, цель незападных стран - иметь в лице африканских государств полноценного партнера, союзника, новый центр силы в международных отношениях, именно поэтому их стратегия включает в себя усилия по сохранению и укреплению продовольственного суверенитета Африки и улучшению состояния продовольственной безопасности на континенте.

Список использованной литературы:

1. Глава МИДа посоветовала Африке «не променять Францию на Россию» // РБК: 04.11.2023. URL: [Глава МИДа посоветовала Африке «не променять Францию на Россию» — РБК \(rbc.ru\)](#)
2. Глава Минсельхоза ФРГ выступил за расширение присутствия Германии и Европы в Африке // ТАСС: URL: [Глава Минсельхоза ФРГ выступил за расширение присутствия Германии и Европы в Африке \(tass.ru\)](#)
3. Дерюгина И. Что стоит за “Черноморской зерновой инициативой” / Ирина Дерюгина. - Текст: электронный // РСМД. - 2023. - URL: [РСМД :: Что стоит за “Черноморской зерновой инициативой” \(russiancouncil.ru\)](#)
4. Еврокомиссия запретила импорт украинского зерна в пяти странах // РБК: 02.05.2023. URL: [Еврокомиссия запретила импорт украинского зерна в пяти странах — РБК \(rbc.ru\)](#)

5. Засуха в Восточной Африке: ФАО выражает признательность Германии за взнос в сумме 25 млн евро на улучшение доступа к продовольствию и поддержание источников средств к существованию в сельских районах Кении, Сомали, Судана и Эфиопии // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций: 22.03.2023. URL: [Засуха в Восточной Африке: ФАО выражает признательность Германии за взнос в сумме 25 млн евро на улучшение доступа к продовольствию и поддержание источников средств к существованию в сельских районах Кении, Сомали, Судана и Эфиопии \(fao.org\)](#)
6. Заявление МИД России по зерновой сделке. - Текст: электронный. - URL: [Заявление МИД России по «зерновой сделке» - Министерство иностранных дел Российской Федерации \(mid.ru\)](#)
7. Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху (ноябрь 2021 г.). КНР. Пресс-канцелярия Госсовета (на кит.яз.). Текст: электронный - URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/26/content_5653540.htm
8. Коридоры солидарности: что стоит за намерениями Запада способствовать экспорту зерна с Украины // RT: 17.05.2022. URL: [Коридоры солидарности: что стоит за намерениями Запада способствовать экспорту зерна с Украины — RT на русском \(rt.com\)](#)
9. Курс на Африку: с начала 2023 года экспорт России в страны Африки увеличился в стоимостном выражении на 91% // VC.RU: 31.07.2023. URL: [Курс на Африку: с начала 2023 года экспорт России в страны Африки увеличился в стоимостном выражении на 91% — Офтоп на vc.ru](#)
10. Панин Н. Африканские стратегии: сопоставление подходов ключевых игроков на континенте на современном этапе / Никита Панин. - Текст: электронный // РСМД. - 2023. - URL: [РСМД :: Африканские стратегии: сопоставление подходов ключевых игроков на континенте на современном этапе \(russiancouncil.ru\)](#)
11. Полная разноколосица // Коммерсант: 27.07.2023. URL: [Перед саммитом Россия—Африка Путин заверил африканских гостей в незначительной роли зерновой сделки \(kommersant.ru\)](#)
12. Россия безвозмездно отправит шести странам Африки 25–50 тыс. тонн зерна // Коммерсант: 10.08.2023. URL: [Россия безвозмездно отправит шести странам Африки 25–50 тыс. тонн зерна – Коммерсантъ \(kommersant.ru\)](#)
13. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Текст: электронный - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007>

14. Франция продолжает усилия в пользу глобальной продовольственной безопасности // Посольство Франции в Москве: 27.11.2022. URL: [Продовольственная безопасность – Франция продолжает усилия в пользу глобальной \(...\) - Франция в России \(ambafrance.org\)](https://ambafrance.org/ru/press-releases/2022/11/27/france-continues-efforts-for-global-food-security)
15. Цзюнь Л. Опыт помощи Китая Африке в развитии сельского хозяйства / Ли Цзюнь. - Текст: электронный // Журнал “Китай”. - 2019. - URL: [Журнал «КИТАЙ»-Опыт помощи Китая Африке в развитии сельского хозяйства \(kitaichina.com\)](http://kitaichina.com)
16. Чихачев А. Франция — Африка: к новой модели отношений? / Алексей Чихачев. - Текст: электронный // РСМД. - 2021. - URL: [РСМД :: Франция — Африка: к новой модели отношений? \(russiancouncil.ru\)](https://rsm.ru/france-africa-new-relationship-model/)
17. Шарль Мишель назвал цинизмом инициативу по поставке российского зерна в Африку // Коммерсант: 10.09.2023. URL: [Шарль Мишель назвал цинизмом инициативу по поставке российского зерна в Африку – Коммерсантъ \(kommersant.ru\)](https://kommersant.ru/france-michel-cynicism/)
18. Policy Guidelines for Africa of the German Federal Government. Federal Foreign Office. - URL: <https://monrovia.diplo.de/blob/1714816/c4d775a5ed891e91265a01ac5c087fc3/afrika-leitlinien-download-data.pdf>
19. Shaping the future with Africa. The Africa Strategy of the BMZ. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ). - URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/137602/bmz-afrika-strategie-en.pdf>
20. Stratégie régionale Afrique du Nord 2021–2025. Mars 2021. Agence française de développement (AFD). - URL: <https://www.afd.fr/sites/afd/files/2021-03-02-49-37/strategie-regionale-afrique-nord-2021-2025.pdf>

Об авторах: ПОЛИЧЕНКО Ульяна Денисовна – студентка 2 курса, МГИМО (У) МИД России, e-mail: polichenko_u_d@my.mgimo.ru

About the authors: POLICHENKO Uliana Denisovna – 2nd year student, MGIMO University, e-mail: polichenko_u_d@my.mgimo.ru

**ПРИСУТСТВИЕ США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ КАК
ПРЕДПОСЫЛКА ОСЛАБЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЛИЯНИЯ СИРИИ**

Половинский А.А.

Белорусский государственный университет, Минск

**U.S. PRESENCE IN THE MIDDLE EAST AS A PREREQUISITE FOR THE
WEAKENING OF SYRIA'S FOREIGN POLICY INFLUENCE**

A.A. Polovinskiy

Belarusian State University, Minsk

Аннотация: В статье даётся анализ внешнеполитического влияния Сирийской Арабской Республики на государства Ближнего Востока. Описываются методы и способы воздействия. Указываются аспекты регионального лидерства на Ближнем Востоке в исторической ретроспективе, а также анализируется деятельность Соединенных Штатов Америки в области распространения влияния на восточном Средиземноморье.

Abstract. The article provides an analysis of the foreign policy influence of the Syrian Arab Republic on the states of the Middle East. Methods and means of influence are described. Aspects of regional leadership in the Middle East are indicated in historical retrospect, and the activities of the United States of America in the field of spreading influence in the eastern Mediterranean are analyzed.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика; Сирия; САР; политический кризис; США; курды; Ливан.

Keywords: Syrian Arab Republic; Syria; SAR; political crisis; USA; Kurds; Lebanon.

Одним из активных акторов современных международных отношений является Сирийская Арабская Республика. Принимая во внимание выгодное геополитическое положение, наличие полезных ископаемых, социальную неоднородность среди населения, данное государство постоянно становилось объектом притязаний со стороны господствующих держав, стремящихся укрепить своё положение и распространить политическое влияние. Довольно

долгий период Сирия находилась вместе с соседствующими государствами под мандатом Франции. Данный фактор оказал влияние на схожесть политики, проводимой в государствах восточного Средиземноморья. В 1970-е гг., с приходом к власти Хафеза Асада, политическая обстановка на территории Сирии стабилизировалась [4]. Весьма актуальным стал вопрос о региональном лидерстве на Ближнем Востоке. В качестве государств, претендующих на роль регионального центра силы, можно выделить Саудовскую Аравию, Турцию, Иран, Египет, Израиль [3]. Многие исследователи утверждают, что Сирийскую Арабскую Республику также можно рассматривать в качестве государства-лидера на территории Ближнего Востока. Вопрос регионального лидерства и по сей день остаётся весьма спорным [2]. Многочисленные события, связанные с многообразием этнических групп и политических взглядов лидеров государств вносят свои коррективы в региональный баланс сил.

У всех вышеперечисленных государств наблюдаются свои способы и рычаги воздействия на региональные процессы в сфере международных отношений. Влияние Сирийской Арабской Республики на региональные процессы Ближнего Востока заключается в нескольких моментах, среди которых, несомненно, стоит выделить политику руководства Сирии в отношении курдского вопроса, а также влияние Сирии на соседствующие государства, в частности Ливан.

На протяжении почти 30-и лет на территории Ливана присутствовал сирийский военный контингент в качестве миротворческих сил, введённый в эту страну в 1976 г. по просьбе правительства Ливана и при поддержке ливанского народа в разгар гражданской войны. Просирийские взгляды множества ливанских политиков способствовали укреплению политического влияния Сирийской Арабской Республики и легитимизации её руководства. В 1991 г. в Дамаске между Ливаном и Сирией был подписан Договор о братстве и сотрудничестве, продливший присутствие сирийского военного контингента на территории Ливана. В 2000 г., после ухода израильских войск из Южного

Ливана, количество сирийских военных сократилось с 35 тыс. до 14 тыс. В 2004 г. Совет Безопасности принял резолюцию о выводе всех иностранных сил из Ливана. Данная резолюция, санкционированная Францией и Соединёнными Штатами Америки, не раз обсуждалась в ООН. После убийства в Бейруте бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири и последовавших за этим выступлений ливанской оппозиции, просирийское правительство Омара Караме ушло в отставку, а военный контингент Сирии на территории Ливана был окончательно выведен, что значительно уменьшило роль Сирийской Арабской Республики и степень её влияния на соседний Ливан.

Важным фактором, имеющим значение для всего региона, является политика Сирии в отношении курдского вопроса. Курды являются одним из крупнейших этнических меньшинств на территории Сирийской Арабской Республики. На протяжении многих лет они сталкивались с дискриминацией и ущемлением своих прав со стороны сирийского правительства. Многочисленные курдские группировки активно отстаивают свои права. В связи с политическим кризисом и распространением деятельности террористических группировок, выходцы из Курдистана смогли укрепить свои позиции на севере и востоке страны. Однако политика Сирии в отношении курдов способна оказывать влияние и на другие государства региона, на территории которых также проживают курды – Турция, Ирак, Иран. Перед политическим руководством Сирии стоит немаловажная задача – стремиться предоставить курдам равные права с остальными гражданами, при этом не допустить их чрезмерного вмешательства в политическую структуру Сирии, так как это может дестабилизировать устоявшуюся политическую ситуацию в регионе.

Сирийское влияние в регионе ограничивается действиями и региональной политикой мировых держав, в частности, Соединёнными Штатами Америки, которые среди прочего позиционируют себя в качестве «защитников» курдов и их интересов перед лицом официального Дамаска. Стоит отметить, что важным поворотным моментом в истории новейшего

времени является распад СССР. После данного события Соединённые Штаты Америки фактически стали единственным лидером в регионе и попытались выстроить его исходя из собственного видения. Американская политика в регионе руководствовалась двумя концепциями. Первая из них заключалась в использовании «мягкой силы». Суть второй же – применение военных методов под предлогом защиты прав человека [4]. В период нахождения у власти Б. Клинтона в 1998 г. разработан план по вторжению в Ирак и дестабилизации политической обстановки в Сирийской Арабской Республике [1]. Кроме того, поворотным пунктом в истории Ближнего Востока стали события 11 сентября 2001 г., которые послужили предпосылкой для изменения Концепции внешней политики США и создания стратегий по преобразованию Ближнего Востока в «Большой Ближний Восток» (предложена Дж. Бушем в 2004 г.) и внедрения в регионе стратегии «Управляемого хаоса» (предложена К. Райс в 2005 г.).

Деятельность Соединённых Штатов Америки и методы внешнеполитического воздействия, используемые ими, зачастую превосходят методы других акторов и субъектов международных отношений в регионе. Пока государства региона фокусируются на внутренней политике, США разворачивают масштабные кампании в регионах, географически удалённых от Вашингтона.

Учитывая вышеперечисленные факторы, можно отметить, что Соединённые Штаты Америки являются важным политическим игроком на территории Ближнего Востока. США считают «демократизацию» арабского региона одним из приоритетов своей внешней политики и стремятся укрепить свои позиции на территории региона посредством тесного и активного взаимодействия с Израилем.

Список использованной литературы:

1. Бирюков Е. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d07/biryukov.pdf> (дата обращения: 07.12.2023)
2. Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2012.
3. Рыжов И.В. Проблемы регионального лидерства в современной системе международных отношений: некоторые теоретические аспекты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. № 2 (5). 2006.
4. Саллум Ф.С. Борьба за Сирию в контексте концепции «Большого Ближнего Востока». URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/219478/1/sallum_IR_25let_2017.pdf (дата обращения: 03.12.2023)
5. Шевелёв Д.Л. Соглашение Сайкса – Пико в современной ближневосточной политике. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/108369> (дата обращения: 19.07.2023)

Об авторах: ПОЛОВИНСКИЙ Артём Анатольевич – студент 3-го курса, Белорусский государственный университет, e-mail: polovinskiy.artem@yandex.by

About the authors: POLOVINSKIY Artyom Anatol'evich – 3rd year student, Belarusian State University, e-mail: polovinskiy.artem@yandex.by

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КОРОЛЕВСТВА БЕЛЬГИИ И
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО: ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛИ
ПРОШЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ?**

Туник М.Д.

МГИМО (У) МИД России, Москва

**POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF THE CONTEMPORARY
RELATIONS BETWEEN THE KINGDOM OF BELGIUM AND THE
DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO: DOES THE PAST DEFINE
THE PRESENT?**

M.D. Tunik

MGIMO University, Moscow

Аннотация: Статья рассматривает теоретические и практические аспекты современных политических и экономических отношений Королевства Бельгия и ДРК. В начале исследования автор приводит краткую историческую справку о двусторонних отношениях выбранных государств, уделяя особое внимание колониальной эксплуатации Конго бельгийским государством. Далее статья приводит многостороннюю теоретическую основу исследования, базирующуюся на постколониальных теориях международных отношений, мир-системной теории и подходах новой институциональной экономики. Практическая часть статьи рассматривает современную комплексную политику Бельгии в отношении ДРК в контексте современных глобальных вызовов. Исследуются тренды двусторонней торговли между двумя странами и рассматривается бельгийская экономическая стратегия на примере оказания официальной помощи развитию Конго.

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of contemporary political and economic relations between the Kingdom of Belgium and the DRC. At the beginning of the study, the author provides a brief historical background on the bilateral relations of the selected states, focusing on the brutal colonial exploitation of the Congo by the Belgian state. The article then provides a multifaceted theoretical framework for the study, based on postcolonial theories of international relations, world-system theory and the approaches of the new institutional

economics. The practical part of the article examines Belgium's current comprehensive policy towards the DRC in the context of contemporary global challenges. Trends in bilateral trade between the two countries are investigated and Belgian economic strategy is examined on the example of official development assistance to the Congo.

Ключевые слова: Королевство Бельгия, Демократическая Республика Конго, постколониальные исследования, внешняя политика, торговля.

Keywords: Kingdom of Belgium, Democratic Republic of Congo, postcolonial studies, foreign policy, trade.

Выбор тематики. В данной статье будет рассмотрено современное состояние двусторонних отношений Королевства Бельгия с Демократической Республикой Конго в контексте исторической подоплеку и различных теорий международных отношений. Тематика представляется весьма интересной, т.к. на настоящий момент отсутствует русскоязычная литература, посвященная данному аспекту внешней политики Бельгии, как и в целом остается в недостаточной мере изученным внешнеполитическое поведение всего региона Бенилюкс. Колониальное прошлое Бельгии сегодня часто выходит на первый план в ходе политических дебатов внутри страны и в контексте ее международных контактов и инициатив. “Неудобная” тема колониальной эксплуатации таких стран, как Конго-Киншаса, в прошлом зачастую используется бельгийскими политиками в качестве повода “признать ошибки” прошлого и начать строить отношения с бывшими колониями заново. Однако, ничто не проходит бесследно, а история зачастую повторяется, что отражается на сегодняшних событиях. Поэтому в данном исследовании будет проведена поддержанная существующими теориями международных отношений и экономической статистикой интересная параллель между моделью отношений Бельгии и Конго в прошлом и сегодня. Исследовательская проблема состоит в том, насколько сильно колониальное прошлое определяет характер двусторонних отношений сегодня и в чем этот характер проявляется.

Теоретические основы исследования. Данная статья основывается на разносторонней теоретической основе. Прежде всего, релевантным является

неомарксистское восприятие международной системы, представленное мир-системной теорией. Мир-системная теория, преимущественно разработанная Иммануилом Валлерстайном, предполагает, что весь мир разделен на государства т.н. “ядра”, которые отличаются высоким уровнем экономического и научного развития и обладают капиталоемкими, высокотехнологичными индустриями производства, обычно к этой группе относятся государства “коллективного Запада” – страны Европы, Северной Америки, а также страны “переселенческого капитализма” – Австралия и Новая Зеландия; государства “периферии”, страны, наименее экономически развитые, преимущественно занимающиеся добычей полезных ископаемых; также существуют т.н. страны “полупериферии”, обычно к ним относятся страны БРИКС и страны бывшего социалистического лагеря. Основная идея теории заключается в том, что вследствие исторически сложившейся системы глобального разделения труда между странами “ядра”, “периферии” и “полупериферии”, богатые и экономически развитые страны экономически эксплуатируют бедные страны, максимально обедняя их и забирая все доступные ресурсы. [20] При этом “полупериферия” эксплуатируется “ядром” и сама эксплуатирует “периферию”. Следствием данной жесткой системы времен позднего капитализма (его начало обычно относится к 15-16 вв.) является мировое экономическое и социальное неравенство, бедность, неоимпериализм и политическая нестабильность в странах “периферии”. [21] Интересной и релевантной для данного исследования является отвержение данной школой мысли теории модернизации, которая предполагает, что существует лишь линейный западный образец исторической эволюции традиционных обществ и государств и основной исторической целью последних является переход в состояние западного постиндустриального общества. [9] Данная идея в своей сути является ксенофобной и, по сути, расистской, в очередной раз пытающейся доказать мнимое превосходство западных обществ над обществами Азии, Африки и Латинской Америки.

Здесь уже важно привести идеи отечественного исследователя А. Д. Богатурова. Теорию модернизации он считал формой “поглощающего развития”, по сути, предполагающего превращение в и слияние незападных обществ в западные, без возможности промежуточного или альтернативного состояния. А вот как раз альтернативой этой линейной эволюции является “равноположенное развитие”, предполагающее сохранение автономии незападных государств и многообразия форм и скоростей их развития, без настойчивого вмешательства извне. [1] В контексте государственного разнообразия необходимо также упомянуть понятие “анклавно-конгломеративных обществ” Богатурова – в виду имеется тот факт, что во многих незападных обществах сохраняются промежуточные институты и формы, сами по себе они представляют смесь прошлого и будущего, в современной на первый взгляд стране могут оставаться структуры, свойственные традиционным, а не постиндустриальным обществам. Примерами таких стран, в частности, являются Россия, Япония и Китай.

Следующий теоретический аспект касается уже микроуровня, практически психологического пласта системы международных отношений. Понятие “субалтерн” является ключевым для постколониальных исследований и критических теорий международных отношений. Итальянский ученый-неомарксист Антонио Грамши впервые применил данный термин, чтобы обозначить социально, политически и экономически угнетаемые социальные группы в колонизированных государствах, которые в ходе колонизации потеряли право голоса и не могут участвовать в процессах управления своей собственной страной и являются исключенными из новоиспеченной системы управления и культурной гегемонии захватчиков. [15] Данный термин был популяризирован *the Subaltern Studies Group (SSG)*, группой исследователей из стран Южной Азии, занимающихся колониальным прошлым своих стран. [6] *SSG* также знамениты популяризацией т.н. “народной истории” (*a people’s history/history from below*) [19] – представление исторических событий глазами обычных людей, зачастую подвергавшихся

политическому и экономическому угнетению, в свое время бывших бедными слоями населения, нонконформистами и голосом эксплуатируемых. Американская ученая и философ индийского происхождения Гаятри Чакраворти Спивак (*Gayatri Chakravorty Spivak*) также указывает на интерсекциональные пересечения идентичности субалтерна – ученая занималась исследованиями угнетения женщин в колонизированной Индии, которые испытывали гнет от колонизаторов и как граждане захваченного государства, и просто как женщины. [18] Главная беда субалтернов заключается в необходимости подстраиваться под западное мышление, мышление эксплуататора – чтобы донести свои мысли, необходимо учить язык колонизатора; изучив его, собственные голос и мысли теряются, на их место приходят западные идеалы. Особое место, например, в истории Индии, чаще всего упоминающейся в контексте *subaltern studies*, занимали выбранные из индийского населения помощники белых колонизаторов; у них возникал двойственный психологический эффект – ненависть к эксплуататору и, при этом, желание ему угодить и понравиться, следствием чего, являлась ненависть к собственным собратьям и чувство личного интеллектуального превосходства над ними.

Заключительной частью теоретической базы исследования является новая институциональная экономика, являющаяся экономическим теоретическим ответвлением нового институционализма, который изучает эффект формальных и неформальных политических, экономических и социальных институтов, правил и запретов на поведение социальных групп. Новая институциональная экономика фокусируется на экономическом выборе индивида, который, с одной стороны, стремится быть рациональным, но при этом, сильно ограничен недостатком информации и умственными возможностями. [17] Кроме того, речь идет о том, что в случае, если государство не способно предоставить необходимый экономический механизм, на месте вакуума возникнет неформальный, “народный”, институт, его компенсирующий. У институтов и формальных и неформальных норм есть

определенный “жизненный цикл”, многие традиционно западные институты (такие как, демократия, защита прав человека, рыночная экономика и другие) формировались длительное время, следовательно, “пересадка” или искусственное создание факсимиле таких институтов склонно “не прижиться” в чуждом обществе.

Краткий исторический обзор. Впервые отношения между Королевством Бельгии и Конго-Киншаса возникли в 19 веке, когда король бельгийцев Леопольд II заключил, как он сам это назвал, “личную унию” [11] с независимым государством Конго. Фактически с 1885 по 1908 гг. Конго являлось личным владением бельгийского короля, не частью Бельгии, а его своеобразным “феодом”, называемым Свободным государством Конго. На Берлинской конференции 1885 г. Леопольд II сумел убедить представителей европейских государств в необходимости превращения Конго в часть его королевства, т.к. он, якобы, оказывал значительную гуманитарную помощь развитию страны. После конференции Конго стало официально называться Бельгийским Конго и просуществовало в формате бельгийской колонии до 30 июня 1960 года, когда была провозглашена независимость государства, вначале оно называлось Республика Конго, а затем приобрело знакомое нам современное название Демократическая Республика Конго. Под этим тонким слоем политической истории Конго скрывается жуткая, кровавая история убийства половины населения в течение 20 лет [5] и насилия, экономической эксплуатации, владеющей природными богатствами страны и психологического уничтожения. Конго было своеобразной “площадкой” для воплощения бельгийцами всех своих индустриальных мечт – видимо на Берлинской конференции 1885 года под “экономическим развитием” подразумевалось грабительство слоновой кости, каучука и минералов, создание эксплуататорских плантаций и варварская жестокость. В случае, если деревня работников каучуковых плантаций не выполняла производственную норму, бельгийским войскам предписывалось расстрелять работников. Однако *the Force Publique* (“Общественные силы”), по сути, частная

жандармерия Леопольда II больше предпочитали тратить дорогие, привезенные из Бельгии патроны на охоте. Поэтому, в качестве доказательства выполненного приказа, они отрубали конголезцам кисти рук. [14] В качестве примера того, как проявляется противоречивая идентичность субальтерна, можно привести тот факт, что иногда соседствующие деревни нападали друг на друга в случае, если одна из них не выполнила квоту по каучуку. Ключевой организацией в вопросе “каучуковой эксплуатации” была Англо-Бельгийская индийская каучуковая компания (*the Anglo-Belgian India Rubber Company*), которой было дано право фактически собирать дань с выделенной территории в форме каучука. [16] Бесчеловечное угнетение и уничтожение Конго приносило Леопольду II и его доверенным лицам колоссальные доходы. Лично король свои владения ни разу не посетил. [8]

Современные политические и экономические отношения.

Практически 80 лет эксплуатации фактически не дали Конго-Киншаса возможности естественного политического, социального, экономического и культурного развития. Годы затмения и угнетения не оставили местному населению шанса создания институтов, присущих индустриальному обществу. Поэтому даже сейчас, спустя 60 лет после успеха в борьбе за независимость, деятельности национального героя и первого премьер-министра Демократической Республики Конго Патриса Лумумбы, в экономическом отношении является одной из наименее развитых стран мира. При огромной, одиннадцатой в мире, территории в 2 344 858 км² [10] и населении страны составляет в 111 859 928 человек по оценкам на 2023 год (четырнадцатое место в мире) [7], ВВП страны по номиналу составляет всего 47,099 млрд долл. [23], 496 долл. на душу населения (это 186-е место в мире). Индекс человеческого развития составляет всего 0,480 (очень низкий показатель, это 175-е место в мире) [12]. В то время, как Бельгия является одной из самых развитых стран мира, с ВВП по номиналу 627,511 млрд долл [22], 53,656 долл на душу населения (это 16-е место в мире). Индекс человеческого развития составляет 0,937 (13-е место в мире) [13]. Отношения

с Бельгией после освобождения были омрачены продолжавшейся борьбой за независимость от бывшего колонизатора во время Конголезского кризиса 1960-1965 гг. и реальным военным конфликтом между Бельгией и тогдашним Заиром в 1988-1989 гг.

Каковы же приоритеты Бельгии в отношении Конго на современном этапе? С 7 по 13 июля 2022 года длился государственный визит королевской бельгийской четы в Конго. По словам специального посланника Министерства иностранных дел Бельгии в регионе Великих озер Стефана Доппаня, благодаря этому визиту “Бельгия сделала большой шаг вперед на пути к возобновлению отношений с бывшей колонией”. [4] Суть визита заключалась в том, чтобы перевернуть “темную страницу колониального прошлого и вместе построить надежное будущее.” Позиция Бельгии, согласно официальным заявлениям такова: “В конце концов, конголезский народ имеет право на хорошую жизнь в стране, которая уважает права человека и демократические принципы. Кроме того, благодаря своим лесам и полезным ископаемым Конго обладает огромными активами для решения глобальных проблем. Бельгия и Конго нуждаются друг в друге, так же как Европа и Африка нуждаются друг в друге. Отсюда вытекает огромная важность возобновления тесного сотрудничества между Бельгией и Конго”. [4] Как видно из данного заявления, Бельгия не скрывает деловую природу своих намерений – в контексте современной борьбы за базовые ресурсы и практическое отсутствие таковых у европейской страны, развитие сотрудничества с природно богатым Конго представляется бельгийским политикам весьма выгодной инвестицией. Действуя под номинальным прикрытием доброй воли, Бельгия, как и много десятилетий назад, преследует обыденные цели.

Официальные бельгийские представители обращают большое внимание на влияние на внутренние конголезские институты. Поскольку сохранение территориальной целостности Конго до сих пор остается серьезной проблемой, Бельгия будет, по их словам, стремиться прилагать усилия для ее решения. Государство поддерживает стремление конголезских властей

создать механизм "правосудия переходного периода" (*a mechanism of 'transitional justice'*), который может способствовать примирению социальных и борьбе с безнаказанностью. Кроме того, Бельгия оказывает финансовую поддержку программе Управления ООН по наркотикам и преступности (*the UN Office on Drugs and Crime (UNODC)*), которая направлена на укрепление антикоррупционной структуры в Конго.

Что же касается экономических двусторонних отношений? Сперва обратим внимание на торговлю товарами и услугами между двумя странами. Согласно статистике [3], общий объем двусторонней торговли достаточно мал. В 2021 году Бельгия экспортировала в Демократическую Республику Конго товаров на сумму \$318 млн. Основными товарами бельгийского экспорта являются вакцины, кровь, антисыворотки, токсины и бактериологические культуры (\$40 млн), упакованные медикаменты (\$20,7 млн) и мясо птицы (\$20,5 млн). За последние 22 года экспорт Бельгии в Демократическую Республику Конго увеличился на 5,57 % в годовом исчислении, с \$96,6 млн в 1999 году до \$318 млн в 2021 году. Таким образом, Бельгия преимущественно поставляет высокотехнологичные товары, связанные со здравоохранением, что, в определенной степени, свидетельствует о плачевном состоянии медицины в ДРК. Чем же отвечает Конго? Что может понадобиться экономически развитой Бельгии?

Прежде всего алмазы. В 2021 году Демократическая Республика Конго экспортировала в Бельгию товаров на сумму 83,1 млн долл. Основными категориями были алмазы (\$59,7 млн), какао-бобы (\$10,6 млн) и пиломатериалы (\$4,94 млн). За последние 22 года экспорт Демократической Республики Конго в Бельгию сократился на 9,64% в годовом исчислении, с \$774 млн в 1999 году до \$83,1 млн в 2021 году.

Также надо отметить, что между странами отсутствует торговля услугами. А еще появляется новая интересная статья конголезского экспорта – кобальт. Кобальт является достаточно редким металлом, 60% разведанных запасов которого находятся в Конго (6 млн тонн). Он имеет ряд популярных

способов использования в промышленности, среди которых, прежде всего, изготовление никель-кадмиевых и иногда литий-ионных аккумуляторов, применение в нефтехимических процессах, термоэлектрогенераторы, машинное оборудование и протезирование (в форме стеллита – сплава кобальта и хрома) и магниты. [2] Для бельгийской промышленности такой металл был бы очень полезен. По словам Доппая, “конголезские полезные ископаемые, такие как кобальт, чрезвычайно важны для "зеленого" перехода, который необходимо срочно осуществить. Но их эксплуатация должна приносить пользу самим конголезцам". Несмотря на то, что Бельгия поддерживает Инициативу прозрачности в добывающих отраслях (ИПДО) (*the Extractive Industries Transparency Initiative (EITI)*), чтобы повысить прозрачность и эффективность управления (*good governance*) в горнодобывающей промышленности, учитывая историческую и теоретическую подоплеку, создается впечатление, что все эти инициативы – не больше, чем просто предлог для осуществления практических задач. Пусть Конго и сталкивается с экономическими проблемами, коррупцией и политической нестабильностью, это государство само вправе решать, что делать со своими собственными ресурсами; в этом процессе оно не нуждается в европейской “помощи”.

Отдельно стоит упомянуть об официальной помощи развитию, которую Бельгия оказывает Конго. ДРК до сих пор является главным получателем помощи от Бельгии. Основная часть помощи направлена на развитие инфраструктуры и сектора услуг, большой объем средств уходит на оказание гуманитарной помощи. [3] Таким образом, сохраняется определенная экономическая зависимость Конго от бельгийской поддержки, ведь помощь выплачивается уже долгие десятилетия, но при этом, не приносит эффективных результатов. Причиной этому, как уже было упомянуто ранее, является отсутствие устойчивых (*sustainable*) экономических институтов внутри Конго. Колониальное прошлое, во времена которого Конго являлось индустриальным продолжением Бельгии и “полагалось” на жесткую и чуждую

административную систему, не дало нормально развиваться системе внутреннего самоуправления и перераспределения прибыли. Поэтому большая часть бельгийской помощи фактически используется как гуманитарная помощь, разово покрывающая насущные проблемы (и коррупционный запрос), но которую не инвестируют в долгосрочные проекты.

Выводы. В ходе статьи были проанализированы политические и экономические аспекты современных двусторонних отношений Королевства Бельгии и Демократической Республики Конго в контексте исторической подоплеки и разнообразной теоретической основы. Представляется, что вследствие серьезного нанесенного Бельгией колониального ущерба, двусторонние отношения все еще в определенной степени являются неравными и созависимыми. Бельгия до сих пор преследует практические экономические цели, в то время как Конго зачастую выступает зависимой стороной. Мир-системная теория и теории новой институциональной экономики поддерживают данный вывод. На настоящий момент Бельгия использует современные глобальные вызовы, чтобы продолжить взаимовыгодное сотрудничество, даже с условием оказания значительной официальной помощи развитию.

Список использованной литературы:

1. Богатуров, А. Д., Виноградов, А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории / А. Д. Богатуров, А. В. Виноградов // Восток – Запад – Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н.А.Симонии. – М.: Прогресс – 2002.
2. Применение кобальта [Электронный ресурс]. // Металлопром. – 2016. – Режим доступа: https://mmetalloprom.ru/info/articles/primenenie_kobalta/.
3. Туник, М. Д. Экономическая политика Нидерландов и Бельгии в отношении бывших колоний как способ компенсации колониального ущерба / М. Д. Туник // Новый взгляд на колониальное прошлое: материалы Международной научно-практической конференции, 5 декабря 2022 г. / отв. ред. И. А. Газиева, М. Н. Пушкова, А. А. Столяров, М. Р. Урб. – URL : <http://liber.rsuh.ru/elib/0000161260>. – Режим доступа: свободный.

4. Belgium / Democratic Republic of Congo [Электронный ресурс]. // The Observatory of Economic Complexity (OEC). – 2023. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/bel/partner/cod?depthSelector=HS2Depth&measureBilateralTradeSelector=vizValueOption3&compareExports0=comparisonOption5>.
5. België en Congo: samen aan de toekomst werken [Электронный ресурс]. // Federale Overheidsdienst Buitenlandse Zaken, Buitenlandse Handel en Ontwikkelingssamenwerking. – 04.07.2022. – Режим доступа: <https://diplomatie.belgium.be/nl/beleid/beleidsthemas/uitgelicht/belgie-en-congo-samen-aan-de-toekomst-werken>.
6. Cawthorne, N. The World's Worst Atrocities. – Octopus Publishing Group. – 1999. ISBN 0-7537-0090-5
7. Chowdhury, A. R. Subaltern Studies. — The Encyclopedia of Postcolonial Studies. — 28.01.2016. <https://doi.org/10.1002/9781119076506.wbeps351>
8. Congo, Democratic Republic of the [Электронный ресурс]. // The CIA World Factbook. – 31.07.2023. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/congo-democratic-republic-of-the/>.
9. De koning in Kinshasa die nooit in Congo was [Электронный ресурс]. / Davy Verbeke // MO. – 19.01.2016. – Режим доступа: <https://www.mo.be/wereldblog/de-koning-kinshasa-die-nooit-congo-was-slot>.
10. Gavrov, S., Klyukanov, I. Modernization, Sociological Theories of. // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Vol. 15 (2nd ed.). – Oxford: Elsevier Science. – 2015. – pp. 707–713. ISBN 978-0-080-97086-8
11. Geography / Congo, Democratic Republic of the [Электронный ресурс]. // The CIA World Factbook. – 31.07.2023. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/congo-democratic-republic-of-the/>.
12. Ewans, M. European Atrocity, African Catastrophe. — Routledge. — 2002. ISBN 978-0-7007-1589-3
13. Human Development Indices and Indicators. [Электронный ресурс]. // UNDP. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>.
14. Human Development Report 2021/2022. [Электронный ресурс]. // UNDP. – Режим доступа: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf.
15. Lemarchand, R. Political Awakening in the Congo: The Politics of Fragmentation. — Univ of California Press. — 1963. — p. 32. ISBN 978-0-520-33863-0.
16. Ludden, D. Reading Subaltern Studies: Critical History, Contested Meaning and the Globalisation of South Asia. — Delhi. — Permanent Black. — 2003.

17. Belgium confronts its colonial demons [Электронный ресурс]. / Andrew Osborn // The Guardian. – 18.07.2002. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2002/jul/18/congo.andrewosborn>.
18. Ostrom, E. Doing Institutional Analysis: Digging Deeper than Markets and Hierarchies. — Handbook of New Institutional Economics. — Springer. — 2006. — pp. 819-848.
19. Spivak, G. C. Three Women's Texts and a Critique of Imperialism. — Critical Inquiry. — 12 (1). — 1985. — pp. 243–261. doi:10.1086/448328.
20. Thompson, E. P. History from Below. – Times Literary Supplement. — 1966. — pp. 279–80.
21. Wallerstein, I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. — New York. — Academic Press. — 1994.
22. Wallerstein, I. The West, Capitalism, and the Modern World-System. — Review 15 (4). — 1992. — pp. 561-619.
23. World Economic Outlook Database, October 2023 Edition. (Belgium) [Электронный ресурс]. // International Monetary Fund. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/weo-report?c=124,&s=NGDPD,PPPGDP,NGDPDPC,PPPPC,&sy=2020&ey=2028&ssm=0&scsm=1&sc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1>.
24. World Economic Outlook Database, October 2023 Report for Selected Countries and Subjects [Электронный ресурс]. // International Monetary Fund. – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/weo-report?c=124,&s=NGDPD,PPPGDP,NGDPDPC,PPPPC,&sy=2020&ey=2028&ssm=0&scsm=1&sc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1>.

Об авторах: ТУНИК Мария Денисовна – магистр по специальности “Международные отношения”, МГИМО (У) МИД России, e-mail: tunik_m_d@my.mgimo.ru

About the authors: TUNIK Maria Denisovna – Master of Arts in International Relations, MGIMO University, e-mail: tunik_m_d@my.mgimo.ru

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: УЧАСТНИКИ, ПРОЕКТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 327

РОЛЬ МИРОТВОРЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА РФ В СОХРАНЕНИИ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ НАГОРНОГОТ КАРАБАХА)

Аванесян А.А.

Кубанский государственный университет, Краснодар

THE ROLE OF THE PEACEKEEPING CONTINGENT OF RUSSIA IN PRESERVATION OF PEACE AND SECURITY IN THE POST-SOVIET SPACE (BY THE EXAMPLE OF NAGORNOGOTH KARABAKH)

A.A. Avanesyan

Kuban State University, Krasnodar

Аннотация: после подписания совместного заявления лидерами России, Армении и Азербайджана о прекращении огня после второй Карабахской войны, ответственность за поддержание стабильности и безопасности в регионе взяла на себя Россия, разместив в республике миротворческий контингент. Несмотря на насильственную депортацию армянского населения из Нагорного Карабаха и признания премьер-министром Армении региона частью Азербайджанской Республики, присутствие миротворческого контингента России в Карабахе остается востребованным и необходимым.

Abstract. After signing the joint statement by the leaders of Russia, Armenia and Azerbaijan on a ceasefire after the second Karabakh war, Russia assumed responsibility for maintaining stability and security in the region by deploying a peacekeeping contingent in the republic. Despite the forced deportation of the Armenian population from Nagorno-Karabakh and the recognition by the Prime Minister of Armenia the region as part of the Republic of Azerbaijan, the presence of the Russian peacekeeping contingent in Karabakh remains in great demand and necessary.

Ключевые слова: миротворческий контингент, РФ, Нагорный Карабах, военная операция.

Key words: peacekeeping contingent, Russian Federation, Nagorno-Karabakh, military operation.

Миротворческая деятельность РФ на постсоветском пространстве после распада СССР.

Являясь правопреемницей Советского Союза и постоянным членом Совета Безопасности ООН, Российская Федерация принимает активное участие в операциях по предотвращению межнациональных конфликтов и поддержанию стабильности и безопасности на постсоветском пространстве и в мире в целом. Впервые советские наблюдатели от СССР приняли участие в миротворческой миссии ООН 25 ноября 1973 г. во время палестино-израильского конфликта в рамках ОНВУП (орган Организации Объединенных Наций по наблюдению за выполнением условий перемирия) [1]. Согласно миротворческой статистике на 2023 год «Россия занимает 64-е место (из 123) по количеству поставляемых контингентов и 10-е место по количеству военных наблюдателей» [2].

После распада Советского Союза активизировались этнические противоречия и борьба за независимость в непризнанных республиках. Первой миротворческой операцией России на постсоветском пространстве стало урегулирование конфликта в Южной Осетии. 14 июля 1992 года для стабилизации ситуации в регионе были задействованы три миротворческих мотострелковых батальона России, Грузии и Осетии [3]. Миротворческий контингент обеспечил мир и безопасность жителям Южной Осетии вплоть до августа 2008 года, вооруженного нападения Грузии и обстрела города Цхинвал. Еще одной операцией российских войск в рамках миротворческих сил СНГ на Южном Кавказе в конце XX века стала операция по предотвращению военной эскалации грузино-абхазского противостояния и обеспечению безопасности в Абхазии в 1994 г. Деятельность миротворческих сил продолжалась до 2008 г. С момента прекращения военных действий (благодаря участию вооруженных сил России), предпринятых грузинским

руководством в адрес непризнанных республик, Российская Федерация признала независимость Южной Осетии и Абхазии заключив с ними дипломатические отношения в 2008 г. Для сохранения стабильности в регионе и недопущения повторной военной агрессии Грузии было принято решение о расположении двух российских военных баз на территории республик [4. С. 49].

Российский миротворческий контингент на основании договора «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» [5] по сей день является гарантом стабильности и мира в регионе. Стоит отметить, что Приднестровье является единственной территорией Восточной Европы, где ввод миротворческих сил ознаменовал полное прекращение и не возобновление военных действий [6].

Однако, несмотря на все вышеперечисленные успешные операции, самой актуальной и дискуссионной на сегодняшний день является участие российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе.

Российский миротворческий контингент (законодательная база).

В основе деятельности миротворческих контингентов России лежит закон, подписанный президентом РФ Борисом Ельциным 23 июня 1995 года «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» [7].

Согласно действующему закону (последние изменения были внесены 4 июня 2014-го) решение об участии миротворческого контингента (состав, задачи, срок пребывания и порядок замены) остается за Президентом Российской Федерации [8].

Основываясь на обязательства по Уставу ООН и другим международным договорам руководство Российской Федерации самостоятельно принимает решение об участии в той или иной операции по поддержанию мира.

Законодательной базой деятельности российских миротворцев за рубежом являются также в Военной доктрине РФ и Концепции внешней политики РФ. Согласно пункту 21 Военной доктрины России участие российского миротворческого контингента в рамках международных организаций является главной задачей РФ по сохранению мира и безопасности [9].

В настоящее время по решению Президента РФ в состав миротворческого контингента входят так же военнослужащие 15-й отдельной мотострелковой бригады [10].

Важно отметить, что в рамках работы ОДКБ был сформирован миротворческий контингент стран участниц в 2007 г. для поддержания мира на территориях государств-членов организации [11].

В основе миротворческой деятельности лежит три принципа «согласие сторон, беспристрастность, неприменение силы, за исключением случаев самообороны и защиты мандата» [12]. Ошибочно полагать, что миротворческие операции по поддержанию мира являются военными операциями. Последствия от применения силы миротворческим контингентом всегда непредсказуемы и влекут за собой политический исход [13].

Итоги второй карабахской войны и ввод российского миротворческого контингента в регион

Конфликт в Нагорном Карабахе является еще одним звеном в череде этнических противостояний и территориальных споров на постсоветском пространстве. Первый (современный) этап Нагорно-Карабахского конфликта берет свое начало в 1988 г., после массовых погромов и этнической чистки армянского населения, проживающего в городах Азербайджана (Сумгаит, Баку, Кировабад) в ответ на желание о самоопределении жителей Карабаха [14].

После проведения референдума (согласно законодательству СССР и нормам международного права) и объявления независимости Нагорно-Карабахской Республики в 1991 году, начались военные действия. Итогом

первой карабахской войны стал переход под контроль Азербайджана части районов Мартуни и Мартакерта и весь Шаумянский район. В то же время силам самообороны Нагорного Карабаха удалось завоевать 7 сопредельных районов, которые с одной стороны стали камнем преткновения на переговорном процессе, но с другой стороны обеспечили безопасность населенных пунктов НК сыграв роль буфера. [15].

Стоит отметить, что все годы (почти 30 лет) существования непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах) азербайджанское руководство, с разной периодичностью, продолжало попытки военного захвата земель, наращивая свой военный потенциал и не оставляя мысли реванша.

Второй (современный) этап Нагорно-Карабахского противостояния произошел в 2020 г. (27 сентября-9 ноября), так называемая «44 дневная война». 27 сентября началась полномасштабная военная операция со стороны Азербайджанской республики с применением авиации, ударных БПЛА, артиллерии и бронетехники. Операция получила название «Железный кулак» и шла она по двум направлениям (север и юг) [16].

Новый этап войны на Южном Кавказе радикальным образом изменил ситуацию в регионе. Благодаря активной посреднической деятельности Президента РФ Владимира Путина, войну в Нагорном Карабахе (Арцахе) удалось остановить, подписанием руководителями России, Армении и Азербайджана соглашения о прекращении боевых действий 9 ноября 2020 г. [17]. Регион, в период активных боевых действий, стал центром внимания всего международного сообщества. Франция и США, являясь сопредседателями Минской группы ОБСЕ пытались внести вклад в мирное решение армяно-азербайджанского противостояния, стараясь вытеснить Россию как главного посредника (миротворца) в регионе. Посредническая деятельность России при урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве является важной мерой для сохранения статуса лидера в регионе [18. С. 50].

Согласно заявлению президента РФ В. Путина 9 ноября о прекращении огня, стороны конфликта сохраняют за собой позиции, занятые к моменту подписания соглашения. «Вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль коридора, соединяющего Нагорный Карабах с Республикой Армения, развёртывается миротворческий контингент Российской Федерации» [19].

Деятельность российского миротворческого контингента в Нагорном-Карабахской Республике.

Миротворческий контингент РФ находится на территории Нагорного Карабаха на основании соглашения о прекращении войны. Согласно данному договору «вдоль Лачинского коридора разворачивается миротворческий контингент Российской Федерации в количестве 1960 военнослужащих со стрелковым оружием, 90 бронетранспортеров, 380 единиц автомобильной и специальной техники» [20]. Согласно решению глав государств участников конфликта, миротворческий контингент РФ вводится в регион сроком на 5 лет, с продлением времени нахождения при согласии сторон. Так же для «повышения эффективности контроля за выполнением Сторонами конфликта договоренностей разворачивается миротворческий центр по контролю за прекращением огня» [21].

Президент РФ В. Путин подписал Указ «о мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе» 10 ноября 2020 г. [22], согласно которому замена состава миротворческих сил осуществляется не реже двух раз в год [23]. Первым командующим миротворческим контингентом в Нагорном Карабахе был назначен генерал-лейтенант Рустам Муратов.

Согласно установленному перемирию, миротворцы РФ должны были развернуть свой контингент вдоль Лачинского и контролировать единственную дорогу в Карабах. Несмотря на то, что данная дорога находилась в юрисдикции российских миротворцев, Азербайджану удалось перекрыть дорогу и создать гуманитарную катастрофу в регионе. Блокада жителей Нагорного-Карабаха (Арцаха) длилась 9 месяцев. Важно отметить,

что согласно подписанному сторонами договору деятельность миротворческого контингента РФ ограничилась лишь функцией наблюдателей и потому военнослужащие России не могли предотвратить очередное военное наступление Азербайджана на армянские населенные пункты. Нарушив достигнутые соглашения от 9 ноября 2020 г. и принципы международного права, Баку преступает к очередной военной агрессии против Республики Арцах [24]. Согласно заявлению руководства Республики Арцах «Военная агрессия, развязанная Азербайджаном в условиях продолжающейся незаконной блокады республики, является неприкрытым актом геноцида и крайней формой отрицания фундаментальных прав народа Арцаха. Министерство обороны Азербайджана уже открыто заявляет о намерении осуществить насильственное перемещение 120 тысячного населения Арцаха, что равносильно уничтожению народа Арцаха как такового, его общности и целостности» [25].

Итогом военной операции Азербайджана (19-20 сентября 2023 г.) стало соглашение о прекращении огня и подписание указа о прекращении существования Нагорно Карабахской Республики (Республики Арцах) с 1 января 2024 г.

Результатом событий в Нагорном Карабахе стала насильственная депортация армянского населения (около 120 тыс. человек) и критика миротворческого контингента в вопросах допущения гуманитарной катастрофы в регионе, в связи с блокадой подконтрольной России дороги и военной агрессии на мирное население Нагорного Карабаха.

Несмотря на массовое насильственное перемещение армянского населения, миротворческий контингент РФ продолжает свою деятельность по сохранению мира в регионе. Согласно информационной бюллетени Министерства обороны России о деятельности российских миротворческих сил на Южном Кавказе в зоне конфликта (на 9 октября 2023 г.), работа контингента по поддержанию мира в регионе продолжается. Регулярно поддерживается связь с Баку и Степанакертом, «направленное на

недопущение кровопролития, обеспечение безопасности и соблюдение норм гуманитарного права в отношении мирного населения» [26].

Согласно заявлению официального представителя МИД РФ Марии Захаровой «ситуация в Карабахе за последний год кардинально изменилась, в октябре 2022 года премьер-министр Армении [Никол Пашинян] на саммите под эгидой Евросоюза в Праге признал регион Карабаха азербайджанской территорией<...> Таким образом, условия, при которых российский миротворческий контингент был введен в регион, были серьезно скорректированы, и на фоне массового исхода населения после боестолкновения 19-20 сентября текущего года деятельность наших миротворцев будет адаптирована"[27].

Согласно позиции Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова миротворческий контингент РФ не утратил своей значимости и продолжает оставаться гарантом безопасности и стабильности в регионе, в то время как Европа и США, стремясь реализовать свои геополитические интересы, лишь дестабилизируют ситуацию на Южном Кавказе. «Теперь, когда руководители Еревана и Баку урегулировали между собой вопрос взаимного признания суверенитета двух стран, пришла пора для налаживания мирной жизни, укрепления доверия. Российский миротворческий контингент готов всячески этому способствовать» [28. С. 167].

Список использованной литературы:

1. Исаенко А. И. 75 лет под флагом ООН. Миротворцы России и всего мира отмечают юбилей. // Независимое военное обозрение. // URL: https://nvo.ng.ru/realty/2023-04-27/10_1234_un.html ((дата обращения: 17.11.2023).
2. Там же.
3. Олишевский Д. Российские миротворцы первыми приняли удар на себя в Цхинвале. //Парламентская газета. 07.08.2018 // URL: <https://www.pnp.ru/social/rossiyskie-mirotvorcy-pervymi-prinyali-udar-na-sebya-v-ckhinvale.html> (дата обращения: 30. 11. 2023).

4. Ерицян Инга Нелсиковна Миротворческая деятельность российской Федерации на территориях непризнанных государств постсоветского пространства как Гарант ее национальной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-deyatelnost-rossiyskoj-federatsii-na-territoriyah-nepriznannyh-gosudarstv-postsovetskogo-prostranstva-kak-garant-ee> (дата обращения: 4.12.2023).
5. Возникновение и развитие вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова. [@Министерство обороны Российской Федерации](https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232) (Минобороны России) // URL: [@cmsArticle](https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232) (дата обращения: 6.12.2023).
6. Там же.
7. Федеральный закон от 23.06.1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8002> (дата обращения: 28. 11. 2023).
8. Там же.
9. Военная доктрина Российской Федерации. 30.12.2014. Российская газета // URL: <https://rg.ru/documents/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 28.11.2023).
10. Участие РФ в миротворческих операциях. [@Министерство обороны Российской Федерации](https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm) (Минобороны России) // URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm (дата обращения: 28.11.2023).
11. Там же.
12. Принципы миротворческой деятельности. Операции ООН по поддержанию мира. // URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/principles-of-peacekeeping> (дата обращения: 30. 11.2023).
13. Там же.
14. Нагорно-Карабахская проблема. Министерство иностранных дел Республики Армения. // URL: <https://www.mfa.am/ru/nagorno-karabakh-issue> дата обращения: 1. 12.2023).
15. Там же.
16. Операция «Железный кулак». Азербайджан. // URL: <https://azerbaijan.az/ru/related-information/303> (дата обращения: 1. 12. 2023).

17. Сафарян А. О роли России в урегулировании отношений между Арменией и Азербайджаном и соперничестве мировых центров силы за влияние на Южном Кавказе. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций. // URL: https://nicrus.ru/analytics/pub_orolirossii/ (дата обращения: 6. 12. 2023)
18. Ерицян Инга Нелсиковна Миротворческая деятельность российской Федерации на территориях непризнанных государств постсоветского пространства как Гарант ее национальной безопасности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-deyatelnost-rossiyskoy-federatsii-na-territoriyah-nepriznannyh-gosudarstv-postsovetskogo-prostranstva-kak-garant-ee> (дата обращения: 6.12.2023).
19. Заявление Президента Российской Федерации. 10 ноября 2020 года. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64381> (дата обращения: 6.12.2023).
20. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10 ноября 2020 года. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 8.12.2023).
21. Там же
22. Указ Президента Российской Федерации от 10.11.2020 № 695 "О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе". Официальное опубликование правовых актов. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011120002?rangeSize=1&index=1> (дата обращения: 8.12.2023).
23. Там же.
24. Заявление в связи с военной агрессией Азербайджана против Арцаха. 19.09.2023. [Министерство иностранных дел Республика Арцах](https://www.nkr.am/ru/news/2023-09-19/Statement_on_Azerbaijani_aggression). // URL: https://www.nkr.am/ru/news/2023-09-19/Statement_on_Azerbaijani_aggression (дата обращения: 8.12.2023).
25. Там же.
26. Информационный бюллетень Министерства обороны Российской Федерации о деятельности российского миротворческого контингента в зоне нагорно-карабахского конфликта (на 09 октября 2023 г.). Министерство обороны Российской Федерации. // URL: https://mil.ru/russian_peacekeeping_forces/bulletins/more.htm?id=12481548@egNews (дата обращения: 8.12.2023).

27. Захарова: деятельность миротворцев РФ в Карабахе будет адаптирована к новым условиям. 10 октября 2023 г. // URL: <https://tass.ru/politika/18964243> (дата обращения: 8.12.2023).
28. Лавров С.В. Соблюдение принципов Устава ООН во всей их совокупности и взаимосвязи – залог международного мира и стабильности // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6.

Об авторе: АВАНЕСЯН Айкуш Ашотовна – канд.ист.наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанский государственный университет, e-mail: avanesyan_h@mail.ru

About the author: AVANESYAN Aykush Ashotovna – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History and International Relations Kuban State University, e-mail: avanesyan_h@mail.ru

**РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В
ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Закиров Б.Б.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**ROLE OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN
ENSURING REGIONAL SECURITY AMID THE TRANSFORMATION OF
A NEW WORLD ORDER**

B.B. Zakirov

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: в статье анализируется роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности в условиях трансформации современного миропорядка. В результате беспрецедентных изменений в международных отношениях становится все более очевидным, что организация не сможет оставаться в стороне от происходящего в мире. С одной стороны, обостряется геополитическая обстановка в непосредственной близости от зоны ответственности ШОС, с другой, наблюдается стремление отдельных стран Запада подорвать единство организации. В этих непростых условиях вопросы обеспечения региональной безопасности в рамках ШОС выходят на первый план. Еще одной тенденцией в динамике развития Шанхайской организации сотрудничества является то, что организация выступает в качестве нового центра силы, которая уверенно противостоит попыткам отдельных стран и блоков сохранить однополярный мир. Государства-члены ШОС стремятся отстаивать традиционные ценности, защищать международную систему, признающую руководящую роль ООН, и миропорядок, основанный на международном праве, что делает организацию весьма привлекательной для многих стран. Очень показательным в этом плане является заметное расширение Шанхайской организации сотрудничества, которая в настоящее время включает в себя в общей сложности 26 стран- как полноправных членов, так и партнеров по диалогу, и наблюдателей. Таким образом, возрастает роль ШОС как одного из центров силы в Евразии и, по всей видимости, политика организации будет способствовать успешному решению проблем региональной безопасности.

Abstract. Article analyzes the role of the Shanghai Cooperation Organization in ensuring regional security amid the transformation of a new world order. On the one hand, the geopolitical situation in the immediate vicinity of the SCO's area of responsibility is escalating, on the other hand, there is a desire by some Western countries to undermine the unity of the organization. In these difficult conditions, the issues of ensuring regional security within the SCO come to the fore. Another trend in the development dynamics of the Shanghai Cooperation Organization is that the organization acts as a new center of power that confidently resists the attempts of individual countries and blocs to preserve the unipolar world. The SCO member States strive to uphold traditional values, protect the international system that recognizes the leading role of the United Nations, and the world order based on international law, which makes the organization very attractive to many countries. In this regard, the noticeable expansion of the Shanghai Cooperation Organization, which currently includes a total of 26 countries is very significant. Thus, the SCO's role as one of the centers of power in Eurasia is increasing and, most likely, the organization's policy will contribute to the successful solution of regional security problems.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, мировой порядок, региональная безопасность, центр силы.

Key words: Shanghai Cooperation Organization, SCO, world order, regional security, center of power.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в международных отношениях и мировой политике происходят тектонические сдвиги, которые выражаются в резком изменении глобального баланса сил, эрозии международного права, увеличении конфликтного потенциала в отдельных регионах планеты, а также нарастании глобальных и региональных вызовов и угроз безопасности. В сложившихся непростых геополитических условиях особое значение приобретает укрепление региональной безопасности и стабильности на пространстве ШОС. Деятельность государств ШОС нацелена на борьбу с международным терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия, противодействию транснациональной преступности, а также обеспечению информационной безопасности. Для повышения эффективности работы в области региональной и международной безопасности ШОС наращивает сотрудничество с такими

международными организациями, как ООН, АСЕАН, ОДКБ и СНГ. В тоже время ключевой тенденцией выглядит роль ШОС в качестве нового центра силы, где происходит взаимодействие между ее участниками не на основе неких навязываемых извне правил, а на основе общепризнанных принципов международного права. Государства-члены Шанхайской организации сотрудничества выступают за формирование многополярного мироустройства, равной и неделимой безопасности, что делает организацию весьма привлекательной для многих стран. О существенном увеличении влияния Шанхайской организации сотрудничества говорит тот факт, что на данный момент в Шанхайскую организацию сотрудничества входят как крупные мировые державы – Российская Федерация, Китай и Индия, так и региональные государства – Пакистан и Иран в Южной Азии и на Среднем Востоке, а наряду с ними и государства Центральной Азии, а в 2024 году ожидается вступление Белоруссии. Таким образом, совокупность отмеченных тенденций выступает в пользу ШОС как одного из притягательных центров силы в формирующемся новом мировом порядке, которая способна внести значительный вклад в обеспечение региональной безопасности и стабильности.

Объектом исследования является многостороннее объединение Шанхайская организация сотрудничества, созданное в начале XXI века шестью государствами для целей совместного обсуждения и решения проблем региональной безопасности.

Предметом исследования является стратегический потенциал Шанхайской организации сотрудничества как одного из центров силы и катализатора трансформации существующего мирового порядка.

Методология исследования

Исследование, посвященное «Роли Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности в условиях трансформации современного мирового порядка» было построено на основе принципа научной объективности в сочетании с комплексным подходом для

изучения особенностей развития интеграционных процессов на евразийском пространстве.

В работе были широко использованы такие общенаучные методы как: системный, исторический и сравнительные методы. Исследование также включало модернизационный подход, который был использован при анализе изменений деятельности Шанхайской организации сотрудничества.

Ивент-анализ был использован при анализе отдельных событий на пространстве ШОС, контент-анализ, позволил изучить не только содержание документов Шанхайской организации сотрудничества, но и проанализировать информационные сообщения в СМИ и выступления политических деятелей.

Обзор литературы

Р. Алимов, в своей монографии «Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы» [1], тщательно анализирует деятельность организации с момента ее основания и приходит к выводу, что ШОС расширяет свою повестку и решает важные проблемы, с которыми сталкиваются страны региона на современном этапе.

В. Василенко, в своей монографии «Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект)» [2], комплексно рассмотрел проблемы безопасности и дал положительную оценку ее роли в борьбе против терроризма, экстремизма и сепаратизма.

А.Ф. Клименко, в своей монографии «Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности» [3] исследует перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества на фоне сохраняющейся напряженности международно-политической обстановки в Центральной Азии и в мире. В монографии изучаются факторы, которые оказывают влияние на ситуацию в регионе в сфере безопасности и рассматривается стратегическое партнерство стран, входящих в ШОС как новой формы межгосударственного сотрудничества.

В. Б. Мантусов, в своей монографии, «Субрегиональная группа ШОС. Анализ проблем, возможностей и перспектив развития» [4], раскрывает проблемы и перспективы взаимодействия государств-членов ШОС, процесс становления этой организации.

С.Г. Лузянин, в своей монографии, «Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС» [5] подробно рассматривает вопросы обеспечения безопасности на пространстве ШОС и определяет перспективные направления сотрудничества ШОС по поддержанию международной безопасности. Автор монографии отводит также важное место роли РАТС ШОС как эффективного инструмента в борьбе против вызовов и угроз безопасности стран региона.

Особо полезна оказалась работа: «Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения» [6], которая была написана ведущими российскими учеными А. В. Лукиным, В. И. Якуниным. В данной работе авторы рассматривают целый ряд вопросов, касающиеся развития Евразийского региона. В ней подробно описаны процессы, которые протекают в данном регионе и даются общие рекомендации по улучшению сотрудничества между странами региона.

Особо стоит отметить монографию С.Г. Лузянина и Л.Е. Васильева [7], посвященная оценки ситуации в восточной части Евразии, причин и условий возникновения новых вызовов и угроз региональной безопасности в зоне ответственности ШОС. В монографии авторы исследуют эффективность деятельности ШОС в решении проблем обеспечения безопасности и стабильности в Евразии, а также они разработали предложения по улучшению работы ШОС на данном направлении с учетом изменений в международной обстановке.

Выводы

Подводя итоги проведенного многоаспектного исследования о роли Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной

безопасности в условиях трансформации современного мирового порядка, представляется возможным сделать следующие основные выводы. В целях эффективного и своевременного решения актуальных проблем в области региональной и международной безопасности ШОС активно сотрудничает с такими международными организациями, как ООН, АСЕАН, ОДКБ и СНГ.

По результатам исследования стало очевидно, что основными направлениями взаимодействия государств-членов Шанхайской организации сотрудничества являются борьба против терроризма, сепаратизма, экстремизма, противодействие незаконному обороту наркотиков и оружия, транснациональной преступности, а также борьба с угрозами в информационном пространстве.

В обеспечении безопасности прослеживается ключевая роль РАТС (ШОС), так как в рамках этого органа ведется серьезная работа по проведению антитеррористических военных мероприятий под названием «Мирная миссия» с целью отработать эффективное взаимодействие стран ШОС в противодействии международному терроризму, сепаратизму и экстремизму, наркотикам и другим видам преступлений.

Было установлено, что в условиях тектонических сдвигов в международных отношениях и мировой политике становится очевидным упадок однополярного и западоцентричного порядка, созданного Соединёнными Штатами. Все более отчетливо проявляется возрастающая роль Шанхайской организации сотрудничества в качестве одного из центров силы в условиях трансформации мирового порядка.

Привлекательность Шанхайской организации сотрудничества заключается в том, что государства, входящие в объединение нацелены на построение более представительного, демократического и справедливого миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, равной, совместной, неделимой безопасности, культурно-цивилизационном многообразии. По всей видимости, такая тенденция будет сохраняться и ШОС будет увеличивать свое влияние в мире.

Список использованной литературы:

1. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы / Р.К. Алимов. – Москва: Весь Мир, 2017. – 368 с.
2. Василенко В., Василенко В., Потеенко А. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект) Проспект, 2014. С. 192.
3. Клименко А.Ф. Монография «Стратегия развития ШОС: проблема обороны и безопасности». – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009. 270 с.
4. Мантусов В.Б. Субрегиональная группа ШОС. Анализ проблем, возможностей и перспектив развития / В.Б. Мантусов, Москва, Научная книга, 2010, 83 с.
5. Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС: сборник научных трудов / отв. ред. С.Г. Лузянин; ред.-сост. Л.Е. Васильев. – Москва: Весь Мир, 2017. – 169 с.
6. Пути и пояса Евразии: национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А.В. Лукина, В.И. Якунина; Высшая школа экономики. – Москва: Весь Мир, 2019. – 416 с.
7. ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия / Рос. акад. наук, Инт Дальнего Востока; ред.- сост. Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2020. — 240 с.

Об авторах: ЗАКИРОВ Бекзод Баходирович – аспирант, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, e-mail: adam.serpant@mail.ru

About the authors: ZAKIROV Bekzod Bakhodirovich – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: adam.serpant@mail.ru

УДК: 349.6

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кенжаев А.А.

Ташкентский государственный юридический университет, Ташкент

GEOPOLITICAL CONSEQUENCES OF PROBLEMS OF ENSURING WATER SECURITY IN CENTRAL ASIA

A.A. Kenjayev

Tashkent State University of Law, Tashkent

Аннотация: На сегодняшний день, в Центральной Азии существуют множество проблем, которые создают геополитические угрозы стабильности и безопасности региона. Автором предпринята попытка раскрыть современные геополитические последствия водной безопасности Центральной Азии. Вопросы обеспечения водной безопасности в Центральной Азии всегда были актуальными, но на современном этапе, за счёт появления новых явлений и негативных факторов, их актуальность многократно возросла. Ярким примером негативно воздействующего фактора и нового явления можно привести строительство Афганистаном канала Куштепа на реке Амударья. Государствам Центральной Азии и Афганистану необходимо создать международно-правовые основы своего совместного трансграничного водопользования. Кроме того, в регионе существуют такие факторы, которые ранее не существовали, как рост численности населения и таяние ледников из-за глобального потепления. Работа основана на изучении фактического исторического материала, хроники важнейших событий по рассматриваемой проблеме за последние три десятилетия; использованы аналитические материалы, опубликованные на страницах зарубежных СМИ. Методологической основой данного исследования является сравнительно-исторический метод; Работа основана на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Автор приходит к выводу, что истощение запасов пресной воды, вызванное такими факторами, как рост населения и глобальное потепление, а также активное участие Афганистана в отношениях по водоразделу со странами Центральной Азии, создают новые геополитические угрозы и вызовы водной безопасности в Центральной Азии.

Abstract: Today, there are many problems in Central Asia that create geopolitical threats to the stability and security of the region. The author has made an attempt to reveal the modern geopolitical consequences of water security in Central Asia. Issues of ensuring water security in Central Asia have always been relevant, but at the present stage, due to the emergence of new phenomena and negative factors, their relevance has increased many times over. A striking example of a negatively impacting factor and a new phenomenon is the construction by Afghanistan of the Kushtepa canal on the Amu Darya River. The states of Central Asia and Afghanistan need to create an international legal framework for their joint transboundary water use. In addition, the region faces factors that did not previously exist, such as population growth and melting glaciers due to global warming. The work is based on the study of factual historical material, a chronicle of the most important events on the issue under consideration over the past three decades; analytical materials published on the pages of foreign media were used. The methodological basis of this study is the comparative historical method; The work is based on the principles of historicism, reliability and scientific objectivity. The author comes to the conclusion that the depletion of fresh water reserves, caused by factors such as population growth and global warming, as well as Afghanistan's active participation in watershed relations with the countries of Central Asia, create new geopolitical threats and challenges to water security in Central Asia.

Ключевые слова: трансграничное водопользование, водная безопасность, геополитика, международное право, Центральная Азия, Афганистан, Иран.

Keywords: transboundary water use, water security, geopolitics, international law, Central Asia, Afghanistan, Iran.

Основа современной водно-энергетической системы (крупные дамбы, плотины и водохранилища, а также режимы их использования) Центральной Азии была заложена ещё во время СССР. Режимы использования этих гидротехнических сооружений подразумевали компенсацию в виде электроэнергии странам верховья (Кыргызстан и Таджикистан) за полученную воду странами низовья (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан). Но, распад СССР в 1991 году и обретение независимости государствами Центральной Азии привели к исчезновению той системы регионального водопользования, которая существовала в советское время. Независимые государства Центральной Азии начиная от 1992 года начали создавать новые

институциональные и правовые основы трансграничного водопользования в регионе. В этих целях были подписаны несколько многосторонних соглашений, а также в 1992 году была образована Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК).

В плане геополитических проблем, связанных с трансграничным водопользованием в регионе, особый интерес представляют крупные плотины, дамбы и другие гидротехнические сооружения. Один из учёных Е. Борисова в своём исследовании, описывая становление политических разногласий между Таджикистаном и Узбекистаном вокруг строительства Рогунской ГЭС, указывает на то, что при полном строительстве Рогунской ГЭС у Таджикистана будет возможность ограничить объём потребляемой Узбекистаном воды и тем самым диктовать свои условия в различных спорах [4, 97-98]. Соглашаясь с мнением автора следует отметить, что именно возможность использования гидротехнических сооружений одними государствами для оказания воздействия на другие страны региона порождает конфликтные ситуации в трансграничном водопользовании в Центральной Азии. Один из независимых политологов Абдулло Рашид Гани также отмечает, что строительство Рогунской ГЭС изначально стало заложником политических обстоятельств [1]. Согласно мнению автора, завершение строительства средних и крупных ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, страны верховья обзаведутся возможностями контроля стока трансграничных рек, а также вполне могут прибегнуть к использованию этих возможностей в своих политических целях.

Некоторые эксперты отмечают, что в процессе решения политических проблем, связанных с трансграничным водопользованием в Центральной Азии, участвуют вне-региональные государства. Среди наиболее активных стран перечисляются США, КНР, РФ и Иран. В частности, исследователи А. Каюмов и Е. Омельченко отмечают, что в начале 2000-х годов Российская Федерация поддерживала требование Узбекистана о передаче международным экспертам подготовку технико-экономического обоснования

проектов строительства Рогунской ГЭС и Камбаратинской ГЭС-1 [10, 62]. Кроме того, авторами уделено отдельное внимание финансовой поддержке США и КНР для осуществления разного рода гидротехнических проектов в Центральной Азии.

На сегодняшний день, благодаря изменениям во внешней политике Узбекистана за несколько последние лет, в Центральной Азии установилась атмосфера добрососедства и политического доверия между государствами региона. Многие принципиальные и острые вопросы межгосударственных отношений решаются путём диалога и консенсуса. Это касается и проблем трансграничного водопользования в Центральной Азии. За последние годы, страны региона ради достижения водной безопасности в Центральной Азии, которая учитывает национальные интересы всех участников водопользования, смогли прийти к соглашению по многим ранее не решённым вопросам трансграничного водопользования.

Узбекско-таджикские отношения

В 2018 году в ходе официального визита Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона в Узбекистан между двумя государствами было подписано соглашение о проработке вопроса совместного строительства двух гидроэлектростанций общей мощностью 320 мегаватт на территории Таджикистана на реке Зарафшан [9]. В ходе очередного официального визита Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона в Узбекистан главы государств обеих стран официально запустили совместное строительство «Яванской» гидроэлектростанции на реке Зарафшан. Также, Таджикистан и Узбекистан пришли к согласию по некоторым аспектам строительства «Рогунской» ГЭС [13].

Узбекско-кыргызские отношения

Отношения между Узбекистаном и Кыргызстаном в этом направлении также значительно улучшились. 6 сентября 2017 года в ходе своего официального визита в Кыргызстан Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев отметил, что строительство «Камбаратинской» ГЭС

представляет выгоду обеим государствам [3]. Чуть позже, в ходе официального визита Президента Республики Кыргызстан С.Жээнбекова в Узбекистан между двумя государствами была создана совместная межправительственная комиссия по водным вопросам. В результате политических усилий руководства обеих стран и взаимопонимания между ними, в конце 2022 года Кыргызстан и Узбекистан смогли достичь исторических соглашений о передаче территорий Андижанского (Кемпир-Абадского) водохранилища Узбекистану, а управление водохранилищем осуществлялась совместно [20]. Кроме того, кыргызская сторона обязалась не строить гидротехнические и иные сооружения, препятствующие естественному течению реки Говасай, и не допускать технического загрязнения воды.

Трехсторонние соглашения между государствами региона

В 2021 году Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали соглашение по Токтогульскому ГЭС, согласно которой Казахстан и Узбекистан обязались обеспечить электричество Кыргызстану в зимнее время, взамен на водозабор из Токтогульского ГЭС летом [17]. Кроме того, 6 января 2023 года Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан подписали «дорожную карту» по реализации проекта строительства Камбаратинской ГЭС-1 мощностью 1860 мегаватт [8], а 24 января 2023 года было подписано инвестиционное соглашение о строительстве Камбаратинской ГЭС-1 в Джалал-Абадской области между Кыргызстаном и Узбекистаном [25].

Достижение таких соглашений между государствами Центральной Азии говорит о наступлении периода политического доверия по вопросам трансграничного водопользования в регионе. Однако, все более возрастающие проблемы глобального потепления, роста численности населения и участия Афганистана, де-факто, новой стороны в трансграничном водопользовании в Центральной Азии, в обозримом будущем приводят к появлению новых геополитических угроз, связанных с обеспечением водной безопасности в регионе.

Афганистан как новая сторона в трансграничном водопользовании Центральной Азии

После вывода войск США в 2021 году произошли значимые события в политической жизни Афганистана. К власти пришли представители группировки Талибан (запрещена на территории РФ), а политический строй в Афганистане изменился на форму правления исламского эмирата. Внутриполитические процессы в Афганистане и политика, проводимая Талибан оказала влияние и на соседние страны, в частности на ситуацию, связанную с водной безопасностью в Центральной Азии и Иране. В этом отношении следует отдельно отметить начало строительства канала «Куштепа» на реке Амударья со стороны временного правительства Афганистана [14]. Согласно предварительной оценке экспертов после ввода в эксплуатацию канала «Куштепа» средняя обеспеченность водозабора в Туркменистане и Узбекистане в среднем и нижнем течении реки Амударья будет снижена с 80 до 65 процентов [23]. Согласно нормам международного права, в частности, Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков [11] и Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков [12] стороны *(то есть, государства)* трансграничного водопользования должны уведомлять друг друга о своих планах по строительству гидротехнических сооружений на путях трансграничных водотоков, что не было сделано со стороны временного правительства Афганистана при начале строительства канала «Куштепа».

Из стран Центральной Азии пока только Узбекистан активно занимается вопросами вхождения Афганистана в международное сообщество и установлении с ней добрососедских отношений на основе международного права. Позиция Узбекистана в отношении канала «Куштепа» была неоднократно и ясно выражена во время выступлений Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева. Например, Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев говорил о необходимости начала практического диалога о строительстве нового канала в бассейне Амударьи с временным

правительством соседнего Афганистана и международным сообществом на основе международных норм и учета интересов всех стран региона [19], а также рассмотреть вопрос вовлечения представителей Афганистана в региональный диалог по совместному использованию водных ресурсов [5].

Современные ирано-афганские отношения могут стать наглядным примером тому, какие геополитические угрозы могут создать вопросы обеспечения водной безопасности. За последние годы между Афганистаном и Ираном складывалась конфликтная ситуация по вопросам обеспечения водной безопасности. Например, проблема нехватки воды вызвала пограничный конфликт между Ираном и Афганистаном в мае 2023 года, в результате чего погибли несколько военнослужащих, а граница между двумя государствами была закрыта [22]. Этот конфликт показывает какие последствия в межгосударственных отношениях может вызвать водная безопасность в таком засушливом регионе. Кроме того, данная ситуация интересна тем, что обе стороны конфликта ссылаются на положения Ирано-афганского договора о водных ресурсах 1973 года, тогда как подписавшие Договор правительства перестали существовать и в результате революций на смену им пришли новые, которые отвергают деятельность предыдущих правительств. При этом, Иран обвиняет Афганистан в нарушении положений этого Договора, а Афганистан ссылается на климатические условия в качестве причины нехватки воды.

Временное правительство Афганистана хочет увеличить численность своих вооружённых сил до 1 миллиона человек до 2028 года [24]. На сегодняшний день, в Афганистане открыты так называемые «школы джихада», где готовятся молодые муллы. Один видных политических деятелей Афганистана Амрулла Салех в своём интервью изданию «Независимая газета» заявил о том, что сейчас готовятся студенты в 19 тыс. медресе, созданных талибами, но в стране нет такого количества мечетей, нет столько рабочих мест для мулл [2]. Согласно его мнению, «школы джихада» служат центрами подготовки молодых бойцов для пополнения рядов группировки Талибан и создания прокси армий. Увеличение количества

численности армии Афганистана до 1 млн человек может изменить военно-политический баланс сил в регионе и создать новые геополитические проблемы.

Существующие проблемы на современном этапе

За годы независимости государств Центральной Азии проблемы трансграничного водопользования в регионе пережили периоды конфликта и стабилизации. На сегодняшний день, проблема состоит в том, что государства Центральной Азии пока не сформировали единое региональное видение или подход по вопросам обеспечения водной безопасности в регионе. Когда речь заходит о водной безопасности в Центральной Азии, каждое государство региона видит ситуацию со своей точки зрения и учёта национальных интересов. Несмотря на то, что за последние несколько лет государства региона смогли прийти к согласию и подписать различные договора в области трансграничного водопользования, современные последствия глобального потепления и роста численности населения в странах Центральной Азии снова могут усугубить проблему.

Кроме того, участие Афганистана в трансграничном водопользовании Центральной Азии выступает в качестве дополнительного напрягающего фактора. В этой ситуации пока ясно лишь то, что страны Центральной Азии не отвергают право Афганистана на воду, но хотят создать правовые основы участия Афганистана в совместном водопользовании. Однако, временное правительство Афганистана до сих пор не дает своего конкретного ответа на предложения стран Центральной Азии, в особенности Узбекистана, по созданию правовых основ строительства канала Куштепа на реке Амударья. Также, существует ещё одна проблема, связанная с официальным признанием временного правительства группировки Талибан в Афганистане. Пока ни одно государство или международная организация официально не признало временное правительство Талибан в Афганистане, что затрудняет соседним странам вести какие-либо официальные отношения с ней.

Главными вопросами, интересующими многих учёных, экспертов и политиков являются перспективы развития водной проблематики в Центральной Азии. Учитывая нынешние угрозы и проблемы водной безопасности в Центральной Азии можно сказать, что в долгосрочной перспективе водная проблема региона снова может иметь геополитические последствия.

Перспективы появления новых геополитических последствий водной безопасности в Центральной Азии

На современном этапе, государствам Центральной Азии не хватает системного подхода для решения проблем трансграничного водопользования в регионе. На начальном этапе независимости страны региона создали два институциональных органа управления трансграничным водопользованием в Центральной Азии. Как уже было сказано выше, в 1992 году была создана МКВК, основными задачами которой были выбраны техническое регулирование (определение единой водохозяйственной политики, разработка и утверждение лимитов ежегодного водопотребления, режимов работы крупных водохранилищ, координация совместных исследований по научно-техническому обеспечению региональных водохозяйственных проблем и выполнение схемных проработок, а также многие другие) трансграничного водопользования в Центральной Азии [18]. МКВК, в качестве институционального органа, ведет очень плодотворную деятельность, разрабатывает научно-техническую документацию в области охраны и использования водных источников. Нельзя сказать, что МКВК не выполняет, поставленные перед собой задачи. Однако, на сегодняшний день, деятельность МКВК сводится к очень узкому кругу вопросов, связанных, с разработкой и утверждением лимитов ежегодного водопотребления для государств Центральной Азии. Кроме того, есть проблемы с отсутствием участия Кыргызстана в деятельности МКВК [15].

В 1993 году государства Центральной Азии создали Международный фонд спасения Арала (МФСА), который был призван стать

институциональным органом на уровне глав государств для обсуждения и решения вопросов водной безопасности в Центральной Азии. Необходимо отметить, что МКВК было добавлена в состав МФСА в качестве структурной единицы. В организационной структуре Фонда Совет Глав государств-учредителей МФСА является высшим органом, который принимает политические решения в области трансграничного водопользования и охраны экосистемы Арала [16]. Несмотря на то, что Фонд был призван решать политические проблемы трансграничного водопользования, за годы своего существования она не смогла предотвратить многие политические разногласия, хотя заседания Фонда на уровне глав государств проводились часто.

Политическое доверие между государствами Центральной Азии, установившийся за последние несколько лет, оказало положительное влияние и на деятельность МФСА. В рамках Фонда главы государств региона начали обсуждать наиболее серьёзные проблемы обеспечения водной безопасности и принимать совместные решения для их устранения. По своей важности и практичности требует особого внимания последнее заседание Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала, которое проходило 15 сентября 2023 года в городе Душанбе. На этой встрече главы государств Центральной Азии выдвинули ряд практических предложений по дальнейшему совершенствованию деятельности МФСА и совместному решению вопросов участия Афганистана в трансграничном водопользовании в Центральной Азии. Например, среди наиболее значимых предложений Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева можно выделить следующие: провести инвентаризацию и пересмотреть основные документы и соглашения, включая Положение о фонде, которые были приняты ещё в 1990-е годы; усилить системное взаимодействие по вопросам привлечения инвестиций, технологий и технического содействия для продвижения приоритетных региональных проектов; сформировать совместную рабочую группу по изучению всех аспектов строительства канала «Куштепа» и его

влияния на водный режим Амударьи с привлечением исследовательских институтов наших стран; рассмотреть вопрос вовлечения представителей Афганистана в региональный диалог по совместному использованию водных ресурсов [5]. Согласно мнению Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева ввод в эксплуатацию канала Куштепа может кардинально изменить водный режим и баланс в Центральной Азии. Также, Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев в своём выступлении на 5-ой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, остановившись на обстановке в Афганистане, которая напрямую влияет на безопасность и стабильность в Центральной Азии, предложил создать Контактную группу на уровне спецпредставителей стран Центральной Азии по Афганистану, чтобы сформировать общие интересы и согласованные решения стран Центральной Азии по афганской проблематике [6]. Президент Республики Казахстан Ж. К. Токаев тоже выступил с несколькими концептуальными предложениями по совершенствованию институциональных основ управления трансграничного водопользования в Центральной Азии. Например, было предложено преобразовать МКВК в Межгосударственную водно-энергетическую комиссию [21]. Согласно позиции Президента Казахстана Ж.К. Токаева, региональный орган управления трансграничным водопользованием должен заниматься не только вопросами водопользования, но и энергетики. Можно сказать, что заседание Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала, прошедший 15 сентября 2023 года, стало одним из самых значимых и практичных заседаний, на которой главы государств-учредителей поднимали концептуальные и перспективные вопросы совершенствования деятельности МФСА, а также предлагали конкретные пути решения проблем. Один из учёных Налин Кумар, в своей работе обращает внимание на вопросы институциональных основ трансграничного водопользования в Центральной Азии и указывает на необходимость дальнейшего укрепления региональных механизмов управления водой в

качестве эффективного инструмента решения геополитических угроз водной безопасности [28].

Сегодня регион Центральной Азии, как и многие остальные регионы мира, сталкивается с проблемами глобального потепления и роста численности населения. Центральная Азия по своей специфике и географическому расположению является густонаселённым и засушливым регионом. Поэтому, проблемы глобального потепления и роста численности населения оказывают чувствительное и негативное влияние на социально-экономическое развитие региона. Эти проблемы могут усилить геополитические угрозы в Центральной Азии. Согласно подсчётам экспертов Всемирного Банка, такие проблемы как демографический рост, глобальное потепление и рост национальных экономик могут спровоцировать в Центральной Азии дефицит воды в 25-30 процентов, одновременно, с рост потребностей сельскохозяйственного сектора в водных ресурсах на 30 процентов к 2030 году [26]. Следует подчеркнуть, что при составлении отчёта экспертами Всемирного Банка, не были учтены дополнительные нагрузки на водную безопасность, в случае ввода в эксплуатацию канала Куштепа.

О проблемах, связанных с глобальным потеплением и ростом численности населения неоднократно высказывались главы государств Центральной Азии. В частности, Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон несколько раз говорил о стремительном таянии ледников на вершинах гор Таджикистана, которые являются основным запасом пресной воды в регионе [27]. Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев в своём выступлении на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН особо подчеркнул, что, из-за повышения температуры воздуха на полтора раза в Центральной Азии, за последние тридцать лет треть ледников исчезли и существует вероятность, в ближайшие двадцать лет, уменьшения стока рек Амударья и Сырдарья на 15 процентов, снижения обеспеченности водой на душу населения на 25 процентов и урожайности сельскохозяйственных культур на

40 процентов [7]. Президент Республики Казахстан Ж.К. Токаев на заседании Совета глав государств-учредителей МФСА отметил, что общая площадь ледников в Центральной Азии за последние 50 лет сократился на 30 процентов, а также к 2050 году засухи в Центральной Азии могут нанести ущерб в размере 1,3 процентов от ВВП в год, что приведет к появлению около 5 миллионов внутренних «климатических» мигрантов [21]. Подсчёты, предоставляемые экспертами и главами государств Центральной Азии, говорят о критичности ситуации с обеспечением водной безопасности региона в ближайшей перспективе. Тут тоже следует отдельно подчеркнуть, что подсчёты, связанные с последствиями глобального потепления и роста численности населения в Центральной Азии, не учитывают потери воды в случае эксплуатации канала Куштепа.

Исходя из вышеизложенного материала и доводов, в заключении можно сказать, что вопросы обеспечения водной безопасности в Центральной Азии являются тем фактором, который может спровоцировать серьёзные геополитические последствия. Пресная вода по своей значимости в Центральной Азии превращается в самый ценный ресурс, который будет необходим для процветания каждой отдельной страны в регионе. Также следует отметить, что ухудшение ситуации с водной безопасностью и появление новых геополитических угроз в Центральной Азии могут оказать негативное влияние на процветание и стабильность на всём Евразийском континенте. На основе подготовленного материала можно сделать следующие выводы:

во-первых, межгосударственные отношения в области трансграничного водопользования в Центральной Азии пережили разные периоды своего становления (конец 90-х годов), спада и конфликтов (начала 2000-х годов), а также политического доверия (современный этап);

во-вторых, несмотря на то, что государства Центральной Азии подписали десятка соглашений и создали несколько институциональных органов в области управления трансграничным водопользованием в регионе,

на сегодняшний день, в целях формирования системного подхода, существует необходимость дальнейшего совершенствования правовых и институциональных основ трансграничного водопользования в Центральной Азии;

в-третьих, за последние несколько лет в Центральной Азии установилась атмосфера политического доверия. Государства региона смогли решить множество принципиальных вопросов в области трансграничного водопользования. Однако, в долгосрочной перспективе этих договорённостей недостаточно для обеспечения водной безопасности;

в-четвёртых, участие Афганистана в трансграничном водопользовании в Центральной Азии путём строительства канала Куштепа на реке Амударья, создаёт новые геополитические угрозы водной безопасности в регионе, что было подтверждено на примере ирано-афганского водного конфликта 2023 года, а также опасениями глав государств Центральной Азии;

в-пятых, на сегодняшний день, последствия таких проблем как глобальное потепление и рост численности населения в Центральной Азии оказывают дополнительную нагрузку на водную безопасность региона. К тому же, эти проблемы, в обозримом будущем, способны свести на нет условия договорённостей, достигнутых государствами региона сегодня, и способны создать новые геополитические угрозы в регионе.

Список использованной литературы:

1. Абдулло Рашид Гани. Кто построит Рогунскую ГЭС? 2015. <https://cabar.asia/ru/rashid-gani-abdullo-kto-postroit-rogunskuyu-ges-2?pdf=13626>.
2. Амрулла Салех: в Афганистане готовят бойцов для прокси-армии исламистов. https://www.ng.ru/ideas/2023-11-13/8_8875_afganistan.html.
3. Бишкекский прорыв: итоги визита Мирзиёева в Кыргызстан. <https://uz.sputniknews.ru/20170906/mirzиеev-kirgizstan-atambaev-6235478.html>.
4. Борисова, Е. А. (2011). Споры вокруг Рогунской ГЭС. История и современность, (1), 97-98.

5. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала. <https://president.uz/ru/lists/view/6662>.
6. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии. <https://president.uz/ru/lists/view/6658>.
7. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. <https://president.uz/ru/lists/view/6677>.
8. Главы энергетических ведомств Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана договорились о совместном строительстве Камбаратинской ГЭС-1. Официальный веб-сайт Министерства энергетики Республики Казахстан. <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/486025?lang=ru>.
9. Государственный визит Президента Таджикистана в Узбекистан. <https://cis.minsk.by/news/9658/gosudarstvennyj-vizit-prezidenta-tadzikistana-v-uzbekistan>.
10. Каюмов А., & Омельченко Е. (2014). Внерегionalные державы в центральноазиатском узле водно-энергетических проблем. Центральная Азия и Кавказ, 17 (1), 62.
11. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml
12. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml
13. Начато строительства современной гидроэлектростанции. <https://president.uz/ru/lists/view/5236>.
14. На строительство канала Куштепа в Афганистане направят 60 млрд афгани. [URL://https://regnum.ru/news/economy/3550982.html](https://regnum.ru/news/economy/3550982.html).
15. Ларионов К. Трансграничные воды Центральной Азии: место Кыргызстана в деятельности по спасению Арала. <https://cabar.asia/ru/transgranichnye-vody-tsentralnoj-azii-mesto-kyrgyzstana-v-deyatelnosti-po-spaseniyu-arala>.
16. Международный фонд спасения Арала. Сборник материалов ОБСЕ, 2011 – С. 4-5. <https://www.osce.org/files/f/documents/9/3/75577.pdf>.
17. Перизат Рисбеккизи. Водное сотрудничество в Центральной Азии как основа стабильности и устойчивого развития. Анкаринский центр исследований кризисных ситуаций и политики.

<https://www.ankasam.org/%d0%b2%d0%be%d0%b4%d0%bd%d0%be%d0%b5-%d1%81%d0%be%d1%82%d1%80%d1%83%d0%b4%d0%bd%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%be-%d0%b2-%d1%86%d0%b5%d0%bd%d1%82%d1%80%d0%b0%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%be%d0%b9/?lang=ru>.

18. Положение о Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (МКВК) от 1992 года. http://www.cawater-info.net/library/rus/icwc/statute_icwc_1992.pdf.

19. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису и народу Узбекистана. <https://president.uz/ru/lists/view/5774>.

20. Президент Узбекистана подписал законы по границе с Кыргызстаном и Андижанскому водохранилищу. Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. <https://president.uz/ru/lists/view/5745>.

21. Президент принял участие в заседании Совета глав государств – учредителей Международного фонда спасения Арала. <https://www.akorda.kz/ru/prezident-prinyal-uchastie-v-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-uchrediteley-mezhdunarodnogo-fonda-spaseniya-arala-15831>.

22. Сорвёнков В. Призрак водной войны. Талибы поссорились с Ираном из-за стока реки Гильменд — «афганского Нила». <https://mediazona.ca/article/2022/08/08/helmand>.

23. Сорокин А. Проблемы управления водными ресурсами бассейна Аральского моря, пути и способы их решения // Материалы Центральноазиатской международной научно-практической конференции «30 лет водного сотрудничества в Центральной Азии: взгляд в будущее». 26-27 апреля 2022 г. Туркестан., 2022. – 12 с.

24. Талибы заявили о планах довести численность армии до 200 тыс. человек. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17410745>.

25. Узбекистан и Кыргызстан готовы к наращиванию многопланового взаимодействия. Официальный веб-сайт Министерства инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан. <https://miit.uz/ru/news/uzbekistan-i-kyrgyzstan-gotovy-k-naraschivaniju-mnogoplanovogo-vzaimodejstvija>.

26. Центральная Азия: на стыке глобальных действий по водным ресурсам и устойчивости к изменению климата. <https://blogs.worldbank.org/water/central-asia-confluence-global-water-action-and-climate-resilience-dushanbe-conference>.

27. Эмомали Рахмон: за последние тридцать лет в Таджикистане полностью растаяли более тысячи ледников. <https://news.un.org/ru/story/2017/09/1311081>.

28. Mohapatra, N.K. Geopolitics of water securitisation in Central Asia. *GeoJournal* 88, 897–916 (2023). <https://doi.org/10.1007/s10708-022-10661-0>.

Об авторах: КЕНЖАЕВ Амирбек Алижон угли – преподаватель кафедры Государственного управления Ташкентского государственного юридического университета, e-mail: amirkenjayev1818@mail.ru.

About the authors: KENJAYEV Amirbek Alijon ugli – lecturer of the department of Public administration in Tashkent state university of law, e-mail: amirkenjayev1818@mail.ru.

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН В
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

Лаврова А.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**PRESERVING HISTORICAL MEMORY OF THE SECOND WORLD
WAR AND THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE YOUTH
ENVIRONMENT**

A.A. Lavrova

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В работе рассмотрена значимость проблемы сохранения исторической памяти и связанные с этим актуальные вызовы, такие как фальсификация событий истории, технологизация процессов. Дан ответ на вопрос: почему работа с молодежью является одним из ключевых аспектов и залогом успеха в разрешении данной проблемы. Рассматриваются пути преодоления кризисного явления посредством различных практик как внутри стран, так и на международном уровне. Внимание уделено реализующимся на сегодняшний день проектам по данной теме, выделены тенденции и перспективы разрешения проблемы сохранения исторической памяти Второй мировой войны.

Abstract. The article considers the importance of the problem of preserving historical memory nowadays, and the relevant challenges associated with it, such as falsification of historical events, technologization. The answer to the question: why working with the youth is one of the crucial aspects to achieve success in solving the problem, is given. The ways of overcoming the crisis phenomenon through various practices both within countries and at the international level are considered. Moreover, attention is paid to the projects currently being implemented on the topic, trends and prospects for preserving the historical memory of the Second World War are pointed out.

Ключевые слова: историческая память, фальсификация, политика памяти, коммеморация, молодежь, проекты.

Keywords: historical memory, falsification, politics of memory, commemoration, youth, projects, histo-tainment.

«Человек – есть явление социальное, национальное, историческое, и как таковой он трехмерен. У него есть прошлое, настоящее и будущее. Без одного из этих слагаемых он не то что неполноценен, но его просто нет» В.А. Солоухин

Кардинальные социально-политические изменения, произошедшие в начале 1990-х гг., привели к переменам среди культурных ценностей, глобальному пересмотру и переоценке прошлого, маргинализации части общества, крайнему ценностному релятивизму. Данное явление обозначают как кризис гражданской идентичности, особенно ярко сказывающийся в среде подрастающего поколения, безусловно, представляет угрозу для будущего государственности и национальной безопасности РФ. В настоящее время в мире увеличивается степень «политизации истории», происходит активизация «политики памяти» (здесь и далее понимается как деятельность по формированию желаемого образа истории), что выражается в росте общественного интереса к вопросам исторической памяти, заинтересованности политических сил в формировании определенных версий исторического прошлого [4, с. 125]. Особое значение проблема сохранения исторической памяти приобретает в современных внешнеполитических условиях, когда де-факто против России ведется информационная война, выражающаяся в том числе и в фальсификации событий истории. Под фальсификацией истории обычно понимается сознательное искажение исторических фактов, их тенденциозная трактовка, выборочное цитирование и манипуляции с источниками в определенных, часто политических, целях.

Несмотря на то, что проблема фальсификации истории России значительно шире, нежели только события Великой Отечественной войны (далее - ВОВ), ВОВ по-прежнему остается центральным эпизодом коллективной памяти россиян, событием, которое затронуло каждую семью и является значимым для жителей нашей страны независимо от вероисповедания, национальной принадлежности, возраста. С каждым годом

все сложнее сохранять память о войне, все меньше остается ветеранов, непосредственных участников событий тех лет. Для большинства представителей молодого поколения россиян память о ВОВ носит весьма абстрактный характер и формируется не столько на основе общения с носителями личных воспоминаний, сколько при помощи Интернет-ресурсов. Поэтому важно с особой ответственностью относиться к постоянно повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения Второй мировой войны, обстоятельств ее развязывания, роли и места ВОВ в истории XX века. Особого внимания заслуживают обвинения в адрес нашей страны в «совиновности» с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны, умаление роли СССР в достижении победы стран антигитлеровской коалиции над государствами фашистского блока. В учебниках стран Балтии утверждается, что виновниками начала Второй мировой войны в равной степени являются Германия и Советский Союз [4, с. 128].

Перед государством стоят задачи по созданию условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, укрепление чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений, воспитания гражданина с активной жизненной позицией. Одним из главных механизмов в достижении поставленных задач является сохранение исторической памяти.

В данной статье историческая память понимается как своеобразный феномен общественного сознания, совокупность представлений о событиях прошлого, значимых для большинства представителей той или иной общности людей. И если история – это изучение прошлого, максимально приближенное к объективности и точности, то историческая память сохраняет и воспроизводит сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим [6, с. 32].

Каждое поколение желает видеть и находить в истории то, что наиболее значимо для него в сегодняшнем дне. Каждое новое поколение будет

открывать в истории те её стороны, которые наиболее значимы для его сегодняшнего существования и восприятия мира, и каждое государство выстраивает собственную непрерывную историческую версию. Историческая память – это основа единства поколений, нации, ее устойчивости. Формируют историческую память базовые социальные институты: государство, образование, семья.

Молодое поколение на сегодняшний день наиболее подвержено рискам, связанными с фальсификацией исторических событий. Ценностные ориентиры подростков формируются с опорой на мнение взрослых людей, особую роль в данном процессе играет и Интернет. Наглядные цифры приводит А.В. Курпатов, руководитель лаборатории нейробиологии и поведения человека. По его данным, постоянно находятся в Сети и почти не способны к потреблению традиционных текстов уже 40% детей в возрасте до 10 лет и 68% подростков [7, с. 8-13].

Одним из способов сохранения исторической памяти, ее передачи новым поколениям является коммеморация. Под коммеморацией (англ. commemorate – праздновать, отмечать годовщину) французский социолог Пьер Нора понимает разделяемое в социуме отношение к репрезентации прошлых событий, использование обществом ресурса коллективного памятования [8, с. 206-207]. То есть это увековечение памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, массовые мероприятия, минута молчания и многое другое. Это целенаправленное актуализирование исторической памяти.

Французский социолог Морис Хальбвакс – основатель теории исторической памяти, погибший в фашистском концлагере автор труда «Коллективная память», писал: «Сами по себе образы памяти всегда фрагментарны и условны. Они не обладают целостным или связанным значением, пока мы не проецируем их в конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства даются нам вместе с мнемоническими местами... Защитники традиции должны, вероятно, поддерживать ее мнемонические места

посредством актов коммеморации. Коммеморация, доказывает Хальбвакс, является их целенаправленной попыткой остановить, или, по меньшей мере, скрыть процесс медленного изменения традиции. Коммеморативные мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Поэтому коммеморация столь значима политически. Этот вид деятельности увеличивает мощь мнемонических мест, предоставляя возможность укрепить стирающиеся со временем стереотипы сознания и сделать их специфическую образность более доступной» [11, с. 203-204].

В XXI в. информационных технологий и неограниченных потоков информации традиционные инструменты коммеморации могут отходить на второй план. Ответом на вызов времени стало появление новых механизмов коммеморации прошлого. Так, в интернет-пространстве можно найти уникальные архивные данные, мультимедийные карты, сборники видео- и аудиоинтервью с участием ветеранов.

Среди таких ресурсов следует выделить крупные информационные базы данных, созданные при государственной поддержке. Их главная цель – ретрансляция в массы и сохранение информации, которая на материальных носителях доступна лишь узкому кругу людей.

Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (www.podvignaroda.mil.ru). Это информационный ресурс открытого доступа, созданный по инициативе и при непосредственной поддержке Министерства обороны РФ, на котором размещены оцифрованные версии имеющихся в архивах страны документов о ходе и итогах боевых операций, подвигах и наградах участников Великой Отечественной войны. Также информацию об участниках ВОВ содержат крупные сайты - базы данных, как «Память народа» (<https://pamyat-naroda.ru>), «Бессмертный полк» (<https://www.moypolk.ru>).

Кроме того необходимо заострить внимание на существующих проектах по сохранению исторической памяти. Роспартриотцентр на протяжении 13 лет

занимается комплексным развитием и сопровождением всех видов деятельности по патриотическому воспитанию и популяризации волонтерства в России, а также организует патриотические и добровольческие проекты, такие как «Росмолодежь. Добро», «Без срока давности», «Диалоги с героями», конкурс исследовательских работ «Семейная память», молодежный историко-культурный форум «Истоки» и многие другие акции и конкурсы.

В рамках «Движения первых» международная молодежная экспедиция «Память сильнее времени», всероссийский проект «Хранители истории», участие в котором включает в себя изучение истории памятного места и превращение её в увлекательные интерактивные экскурсии и уроки, облагораживание и косметическое восстановление архитектуры памятных мест, а также несение почётного памятного караула на местах.

С сентября 2019 года Музей Победы совместно с Департаментом образования и науки города Москвы, Российским военно-историческим обществом в рамках подготовки 75-летия Победы в Великой Отечественной войне приступил к реализации долгосрочной программы развития деятельности школьных музеев «Школьный Музей Победы». Любой школьный музей России имеет возможность представить свою экспозицию жителям Москвы, России и зарубежным гостям в специально созданном уникальном пространстве Музея Победы.

В 2016 году Волонтерами Победы был разработан и запущен первый в России масштабный проект — всероссийские исторические квесты. Квест является командной игрой, в которой участники выполняют задания, связанные одной схожей линией. Сценарий и задания квестов основаны на достоверных исторических фактах и воспоминаниях ветеранов.

Среди международных инициатив следует выделить Международный проект «Бессмертная память: мемориалы и памятники» при поддержке Ассамблеи народов Евразии. Проект направлен на популяризацию творческого наследия и сохранения исторической памяти о подвигах героев ВОВ среди соотечественников за рубежом и содействие педагогам центров

изучения русского языка и русских школ в проведении тематических мероприятий, посредством разработки методических рекомендаций и материалов. Так, в 2019-2020 гг. Российским образовательным центром (Испания) была объявлена акция-эстафета «Песни героев», которая получила поддержку представительств Россотрудничества и Российского национального музея музыки. Значимым событием, направленным на популяризацию темы сохранения исторической памяти, является Семинар «Память и уроки Второй мировой войны». Международный Семинар проводится с 2014 года изначально на площадках Совета Европы, в настоящее время география проекта - страны СНГ. Семинар объединяет представителей поисковых отрядов, молодёжных советов, волонтеров, молодых исследователей, историков и активистов. Элементы программы Семинара включают в себя обмен опытом и практиками по сохранению исторической памяти среди молодежи, групповые обсуждения.

Новых форматы возникают и в подаче материала, так, возникают различные игры по тематике ВОВ, музейные интерактивы в виде, к примеру, прохождения пути партизана. Речь идет о возникновении новой, скорее негативной, тенденции как *histo-tainment*, используемое в немецкой практике для определения исторического контента на телевидении [12, с. 95-96]. Образование подобных жанров демонстрирует тенденции к предпочтению развлекательного жанра. Однако при всем стремлении отвечать современным потребностям общества в ярких эмоциях, зрелищности, при активной технологизации процессов важно не уйти от сути и основной цели музеев - просвещать. Особо уязвыми являются музеи истории ВОВ, где критически важно сохранить серьезный подход, чтобы действительно извлечь урок из событий тех лет. Музей становится ближе к современности, нежели к истории.

Таким образом, в работе рассмотрены актуальные на сегодня форматы, реализуемые в целях сохранения исторической памяти. Хочется верить, что непартнеры Российской Федерации не перейдут все красные линии в переписывании истории. Достоверные события истории - это то, о чем

говорить необходимо не только накануне 9 мая, именно с участливым и небезразличным отношением каждого к проблеме фальсификации возможно будет сохранить память о Великой Отечественной войне и других событиях истории, на благо всего общества.

Список использованной литературы:

1. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / Арнаутова Ю.А. - М.: История и память, 2006. - С. 51.
2. Ассман Я. Культурная память / Ассман Я. - М.: Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности, 2004. — 54–55 с.
3. Ашманов И.С. Жизнь внутри пузыря / И.С. Ашманов. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. — 208 с.
4. Вяземский Е.Е. Историческая политика как инструмент взаимосвязи профессиональной историографии и коллективной памяти // Преподавание истории в школе. — 2011. — № 2. — 124-130 с.
5. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 3. — 34-37 с.
6. Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. — 2002. — № 4. — 17-19 с.
7. Курпатов А.В. Всегда важно держать фокус решения задачи / А.В. Курпатов // Университетская книга. — 2020. — №7. — 8-13 с.
8. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3. — 202-208, 113-118 с.
9. Попп И. А., Бурова А. И. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: практико-ориентированный подход (на примере реализации всероссийского студенческого патриотического проекта «Живая история») // Педагогическое образование в России. — 2017. — №1. — 129-134 с.
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3. — 20-25 с.
11. Хаттон П. История как искусство памяти. / Хаттон П. — СПб., 2003. — 232 с.
12. Anderson S. History TV and Popular Memory // Television histories: shaping collective memory in the media age / Ed. by Gary R. Edgerton and Peter C. Collins. — Kentucky., 2001.

13. De Groot Jerome. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. — Routledge., 2009.

Об авторах: ЛАВРОВА Анна Андреевна – студентка 3 курса, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: analavrova369@mail.ru

About the authors: LAVROVA Anna Andreevna – 3rd year Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: analavrova369@mail.ru

**РОЛЬ ШОС В ПОСТРОЕНИИ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО
ПАРТНЕРСТВА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Мурашкина С.Ю.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

**THE SCO'S ROLE IN BUILDING A GREATER EURASIAN
PARTNERSHIP: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS**

S.Y. Murashkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok

Аннотация: В рамках трансформации современной международной системы играет важную роль обеспечение политической безопасности и содействие активному торгово-экономическому сотрудничеству между странами путем формирования нового интеграционного проекта – Большого Евразийского партнерства, которое соединяет Запад и Азию. Для реализации столь масштабной инициативы необходимо сопряжение Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс и один путь» с помощью Шанхайской организации сотрудничества, в которой начал формироваться новый вектор развития – углубление торгово-экономической интеграции. ШОС за последние десятилетия повысило свою значимость на мировой арене, благодаря содействию реализации крупных межгосударственных проектов и вступлению новых членов – Индии, Пакистана и Ирана. Для рассмотрения организации в качестве экономического плацдарма для реализации БЕП важно отметить перспективы ШОС: расширение до ШОС+; создание зон свободной торговли; развитие коридора «Север – Юг». Однако присутствуют и угрозы реализации поставленных целей в стратегии ШОС, среди них: обеспечение безопасности; некачественное выполнение условий соглашения; отсутствие механизмов финансового сопровождения; преобладание двустороннего и трёхстороннего сотрудничества. Рассматривая перспективы и вызовы Шанхайской организации сотрудничества, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе у организации есть возможность стать важной площадкой экономической интеграции, обеспечивая международную безопасность на евразийском пространстве, являясь неким «евразийским домом».

Abstract. As part of the transformation of the modern international system, it is important to ensure political security and promote active trade and economic cooperation between states through the formation of a new integration project – the Greater Eurasian Partnership, which connects the West and Asia. To implement such a large-scale initiative, it is necessary to pair the Eurasian Economic Union and the "One Belt and One Road" project with the help of the Shanghai Cooperation Organization, where a new vector of development – deepening trade and economic integration – has begun to take shape. Over the past decades, the SCO has increased its importance on the international arena due to the promotion of large interstate projects and the entry of new members - India, Pakistan and Iran. To consider the organization as an economic springboard for BEP implementation, it is important to note the SCO's prospects: expansion to SCO+; creation of free trade zones; and development of the North-South corridor. However, there are also threats to the realization of the goals set in the SCO strategy, among them: ensuring security; poor implementation of the terms of the agreement; lack of financial support mechanisms; predominance of bilateral and trilateral cooperation. Considering the prospects and challenges of the Shanghai Cooperation Organization, we can conclude that in the long term the organization has the opportunity to become an important platform for economic integration, ensuring international security in the Eurasian space, being an "Eurasian house".

Ключевые слова: ШОС, ЕАЭС, Большое евразийское партнёрство, экономическая интеграция, безопасность, инициатива «Один пояс, один путь», транспорт, логистика.

Keywords: SCO, EAEU, Greater Eurasian partnership, economic integration, security, Belt and Road Initiative, transportation, logistics.

В условиях меняющегося миропорядка и формирования нового баланса сил на мировой и региональной аренах, необходимым является формирование нового интеграционного проекта – Большого Евразийского партнерства (далее – БЕП) для обеспечения политической стабильности, поддержания безопасности и создания условий для активного развития торгово-экономического, финансового и инвестиционного сотрудничества на Евразийском пространстве. В совместном официальном заявлении Президент России В. В. Путин и Председатель КПК Си Цзиньпин, как лидеры стран преимущественно проводящих региональную интеграцию, обозначили Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС) основной

площадкой для экономической интеграции в Евразии. Несмотря на основные цели ШОС как противодействие и борьба против «3-х зол» в форме терроризма, сепаратизма и экстремизма, согласно Стратегии развития ШОС до 2025 года, одной из первостепенных задач организации является углубление торгово-экономического сотрудничества как инструмента обеспечения политической и экономической стабильности на региональном уровне, а в дальнейшем и на мировом. Таким образом, в ШОС началось формирование нового вектора развития.

За более чем 20 лет существования ШОС, организация существенно повысила свое влияние не только на региональном, но и на международном уровне. Одним из показателей является вступление в 2017 году в ШОС новых членов – Индии и Пакистана, а также присоединение Ирана в 2022 году, что способствовало усилению организации в глазах мирового сообщества. В данный момент в ШОС входит восемь стран – Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Иран, Индия и Пакистан, которые составляют 41.88% от населения всего мира, а совокупный ВВП стран оценивается примерно в 23 трлн долларов – четверть мирового ВВП. В ходе своей деятельности, ШОС служит сопряжением Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС) и инициативы «Один пояс и один путь». Более того, в течение своей работы были утверждены ряд проектов, заключены соглашения, меморандумы, которые регулируются нормативно-правовыми актами и направлены на расширение и углубление экономической интеграции. Таким образом, подписание в 2019 году Меморандума «О взаимной интеграции национальных транзитных систем между таможенными службами государств ШОС» поспособствовало повышению транспортной взаимосвязи на Евразийском пространстве. Другим примером является утверждение в 2022 году Советом глав стран-участников ШОС Дорожной карты по постепенному увеличению доли национальных валют во взаимных расчетах с целью снижения уровня долларизации национальных экономик по

причине абсолютной ненадежности этой валюты и применением односторонних экономических санкций.

В контексте развития сотрудничества ЕАЭС со странами ШОС в сфере транспорта и логистики следует отметить важность транслогистического мегапроекта, в рамках которого уже утверждено 8 транспортных коридоров, которые связаны с международными коридорами «Север-Юг», «Запад-Восток» и гармонизируются с проектом «Один пояс, один путь». Кроме того, стоит подчеркнуть о плане цифровизации этих коридоров, что позволит перевозчикам получать оперативную информацию о загрузке, состоянии дорог, расположении заправок, пунктов отдыха, а также оперативные данные о возможных чрезвычайных ситуациях. Немаловажно отметить торгово-экономическое сопряжение инициативы «Один пояс и один путь» со странами-участниками ШОС в виде строительства Пилотной зоны «Китай-ШОС» в городе Циндао провинции Шаньдун в Китае с целью расширить сотрудничество в сфере международной логистики, современной торговли, двусторонних инвестиций, туризма и прочее. Зона «Китай-ШОС» способствует строительству экономического коридора на евразийском пространстве, стимулируя формирование открытой торговли, взаимопомощи между странами, включая восточное и западное направления. Демонстрационная зона за небольшой промежуток времени показала высокий результат — открытие 31 международного железнодорожного маршрута, который соединил 54 города в 23 странах, что показывает масштабность и значимость данного проекта в контексте содействия построению Большого евразийского пространства. Вышеупомянутые проекты, соглашения и меморандумы являются отражением активного формирования нового торгово-экономического вектора развития ШОС и способствуют углублению сотрудничества в таких областях, как торговля, инвестиции, логистика, культура и другие, не только между странами-участницами, но и с теми, которые не являются членами этой организации. Тем не менее, для понимания является ли ШОС неким экономическим плацдармом, где сопрягаются ЕАЭС

и проект «Один пояс и один путь», необходимо рассмотреть среднесрочные и долгосрочные перспективы данной организации:

1. Расширение ШОС до более широкого формата ШОС+. Показателем является не только недавнее вступление Ирана в организацию, но и желание стать членами ШОС со стороны Беларуси, Непала и некоторых стран из Лиги арабских государств. Таким образом, Мьянма, Мальдивы, Саудовская Аравия, Египет, Азербайджан, Армения, Шри-Ланка, Катар, Турция, Камбоджа, ОАЭ и Кувейт уже являются партнерами по диалогу Шанхайской организации сотрудничества. Более того, Саудовская Аравия, Шри-Ланка, Непал, Турция, ОАЭ и Кувейт заявили о своем желании стать полноправными членами ШОС. Расширение организации позволит не только увеличить масштабность и финансирование проектов, но и будет содействовать экономической интеграции большего количества стран, создав международную транспортную сеть с узлом в Центральной Азии. Немаловажно отметить, что ранее упомянутый транслогистический мегапроект предоставит возможность третьим странам, которые не являются партнерами по диалогу или полноправными членами ШОС, присоединиться к соглашению о таможенном транзите. Такая инициатива показывает, что в проектах ШОС могут быть задействованы страны, не относящиеся к организации, следовательно это содействует установлению диалога между Азией и Европой, и, таким образом, Шанхайская организация сотрудничества обладает огромным потенциалом для построения БЕП.

2. Создание зоны свободной торговли. Однако данная инициатива возможна лишь в долгосрочной перспективе, поскольку пока только обсуждается вопрос о содействии созданию ряда зон свободной торговли, но никаких проектов при содействии стран-участниц не было запущено за исключением соглашения о таможенном транзите;

3. Развитие Международного транспортного коридора «Север – Юг». В целях повышения значимости этого коридора с регионального уровня на международный ожидается увеличение грузопотоков и ускорение сроков

доставки грузов, улучшение и расширение инфраструктуры, входящей в Евразийский транспортный каркас, повышение качества предоставляемого сервиса, также усиление транспортной безопасности и развитие сотрудничества между государствами.

Перспективы дальнейшего развития ШОС играют важную роль в развитии сотрудничества между ЕАЭС и инициативой «Один пояс и один путь» с целью построения БЕП, тем не менее определенные вызовы могут отрицательно сказаться на реализации современных и последующих проектов, таковыми проблемами являются:

1. Обеспечение безопасности. В настоящее время сохраняется политическая нестабильность в Афганистане — страны наблюдателя в ШОС, также противоречие между странами-участницами такими как Индия-Китай, Индия-Пакистан, Иран-Пакистан и другими, что затрудняет торгово-экономическое сотрудничество и реализацию совместных инициатив. Вопрос безопасности является приоритетным для ШОС, однако организация остается зачастую в стороне от конфликтов, что можно заметить на примере пограничного конфликта между Индией и Пакистаном в 2020-2021 годах, и пока активно не способствует урегулированию противоречий, борьбе с терроризмом и сепаратизмом. Данная проблема может отрицательно сказаться на сопряжении ЕАЭС и проекта «Один пояс и один путь» из-за присутствия угроз безопасности в регионах Центральной Азии и за ее пределами.

2. Соглашения выполняются не в запланированные сроки и/или не в полной мере. Примером является стратегический проект строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, реализацию которого обсуждают с 1990-х годов, но возобновилась работа лишь в 2022 году после заключения аналогичного соглашения о сотрудничестве в рамках этой инициативы. Тем не менее, строительство транзитной железнодорожной ветке через Тянь-Шань до сих пор только планируется.

3. Отсутствие механизмов полноценного финансового сопровождения проектов. При организации существует Межбанковское

объединение в рамках ШОС, которое включается в себя: Банк развития Казахстана, РСК Банк (Кыргызская Республика), Государственный банк развития Китая, Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», Habib Bank Limited (Пакистан), Индийская инфраструктурная финансовая компания, Государственный сберегательный банк Республики Таджикистан «Амонатбанк», Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан. Тем не менее, для реализации проектов в рамках ШОС часто не хватает финансирования. По словам Генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества: «По-прежнему сохраняется значительный разрыв между экономическим потенциалом объединения и практической реализацией существующих возможностей», что означает необходимость создания устойчивого механизма финансового сопровождения инициатив в виде Фонда развития и Банка развития ШОС, которые упоминаются в стратегии развития ШОС до 2025 года. Немаловажно отметить, что степень реализации механизма происходит пока только на уровне переговоров, начиная с 2010 года со стороны Китая по поводу Банка развития и с 2013 года со стороны России по Фонду развития.

4. Преобладание двустороннего, либо трехстороннего и более сотрудничества, таким образом, чаще всего лишь часть членов ШОС задействована в реализации проектов. Примерами служат следующие инициативы: Развитие технологии Smart Glass (РФ и КНР), World Food City (Россия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Таджикистан), Евразийский торгово-экономический индустриальный парк (КНР, Казахстан, Россия, Кыргызстан) — проекты находятся только на пути к реализации. По причине малой вовлеченности всех стран-участниц ШОС появляются сложности в реализации крупных торгово-экономических проектов из-за недостаточного сотрудничества между государствами.

На основе деятельности ШОС в течение более двух десятилетий в сфере политической безопасности, экономического развития, регионального и международного сотрудничества, организация имеет право претендовать на

становление важной площадкой экономической интеграции, обеспечения международной безопасности на общеевразийском уровне. Однако это возможно лишь в долгосрочной перспективе, учитывая значительно малое количество реализованных проектов, отсутствие важных финансовых механизмов и недостаточное содействие в решении важных проблем, заявленных в рамках основных целей ШОС. Тем не менее, согласно концепции классического евразийства, организация претендует быть неким «евразийским домом», включая в себя пространство коллективной безопасности, где важную роль играют трансконтинентальные торговые маршруты, объединяющих Восток и Запад.

Список использованной литературы:

1. Аристова Л. Б. Разработка и реализация стратегии международных транспортных проектов на пространстве ШОС / Л. Б. Аристова. – Текст : непосредственный. // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3-1. – С. 286–287.
2. Большое Евразийское партнерство – новые горизонты сотрудничества: Тематический сборник / под общей редакцией И.А. Максимцева. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 159 с. – ISBN 978-5-7310-5421-8. – Текст : непосредственный.
3. Будущее стран ШОС: о программе сотрудничества до 2035 года / У. Хасанов. – Текст: электронный // Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2019. – 3 с. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/budushchee-stran-shos/?ysclid=lov2d18mbe563491833> (дата обращения: 9 ноября 2023).
4. Главы стран ШОС утвердили дорожную карту по росту доли нацвалют в расчетах. – Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20220916/shos-1817281423.html?ysclid=lq62eobipb566959513> (дата обращения: 4 ноября 2023).
5. Государства ШОС и ЕАЭС работают над соглашением о создании общей зоны свободной торговли. – Текст: электронный // Kazakhstan Today: [сайт]. – URL: https://www.kt.kz/rus/interview/gosudarstva_shos_i_eaes_rabotajut_nad_soglashe_niem_o_sozdanii_obshtej_zoni_svobodnoj_torgovli_1153617675.html (дата обращения: 6 ноября 2023).

6. Демонстрация истории строительства Новой зоны. – Текст: электронный // Пилотная зона регионального торгово-экономического сотрудничества Китай-ШОС: [сайт]. – URL: <https://scocsp.com/funapp-win-history> (дата обращения: 4 ноября 2023).
7. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС. – Текст: электронный // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5699> (дата обращения: 2 ноября 2023).
8. Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. Риски и возможности для России / под редакцией В.А. Матвеева. – Москва : ИДВ РАН, 2021. – 152 с. – ISBN 9785838103925. – DOI: 10.48647/IFES.2021.49.34.001. – Текст : непосредственный.
9. Информационное сообщение по итогам круглого стола государств-членов Шанхайской организации сотрудничества на тему: «Расширение торгово-логистического сотрудничества в рамках ШОС, совместное строительство международных логистических и транспортных коридоров между Азией и Европой». – Текст: электронный // Шанхайская организация сотрудничества: [сайт]. – URL: <https://rus.sectsc.org/20191207/611485.html?ysclid=lpwdpcoyi229573850> (дата обращения: 12 ноября 2023).
10. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. – 352 с.
11. Лушников О. В. Перспективы идеи евразийской интеграции в XXI в. / О. В. Лушников. – Текст : непосредственный. // Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – 2022. – С. 115–120.
12. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, А. Забоев, Н. Усманов. – Текст : непосредственный. // Евразийский банк развития. – 2022. – 86 с.
13. Михневич С. В. Шанхайская организация сотрудничества в 2022 г.: экономическая повестка председательства Узбекистана и перспективы развития организации / С. В. Михневич. – Текст : непосредственный // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 22. – № 5. – С. 35–53. – DOI 10.22394/1682-2358-2022-5-35-53.
14. О сопряжении планов развития Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь». – Текст: электронный // Министерство иностранных дел России: [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects

_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767074/ (дата обращения: 3 ноября 2023).

15. Перская В. В. Роль ШОС как международной многоаспектной организации на пространстве Большой Евразии / В. В. Перская. – Текст : непосредственный. // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3-2. – С. 186–189.

16. Пилотная зона регионального торгово-экономического сотрудничества «Китай - ШОС». – Текст: электронный // Пилотная зона регионального торгово-экономического сотрудничества Китай-ШОС: [сайт]. – URL: <http://sh.scoda.com/about7/show.php?id=1850&lang=ru> (дата обращения: 3 ноября 2023).

17. Совместное коммюнике по итогам двадцать второго заседания Совета глав правительств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. – Текст: электронный // Шанхайская организация сотрудничества: [сайт]. – URL: <https://rus.sectesco.org/20231026/SOVMESTNOE-KOMMYuNIKE-po-itogam-dvadtsat-vtorogo-zasedaniya-Soveta-glav-pravitelstv-962639.html?ysclid=lq8frcweug337576311> (дата обращения: 2 ноября 2023).

18. Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы / В.Петровский, Ю.Кулинцев, А.Ларионова, Ю.Чай, Ч.Ван, Ц.Цзян. – Текст: электронный // Российский совет по международным делам. – 2020. – № 29. – 3 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/sopryazhenie-eaes-i-ipp-problemy-i-perspektivy/?ysclid=lq8edm9c9x505960767> (дата обращения: 7 ноября 2023).

19. Сотрудничество по сопряжению между Китаем и странами Евразии в контексте построения Инициативы пояса и пути / Ч.Сунь. – Текст: электронный // Российский совет по международным делам. – 2020. – № 29. – 6 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotrudnichestvo-po-sopryazheniyu-mezhdu-kitaem-i-stranami-evrazii-v-kontekste-postroeniya-initsiativ/?ysclid=lpw7iqy14338003442> (дата обращения: 3 ноября 2023).

20. Стратегия развития шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. – Текст: электронный // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPGqLvQI4uaMX43lMkrMbfNewVneO.pdf> (дата обращения: 6 ноября 2023).

21. Субанов Т. Т. Реалии и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества / Т. Т. Субанов. – Текст : непосредственный. // Вестник института мировых цивилизаций. – 2022. – Т. 13. – № 1(34). – С. 21–24.

22. Ураева К. Р. Перспективы сопряжения ЕАЭС и ШОС как фактор построения «Большой Евразии» / К. Р. Ураева. – Текст : непосредственный. // Международный центр научного партнерства «Новая Наука». – 2021. – С. 205–212.
23. Чжан Синьчжу заявил в интервью Информационному агентству Синьхуа: Использование «ресурсов ШОС» ЭКСПО для активирования строительства «четырёх центров» в Пилотной зоне «Китай-ШОС». – Текст: электронный // Пилотная зона регионального торгово-экономического сотрудничества Китай-ШОС: [сайт]. – URL: <http://sh.scoda.com/news85/shownews.php?id=9539&lang=ru> (дата обращения: 5 ноября 2023).
24. Шкваря Л. В. Транспортное сотрудничество в ШОС: проекты, проблемы, перспективы / Л. В. Шкваря, М. Хэ. – Текст : непосредственный // – 2023. – № 2(34). – С. 6–14. – DOI 10.25634/MIRBIS.2023.2.1
25. ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия / под редакцией Л. Е. Васильева. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – 240 с.
26. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции / К. Курылев, Д. Малышев, А. Хотивришвили, В. Шабловский. – Текст : непосредственный // – 2021. – Т. 65. – № 2. – С. 81–88. – DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88.
27. ШОС и ЕАЭС утвердили новый таможенный транзит. – Текст: электронный // Интернет-портал СНГ: [сайт]. – URL: <https://e-cis.info/news/568/103766/?ysclid=lpwc4ax7xm689374081> (дата обращения: 9 ноября 2023).

Об авторе: МУРАШКИНА София Юрьевна – студентка 3-го курса, Дальневосточный федеральный университет, e-mail: murashkina.sy@dvfu.ru

About the author: MURASHKINA Sofia Yuryevna – 3rd year student, Far Eastern Federal University, e-mail: murashkina.sy@dvfu.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЕВРАЗИЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Рахимов К.Х.

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва

**INTERNATIONAL AND REGIONAL CONTEXTS OF THE SCO
ACTIVITIES TO ENSURING EURASIAN SECURITY**

K.H. Rakhimov

Institute of China and Modern Asia RAS, Moscow
Russian Friendship University named after. P. Lumumba, Moscow

Аннотация: В статье рассматриваются исторические этапы создания «Шанхайской пятерки», деятельность ШОС по обеспечению евразийской безопасности в международном и региональном контекстах. Основная тема, которая прослеживается в работе, заключается в изучении роли ШОС в поддержке безопасности в Евразии и оценке ее эффективности. Автор подчеркивает, что ШОС была создана в 2001 году с целью содействия мирному развитию, укреплению стабильности и обеспечению безопасности в регионе. В статье анализируются основные проблемы и угрозы для безопасности, с которыми сталкивается ШОС, такие, как терроризм, наркотрафик, пограничные вопросы и трансграничные преступления. Основные аргументы автора основаны на анализе политической ситуации в регионе и деятельности ШОС. Автор отмечает, что благодаря сотрудничеству между государствами-членами ШОС удалось достичь определенных успехов в обеспечении безопасности в Евразии. Однако, указывается, что многое остается еще сделать, особенно в контексте террористической угрозы и конфликтов в регионе. Итак, ключевая мысль статьи заключается в том, что ШОС играет важную роль в обеспечении безопасности в Евразии, однако есть некоторые проблемы и вызовы, которые требуют дальнейшего усилия и сотрудничества для их решения. Весьма интересно рассмотреть дальнейшую деятельность ШОС с учетом изменяющегося международного и регионального контекста.

Abstract. The article examines the historical stages of the creation of the Shanghai Five and the activities of the SCO to ensure Eurasian security in the international and regional contexts. The main theme that can be seen in the work is to study the role of the SCO in supporting security in Eurasia and assessing its effectiveness. The author emphasizes that the SCO was created in 2001 with the aim of promoting peaceful development, strengthening stability and ensuring security in the region. The article analyzes the main problems and security threats faced by the SCO, such as terrorism, drug trafficking, border issues and cross-border crimes. The author's main arguments are based on an analysis of the political situation in the region and the activities of the SCO. The author notes that thanks to cooperation between the SCO member states, it was possible to achieve certain successes in ensuring security in Eurasia. However, it is pointed out that much remains to be done, especially in the context of the terrorist threat and conflicts in the region. So, the key idea of the article is that the SCO plays an important role in ensuring security in Eurasia, but there are some problems and challenges that require further effort and cooperation to solve them. It is very interesting to consider the future activities of the SCO taking into account the changing international and regional context.

Ключевые слова: «Шанхайская пятерка», ШОС, безопасность, Евразия, Афганистан, терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик.

Keywords: «Shanghai Five», SCO, security, Eurasia, Afghanistan, terrorism, religious extremism, drug trafficking.

Наше обращение к данной теме обусловливается трансформационными процессами в странах Центральной Азии, которые все более усиливают вес региона в стратегических планах великих держав: России, Китая, США. Крах старой системы межгосударственных отношений в Центральной Азии, который был обусловлен распадом Советского Союза, предоставил шанс странам данного региона усилить свою роль в обеспечении межрегиональной безопасности за счет создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В этом контексте представляется весьма актуальным и целесообразным комплексное изучение опыта ШОС по реализации стратегии в сфере обеспечения межрегиональной и международной безопасности не только в Центрально-Азиатском регионе, но и на международной арене в целом.

Актуализирует данную тему также дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в Афганистане, которая угрожает интенсификацией нетрадиционных вызовов в евразийском масштабе. Поражение и резкий уход США из Афганистана поставили вопрос об обеспечении безопасности, как перед непосредственными соседями Афганистана, так и перед ШОС, в деятельности которой афганский фактор традиционно рассматривался как угрожающий региональному миру и безопасности. Сложившаяся в Афганистане обстановка угрожает внутривнутриполитической стабильности стран-членов ШОС, что продемонстрировали события в Казахстане в январе 2022 г. В этих условиях перед ШОС возникает необходимость выработки скоординированного решения по пресечению трансрегиональных угроз. Таким образом, изучение проблем реализации международной безопасности и борьбы ШОС с традиционными и нетрадиционными видами угроз в регионе является весьма актуальной задачей.

История создания «Шанхайской пятерки». 26 апреля 1996 г. в Шанхае произошла первая встреча лидеров Казахстана, Киргизии, Китая, России и Таджикистана с целью обсуждения возможных путей урегулирования пограничных вопросов между КНР и бывшими союзными республиками. В результате был подписан первый совместный документ «Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы», сейчас известный как «Шанхайская декларация» [8].

В соответствии со ст.1 «Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы», «Вооруженные силы сторон, дислоцированные в районе границы ... не будут использоваться для нападения на другую сторону, вести любую военную деятельность, угрожающую другой стороне ...». Взаимным ограничением подлежали масштаб, границы и количество военных учений. Стороны обязались «взаимно информировать друг друга о важных военных мерах, которые они проводят в пределах стокилометровой зоны, прилегающей к совместной границе; приглашать наблюдателей от противоположной стороны на свои учения; предупреждать об опасных

военных действиях, укреплять дружеские контакты между военнослужащими армий, размещенных в приграничной зоне» [9, С.23]. Подписание Соглашений не только способствовало миру, стабильности и спокойствию в районе границы Китая с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, но и создало новую модель безопасности, которая была направлена на поддержание мира и стабильности как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и во всем мире. Его подписание стало началом в деле поддержания региональной безопасности.

На встрече лидеров пяти стран в Шанхае было принято решение о проведении ежегодных встреч «Шанхайской пятерки», что свидетельствовало о создании механизма регулярных встреч и о начале его функционирования. Механизм встреч в рамках пятерки стран-участниц получил название форум (саммит) «Шанхайской пятерки».

Вторая встреча «Шанхайской пятерки» состоялась 24 апреля 1997 г. в Москве. В ходе встречи было подписано пятистороннее «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы», которая конкретизировала и дополняла шанхайский документ. В соответствии с Соглашением был создан коридор на границе между вооруженными подразделениями армий соответствующих государств в 100 км, где осуществлялись взаимные военные инспекции, а военные формирования были отведены друг от друга на 300 км [9, С. 23–28].

После вступления в силу соглашений 1996 и 1997 гг. государства-участники приступили к их последовательному и активному осуществлению. Был запущен полномасштабный действенный механизм взаимных инспекций по взаимному соблюдению количественных лимитов боевой техники и вооруженного персонала в пределах действия соглашений, проводится ежегодный обмен информацией между Китаем, с одной стороны, и Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, с другой. Для содействия его выполнению в соответствии со ст. 10, п. 7 «Стороны создают совместную контрольную группу. Состав, функции и порядок работы

Совместной контрольной группы были определены в Протоколе о контроле и проверке [8].

Принципы доверия на границе, легли в основу всех дальнейших взаимоотношений внутри «пятерки», способствовали созданию уникальной формы сотрудничества между странами, «шанхайского духа», включавшее решения всех проблем на основе взаимопонимания, равенства и доверия, уважения интересов и мнений друг друга, взаимные консультации, выход на взаимопонимание через консенсус и добровольное согласие выполнять то, о чем ведут речь достигнутые договоренности. Таким образом, этот этап деятельности «Шанхайской пятерки» стал реальным шагом на пути ликвидации предпосылок конфликтных ситуаций на границе, а также заложил структуры для дальнейшего сотрудничества государств.

Третий этап (с апреля 1997 г.) - формула переговоров «многосторонние переговоры пяти стран - пяти равноправных участников». В июле 1998 г. в Алма-Ате состоялась третья встреча лидеров стран «Шанхайской пятерки». В центре ее внимания находились такие проблемы, как содействие миру и стабильности в регионе, а также активизация экономического сотрудничества между пятью странами и в регионе. Итогом встречи стало подписание «Совместного заявления участников Алма-Атинской встречи». Участниками «Шанхайской пятерки» была достигнута договоренность «о созыве по мере необходимости встреч на уровне экспертов, министров иностранных дел, глав правительств государств, для рассмотрения вопросов обеспечения безопасности и расширения сотрудничества в Центральной Азии и на Азиатском континенте в целом» [13, С.83].

С 1998 г. по предложению Китая страны-участницы будущей ШОС составили комплекс мер по борьбе с финансированием террористической деятельности. Чтобы отрезать источник капитала террористов, участники подписали Соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркотиками [10].

Количество полномочий, предоставленных международной организации ее государствами-членами, отражается в потенциальном объеме

международной ответственности, которую организация может взять на себя в международной плоскости. Если международный статус ШОС или, по крайней мере, Секретариат ШОС, гипотетически подтверждаются правом международных организаций, то в таком случае должны быть оценены ее фактические полномочия и функции, чтобы выявить реальную сферу распространения полномочий Организации.

«Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи» включало следующие принципы: соблюдение взаимного уважения к суверенитету и территориальной целостности, соблюдения таких норм международных отношений, как равноправие, взаимная выгода, невмешательство во внутренние дела друг друга; урегулирования межгосударственных разногласий и конфликтов путем консультаций. Была достигнута договоренность о совместной борьбе с сепаратизмом и исламским радикализмом, терроризмом, контрабандой и наркобизнесом [11]. Одним из важных итогов Алма-Атинской встречи стало обсуждение вопросов развертывания многостороннего экономического сотрудничества по подключению к нему других заинтересованных стран, прежде всего смежных.

На четвертой встрече «Шанхайской пятерки», которая состоялась 24 августа 1999 г. в Бишкеке, взаимодействие в рамках «пятерки» было объявлено одним из главных положительных факторов обеспечения безопасности, стабильности и развития Центральной Азии. Итоговым документом саммита стало подписание «Бишкекской декларации», в которой страны-участники выразили намерение о проведении регулярных контактов и консультации на различных уровнях, занимающихся вопросами экономического и культурного сотрудничества [2, С.6-9]. Руководителями пяти стран была подчеркнута важность торгово-экономического сотрудничества на основе равноправия и взаимной выгоды, рассмотрены вопросы восстановления значения Великого Шелкового пути, проходы территориями всех государств «Шанхайской пятерки», в интересах устойчивого экономического развития, укрепления мира и стабильности в регионе [1].

На пятом саммите «Шанхайской пятерки», который состоялся 5 июля 2000 г. в Душанбе была подписана «Душанбинская Декларация», в которой впервые прозвучал тезис о превращении «Шанхайской пятерки» на «региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах»[5] с целью эффективной борьбы с различными проявлениями сепаратизма, терроризма и экстремизма, углубления взаимного сотрудничества в политической, дипломатической, торгово-экономической, военной и других сферах для укрепления региональной безопасности и стабильности. Таким образом, на встрече в Душанбе был начат новый этап регионального сотрудничества [7, С.77].

14-15 июня 2001 г. в Шанхае состоялась встреча глав шести государств Казахстана, Киргизии, Китая, России, Таджикистана и Узбекистана, который предварительно выступал с просьбой о рассмотрении возможности его присоединения к «Шанхайской пятерке». Главным итогом саммита стало превращение «Шанхайской пятерки» на «Шанхайскую Организацию Сотрудничества» – нового регионального объединения, провозгласившего в качестве своих целей «укрепление ... взаимного доверия, дружбы и добрососедства; ... поддержание и обеспечение мира, безопасности и стабильности в регионе» [14].

15 июня 2001 г. механизм «Шанхайской пятерки» был поднят на более высокий уровень сотрудничества – было объявлено о создании новой организации регионального сотрудничества – ШОС [12]. На том же заседании к группе присоединилась шестая страна, Узбекистан, и была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 15 июня 2001 г. [15], а в июне 2002 г., была принята Хартия (Устав) Шанхайской организации сотрудничества, в которой четко определялись структура, статус и функции сотрудничества ШОС [12]. В настоящее время в ШОС имеется Секретариат и несколько межведомственных комитетов, которые могут заниматься более широким кругом вопросов.

ШОС стала одной из первых межрегиональных организаций, продемонстрировавших понимание опасности международного терроризма и необходимость препятствовать распространению террористических настроений. Так, 15 июня 2001 г., за три месяца до печально известного террористического акта в США 11 сентября 2001 г., вместе с принятием Декларации о создании ШОС [12], лидеры шести государств-членов ШОС подписали «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [15]. В ней были четко определены сущности данных понятий и обозначены меры по противодействию «трем силам зла».

Стоит отметить, что террористические атаки 11 сентября 2001 г. показали, что создание ШОС и ее ориентация на борьбу с терроризмом было необходимым и своевременным. Так, отсутствие реакции ШОС на нападения в Нью-Йорке и Вашингтоне объясняется тем, что организация на тот момент не сформировала действенные механизмы влияния по вопросам безопасности в правовом поле в рамках действующих протоколов [4, С.185]. Начиная с 2002 г. государствами-членами ШОС был проведен ряд совместных антитеррористических учений. Эти двусторонние и многосторонние военные учения отражают укрепление сотрудничества ШОС в борьбе с терроризмом и постоянное укрепление способности действовать.

Таким образом, присоединение Узбекистана к другим странам объединения означало формальный выход шанхайского процесса за пределы вопросов, связанных с бывшим советско-китайским рубежом. Узбекистан не граничит с Китаем, со странами «пятерки» его сближают совсем другие интересы, в частности стабилизация обстановки в Афганистане и решение острой проблемы безработицы. Главы правительств шести государств подписали «Меморандум между правительствами государств-членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций», а также объявили об официальном создании в рамках ШОС механизма регулярных встреч глав правительств.

Так, согласно международному праву, Организация должна обладать теми полномочиями, которые, хотя и прямо не предусмотрены ее Уставом, новеряются ей в связи с определенным рядом последствий, поскольку они необходимы для выполнения ее обязанностей. Таким образом, доктрины приписываемых и подразумеваемых полномочий являются инструментами, с помощью которых реализуется сотрудничество государств [6, С.18].

В свете вышеизложенного можно отметить, что поиск полномочий, приписываемых международной организации, обычно начинается с рассмотрения ее учредительного документа. В преамбуле Устава ШОС государства-члены отмечают, что их «соблюдение» по принципам соглашений «Шанхайской пятерки» 1996 и 1997 гг., а также то, что документы, подписанные на встречах на высшем уровне в период с 1998 по 2001 гг., внесли важный вклад в «поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире» [12]. Они также обязуются «придерживаться» всех положений Декларации о создании ШОС [3]. Помимо Устава ШОС, все другие нормативно-правовые документы также должны учитываться при оценке функций ШОС.

Таким образом, «Шанхайская пятерка» не имела организационной структуры и соответствующих атрибутов, что является одним из основных признаков, присущих региональной организации, а ее правопреемница Шанхайская организация сотрудничества получила этот статус. Она является постоянно действующей межправительственной международной организацией, о создании которой было объявлено 15 июня 2001 в Шанхае.

15 июня 2021 года Шанхайская организация сотрудничества встретила своё двадцатилетие. Рожденная на стыке двух веков Организация за короткий по историческим меркам период превратилась в одну из несущих конструкций международных отношений, а сотрудничество в рамках ШОС играет ведущую роль в обеспечении безопасности и стабильности на пространстве от Арктики до Индийского океана и от Тихого океана до Балтики. Из «Шанхайской пятерки», учрежденной для институционализации

результата двусторонних переговоров со странами-соседями КНР по урегулированию территориальных споров на начало 2001 г., данная Организация трансформировалась в репрезентативный евразийский международно-политический формат. На данный момент ШОС расширила свое поле деятельности на субрегионы Центральной, Средней, Южной Азии, а с точки зрения функциональных областей охватывает широкий спектр политических вопросов, а также культурно-гуманитарную сферу, имея вместе с тем задел и в экономической плоскости.

Двадцатилетие ШОС лидеры «евразийской девятки» встречали в г. Душанбе, причем девятый член – Иран – встречал его впервые в статусе полноправного члена. Проведение юбилейного саммита ШОС в этом городе имеет особое, символическое значение для принимающей стороны. Дело в том, что сама идея создания региональной организации нового типа была сформулирована именно в таджикской столице. Произошло это 5 июля 2000 года в рамках исторической Душанбинской встречи лидеров «Шанхайской пятёрки». Благодаря судьбоносному решению лидеров пяти стран, на рассвете нового тысячелетия на политической карте мира появилась Организация нового типа, партнерский характер взаимодействия которой исключал блоковые, идеологизированные и конфронтационные подходы к решению международных и региональных проблем.

В ходе заседания Совета глав государств-членов ШОС 7 июня 2002 года в г. Санкт-Петербурге было подписано Соглашение о Региональной антитеррористической структуре (РАТС), которая была определена в качестве постоянно действующего органа ШОС. С момента создания РАТС внесла огромный вклад в развитие Организации, стала ее несущей опорой и координирующим центром борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на региональном и международном уровнях.

Директор РАТС ШОС Руслан Мирзаев заявил, что за 2023 год спецслужбы стран ШОС предотвратили 69 терактов и пересекли деятельность 73 террористических ячеек. Об этом он заявил на девятой научно-

практическая конференция РАТС ШОС «Доверие, сотрудничество и профессионализм как залог безопасного будущего» в Ташкенте.

В условиях трансформации всей системы международных отношений, необходимости борьбы против терроризма, сепаратизма и экстремизма ШОС столкнулась с серьезными вызовами: с одной стороны, Организация не может мириться с установлением диктата какого-либо государства, а с другой – ШОС не проявляет стремления вступать с кем-либо в противоречия, которые могут нанести вред борьбе с традиционными и нетрадиционными видами угроз. В связи с этим, перед руководством ШОС стоит задача решения сложной проблемы формирования новых принципов борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами в рамках международной безопасности и международных организаций таким образом, чтобы обеспечить многополярность мира, но при этом предотвратить появление новых антагонистических блоков.

На настоящем этапе своего развития ШОС является примером перспективной модели межгосударственного регионального партнерства и может быть определена как региональная организация гибридного типа. Данное заключение делается на основании того, что в последние годы в Организации активно применяются новаторские концепции безопасности и творческие подходы к их воплощению, что отражает процесс консолидации стран-членов на основе видения полицентричного мира как альтернативы выдвинутому Западом проекту однополярной глобализации.

Список использованной литературы:

1. Бабецкая-Кухарчук О.А., Морель М. Переход к рынку в России и его влияние на международную интеграцию: Препринт WP2 / 2003/04. - Москва: ГУ ВШЭ, 2003. - 44 с.
2. Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. 5.07.1999 // Российская газета (Экономический союз), N 35. 4 сентября 1999. С. 6-9.

3. Декларация о создании ШОС. // URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=37> (дата обращения: 11.11.2023).
4. Камолов Т. М. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как форма политико-правовой защиты суверенитета стран-участниц ШОС // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. № 2/4 (204). С. 194-197.
5. Лавров С. Секрет ШОС // Российская газета (Федеральный выпуск) № 6477 (205). 10.09.2014. // URL: <https://rg.ru/2014/09/10/lavrov.html> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Молдалиев О. А. Приоритетные проблемы нетрадиционных угроз безопасности Центральной Азии в условиях глобализации: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Кыргызско-рос. славян. ун-т. Бишкек, 2003. 30 с.
7. Никитина Т.А. Теоретические подходы к анализу Евразийское интеграции // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 8. С.72-78.
8. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. 26 мая 1997. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 11.11.2023).
9. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. 6 августа 1999 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. С. 23-28.
10. Соглашение между государствами членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. 2004. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902111650> (дата обращения: 11.11.2023).
11. Совместное заявление участников Алма-Атинской встречи - Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. 3.07.1998. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901794856> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. // URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=33> (дата обращения: 11.11.2023).
13. Чжуанчжи С. Успехи экономического сотрудничества государств-членов ШОС // Председательство Казахстана в ШОС в 2010–2011 гг.: Материалы Международной научно-практической конференции, 6 мая 2011 г., Алматы, 2011. - С. 83-87.

14. Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннее развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008). // URL: <http://scorussia.ru/news/20141216/1013261774.html> (дата обращения: 07.12.2023).

15. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 12.12.2023).

Об авторе: РАХИМОВ Комрон Хакимджонович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П.Лумумбы, e-mail: rahimov_k93@mail.ru

About the author: RAKHIMOV Komron Khakimdzhonovich – Ph.D. (History), senior researcher at the Center for Central Asian Studies of the ICASA RAS, senior lecturer at the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University named after. P. Lumumba, e-mail: rahimov_k93@mail.ru

**СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОВМЕСТНЫЙ ОПЫТ КАЗАХСТАНА
И РОССИИ**

Саликова А.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**COOPERATION IN THE FORMATION OF HIGHER EDUCATION
INSTITUTIONS: JOINT EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA**

A.B. Salikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Аннотация: Высшее образование – важный инструмент «мягкой силы» государства. При этом, в условиях изменяющейся структуры международных отношений не так много внимания уделяется изучению мягкосиловой политики стран, в частности образовательному измерению. В статье предпринята попытка рассмотреть ход, проблемы и перспективы совместного строительства институтов высшего образования Республикой Казахстан и Российской Федерацией. Приводятся кейсы филиалов РГУ нефти и газа им. Губкина и НИЯУ МИФИ как примеры успешно реализованных проектов и совместного Российско-Казахстанского университета как замороженной инициативы. Перспективы развития кооперации оцениваются как благоприятные, несмотря на наличие факторов, затрудняющих двустороннее сотрудничество. В работе подчеркивается символическое значение образовательного сотрудничества на фоне нестабильной политической обстановки.

Abstract. Higher education is an important tool of soft power of the state. At the same time, despite the changing structure of international relations, not enough attention is paid to the study of soft power aspects of the countries' policy, in particular, to the educational dimension. The article attempts to review the progress, problems and prospects of joint formation of higher education institutions by the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. The cases of Gubkin Russian State University of Oil and Gas and National Research Nuclear University MEPhI as examples of successfully implemented projects and the joint Russian-Kazakh University as a frozen initiative are presented. The prospects for the development of cooperation are assessed as favorable, despite the presence of factors curbing

bilateral cooperation. The paper emphasizes the symbolic importance of educational cooperation against the background of unstable political situation.

Ключевые слова: Республика Казахстан, Российская Федерация, высшее образование, совместное строительство институтов, филиалы вузов.

Keywords: Republic of Kazakhstan, Russian Federation, higher education, joint formation of institutions, branches of universities.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях сохраняющейся напряженности в отношениях между Россией и странами запада, выходом России из Болонской системы, все важнее становятся задачи расширения и укрепления связей Российской Федерации с соседними государствами, в первую очередь в рамках СНГ (что подтверждают положения Концепции внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023 г. [3]), с целью совместного устойчивого развития и формирования единого образовательного пространства. В условиях формирования экономики знаний высшее образование – один из важнейших инструментов мягкой силы государства.

Цель работы - охарактеризовать сотрудничество России и Казахстана в области формирования институтов высшего образования на современном этапе. Для этого мы очертили круг задач: 1. Отследить общий ход развития двусторонних отношений в предметной области; 2. Привести пример успешных и нереализованных проектов; 3. Обозначить, какие факторы могут препятствовать исполнению совместных проектов; 4. Оценить перспективы дальнейшей кооперации Казахстана и России.

В работе использованы методы анализа, кейс-стади и изучения документов.

Источниковую базу исследования составили официальные документы и публикации правительств России и Казахстана, новостные заметки на сайтах СМИ таких, как Tengrinews и ТАСС. Сформировать представление о значении образования как инструмента мягкой силы нам помогли статьи А.Торкунова [7, с.2-3] и Э.Бурангулова [1, с.2]. В условиях изменчивости структуры

международных отношений актуальных и свежих исследований по теме крайне мало, именно поэтому наша статья служит попыткой закрыть пробел и осветить ход совместного строительства институтов на современном этапе. Следует отметить, что на английском языке материалов, которые оказались бы полезными для нашего исследования, нашлось мало, что может свидетельствовать о низком уровне интереса западных учёных к проблеме. Англоязычные материалы по теме представляют собой переводные статьи русскоязычных авторов и новости вузов, работающих на пространстве СНГ.

Общая характеристика образовательного сотрудничества двух государств. Согласно информации из открытых источников, в 2022-2023 учебном году количество казахстанских студентов, обучающихся в вузах России, составило около 61 тыс. человек. Следует отметить, что казахстанцы занимают первое место среди иностранных студентов, обучающихся в России. Такую статистику довольно часто приводят как справедливое доказательство тесных связей России и Казахстана в сфере высшего образования. Причем сотрудничество строится на основе принципов доверия, равенства и взаимного уважения, а приоритетными задачами для двух стран являются обеспечение доступности образования, выработка общих стандартов и образовательных программ.

РФ и РК сотрудничают в деле совместного строительства институтов образования с момента обретения ими независимости, как на двусторонней основе, так и в рамках организаций. Например, оба государства участвуют в работе Университета ШОС и Сетевого университета СНГ. Хотя истоки этого сотрудничества восходят ещё к 1960-м гг., когда в КазССР были открыты образовательные учреждения, со временем трансформировавшиеся в филиалы Московского авиационного института в г. Байконур и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. На рубеже тысячелетий уже в суверенном Казахстане стали работать отделения Челябинского государственного университета и Московского государственного университета им. Ломоносова.

За прошедшие годы эти филиалы сумели наработать определенную репутацию среди абитуриентов, что отчасти и привело к новому витку образовательной кооперации Казахстана и России. Он начался в январе 2022 г., когда Президент Токаев дал правительству поручение открыть в стране пять филиалов «авторитетных зарубежных вузов». [6] Тогда же РК и РФ подписали соглашение о создании и функционировании филиалов казахстанских вузов в России и российских в Казахстане. Документ заключен на пять лет с возможностью продления и подразумевает паритетную основу сотрудничества. При этом меры по согласованию такого плана предпринимали еще с 2021 г. Таким образом две страны начали работу над самым новым и актуальным на данный момент проектом.

Успешный кейс в сотрудничестве. Именно этот проект хотелось бы привести в качестве примера успешного кейса совместного формирования институтов образования.

Итак, в число новых подразделений вошли филиалы РГУ нефти и газа им. Губкина и НИЯУ МИФИ. Они были открыты на базе функционирующих национальных вузов и приняли первых казахстанских студентов уже в сентябре 2022 г., через полгода после подписания Соглашения. Сотрудничество уже приносит первые результаты – растущую доступность образования, возможность трансфера образовательных программ, проведения совместных научных исследований, обмен опытом и информацией между профильными университетами. [2]

Оперативный характер реализации проекта свидетельствует об обоюдной заинтересованности в нем сторон. И если цели Российской Федерации уже были обозначены, то зачем этот проект Казахстану? Помимо того, что последний идеально вписывается в рамки политики развития культурно-гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ, он еще и служит защите национальных интересов. Казахстан сейчас проводит программу модернизации экономики и испытывает потребность в инженерно-технических кадрах. Местные вузы вполне покрывают внутренний спрос на

специалистов гуманитарного профиля, но рядом технических специальностей, особенно связанных с машиностроением и добычей ресурсов, в РК было невозможно овладеть до 2022 г. Построение новой экономики требует повышения качества образовательных программ и конкурентоспособности вузов.

Полный успех инициативы по открытию филиалов констатировать преждевременно, так как проект ещё не доведен до конца, но он вполне прогнозируем, как можно убедиться на примере открытых первыми в рамках проекта подразделений российских вузов в Казахстане. Благоприятному и более быстрому развитию событий будет способствовать и тот факт, что связи годами налаживались не только на уровне правительств, но и на уровне самих университетов. Так, например, РГУ нефти и газа им. Губкина и Атырауский университет нефти и газа им. Утебаева, на базе которого РГУ сейчас работает в Казахстане, начали сотрудничать более семи лет назад. [8]

Пример нереализованного проекта. Однако, время от времени наблюдаются и трудности в процессе совместного строительства институтов: так, по Плану совместных действий на 2019-2021 гг. двумя правительствами предпринималась попытка создания Российско-Казахстанского университета, о чем можно прочесть в материалах Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. [5]

Сначала инициативе был дан ход. В рамках двусторонних встреч на уровне министров, А. Аймагамбетов и В. Фальков пришли к выводу об отсутствии политических препятствий для продолжения работы. Казахстанская сторона объявила о готовности рассмотреть концепцию создания совместного университета при ее поступлении. Минобрнауки России подготовило предложения о создании Российско-Казахстанского университета и в июне 2021 г. направило их казахстанской стороне на рассмотрение. [5] Тем не менее, в декабре 2023 г. популярный поисковик «Google» по запросу «Российско-Казахстанский университет» не выдает

релевантных сведений, что позволяет сделать вывод о том, что амбициозный проект так и не был реализован.

Препятствия на пути образовательного сотрудничества. На примере кейса выше можно увидеть, что кооперация не всегда идёт гладко, и попробовать объяснить причины происходящего. Довольно сложно выделить их однозначно. Осложняет ситуацию и то, что официальных комментариев о заморозке проекта со стороны властей не последовало. В СМИ вопрос широко не освещён, что правительствам в этом случае, скорее, играет на руку.

Одним из предположений может быть, что страны пересмотрели свои системы приоритетов. Действительно, структура государственных расходов на образование в РФ, например, понизилась за последние два года. Однако, решение о сотрудничестве и открытии филиалов также рассматривалось с 2021 г., но в итоге было принято.

Другое возможное объяснение тоже простое и логичное. Вполне могло оказаться, что проекты создания совместного университета и филиалов требуют совместной работы акторов на разных уровнях. В случае с филиалами основная нагрузка по их формированию ложится на вузовские кадры, и на основе уже существующей системы обучения, образовательных программ вузов России, создаются подразделения в Казахстане. В случае Российско-Казахстанского университета же речь идет о проведении более масштабной подготовки – формировании нормативно-правовой базы, выработке образовательных стандартов и программ, решении вопроса с финансированием, подборе научных и исследовательских кадров. Тогда можно сделать вывод о том, что государства недооценили ресурсную емкость инициативы, а временных и финансовых ресурсов двух стран сейчас хватает только на совместное формирование филиалов, но не более грандиозных инициатив. Это в свою очередь позволяет предположить, что проект был действительно заморожен, а не отменен насовсем, то есть к его реализации правительства могут вернуться, просто создав учреждение в более поздние сроки.

Перспективы. Продолжая оценивать перспективы развития кооперации, мы выделим следующие пункты:

- Приоритетами образовательного сотрудничества Казахстана и России продолжают быть доверие, суверенное равенство, выгода для обеих сторон, уважение многообразия культур;

- Сотрудничество в области образования и культуры будет активно поддерживаться, потому что, в том числе, в него вкладывают символический смысл, наделяют его имиджевой функцией. Оно призвано показать, что в турбулентные времена Россия и Казахстан способны находить общий язык и не отказываются от добрососедских отношений несмотря на то, что не всегда приходят к согласию по политическим вопросам. Как справедливо подмечено в материалах информационно-аналитического центра МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, «сотрудничество России и Казахстана в области образования неизбежно и стремится к прогрессу» [4];

- Существуют и планы на будущее, оглашенные самими вузами и представителями органов власти. По их словам, сотрудничество тоже будет нарастать. К примеру, в 2024 г. планируется открытие филиала РХТУ им. Д.И. Менделеева на базе Таразского регионального университета им. М.Х. Дулати. При этом важно отметить, что Соглашение 2022 г. подразумевает открытие филиалов на паритетной основе, однако о своих планах по открытию вузовских подразделений пока сообщает только одна сторона;

- Можно ожидать, что каждая из стран достигнет поставленных целей за счёт успешного процесса строительства институтов высшего образования. Россия преуспеет в поддержании и укреплении гуманитарных связей в рамках СНГ, а Казахстан сможет повысить привлекательность национальных вузов, сократить дефицит технических кадров и, возможно, снизить уровень образовательной миграции.

Выводы. Итак, история совместного формирования Россией и Казахстаном институтов высшего образования уходит корнями ещё в

советское прошлое. За прошедшие десятилетия государства сумели выстроить тесные связи в области образования и накопить значительный багаж проектов, как реализованных, так и оставшихся на бумаге. К первым можно отнести недавнюю инициативу Республики Казахстан по открытию в стране филиалов авторитетных вузов России, в частности, РГУ нефти и газа им. Губкина и НИЯУ МИФИ. Совсем к другим результатам привел процесс строительства Российско-Казахстанского университета – проект заморозили.

К факторам успеха образовательного сотрудничества двух стран можно отнести наличие налаженных каналов коммуникации, тесных связей между правительствами, академическими кругами, обоюдный интерес к формированию совместных институтов образования. Тем не менее, меняющаяся сейчас система приоритетов и неправильная оценка ресурсной емкости проектов могут приводить к заморозке или отмене последних.

На наш взгляд, влияние факторов успеха все же перевешивает и гарантирует благоприятные перспективы развития сотрудничества в образовательном направлении. Кооперация Казахстана и России наделена важной имиджевой функцией и ролью символа добрососедских отношений, активного взаимодействия двух стран в турбулентные для международных отношений времена. Государства могут реализовать свои интересы в этом сотрудничестве, поэтому в ближайшее время оно будет нарастать.

Список использованной литературы:

1. Бурангулов Э.Р. Особенности сотрудничества России и Казахстана в сфере высшего образования на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotrudnichestva-rossii-i-kazahstana-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 14.12.2023).
2. В Казахстане осенью 2022 года откроют филиалы двух российских вузов: [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15400459> (дата обращения: 14.12.2023).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) – Доступ через сайт МИД РФ. – Текст: электронный.
4. Сотрудничество России и Казахстана в области образования неизбежно и стремится к прогрессу: [Электронный ресурс] // Портал IA-CENTR.RU. URL: <https://ia-centr.ru/publications/sotrudnichestvo-rossii-i-kazakhstana-v-oblasti-obrazovaniya-neizbezhno-i-stremitsya-k-progressu/> (дата обращения: 14.12.2023).
5. Сотрудничество России и Казахстана: межвузовское партнерство, новые филиалы университетов, совместные научно-технические проекты: [Электронный ресурс] // Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46685/> (дата обращения: 14.12.2023).
6. Токаев поручил открыть 5 филиалов авторитетных зарубежных вузов: [Электронный ресурс] // Tengri News. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-poruchil-otkryit-5-filialov-avtoritetnyih-zarubejnyih-458814/ (дата обращения: 13.12.2023).
7. Торкунов А.В. Образование как инструмент «Мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-instrument-myagkoj-sily-vo-vneshney-politike-rossii> (дата обращения: 13.12.2023).
8. Филиалы российских вузов в Казахстане готовят высококвалифицированные кадры для экономики двух стран: [Электронный ресурс] // Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://static.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/48015/> (дата обращения: 14.12.2023).

Об авторах: САЛИКОВА Айша Бауыржановна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: aisha_salikova@mail.ru

About the authors: SALIKOVA Aisha Bauyrzhanovna – student, Saint Petersburg State University, e-mail: aisha_salikova@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА
ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ (НА ПРИМЕРЕ СНГ)**

Тихонова В.Р.

Тверской государственный университет, Тверь

**PROBLEMS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN EURASIA
SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE CIS)**

V.R. Tikhonova

Tver State University, Tver

Аннотация. Данная статья посвящена изучению ряда проблем в Евразийском пространстве в рамках такого интеграционного объединения как СНГ. В работе особый акцент сделан на причинно-следственные связи описываемых событий и их влияние на внутриорганизационную коммуникацию в целом. Особое внимание уделено таким событиям, как российско-грузинские конфликты 2006 и 2008 года, присоединение Крыма к России и санкционная политика Казахстана, как примеры проблем, которые затрудняют развитие стран в рамках организации и создают препятствия для межгосударственного сотрудничества.

Abstract. This article is devoted to the study of a number of problems in the Eurasian space within the framework of such an integration association as the CIS. In the work, special emphasis is placed on the cause-and-effect relationships of the described events and their impact on intra-organizational communication in general. Special attention is paid to such events as the Russian-Georgian conflicts of 2006 and 2008, the annexation of Crimea to Russia and the sanctions policy of Kazakhstan, as examples of problems that hinder the development of countries within the organization and create obstacles to interstate cooperation.

Ключевые слова: СНГ, Россия, международная организация, сотрудничество, интеграция, конфликт.

Keywords: CIS, Russia, international organization, cooperation, integration, conflict.

Автономия государства долгие столетия была важным условием для защиты своих интересов на международной арене, но с течением времени пришло понимание о том, что межнациональное сотрудничество – не только

необходимый фактор для поддержания мировой безопасности и стабильности, но и хорошая возможность для развития страны в разных сферах общества с помощью объединения сил и ресурсов с другими государствами на партнерских условиях, что и породило возникновение различных интеграционных образований.

Международные объединения, такие как Содружество Независимых Государств (СНГ), создаются с целью обеспечения взаимовыгодного сотрудничества между государствами-участниками. Созданное в 1991 году, СНГ призван быть платформой для регулирования вопросов между странами-бывшими республиками СССР. Основной целью организации является укрепление экономических, политических и культурных связей между государствами-участниками на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета [4]. Однако, на пути к достижению этой цели часто возникают проблемы, которые уже привели к замедлению интеграционных темпов внутри данной организации.

Один из таких случаев стал российско-грузинский шпионский конфликт конца сентября – начала ноября 2006 года, спровоцированный задержанием грузинскими спецслужбами российских военнослужащих по подозрению в шпионской деятельности и приведшее к ответным санкциям со стороны России [7]. К тому моменту взаимоотношения стран уже проблематично было назвать доверительными, так как напряжение между государствами началось еще в 80-е годы XX века, а доверие – значимое условие для успешной коммуникации. К этому добавились обвинения со стороны Грузии в адрес России в том, что она оказывает моральную, политическую, экономическую и военную поддержку сепаратистских устремлений самопровозглашённых государственных образований – Абхазии и Южной Осетии. «В первую очередь не согласны с министром иностранных дел России в том, что Грузия проводит антироссийскую политику. Президент Грузии не раз заявлял, что желает установить с Российской Федерацией добрососедские, равноправные и

партнерские отношения», – говорится в комментарии внешнеполитического ведомства Грузии [3].

Ответные действия РФ были быстрыми и жесткими – сведение дипломатических отношений между двумя странами до минимально возможного уровня, отзыв посла РФ, эвакуация дипломатического персонала и семей российских дипломатов и военнослужащих, перевод российских войск в Грузии на усиленное положение, прекращение любых видов транспортного и почтового сообщения между Россией и Грузией. Ситуация была натянутой, являясь угрозой дружественных взаимоотношений не только между двумя государствами, но и в рамках всего СНГ. Но в течение месяца конфликт был урегулирован, Грузия разъяснила свою сторону видения ситуации, 10 ноября 2006 года с поста был снят министр обороны Грузии Ираклий Окруашвили, известный своими резкими антироссийскими заявлениями и действиями. Таким образом, несмотря на имеющиеся противоречия и негатив в коммуникации, страны смогли найти компромисс в дипломатическом формате решения вопросов, сохранив возможность дальнейшего удачного взаимодействия как в двустороннем, так и в многостороннем формате.

Однако уже через год ситуация оказалась на пике конфронтации, спровоцировав российско-грузинский военный конфликт, так называемую «Пятидневную войну». Несмотря на то, что возникшее недопонимание было урегулировано в короткие сроки, СНГ «дало трещину»: вопреки намерениям Грузии Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, обвинения Грузии о развязывании конфликта Россией были дискредитированы докладом Международной комиссией Европейского союза по расследованию обстоятельств войны в 2009 году [1], и в этом же году Грузия вышла из СНГ, оставаясь при мнении, что в событии 08.08.08 Россия является виновницей в развязавшемся конфликте.

Данная ситуация стала победой для России и большим провалом для Грузии, которая, начиная с 2003 года, пыталась вступить в НАТО, и

столкновение с Россией свело эту возможность практически к нулю. Исходя из этого, можно сказать, что сотрудничество между странами было уничтожено, а авторитет СНГ для стран-участниц подорван: если два члена одной организации не поддерживают друга, а находятся в противостоянии, желая получить личную выгоду, вопрос о кризисе взаимодействия встает сам собой.

Еще одним примером проблематичной ситуации для интеграции в рамках СНГ является случай с Крымом, когда Россия вернула этот регион в свои территориальные владения в 2014 году [6]. Это действие вызвало шок и осуждение со стороны других государств-участников СНГ [8] и международного сообщества в целом [2]. С одной стороны, исторически полуостров Крым – принадлежавшая России территория и была таковой до 1954 года; с другой стороны, в рамках одной международной организации территориальный спор между двумя государствами является весомым препятствием для создания благоприятных условий коммуникации.

Если рассматривать коммуникацию России с Украиной в последнее время, то ни о каком сотрудничестве не может идти и речи. Со стороны Украины, Россия является агрессором и провокатором начала военного противостояния и вступления европейских стран в локальный конфликт. Со стороны России, СВО – защита своего суверенитета, своей независимости и отстаивание интересов с целью ответа НАТО [5]. Это событие взбудоражило не только регион, но и мировую общественность в целом, и на данный момент рано говорить об итогах и последствиях, но это на долгое время откололо Украину от Содружества.

Ситуация с еще одним крупным актором в данной интеграции – Казахстаном – стала ухудшаться с приходом нового президента – Касым-Жомарта Токаева. 28 сентября, после переговоров с канцлером Германии Олафом Шольцем, президент Казахстана заявил, что Астана будет придерживаться санкционного режима в отношении России. «Казахстан однозначно заявил, что будет следовать санкциям и имеет контакты с

соответствующими организациями по соблюдению санкционного режима. Каких-либо опасений немецкой стороны в отношении возможных действий, направленных на то, чтобы обойти санкционный режим, мне кажется, не должно быть», – [отметил](#) Токаев. При этом в его выступлении отмечено, что их государство придерживается курса всестороннего сотрудничества с Россией, а также не имеет опасений касательно территориальных притязаний с нашим государством, а стоит отметить, что с точки зрения геополитики, Россия и Казахстан имеют самую протяженную границу на евразийском континенте – 7599 км. Если рассматривать позицию Казахстана, то правительство переживает за введение санкций против их страны, что нанесет им серьезный урон, но подобного рода заявления ставят под сомнение успех внутриорганизационного взаимодействия, так как союзничество партнера с недружественной стороной может принести негативные последствия в сферах интеграции всего объединения.

Причинами подобных проблем в СНГ, как и во многих других международных объединениях, является недостаток согласованности внутри группы, различия в политических системах, интересах и приоритетах, разность внешнеполитических курсов. В последнее время серьезно нарушен механизм разрешения конфликтов и спорных ситуаций внутри интеграционного образования, что влечет за собой разлад, поэтому возникает мысль о том, является ли СНГ важной связующей единицей или же это – рудимент СССР, у которого мало шансов на существование.

В заключение, кризис интеграции в рамках международного объединения, такого как СНГ, создает серьезные проблемы для достижения его заявленных целей. Примеры конфликтных ситуаций в СНГ подчеркивают необходимость постоянного диалога между государствами-участниками, а также разработки эффективных механизмов для разрешения спорных и неоднозначных моментов. Только так можно восстановить и укрепить плодотворное сотрудничество в контексте международного объединения.

Список использованной литературы:

1. Доклад Тальявини: Грузия виновна, Россия вышла за «разумные границы» [Эл. ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20090930/187034322.html> (дата обращения: 01.11.2023);
2. Крым в составе России: Реакция мирового сообщества [Эл. ресурс] // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/41718-krym-v-sostave-rossii-reakciya-mirovogo-soobshchestva.html> (дата обращения: 03.11.2023);
3. МИД Грузии не считает, что власти проводят антироссийскую политику [Эл. ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20061005/54554134.html> (дата обращения: 01.11.2023);
4. О Содружестве Независимых Государств [Эл. ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1813264/ (дата обращения: 10.11.2023);
5. Путин назвал причины и задачи СВО на Украине [Эл. ресурс] // РИА Новости. URL: <https://crimea.ria.ru/20221222/putin-nazval-prichiny-i-zadachi-svo-na-ukraine-1126088326.html> (дата обращения: 03.11.2023);
6. Путь длиной в 240 лет. Как присоединяли и возвращали Крым [Эл. ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230419/krym-1865860925.html> (дата обращения: 03.11.2023);
7. Российско-грузинский шпионский скандал 2006 [Эл. ресурс] // Энциклопедия России. URL: <https://encyclopaedia-russia.ru/article/rossijsko-gruzinskij-shpionskij-skandal-2006/> (дата обращения: 12.11.2023);
8. С точки зрения соседей: Как страны бывшего СССР высказались по крымскому вопросу [Эл. ресурс] // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/03/21/reaction/> (дата обращения: 03.11.2023).

Об авторах: ТИХОНОВА Владислава Романовна – студент, Тверской государственный университет, e-mail: v.tihonova11117982@gmail.com

About the authors: TIKHONOVA Vladislava Romanovna – student, Tver State University, e-mail: v.tihonova11117982@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Вечернин Д.С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва

PROBLEM OF REGULATING FOOD SECURITY IN INTERNATIONAL LAW IN MODERN CONDITIONS

D.S. Vechernin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

Аннотация: в статье представлены результаты анализа регулирования института продовольственной безопасности в международном праве. Автором сформулированы предложения по совершенствованию терминологии, определены периоды развития и принципы дальнейшего регулирования продовольственной безопасности. Результаты исследования позволят актуализировать регулирование продовольственной безопасности на глобальном уровне и привести его в соответствие с существующими геополитическими реалиями.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the regulation of the institute of food security in international law. The author formulated proposals for improving terminology, defined periods of development and principles of further regulation of food security. The results of the study will make it possible to update the regulation of food security at the global level and bring it into line with existing geopolitical realities.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, международное право, ФАО, продовольственный суверенитет, продовольственная независимость, устойчивое развитие.

Keywords: food security, international law, FAO, food sovereignty, food independence, sustainable development.

Актуальность проблемы. Подготовка настоящего исследования обусловлена необходимостью решения глобальной проблемы голода и недоедания. Складывающаяся в настоящее время ситуация на мировом агропродовольственном рынке все больше обостряется и постепенно приобретает черты мирового продовольственного кризиса. Так, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН в 2022 году от голода страдало от 690 до 783 млн человек. Это на 122 млн больше, чем до пандемии COVID-19. В 2022 году круглогодичного доступа к безопасной и питательной пище в достаточных объемах не имели 2,4 млрд человек [15]. Эти данные свидетельствуют о том, что функционирование глобального продовольственного механизма недостаточно эффективно для более чем одной трети населения земного шара. Ситуацию в данной сфере усугубляют климатические изменения, разрыв логистических цепочек, усиление взаимных санкций, обострение конкуренции между основными странами-экспортерами агропродовольственной продукции. Отсутствие существенного прогресса в решении глобальной проблемы голода и недоедания требует не только повышения эффективности системы многостороннего управления в области обеспечения всемирной продовольственной безопасности, но и совершенствования международно-правового регулирования с учетом существующих реалий.

Исследовательская проблема. Обеспечение продовольственной безопасности на глобальном и национальном уровне в настоящее время является объектом преимущественно политологических и экономических исследований, в то время, как в работах юристов-международников изучению данной проблемы уделяется недостаточное внимание.

С учетом того, что изучение проблемы обеспечения продовольственной безопасности с точки зрения ее международно-правового регулирования является актуальным и востребованным направлением научных изысканий, автором в настоящей работе были поставлены следующие цели:

1. Проанализировать содержание понятия продовольственная безопасность и его соотношение с понятиями «продовольственная независимость» и «продовольственный суверенитет» с точки зрения регулирования в международном праве и национальном законодательстве;

2. Изучить научные подходы к периодизации международно-правового регулирования продовольственной безопасности;

3. Выработать международно-правовые принципы регулирования продовольственной безопасности на современном этапе.

Методология исследования. Основой методологии выступает материалистическая диалектика, которая позволила всесторонне рассмотреть объект исследования. Кроме того, применялись такие общенаучные методы познания как метод системного анализа, синтеза, прогностический, сравнительно-сопоставительный. Использование таких специальных методов познания, применяемых в юриспруденции, как историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический позволило адекватно исследовать объект и аргументировать полученные выводы.

Обзор литературы. Данное исследование основано, прежде всего, на анализе международно-правовых документов в сфере обеспечения продовольственной безопасности, а также научные труды таких ученых-международников, как: Л.П. Ануфриева [9], Ю.А. Валетова [1], Г.В. Игнатенко [8], А.Я. Капустин [4], О.Г. Карпович [5], А.П. Любимов [6], Н.А. Соколова [10], О.И. Тиунов [11], Г.И. Тункин [12,13], Г.Г. Шинкарецкая [7], А.В. Яковенко [14] и др.

Выводы. За последние полвека понятие продовольственной безопасности в международно-правовых документах постоянно эволюционировало, уточнялось и дополнялось от фактического наличия продовольствия до четырех основ продовольственной безопасности (наличие, доступ, использование и стабильность).

Полагаем, что наиболее полное и актуальное определение продовольственной безопасности содержится в Декларация всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 года [3].

Анализ термина «продовольственная безопасность» в существующих международно-правовых актах показал, что данное понятие является лишь ориентиром развития человечества, которое не описывает программу достижения этого ориентира: понятие «продовольственная безопасность» оставляет лицам, принимающим решения в данной сфере, пространство для маневра. В свою очередь, концепция продовольственного суверенитета предполагает стратегию достижения цели и использование определенного набора методов ее реализации.

По мнению автора, ключевая идея продовольственного суверенитета заключается в независимости органов государственной власти государства в проведении такой социально-экономической политики, при которой достигается самообеспечение страны основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

Суть «продовольственной независимости» заключается в самообеспечении государства основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и готовой пищевой продукции.

В рамках данного исследования предложена гипотеза о том, что в современных условиях продовольственная независимость является важным условием достижения продовольственного суверенитета и продовольственной безопасности.

Указанная гипотеза нашла подтверждения в ходе изучения международно-правовых документов, принятых на уровне Содружества

Независимых Государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

С учетом остроты продовольственной проблемы и отсутствия существенного прогресса в решении глобальной проблемы голода и недоедания предлагается уточнить содержание понятия «продовольственная безопасность» в действующих международно-правовых актах как состояния, при котором в государстве обеспечивается социальный, физический и экономический доступ к продуктам питания для населения в количестве, необходимом для активного и здорового образа жизни, преимущественно за счет внутреннего производства основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Автор с учетом проведенного анализа предлагает выделить шесть важнейших этапов международно-правового регулирования продовольственной безопасности (в период с 1974 года по настоящее время), в том числе период реализации Повестки дня в области устойчивого развития (2015-2019 гг.) и современный этап, начавшийся в 2020 г. [2].

Проведенный анализ показал, что развитие международно-правового регулирования продовольственной безопасности на современном этапе должно основываться на следующих принципах:

— всемирная продовольственная безопасность достигается с учетом опыта международно-правового регулирования в данной сфере, в том числе в рамках Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г.;

— государства обязаны сотрудничать и учитывать интересы друг друга в деле обеспечения всемирной продовольственной безопасности;

— недопустимо введение рестриктивных мер в отношении продовольствия и используемых для его производства промышленных товаров, имеющее целью политическое давление и создающее предпосылки для голода и недоедания;

— продовольственная безопасность на глобальном, региональном и национальном уровне может достигаться в том числе за счет

продовольственного суверенитета государств в условиях влияния внутренней и внешней конъюнктуры рынка.

Список использованной литературы:

1. Валетова Ю.А. Этапы развития международно-правового сотрудничества государств в обеспечении всемирной продовольственной безопасности // Наука и современность. 2011. № 13-3. С. 186-190.
2. Вечернин Д. С. Проблема периодизации международно-правового регулирования продовольственной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 9. С. 157–165.
3. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Принята 16 ноября 2009 года
URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 18.11.2023).
4. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. - 2014. - № 7. - С. 5-19.
5. Карпович О.Г. Глобальные проблемы и международные отношения. М.: Юнити-Дана : Закон и право, 2014. 503 с.
6. Любимов А.П. Доктринальные подходы к продовольственной безопасности России: прошлое и настоящее // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). 2019. - № 4. С. 4-35.
7. Международное право: учебник / Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. - М.: Юристъ, 2003.
8. Международное право: учебник для вузов / Отв. ред. д. ю. н., проф. Г.В. Игнатенко и д.ю.н., проф. О.И. Тиунов. 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА, 2006.
9. Международное публичное право: Учебник. / Л. П. Ануфриева [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2011.
10. Соколова Н.А. Изменение климата: развитие международно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 12. С. 177 - 184.
11. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник. 2-е изд., перераб. - М.: Норма, 2009.
12. Тункин Г.И. Создание всеобъемлющей системы международной безопасности и международное право // XXX ежегодное собрание Советской

ассоциации международного права 28, 29, 30 января 1987 г. Тезисы докладов. М., 1987.

13. Тункин Г.И. Теория международного права. Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. - М.: Изд-во Зерцало, 2006.

14. Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция: монография. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2023.

15. The State of Food Security and Nutrition in the World (SOFI). Rome, 2023. 316 p. URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc3017en> (дата обращения: 08.12.2023).

Об авторах: ВЕЧЕРНИН Денис Сергеевич – кандидат юридических наук, руководитель проекта Центра управления изменениями Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: d.vechernin@yandex.ru

About the authors: VECHERNIN Denis Sergeevich – Ph.D. (Law), Project Manager of Change Management Center Kutafin Moscow State Law University (MSAL), e-mail: d.vechernin@yandex.ru

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
БРАЗИЛИИ**

Гуляева Е.Е.

Дипломатическая академия МИД России (г. Москва)

**THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW IN THE BRAZILIAN LEGAL
SYSTEM**

E.E. Gulyaeva

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Публикация имеет целью изучение роли международного права в правовой системе Бразилии. Подробно проанализировано содержание положений Конституции Федеративной Республики Бразилия о месте норм международного права в правовой системе Бразилии, рассмотрен теоретический вопрос о соотношении внутригосударственного и международного права с точки зрения дуалистической и монистической теории. Автор приходит к выводу, что Бразилия в целом занимает умеренную монистическую позицию и по-прежнему существует некоторая правовая неопределенность, и она будет сохраняться вероятно до обобщения и анализа судебной практики.

Abstract. The publication aims to study the role of international law in the Brazilian legal system. The content of the provisions of the Constitution of the Federative Republic of Brazil on the place of international law in the legal system of Brazil is analyzed in detail, and the theoretical issue of the relationship between domestic and international law from the point of view of dualistic and monistic theory is considered. The author comes to the conclusion that Brazil as a whole takes a moderate monistic position and there is still some legal uncertainty, and it will probably remain until the generalization and analysis of judicial practice.

Ключевые слова: Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года, Конституция Бразилии от 1988 года, ратификация международных договоров, права человека, национальная правовая система, судебная система, доктрина международного права.

Keywords: Vienna Convention on the Law of Treaties 1969, Brazilian Constitution of 1988, ratification of international treaties, human rights, national legal system, judicial system, doctrine of international law.

Международное право, основными источниками которого являются соглашения и международные конвенции, все чаще присутствует во внутренних делах, поэтому трудно представить область национального права, которая не была бы каким-либо образом затронута стандартами, налагаемыми соглашениями. Но то, как и в какой степени международное право будет применяться внутри страны, будет зависеть от того, как государства соблюдают свои международные обязательства. Поэтому важно знать, как государства придают своим соглашениям внутреннюю юридическую силу. Теоретический вопрос о соотношении внутригосударственного права и международного права обычно ставится на основе дуалистической (или плюралистической) и монистической теорий, которые, однако, не могут всесторонне охватить все аспекты этого соотношения. Конституция Федеративной Республики Бразилии, хотя и косвенно, признает международные соглашения как часть внутреннего законодательства, но оставляет без ответа важные аспекты, связанные с их применением. Таким образом, судебная система Бразилии столкнулась с критическими проблемами, касающимися влияния соглашений на национальное право, особенно в отношении их продолжительности, последствий и иерархического положения. Несмотря на решения бразильского суда, юридическая неопределенность по этому вопросу сохраняется.

Международные договоры, подписанные Бразилией, включаются в правовую систему Бразилии после того, как их текст одобрен Конгрессом, а затем ратифицирован и принят президентом. Затем они публикуются в Официальном вестнике (*Official Gazette*). Международные договоры, затрагивающие вопросы прав человека, считаются имеющими ту же силу, что и Федеральная конституция. Договоры, регулирующие вопросы налогообложения, имеют ту же силу, что и дополнительные законы, а все другие договоры и конвенции приравниваются к обычным законам.

Международный договор, включенный в правовую систему Бразилии, отменяет существующий закон той же иерархии, касающийся того же предмета. Если после того, как международный договор станет законом, будет принят закон равной иерархии и предмета, новый закон заменит договор. Это может произойти даже до того, как Бразилия официально выйдет из договора.

В Бразилии дуалистическую итальянскую доктрину продвигал Амилкар де Кастро, согласно которому «договор не является законом, это международный акт, который обязывает народ и правительство во внешних отношениях, а не во внутренних делах» [1].

В целом регулирование, установленное Конституцией Федеративной Республики Бразилия от 1988 года (CFRB), свидетельствует о том, что значительная часть сценария интернализации договоров в правовой порядок Бразилии основана на нормах обычного права, возникших в результате обычая, закрепленного на практике внутри страны. Важно подчеркнуть, что Бразилия, спустя почти четыре десятилетия с момента подписания, в 2009 году наконец ратифицировала Венскую конвенцию 1969 года о праве международных договоров», и теперь она полностью применима в Бразилии.

Процедура интернализации международных договоров может различаться в некоторых аспектах в зависимости от их объекта, но в начале и в конце процедуры всегда будет обязательное участие Президента. Процедура начинается с переговоров между участвующими сторонами и подписания окончательного варианта акта, осуществляемого Президентом или назначенным им полномочным представителем, поскольку в соответствии со статьей 84 VIII CFRB Президент обладает исключительными полномочиями «заключать международные договоры, конвенции и *ad referendum* до Национального конгресса». После подписания договора Президент представляет его Национальному конгрессу посредством президентского послания» [2].

В статье 49 I CFRB установлено, что Национальный конгресс обладает исключительной юрисдикцией «принимать окончательные решения по

международным договорам, соглашениям или действиям, которые могут потенциально идти вразрез с национальными интересами». В этом пункте существует явное противоречие между текстом цитируемой позиции и уже упомянутой статьей 84 VIII, поскольку одна требует одобрения Национальным Конгрессом любого и каждого договора, а другая приписывает Национальному Конгрессу только признание договоров, которые налагают обязательства или ведут к причинению вреда национальным интересам.

Несоответствие текста обоих документов на практике сохраняло полномочия Президента по подписанию так называемых «исполнительных соглашений», которые не нуждаются в законодательном подтверждении. Это законодательное вмешательство, закрепленное в конституциях большинства штатов, имело целью демократизацию внешних отношений, признавая, что власть с теоретически более народным представительством, особенно если рассматривать монархические государства, интегрирует эту процедуру» [3].

Задержка с ратификацией, вызванная сложной процедурой заключения договора, а в случае Бразилии – текстом статьи 49 I Конституции Бразилии, привела к распространению так называемых исполнительных соглашений. Таким образом, двойная процедура, с согласия Законодательного собрания, была сохранена для более сложных вопросов, которые действительно приводят к обременению или вредному для национальной безопасности обязательству. По словам Паулы Алмейды, «в настоящее время большинство договоров заключается в соответствии с упрощенной процедурой, исключая участие законодательной власти и, как следствие, необходимость ратификации».

Как правило, эти договоры являются предметом исключительной юрисдикции исполнительной власти, но отсутствие контроля сделало возможным то, что в Бразилии 80% международных актов принимаются только исполнительной властью, затрагивая даже вопросы большой сложности [3]. Теоретически должна следовать обычная процедура ратификации с участием законодательной власти. В этих случаях простое

подписание договора Президентом или его полномочным представителем ограничивает государство в соответствии со статьей 12 Венской конвенции о праве международных договоров. Национальный конгресс, соглашаясь на ратификацию договора, рассматривает его большинством голосов присутствующих, в ходе отдельных опросов в Палате и Сенате, не имея возможности изменить текст международного акта, имея возможность лишь одобрить или отклонить его.

Решение публикуется законодательным декретом, обнародованным Президентом Национального конгресса, и разрешает ратификацию или присоединение к договору Бразилии [4]. На следующем этапе двойной процедуры законодательный орган руководствуется Венской конвенцией о праве международных договоров. Он заключается в проявлении окончательного согласия на обязательность договора. Как правило, это реализуется путем ратификации или присоединения к договору, обязательно подписанному главой государства, главой правительства, министром иностранных дел или полномочным представителем». В Бразилии развернулась давняя доктринальная дискуссия о необходимости ратификации Президентом международных договоров. В настоящее время большая часть доктрины признает, что ратификация является частным (личным) и дискреционным актом Президента [2]. Еще один важный спор, возникший на этом конкретном этапе, связан с возможностью Президента ратифицировать договоры, которые создают обязательства перед штатами, округами и федеральными властями округа, поскольку, согласно статье 1 Конституции Бразилии, государство организовано в форме Федеративной Республики, в результате чего каждое образование федерации имеет свою собственную сферу полномочий. Особенно проблематичным был вопрос о ратификации договоров Союзом, что привело к освобождению от налогов, которые находились под юрисдикцией другого образования, поскольку статья 151, III, Конституции Бразилии запрещает Штатам «устанавливать освобождения от налогов в пределах полномочий штатов, федерального округа или

муниципалитетов». Вопрос о возможности ратификации договора, который привел к гетерономному исключению, теоретически запрещенному вышеупомянутой статьей, был проанализирован Верховным федеральным судом по решению Чрезвычайной апелляции (RE) № 229.096-0/RS35 от 16.08.2007. В этом случае действительность/применимость статьи III.2 Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) к делу **sub judice** была поставлена под сомнение на том основании, что статья регулирует вопрос, который находится в исключительной юрисдикции государств-участников Федерации. Налог на оборот товаров и на оказание услуг межгосударственного и межмуниципального транспорта и услуг связи (ICMS) - в государственной юрисдикции. По мнению авторов иска, приведенное постановление противоречит статье 151.III Конституции Бразилии 1988 года, которая запрещает Союзу, одному из административных образований Бразилии, устанавливать освобождения от налогов, находящихся в юрисдикции штатов, федерального округа или муниципалитета.

Следует подчеркнуть, что в Бразилии обнародование и публикация президентского указа необходимы для начала действия международного договора внутри страны. Хотя традиционная классификация между монистическими и дуалистическими государствами утратила часть своего смысла из-за сложности практической категоризации государств, можно сказать, что Бразилия в целом занимает умеренную монистическую позицию. Таким образом, при возникновении конфликта между международным договором, не касающимся прав человека, и обычным правом, будет считаться, что оба имеют одинаковую иерархию. Договоры о правах человека имеют особый режим. После утверждения в соответствии с конституционным порядком, установленным конституционной поправкой, они будут иметь конституционную иерархию, объединяющую контроль над законом и другими международными договорами. За исключением этих случаев, есть несколько случаев, когда признается абсолютное преобладание международного права – дела о налогах, экстрадиции и так называемых договорных договорах – дела,

связанные с договорами перевозки в целом, в соответствии со статьей 732 Гражданского кодекса Бразилии. Даже после внесения конституционной поправки 45/2004 и ратификации Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров в 2009 году, по-прежнему существует некоторая правовая неопределенность по этому вопросу, и она будет сохраняться вероятно до обобщения и анализа судебной практики.

Список использованной литературы:

1. Castro A., Amilcar de. *Direito Internacional Privado*. 3^aed, Rio de Janeiro: Forense, 1977.
2. Tiburcio C. *Temas de Direito Internacional*. Rio de Janeiro: Renovar, 2006.
3. Almeida P. W. A tendência de conclusão dos acordos em forma simplificada: evolução e prática brasileira. Assunção, Paraguai. *Revista da Secretaria do Tribunal Permanente de Revisão*, vol.1, 2003.
4. Aust A., *Modern Treaty Law and Practice*. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Об авторах: ГУЛЯЕВА Елена Евгеньевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: gulya-eva@yandex.ru

About the authors: GULYAEVA Elena Yevgenyevna - PhD (Law), Associate Professor, Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, e-mail: gulya-eva@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТЮРКСКИХ
ГОСУДАРСТВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И
ЮЖНОГО КАВКАЗА**

Обидов М.М.-у.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF TURKIC STATES IN
CENTRAL ASIA AND SOUTH CAUCASUS**

M.M.-u. Obidov

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: в статье исследуется международно-правовое взаимодействие тюркских государств Центральной Азии с Азербайджаном, расположенным на Южном Кавказе. За последние годы сотрудничество интенсифицировалось в рамках ряда международных платформ сотрудничества, среди которых Организация тюркских государств, Организация экономического сотрудничества, СПЕКА и иные.

Abstract. The article studies the international legal interaction between Turkic states of Central Asia and Azerbaijan, located in the South Caucasus. In recent years, cooperation has intensified within the framework of a number of international cooperation platforms, including the Organization of Turkic States, the Economic Cooperation Organization, SPECA and others.

Ключевые слова: Организация, сотрудничество, взаимодействие, государство, экономика, политика, договор, декларация.

Keywords: Organization, cooperation, interaction, state, economy, politics, treaty, declaration.

В настоящее время, на политической карте мира существуют шесть тюркских государств, из которых четыре расположены в Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан и два за его пределами. На Южном Кавказе Азербайджан, на полуострове Малая Азия – Турция. Если же Турция имеет достаточно амбициозные планы на усиление своих региональных позиций, то остальные тюркские государства последние два-три

года активизировали сотрудничество в рамках многих многосторонних форматов, что показывает интенсифицированную динамику кооперации между ними и перспективность углубления дальнейшего сотрудничества.

Необходимо отметить, что после распада СССР, на политической карте мира образовались государства с преобладанием тюрко-говорящего населения, исповедующего единую религию и обладающего культурные и исторические корни. Данные факторы не могли быть проигнорированы, в результате чего уже в 1992 году в г.Стамбуле главы Азербайджана, Турции, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана собрались в первом саммите, который ознаменовал собой новую эпоху сотрудничества тюркских государств.

Государства бывшего СССР стремились диверсифицировать свою внешнеэкономическую деятельность, усилить позиции и активизировать всестороннее сотрудничество. Несмотря на достаточно многообещающий старт, интеграционные процессы между тюркскими государствами развивались достаточно медленно, что обуславливалось политикой государств, в частности, Узбекистана, обособившегося от ряда международных форматов сотрудничества, среди которых неформальный диалог тюркских государств. [3]

В 2009 году была принята Нахичеванская декларация, подписанная одноименном азербайджанском городе. Декларация призвала тюркские страны сотрудничать с социальной, культурной и иной сферах для создания единого этно-культурного пространства в целях сближения народов посредством ряда инициатив, предложений, которые нашли свое отражение в вышеуказанной декларации. Декларация учредила Тюркский совет – неформальную платформу сотрудничества, в рамках которой главы государств периодически встречались в одном из городов-участников данного Совета. [1]

Вплоть до 2019 года, когда Тюркский совет развивался относительно равномерно. В том же году Узбекистан присоединился к Совету, после чего взаимодействие тюркских государств активизировалось, а перечень вопросов

сотрудничества расширились, что не могло не привести к тому, что будет образована международная межправительственная организация.

В 2021 году главы Тюркского совета в ходе очередного саммита, состоявшегося в г.Стамбуле, приняли учредительный документ новой организации. С этого года в рамках ОТГ были приняты десятки соглашений по различным направлениям, каждая из которых представляет особую значимость в контексте углубления кооперации между государствами организации. Соглашения охватывают политическое, торгово-экономическое, социально-культурное, военно-техническое направлений и множество других направлений. [4]

Столь широкий спектр направлений во многом коррелирует с вопросами в рамках других организаций на пространстве государств Организации тюркских государств, и, более того, по нескольким другим вопросам, сферам, вызывает правовые вопросы, дискурсы.

Примечательно, что в системе права международных отношений международные организации классифицируются на неправительственные и межправительственные. Межправительственные организации являются разновидностью многостороннего межгосударственного сотрудничества. Как правило, межправительственной организации предшествует неформальное сотрудничество, что можно проследить на примере других международных организаций.

С другой стороны, в настоящее время, в рамках ОТГ и форматах взаимодействий в рамках государств-участников организации обсуждаются проекты соглашений об углублении сотрудничества в отдельных областях.

Правосубъектность организации обуславливается тем, что она может заключать международные соглашения с другими субъектами международного права на примере двусторонних соглашений ЕАЭС с отдельными государствами по преференциальной торговле, о зоне свободной торговли. Организация вправе заключать международные соглашения по сфере своей деятельности и в том объеме, который соответствует ее целям и

задачам, определенных государствами-учредителями в соответствующем уставном документе [5].

При этом, важно отметить, что ОТГ не является таможенным объединением, а лишь международной межправительственной организацией, в связи с чем, наличие правовых коллизий по вопросам регулирования таможенной территории и таможенных границ исключается. Организация имеет более десятка целей в различных сферах, по каждой из которых предусматриваются инициативы для налаживания взаимодействия между государствами-участниками.

С другой стороны, ОТГ, как отмечалось ранее, является международной межправительственной организацией с наличием постоянно действующих органов, штаб-квартиры и учредительного акта, тогда как до ОТГ предшествовал формат «Тюркский совет», который не являлся юридически международной межправительственной организацией, а лишь форматом сотрудничества тюркских государств. [7]

Государствами-участниками организации на сегодняшний день являются Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция и Узбекистан.

Государствами-наблюдателями являются Венгрия и Туркменистан. Примечательно, что в участии деятельности организации задействованы четыре Центрально-азиатских государства и одна республика Южного Кавказа – Азербайджан, также одно государство Европейского союза – Венгрия.

Примечательно, что Туркменистан, провозгласивший государственный нейтралитет, на данном этапе не намерен вступать в организацию, впрочем, как и в состав других международных межправительственных организаций, ограничиваясь либо статусом государства-наблюдателя, либо участием во встречах, отдельных вопросах в рамках организаций в порядке ad hoc, то есть в конкретном случае, отвечающем ее интересам и по определенному вопросу, который необходимо разрешить. [8]

Интеграционные процессы в рамках Организации тюркских государств имеют тенденцию к всестороннему углублению, что подтверждается насыщенной программой сотрудничества (еженедельно проходят различные мероприятия в городах государств-участников). В этой связи, необходимо продолжить исследование многочисленных аспектов дальнейшего развития организации, ее механизмов по налаживанию межгосударственного взаимодействия.

3 ноября 2023 года состоялся очередной саммит глав государств ОТГ в Казахстане, в ходе которого были приняты свыше 10 документов, которые подчеркивают уровень интенсификации сотрудничества тюркских государств в рамках многостороннего института.

Структурно ОТГ состоит из нижеследующих наднациональных органов: Секретариат, Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Совет старейшин (аксакалов), Совет генеральных прокуроров, Парламентская ассамблея (TURKPA), Международная Тюркская академия, Международная организация тюркской культуры, Совет конституционных судов.

Другой международной платформой сотрудничества является Организация экономического сотрудничества, которая была образована в 1985 году в соответствии с Измирским договором, подписанным в одноименном турецком городе между Ираном, Пакистаном и Турцией. В настоящее время, государствами-участниками организации являются все государства ОТГ. [9]

Последний саммит организации прошел в 2023 году в столице Узбекистана, г. Ташкенте. В рамках организации обсуждаются и иницируются проекты, программы сотрудничества в торгово-экономической, инвестиционной сферах. В последние годы в рамках организации обсуждаются вопросы диверсификации торгово-экономических маршрутов через территории государств-участников.

Еще одной платформой сотрудничества является Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии, называемой СПЕКА.

Программа была учреждена 26 марта 1998 года на основе Ташкентской декларации. [2]

Подписантами Декларации помимо глав государств Центральной Азии стали Исполнительные секретари Европейской экономической комиссии ООН, Экономической комиссии ООН для Азии и Тихого океана. Программа призвана улучшить социально-экономическое положение в государствах региона, диверсифицировать их национальные экономики посредством совместных инициатив. Программа нацелена на содействие ООН и ее представительств в вопросах по торгово-экономическому взаимодействию государствами. Последний саммит глав государств-участников программы состоялся в столице Азербайджана, городе Баку в 2023 году.

В ближайшее время может быть создана межрегиональная платформа сотрудничества Центральная Азия - Южный Кавказ. С такой инициативой выступил министр иностранных дел Кыргызстана Руслан Казакбаев на встрече с главой МИД Азербайджана Джейхуном Байрамовым в Баку в 2023 году. Активизация сотрудничества между государствами Центральной Азии, в особенности с тюркскими и Азербайджаном, способствует развитию сотрудничества и в рамках других платформ сотрудничества. Предложенный главой МИД Кыргызстана новый формат свидетельствует о стремлении развивать межрегиональный диалог. Данный формат в будущем может стать одним из перспективных наряду с Организацией тюркских государств, так как Центральная Азия и Южный Кавказ имеют много общего и обладают взаимной заинтересованностью в торгово-транспортных коридорах, увеличении взаимных товарооборотов и взаимодействовать в других направлениях. [6]

Таким образом, сотрудничество между тюркскими государствами Центральной Азии и Азербайджаном, расположенном в Южном Кавказе, а также с Турцией в том числе, динамично развивается, результатом чего является активизация взаимодействия в рамках различных форматов сотрудничества, такие как Организация тюркских государств, Организация

экономического сотрудничества, Специальная программа ООН для государств Центральной Азии. В настоящее время, обсуждается создание нового формата Центральная Азия и Южный Кавказ. Перечисленные форматы сотрудничества являются разновидностью международно-правового взаимодействия, основанного на договорной базе, и регламентируются соответствующими договоренностями государств-подписантов.

Список использованной литературы:

1. Нахчиванская декларация об учреждении Совета сотрудничества тюркоговорящих государств. / Официальный сайт Организации тюркских государств [электронный ресурс] – URL: <https://turkicstates.org/assets/dokuman/Nahngilizce1.pdf> (дата обращения 29.11.2023г.)
2. Ташкентская декларация о специальной программе ООН для Центральной Азии (СПЕКА) / Официальный сайт ООН [электронный ресурс] – URL: https://unecsc.org/DAM/SPECA/documents/tashkent/tashkent_declaration.pdf (дата обращения 30.11.2023г.)
3. Аватков, В. А. Тюркский мир и тюркские организации / В. А. Аватков // Мировая политика. – 2018. – № 2. – С. 11-25. – EDN XSLFQT.
4. Гафаров, О. Э. Становление организации тюркских государств и основные направления развития сотрудничества / О. Э. Гафаров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2023. – Т. 12, № 3(49). – С. 232-247. – DOI 10.35775/PSI.2023.49.3.011. – EDN CBDXLR.
5. Дмитриева, Г. С. Центральная азия и Закавказье в евразийской интеграции / Г. С. Дмитриева // Конкуренция хозяйственных систем евразийского и западно-европейского типа : Сборник научных статей по итогам VIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 228-234. – EDN BVLXYN.
6. Казанцева, Е.В. Центральная Азия и Закавказье как геостратегический комплекс / Е.В. Казанцева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.- 2011.- №2.- С. 20-27.- URL: <https://rucont.ru/efd/425721> (дата обращения 28.12.2023г.)

7. Сман, А. О некоторых аспектах создания и деятельности Организации Тюркских государств / А. Сман, М. А. Дусанбекова, Н. Б. Гахарманова // Danish Scientific Journal. – 2022. – № 65. – С. 17-22. – DOI 10.5281/zenodo.7270335. – EDN KOYQVC.
8. Толстых, В. Л. Центральная Азия международное право: факторы, проблемы, перспективы / В. Л. Толстых // Закон. – 2022. – № 8. – С. 42-59. – DOI 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59. – EDN PUTYGJ.
9. Yusupov, M. Organizational, legal, economic and political aspects of diplomatic relations between Turkey and Central Asia / M. Yusupov // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2020. – No. 7(9). – P. 53-61. – DOI 10.5281/zenodo.3841983. – EDN RYBSLX.

Об авторе: ОБИДОВ Муродуллозхон Маруфжон угли – аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, e-mail: obidov_9797@bk.ru

About the author: OBIDOV Murodullozhon Marufjon ugli – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: obidov_9797@bk.ru

**КОДИФИКАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА**

Савельева Н.В.

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
Москва

**CODIFICATION AS THE PATH TOWARDS DEVELOPMENT OF
INTERNATIONAL SPACE LAW**

N.V. Savelyeva

Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Аннотация: Представлены результаты исследования новых подходов и предложений по улучшению нормативно-правового регулирования космической деятельности государств. Приведено обоснование целесообразности кодификации системы норм международного космического права и сформулированы рекомендации относительно практической реализации предложенной концепции улучшения правовой среды космической деятельности, с учетом национальных интересов России при освоении космического пространства.

Abstract. Results of a study of new approaches and proposals for progressive development of legal aspects of international space activities of the states are presented. Rationale for codification of the International Space Law is given. Recommendations on practical implementation of the proposed approach of improving the legal environment of space activities are presented, considering the Russian Federation national interests related to outer space exploration.

Ключевые слова: мирное использование космоса, космическое право, договоры по космосу, кодификация космического права.

Keywords: peaceful use of outer space, space law, space treaties, codification of space law.

Действующие пять договоров по космосу носят системный характер, но не покрывают все отношения между субъектами и все виды деятельности, связанные с исследованием и использованием космического пространства и небесных тел.

Систему источников космического права можно условно разделить на две подсистемы, схематически показанные на Рисунке 1. Первая включает нормы, связанные с мирным использованием космоса, отраженные в пяти договорах по космосу и ряде документов. Важно отметить, что все универсальные юридически-обязательные договоры данной подсистемы приняты до 1980 года, после чего наблюдается устойчивая тенденция отказа от юридически обязательных документов в пользу рекомендательных. Вторая подсистема включает нормы по контролю над вооружениями в космосе, зафиксированные в форме дву- и многосторонних договоров между ведущими ядерными державами, а также в двух конвенциях. Здесь также наблюдается тенденция отказа от юридически-обязательных договоров в пользу норм «мягкого права» после 2000 года.

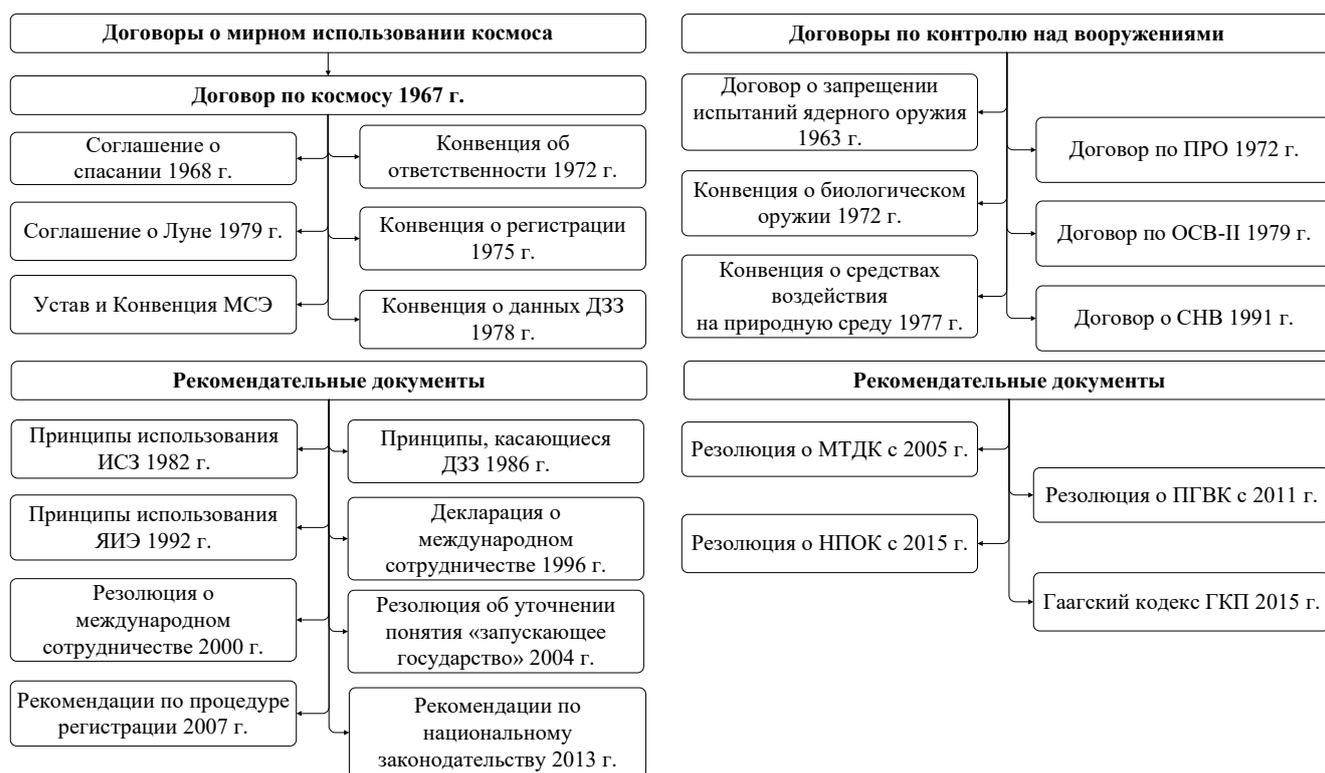

Рисунок 1 – Система норм международного космического права (составлено автором)

Необходимость реформы космического права признается мировым сообществом [1, 2, 3]. Ниже описана одна из концепций такой реформы, подразумевающая системный пересмотр и кодификацию норм космического

права в опоре на действующие принципы и нормы международного права, отраженным в том числе в Уставе ООН. Предлагаемая концепция является альтернативой «западного» подхода введения в международную практику «правил» путем их фиксации в документах «мягкого права».

Необходимость «пакетного» пересмотра действующих договоров по космосу была многократно озвучена на заседаниях Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС). К примеру, в 1998 году Германией от имени 19 европейских государств вынесено на рассмотрение юридического подкомитета КОПУОС предложение о необходимости совершенствования норм международного космического права ввиду того, что *«космическое право в целом стало раздробленным и труднодостижимым, а в некоторых областях и непоследовательным»* (Документ ООН A/АС.105/С.2/L.211/Rev.1).

В 2000 г. Российская Федерация представила на рассмотрение Юридического подкомитета КОПУОС предложение о включении нового пункта повестки дня в работу сессий подкомитета, касающегося разработки всеобъемлющей Конвенции ООН по космическому праву, аналогично действующей Конвенции ООН по морскому праву (Документ ООН A/АС.105/С.2/L.220).

В 2001 г. делегациями Китая, Колумбии и России было внесено предложение о создании рабочей группы открытого состава для рассмотрения указанного предложения (Документ ООН A/АС.105/С.2/L.226)

В 2002 г. Российская Федерация вновь внесла предложение о включении вопроса целесообразности и желательности разработки универсальной всеобъемлющей конвенции по международному космическому праву в повестку дня ЮП КОПУОС (Документ ООН A/АС.105/С.2/L.236)

В 2003 г. предложение было внесено вновь, уже при поддержке делегаций Греции, Китая, Российской Федерации и Украины (Документ ООН A/АС.105/805)

В 2004 г. Российской Федерацией был представлен на рассмотрение рабочей группы по обзору статуса и применения пяти договоров ООН по космосу рабочий документ под названием «Вопросник относительно перспектив дальнейшего развития космического права» (Документ ООН A/АС.105/С.2/Л.259)

В 2012 г. и далее Россия вносила предложения о разработке универсальной конвенции (Документ ООН A/АС.105/С.2/Л.287. Пункт 45) и представила рабочий документ с проектом такой конвенции. (Документ ООН A/АС.105/917).

Несмотря на общее согласие относительно необходимости совершенствования международной нормативно-правового регулирования космической деятельности, представители различных государств расходятся во мнении о правовой форме, в которую должен быть облечен соответствующий документ.

Россия, Китай и некоторые другие государства настаивают на необходимости разработки и имплементации юридически-обязательных норм, облаченных в форме единого кодифицирующего нормативного акта, например, универсальной конвенции.

Представители западных стран высказывают опасения, что разработка единого кодифицирующего акта приведет к разрушению действующей системы правового регулирования космической деятельности.

Несостоятельность такой позиции была показана еще во времена СССР, в работах Советского ученого-правоведа Каменецкой [1] в опоре на международную практику применения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая никоим образом не отменяет и не ущемляет действие Женевских конвенций 1958 г.

На уровне ООН вопросы мирного использования космоса входят в компетенцию Управления ООН по космосу, в составе которого функционирует КОПУОС, включающий два подкомитета: технический и юридический.

Проведено исследование повестки дня юридического подкомитета за последние 60 лет, с 1963 по 2023 год. Данные взяты из итоговых отчетов подкомитета, которые после каждой сессии подлежат утверждению Генеральной ассамблеей ООН. По итогам анализа 60 отчетов был сформирован список вопросов повестки дня юридического подкомитета, который представлен в Таблице 1 ниже.

Таблица 1 – Вопросы повестки дня юридического подкомитета КОПУОС (составлено автором)

	Формулировка вопроса, либо полное название документа
	Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1963 года
	Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство
	Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами
	Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела
	Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство
	Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах
	Практическое использование космоса и небесных тел, включая сложности космической связи, после 1968 года – «Принципы использования искусственных спутников Земли для непосредственного телевизионного вещания»
	«Принципы дистанционного зондирования Земли из космоса»

	<p>Определение космического пространства. После 1978 г. «...с учетом геостационарной орбиты». После 1985 г.: «вопросы, касающиеся определения и делимитации космического пространства и характера использования геостационарной орбиты, включая рассмотрение путей и средств обеспечения рационального и справедливого использования ГСО без ущерба для роли МСЭ»</p>
0	<p>Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Пересмотр принятого документа после 1993 г.</p>
1	<p>Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран</p>
2	<p>Статус и применение пяти договоров ООН по космосу</p>
3	<p>Информация о деятельности ММПЮ, имеющей отношение к космическому праву</p>
4	<p>Пересмотр статуса пяти договоров по космосу</p>
5	<p>Пересмотр концепции «запускающее государство»</p>
6	<p>Проект протокола к Конвенции о международных гарантиях в отношении передвижного оборудования (Кейптаун, 2001)</p>
7	<p>Исполнение рекомендаций ЮНИСПЕЙС-III</p>
8	<p>Практика регистрации космических объектов государствами и международными организациями</p>
9	<p>Создание потенциала в области космического права</p>

0	О национальном законодательстве, имеющем отношение к исследованию и использованию космического пространства в мирных целях
1	О национальных механизмах, имеющих отношение к принятию мер по предупреждению образования космического мусора. Начиная с 2017 г.: «О юридических механизмах, имеющих отношение к принятию мер по уменьшению засорения и засоренности космического пространства»
2	О юридически необязательных документах ООН по космосу
3	О международных механизмах сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях
4	О правовых аспектах управления космическим движением
5	О применении международного права в отношении использования малых спутников
6	О возможных механизмах регулирования деятельности по исследованию (с 2022 г. «освоению») и использованию космических ресурсов
7	Будущая роль и методы работы комитета

На Рисунке 2 приводится сводная карта повестки дня подкомитета, где в крайнем левом столбце указан номер вопроса из Таблицы 1, а по горизонтали – год рассмотрения. Серым цветом выделены годы, в которые рассматривался заданный вопрос повестки дня. Черным указан год, когда по заданному вопросу принят итоговый документ, юридически-обязательный или рекомендательный.

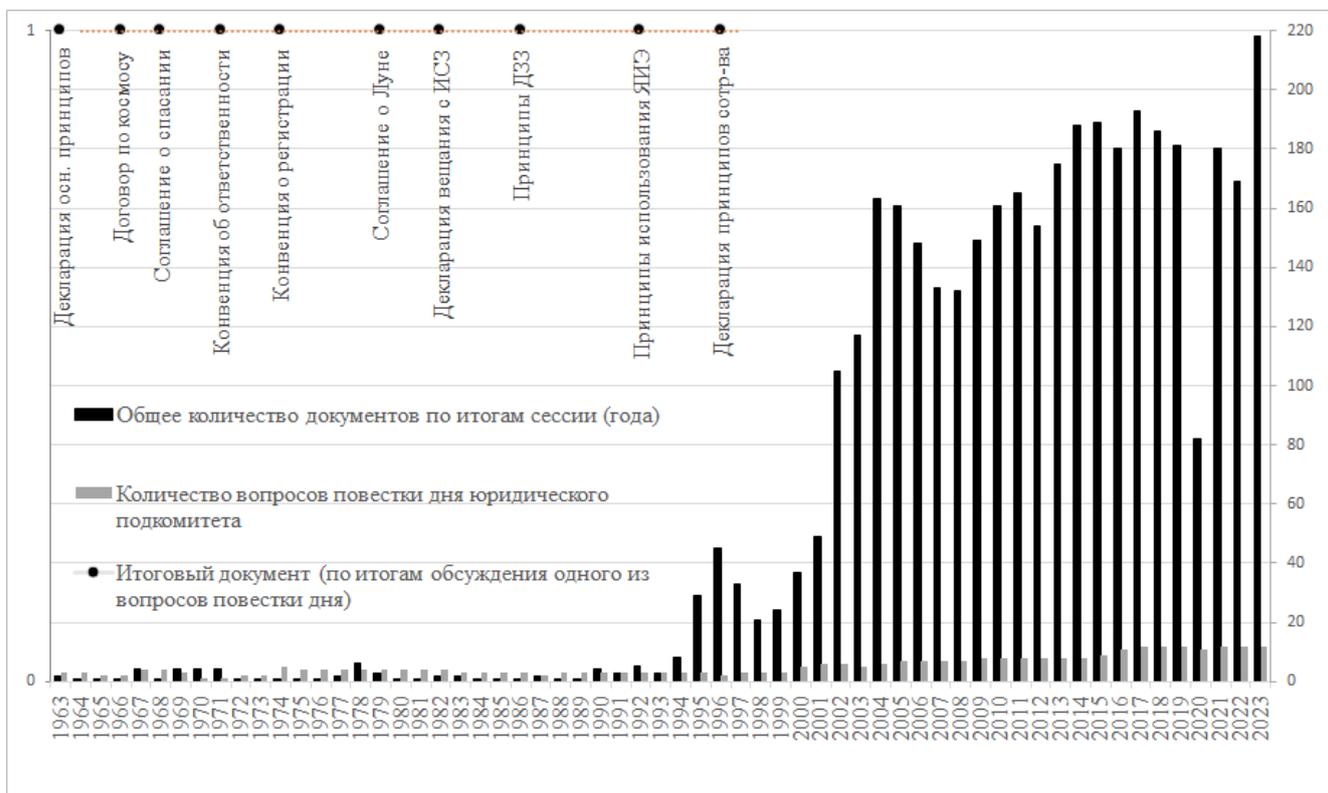

Рисунок 3 – Рост количества вопросов повестки дня и рабочих документов по итогам сессий юридического подкомитета КОПУОС на фоне «исчезновения» итоговых документов (составлено автором)

Между тем, технический прогресс существенно опережает развитие правового регулирования в сфере космической деятельности. В настоящее время скопилось множество нерешенных вопросов, которые можно условно разделить на частично-урегулированные («серые зоны») и неурегулированные («белые пятна»), представленные на Рисунке 4.

Принимая во внимание ранее отмеченную общую тенденцию отказа от юридически-обязательных документов в пользу рекомендательных, можно сделать вывод о снижении эффективности нормотворчества в сфере регулирования космической деятельности государств и необходимости изменения подходов к правовому регулированию.

Рисунок 4 – «Белые пятна» и «серые зоны» нормативно-правового регулирования космической деятельности государств (составлено автором)

Из доктрины известно, что существует несколько путей систематизации нормативных актов: учет, инкорпорация, консолидация и кодификация. Преимуществом кодификации является то, она подразумевает системный пересмотр всех существующих норм права, независимо от формы их фиксации, с учетом сложившихся правовых обычаев, а также устранение коллизий, исключение повторений и устаревших норм, заполнение пробелов. Прогрессивная роль кодификации отражена в ст. 13 Устава ООН.

Процесс кодификации подразумевает высокий уровень международного сотрудничества и вовлеченности максимального числа стран-участников, тем самым закладывает фундамент консенсуса относительно положений предлагаемого кодифицирующего акта, позволяет вывести на новый уровень отношения между субъектами космической деятельности.

Универсальный кодифицирующий нормативно-правовой акт выполняет интегрирующую функцию, обеспечивает стабильность и определенность правового регулирования космической деятельности. Правовая определенность является обязательным условием научно-технического и

экономического сотрудничества суверенных государств и международных организаций.

Россия, как правопреемник СССР, является первой и ведущей космической державой, авторитет которой в области исследования космоса огромен. Именно Россия призвана предложить миру концептуально-новую модель правового регулирования космической деятельности.

На Рисунке 5 показана возможная структура предлагаемого универсального кодифицирующего нормативно-правового акта. Структура разделов сформирована по итогам анализа актуальных проблем правового регулирования космической деятельности, которые приведены выше. Предлагаемый документ призван «охватить» не только актуальные вопросы, которые стоят на повестке дня законодателей, но и обеспечить необходимый «задел» для будущего развития, дополнения и корректировки правовых норм в соответствии с требованиями технического прогресса и расширения сферы деятельности человека в космосе.

Общая часть

Преамбула, термины и определения, область применения, основные принципы, действующие нормы

Специальная часть

Глава I. Запуск и регистрация космических аппаратов	Глава II. Околосземное космическое пространство	Глава III. Дальний космос	Глава IV. Небесные тела
Глава V. Научные исследования	Глава VI. Коммерческая деятельность	Глава VII. Охрана уникальных объектов	Глава VIII. Правовой статус отдельных категорий лиц
Глава IX. Международное сотрудничество и демилитаризация	Глава X. Национальная юрисдикция и разграничение ответственности	Глава XI. Органы координации и контроля (институты развития)	Глава XII. Разрешение споров

Заключительные положения

Депозитарий, процедуры утверждения, подписания, ратификации, вступления в силу, изменения

Рисунок 5 – Структура предлагаемого универсального кодифицирующего нормативно-правового акта (составлено автором)

Выводы исследования заключаются в следующем. Серьезная реформа МКП требует создания широкой коалиции заинтересованных

государств. Сегодня более 80 государств имеют свои космические агентства, то есть, реализуют космические программы на постоянной основе.

Россия, будучи полноправным преемником СССР, обладает высоким авторитетом в области исследования и освоения космоса, владеет пятью крупными космодромами, остается лидером в области пилотируемой космонавтики. Обладание космическими технологиями является необходимым условием сохранения суверенитета и ведущих позиций нашей страны в мире.

Технический прогресс и правовое регулирование диалектически связаны. Поэтому прогноз развития нормативно-правового регулирования должен стать неотъемлемой частью стратегического планирования.

Соответственно, для сохранения лидерства в космосе, необходимо активное участие в международном нормотворчестве и развитии правового регулирования в русле, отвечающем национальным интересам нашей страны.

В контексте сказанного, можно внести два предложения относительно активизации работы представителей России в ООН.

Стратегической задачей является сохранение ведущей роли ООН в процессе нормативно-правового регулирования космической деятельности и лидерства России по ключевым вопросам космического права. Для этого предлагается вынести на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН предложение о начале разработки Комиссией международного права ООН проекта статей о регулировании космической деятельности, принимая во внимание успешный опыт разработки и принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В качестве тактических шагов по укреплению позиций России в КОПУОС, рекомендуется внести предложения по дополнению и корректировке повестки дня юридического подкомитета КОПУОС с учетом современных реалий.

Также настоятельно рекомендуется сформулировать позиции России по всем актуальным вопросам международного космического права, независимо

от их наличия в повестке дня КОПУОС, и внести соответствующие заявления в отчеты по итогам сессий обоих подкомитетов КОПУОС.

Комическая деятельность является глобальной по своей природе, ее регулирование требует участия всех стран планеты. Именно поэтому, в исследовании сделан упор на прогресс путем кодификации, что автоматически требует создание широкой коалиции государств под эгидой ООН. Именно Россия должна стать инициатором и «вдохновителем» такой широкой коалиции.

Список использованной литературы:

1. Каменецкая Е.П. Сравнительный метод в международном праве (на примере международного морского и космического права) // Деятельность государств в мировом океане. Международно-правовые аспекты / Редкол.: Бараболя П.Д., Менжинский В.И., Сперанская Л.В. - М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1983. – 142 с.
2. Яковенко А.В. Прогрессивное развитие международного космического права : актуальные проблемы / А. В. Яковенко ; МГИМО(У) МИД РФ. – М. : Международные отношения, 1999. – 168 с. – ISBN 5-7133-1022-1.
3. Хоуб С. Первые пятьдесят лет международного космического права // Современные проблемы международного космического права / Под ред. Г.П. Жукова, А.Я. Капустина. М.: РУДН, 2008. – 709 с. – ISBN 978-5-209-02621-1

Об авторах: САВЕЛЬЕВА Наталья Валерьевна – магистр международного права, выпускник МГЮА им. Кутафина, e-mail: nasa2000@yandex.ru

About the authors: SAVELYEVA Natalie – Master in International Law, graduate of Kutafin Moscow State Law University, e-mail: nasa2000@yandex.ru

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПРАВА В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ

Оганесян Т.Д.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

POSTMODERNIST HUMAN RIGHTS IN EUROPEAN LAW

T.D. Oganessian

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Постмодерн в современном европейском праве характеризуется постепенным отказом от концепции универсализма прав человека, переходящей во фрагментарность. Технологические и научные разработки, а также забота о правах меньшинств привели к развитию международно-признанных постмодернистских прав в практиках ЕСПЧ и Суда ЕС. В этой связи в практике европейских судов получили «жизнь» ряд прав, которые можно назвать постмодернистскими. Например, право на установление истины (право на правду), право на надежду и право быть забытым. Будущее этих новых прав во многом зависит от правильного соотношения этих прав с другими универсальными и «классическими» правами. Появление и развитие постмодернистских прав в европейском праве является результатом эволютивного толкования конвенционных норм о правах человека. Важно также понимать, что признание постмодернистских прав в европейском праве оказывает влияние и на международное право в целом, поскольку прецедентные практики ЕСПЧ и Суда ЕС во многом служат для иных региональных судов примерами, не говоря уже про национальные суды. Однако постмодернизм в европейском праве опасен тем, что не может обеспечить последовательную основу для толкования и применения европейских норм о защите прав человека, и направлен на совершенствование прав отдельных категорий лиц.

Abstract: Postmodernity in modern European law is characterized by a gradual rejection of the concept of universalism of human rights, turning into fragmentation. Technological and scientific developments, as well as concerns for minority rights, have led to the development of internationally recognized postmodern rights in the jurisprudence of the ECtHR and the Court of Justice of the European Union. In this regard, in the practice of European courts, a number of rights that can be called postmodern have been given “life.” For example, the right to establish the truth (the right to truth), the right to hope and the right to be forgotten. The future of these new

rights largely depends on the correct relationship between these rights and other universal and “classical” rights. The emergence and development of postmodern rights in European law is the result of an evolutionary interpretation of conventional human rights norms. It is also important to understand that the recognition of postmodern rights in European law also influences international law as a whole, since the case law of the ECtHR and the EU Court of Justice largely serves for other regional courts as examples, not to mention national courts. However, postmodernism in European law is dangerous because it cannot provide a consistent basis for the interpretation and application of European norms on the protection of human rights, and is aimed at improving the rights of certain categories of persons.

Ключевые слова: права человека; постмодерн; европейское право; ЕСПЧ; Суд ЕС.

Keywords: human rights; postmodern; European law; ECtHR; CJEU.

Развивающаяся фрагментарность международного права в области защиты прав человека разрушает основополагающее предположение об универсальных стандартах и переводит дискурс о правах человека в плоскость постмодерна. Технологические и научные разработки, а также забота о правах меньшинств привели к развитию международно-признанных постмодернистских прав в практиках ЕСПЧ и Суда ЕС. Соответственно расширился и предмет европейского права прав человека, и теперь оно включает в себя чувствительные вопросы, которые традиционно считались находящимися исключительно во внутренней юрисдикции государства. Важно понимать, что признание постмодернистских прав в европейском праве оказывает влияние и на международное право в целом, поскольку прецедентные практики ЕСПЧ и Суда ЕС во многом служат для иных региональных судов примерами, не говоря уже про национальные суды.

Профессор Геттингенского университета Андреас Л. Паулюс утверждает, что постмодернистская теория не может предложить концепцию будущего международного права, но это именно то, что необходимо, чтобы спасти международное право от политики и ненужности [6, p. 732].

Сущность «метамодерна» по замыслу голландского философа Робина Ван ден Аккера и норвежского ученого Тимотеуса Вермюлена заключается в

«стремлении подняться над крайностями модернизма и постмодернизма и увидеть мир в единстве его многообразия» [9]. В свою очередь, «метамодерн» был заявлен некоторыми авторами как реакция на вызовы времени с его надвигающимися кризисами. Например, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в своей публичной лекции «Право метамодерна: постановка проблемы» отметил: «в последнее время многие специалисты говорят о том, что эпоха постмодерна как особого культурного явления закончилась. Возможно, это и так, но я пока не вижу, какая новая эпоха пришла на смену» [2]. В.В. Ершов в своей статье «Право в контексте парадигмы метамодерна» отмечает, что «господствующие в настоящее время типы правопонимания характеризуются неопределенными представлениями о праве, весьма неубедительных взглядах на право и базирующимися на синтезе разнородных социальных явлений, регулируемыми общественные отношения, например, права и морали» [1, с. 17].

Текстуальное толкование норм европейского права закрывает глаза на современные события и неоправданно игнорирует изменившийся характер прав человека в 21 веке. Статичное понимание прав и свобод не может гарантировать эффективность любой системы международного правосудия. В некотором роде появление постмодернистских прав в европейском праве является результатом эволютивного толкования конвенционных норм о правах человека. Например, право на установление истины - это юридическое обязательство выяснять правду об исторических нарушениях прав человека после периодов политического перехода. Право на надежду было разработано как право заключенных на досрочное освобождение. Право быть забытым стало одним из ответов на вызовы Интернета, разработанным в попытке дать пользователям возможность забыть свое прошлое. Будущее эволютивной интерпретации и «новых» прав во многом зависит от правильного соотношения этих прав с другими конвенционными правами. Если конкурирующие права не сбалансированы должным образом, право быть забытым может привести к неоправданной цензуре в Интернете. Решение

этого сложного вопроса во многом определит, смогут ли эти права стать международным универсальным правом. В связи с этим будет проанализирована судебная практика ЕСПЧ и разработаны критерии для определения правильного баланса между этими "новыми" правами и другими традиционными правами, предусмотренными Конвенцией. Например, право на уважение частной жизни может быть переосмыслено в свете взаимодействия права быть забытым и свободы выражения мнений.

Право быть забытым появилось в мире перемен и прогресса, происходивших во многих аспектах развития общества. Как следствие, появились новые концепции, такие как электронное наблюдение, виртуальная собственность, криптовалюта и существование виртуальных личностей. В этом контексте возникновение права быть забытым не является «неожиданным» явлением. Оно явилось естественной реакцией на новые вызовы, связанные с поддержанием надлежащего баланса между техническим прогрессом и правами человека. С точки зрения общественного прогресса право быть забытым представляет собой естественный шаг вперед в эпоху развития цифровизации, которая порождает новые вызовы, изменяющие восприятие мира, в котором мы живем [7, р. 6].

Право быть забытым стало частью европейской правовой основы защиты данных, направленной на обеспечение гарантий для осуществления гражданами большей степени контроля за использованием, хранением и сбором их персональных данных. В современную цифровую эпоху, когда ничто не исчезает само по себе, право быть забытым приобретает особую ценность [8, р. 27]. Оно предоставляет людям новую возможность – скрыть информацию о прошлом, которая мешает жить.

Право быть забытым представляет собой право отдельных лиц исключать, ограничивать или удалять ссылки и личную информацию в интернете. Это право было особенно подчеркнуто в 2014 году Судом ЕС в постановлении по делу Google Spain [4]. В доктрине и нормотворческих актах используются такие понятия, как право быть забытым (*right to be forgotten*),

право на забвение (*right to oblivion*), право на исключение (*right to erasure*) данных, право на удаление (*right to delete*) данных, право на исключение из списка (*right to de-list*), которые обычно используются в качестве синонимов [3]. Основная критика исходит из того, что право быть забытым ограничивает право на свободу слова и право на доступ к информации.

Что касается права на надежду, Европейский суд по правам человека ясно дал понять в этом контексте, что «назначение несокращаемого пожизненного заключения может вызвать вопрос в соответствии со статьей 3 Европейской конвенции по правам человека» и что фундаментальным вопросом в этом отношении будет вопрос о том, «можно ли сказать, что у пожизненно заключенного есть какая-либо перспектива освобождения» [5], т.е. надежда. Основа права на надежду была разработана в деле Винтер и другие против Соединенного Королевства (2013), которое касалось совместимости приговоров о пожизненном заключении, вынесенных заявителям (каждый из которых отбывал наказание в виде пожизненного заключения за убийство), со статьей 3 ЕКПЧ. В особом мнении судья Пауэр-Форд отметила: «Судебное решение косвенно признает, что надежда является важным и конститутивным аспектом человеческой личности. Те, кто совершает самые отвратительные и вопиющие поступки и причиняет другим неисчислимы страдания, тем не менее сохраняют свою фундаментальную человечность и несут в себе способность меняться. Каким бы долгим и заслуженным ни было их тюремное заключение, они сохраняют право надеяться, что когда-нибудь они, возможно, искупят совершенные ими злодеяния. Их не следует полностью лишать такой надежды. Лишить их опыта надежды означало бы отрицать фундаментальный аспект их человечности, и сделать это было бы унижительно» [10].

Право на правду (на установления истины) признается за родственниками лиц, пропавших без вести, знать о судьбе своих родственников. Данное право связано с группами дел о насильственных исчезновениях. Несмотря на то, что это право закреплено в практике ЕСПЧ и

Суда ЕС, тем не менее, она была заимствована из практики МАСПЧ и стран Латинской Америки. В частности, Специальная рабочая группа по правам человека в Чили, Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям и Межамериканская комиссия по правам человека разработали важную доктрину по этому праву в отношении преступления, связанного с насильственными исчезновениями. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла ряд рекомендаций, касающихся права членов семей знать правду о судьбе исчезнувших лиц. Европейский союз также подтвердил право на установление истины в своих резолюциях о пропавших без вести лицах и в связи с процессом разоружения и демобилизации полувоенных формирований, а также в контексте мирных переговоров.

Таким образом, в области европейского права постмодернизм — это подход, который бросает вызов традиционным предположениям и парадигмам, и стремится объединить более разнообразный спектр точек зрения и подходов. Однако постмодернизм в европейском праве опасен там, что не может обеспечить последовательную основу для толкования и применения европейских норм о защите прав человека, и направлен на совершенствование прав отдельных категорий лиц.

Список использованной литературы:

1. Ершов В.В. Право в контексте парадигмы метамодерна // Правосудие. 2019. Т. 1, № 2. С. 15–33.
2. Лекция Председателя Конституционного суда Валерия Зорькина «Право метамодерна: постановка проблемы». 17 Мая 2019. ПМЮФ-2019. URL: <https://ks.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3026162> (дата обращения: 08.12.2023).
3. Blanchette J-F., Johnson D.G. Data Retention and the Panoptic Society: The Social Benefits of Forgetfulness. *The Information Society*. 2002. Vol. 33. URL: <https://www.dourish.com/classes/readings/Blanchette-Forgetfulness.pdf> (дата обращения: 08.12.2023).

4. *Google Spain SL and Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González*. Judgment of the CJEU (Grand Chamber), 13 May 2014.
5. *Kafkariis v. Cyprus* Application No 21906/04, Merits and Just Satisfaction, 12 February 2008.
6. Paulus, A. International Law After Postmodernism: Towards Renewal or Decline of International Law? *Leiden Journal of International Law*, 2002. 14(4), pp. 727-755.
7. Stupariu I. *Defning the Right to be Forgotten. A Comparative analysis between the EU and the US*. CEU. 2015.
8. Torop H. Õigus olla unustatud - kas rahvusvaheliselt tunnustatud inimõigus? Avaliku õiguse osakond. Magistritöö. Tartu, 2018.
9. Vermeulen, T. and Akker, R. van den. Notes on Metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/233894749_Notes_on_Metamodernism (дата обращения: 08.12.2023).
10. *Vinter and Others v UK* Applications Nos 66069/09 et al., Merits and Just Satisfaction, 9 July 2013.

Об авторах: ОГАНЕСЯН Тигран Давидович – к.ю.н., доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России, e-mail; t.oganesian@mail.ru

About the authors: OGANESIAN Tigran Davidovich – Ph.D. (Law), Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, e-mail: t.oganesian@mail.ru

РОЛЬ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

УДК 341

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Авагимова Л.А.

Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный
Университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

PROSPECTS FOR THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

L.A. Avagimova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny
Novgorod

Аннотация: В данной работе рассматривается современная проблематика ИИ в контексте международно-правовых взаимодействий. Каким образом регулируется ИИ на международном уровне и как этот правовой контроль будет трансформироваться? Отдельно рассматривается вопрос внедрения ИИ в вооружение (проблема автоматизированных устройств, применяемых в военных целях). В заключении определяется перспектива применения ИИ в процессе судопроизводства в Международном Суде ООН и Постоянной Палате Третейского Суда ООН (т. е. возможно ли применение технологий ИИ в судопроизводстве на межгосударственного уровне?).

Abstract. This work examines modern issues of AI in the context of international legal interactions. How is AI regulated at the international level and how will this legal control be transformed? The issue of introducing AI into arsenal (the problem of automated devices used for military purposes) is discussed separately. In conclusion, the prospects for the use of AI in legal proceedings at the International Court of Justice and the Permanent Court of Arbitration of the United Nations are determined (i.e., is it possible to use AI technologies in legal proceedings at the interstate level?).

Ключевые слова: международное право, ИИ, автоматизированное оружие, регулирование ИИ.

Keywords: International Law, AI, atomised weaponry.

Современный мир технологий диктует свои условия, распространяющиеся на все сферы жизни. Без внимания не осталось и международное право, а точнее, его роль в регулировании целых цифровых систем и механизмов.

Так или иначе большинство социальных сетей и платформ принадлежат различным корпорациям, системы которых используются по всему миру. В связи с этим возникают вопросы. Почему необходимость договорной практики, зачастую превалирующей над обычным правом в подобном контексте, всё больше отпадает? Почему у института государства всё больше возникает вопросов относительно ответственности ТНК и НКО, которые принимают активное участие в ИИ-отрасли?

Основная проблема регуляции заключается в том, что человеческих потенциалов по контролю над новейшей методикой ИИ намного меньше, чем по его созданию, разработке и усовершенствованию. Несмотря на то, что эксперты именуют появление ИИ и увеличение его влияния на жизнь общества новым коренным изменением в рамках промышленной революции, нельзя недооценивать риски, которые так или иначе возникают уже на начальном этапе.

Так, впервые в июле 2023 г. Совет Безопасности ООН высказал свою обеспокоенность относительно данной проблематики и перспектив её разрешения в ближайшем будущем. В рамках ЮНЕСКО уже ведётся исследование по выведению рекомендации относительно этических аспектов ИИ.

Правотворческая деятельность государств по регулированию ИИ

Одним из наиболее актуальных примеров является практика Европейского Суда по правам человека, решения которого предсказываются ИИ в 79% из 100 [Результат разбирательства в ЕСПЧ, РАПСИ]. Однако для полного понимания, необходимо брать во внимание тот факт, что ЕСПЧ – это

международная региональная организация, оценка судебной практики которой априори не может быть соизмерима с деятельностью Международного Суда ООН и Постоянной Палатой Третейского Суда Гааги (международный арбитраж).

Верховный Суд США также применил подобную практику, в отличие от ЕСПЧ, основываясь не на количественном показателе, а на качественном, что позволяет сделать выводы о более точных результатах проверки в отношении решений.

К тому же нужно отдельно определить критерии, в рамках которых происходит прогнозирование решений ИИ. Именно это позволит оценить возможность применения ИИ при вынесении решений на международном уровне. Конечно, подобные высказывания, определённо, могут быть признаны вопиющими в среде экспертов, но уже сейчас невозможно отрицать использование ИИ в тех или иных сферах жизнедеятельности человека.

Безусловно, применение ИИ в рамках судебной практики (тем более на международном уровне) очень маловероятно на данном этапе, но вот использование его технологий в ходе подготовительных процедур типа ситуационного анализа, сбора данных и оценки последствий отрицать невозможно уже сейчас.

Соответственно, вопрос о правоприменении данных технологий возникает не только в международно-правовой ретроспективе. Что если ИИ станет применяться для осуществления действий по вооружению, уничтожению и другим подобным актам? Необходимо создание определённых правовых норм для контроля над процессами и регулирования деятельности в мирное время в том числе. Практика регулирования деятельности в космосе может быть переложена на сферу ИИ, так как они схожи своей новизной (оба сектора возникли без связи с предыдущими международно-правовыми обычаями). Уже с 90-х гг. XX в. астрономы стали применять технологии ИИ в узаконенном порядке. Другой вопрос в том, если

ИИ действительно будет применяться в военных целях – тогда ситуация складывается совершенно иначе.

Германия, США, Южная Корея, Китай и страны ЕС уже давно занимаются правотворчеством в области регулирования деятельности ИИ.

Так, например, помимо практики ЕСПЧ, в ЕС существуют Агентство Европейского союза по робототехнике и искусственному интеллекту, Европейская комиссия Группы экспертов высокого уровня по ИИ, Спецкомитет Совета Европы по ИИ и так далее. Одна из последних инициатив, например, была предложена Европейской комиссией, а именно, создание Европейского офиса по ИИ и оформление Регламента ЕС по ИИ.

Общая практика Запада может быть проиллюстрирована через деятельность Совета по ИИ на платформе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Если речь идёт об Азии, то, как ни странно, стоит выделить Китай, который стал применять ИИ на всех этапах судопроизводства. Впервые в 2016 году КНР высказалась в Совете Безопасности ООН о необходимости создания всеобщего регулирования деятельности ИИ и связанной с ней [17], отметив, что на данный момент, международное право не обладает полнотой инструментов в этой сфере в силу новизны самой сферы правоприменения.

Также можно выделить отдельно Рабочую группу Лиги арабских государств по ИИ и Организацию Исламского Сотрудничества с её проектами по ИИ на основах межнациональных собраний

Если говорить в целом, то с июля 2023 года Генеральный Секретарь ООН выступил с инициативой по созданию отдельного нового органа в рамках организации по вопросам ИИ. 26 октября этого же года Антониу Гутерриш рассказал о формировании Консультативного органа по ИИ. [2]

Однако Россия в рамках этой сессии Совбеза ООН выразила обеспокоенность относительно ситуации [17]. Позиция страны заключается в том, что для начала необходимо определить вызовы и угрозы, которые

представляет собой ИИ, а на данный момент это достаточно проблематично в силу витиеватости дальнейшего развития ИИ.

Проблема этики в новейшем вооружении

Большинство противников ИИ выступают за ограничение его развития в связи с проблемой автоматизированного оружия (так называемые роботы-убийцы). руководитель Международный Комитет Красного Креста, директор компании Intel, некоторые деятели Кремниевой Долины – все они выступают за жёсткий [7] общемировой контроль над деятельностью ИИ в целом, с особым закреплением на международно-правовой основе.

Уже в 2015 году сообщество учёных во главе со Стивеном Хокингом выступили с инициативой о запрете разработок, связанных с ИИ [7]. Основным описанием проблемы, в их понимании, является угроза технологической сингулярности – состояние, при котором ИИ и сопутствующие развивающиеся технологии начнут самостоятельно видоизменяться без участия человека, которому уже не под силу будет понимание происходящего. Безусловно в силу того, что ИИ на данный момент находится в зачаточном состоянии, такие прогнозы встречаются особым скепсисом со стороны общественности. Однако автоматизированные системы, за запрет которых как раз и выступило научное объединение, представляют угрозу уже сейчас.

Также в марте 2023 года группа экспертов (включая Илона Маска и Стива Возняка) выступила против развития технологии ИИ [3]. Они настаивают на остановке всех разработок, так как констатируют опасности в отношении общества. В первую очередь, в контексте данных заявлений необходимо отметить важность понимания полной ответственности человека за машинные механизмы, созданные им. При этом, учитывается необходимость применения технологий и методов, согласно которым человек на любом этапе сможет вмешаться в процессы ИИ, в том числе относительно принятия решений самим ИИ. Таким образом, данная группа выразила

солидарность по отношению к интенциям Конвенции о конкретных видах обычного оружия и Кампании за прекращение роботов-убийц (коалиция неправительственных организаций, предлагающая проект моратория, однако, пока что в рамках концепции «мягкого права»).

Проблема интеллектуальной собственности в отношении ИИ

А что же происходит, когда контент отдельных лиц проходит обработку ИИ? Так, например, в декабре 2023 года, Арбитражный Суд Москвы оштрафовал компанию Roistat за использование рекламного ролика компании Agenda Media Group (AMG), который прошёл переоцифровку ИИ. [1] В постановлении решения суда было отмечено, что несмотря на прохождение обработки, видеоматериал остаётся частной интеллектуальной собственностью. Именно поэтому встаёт вопрос о практике правоприменения и по этому аспекту.

Конечно, зачастую, подобные ситуации будут касаться международного частного права, даже если речь идёт о крупных компаниях. Однако, так или иначе, пределы масштаба неотразимы, в связи с чем и появляется необходимость поиска новых решений.

Перспективы применения ИИ в международном праве

Для начала стоит выделить возможные положительные тенденции. В первую очередь, ИИ поможет избежать проблемы «психологической привязки» при принятии решений. Зачастую судей обвиняют в бессознательных когнитивных искажениях при принятии решений, открывая простор для «объективного ИИ».

Тренд алгоритмизации права начинает распространяться и на международно-правовую сферу, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Однако, эффективность отлаженного процесса судопроизводства и ревизирования документальную базы на постоянной основе несомненна.

Во-вторых, создание ограничений и регламентаций в отношении ИИ позволит международному праву постепенно трансформироваться в условиях

глобализации и резких стремительных изменений. Признанные специалисты в сфере сумеют прогнозировать и давать оценки возможной трансформации норм международного права и в других сферах, ссылаясь на современный опыт ответа на возникающие вызовы и технологии. Бесспорно, формирование новых международно-правовых норм в сфере ИИ является актуальным на данный момент, прогнозы относительно дальнейшего развития сферы пока неясны.

С другой стороны, сейчас, к сожалению, больше минусов, нежели плюсов в данном вопросе. Обратимся к уже упомянутой алгоритмизации права, которая особенно ярко встречается в современном правотворческий и судопроизводственный процесс повсеместно. Если принимать во внимание тот факт, что ИИ не может сам принимать решения, а лишь основываться на определённых выводах, сделанных из предыдущих решений или иных в него заложенных алгоритмов, то мы приходим к заключению о том, что «вынесенные приговоры» могут быть совершенно не верны с точки зрения международно-правовых норм, которые применяются в определённой ретроспективе в тех или иных случаях. ИИ же будет трактовать все постулаты однозначно.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что на данном этапе ещё невозможно полноценное применение ИИ в рамках процесса принятия решений на международном уровне, хотя и возможность его большей объективности относительно человека всё-таки рассматривается в долгосрочной перспективе.

Список использованной литературы:

1. Арбитражный суд Москвы взыскал компенсацию за использование дипфейка // Научно-образовательный центр интеллектуальной собственности и цифровой экономики: сайт. – URL: <https://dip.global/news/arbitrajnyu-sud-moskvy-vzyskal-kompensaciyu-za-ispolzovanie-dipfeyka-652> (дата обращения: 08.02.2024)

2. Гутерриш дал старт работе глобального Консультативного органа по искусственному интеллекту // ООН: сайт. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446237> (дата обращения: 09.02.2024)
3. Маск и Возняк призвали приостановить обучение систем ИИ из-за «риска для общества» // Forbes: сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/486841-mask-i-voznak-prizvali-priostanovit-obucenie-sistem-ii-iz-za-riska-dla-obsestva> (дата обращения: 08.02.2024)
4. Маслова, Е.А. Диалектика этики и права в регулировании технологии ИИ: опыт ЕС / Е.А. Маслова, Е.Д. Сорокова // Европейский процесс: страны и регионы. – 2022. – № 5. – С. 19-33.
5. Пройдаков, Э.М. Современное состояние ИИ / Э.М. Пройдаков. – Москва: ИНИОН РАН, 2018. – 153 с.
6. Результат разбирательства в ЕСПЧ предсказуем - ученые // РАПСИ Российское агентство правовой и судебной информации: сайт. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20161024/277012867.html (дата обращения: 08.02.2024)
7. Стивен Хокинг: Искусственный интеллект представляет угрозу для человечества // RT на русском: сайт. – URL: <https://russian.rt.com/article/62481> (дата обращения: 08.02.2024)
8. Черниченко, С.В. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений / С.В. Черниченко // Московский журнал международного права. – 2018. – № 3. – С. 15-23.
9. Bradley, C. The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law / C. Bradley. – Oxford: Oxford Press, 2019. – 443 p.
10. Civil Law Rules on Robotics: Resolution with recommendations to the Commission N 2015/2103(INL): Resolution of the European Parliament // official website of the European Parliament. – 2015. – № /. – A. 1.
11. M., H. The Identification and Appraisal of Diverse Systems of Public Order. / H. M. // The American Journal of International Law. – 1959. – № 53. – p. 16-67.
12. McDougal, M. What Is Foreign Relations Law? The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law. / M. McDougal, H. Lasswell. – New York: The New Press, 2019. – 321 p.
13. Recommendation on Artificial Intelligence: Recommendation of the OECD Council // Official website of the OECD. – 2019. – № /. – A. 2.
14. Restatement of the Law Fourth: The Foreign Relations Law of the United States: Selected Topics in Treaties, Jurisdictions, and Sovereign Immunity. American Laws Base // American Law Institute. – 2018. – № /. – A. 34.

15. Stephan, P. Comparative International Law, Foreign Relations Law and Fragmentation: Can the Center Hold? / P. Stephan. – Oxford: Oxford Press, 2018. – 245 p.
16. Tunkin, G. International Law in the International Systems / G. Tunkin. – Cambridge: Cambridge Press, 1978. – 147 p.
17. UN Security Council meets for first time on AI risks // Reuters: website – URL: <https://www.reuters.com/technology/un-security-council-meets-first-time-ai-risks-2023-07-18/> (date of application: 08.02.2024)

Об авторах: АВАГИМОВА Лусинэ Арсеновна – студентка 4 курса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, e-mail: lusine.avagimova@yandex.ru

About the authors: AVAGIMOVA Lusine – 4th year student, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, e-mail: lusine.avagimova@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА И ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

Акопян Е.М.

МИД России, Москва

COGNITIVE WARFARE AND INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL OPERATIONS

E. Akopian

MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Статья посвящена исследованию методологии ведения когнитивных войн. Отмечается, что каждый из нас фактически ежедневно становится объектом информационного воздействия. Технологии информационной войны основаны на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, их главная задача — поляризовать общество или объединить антиправительственные силы против действующей власти. Таким образом, основная цель информационной войны – подорвать способность противника к сопротивлению и подчинить его своей воле. В статье описывается схема использования большинства информационно-психологических операций – последовательность медийных атак, разделенная на периоды экспозиции (периоды информационный тишины) и скоординированная по времени, целям и задачам.

Abstract. The paper is devoted to the study of cognitive warfare technologies. The author notes that each of us almost every day finds himself under the influence of any information attack. The information warfare technologies are based on manipulative control of political consciousness and behavior of citizens, their main task is to split and polarize the society or to unite anti-government forces into a single flow against authorities in power. Thus, the main objective of the information warfare is to break the will of the opponent to resistance and to subject his consciousness to such will. The article describes the standard organizational scheme representing the sequence of information attacks divided by exposition periods (information silence) and coordinated by time, purposes, tasks and targets.

Ключевые слова: международные отношения, когнитивная война, информационные атаки, информационно-психологические операции, безопасность.

Key words: international relations, cognitive warfare, informations attack, psychological operations, security.

Современные конфликты обладают нелинейной природой. Успех их исхода определяется не только на пространственно-временном театре военных действий. Возрастающую роль играют борьба в виртуальной, медиа- и ИКТ-среде за информацию, а также за сознание в когнитивном измерении, связанном с мышлением, поведением, волей, принятием решений. В то время, как на земле ведутся боевые действия, из тыла, обладающего более полной картиной событий, идет «битва за умы». Правила, как и на физическом поле боя – захватить инициативу, сломить волю противника, лишить его поддержки и веры в правое дело.

В условиях развязанной Западом беспрецедентной информационной войны против России и ее союзников анализ и систематизация основных методов и технологий когнитивного воздействия особенно востребованы в контексте обеспечения безопасности, в том числе информационной, и суверенитета нашего государства, создания благоприятных условий для его дальнейшего развития.

Ранее информационные кампании, как правило, были составной частью ведения классической войны: когда, к примеру, необходимо было «обесчеловечить» врага для мотивации солдат или разъяснить населению причины вступления в вооруженный конфликт. Сегодня информационно-психологическая операция является самостоятельным военным элементом, успешное проведение которого может быть не менее результативным и при этом гораздо менее затратным с точки зрения финансовых и людских ресурсов, как полноценные боевые действия.

Согласно докладу доклада *Cognitive Warfare*, подготовленном руководителем iHub Франсуа дю Клузелем по заданию Верховного главнокомандующего Объединенных вооруженных сил НАТО по трансформации (*Supreme Allied Commander Transformation, SACT*) и

представленном на конференции по когнитивным войнам в Оттаве 30 ноября 2021 г., помимо ранее анализировавшихся пяти операционных областей: воздух, суша, море, космос и киберпространство, выделана шестая – «человеческая сфера». Основным направлением противоборства здесь становится не только контроль того, о чем люди думают, но и то, как они думают, а затем и действуют.

На передовой информационного «фронта» оказываются, прежде всего, СМИ (информагентства, печатные издания, теле- и радиовещатели) и новые медиа («блогосфера» и Интернет-ресурсы). Медиаоператоры в данном случае являются и каналом информационного воздействия на целевую аудиторию и выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. Основная их задача формировать у общества заведомо необходимое мировосприятие, через призму которого оно анализирует поступающую информацию и принимает соответствующее решение.

Особое место в когнитивном противоборстве занимают информационно-психологические операции. Чаще всего речь идет о последовательной череде вбросов – блоках специально подготовленной информации, стимулирующей объект воздействия на быструю, а значит рефлекторную и необдуманную реакцию. Каждой информационной операции предшествует серьезная подготовка: определяются основные цели и задачи, объекты атаки и каналы информационных вбросов. Тщательно анализируется медиафон, общественное мнение, проводятся т.н. зондажные вбросы для выявления «болевых точек» и целевой аудитории. Когнитивная борьба может быть краткосрочной – для выполнения какой-то конкретной цели, как смена политического курса государства, или долгосрочной, когда информационная кампания длится десятилетиями для подрыва общественного и политического строя государства. В качестве главной мишени в большинстве случаев выбирают первых лиц государства либо их ближайшее окружение. Если необходимо добиться раскола властных кругов, то объектом атаки также может выступать и группа лиц – политический истеблишмент. В этом случае

политическая элита заикливается на разрешении внутренних разногласий, удержании своих позиций. И как результат руководитель страны в самый неподходящий момент останется без поддержки соратников, или в попытке защитить приближенных, например уличенных в коррупционных схемах, рискует сам попасть «в опалу». Вбросы делаются постепенно с паузами (периодами экспозиции), что позволяет не только «считать» реакцию объекта, чтобы внести необходимые коррективы для достижения наилучшего результата последующего когнитивного воздействия, но и создать эффект «нагнетания» ситуации. В данном случае закон эффективности информационных вбросов работает также как санкции: если ввести все ограничительные меры сразу, то это не только не позволит создать «идеальный санкционный шторм», но и существенно сузит набор рычагов давления.

Что касается содержания вбросов, то это не всегда могут быть некие компрометирующие данные. Непосредственное наполнение такой атаки зависит от конкретного объекта, его психоэмоциональных особенностей. В период экспозиции происходит вычисление «невязки» – математических отклонений ключевых параметров поведенческих реакций объекта от их ожидаемых значений, заданных на этапе планирования информационной операции. Так выявляются наиболее уязвимые места, на которые затем делается упор при разработке вбросов. Важно помнить, что самый сильный страх может создать только сам человек своим воображением. Поэтому конечный негативный сценарий вброса не должен быть четко очерчен, оставляя тем самым простор для «самонакручивания».

Говоря о каналах информационного воздействия, то они, как и содержание вброса, зависят от конкретного объекта. Если он склонен доверять традиционным источникам, то тогда это будут различные медиа, прежде всего, традиционные СМИ (газеты и телеканалы). В том случае, если объект верит лишь данным, полученным от доверенного круга лиц, то вбросы будут

направлены на его ближайшее окружение, которые подадут ему информацию в наиболее пригодном для «усваивания» виде.

Чтобы заставить объект поверить во вброс применяются специальные технологии легализации информации. Основными видами легализации вброса являются «контролируемая утечка» секретной информации, публичные заявления пожелавших остаться анонимными официальных лиц и публичные заявления уполномоченных официальных лиц. Чаще всего используются сфальсифицированные данные, добытые из секретных источников (например, материалы WikiLeaks и Э.Сноудена). В этом смысле наиболее правдоподобным выглядят варианты кражи информации, будь то посредством кибератак, либо случайно забытых документов высокопоставленными чиновниками.

Информационные кампании также представляют собой популярный инструмент для поляризации общества или радикализации общественных настроений. В таком случае в качестве вбросов организуется анонимная утечка некоего компрометирующего государственного документа, полученного хакерами, и затем распространенного среди оппозиционно настроенных сил в социальных сетях. С помощью соцсетей можно сагитировать людей выйти на улицу для организации «твиттер-революции» как это было в период «арабской весны». В таком случае опровержения или двусмысленная публичная реакция властей приводят к тому, что оппозиционные сегменты общества лишь убеждаются в своей правоте. Таким образом наступательная тактика в информационной войне гораздо эффективнее обороны.

В целях образования общественного раскола используются технологии формирования «информационных вакуумов». Глобализация потребления, тотальный охват «Интернета вещей» и распространение персональных мобильных устройств и социальных сетей значительно способствовали повышению эффективности ведения когнитивной войны. Умные устройства и цифровые приложения настроены выдавать интересующий нас контент:

новостные сообщения, реклама и результаты поиска подбираются исходя из наших вкусов и предпочтений, рекомендации в социальных сетях предлагают нам единомышленников. Так пользователи оказываются в удобных «пузырях», из которых быстро исключаются неприятные или шокирующие новостные сообщения, мнения, предложения и лица. Создание таких разрозненных «вакуумов» легко может быть использовано для поляризации общества, которое в случае активного внешнего воздействия неспособно дать отпор когнитивной атаке.

Нельзя не отметить, что и привычные фейковые вбросы также весьма эффективны при целенаправленном воздействии на общество. Почему людям свойственно верить спланированной дезинформации? Во-первых, не имея возможности оценить действительность самостоятельно, аудитория, обладающая недостаточным критическим мышлением и ограниченными способностями анализировать большой объем информации, ждет новости в понятной форме с учетом своих культурных и этнопсихологических особенностей, стереотипов восприятия и ожиданий. Люди склонны искать подтверждение той информации, которая соответствует их убеждениям и предрассудкам, независимо от истинности, а также ищут внешнего одобрения своих взглядов и стремятся преувеличивать значение недавних событий над историческим контекстом. При этом редко вчитываются в содержание, предпочитая уделять внимание заголовкам, визуальному контенту и т.д., не говоря уже о «фактчекинге». В условиях, когда потребитель информации привык к комфортным для него образам, возможно создать любую интерпретацию действительности для большинства. Особенно если подача материала синхронизируется в разных источниках мейнстрима. Во-вторых, фейковые новости обычно направлены на стимулирование эмоциональной реакции человека. Новостные сводки и сообщения в Интернете, как снаряды, несут в аудио-текстуально-визуальной оболочке мощный эмоционально-смысловой заряд: яркие заголовки, ужасающие сфабрикованные фото и видео. А скорость, с которой появляются все новые новостные сообщения в СМИ или

социальных сетях заставляют пользователей не заниматься длительной проверкой фактов, а реагировать быстро и рефлекторно. Пример информационной кампании о якобы зверствах российских военных в Буче показал, что против эмоционального заряда бессильны логика и разумное объяснение. Чем большую реакцию вызывает изначальная интерпретация, тем сложнее будет подорвать веру аудитории в центральный нарратив, разубедить в его правдивости, даже если представить опровергающие факты.

Таким образом, выявление и анализ основных методов и технологий когнитивного воздействия является первоочередной задачей для обеспечения необходимого уровня информационной безопасности нашей страны. Согласно обновленной концепции внешней политики именно формирование объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве, противодействия скоординированной антироссийской пропагандистской кампании, осуществляемой на систематической основе недружественными государствами и включающей в себя дезинформацию, клевету и разжигание ненависти, а также обеспечения свободного доступа населения иностранных государств к достоверной информации о России становится приоритетной задачей, имеющей жизненно важное значение для поступательного развития нашей страны. В этой связи необходимо создание теоретического обрамления деятельности государства на информационном направлении в виде концепции идеологической политики, в которой должны быть отражены четкие политические и социально-экономические приоритеты, обозначены «красные линии» медийного фронта. В данном контексте необходимо непрерывное совершенствование инструментов информационного сопровождения деятельности Российской Федерации, в том числе использование современных технологий, как социальные сети и искусственный интеллект. Значительную роль в этом также могут сыграть создание соответствующей системы мониторинга медиaprостранства для выявления когнитивного воздействия на ранних стадиях и формирование необходимого уровня

информационной безопасности от киберугроз. С учетом того, что отражать когнитивную войну слишком сложно, то преимущество в ней получает сторона, которая действует первой и насаждает собственную сюжетно-тематическую картину происходящего, заполняя медиaprостранство своим вариантом событий, который должен найти наибольший отклик и охват. На этом фоне необходимо создание собственных центров информпротивоборства для разработки и реализации наступательных когнитивных операций.

Список использованной литературы:

1. Daniel Kahneman D.: Thinking, Fast And Slow, 2012, 499 с.
2. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Русайнс, 2015, 280 с.
3. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015, 384 с.
4. Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».
5. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018, 480 с.
6. А.В. Манойло А.В., Е.Г. Пономарева Е.Г. «Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия». // Обозреватель-Observer, 2019, № 2., 13 с.
7. Пономарева Е.Г. Секреты цветных революций // Свободная мысль. 2012, № 5-6, 10 с.

Об авторах: АКОПЯН Екатерина Мхитаровна – Министерство иностранных дел Российской Федерации, e-mail: katerina.akopyan@gmail.com

About the authors: AKOPIAN Ekaterina – Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federationnn, e-mail: katerina.akopyan@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Запольских П.Р.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS

P.R. Zapolskikh

Udmurt State University, Izhevsk

Аннотация: В настоящее время мы живем в VUCA-мире, где все нестабильно, сложно. Искусственный интеллект, Big Data внедряются во все сферы жизни человека, международные отношения не являются исключением. Активизация развития ИИ в рамках международных отношений началась с 2018 года, так как именно тогда Комитет ОЭСР¹ по политике в области цифровой экономики принял решение о необходимости создания межправительственного стандарта, который бы включал в себя принципы ответственного развития ИИ. В рамках международных отношений действия ИИ начинаются от систем, принимающих верное политическое решение до создания однополярного мира, с помощью ИИ. Новые технологии оказывают сильное и видимое влияние на международные отношения. Таким образом, преимущество заключается в том, что мир не стоит на месте, развивается, а узнать секретные данные становится сложнее. Однако и этот процесс имеет обратную сторону, кто-то может узурпировать власть с помощью технологий или начать глобальную гонку ИИ, что будет также опасно для всего человечества, как гонка вооружений.

Abstract. Currently, we live in a VUCA world where everything is unstable and difficult. Artificial intelligence and Big Data are being introduced into all spheres of human life, as well as into international relations. The intensification of AI development in the framework of international relations began in 2018. The applications of AI in international relations start from systems making the right political decision to creating a unipolar world using AI. New technologies have a strong and visible impact on international relations. Of course, this is a step forward,

¹ Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Комитет содействия развитию (DAC) - это форум для обсуждения вопросов, связанных с помощью, развитием и сокращением бедности в развивающихся странах.

life is becoming easier, and most importantly safer. Negative consequences: the usurpation of power through technology and the global race of AI technologies and weapons.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, международные отношения, цифровая дипломатия, техно альянсы, QUAD

Keywords: Artificial intelligence, international relations, digital diplomacy, predicting the future using AI, techno alliances, QUAD, forming a strategy for Russia's international cooperation in the field of AI, building a "socialist society with a high degree of social responsibility" through the use of AI, prospects for AI.

В настоящее время технологии быстро развиваются. Мы живем в VUCA мире¹, где все нестабильно, неопределённо, сложно и неоднозначно. Технологии: Интернет вещей, ИИ, Big Data, Дополненная реальность и другие внедряются во все сферы жизни человека, международные отношения не являются исключением. Дипломатию нередко называют «игрой слов». Однако, на смену словам пришли цифры: искусственный интеллект способен генерировать миллионы слов в несколько секунд, создавая новые способы манипуляции сознанием.

Сейчас распространение получает цифровая дипломатия, при которой широко используются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), в том числе новые медиа, социальные сети, медиа площадки в Глобальной Сети для содействия государственным органам при осуществлении функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешней политикой. Несомненно, личные встречи на саммитах и конференциях важны и их невозможно, на данный момент, полностью заменить онлайн аналогом. Однако в условиях VUCA-мира, одной из составляющих которого является Uncertainly (неопределенность), то есть внезапные события, такие как угрозы военных действий, масштабные перемены и пандемия, разрушают любые планы и именно в таких ситуациях необходимые или неотложные вопросы

¹ VUCA-мир (Volatility Uncertainty Complexity Ambiguity world) — это концепция современного мира, которая основана на нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. Это современная переменчивая бизнес-реальность, в которой трудно делать прогнозы и строить планы.

дипломаты могут обсудить в онлайн формате. ИИ оказывает то влияние, результаты которого мы можем наблюдать уже сейчас. Новые технологии используются для решения таких задач, как:

1. Ведение документооборота с помощью инновационных технологий, как в рамках министерств, так и на уровне посольств ведет к снижению вероятности человеческих ошибок и коррупционных схем, повышению эффективности работы. Недостатки в данной системе: сложность обслуживания программно-технологических комплексов, их защита от сбоев и кибератак, а также обеспечение конфиденциальности данных организаций и граждан.

2. Системы анализа больших данных и предсказания событий, особенно актуально предсказание вспышек эпидемий, конфликтов (в том числе военных) и прочих международных сдвигов.

Группа ученых Корнеллского университета (Cornell University) в США опубликовала исследование под заголовком «Предсказание будущего искусственного интеллекта (ИИ) с помощью искусственного интеллекта...» [5] Ученые «накормили» искусственный интеллект научными статьями о нем самом и попросили предсказать, как он будет развиваться в дальнейшем. Машинному разуму предлагали заглянуть в то будущее, которое для нас было уже прошлым. Ученые могли сравнить прогноз и реальную картину последнего времени. Предсказание, насчет развития ИИ, оказалось точным на 99 процентов, то есть компьютер смог рассказать всю историю ИИ сначала и до настоящего момента! Несмотря на это, мы не можем утверждать, что ИИ всегда точно и объективно предсказывает будущее.

Профессор, корреспондент РАН, руководитель отделения ФИЦ ИУ РАН, заведующий кафедры МФТИ, директор по науке Smart Engines Владимир Арлазаров заявил: «Сегодня ИИ многие вещи делает лучше человека. Он составляет алгоритмы, ставит диагноз на основе анализа рентгеновских снимков точнее живого врача. А нейросеть распознает лица или документы эффективнее человека. Однако, чтобы ИИ смог составить точный

прогноз на будущее нужно сформулировать машинному разуму не абстрактную, а конкретную задачу. Кроме того, необходимо заложить в машину данные, от которых зависит ответ на вопрос. А это невозможно, так как это прогнозирование будущего человечества, которого и сами люди не знают» [6].

Если мы зададим ИИ вопрос: будет ядерная война или нет? Мы «накормим» ИИ учебниками истории и политэкономии, загрузим высказывания государственных деятелей и разные теории общественного развития. Конечно, мы получим расчет, однако он будет не объективным. Кто в такой ситуации может заложить в машину объективные данные насчет ситуации в мире и гарантировать то, что мнение главы государства внезапно не изменится? Человек не сможет заложить те данные, от которых зависит верный ответ, так как он сам не знает будущего. Люди обладают ограниченным количеством фактов, остальную картину достраивают в меру своего разумения. Поэтому, на данный момент, искусственный интеллект точно не может предсказать, как будут развиваться международные отношения и конфликты, в частности.

3. Новая эпоха колониализма в современном мире с помощью ИИ.

Более слабые в этом отношении (т.е. в использовании новых технологий) страны попадут в зависимость от более сильных и будут управляться удаленно при правителях-марионетках.

Подходы к развитию ИИ зависят от национальных традиций. Одна страна может воспринимать технологическое развитие в качестве большого поля для экспериментов, другая – придерживаться ограниченного видения, направляя все свои усилия на решение конкретных задач. К примеру, Китай создал лояльные условия для исследований в сфере беспилотного транспорта и уже за пять лет превзошел своих конкурентов. Большую роль в этом успехе сыграла готовность местных регуляторов оперативно давать разрешение на тест-драйв разрабатываемых беспилотников. ЕС первостепенное внимание уделяет основательной юридической подготовке каких-либо новшеств и

требует от разработчиков соблюдения различных норм, в том числе известного Закона о персональных данных (GDPR). Именно поэтому важно выработать принципы, которые сформируют общее видение на технологии ИИ.

В роли площадки для согласования интересов по регулированию ИИ стран и управления возникающими рисками выступают ЮНЕСКО и Совета Европы, принимающие усилия по определению этических параметров, которым необходимо следовать и учитывать при разработке технологий ИИ. Документы этих организаций подвергаются большой критике из-за очевидного влияния на них политических интересов тех или иных стран, отсутствия чёткого определения ИИ. Другие международные объединения и отдельные страны все еще формируют свой подход к развитию ИИ. Большое развитие получила концепция «ответственного/заслуживающего доверия ИИ», который продвигается западным экспертным сообществом и уже начинает внедряться в органы власти, к примеру в Пентагон.

4. Построения «социалистического общества» с высокой степенью социальной ответственности» путем использования ИИ.

Представителей поколений Y и Z приняли идею [1] о том, что развитие технологий может безвозмездно дать каждому все необходимое для жизни и комфорта, что ИИ может создать справедливое общество, эффективное государство и победить коррупцию. «Если задуматься, ИИ — самый быстрый путь к коммунизму, так как он сможет приблизить нас к максимальному равенству как можно скорее. Мы можем попасть в ситуацию, когда некому работать, всем обеспечен комфорт».

ИИ не способен создать идеальное государство. Доказательство этой идеи можно найти в статьях авторов, изучающих стратегии развития ИИ.

1. Борис Кагарлицкий, руководитель Института глобализации и социальных движений, председатель редсовета журнала «Левая политика»: «ИИ будет оставаться средством решения задач, которые перед ним ставят

люди. Поспособствовать созданию любых совершенных государств он сможет только если именно такой будет воля политических руководителей».

2.Футуролог Алексей Турчин: «Ситуация может оказаться совершенно иной. Дружественный ИИ, достигший уровня сверх интеллекта, «может установить свою власть на всей Земле. Дружественный ИИ появляется в качестве мирового правителя лишь как вариант: ИИ может, получив глобальный контроль над управлением, проявить себя и как недружественный, заняться реализацией собственных планов, не обязательно предусматривающих благополучие и комфорт человечества» [1].

3. Дмитрий Давыдов: «Ситуация, когда неограниченные ресурсы доступны любому абсолютно безвозмездно, скорее всего, относится не к сфере футурологии и социологии, а к сфере безудержной фантазии. Допустим, мы накормим всех людей, дадим им жилье, базовый набор социальных благ и многое другое. Но бороться с «нуждой и необходимостью» можно бесконечно. Когда мы всех накормим, нужно будет бороться с раком. Когда победим рак, нужно будет бороться со старением. Когда отодвинем старение, начнутся проблемы с поломками в геноме. Когда решим и эту проблему — будем постоянно минимизировать те или иные риски и т.д. и т.п. Одни ресурсы приходят на смену другим» [6].

Создание идеального государство слишком масштабная задача для ИИ. Намного эффективнее будет рассредоточить силы и направить их на конкретные задачи. ИИ, в перспективе, может использоваться для осуществления следующих идей:

1.Системы поддержки принятия дипломатических решений в сложных условиях, особенно в условиях дефицита информации или сложности ее верификации.

2.Идея однополярного мира, реализуемая с помощью ИИ может оказывать глобальное влияние на культуру стран, выстраивая идею «одной, правильной» культуры. В таком случае, локальные культуры, которые не

захотят вливаться в «единую семью» будут постепенно выдавливаются за рамки глобальной сети и растворяться ввиду отсутствия поддержки.

3. Мир ждет глобальная гонка ИИ технологий и вооружений, которая не будет регламентироваться никакими международными законами и которая вполне может закончиться Мировой войной ИИ вплоть до разрушения собственно цивилизации.

Переходя от общего к частному, можно привести пример как в России формируется стратегия международного взаимодействия с другими странами. Для начала Российская Федерация в 2021 г. представила собственный Кодекс этики Искусственного интеллекта (КЭСИИ), который продвигал ключевой подход России к ИИ как к инструменту, который может быть использован по-разному. После этого, исследовав нахождение центров развития ИИ стало понятно, что их неравномерное распределение даёт России возможность предложить своё партнёрство и имеющиеся решения заинтересованным развивающимся странам. Однако для этого необходимо формирование механизма продвижения российского ИИ на международном рынке, что стало первостепенной задачей в сфере ИИ.

Таким образом, новые технологии, в большей степени ИИ, оказывают сильное и уже видимое влияние на международные отношения. Безусловно, новые технологии — это шаг вперед, жизнь становится проще, а главное безопаснее. Но нельзя забывать и об отрицательных последствиях, в основном, узурпации власти с помощью технологий и глобальной гонке ИИ технологий и вооружений. Никто не может дать точный прогноз, что произойдет, но с уверенностью можно сказать, что новые, более совершенные технологии уже сейчас создают новый мир.

Список использованной литературы:

1. Алексеев В. Идея построить коммунизм ИИ оказалась провальной//МК.RU.- URL:<https://www.mk.ru/social/2021/07/04/ideya-postroit-kommunizm-iskusstvennym-intellektom-okazalas->

provalnoy.html?utm_source=Rambler&utm_medium=auto&utm_campaign=transition (Дата обращения:12.11.2023).

2.Гедимин, М. А. Искусственный интеллект в международных отношениях: эпоха «цифровой дипломатии»: Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 30 / сост. М. Д. Липницкая; под общ. ред. Е. А. Достанко. — Минск: Четыре четверти, 2023. — С. 11—13.

3.Городнова Н.В. Применение искусственного интеллекта в экономической дипломатии и международной торговле // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Том 11. – № 2. – С. 565-580.

4.Тамарович А. Международная борьба за будущее ИИ и как России в ней не проиграть//Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/borba-za-budushhee-ii/> (Дата обращения : 12.11.2023).

5. Кренн М. Прогнозирование будущего искусственного интеллекта с помощью искусственного интеллекта: высококачественное прогнозирование связей в экспоненциально растущей сети знаний//Cornell University.- URL: <https://arxiv.org/abs/2210.00881> (Дата обращения : 12.11.2023).

6.Коробатов Я. Способен ли искусственный интеллект предсказать будущее человечества?//Комсомольска правда - URL:<https://www.kp.ru/daily/27463/4718011/> (Дата обращения : 12.11.2023).

Об авторах: ЗАПОЛЬСКИХ Полина Руслановна – студент, Удмуртский Государственный университет, e-mail: polina.zi05@mail.ru

About the autors: ZAPOLSKIKH Polina Ruslanovna – Student, Udmurt State University, e-mail: polina.zi05@mail.ru

**КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ СПУТНИКОВ – ПЕРСПЕКТИВЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Карасев П.А.
ИМЭМО РАН, Москва

CYBERSECURITY OF SATELLITES – PROSPECTS OF REGULATION

P.A. Karasev
IMEMO RAS, Moscow

Аннотация: Текущий этап массового освоения космического пространства сопровождается появлением качественно новых угроз космической деятельности, в том числе исходящих из ИКТ-среды. Они формируются уязвимостью космических аппаратов и их инфраструктуры к кибератакам, использованием гражданских спутников и сервисов в военных целях, а также недостаточностью существующего космического права. Рассмотрение существующего космического права с точки зрения его потенциала регулирования киберугроз спутникам и их инфраструктуре демонстрирует его недостаточность, что предопределяет необходимость разработки механизмов его адаптации к современным реалиям.

Abstract. The current stage of mass exploration of outer space is accompanied by the emergence of qualitatively new threats to space activities, including those emanating from the ICT environment. They are formed by the vulnerability of spacecraft and their infrastructure to cyber-attacks, the use of civilian satellites and services for military purposes, as well as the inadequacy of existing Space Law. Review of existing Space Law potential for regulating cyber threats to satellites and their infrastructure demonstrates its insufficiency, which predetermines the need to develop mechanisms for its adaptation to modern realities.

Ключевые слова: кибербезопасность, ИКТ-среда, международная информационная безопасность, космическое право.

Keywords: Cybersecurity, ICT environment, international information security, space law.

Космические аппараты, объединяемые в инфраструктуры разного масштаба и сложности, позволяют решать множество уникальных задач управления и информационного обеспечения гражданской и военной

деятельности государств. По оценкам НКО *Space Foundation*, в 2020 г. глобальный рынок космических услуг превысил 445 млрд долл. США [5]. Также за последние годы существенно выросло число выводимых на орбиту космических аппаратов.

Уязвимости

Непреложным фактом является, что ни одна информационная сеть или система не может считаться абсолютно надежной и безопасной. Спутники имеют в своей конструкции специализированные бортовые вычислительные системы, которые обеспечивают их функционирование по назначению, отправку и приём команд и телеметрии. Компьютерные системы используются и в центрах управления полетами и иных инфраструктурных объектах. До момента запуска КА на орбиту т.н. «поверхность атаки» многократно больше, то есть значительно больше путей, способов или средств, с помощью которых злоумышленники проникают в целевую систему. На этапе проектирования или сборки/настройки КА атака может представлять собой внедрение уязвимости или недокументированной функции (т. н. «закладки»), которая может быть задействована уже после вывода аппарата в космос. Это предполагает повышенные требования к безопасности цепи поставок. В то же время массовое освоение космического пространства с использованием малых спутников, использующих коммерчески доступные компоненты (т. н. «off the shelf»), несет в себе дополнительные риски, так как, с одной стороны, их уязвимости, как правило, хорошо изучены злоумышленниками, а с другой стороны, нет гарантии, что коммерческие предприятия, производящие компоненты и занимающиеся их интеграцией, добросовестно следят (и имеют возможность следить) за безопасностью цепи поставок.

Очевидно, что проведение кибератак против специализированных систем, программно-аппаратная архитектура которых уникальна, представляет собой более сложную задачу. Тем не менее, и здесь использование коммерчески доступных компонентов неизбежно, ввиду

труднодоступности тех, которые предназначены для использования в космосе и военных приложениях.

Поскольку на орбитальном этапе жизненного цикла КА у злоумышленников нет возможности получить физический доступ к его программно-аппаратной части, «поверхность атаки» меньше, однако враждебное воздействие на спутники и космическую инфраструктуру возможны. Экспертное сообщество на протяжении нескольких лет проводит демонстрации возможностей кибератак на КА. Так, с 2018 г. на хакерских конференциях *DEF CON* проводятся соревнования по взлому спутниковой инфраструктуры. В 2022 г. участникам впервые было предложено получить доступ к реальному КА, находящемуся на орбите [6].

Очевидно, что угрозы кибербезопасности носят глобальный и трансграничный характер, что предопределяет необходимость сотрудничать и вырабатывать решения для преодоления этого вызова. В настоящий момент основным документом, регулирующим взаимоотношения государств в космосе, является Договор 1967 г. о космосе. Он содержит положения, которые запрещают определенные виды военной деятельности в космическом пространстве. В частности, согласно Статье IV: «Луна и другие небесные тела используются всеми государствами — участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров» [1, Ст. IV].

Международно признанного определения термина «кибероружие» или «информационное оружие», не существует; при этом многие государства мира уже признали киберпространство средой вооруженного противостояния. Очевидно, что положения Договора о космосе, регламентирующие размещение оружия в космическом пространстве, неприменимы к *кибероружию* без серьезной адаптации. Помимо отсутствия международно признанного определения «кибероружия», нет ясности в том, что можно

понимать под «размещением» кибероружия в космосе. В частности, можно ли считать таковым внедрение закладок в КА на этапе его производства.

Это не единственная правовая неопределенность. Так, Статья III Договора о космосе гласит: «Государства — участники Договора осуществляют деятельность по исследованию и использованию космического пространства... в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания» [1, Ст. III.]. Исходя из этого принципа, государства-члены ООН при взаимодействии друг с другом в космическом пространстве должны воздерживаться «от угрозы силой или ее применения», в том числе «каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций» [4, Ст. 2, п. 3]. Однако еще один неразрешенный вопрос состоит в том, что понимать под «*применением силы*» в киберпространстве.

Кроме этого, международное право регламентирует взаимоотношения между государствами, в то время как в ИКТ-среде, помимо государств, активны киберпреступники, киберхактивисты и иные негосударственные злонамеренные акторы, которые действуют вне правового поля. Но и в части регулирования взаимоотношений государств в ИКТ-среде также не выработано обязательных к исполнению договоренностей. В 2015 г. в докладе Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности были представлены нормы, правила и принципы ответственного поведения государств в ИКТ-среде, которые стали частью т.н. «мягкого права»[3]. Принимая во внимание то, что космическая инфраструктура и спутники являются частью глобальной информационной инфраструктуры, можно утверждать, что ряд предложенных норм, правил и принципов ответственного поведения государств в ИКТ-среде могут использоваться для

обеспечения их кибербезопасности – при условии продолжения работы над выработкой механизмов применения указанных норм, правил и принципов[3].

Подводя промежуточный итог, можно с уверенностью сказать, что существующее космическое право практически не адаптировано к противодействию угрозе кибератак против КА. Даже если исходить из духа и буквы имеющихся договоренностей и Устава ООН, масса до сих пор неразрешенных правовых неопределенностей, связанных с международно-правовым регулированием деятельности государств в ИКТ-среде, являются существенным препятствием на пути нейтрализации киберугроз спутникам и их инфраструктуре.

В то же время, стоит отметить некоторые позитивные события на уровне ООН, которые в перспективе могут оказаться полезными на этом направлении. В 2021 г. в Докладе Генерального секретаря «Уменьшение космических угроз путем принятия норм, правил и принципов ответственного поведения»[2] кибератаки и необеспечение достаточной киберустойчивости наземных сегментов и каналов передачи данных квалифицированы как «безответственное поведение». Важность этого документа и в том, что в нем зафиксировано предложение создать либо группу правительственных экспертов, либо рабочую группу открытого состава, в предлагаемый мандат которой войдет задача разработки свода принципов, норм и правил ответственного поведения государств в космосе, который в долгосрочной перспективе может послужить нормативной основой для возможных переговоров по юридически обязывающему документу [2, п. 42].

Несмотря на то, что в нынешней международной ситуации трудно прогнозировать, насколько успешным может быть работа предполагаемой ГПЭ ООН, наличие в Докладе Генерального секретаря положений о кибервоздействии на спутники и космическую инфраструктуру является шагом в правильном направлении. Они могли бы стать своего рода «правилами игры», которые будут способствовать снижению угроз и напряженности, а в перспективе – стать базой для обновления космического

права и разработки юридически обязывающего документа по космической кибербезопасности.

Список использованной литературы:

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года // ООН [Официальный сайт] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.
2. Доклад Генерального секретаря, ‘Уменьшение космических угроз путем принятия норм, правил и принципов ответственного поведения’, A/76/77, 13 июля 2021 г. // ГА ООН [Официальный сайт] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/118/96/pdf/N2111896.pdf?OpenElement>.
3. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, A/70/174, 22 июля 2015 г. // ООН [Официальный сайт] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/228/37/pdf/N1522837.pdf?OpenElement>.
4. Устав ООН // ООН [Официальный сайт] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
5. Global Space Economy Nears \$447 // Space Foundation [Official website] URL: <https://www.thespacereport.org/uncategorized/global-space-economy-nears-447b/>.
6. Hack-A-Sat 4. Rules // Hack-A-Sat [Official website] URL: https://hackasat.com/wp-content/uploads/2023/02/HAS4_Rules_V0-1.pdf.

Об авторах: КАРАСЕВ Павел Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, e-mail: karpaul@iisi.msu.ru

About the authors: KARASEV Pavel Alexandrovich – Ph.D. (Political Science), Senior Researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E. M. Primakov of the Russian Academy of Sciences, e-mail: karpaul@iisi.msu.ru

**РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННОГО ПРИМЕНЕНИЯ
НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Никитина К.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**RISKS AND PROSPECTS OF THE USE OF NEUROTECHNOLOGY FOR
MILITARY PURPOSES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL
SECURITY**

K.A. Nikitina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Аннотация: Стремительное развитие нейротехнологий занимает важное место в международной повестке. Перепрофилирование этих технологий для военных нужд неизбежно, в связи с чем актуальность приобретает проблема регулирования развития и применения нейротехнологий. В статье рассмотрены области и риски военного применения нейротехнологий, представлены подходы к обеспечению международной безопасности в этой сфере. Отличительная особенность исследования заключается в абстрагировании от проблем разработки и использования искусственного интеллекта.

Abstract. A rapid development of neurotechnology takes an important place on the international agenda. The conversion of the technology to military use is inevitable, and therefore the issue of regulating neurotechnology development is gaining relevance. The article considers areas and risks of military application of neurotechnology and introduces approaches to achieve international security in this sphere. An outstanding feature of this research consists in neglecting the issue of artificial intelligence use.

Ключевые слова: нейротехнологии, когнитивные технологии, технологии двойного назначения, милитаризация, нейронауки, международная безопасность.

Keywords: neurotechnology, cognitive technology, dual-use technology, militarization, neuroscience, international security.

Актуальность. Область знаний, изучающая нейронные процессы и когнитивные функции мозга человека, постоянно совершенствуется. Вместе с ней стремительно развиваются нейротехнологии. По данным ЮНЕСКО, за последние два десятилетия количество публикаций по направлению нейронаук возросло в 35 раз, годовой объем частных инвестиций в нейротехнологические компании увеличился в 22 раза с 2010 по 2020 год, также расширяется государственное финансирование нейротехнологий [9, с. 10]. О широком потенциале и инвестиционной привлекательности нейронаук также свидетельствует существование крупных национальных программ по изучению мозга в США, ЕС, Канаде, Китае, Южной Корее, Японии, Австралии [1].

Учитывая, что 40% нейронаучных исследований приходится на США [9, с. 11] и большая часть из них спонсируется Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) [16], нейротехнологии мирного назначения подлежат переориентации на оборонные нужды. Более того, в экспертно-аналитических кругах НАТО сформировалась концепция когнитивной войны, согласно которой происходит объединение всех элементов информационной войны, включая психологический и нейробиологический аспекты [6]. Это свидетельствует о том, что нейронауки также тесно переплетаются с областью наступательных вооружений. Военное применение нейротехнологий порождает определенные риски и угрозы безопасности, что является недостаточно изученной проблемой.

Риски милитаризации нейротехнологий. Проблема военного применения нейротехнологий обусловлена тем, что наблюдается их неконтролируемое распространение за рамки медицинских учреждений и лабораторных экспериментов, соответственно, нейротехнологии рискуют оказаться в руках злоумышленников. Высокий преобразующий потенциал и доступность нейротехнологий способны спровоцировать непрогнозируемые социально-политические изменения. Возможности скрытого удаленного

воздействия не позволяют отследить факт их применения в качестве оружия. Кроме того, определение нейротехнологий содержательно неоднозначно, поэтому области военного применения и возникновение угроз в этой сфере представляют собой широкое поле для исследований.

Противоречие также состоит в том, что на сегодняшний день существует крайне мало способов регулирования нейротехнологий, несмотря на призывы ученых к международному сотрудничеству в сфере противостояния злонамеренному использованию технологий двойного назначения [17], формирующиеся принципы нейроэтики и провозглашение когнитивного измерения военных действий, которое обуславливает наращивание государствами подобных технологий.

Методология исследования. В рамках этого исследования используется узкое определение нейротехнологий. Намеренное абстрагирование от одного содержательного компонента термина в пользу другого позволяет ответить на вопрос, как можно организовать эффективный контроль развития и применения нейротехнологий, не используя ракурс правового регулирования разработки и использования искусственного интеллекта. Цель исследования – выявить перспективные подходы к обеспечению международной безопасности в сфере применения нейротехнологий. Для достижения цели было осуществлено распределение видов нейротехнологий по категориям военного применения; выявлены общие аспекты этих категорий, необходимые для обеспечения безопасности; на основании анализа публикаций нейробиологов, учитывающих выявленные аспекты, составлены различные представления о подходах к регулированию нейротехнологической сферы, способствующих достижению международной безопасности.

Перспективы военного применения. Нейротехнологии создаются с использованием знаний о принципах работы нервной системы, изучением которых занимаются когнитивные науки. Для наиболее широкого описания технологий, связанных с изучением процессов мышления и принятия

решений, на Западе используется термин «когнитивные технологии».

Существует два вида когнитивных технологий:

1) технологии, способствующие контролю и улучшению когнитивных функций;

2) технологии, моделирующие определенные аспекты естественных когнитивных процессов при помощи искусственных систем [15, с. 198].

Первый вид обозначает нейротехнологии, второй вид – искусственный интеллект. Российские исследователи под нейротехнологиями подразумевают технологии, взаимодействующие с нервной системой человека с целью обеспечить получение информации о происходящих в ней процессах или осуществить воздействие на нее [4]. В публичном аналитическом докладе Федерального реестра экспертов научно-технической сферы Минобрнауки России понятия «когнитивные нейротехнологии», «нейрокогнитивные технологии» и «нейротехнологии» используются как взаимозаменяемые [3]. В рамках данного исследования целесообразно использовать определение нейротехнологий, исключаящее компонент искусственного интеллекта, а именно обозначить их как технологии, обеспечивающие воздействие на когнитивные функции и их улучшение.

В соответствии с данным определением можно выделить следующие виды нейротехнологий, соотносящиеся с областями военного применения:

1) нейрокомпьютерные интерфейсы (НКИ) оборонительного характера;

2) нейротехнологии наступательного характера, обеспечивающие тактические преимущества на поле боевых действий;

3) нейротехнологические системы для обнаружения манипуляций сознанием, используемые во время разведки и расследований [15, с. 200].

Принцип действия НКИ заключается в установлении связи между мозгом человека и компьютерным устройством в обход периферической нервной и мышечной систем. НКИ используют для предупреждения бойцов о потенциальных угрозах на основе информации, получаемой в виде

бессознательных реакций нервной системы на внешние опасности [15, с. 200]. Компьютерное устройство считывает и адаптирует эту информацию для быстрого принятия решений о дальнейших действиях на индивидуальном уровне.

К нейротехнологиям наступательного характера относятся нейрохимические агенты (психоактивные вещества, нейромодуляторы, нейротоксины). Нейрохимические агенты оказывают поражающее воздействие на мозг противника, к последствиям применения относится массовое подчинение целевых групп, полный контроль над командованием и лицами, участвующими в процессе принятия политических решений. Подобное нейроударное оружие не попадает под действие Конвенции о биологическом оружии, поскольку разрабатывается на нанотехнологическом уровне, благодаря чему возможность отследить факт его применения минимальна [7, с. 60].

В основе функционирования систем, используемых для обнаружения манипуляций сознанием, лежит составление карт нейронных связей при помощи электроэнцефалографии и магнитно-резонансной томографии. Эта методика называется снятие отпечатков мозга («brain fingerprinting») [15, с. 209]. Исходная точка разработки технологий такого типа – совершенствование детекторов лжи, в перспективе, заключается в получении данных о том, какое воздействие на психическое состояние оказали определенные события. Нейросистема позволяет выявить, каким манипуляциям подвергался человек ранее, и восстановить в его памяти необходимую информацию, которой он владел до воздействия.

Следует отметить, что нейротехнологии можно комбинировать между собой и интегрировать в единую систему, усиливающую их действие, что способствует размыванию областей военного применения и осложняет определение рисков безопасности. Риски применения нейротехнологий охватывают два основных аспекта: доступ к мозгу человека и распространение технологий вне среды профессионального использования.

Аспект, связанный с получением доступа к информации о процессах, происходящих в нервной системе, порождает угрозы для целостности психики. Более того, радикальное улучшение когнитивных функций представляет собой риск киборгизации, то есть замещение функций тела и разума технологиями [5, с. 509]. Иными словами, доступ к нейробиологическим данным ставит вопрос биобезопасности и этического применения нейротехнологий.

Аспект увеличения числа пользователей нейротехнологий повышает риск противоправного применения с целью принуждения граждан к деструктивным действиям [15, с. 206], что требует принятия определенных норм. Таким образом, механизмы регулирования нейротехнологий на международном уровне необходимо выстраивать с учетом мер биобезопасности, этики и контролируемого доступа.

Перспективы регулирования применения нейротехнологий. При формировании модели международной безопасности в сфере нейротехнологий необходимо также учитывать временной разрыв между установлением правовых норм и опережающим технологическим развитием, сводящим принятые правила игры к нулю. С учетом нейротехнологических прорывов будущего можно выделить следующие подходы к регулированию этой сферы: либерально-прогрессивный, превентивный, ограничительный.

В основе либерально-прогрессивного подхода лежит идея максимальной информационной прозрачности («radical transparency») [11]. Согласно этому подходу необходимо обеспечить справедливый доступ к разработкам в сфере нейротехнологий в сочетании с защитой прав человека. Этот подход нашел выражение в модели демократизации сферы нейротехнологий. Модель предполагает соблюдение шести принципов при внедрении этико-правовых норм, а именно:

- отказ от централизованного контроля во избежание монополизации сферы нейротехнологий;

- открытость, в широком смысле обозначающая возможность оснащения любых устройств персонализированными нейротехнологиями;
- прозрачность, выражающаяся в предоставлении доступа к методологии и результатам исследований;
- инклюзивность, подразумевающая интернационализацию нейротехнологий;
- ориентация на конечного пользователя, предполагающая влияние общественного мнения на направления разработок и предоставление свободы выбора в использовании технологий;
- конвергентность, или функциональная совместимость разных технологий друг с другом [10, с. 276-278].

Применение данной модели в контексте международной безопасности противоречиво. С одной стороны, отсутствие концентрации нейротехнологий в руках одного актора приводит к вовлечению всех участников международных отношений в общее правовое пространство, где приобретение стратегического преимущества в военной сфере за счет нейротехнологий ликвидируется по причине наличия всеобщего доступа к аналогичным технологиям.

С другой стороны, модель демонстрирует уязвимость при предоставлении гарантий безопасности на случай незетичного применения данных пользователей. Предполагаемая либерально-прогрессивной моделью саморегуляция профессиональных групп, имеющих первичный доступ к нейротехнологиям, не исключает злонамеренного использования, что подчеркивает уязвимость данной модели.

Риски деструктивного применения нейротехнологий требуют упреждающих мер, на которых основан превентивный подход к регулированию. Превентивный подход предполагает многоуровневый контроль исследований в области нейротехнологий. Наблюдение за

разработками нейротехнологий двойного назначения реализуется при помощи следующих мер:

- постоянное наблюдение за исследовательской активностью и военными программами путем отслеживания разработок научных институтов и мониторинга публикационной активности;
- обеспечение готовности системы государственных органов к отражению угроз деструктивного применения нейротехнологий;
- объединение всех социально-экономических ресурсов и организаций, направленное на опережение технологических преимуществ и стратегических возможностей конкурентов [8].

Постоянное наблюдение позволяет выявлять риски и формировать ответные меры, в основе которых лежит непрерывно расширяющееся определение того, какая разработка может служить нейрооружием. Успех реализации превентивного подхода к безопасности не определяется степенью нейтрализации угроз военного применения нейротехнологий. Конечная цель при обеспечении безопасности превентивными мерами заключается в разработке методов, которые позволяют использовать слабые места акторов, демонстрирующих высокий потенциал милитаризации нейротехнологий [8, с. 28].

Речь идет о такой системе безопасности, при которой поддержание баланса сил в сфере нейротехнологий на международном уровне возможно при условии, что на каждый потенциальный случай военного применения нейротехнологий со стороны противника разрабатывается технология, предохраняющая от этого случая. Превентивный подход требует целостности, констатируя неизбежность гонки нейротехнологий, которая охватывает все сферы жизни общества.

Применение превентивных мер и организацию эффективного надзора можно дополнить наложением запретов на сферы применения нейротехнологий. Некоторые ограничения касаются экспорта технологий двойного назначения. Например, в России в законодательно закреплённом

списке технологий, подлежащих экспортному контролю, имеются позиции, связанные с нейротехнологиями (нейрокомпьютеры) [2]. В Европейском союзе в аналогичный список внесены нейротоксины и нейрокомпьютерные интерфейсы [14]. Бюро промышленности и безопасности США также стремится удовлетворить запрос академического и предпринимательского сообществ на регулирование торговли нейрокомпьютерными интерфейсами в соответствии с Положениями об экспортном контроле [13]. Приведенные примеры указывают на то, что в мировой практике обеспечения безопасности применения нейротехнологий складывается ограничительный подход в виде гарантий при экспорте технологий двойного назначения.

Выводы. Несмотря на разницу между предложенными моделями, их сходство обнаруживается в том, что они в той или иной мере затрагивают как технологическую основу регулирования (гарантии применения по назначению, гарантии качества технологий, принципы разработки), так и социальные последствия (влияние на поведение человека, предоставление доступа к технологиям).

Существенный пробел каждого из предложенных подходов заключается в том, что ни один из них не учитывает риск киборгизации. Это связано с тем, что большинство современных направлений политической мысли основаны на предположениях об универсальной природе человека, согласно которым стремление к безопасности одинаково у каждого актора [12]. Многие концепции безопасности в международных отношениях не учитывают изменение природы человека, которое становится возможным благодаря нейротехнологиям. В этом смысле потребуется разработка правовых гарантий, защищающих природу человека от слияния с искусственными средствами модификации.

Список использованной литературы:

1. Выходец Р.С., Рушин Д.А. Роль Большой науки о мозге в технологическом лидерстве в области искусственного интеллекта // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 3(60). С. 11-16.
2. Постановление Правительства РФ от 19 июля 2022 года N 1299 «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» (с изменениями на 26 января 2023 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351254369> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Публичный аналитический доклад по направлению «Нейротехнологии» // Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. URL: <https://reestr.extech.ru/docs/analytic/reports/neuroscience.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Сергей Шишкин. О будущем нейротехнологий и интерфейсах мозг-компьютер [интервью начальника отдела нейрокогнитивных технологий Курчатовского комплекса НБИКС-технологий НИЦ «Курчатовский институт»] // InTalent [проект «Умный профнавигатор»]. URL: <https://intalent.pro/interview/sergey-shishkin-o-budushchem-neyrotehniologii-i-interfeysah-mozg-kompyuter.html> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Филипова И.А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3. С. 502-521.
6. Claverie B., Du Cluzel F. “Cognitive Warfare”: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. NATO Collaboration Support Office, 2022. P. 2, 1-7.
7. DeFranco J., DiEuliis D., Giordano J. Redefining Neuroweapons: Emerging Capabilities in Neuroscience and Neurotechnology // PRISM. 2019. Vol. 8, №3. P. 48-63.
8. Giordano J., DiEuliis D. A Strategic Multilayer Assessment. Invited Perspective Paper // NSI, Inc. URL: http://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2021/07/SMA-Invited-Perspective_Emerging-NeuroST_Giordano-and-DiEuliis_FINAL.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
9. Hain D.S., Jurowetzki R., Squicciarini M., Xu L. Unveiling the Neurotechnology Landscape: Scientific Advancements Innovations and Major Trends. Paris: UNESCO, 2023. 179 p.
10. Ienca M. Democratizing cognitive technology: a proactive approach // Ethics and Information Technology. 2019. №21. P. 267-280.

11. Krishnan A. Military Neuroscience and the Coming Age of Neurowarfare. London: Routledge, 2017. 280 p.
12. McIntosh D. The Transhuman Security Dilemma // Journal of Evolution and Technology. 2010. Vol. 21. Issue 2. P. 32-48.
13. Meetings: Brain Computer Interface // An official website of the United States Government. URL: <https://www.regulations.gov/document/BIS-2021-0032-0020> (дата обращения: 10.12.2023).
14. Regulation (EU) 2021/821 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 setting up a Union regime for the control of exports, brokering, technical assistance, transit and transfer of dual-use items (recast) // EUR-Lex. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02021R0821-20230526> (дата обращения: 10.12.2023).
15. Rickli J.M., Ienca M. The Security and Military Implications of Neurotechnology and Artificial Intelligence // Friedrich O., Wolkenstein A., Bublitz C., Jox R. J., Racine, E. Clinical Neurotechnology meets Artificial Intelligence. Advances in Neuroethics. Springer, 2021. P. 197-214.
16. Tennison M., Moreno, J.D. Neuroscience, ethics, and national security: The state of the art // PLoS Biology. 2012. №10 (3). P. 1-4.
17. Walther G. Weaponization of neuroscience // Clausen J., Levy N. Handbook of Neuroethics. Dordrecht: Springer, 2015. P. 1767-1771.

Об авторах: НИКИТИНА Ксения Андреевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: niki.k.a@live.ru

About the authors: NIKITINA Kseniia Andreevna – Postgraduate Student, Saint Petersburg State University, e-mail: niki.k.a@live.ru

УДК: 34.002

**ИНТЕГРАЦИЯ КВАНТОВОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КЛЮЧЕЙ В
СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Олифиренко А.А.

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

**INTEGRATION OF QUANTUM KEY DISTRIBUTION INTO THE
INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY SYSTEM**

A.A. Olifirenko

Saratov State Law Academy, Saratov

Аннотация: В статье рассматривается интеграция квантового распределения ключей (QKD) в систему международной информационной безопасности. Актуальность темы обусловлена быстрым развитием квантовых технологий и их потенциалом в обеспечении безопасности данных в глобальных коммуникационных сетях. Основное внимание уделяется анализу преимуществ QKD, таких как высокий уровень защиты от киберугроз и возможность создания надёжных каналов связи. Рассматриваются технические и теоретические аспекты QKD, включая принципы работы и сценарии применения.

Abstract. The article discusses the integration of quantum key distribution (QKD) into the international information security system. The relevance of the topic is due to the rapid development of quantum technologies and their potential in ensuring data security in global communication networks. The main focus is on analyzing the advantages of QKD, such as a high level of protection against cyber threats and the ability to create reliable communication channels. The technical and theoretical aspects of QKD are considered, including the principles of operation and application scenarios.

Ключевые слова: квантовая криптография, квантовые коммуникации, квантовое право, информационная безопасность, международная информационная безопасность.

Keywords: quantum cryptography, quantum communications, quantum law, information security, international information security.

Актуальность темы

Актуальность этой темы подчеркивается растущей изоэренностью кибератак и присущими традиционным криптографическим методам уязвимостями. Поскольку цифровая коммуникация становится все более неотъемлемой частью международных отношений и торговли, потребность в надежных решениях для обеспечения безопасности становится первостепенной. Квантовое распределение ключей предлагает теоретически неразрушимый метод шифрования, использующий принципы квантовой механики. Это делает его идеальным кандидатом для повышения глобальной безопасности данных.

Исследовательская проблема

Основной исследовательской проблемой, рассматриваемой в данном исследовании, является осуществимость и эффективность интеграции QKD в существующие международные структуры информационной безопасности. Это включает оценку совместимости QKD с существующими инфраструктурами, понимание правовых и регулятивных проблем и оценку потенциала QKD для противодействия возникающим киберугрозам.

Методологическая основа

Методологический подход этого исследования предполагает всесторонний анализ существующих технологий QKD и их приложений. Это включает в себя детальное изучение принципов квантовой криптографии, оценку существующих протоколов безопасности и изучение тематических исследований, в которых QKD был реализован или предложен. Методология также включает критический обзор научной литературы, мнений экспертов и политики международной безопасности.

Теоретическая основа

Теоретические основы этого исследования основаны на областях квантовой механики, криптографии и международных исследованиях в области безопасности. В исследовании исследуются фундаментальные принципы QKD, такие как квантовая запутанность и теорема о недопустимости клонирования, и их значение для информационной

безопасности. В нем также рассматриваются теоретические проблемы и преимущества внедрения QKD в различных геополитических контекстах.

Квантовое распределение ключей (QKD) представляет собой передовую технологию, обеспечивающую защиту информационных каналов от несанкционированного доступа путем использования принципов квантовой механики. История QKD начинается в 70-х годах XX в., когда были заложены первые концептуальные основы квантовой криптографии. Однако широкое признание и активное развитие QKD началось только в 80-х годах XX в., когда был предложен протокол BB84, разработанный Чарльзом Беннеттом и Жилем Brassаром. Этот протокол положил начало практическому применению квантовых технологий в области информационной безопасности [10, с. 1321].

Основная идея QKD заключается в том, что информация кодируется в квантовых состояниях, например, в поляризационных состояниях фотонов. Из-за принципа неопределенности Гейзенберга и теоремы о невозможности клонирования квантовых состояний, любая попытка перехвата и измерения квантового сигнала неизбежно приводит к его изменению. Это позволяет обнаружить факт подслушивания и гарантировать безопасность передаваемых ключей [6, с. 170].

Существует два основных типа протоколов QKD: протоколы, основанные на подготовке и измерении (например, BB84), и протоколы, основанные на запутанности (например, E91, разработанный Артуром Экертом). В протоколах первого типа безопасность обеспечивается за счет использования некоммутативных квантовых состояний. Во втором случае безопасность достигается за счет использования запутанных квантовых состояний, что обеспечивает еще более высокий уровень защиты от несанкционированного доступа.

Разработанный Артуром Экертом в 1991 году протокол E91 основан на явлении квантовой запутанности. В этом протоколе запутанная пара фотонов генерируется и распределяется между двумя сторонами. Безопасность протокола E91 основана на нарушении неравенств Белла, гарантирующих, что

любая попытка подслушивания нарушает запутанность, тем самым обнаруживая ее присутствие [5, с. 245].

Протокол BB84, представленный Беннеттом и Brassardом в 1984 году, является краеугольным камнем QKD. Он использует поляризационные состояния фотонов для передачи информации. Протокол построен на концепции двух наборов ортогональных состояний, обычно линейной и диагональной поляризаций. Безопасность протокола BB84 обеспечивается теоремой о недопустимости клонирования и принципом квантовой неопределенности, гарантирующим обнаружение любой попытки подслушивания [4, с. 178].

В этом протоколе информация кодируется в поляризационных состояниях фотонов, причём измерение этих состояний неизбежно изменяет их, что позволяет выявить любые попытки подслушивания. Протокол предполагает, что отправитель (Алиса) случайным образом выбирает одно из двух квантовых состояний для каждого бита информации, а получатель (Боб) производит измерения в случайно выбранной базе. После обмена информацией о выбранных базах Алиса и Боб отбрасывают результаты, полученные в разных базах, формируя таким образом общий секретный ключ.

Значит, основной принцип QKD заключается в уникальных свойствах квантовой механики, в частности в понятиях суперпозиции и запутанности:

1. Квантовая суперпозиция: В QKD информация кодируется в квантовых состояниях, таких как поляризация фотонов. Благодаря квантовой суперпозиции эти фотоны могут существовать в нескольких состояниях одновременно, позволяя кодировать больше информации, чем классические биты.

2. Квантовая запутанность: Запутанность - это явление, при котором квантовые состояния двух частиц становятся взаимосвязанными, и состояние одной частицы мгновенно влияет на состояние другой, независимо от расстояния. Это свойство используется в определенных протоколах QKD для обеспечения безопасности [11].

3. Теорема о недопустимости клонирования: Фундаментальным принципом QKD является теорема о недопустимости клонирования, которая гласит, что невозможно создать идентичную копию неизвестного квантового состояния. Этот принцип гарантирует, что любая попытка подслушивания может быть обнаружена, поскольку она неизменно нарушает квантовое состояние.

4. Квантовая неопределенность: Принцип неопределенности Гейзенберга подразумевает, что измерение квантового состояния неизбежно изменяет его. В QKD это означает, что любая попытка подслушивания приведет к обнаруживаемым аномалиям в передаче данных, обеспечивая целостность процесса распределения ключей.

При этом практическая реализация QKD значительно эволюционировала с момента ее теоретического появления. Ранние эксперименты были ограничены лабораторными условиями с небольшими расстояниями передачи. Однако достижения в области фотоники и квантовых технологий привели к разработке более надежных и практичных систем QKD.

Для реализации систем QKD требуются очень сложные источники фотонов, способные генерировать одиночные фотоны, наряду с чувствительными детекторами для точного измерения квантовых состояний этих фотонов.

Для преодоления ограничений расстояния разрабатываются квантовые ретрансляторы. Эти устройства позволяют расширять квантовые каналы связи за пределы ослабления оптических волокон.

Помимо оптоволоконных систем, QKD в свободном пространстве была продемонстрирована на больших расстояниях и даже по спутниковым каналам связи, прокладывая путь к глобальной квантовой сети связи.

Предпринимаются усилия по интеграции систем QKD с существующей телекоммуникационной инфраструктурой с целью создания гибридных сетей, использующих как квантовые, так и классические технологии для повышения безопасности.

В практической системе QKD атаки по побочным каналам, которые используют утечку физической информации или информации об окружающей среде, могут представлять значительную угрозу. Таким образом, безопасность систем QKD выходит за рамки квантового уровня и распространяется на физическую безопасность задействованных устройств.

Хотя QKD по своей сути защищен от подслушивания, он по-прежнему подвержен атакам типа «человек посередине» на начальном этапе обмена ключами. Надежное установление идентификационных данных взаимодействующих сторон имеет решающее значение для снижения этого риска [7, с. 45].

При этом, внедрение систем QKD предполагает использование сложных квантовых технологий, которые пока не полностью совместимы с существующей телекоммуникационной инфраструктурой. Например, квантовые сигналы, используемые в QKD, чрезвычайно чувствительны к помехам окружающей среды и потерям в каналах передачи, что затрудняет их передачу на большие расстояния без существенного ухудшения сигнала. Современные системы QKD требуют использования оптических волокон с малыми потерями или прямой видимости в оптических каналах свободного пространства, и то, и другое создает значительные логистические и инженерные проблемы в реальных условиях [3, с. 283].

Масштабируемость – еще одна критическая проблема для систем QKD. Текущие протоколы QKD нелегко масштабировать для больших сетей из-за проблемы квантового ретранслятора. Квантовые ретрансляторы, необходимые для расширения диапазона квантовой связи, все еще находятся на ранних стадиях разработки. Это ограничение ограничивает QKD относительно короткими расстояниями и маломасштабными сетями, что делает его непрактичным для широкого использования в глобальных сетях связи.

Хотя QKD обеспечивает теоретическую безопасность, основанную на законах квантовой механики, на практике он все еще может быть подвержен различным уязвимостям.

Безопасность системы QKD настолько же надежна, насколько и ее реализация. Любые недостатки в физической настройке или отклонения от идеальных условий могут привести к появлению уязвимостей. Злоумышленники могут использовать эти недостатки, например, в фотонных детекторах или квантовом источнике, для получения информации о распространяемом ключе. Этот тип атаки, известный как атака по побочному каналу, представляет значительную угрозу практической безопасности систем QKD.

Сфера международной информационной безопасности опирается на сложную систему стандартов. Эти стандарты, начиная от протоколов защиты данных и заканчивая методологиями шифрования, служат универсальным языком, обеспечивая совместимость и безопасность в различных системах и странах. Интеграция QKD в эту структуру требует глубокого понимания как ее уникальных свойств, так и существующих стандартов, с которыми она должна взаимодействовать [9, с. 1019].

Несколько международных организаций играют решающую роль в стандартизации QKD. Примечательно, что Международный союз электросвязи (МСЭ) сыграл важную роль в разработке стандартов для телекоммуникаций, включая аспекты квантовой связи. Аналогичным образом, Международная организация по стандартизации (ИСО) вносит свой вклад в стандартизацию различных аспектов технологий и процессов, включая те, которые имеют отношение к QKD [2, с. 52].

Эти организации являются не просто установщиками стандартов; они являются платформами для сотрудничества, дискуссий и формирования консенсуса между странами, отраслями промышленности и экспертами. В контексте QKD они способствуют сближению различных точек зрения – от физиков до экспертов по информационной безопасности – гарантируя, что

разработанные стандарты являются надежными, практичными и универсально приемлемыми [6, с. 599].

Развивается также национальная практика в данном направлении, так национальный план Китая «Сделано в Китае до 2025 года», наряду с его 14-м пятилетним планом социально-экономического развития (2021-2025 годы), подчеркивает значительные достижения в области квантовых технологий. Национальный план предусматривает стратегическое «развитие мозгов», содействие многочисленным национальным инновационным проектам и создание передовых лабораторий. Государственное финансирование является ключевым элементом этой стратегии, направленной на продвижение сектора квантовых технологий Китая к мировому лидерству. Это включает в себя сосредоточение внимания на коммерциализации технологий квантовой связи, распределении квантовых ключей и интерферометрии на холодных атомах [12].

В мае 2016 года Европейский союз объявил о флагманской инициативе Quantum, крупномасштабной программе, подкрепленной значительным объемом финансирования в размере 1 миллиарда евро. Эта инициатива охватывает как исследования в области квантовых технологий, так и комплекс мероприятий по тестированию и валидации этих технологий. Приверженность Европейской комиссии отражает стратегический законодательный подход к стимулированию развития квантовых технологий в ЕС.

Квантовый манифест 2016 года описывает основные направления деятельности ЕС по продвижению квантовых технологий. Примечательно, что более 3400 частных компаний в различных странах ЕС присоединились к Манифесту, что свидетельствует о значительном интересе частного сектора к квантовым технологиям. Эти компании участвуют в разработке квантовых технологий посредством государственно-частного партнерства, грантов и других форматов сотрудничества. Таким образом, законодательная база ЕС не только поощряет инновации в области квантовых технологий, но и облегчает сотрудничество между правительством и промышленностью, подчеркивая

многогранный подход к законодательному закреплению квантовой безопасности [13].

Помимо законодательных актов, важен процесс стандартизации QKD. Первый шаг в стандартизации QKD предполагает понимание его технических нюансов – от частоты квантовых битовых ошибок до интеграции с классическими методами шифрования. Это требует обширных исследований и экспериментов, часто проводимых специализированными комитетами в рамках органов по стандартизации или в сотрудничестве с академическими институтами [1, с. 73].

Процесс стандартизации также включает в себя ориентирование в сложном ландшафте международных нормативных актов. QKD, с его потенциалом для сверхбезопасной связи, пересекается с различными правовыми и политическими соображениями, включая законы о конфиденциальности и международные соглашения по информационной безопасности.

Влияние QKD на международную архитектуру информационной безопасности будет глубоким, затрагивая технические, политические, экономические и социальные аспекты. Его потенциал революционизировать шифрование и безопасную связь сопряжен с проблемами и возможностями, требующими совместного и осознанного подхода со стороны правительств, отраслей промышленности и международного сообщества. Переход к системе безопасности, включающей QKD, вероятно, будет постепенным и потребует значительных исследований, инвестиций и разработки политики, чтобы полностью реализовать ее преобразующий потенциал.

Заключение

Исследование осветило несколько важнейших аспектов и последствий этой передовой технологии в сфере информационной безопасности. Поскольку мы стоим на пороге новой эры в области информационной безопасности, отмеченной квантовыми достижениями, крайне важно оценить путь, на который мы вступили, и горизонты, которые открываются впереди.

Во-первых, внутренняя природа QKD – использование принципов квантовой механики для безопасной связи – представляет собой смену парадигмы в криптографии. В отличие от классических методов шифрования, QKD обеспечивает теоретическую неуязвимость против угроз квантовых вычислений, что становится все более важным в мире, где традиционные криптографические методы становятся уязвимыми.

Нормативно-правовая база для QKD и квантовых технологий в целом все еще находится в зачаточном состоянии. Это исследование подчеркнуло необходимость всеобъемлющей международной структуры, регулирующей использование и развертывание QKD. Такая структура не только способствовала бы более плавной трансграничной интеграции, но и обеспечила бы этическое и ответственное использование этой мощной технологии.

Интеграция квантового распределения ключей в систему международной информационной безопасности является сложной, но жизненно важной задачей. Она обещает вступить в эру беспрецедентной безопасности в области цифровых коммуникаций, фундаментально изменив ландшафт международной информационной безопасности. Путь долг и полон трудностей, но потенциальная награда – мир, в котором информация может передаваться с неоспоримой безопасностью, – стоит затраченных усилий. Это исследование служит маяком, указывающим путь к более безопасному и устойчивому к квантам будущему.

Список использованной литературы:

1. Громова, Е. А. Квантовое право: начало / Е. А. Громова, С. А. Петренко // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 62-88.
2. Евсиков, К. С. Информационная безопасность цифрового государства в квантовую эпоху / К. С. Евсиков // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2022. – № 4(92). – С. 46-58.

3. Шемякина, М. А. Использование квантовых технологий в информационной безопасности / М. А. Шемякина // Modern Science. – 2019. – № 11-4. – С. 281-284.
4. Bennett, C.H., and Brassard, G. Quantum cryptography: Public key distribution and coin tossing. Proceedings of IEEE International Conference on Computers, Systems, and Signal Processing, 1984. P. 175-179.
5. Ekert, A.K. Quantum cryptography based on Bell's theorem. Physical Review Letters, 67(6), 1991. 661 p.
6. Gisin, N., Thew, R. Quantum communication. Nature Photonics, 1, 2007. P. 165-171.
7. Liao, S.-K., et al. (2017). Satellite-to-ground quantum key distribution. Nature, 549, 43-47.
8. Lo, H.-K., Curty, M., & Tamaki, K. (2014). Secure quantum key distribution. Nature Photonics, 8, 595-604.
9. Pirandola, S., et al. Advances in Quantum Cryptography. Advances in Optics and Photonics, 12(4), 2020. P. 1012-1236.
10. Scarani, V., et al. The security of practical quantum key distribution. Reviews of Modern Physics, 81(3), 2009. P. 1301-1350.
11. Xu, F., et al. Secure quantum key distribution with realistic devices. Reviews of Modern Physics, 92(2), 2020, 025002.
12. Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 14.12.2023).
13. Quantum Manifesto endorsement / QUROPE Quantum Information Processing and Communication in Europe // URL: <http://qurope.eu/manifesto> (дата обращения: 14.12.2023).

Об авторе: ОЛИФИРЕНКО Артем Алексеевич – студент 4 курса Юридического института правосудия и адвокатуры СГЮА, e-mail: panolifer@mail.ru

About the author: OLIFIRENKO Artyom Alekseevich – 4th year student, Law Institute of Justice and Advocacy of the Saratov State Law Academy. e-mail: panolifer@mail.ru

**РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК БАЗА
ЭВОЛЮЦИИ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ**

Оришак А.В.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**DEVELOPMENT OF MODERN TECHNOLOGIES AS THE BASIS FOR
THE EVOLUTION OF PAYMENT SYSTEMS**

A.V. Orishak

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Трансформация современной экономики демонстрирует запрос и активный процесс поиска эффективных, быстрых, безопасных и справедливых средств платежа. В статье рассмотрены основные направления развития платежных систем, важность технологического и научного развития для развития современных платежных систем. Сделаны выводы о направлениях технологий, прогресс которых влияет на развитие платежных систем.

Abstract. The transformation of the modern economy demonstrates the demand and active process of searching for effective, fast, safe and fair means of payment. The article considers the main directions of development of payment systems, the importance of technological and scientific development for the development of modern payment systems. Conclusions are drawn about the directions of technologies, the progress of which affects the development of payment systems.

Ключевые слова: мировая валютная система, национальная валюта, цифровые валюты, криптовалюты, дедолларизация, блокчейн, майнинг, шифрование, особые валютные зоны, биткоин, платежный баланс, валютные меры.

Keywords: world currency system, national currency, digital currencies, cryptocurrencies, dedollarization, blockchain, mining, encryption, special currency zones, bitcoin, balance of payments, currency measures.

Развитие платежных средств. С древних времен человечество находится в поиске наиболее удобного, безопасного и справедливого средства платежа. На смену примитивному обмену и бартеру пришло золото, так называемый золотой стандарт, переход от которого был положен по итогам

Бреттон-Вудской конференции и переходу к фиксированному курсу валют к доллару США[1]. Позже Ямайской системой был введен плавающий курс национальных валют по отношению к доллару США. Мировая валютная система находится в постоянном развитии. Можно выделить три основных направления развития мировых платежных систем: криптовалюты, цифровые валюты, дедолларизация.

Цифровые валюты

Рис 1. Направления развития средств международных расчетов (составлено автором).

По своей природе криптовалюты и цифровые валюты достаточно близки, но есть принципиальные отличия, основным является отличия эмитентов: эмитентом цифровых валют является центральный банк, а эмитентом криптовалют – частные компании.

Таблица 1. Сравнение цифровых денег и криптовалют (составлено автором)

	Цифровые деньги	Криптовалюты

Эмитент	Центральный банк	Неопределенные лица или частная компания
Погашение обязательства	Конвертируемо в другие формы денег центрального банка	Отсутствует
Обеспечение	Баланс центрального банка, доверие к уже существующей национальной валюте	Отсутствует или полное или частичное обеспечение набором активов

Фиксация транзакции цифровых валют осуществляется с помощью блокчейн. Это децентрализованный цифровой реестр, который надежно записывает транзакции между двумя сторонами и защищает эти записи от несанкционированного доступа. Данные о транзакциях записываются распределенной сетью специальных компьютеров со всего мира, называемых нодами.

Блокчейн обеспечивает целостность данных, потому что криптография и механизмы консенсуса делают его неизменным: записанную на нем информацию нельзя изменить задним числом.

Блокчейн играет важную роль в повышении прозрачности, безопасности и доверия не только в финансах, но и в других сферах. В блокчейн-сетях покупатель и продавец актива подтверждают транзакцию с помощью криптографических ключей — специальных уникальных цифровых кодов. Угадать последовательность символов цифрового кода криптографических ключей практически невозможно. Это делает технологию блокчейн одной из лучших для финансовых транзакций. Одной из технологий создания криптовалют является майнинг. Учитывая рост валют и транзакций сложность

майнинга постоянно растет, и только в период с 2020 по 2023 сложность майнинга биткойн выросла более чем в 3 раза.

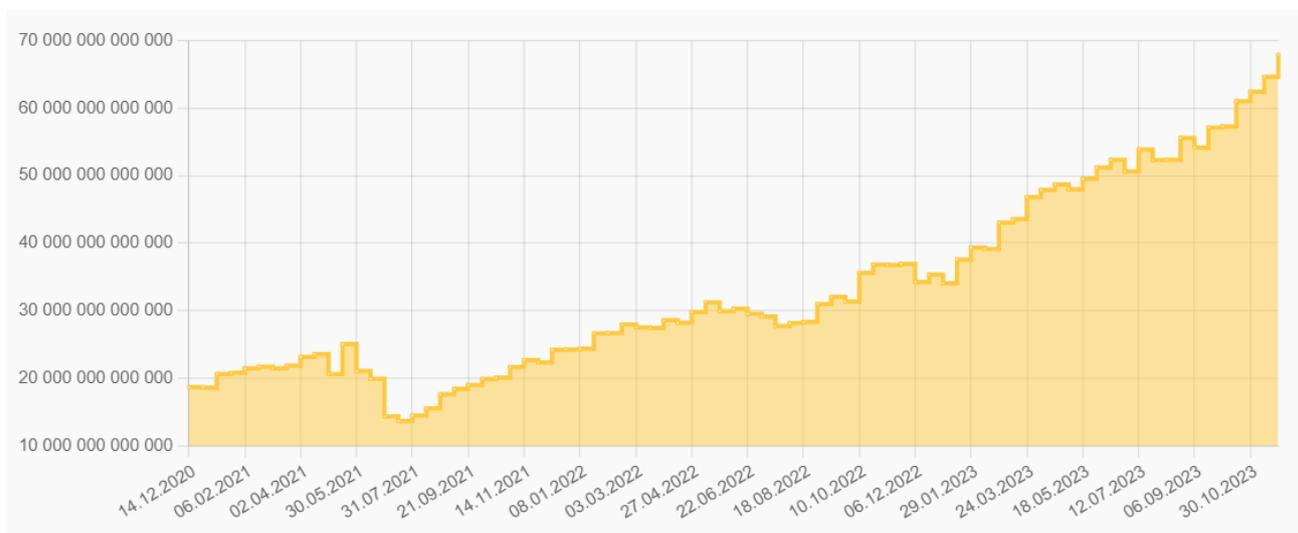

Рис 2. Сложность майнинга Биткойн (составлено автором на основе данных bits.media)

Рост сложности вычислений, а значит и повышение мощности добывающих устройств, рост количества устройств сети криптовалюты – все это ведет к росту объема энергозатрат сетей криптовалют. Годовое потребление только сети биткойн составляет 142,25 ТВт*ч.

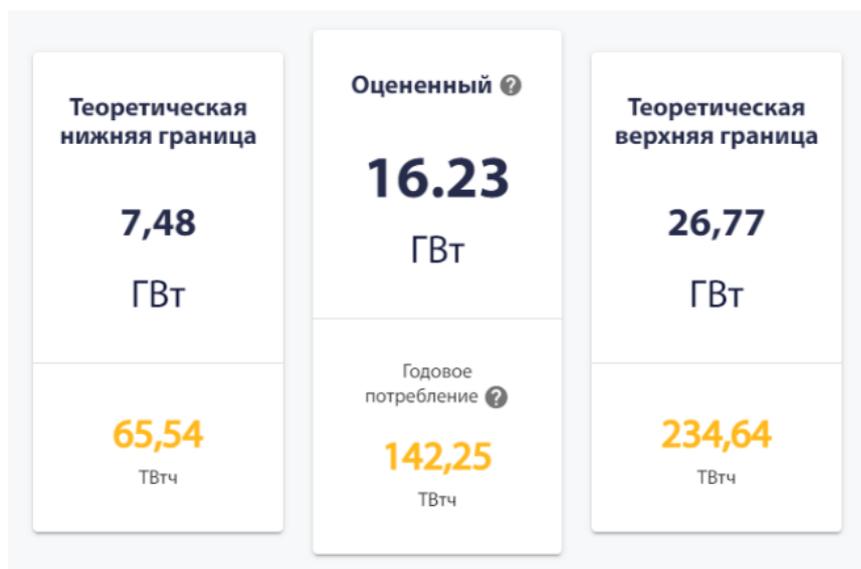

Рис 3. Энергозатраты сети биткойн [5]

По структуре источников 62 % - уголь и газ, а 38 % - экологически чистые. Здесь есть над чем поработать, с целью уменьшения углеродного следа.

Насколько много или мало 142,25 ТВт*ч? Из данных генерации электроэнергии в России видно, что за 2022 год было сгенерировано 1 167 ТВт*ч. Из них 224 ТВт*ч сгенерировано АЭС, 200 ТВт*ч сгенерировано ГЭС. Получается что годовое потребление сети биткойн сопоставимо с генерацией электроэнергии всеми ГЭС или всеми АЭС в России[4].

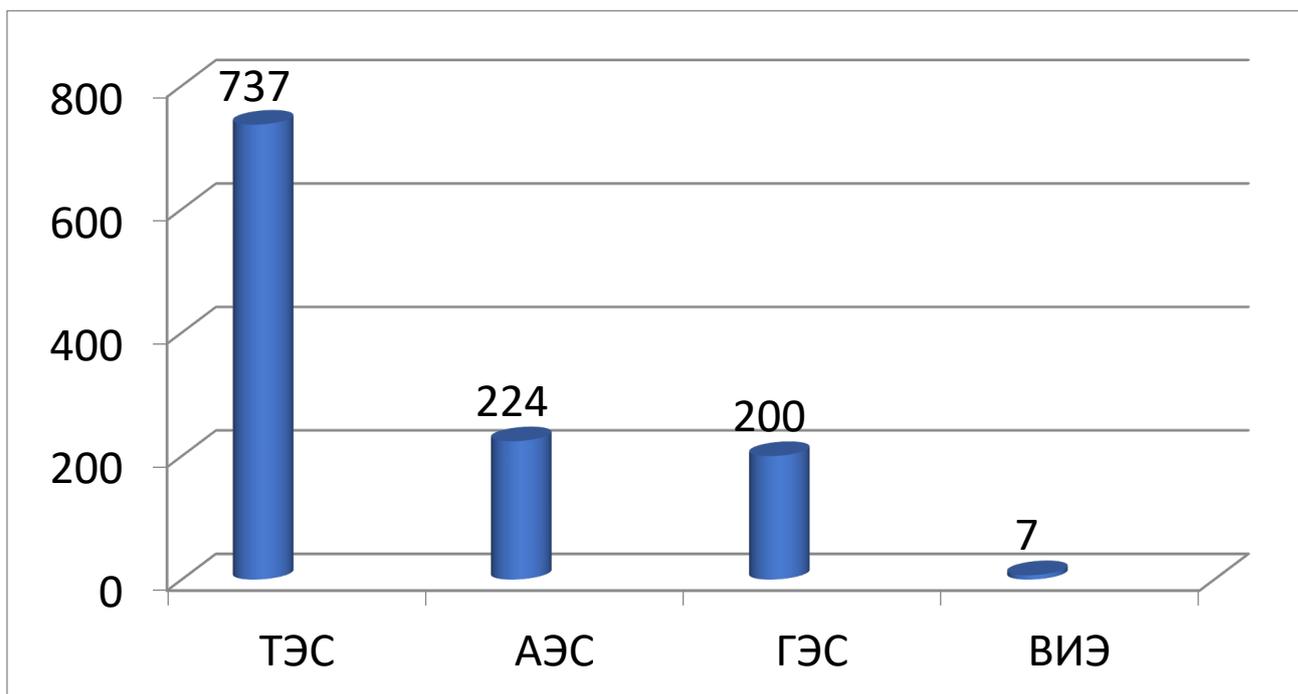
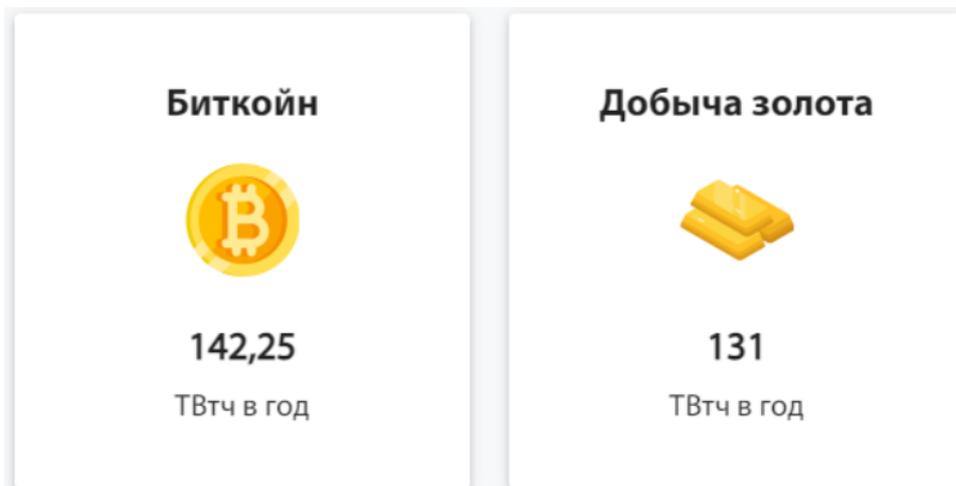

Рис 4. Генерация электроэнергии в РФ (составлено автором на основе данных Росстат)

По уровню энергозатрат, 142,25 ТВт*ч затрачиваемые только на одну сеть биткойн, сопоставим с уровнем энергопотребления целой страны. Столько же энергии потребляет в день весь Пакистан. Затраты в мире на добычу золота 131 ТВт*ч. Таким образом, на добычу золота во всем мире тратиться сопоставимый уровень энергии с затратами на работу сети биткойн.

Рис 5. Сравнение энергозатрат на добычу золота и биткойн [5]

Вероятно, есть способы снижения влияния сетей криптовалют на экологию планеты. Например, Потери электроэнергии T&D в США 200 ТВт*ч, что

соответствует 1,4 потребления сети биткойн. Или же Глобальный потенциал утилизации факельного

сжигания попутного газа 688 ТВт*ч, в 4.8 раз больше потребления сетью биткойн. Или же Сокращение использования возобновляемых источников энергии в Китае 105 ТВт*ч, как 0,7 потребления сетью биткойн.

Рис. 6. Альтернативные источники энергии на сеть биткойн [5]

Конечно, стоит добавить в этот ряд потенциал увеличения доли экологически чистых источников энергии в структуре потребления на сеть электронных валют, учитывая, что в настоящее время, это не более 40%, тогда как доля угля и газа более 60 %.

Дедолларизация

В развивающихся странах в случае, если доллар более стабилен и конвертируем, чем национальная валюта наблюдался процесс долларизации или долларизации экономики. Долларизация экономики — феномен

международного денежного рынка, при котором доллар США (или другая иностранная валюта) широко применяется для операций внутри страны или отдельных отраслей её экономики, вплоть до полного вытеснения национальной валюты.

Использование доллара в качестве внутренней валюты имеет место в странах:

- Виргинские Острова (Великобритания);
- Восточный Тимор;
- Зимбабве;
- Эквадор;
- Панама;
- Сальвадор;
- Теркс и Кайкос;
- Северные Марианские Острова;
- Маршалловы Острова;
- Федеративные Штаты Микронезии;
- Гуам;
- Пуэрто-Рико;
- Палау.

В противовес процессу долларизации, в экономиках сформировавших процесс финансовой и монетарного регулирования экономики наблюдается процесс дедолларизации.

Дедолларизация — процесс замещения доллара США в межнациональных расчётах, активно происходящий в XXI веке. Дедолларизация обратна процессу долларизации, происходившему в течение XX века.

Одним из вариантов дедолларизации считается использование оптимальных валютных зон. Оптимальная валютная зона (англ. optimum

currency area) — географическая область, – в противоположность национальной территории, – в рамках которой могут быть достигнуты цели внутреннего равновесия (низкая инфляция и полная занятость) и внешнего равновесия (устойчивый платежный баланс)[2]. Создателем теории является американский экономист канадского происхождения Роберт Манделл. Согласно видению Мильгейта и Ньюмана оптимальная валютная зона – это географическая область, в пределах которой общим средством платежа выступает единая валюта либо ряд валют, чьи курсы привязаны друг к другу на условиях полной конвертируемости как по текущему, так и по счету капитала платежного баланса, но которые согласованно колеблются по отношению к валютам других стран [6].

Роберт Манделл изложил критерии, необходимые для того, чтобы регион мог считаться оптимальной валютной зоной и получать выгоду от общей валюты:

- между странами участниками должна существовать полная мобильность факторов производства (труда и капитала);
- открытость экономик стран-кандидатов;
- сходство темпов инфляции диверсификация экономики (наличие в стране значительного числа моноотраслевых регионов);
- экономическая интеграция;
- политическая интеграция;
- корреляция шоков[5].

Для соответствия территории критериям оптимальных валютных зон разработано достаточно методик, самые простые из которых можно представить следующими формулами:

Уровень диверсификации:

$$D = 1 - \frac{100}{\sum_{i=1}^n Y_{\pi}(2i - 1)}$$

Коэффициент Герфендаля [3]:

$$H = \sum_{i=1}^m Y_i^2$$

Коэффициент энтропии:

$$S = \sum_{i=1}^m Y_i \ln \frac{1}{Y_i}$$

Учитывая сложные алгоритмы перспективных платежных систем, и как следствие необходимый для этого уровень развития алгоритмов и вычислительной техники, и как следствие необходимый уровень развития зеленой энергетики и энергосберегающих технологий можно составить список технологий, выполняющих роль базы дальнейшего развития платежных систем:

- развитие вычислительных мощностей;
- экологически чистые и возобновляемые источники энергии;
- развитие алгоритмов вычисления;
- ML машинное обучение;
- AI искусственный интеллект.

Открытым остается вопрос возвращения к расчетам наличными и золотом. Тогда в ответ на танкер со сжиженным газом или электроникой контрагентам необходимо будет отправлять танкер с наличными или золотом.

Список использованной литературы:

1. Красавина Л. Н. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения / Под ред. Л. Н. Красавиной. 5-е изд. М., 2019.
2. Довбенко М. В., Осик Ю. И., Современные экономические теории в трудах нобелиантов / М. В. Довбенко, Ю. И. Осик, - Москва, 2011. – С. 321 – 424.
3. Михеева Н.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка / Н.Н. Михеева// Пространственная экономика. – 2013. – № 1. – С. 11–32.
4. Динамика промышленного производства в 2022 году [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621?print=1>

5. Майнинг и электроэнергия: удержим ли мы криптоаппетит? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://greenchain.tech/blog/tpost/u112ji11d1-maining-i-elektroenergiya-uderzhim-li-mi>
6. Mundell R. A theory of optimum currency areas // American Economic Review. — 1961. — № 53. — С. 657–665.
7. Eatwell, J., Milgate, M., Newman, P. The new Palgrave Dictionary of Economics. / J. Eatwell, , M. Milgate, P. Newman, - London: McMillan, 1987.

Об авторах: ОРИШАК Антон Валентинович – аспирант, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: antonichk@mail.ru

About the authors: ORISHAK Anton Valentinovich – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: antonichk@mail.ru

**ИНТЕРНЕТ КАК ПЛОЩАДКА ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОТИВОБОРСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Погосова М.С.

Пятигорский государственный университет, Пятигорск

**INTERNET AS A PLACE OF INFORMATION CONFRONTATION (ON
THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

M.S. Pogosova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

Аннотация: В статье исследуется роль интернета как площадки информационного противоборства. Особое внимание уделяется воздействию социальных сетей на общественное мнение. Автором исследуются механизмы манипуляции общественным мнением и вызовы, которые это представляет угрозу национальной безопасности страны. Рассматривается пример использования интернета в качестве площадки информационного противостояния, в основу которого легла внутривнутриполитическая ситуация Республики Беларусь в 2020-м году. Автор сравнивает реакцию действующего правительства в сложившейся политической ситуации в стране с массовыми акциями протеста на территории Украины. Подчеркивается необходимость работы для обеспечения безопасности в интернете в рамках информационного противостояния.

Abstract. The article explores the role of the Internet as a platform for information confrontation. Special attention is paid to the impact of social networks on public opinion. The author examines the mechanisms of manipulation of public opinion and the challenges it poses to the national security of the country. The author considers a real example of the use of the Internet as a platform for information confrontation, based on the internal political situation of the Republic of Belarus in 2020. The author compares the reaction of the current government in the current political situation in the country with the mass protests in Ukraine. The author emphasises the need to work to ensure security in the internet space within the framework of the information confrontation.

Ключевые слова: Республика Беларусь, информационная война, информационное противоборство, интернет, гибридное противостояние, выборы.

Keywords: Republic of Belarus, information warfare, information confrontation, internet, hybrid confrontation, elections.

В течение последнего десятилетия интернет стал неотъемлемой частью жизни человечества, предоставляя огромное количество информации и возможностей. Вместе с тем, он стал также платформой для информационного противоборства – процесса, в ходе которого различные стороны активно конкурируют за влияние, управление и манипуляции общественным мнением и контроль над информацией в рамках достижения геополитических целей и защиты национальных интересов. Состояние современной системы международных отношений с многообразием акторов позволяет применять интернет в различных формах, таких как дезинформация, манипуляция общественным мнением посредством социальных сетей, а также кибер-атаки. На примере политической ситуации в Республике Беларусь в период выборов 2020 года будет рассмотрено значение интернета в качестве площадки информационного противоборства различных акторов международных отношений.

В первую очередь, сеть интернет представляет собой существенную составляющую в развитии современного международного сообщества и играет значительную роль в сфере международных отношений. С развитием технологий, значение информации, как инструмента достижения целей различными акторами международных отношений, возросло. На сегодняшний день информатизация сфер жизнедеятельности человека привела к тому, что население планеты живет в постоянном контакте с информацией. При таких условиях интернет, как один из главных источников и инструментов взаимодействия с информацией, приобрел большее влияние и стал площадкой информационного противоборства различных акторов международных отношений, манипуляций информацией, которые, в свою очередь, подвергают угрозам национальную безопасность государств. Ярким примером использования Интернета в качестве инструмента давления на

внутриполитические процессы является политическая ситуация, сложившаяся в Республике Беларусь в период выборов. Рассматривая в международном информационном пространстве период выборов главы государства является самым частым случаем применения различных интернет-технологии на политическую ситуацию внутри страны, массовое сознание население и подрыв национальной безопасности. Заявления представителей различных государств о попытках вмешательства иностранных акторов во внутренние политические процессы страны, можно считать самыми регулярными. Более того, после объявления результатов, проигравшая сторона довольно часто причиной своего поражения объявляет вмешательство из-за рубежа, периодически обвиняя в хакерских атаках и подтасовке результатов. На фоне таких заявлений довольно часто наблюдается процесс организации митингов оппозиционными группами, которые во многом координируются иностранными правительствами, неудовлетворенными результатами выборов.

В период и после проведения выборной компании, активно использовались возможности сети интернет для воздействия на настроение населения и подрыва информационной безопасности страны. С 9 по 12 августа отмечались перебои в работе различных приложений и мессенджеров, а также государственные сервисы. По официальной версии, подобная ситуация произошла в следствии внедрения DPI (Deep packet inspection), как ответная мера на массированные DDoS-атаки на внутренние сети [1]. Данную версию периодически ставят под сомнения, в связи с технической сложностью реализации подобных действий.

Тем не менее, рассматривая работу интернет-ресурсов в данный период, отмечается что технические проблемы происходили также и с официальной онлайн-платформой для подсчета результатов выборов «Голос», IP-адрес который был подменен на фишинговый сайт, что, в свою очередь, представляло угрозу национальной безопасности страны, так как конфиденциальные данные граждан могли быть использованы мошенниками для манипуляции населением [1].

Кибер-атаки являются не единственным инструментом информационного противостояния. Благодаря развитию технологий и формированию собственной базы IT-специалистов, способных экстренно реагировать на кибер-угрозы, а также реализовывать профилактические меры, кибер-атаки наносят значительно меньший ущерб, нежели случаи применения социальных сетей для информационного противостояния.

Социальные сети представляют значительно большую угрозу, нежели кибер-атаки и любые другие инструменты информационного конфликта, так как они представляют собой платформу одновременно для обмена информацией и коммуникации между индивидами и группами лиц. Благодаря массовому распространению и высокому значению социальных сетей для современного человека, и, в частности, постоянное нахождение людей в информационном поле, социальные сети представляют собой универсальный инструмент, позволяющий быстро распространять информацию на различных площадках, взаимодействовать с людьми разного возраста и социальных групп и в дальнейшем манипулировать массовым сознанием и настроением.

В случае с Республикой Беларусь социальные сети использовались как инструмент информационного противостояния официального правительства и оппозиционных групп, которые распространяли информацию с алгоритмом действий людей, несогласных с проводимой в стране политикой [2]. Агитация в телеграм-каналах стала одной из главных характеристик оппозиционной деятельности. Она использовала интернет как мощный инструмент для мобилизации и коммуникации с массами. Это позволило оппозиции достичь широкой аудитории и распространить свои идеи и требования. Однако следует отметить, что влияние из-за рубежа также сыграло важную роль. Международная поддержка и финансирование помогли оппозиции в ее борьбе за демократию и свободу. Информационная поддержка со стороны зарубежных акторов, включая СМИ и политические организации, помогла оппозиции привлечь внимание международного сообщества и создать давление на белорусские власти. Пропагандируемые действия могли

поставить под угрозу безопасность страны, так как несогласованные митинги могли пойти по любому из возможных сценариев. Более того, следует отметить схожесть алгоритмов, которые распространялись среди протестующих в Республике Беларусь, и которые использовались на территории Украины в 2013-2014 годах [3]. Риторика, в которую также был включён инструктаж оппозиционно настроенных слоев населения, который распространялся в социальных сетях, также носил радикальный характер, так как в рекомендациях отчетливо прослеживаются призывы к провокациям правоохранительных органов, действия которых в дальнейшем могли повлиять на политическую систему Беларуси. Благодаря технологиями сети интернет, у митингующих была информация о передвижении правоохранительных органов, которая регулярно обновлялась и позволяла избегать столкновения. Рассматривая данный аспект информационного противоборства, следует отметить еще одну характерную черту социальных сетей, а именно круглосуточный доступ к актуальным сведениям, которые могут передаваться не только через официальные СМИ [4].

Несмотря на блокировку и ограничение деятельности различных информационных каналов, интернет-пространство значительно более глобально, что усложняет процесс контроля информации и дезинформации, которые распространяется в социальных сетях и интернете. При попытке избавиться от одного из фейков, в интернет-пространстве распространяются десятки копий. Сложность в контроле информационного потока в сети интернет обусловлена также наличием независимых СМИ, целью которых является охват наибольшей аудитории, вне зависимости от журналистской этики и понимания последствий собственных действий. В отличие от федеральных СМИ, которые из соображений безопасности могут не распространять информацию, независимые СМИ, в особенности интернет-порталы публикуют все доступные новости. Таким образом, может создаваться дополнительная паника среди населения, так как с одной стороны у них есть информация о происходящем в их стране, а с другой подрывается

доверие к правительству государства, что также используется иностранными государствами для воздействия на правительства других стран и достижения собственных геополитических целей.

На примере Республики Беларусь можно проследить значение интернета в качестве площадки информационного противоборства. Учитывая происходящие в 2020-м году политические процессы внутри государства, реакцию правительства на сложившиеся угрозы национальной безопасности, и современное внутривнутриполитическое состояние Беларуси и при сравнении этого и реакции соседней Украины на практически идентичные алгоритмы действия оппозиционных групп после проведения выборов, можно говорить о том, что со стороны белорусского правительства последовала оперативная и соответствующая реакция, так как действующее правительство не было заменено в интересах иностранных государств, стоящих за провоцированием событий, а национальная безопасность и безопасность населения страны, в частности в информационном пространстве, были защищены.

В современных условиях интернет, несомненно, является одной из самых открытых площадок информационного противоборства государств в геополитическом противостоянии. Многообразие форм использования информации в рамках сети интернет, позволяет манипулировать общественным мнением и использовать его для подрыва национальной безопасности ряда государств. Успешность подобных информационных атак исключительно зависит от скорости ответной реакции со стороны государства, на которое была совершена попытка информационного и гибридного удара. Тем не менее, ответная реакция может привести к подрыву доверия между населением и действующим правительством, поэтому, помимо быстрых ответных мер, особое значение приобретают профилактические меры, нацеленные на повышение уровня информационной грамотности и осознанного потребления информации в социальных сетях и сети интернет.

Список использованной литературы:

1. Кириллов М. Хронический протест Белорусская оппозиция почти полгода выходит на улицы. Как изменилась страна за это время? [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2020/12/29/belorus_itogi/?ysclid=lq563h4txj121576662 (дата обращения: 12.12.2023).
2. Селин И.А. , Фентисов Д.А. Информация - новое оружие массового поражения // Социально-политические науки. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-novoe-oruzhie-massovogo-porazheniya> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Циткилов П.Я. Общественная дестабилизация в Беларуси конца лета - осени 2020 г., её внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-destabilizatsiya-v-belarusi-kontsa-leta-oseni-2020-g-eyo-vneshnepoliticheskie-factory> (дата обращения: 13.12.2023).
4. Astakhova S. Belarus: Political Situation around the Presidential Election – 2020 // Russia and New States of Eurasia. 2020. № 3. С. 9–24.

Об авторах: ПОГОСОВА Мария Сергеевна – специалист по УМП 1 категории, Пятигорский государственный университет, e-mail: pogosova-mari@mail.ru

About the authors: POGOSOVA Maria Sergeevna – Specialist in Educational and Methodological Work 1 category, Pyatigorsk State University, e-mail: pogosova-mari@mail.ru

**РОЛЬ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В
СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

Поднебесная Ю.Б.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

**ROLE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN MODERN MILITARY
CONFLICTS**

Y.B. Podnebesnaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: в современных военных столкновениях всё чаще фигурируют БПЛА – беспилотные летательные аппараты. Технологию нельзя назвать новейшей, поскольку БПЛА применялись ещё в XX веке, но почему именно сейчас они используются куда обширнее? По каким причинам многие государства делают выбор в пользу развития и использования именно БПЛА? Насколько и почему эффективны БПЛА? Этими вопросами и обуславливается актуальность данной работы. Публикация посвящена исследованию этих аспектов и определению роли БПЛА в нынешних международных военных конфликтах. В первой части статьи представлена история БПЛА и проведен анализ причин, по которым данная технология не активно применялась ранее. Во второй части статьи разобраны технические, экономические и морально-этические причины по которым применяются БПЛА. В заключении сделаны выводы о том, как часто применяются БПЛА и какую функцию выполняют, а также даны прогнозы насчёт дальнейшего развития этой технологии.

Abstract: UAVs – unmanned aerial vehicles - are increasingly appearing in modern military clashes. The technology cannot be called the latest, since UAVs was used back in the twentieth century, but why are they being used much more extensively now? For what reasons do many states make a choice in favor of the development and use of UAVs? How effective are UAVs and why? These issues determine the relevance of this work. The publication is devoted to the study of these aspects and the definition of the role of the UAVs in current international military conflicts. The first part of the article presents the history of UAVs and analyzes the reasons why this technology was not actively used earlier. In the second part of the article, the technical, economic, and moral and ethical reasons for the use of UAVs are analyzed. In conclusion, conclusions are drawn about how often UAVs is used and

what function it performs, as well as forecasts about the further development of this technology.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, БПЛА, технологии, вооружённые конфликты.

Keywords: unmanned aerial vehicles, UAVs, technologies, armed conflicts.

Прежде всего необходимо обозначить, что такое беспилотный летательный аппарат (БПЛА). Согласно определению, одобренному Ассамблеей ИКАО, «беспилотный летательный аппарат (дрон) представляет собой воздушное судно без пилота..., которое выполняет полет без командира воздушного судна на борту и либо полностью дистанционно управляется из другого места с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса, либо запрограммировано и полностью автономно» [5]¹. Актуальность исследования БПЛА и их роли в современных международных вооружённых конфликтах определена масштабами и частотой применения БПЛА. Поскольку речь идёт именно о военных столкновениях, конкретные числа, отражающие обширность применения БПЛА, не являются публичной информацией. Но из общедоступных источников очевидно, что сейчас численность применения БПЛА в армиях различных государств нередко измеряется десятками тысяч [3]. Конечно, в последние годы БПЛА наиболее часто упоминается в связи с СВО, но и в других странах аспект применения этой технологии остаётся немаловажным и фигурирует довольно часто [1]. «Довольно часто» конкретно по сравнению с военными столкновениями прошлого века. Рассмотрим историю возникновения БПЛА и проанализируем, почему они стали активно применяться именно в последнее десятилетие.

Как таковой концепт беспилотного летательного аппарата появился на рубеже конца XIX и начала XX века. Например, 29 августа 1849 году австрийцы осадили Венецию и во время этой осады они совершили первые в истории воздушные налеты с помощью беспилотных воздушных шаров,

¹ Игнатъев С. Ю. Понятие, виды и функции беспилотных воздушных судов / С.Ю. Игнатъев//Наука и образование сегодня. – 2023.

которые пролетали над Венецией с бомбами [16]. Также, значительным шагом в истории развития БПЛА является изобретение и демонстрация американским инженером и электро-физиком Николой Тесла радиоуправляемой лодки в 1890 году. В этом же году российский учёный и изобретатель Николай Пильчиков показал, как помощью радиосигнала возможно зажечь маяк, выстрелить из пушки, подорвать модель яхты и переключить железнодорожный семафор [14]. То есть, уже в XIX веке встречались примеры беспилотных аппаратов, но мы не можем говорить о самом появлении БПЛА в этот период. Следует рассматривать этот этап скорее, как предварительный. Такие выводы сделаны исходя из того, что воздушные шары австрийцев как не имели технической оснащённости для управления ими с земли, так и не могли быть запрограммированы, а значит, не подходят под определение БПЛА, данное в самом начале этой работы. Что насчёт изобретений, которые были представлены Николой Тесла и Николаем Пильчиковым, то они были не летательными, а значит, не являются предметом исследования в этой статье.

Как таковая история непосредственно БСПА началась в первой половине XX века. В 1910г., инженер из США по имени Чарльз Кеттеринг, вдохновившись успехами братьев Райт, предложил использовать летательные аппараты без человека. По его замыслу управляемое часовым механизмом устройство в заданном месте должно было сбрасывать крылья и падать как бомба на врага [8]. Но на деле во время испытаний изобретение вело себя довольно непредсказуемо, что сделало его массовое применение невозможным, поскольку были резонные опасения, что аппарат может упасть на войска союзников. Остальные исследования Кеттеринга также не увенчались особым успехом: в первой мировой беспилотники не участвовали, в 1930-ому году проект окончательно закрыли, посчитав его продукты неэффективными и дорогостоящими по сравнению с традиционным вооружением [12].

Официальным годом рождения БПЛА считать 1933. В этом году Великобритании был разработан первый БПЛА многократного использования, который назывался QueenBee. Были использованы три отреставрированных биплана Fairy Queen, дистанционно управляемые с судна по радио. Два из них потерпели аварию, а третий совершил успешный полёт, сделав Великобританию первой страной, извлёкшей пользу из БПЛА. Эта радиоуправляемая беспилотная мишень под названием DH82A Tiger Moth использовалась на королевском Военно-морском флоте с 1934 по 1943гг [11]. В СССР в 1930-е года также велось конструирование БСПА, в частности, авиаконструктором Никиткиным, но до эмпирических экспериментов не дошло. Что касается использования БПЛА в период Великой Отечественной Войны, то со стороны СССР — это скорее единичные случаи. СССР пробовал один раз применить в качестве беспилотного самолёта тяжёлый бомбардировщик ТБ-3 в ходе Ржевско-вяземской операции в 1942 году, но эта попытка не увенчалась успехом [10]. Что касается фашистской Германии, Вторая мировая война оказала существенное влияние на развитие радиоуправляемого оружия. В этот период были созданы не только планирующие бомбы Henschel Hs 293 и Fritz X, но и крылатая ракета "Фау-1" (1942) и баллистическая ракета "Фау-2" (1942).

За время Второй Мировой Войны фирма Radioplane создала для ВВС США почти 15 тысяч БПЛА, в том числе модели QQ-3 и QQ-14, различные модификации беспилотного ударного бомбардировщика Interstate TDR-1, а также целый ряд управляемых авиабомб, включая самонаводящуюся планирующую бомбу ASM-N-2 Bat – первое в мире полностью самонаводящееся оружие.

То есть к середине XX века БПЛА были только у развитых стран: Великобритания, США, Германия.

Во времена Холодной войны и гонки вооружений у СССР и США появлялись всё новые модели БПЛА. Германия, лишённая после войны права на полноценную армию, больше не производила БПЛА ещё и из-за

экономического кризиса. Холодная война поспособствовала развитию многих видов оружия и БПЛА не стали исключением.

Экономическое положение США после Второй мировой войны было явно лучше, чем у СССР, да и сфера разработок БПЛА была уже более развита годами ранее, поэтому активно применять БПЛА в военных действиях первыми стали штаты. Это ярко видно на истории войны во Вьетнаме (1956-1973 года). В этом военном конфликте США успешно применяли БПЛА Firebee для того чтобы наблюдать на американскими ВВС и ВМС. Также, это же технология применялась для ведения разведки. Рост использования БПЛА в этой войне непосредственно связан с потерями США большого количества авианосцев. Соответственно, технология применялась обширнее из-за того, что спрос на неё сильно возрос. БПЛА показали себя очень эффективно, особенно ведения фото- и радиотехнической разведки с большой высоты: они находили вьетнамские ЗРК, которые как раз и сбивали авианосцы. То есть об активном применении БПЛА в армии США можно говорить со времен Вьетнамской войны. На 2023 год США всё ещё лидируют в сфере производства боевые БПЛА [13].

Что касается отечественного опыта, в 1957 году Конструкторское бюро А.Н.Туполева получило госзаказ на разработку ядерной сверхзвуковой крылатой ракеты среднего радиуса действия. Первый взлет крылатой модели Ту-121 был осуществлен 25 августа 1960 года, но программа была закрыта в пользу баллистических ракет КБ С.П.Королева [8]. Об этой разработке вспомнили уже только началу 80-х годов XX века. Но не стоит думать, что на протяжении всего этого времени в СССР не велись разработки БПЛА. Например, в 1963 году, примерно тогда же, когда и в США, был создан беспилотный разведчик, в СССР такой БПЛА совершил первый полёт (речь идёт о Ла-17Р, который впоследствии был модернизирован в Ла-17РМ). Также, начиная с 1960-х годов в СССР появились и гражданские БПЛА [9].

В 1970-х годах БПЛА начали активно появляться и в других регионах: например, комплекс с БСР «Рейс» в 1970-х годах поставлялся в некоторые

африканские и ближневосточные страны, в том числе в Ирак [6]. В Израиле технологии БПЛА также активно начали применяться в 1970-х [7], продолжая успешно развиваться до сих пор. От части из-за того, что именно в ближневосточном регионе было активное развитие этой технологии, сейчас эта территория одна из основных с применением БПЛА. Но и в других регионах эта разработка активно развивается: в настоящее время более чем в 60 странах мира ведутся разработки БПЛА военного назначения [4].

Почему же БПЛА применяются так активно именно сейчас? Потому что это позволил технический прогресс. БПЛА стали широко применяться, как только это стало возможным, ввиду наличия у них множества технических преимуществ:

Во-первых, вследствие отсутствия пилота непосредственно в технике, БПЛА не ограничены человеческим фактором и могут находиться в боевом дежурстве гораздо дольше, нежели модели с пилотом внутри. То есть, можно считать, что у БПЛА в этом смысле больше КПД.

Во-вторых, за счёт небольших габаритов, БПЛА практически не виден на радарх на уровне земли, что делает операции по разведке и отслеживанию объекта более скрытыми и незаметными для противника.

В-третьих, они могут дистанционно пилотироваться одновременно несколькими операторами, что повышает вероятность принятия не единоличных, а скооперированных обдуманных шагов.

В-пятых, БПЛА могут применяться с малых расстояний и при этом даже в тяжёлых боевых условиях, поскольку риск того, что техника будет уничтожена, не высок. Это связано с ценой БПЛА.

БПЛА обладает и рядом экономических преимуществ:

Использование БПЛА выгодно, как и с точки зрения минимизации человеческих потерь в лётном составе армии (а подготовить высококлассного специалиста – немалые затраты), так и с точки зрения финансовых затрат на их производство, ремонт и эксплуатацию. Так как размер, форма и материал, из которого изготавливаются БПЛА является универсальным и простым в

использовании в сравнении ЛА-ми, это делает его ультимативной техникой. Вследствие, не нужна целая взлётная полоса, а замена и поддержание аппарата в полной боевой готовности обходится государству меньшей стоимостью в эксплуатации. Они дешевле реального истребителя почти в 20 раз: например, \$5-6 млн против \$100 млн за F-35 [13].

Помимо технических и экономических преимуществ, есть и ещё одно немаловажное морально-этичное: благодаря использованию БПЛА гибнет меньше людей (ввиду того, что пилотов внутри нет).

Кроме несомненных преимуществ, современные БПЛА имеют и целый ряд минусов: недостаточная гибкость применения по сравнению с традиционной авиацией; пока не до конца решены многие вопросы связи, посадки, спасения аппарата; уровень надёжность дронов пока ещё уступает традиционным ЛА, вес грузов, которые могут поднять БПЛА всё ещё меньше, чем у ЛА.

Помимо этого, возникает вопрос об этичности использования дронов. США активно применяют дроны в странах, с которыми не находятся в состоянии войны объясняя это тем, что такие удары являются частью «войны с терроризмом».

Это основано на спорном законе, который был принят через неделю после 11 сентября. Критики говорят, что разрешение на использование военной силы допускает «вечную войну», но, несмотря на сопротивление демократов, республиканское большинство в сенате США помогает предотвратить его отмену. Для США подобные атаки дронов стали обычным явлением [17].

Поводя итоги, можно сказать, что всё больше и больше стран используют БПЛА в своих армиях, что с выводит войны на новый уровень, а вместе с ними и технологии, которые впоследствии могут применяться в мирных целях. БПЛА активно применяются во многих отраслях: от сельского хозяйства [2] до водного туризма [15]. Но основным толчком в развитии этой отрасли всё же являются военные конфликты. В то же время, нужно понимать,

что нормативно-правовая база в сфере использования БПЛА ещё не совершенна и несомненно требует дальнейшего развития. Использование БПЛА в современных военных конфликтах является частью технического прогресса, и, исходя из всего вышесказанного, справедливо будет сделать прогноз, что в ближайшее время эта отрасль будет также активно развиваться.

Список использованной литературы:

1. Афонин И. Е. Анализ опыта боевого применения групп беспилотных летательных аппаратов для поражения зенитно-ракетных комплексов системы противовоздушной обороны в военных конфликтах в Сирии, в Ливии и в Нагорном Карабахе Макаренко/ Афонин А. Е., С. И., Петров С. В., Привалов А. А. // Системы управления, связи и безопасности. – 2020. – №4. – ISSN 2410-9916.
2. Бояринов Е. Сельскохозяйственные летательные аппараты. // Вестник науки. – 2023. – №5
3. Власти Украины оценили ежесуточные потери беспилотников. – Москва. – 29.12.2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/08/2023/64ee40b79a7947dbe4cd5a07> (дата обращения: 15.12.2023.)
4. Евтодьева М.Г. Беспилотные летательные аппараты военного назначения: тенденции в сфере разработок и производства. / Евтодьева М.Г., Целицкий С.В.// Пути к миру и безопасности. – 2019. – С. 105.
5. Игнатъев С. Ю. Понятие, виды и функции беспилотных воздушных судов / С.Ю. Игнатъев//Наука и образование сегодня. – 2023.
6. Исламов В. Беспилотники: сто лет в воздухе. – 11.09.2009. – URL: http://samlib.ru/d/dzhejms_b/11092009.shtml (дата обращения: 15.12.2023.)
7. Клименко А. А. К вопросу о генезисе беспилотных летательных аппаратов/ Клименко А. А., Зубарева А. С. // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2020. – С. 152.
8. Куатов Б.Ж. История развития беспилотных летательных аппаратов. / Куатов Б.Ж., Макаев Т.З. // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2017. – С. 137.
9. Кузнецов Г. А. Ретроспективный анализ, современное состояние и тенденции развития отечественных беспилотных летательных аппаратов. / Кузнецов Г. А., Кудрявцев И. В., Крылов Е.Д.// Инженерный журнал: наука и инновации. – 2018. – №9. – С. 6.

10. Малый. А. Н. Развитие и особенности применения беспилотной авиации военного назначения. / Малый А.Н., Лях С.С. // Военная модель. – 2020. – С. 38.
11. Полтавский А.В. Концепции создания и применения беспилотной авиации в армиях зарубежных стран / Полтавский А.В. и др. // Материалы международного симпозиума «Управление и самоуправление в сложных системах» ИПУ РАН. - М.: 2007. – С. 231-235.
12. Сташкевич С. П. Использование беспилотных летательных аппаратов в военных и гражданских целях. / Сташкевич С. П., Кабанов В. А., Хуснутдинов Т.Д // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2019. – С. 171.
13. Удар с небес: как выглядят самые мощные беспилотники в мире. – 21.06.2021. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60ae826c9a7947fcb9be3ebb> (дата обращения: 15.12.2023.)
14. Филиппев Р.А. Использование беспилотных летательных аппаратов при доставке запрещённых предметов на территорию исправительных учреждений и возможные способы борьбы с ними. // Уголовная юстиция. – 2022. – №19. – С. 96–101.
15. Ямщиков В.А. Беспилотные летательные аппараты. / Ямщиков В.А., Саранча А.М. //Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития. – 2019. – С. 22.
16. Brett Holman The first air bomb: Venice, 15 July 1849. / AIRMINDED Air power and British society 1908-1941 (mostly). / – 22.08.2009. – URL: <https://airminded.org/2009/08/22/the-first-air-bomb-venice-15-july-1849/> (дата обращения: 15.12.2023.)
17. Den Sabbagh. Killer drones: how many are there and who do they target? – 18.11.2019. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/nov/18/killer-drones-how-many-uav-predator-reaper> (дата обращения: 15.12.2023.)

Об авторе: ПОДНЕБЕСНАЯ Юлия Борисовна – студентка 2 курса магистратуры, МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: ya.yulaya@yandex.ru

About the author: PODNEBASNAYA Yulia Borisovna – 2nd year Master’s Degree Student, Lomonosov Moscow State University e-mail: ya.yulaya@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МЕТАВСЕЛЕННЫЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Себекин С.А.

Иркутский государственный университет, Иркутск

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND METAVERSE: NEW CHALLENGES OF INTERNATIONAL SECURITY

S.A. Sebekin

Irkutsk State University, Irkutsk

Аннотация: Сегодня всё большее развитие приобретает концепция «метавселенной» как принципиально новой «общественно-технологической» реальности, которая будет пронизывать все уровни существования общества и человека: общественно-социальные отношения, экономику, политические процессы, таким образом влияя на психологию человеческого сознания и восприятие реальности. Существование, полноценное функционирование этой новой «Реальности 2.0» и её конвергенция с физическим миром будет обеспечиваться целым спектром новейших технологий, одна из которых – «продвинутые» системы искусственного интеллекта (ИИ), которые будут лежать в основе формирования самой архитектуры метавселенных. Вместе с тем, метавселенные, реализующие технологии полного погружения в виртуальную реальность, способны высвободить конфликтный потенциал и создать широкий спектр возможностей для конечного антисоциального воздействия на общественные процессы, социальные группы и отдельных индивидуумов посредством конкретных форм злонамеренного использования искусственного интеллекта. В статье будут рассмотрены потенциальные вызовы и угрозы, с которым столкнётся мировое сообщество в эпоху развития метавселенных и все интрузивного внедрения систем искусственного интеллекта в нашу жизнь. Особое внимание будет уделено тому, как использование систем ИИ в метавселенных способно продуцировать локальные и глобальные угрозы информационно-психологической стабильности – как национальной, так и глобальной, и как оно способно повлиять на массовое сознание.

Abstract. Today, the concept of the "metaverse" is becoming increasingly developed as a fundamentally new "socio-technological" reality that will permeate

all levels of society and human existence: socio-social relations, economics, political processes, thus influencing the psychology of human consciousness and perception of reality. The existence, full-fledged functioning of this new "Reality 2.0" and its convergence with the physical world will be provided by a whole range of new technologies, one of which is "advanced" artificial intelligence (AI) systems, which will underlie the formation of the metaverse architecture itself. At the same time, metaverses implementing technologies of full immersion in virtual reality are able to release conflict potential and create a wide range of opportunities for ultimate antisocial impact on social processes, social groups and individuals through specific forms of malicious use of artificial intelligence. The article will consider the potential challenges and threats that the global community will face in the era of the development of metaverses and the increasingly intrusive introduction of artificial intelligence systems into our lives. Special attention will be paid to how the use of AI systems in metaverses can produce local and global threats to information and psychological stability, both national and global, and how it can affect mass consciousness.

Ключевые слова: метавселенные, искусственный интеллект, информационно-психологическая безопасность, поляризация общества, «цифровая» дискриминация.

Keywords: metaverses, artificial intelligence, information and psychological security, polarization of society, "digital" discrimination.

Современная научно-технологическая революция и продуцируемые ею цифровые технологии всё больше определяют многие аспекты человеческого существования – от личных возможностей до экономики, производства и политических процессов. Одной из самых динамично развивающихся «дизруптивных» технологий, которая наиболее кардинально изменит традиционное существование человечества, является искусственный интеллект на основе машинного обучения – именно он наиболее активно внедряется во все сферы жизни для решения широчайшего спектра задач.

Вместе с тем, в последнее время большую популярность приобретает феномен метавселенной – принципиально новой «общественно-технологической» реальности, которая будет пронизывать все уровни существования общества и человека, и приведёт к революционным изменениям в экономике, коммерции и торговле, общественно-политических

отношениях, индустрии развлечений и т.д. И хотя метавселенная – ещё не реализованная концепция, она уже активно обсуждается не только в среде экспертов, бизнесменов, венчурных инвесторов, политиков, экономистов и исследователей, но и на уровне правительств и международных организаций, таких как Международный экономический форум, Европейский Союз, Европол, ООН.

Рассмотрим, какие вызовы и угрозы международной, политической и социальной стабильности ставит перед мировым сообществом синергетический потенциал одновременно двух «дизруптивных» технологий – искусственного интеллекта и метавселенных. Итак, под искусственным интеллектом можно понимать технологическую систему, предназначенную для решения и выполнения широкого спектра интеллектуальных задач на основе обработки и анализа большого количества информации и имитирующую функции человеческого мозга, при этом она способна к постоянному самообучению и оптимизации в режиме реального времени.

Метавселенную в условиях отсутствия унифицированного понятия можно описать как глобальное, децентрализованное, полноценное и постоянно функционирующее в режиме реального времени виртуальное пространство (или даже сеть масштабных виртуальных миров), предоставляющее различным субъектам уникальный опыт иммерсивного взаимодействия через «цифровые интерфейсы» (аватары, цифровые офисы и представительства) с другими акторами, цифровыми активами, событиями и процессами посредством технологий расширенной реальности (XR, от англ. Extended reality), охватывающее разные сферы общественной жизни (развлечения, работу, учебу), в котором могут быть реализованы все возможности социального, политического, экономического и профессионального взаимодействия.

Наиболее перспективным направлением развития систем искусственного интеллекта (ИИ) является машинное обучение, при котором узкоспециализированные алгоритмы обучаются на определённых данных для

выполнения конкретных задач. Однако подход с «самообучением» ИИ несёт существенные риски, так как ИИ на основе машинного обучения и генерируемый им результат будут эффективны ровно на столько, насколько правильны и репрезентативны данные, на которых он обучается. Ситуация, когда ИИ-алгоритм обучается на ошибочных или нерепрезентативных данных, получила название «отравление данных», при котором в процессе машинного обучения в алгоритм внедряется деструктивный контент, что впоследствии чревато его некорректной работой – неверным анализом поступающей информации с последующей генерацией искажённых результатов [1]. Уже сегодня «социально-ориентированные»¹ ИИ-алгоритмы на основе машинного обучения, внедряемые и используемые в цифровых платформах или для решения общественных задач, продуцируют серьёзные вызовы социальной и политической стабильности, не просто успешно воспроизводя социальные предрассудки, но и даже углубляя их, приводя к реальным эффектам и последствиям.

Таким образом, ИИ для обучения нужны *данные*, и оттого, насколько объективны, правильны и репрезентативны эти данные, будет зависеть дальнейшее качество работы готового алгоритма. Метавселенные могут произвести революцию в сфере данных – как с количественной, так и с качественной точки зрения. Во-первых, в метавселенных многочисленными субъектами (пользователями, сообществами, частным сектором, государственными институтами) в режиме реального времени будут генерироваться, обрабатываться, храниться и анализироваться огромные массивы данных. Во-вторых, функционирование метавселенных и обеспечение в них иммерсивного опыта взаимодействия подразумевает генерирование качественно иных данных. Это будут многомерные цифровые объекты, данные о событиях, впечатлениях и т.д., а также пользовательские

¹ Под «социально-ориентированными алгоритмами» здесь предлагается понимать алгоритмы, использующиеся, для осуществления определенных социальных задач и функций – как в социальных сетях, так и в общественной жизни.

данные, которые будут считываться технологически «продвинутыми» устройствами с интегрированным в них технологиями ИИ, обеспечивающими погружение в метавселенную. Специальный ИИ получит доступ не только к тому, какой контент вы потребляете, создаете и загружаете, но и какие события/места в метавселенной вы посещаете, какой аватар используете, какие действия совершаете и т.д. Метавселенные позволят ИИ-алгоритмам «обучаться» в режиме реального времени на данных, генерируемых пользователями.

Таким образом, системы ИИ, интегрированные в архитектуру метавселенных, получают доступ к ещё более широкому спектру данных, которые могут привести к революции в машинном обучении, а также к форсированию вызовов, связанных с внедрением деструктивно обученных алгоритмов.

Также, метавселенные с новой силой поднимут вопрос об этических проблемах внедрения и использования систем ИИ, и могут создать новые условия для масштабирования и углубления воспроизводимых ИИ социальных предрассудков и «цифровой дискриминации» – как в самой метавселенной, так и в реальном мире. Обучаясь в новой иммерсивной среде на огромном потоке качественно иных данных, которые могут оказаться ошибочными и нерепрезентативными, ИИ, интегрированный в архитектуру метавселенных, может стать ещё более предвзятым, дискриминировать целые группы людей, ещё больше усиливая предубеждения и поляризуя общества. В самих метавселенных «отравленный» ИИ может отказывать пользователям в доступе к какому-либо событию, услуге, приобретении цифровых активов, необоснованно занижать пользовательский «метастатус» и т.д., и все это может иметь эффект в реальном мире.

Более того, метавселенные сами по себе предоставляют иммерсивную и эффективную среду для обучения искусственного интеллекта – они позволят создавать «внутри себя» отдельные специализированные кластеры и моделировать нужные условия с определённым набором данных с целью

обучения алгоритмов определённому функционалу – помещение алгоритма в виртуальную симуляцию для обучения. Именно так поступили специалисты из Дармштадтского технического университета совместно с Intel labs, когда решили обучать алгоритмы беспилотного вождения в знаменитой игре Grand Theft Auto V, так как посчитали, в ней смоделированы дорожные условия, приближенные к реальным [3].

Аналогичным образом метавселенные предоставляют возможности для «иммерсивного машинного обучения» алгоритмов с целью решения самого широкого спектра задач. Такое обучение может принять особо деструктивные формы. Алгоритмы, обученные в «агрессивной» иммерсивной мета-среде и внедряемые на физическую роботизированную платформу, действующую в реальном мире, могут произвести широкий спектр деструктивных эффектов и использоваться в террористических целях. В этих условиях особую опасность представляет обучение в иммерсивной деструктивной среде алгоритмов программного обеспечения боевых автономных систем. В будущем государства (компании-подрядчики) смогут в виртуальных лабораториях «тренировать» алгоритмы боевых машин, создавая соответствующую среду с «цифровыми людьми», которым будут присвоены определённые паттерны («комбатант-некомбатант», «друг-враг» и т.д.), чтобы, попав в реальную среду, боевые системы могли легко отличить целевые объекты от нецелевых и правильно анализировать ситуацию. Попав не в те руки, «отравленный» боевой ИИ может привести к крайне деструктивным эффектам.

Ещё один негативный аспект повсеместного внедрения ИИ – формирование алгоритмами информационного пространства. Внедрённые в цифровые платформы для анализа пользовательской информации алгоритмы настраивают персонализированный контент (именно по такому принципу работают ленты новостей в социальных сетях). Вместе с тем, персонализация контента с помощью алгоритмов может иметь определённые последствия в виде поляризации и дезинтеграции общества по идейным и ценностным признакам. С появлением и развитием метавселенных эта проблема может

усугубится. Метавселенные существенно увеличивают степень интрузии информационного поля, формируемым ИИ, в личное и массовое сознание, а также в социум в целом. В метавселенной пользователи оказываются среди огромных потоков метаинформации, большая часть которой будет генерироваться, подбираться и контролироваться ИИ-алгоритмами. Таким образом, ИИ-алгоритмы будут массово формировать окружающее пользователей информационное пространство и настраивать контент, помещая людей в «стерильный» информационный «метапузырь», который формирует их мировосприятие, сознание, взгляд на общественно-политические проблемы. Информационное пространство метавселенных, формируемое ИИ, способно ещё больше усиливать поляризацию в обществе по актуальным вопросам политики, экономики, религии, социального развития и т.д., и сделать его информационно-фрагментарным, настраивая контент под конкретные целевые аудитории, и убеждая группы в правоте своих убеждений, существенно снижая таким образом уровень критического мышления в целом.

Здесь мы приходим к тому, что внедрение и применение технологий ИИ в метавселенных способно продуцировать серьезные вызовы для международной и национальной безопасности.

Метавселенные будут являться отличным пространством и одновременно инструментом формирования информационного поля, развития стратегической конкуренции в области информационного воздействия, достижения доминирования в информационной сфере для реализации политических интересов и даже ведения информационных войн.

Применение ИИ в метавселенных в целях формирования информационного пространства и информационной повестки может принять совершенно конкретные и более интрузивные формы. Например, технология дипфейков может применяться в метавселенных для создания высокоточных реалистичных аватаров политических деятелей, руководителей компаний, лидеров мнений и т.д., и использована в целях глобального воздействия на

массовое сознание, политических провокаций, подрыва политической стабильности и даже разжигания международного конфликта [2]. В целях создания нужной информационной повестки, пропаганды, трансляции деструктивных ценностей, спама могут использоваться и **«цифровые люди» (от англ. – digital humans)** - 3D-версии чат-ботов под управлением ИИ в метавселенных, также обученных на «отравленных» данных. В этом контексте важно отметить, что метавселенные будут представлять собой такую полноценную форму виртуальной реальности, при которой пользователи будут «существовать» в цифровом пространстве и буквально находиться в потоке данных, что открывает колоссальные демонстративные возможности для трансляции информации, агитации, пропаганды и информационного воздействия и т.д. Метавселенные являются перспективным пространством для формирования информационной повестки и реализации информационного влияния на большие целевые группы посредством ИИ на основе машинного обучения в целях достижения политических целей в интересах определённых субъектов. Например, отдельные акторы («реакционные» государства, корпорации и т.д.) могут быть напрямую заинтересованы в использовании конкретных ИИ-технологий на основе машинного обучения и наращивании соответствующих возможностей как асимметричных инструментов влияния с целью «настройки» информационного поля, продвижения и закрепления нужной повестки дня, трансляции определённых ценностей и идей (в т.ч. деструктивных), подрыва имиджа и авторитета других государств и т.д. Для государств метавселенные могут стать ещё одним мощным рычагом влияния на мировую политику и политические процессы. Заинтересованные акторы могут внедрять и настраивать в метавселенных масштабные ИИ-алгоритмы для формирования информационных пространств в нужных целевых обществах в целях их поляризации, разделения и дезинтеграции, и делать это наиболее эффективно. Метавселенные откроют новые возможности для ведения информационных войн с применением технологий ИИ в целях информационной дестабилизации

целевых групп, которые в условиях метaprостранств могут получить гораздо большее масштабирование и произвести более значимый эффект.

Вместе с тем, метавселенные способны высвободить огромный конфликтный потенциал и привести к появлению в них гораздо более широкого спектра злонамеренных акторов, заинтересованных в использовании технологий ИИ для создания необходимых настроений среди массы пользователей, нагнетания напряжённости в обществе – киберпреступности, метатеррористов, деструктивных течений и даже религиозных «метасект». Эти акторы будут заинтересованы в использовании цифровой реальности для распространения деструктивных идей, вербовки и привлечения сторонников в свои ряды.

В глобальном плане в будущем метавселенные также могут представлять из себя масштабные социальные виртуальные лаборатории для проведения «социальных опытов», в которых ИИ на основе машинного обучения может применяться для анализа критической массы информации об отдельных пользователях и больших целевых группах, чтобы в последующем оказывать масштабное таргетированное информационное воздействие. Технологии ИИ в метавселенных позволят заинтересованным субъектам анализировать поведенческие паттерны, выстраивать социально-психологические карты целевых групп, чтобы в последующем эффективно формировать определённое информационное пространство, манипулировать общественным сознанием, моделировать и возвращать в «металабораторных условиях» определённую политическую и социальную повестку, и даже вызывать нужные (и, вероятно, деструктивные) социально-общественные процессы. Наконец, метавселенные могут высвободить конфликтный потенциал и стать пространством стратегической конкуренции государств и корпораций, а применение конкретных технологий ИИ будет рассматриваться в качестве инструмента достижения доминирования в информационном пространстве. Такое информационное воздействие в метавселенных вполне может иметь последствия в реальном мире – как позитивные, так и негативные

– и может привести к политической, социальной и экономической дестабилизации, напряжённости и недовольству, а «метаконфликты» могут вылиться в реальные.

Список использованной литературы:

1. Пашенцев Е.Н. (2019). Искусственный интеллект и безопасность: что во благо, а что во зло? *Международная жизнь*. 21 октября. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24219> (дата обращения: 15.10.2023).
2. Helmus, T.C. (2022). Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation: A Primer. Rand Corporation. July. 24 p. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1043-1.html> (mode of access: 17.10.2023).
3. Tilley, A.(2017). “Grand Theft Auto V: The Rise And Fall Of The DIY Self-Driving Car Lab.” *Forbes*. <https://www.forbes.com/sites/aarontilley/2017/10/04/grand-theft-auto-v-the-rise-and-fall-of-the-diy-self-driving-car-lab/?sh=27bc2ce67d7a> (mode of access: 18.10.2023).

Об авторах: СЕБЕКИН Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры политологии, истории и регионоведения ИГУ, эксперт Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, e-mail: sebserg37@gmail.com

About the authors: SEBEKIN Sergey Alexandrovich – Ph.D. (History), Senior Lecturer at the Department of Political Science, History and Regional Studies of Irkutsk State University, Expert of the Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: sebserg37@gmail.com

**СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА**

Шангараев Р.Н.

Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

**CONTEMPORARY STRATEGIC FORMS OF INTERSTATE
CONFRONTATION**

R.N. Shangaraev

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация. С окончанием холодной войны, появлением новых акторов на мировой арене и стремлением ряда из них к расширению сферы своего геополитического влияния происходит неизбежное нарастание конфликтности в межгосударственных отношениях. Деформация традиционного миропорядка сопровождается активизацией деятельности спецслужб ряда стран, которые активно ведут поиск новых методов оказания выгодного себе влияния на различные категории населения для смены нелояльных себе политических режимов.

Abstract. With the end of the Cold War, the emergence of new actors on the world stage and the desire of some of them to expand the sphere of their geopolitical influence, there is an inevitable increase in conflict in interstate relations. The deformation of the traditional world order is accompanied by the intensification of the activities of the intelligence services of a number of countries, which are actively searching for new methods of exerting beneficial influence on various categories of the population in order to change political regimes that are disloyal to themselves.

Ключевые слова: Цветные революции, ненасильственный экстремизм, информационно-коммуникационные технологии, когнитивные войны.

Keywords: Color revolutions, non-violent extremism, information and communication technologies, cognitive wars.

Введение

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на Совещании с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств, заявил: " Именно нынешние правящие элиты США и их сателлиты

– главные бенефициары мировой нестабильности. Они извлекают из неё свою кровавую ренту. Их стратегия также очевидна. США как мировая сверхдержава – все это видят, понимают, даже по тенденциям в мировой экономике, – слабеет, теряет свои позиции. Мир по-американски, с одним гегемоном разрушается, уходит, постепенно, но неуклонно уходит в прошлое. Но Штаты не хотят с этим мириться, а наоборот, хотят сохранить, продлить своё доминирование, свою глобальную диктатуру, а в условиях всеобщего хаоса это удобнее делать, потому что с помощью такого хаоса они рассчитывают сдерживать, дестабилизировать конкурентов, как они выражаются, своих геополитических противников, к которым относят и нашу страну, а на самом деле – новые центры мирового развития, суверенные, самостоятельные страны, которые не хотят унижаться и выполнять роль лакеев... Не добиваясь результатов на поле боя, хотят расколоть нас, что касается России, изнутри, ослабить и посеять смуту. Их также не устраивает какое-либо участие России в решении мировых и региональных проблем, в том числе ближневосточного урегулирования. Их вообще не устраивает, когда кто-то действует или говорит не по их указке. Они верят только в свою исключительность, в то, что им всё позволено [1] .

Для этого в ход идут так называемые революции, а если называть вещи своими именами – просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне".

При этом ведущие российские и зарубежные учёные сходятся во мнении, что "цветные революции" являются инструментом реализации внешнеполитической стратегии США.

Доктрины военно-политического экспансионизма США и их союзников для изменения мирового политического ландшафта включают в себя гибридное воздействие, значимую часть которого составляет информационно-психологическое воздействие. Прежде всего они ориентировано на регионы и страны, где установление американской гегемонии невозможно в результате осуществления "превентивных войн" [2].

Продвигаемые в этих целях в международную политическую повестку неолиберальные концепции допускают широкий спектр методов непрямого вмешательства в суверенные интересы стран. Так, вызывает недоумение одно только использование понятия "ненасильственный экстремизм", позволяющее попирает ранее незыблемые нормы международного права. Подобная экспансия порождает эскалацию напряжённости в отдельных странах и целых регионах, вызванную социально-политическими противоречиями в определении ценностных ориентиров между глобальными структурами и традиционными государствами [3].

"Гибридные" формы противоборства между государствами

При невозможности в значительном ряде случаев прямой конфронтации между ведущими мировыми державами, в том числе нашей, у агрессоров возрастает спрос на гибридные войны. При этом основной целью методов непрямого вмешательства является разрушение традиционной системы ценностей народов, базирующийся на историческом наследии, культуре, территориальной близости, религиозных взглядах, используемых языках, их традиционных видах ведения хозяйства и экономической деятельности, а также выстраивания взаимоотношения с жителями сопредельных стран.

В настоящее время мир столкнулся с призраком системного кризиса, с коллапсом моделей развития, большинство из которых строилось на основе неизбежности утраты национальными государствами своей внутренней целостности и перехода к явному или скрытому управлению крупнейшими экономическими, социальными, а в перспективе и политическими системами на сетевой основе. Всё более очевидным становится доминирование на мировой политической арене транснациональных корпораций, международных социальных, гуманитарных и политических структур. Фактически ставится вопрос о демонтаже мироустройства, основанном на национальных государствах, общепринятых государственных границах и национальных представительствах в международных организациях (включая ООН).

Актуальная суть сегодняшней глобальной повестки заключается в том, что инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемешались до степени совмещения, радикально повлияв на спектр формируемых угроз государственному суверенитету. Это привело к возникновению нового типа межгосударственного противоборства – ментальной войны, цель которой заключается в уничтожении самосознания, изменении ментальной, цивилизационной основы общества противника [4]. При этом ведение подобных ментальных войн требует значительных финансовых ресурсов как на разработку их стратегии, так и на непосредственную реализацию агрессивных планов.

В этой связи сопутствующим элементом, способствующим разложению общества и получению необходимых материальных ресурсов, выступает наркоиндустрия, в значительной степени связанная с политическими кругами. Так, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), площадь земель, где выращивается кока в Колумбии, составила 160–170 тыс. га земли, а в целом в 2019 году производство кокаина оценивалось рекордным уровнем в 1,137 тыс. тонн. Наркоиндустрия наносит урон государствам порой не меньший, чем классические войны, а также ведёт к росту транснациональной преступности, используемой для ресурсного обеспечения цветных революций (примером может выступать Никарагуа в 2018 г.) и других форм государственных переворотов (операция "Геден" против Венесуэлы осуществлялась руками наемников, наркобаронов и дезертиров) или в гибридных войнах. При этом эволюционируют международные преступные организации, которые используют более высокие уровни организации и конспирации.

Расширения "гибридных" форм противоборства между государствами и их коалициями привело к трансформации традиционных форм межгосударственного противоборства. Все больший удельный вес в них приобретает использование политико-дипломатических, экономических,

информационных, кибернетических, психологических средств и способов достижения политических целей [5].

Когнитивные технологии межгосударственного противоборства

Термины "экономическая", "информационная", "дипломатическая" и "кибервойна" прочно вошли в современный оборот. Уже не кажется фантастикой "климатическая" и "бактериологическая война", особенно на фоне текущих климатических катаклизмов и пандемии коронавируса COVID - 19. Одной из получающих распространение экономических войн являются санкционные войны. Экономические санкции против какого-либо государства вводятся в обход международного права.

При этом информационная война может рассматриваться как совокупность целого ряда разновидностей войн, имеющих собственные индивидуальные особенности и преследующих единую цель, в числе которых: кибервойны, когнитивная, сетевая и социальная война.

Когнитивная война относится к войнам на поражение сознания [6].

При этом высокими темпами совершенствуются методы воздействия на массовое сознание населения целых стран. Можно с уверенностью утверждать, что наряду с иными аспектами информационных войн расширяется полигон ведения когнитивного воздействия. Несмотря на скрытый характер основных используемых механизмов воздействия на умы людей и его целей, его сценарии нашли отражение в спонсируемых НАТО исследовательских разработках (официально используют данный термин с 2017 года, первый научный симпозиум НАТО по когнитивным войнам прошёл в июне 2021 года во Французском г. Бордо).

Заместитель директора и начальник штаба Управления поддержки сотрудничества (CSO) НАТО в Нейи-сюр-Сен, Франция определил: "Когнитивная война - это наиболее продвинутая на сегодняшний день форма манипулирования человеческим разумом, позволяющая влиять на индивидуальное или коллективное поведение с целью получения тактического или стратегического преимущества. В этой области действия полем битвы

становится человеческий мозг. Преследуемая цель состоит в том, чтобы влиять не только на то, что думают цели, но и на то, как они думают, и, в конечном счете, на то, как они действуют. Когнитивная война обязательно связана с другими способами и областями действия для захвата мозгов, такими как кибервойна и информационная война. Как концепция, когнитивная война также включает в себя другую важную область, которая быстро развивается: когнитивную неврологию" [7].

Целью когнитивных войн является дестабилизация общественно-политической ситуации в государстве путём генерирования протестного потенциала в обществе, обострения межнациональных и межконфессиональных противоречий, создание политической сингулярности. В результате формируются угрозы смены невоенным образом политического режима государств и их распада.

Ведения когнитивной войны предусматривает задействование широкого спектра инструментов воздействия на общественное сознание, доведение социально чувствительной информации до различных социальных групп, управление поведением их членов путём оказания непрямого воздействия на массовое сознание. В их качестве могут использоваться кибератаки с высоким уровнем социального инжиниринга, включающих возможности искусственного интеллекта, а также неформальные и вербальные каналы доведения информации.

Заключение

Характер самих когнитивных атак может носить общий или избирательный характер, что определяется степенью подверженности подобному воздействию целевой аудитории.

В рамках общего воздействия затрагиваются чувства (национальные, религиозные и иные) значительного количества населения страны или определённого региона (территории). При этом не обязательно все они должны быть выступать активными проводниками крайних идей, однако внутренние убеждения большей части социума не должны явиться значимым

препятствием для противостояния подобным призывам. В данном случае активное меньшинство выступает движущим инструментом для радикальных проявлений, развитию которых не препятствуют представители окружающего социума, в определённой мере консолидирующиеся между собой по этническому признаку, преследующего общие интересы и рассматривающие иную социальную группу в качестве противоборствующей стороны. В этих условиях наличие даже незначительной доли радикалов (нескольких процентов от общего числа населения), их деструктивная активность способна играть определяющую роль для достижения внешними модераторами целей по дестабилизации социально-политической ситуации.

Список использованной литературы:

1. Совещание с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств 30 октября 2023 года <http://kremlin.ru/events/president/news/72618>
2. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Основные приоритеты стратегии национальной ОБОРОНЫ США – 2022 // Обозреватель. 2021. № 11 (382). С. 26-39.
3. Белозеров В.К., Харичкин И.К. Управляемый хаос в глобальных политических стратегиях // Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах: сборник статей / под ред. И.В. Бочарникова. М.: ЭкономИнформ, 2015. С. 64.
4. Ильницкий А.М., "Ментальная война России", <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/336904/>
5. Шангараев Р.Н. Когнитивная война как современная форма межгосударственного противоборства // Вестник ученых-международников. 2023. № 3 (25). С. 103-110.
6. Countering cognitive warfare: awareness and resilience // Johns Hopkins University & Imperial College London. 2021.
7. NATO ведёт войну за мозги https://pikabu.ru/story/nato_vedyot_voynu_za_mozgi_9760621

Об авторах: ШАНГАРАЕВ Руслан Насимович – доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления

Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала «Вестник ученых-международников», доктор политических наук, кандидат экономических наук, доцент.

About the authors: SHANGARAEV Ruslan – Associate Professor of the Department of Strategic Communications and Public Administration of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Editor-in-Chief of the journal "Bulletin of International Scientists", Doctor of Political Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗЕЛеноЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 339

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫГОДЫ ОТ ЗЕЛеноЙ ЭКОНОМИКИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫГОД ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Батырканов Б.Т.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

GLOBAL ECONOMIC BENEFITS OF A GREEN ECONOMY: EXPLORING THE ECONOMIC BENEFITS OF TRANSITION TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

B.T. Batyrkanov

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Статья рассматривает актуальные и новаторские аспекты «зеленой экономики» как стратегического перехода к устойчивому развитию. Основное внимание уделяется экономическим выгодам этого подхода, включая энергетическую эффективность, инновации, сокращение рисков для экосистем, экономическое равенство и снижение затрат на здравоохранение. Приводятся примеры успешной реализации зеленых практик в различных странах.

Abstract. This article explores the current and innovative aspects of the "green economy" as a strategic shift towards sustainable development. The main focus is on the economic benefits of this approach, including energy efficiency, innovation, ecosystem risk reduction, economic equality, and healthcare cost reduction. Examples of successful implementation of green practices in various countries are provided. The article highlights key aspects that make the "green economy" crucial for modern society and the economy. The study "Global Economic Benefits of the Green Economy" focuses on analyzing the positive impact of transitioning to sustainable development on the global economy.

Ключевые слова: зеленая экономика, устойчивое развитие, энергетическая эффективность, инновации, экосистемы, экономическое равенство, затраты на здравоохранение, возобновляемые источники энергии, общественное здоровье.

Keywords: green economy, sustainable development, energy efficiency, innovation, ecosystems, economic equality, healthcare costs, renewable energy sources, public health.

Тема «зеленой экономики» крайне актуальна в современном мире, где вопросы устойчивого развития, энергетической эффективности и сокращения воздействия на окружающую среду становятся все более важными. В условиях изменения климата и ограниченности природных ресурсов, переход к зеленой экономике становится необходимостью для обеспечения благополучия будущих поколений.

Исследовательская проблема: Основная исследовательская проблема заключается в выявлении экономических выгод и ключевых аспектов перехода к зеленой экономике. Как можно оптимизировать затраты, содействовать инновациям и обеспечивать устойчивость экосистем, сохраняя при этом экономическое равенство?

Методологические и теоретические рамки исследования: Исследование базируется на анализе существующих данных, примерах успешной реализации зеленых практик в различных странах, а также теоретических основах устойчивого развития и экономики. Методы системного анализа, сравнительного исследования и обобщения результатов используются для выявления ключевых аспектов и обоснования выводов.

Такой комплексный подход позволяет рассмотреть тему из разных точек зрения и предоставить всеобъемлющее понимание того, как зеленая экономика может стать движущей силой для устойчивого развития и принести реальные выгоды обществу и экономике.

«Зеленая экономика» представляет собой интегрированный и стратегический подход к экономическому развитию, ориентированный на достижение устойчивости путем сокращения негативного воздействия на окружающую среду и эффективного использования природных ресурсов. Эта концепция включает в себя целый ряд мер и стратегий, направленных на

гармоничное сочетание экономического роста, социальной справедливости и заботы о природе.

В центре зеленой экономики стоит стремление к переходу от традиционных, часто эксплуатационных, методов производства и потребления к инновационным и устойчивым практикам. Это включает в себя переориентацию на энергоэффективные технологии, применение возобновляемых источников энергии, а также внедрение зеленых инфраструктурных проектов.

Принцип эффективного использования ресурсов становится ключевым в зеленой экономике. Это включает в себя пересмотр производственных процессов, чтобы уменьшить отходы и максимизировать повторное использование материалов. Важным аспектом является также развитие кругового экономического подхода, при котором отходы становятся ресурсами для новых производственных циклов.

Особое внимание уделяется снижению выбросов и загрязнений воздуха, воды и почвы. Зеленая экономика предполагает внедрение чистых технологий и процессов, а также развитие экологически ответственных методов хозяйствования.

Важным элементом зеленой экономики является также социальная справедливость и вовлечение общества. Создание рабочих мест в секторе чистых технологий, поддержка местных инициатив, а также обеспечение доступа к экологически чистым товарам и услугам становятся неотъемлемой частью этого подхода.

Зеленая экономика представляет собой комплексную стратегию, направленную на создание устойчивой и сбалансированной модели развития, где экономика, социум и экосистема взаимодействуют в гармонии, обеспечивая благосостояние на текущее и будущее поколения.

В ходе реализации зеленой экономики акцент делается на образовании и повышении осведомленности об экологических проблемах. Это направление помогает формировать экологическую грамотность в обществе и

поддерживать понимание важности устойчивого образа жизни. Образовательные программы, нацеленные на популяризацию зеленых технологий и привитие экологической ответственности, играют ключевую роль в достижении этих целей.

Дальнейший шаг в зеленой экономике — это создание стимулов для бизнеса, осуществляющего зеленую деятельность. Экономические инструменты, такие как налоговые льготы, субсидии, инвестиционная поддержка и торговые квоты, могут стать мощными стимулами для компаний, стремящихся к устойчивым практикам. Это, в свою очередь, стимулирует экономический рост и развитие новых технологий.

Важным аспектом зеленой экономики является глобальное сотрудничество и обмен опытом между странами. Совместные усилия в разработке и внедрении зеленых технологий могут ускорить процесс перехода к устойчивому развитию. Это особенно актуально в условиях глобальных экологических вызовов, таких как изменение климата.

Наконец, зеленая экономика предполагает пересмотр потребительского поведения и культуры потребления. Поддержка экологически чистых товаров и услуг, развитие этичного потребительства и переход к циркулярной экономике становятся неотъемлемой частью устойчивого образа жизни.

Обеспечение энергетической эффективности является важным компонентом стратегии "зеленой экономики". В рамках этого направления реализуются меры, направленные на сокращение расходов на энергию и стимулирование развития зеленых технологий, что в свою очередь влияет на создание новых рабочих мест [2, С.13-14].

Одним из ключевых аспектов является инвестирование в энергосберегающие технологии и возобновляемые источники энергии. Например, страны, активно внедряющие возобновляемые источники, демонстрируют значительное снижение расходов на электроэнергию. Взглянем на Германию, где доля возобновляемой энергии в общем объеме потребления электроэнергии составляет 47% (по данным 2020 года). Это

привело к заметному снижению расходов на электроэнергию для предприятий на 20%. Такие инвестиции не только способствуют экономической эффективности компаний, но и приводят к сокращению негативного воздействия на окружающую среду, что соответствует принципам устойчивого развития.

Развитие зеленых технологий влечет за собой потребность в высококвалифицированных специалистах. Это важный аспект, поскольку внедрение и поддержка зеленых инноваций требует специализированных знаний. В приведенном выше примере Германии, инвестиции в возобновляемую энергетику содействовали созданию более 330 тыс. новых рабочих мест. Это не только улучшает структуру занятости, но и способствует развитию образовательных программ, направленных на подготовку кадров в сфере возобновляемой энергии и энергосбережения [5, С. 25-36].

Зеленая экономика является мощным стимулом для инноваций в различных отраслях. Инвестиции в разработку новых технологий и методов производства в сфере зеленых технологий становятся движущей силой для роста экономики. Например, разработка эффективных средств использования ресурсов, таких как улучшенные системы управления отходами или инновационные методы энергосбережения, не только повышает производительность, но и стимулирует конкурентоспособность предприятий [9, С. 60-68].

Страны, активно вкладывающие в зеленые технологии, выходят на передний план на мировой арене. Это обеспечивает им лидерство в области чистой энергии и инновационных экологических решений. Например, Япония, инвестируя значительные средства в зеленые технологии, поднялась на пик глобального лидерства. В 2021 году инвестиции в зеленые технологии в Японии достигли \$19.5 миллиарда. Этот внушительный объем финансирования не только способствовал созданию более 150 тысяч рабочих мест, но и привел к увеличению экспорта экологически чистых товаров на 18%. Такие страны не только обеспечивают себе стабильный рост, но и

активно формируют глобальные тренды в области устойчивого развития [12, С. 42].

Внедрение зеленых практик в экономике способствует снижению давления на природные ресурсы, что в свою очередь сокращает расходы на восстановление и поддержание экосистем. Примером может служить переход к устойчивым методам сельского хозяйства, где применение органических удобрений и биоразлагаемых упаковок уменьшает негативное воздействие на почву и водные ресурсы [11, С. 46-53].

Проактивные меры по смягчению изменений климата снижают риски стихийных бедствий и, следовательно, связанные с ними затраты на восстановление. Например, стратегии адаптации к изменению климата могут включать в себя строительство инфраструктуры, способной справляться с экстремальными погодными условиями [6, С. 32].

Нидерланды выделили значительные ресурсы, в частности €4 миллиарда, на строительство водохранилищ и защитных сооружений. Это направлено на снижение рисков наводнений, которые могут возникнуть в результате изменений климата. Подобные инвестиции не только защищают население и инфраструктуру от стихийных бедствий, но и снижают затраты на восстановление после природных катастроф. Это яркий пример того, как активные шаги по адаптации не только обеспечивают безопасность, но и рационализируют расходы, снижая необходимость в последующих масштабных восстановительных мерах.

Развитие местных источников возобновляемой энергии и инфраструктуры становится ключевым фактором в создании возможностей для местных сообществ. Это не только способствует сокращению зависимости от централизованных энергетических систем, но и создает условия для развития местных экономик. Например, местные проекты по возобновляемой энергии, такие как солнечные фермы или ветрогенераторы, могут предоставить новые источники дохода для местных жителей и малого бизнеса.

Инвестиции в образование и подготовку кадров для зеленых отраслей играют ключевую роль в повышении уровня образования и создании новых трудовых возможностей. Новые технологии и методы работы в сфере возобновляемой энергии требуют специализированных навыков, и обучение местных жителей становится стратегическим шагом. Это не только улучшает квалификацию трудовых ресурсов, но и способствует устойчивому социальному и экономическому развитию.

Сокращение выбросов и загрязнений воздуха, характерных для зеленых практик, способствует уменьшению затрат на лечение заболеваний, связанных с загрязнением окружающей среды. Загрязненный воздух может быть источником различных заболеваний, таких как респираторные заболевания, аллергии и другие проблемы со здоровьем. Инвестиции в зеленые технологии и экологически чистые процессы производства снижают выбросы токсичных веществ, что в конечном итоге сокращает количество заболеваний и связанных с ними медицинских расходов.

Создание чистой окружающей среды благоприятствует повышению общественного здоровья. Уменьшение уровня загрязнения воздуха и воды содействует улучшению качества жизни населения. Чистый воздух и вода способствуют уменьшению заболеваемости, повышению иммунитета и общему благополучию граждан. В результате улучшения общественного здоровья снижаются затраты на медицинское обслуживание, лечение и реабилитацию [8, С. 62].

Швеция, принявшая меры по сокращению выбросов вредных веществ на 30%, достигла заметного снижения расходов на лечение заболеваний, вызванных загрязнением воздуха. Это привело к экономии в размере €2.5 млрд. Такие успешные примеры подчеркивают, как зеленые практики не только способствуют улучшению экологии, но и содействуют значительной экономии в сфере здравоохранения.

Глобальные экономические выгоды от «зеленой экономики» становятся ключевым фактором устойчивого и прогрессивного развития. Инвестиции в

зеленые технологии, нацеленные на сокращение негативного воздействия на окружающую среду, не только обеспечивают чистую среду, но и создают новые возможности для экономического роста, социальной справедливости и инновационного прогресса.

Стремление к «зеленой экономике» представляет собой ключевой аспект современных стратегий устойчивого развития. Рассмотренные в статье экономические выгоды, такие как энергетическая эффективность, инновации, бережение экосистем и снижение затрат на здравоохранение, подчеркивают не только важность этого подхода для охраны окружающей среды, но и его значимость для экономического роста и социального прогресса. Примеры успешной реализации в различных странах свидетельствуют о том, что "зеленая экономика" не только осуществима, но и приносит конкретные положительные результаты. Данный подход становится неотъемлемой частью стратегий глобального сообщества в поиске более устойчивого и эффективного будущего.

Список использованной литературы:

1. Будущее, которого мы хотим: Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20. – Рио-де-Жанейро, 2012. – /A/Conf. 216/L. 1. – 66 с. – Режим доступа: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-11_russian.pdf.pdf
2. Глобальная экологическая перспектива (GEO 4) Окружающая среда для развития: Резюме для лиц, принимающих решения / ЮНЕП. – 2007. – 33 с. – Режим доступа: http://www.unep.org/geo/GEO4/media/GEO4_SDM_Russian.pdf
3. В.В. Арбузов, Д.П. Грузин, В.И.Симакин Экономика природопользования и природоохраны// Учебное пособие. Арбузов В.В., Грузин Д.П., Симакин В.И. - Пенза: Пензенский государственный университет. – 2004 – С. 251с.
4. Глинская, Е.Н. «Устойчивое развитие: новая парадигма и экономика будущего». – 2003 – С.153

5. Грицевич И.Г. Перспективы и сценарии низкоуглеродного развития: ЕС, Китай и США в глобальном контексте. – М.: Скорость цвета, 2011. – 36 с. – Режим доступа: http://www.wwf.ru/data/publ/climate/low_carbon_web.pdf
6. Полтерович В.В., «Экология и экономика: взаимодействие в условиях
7. Стиглиц Дж. Глобализация: Тревожные тенденции / Пер. с англ. – М.: Мысль, 2003. – С. 300 устойчивого развития». 2005 – С.51
8. Daniel C. Esty, Andrew S. Winston, «Green to Gold: How Smart Companies Use Environmental Strategy to Innovate, Create Value, and Build Competitive Advantage». – 2006 – С.42
9. Herman E. Daly, Joshua Farley, «Ecological Economics: Principles and Applications», 2003
10. Ken Webster, Catherine Cameron, «The Circular Economy: A Wealth of Flows», 2015
11. Paul Hawken, Amory Lovins, L. Hunter Lovins, «Natural Capitalism: Creating the Next Industrial Revolution», 1999
12. Robert Pollin, «The Green Economy: Environment, Sustainable Development, and the Politics of the Future», 2011

Об авторах: БАТЫРКАНОВ Бактыбек Темирбекович – аспирант, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: batyrkanovbt@yandex.ru

About the authors: BATYRKANOV Baktybek Temirbekovich – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: batyrkanovbt@yandex.ru

**ЕВРОПА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕЛЕННОГО ВОДОРОДА
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАСШИРЕНИЯ**

Ганюшкина И.А.

Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

**EUROPE AND LATIN AMERICA: STRATEGIC PARTNERSHIP IN THE
FIELD OF "GREEN" HYDROGEN PRODUCTION AND PROSPECTS
FOR ITS EXPANSION**

I.A. Ganyushkina

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: статья исследует потенциал сотрудничества между Латинской Америкой и Европой в производстве зеленого водорода. Автор статьи, основываясь на статистических данных, представленных в докладах международных организаций, анализирует текущие достижения двух регионов в формировании стратегии развития водородного производства и выявляет преимущества стратегического партнерства между Европой и Латинской Америкой. В основе статьи лежит предположение о том, что Европа и Латинская Америка могут достичь взаимной выгоды от сотрудничества в области производства зеленого водорода. Автор отмечает потенциал Латинской Америки в производстве зеленого водорода благодаря наличию сравнительных преимуществ в виде природных условий, способствующих развитию солнечной и ветровой энергетики. Также подчеркивается роль Европы в освоении новых технологий и наличии у европейских стран опыта в области производства и использования зеленого водорода. Автор приходит к выводу, что перспективной моделью сотрудничества между двумя регионами может служить партнерство, основанное на создании совместных исследовательских проектов, обмене технологиями и опытом, а также развитию инфраструктуры для производства, хранения и транспортировки зеленого водорода.

Abstract: the article explores the potential of cooperation between Latin America and Europe in the production of green hydrogen. The author of the article, based on statistical data presented in reports of international organizations, analyzes the current achievements of the two regions in forming a strategy for the development

of hydrogen production and identifies the advantages of a strategic partnership between Europe and Latin America. The article is based on the assumption that Europe and Latin America can achieve mutual benefits from cooperation in the field of green hydrogen production. The author notes the potential of Latin America in the production of green hydrogen due to the presence of comparative advantages in the form of natural conditions conducive to the development of solar and wind energy. The role of Europe in the development of new technologies and the experience of European countries in the production and use of green hydrogen is also emphasized. The author concludes that a promising model of cooperation between the two regions can be a partnership based on the creation of joint research projects, the exchange of technologies and experience, as well as the development of infrastructure for the production, storage and transportation of green hydrogen.

Ключевые слова: «зеленый» водород, Европа, Латинская Америка.

Keywords: "green" hydrogen, Europe, Latin America.

Статистические данные показывают, что фактический разрыв отношений с Россией в сфере энергетики вынудил власти ЕС увеличить инвестиции не только в СПГ-терминалы и АЭС, но и в возобновляемые источники энергии, т.е. от курса на декарбонизацию экономики Евросоюз не отказывается.

В последние несколько лет в контексте энергоперехода на мировом рынке можно наблюдать растущий спрос на «зеленый» водород, который производится путем электролиза воды, т.е. расщепления ее молекул на атомы водорода и кислорода с использованием электрического тока, полученного из возобновляемых источников энергии, таких как энергия солнца или ветра. В отличие от обычного водорода, получаемого из ископаемого топлива, водород, созданный с помощью этой технологии, считается «зеленым», поскольку при производстве или потреблении не выделяется никаких парниковых газов. Однако, производство водорода с низким уровнем выбросов CO₂ составило менее 1 млн тонн (0,7%) в 2021 году, почти весь этот объем был произведен из ископаемого топлива с использованием технологии улавливания и хранения углерода (carbon capture and storage - CCS), и только 35 тыс. тонн H₂ - из электроэнергии путем электролиза воды [5, стр.71].

Однако, согласно списку мировых проектов по производству водорода, составленному Всемирным Энергетическим Агентством (IEA), количество объявленных проектов, которые будут производить водород с низким уровнем выбросов, растет заметными темпами. По прогнозам IEA, в 2022-2027 годах около 2% от общего прироста возобновляемых мощностей будет направлено на производство водорода [8, стр.146]. Между тем, ожидается, что Европа станет локомотивом развития мирового рынка «зеленого» водорода. При этом стоит отметить, что несколько государств-членов ЕС уже сформулировали свои собственные водородные стратегии на 2030 год (например, Германия и Испания).

В Испании основные шаги водородной стратегии изложены в документе «Hoja de ruta del hidrógeno: una apuesta por el hidrógeno renovable» (Водородная дорожная карта: ставка на возобновляемый водород), утвержденном 6 октября 2020 года Советом Министров [6]. Водородная стратегия Испании концентрируется на стимулировании национального производства «зеленого» водорода, стремится к полному обеспечению внутренних потребностей в нем и поэтому не предусматривает его импорт из других стран. Это стратегическое решение направлено на укрепление энергетической независимости страны, обеспечение стабильности энергоснабжения и уменьшение зависимости от внешних поставщиков.

В июне 2020 года Федеральное министерство экономики и энергетики Германии представило Национальную водородную стратегию ФРГ. В долгосрочной перспективе Германия будет играть роль экспортера экологически чистых водородных технологий. Также Германия рассчитывает импортировать определенную долю водородной продукции и налаживать международные партнерские отношения для обеспечения своих будущих поставок водорода. В рамках Национальной водородной стратегии Германия планирует выделить 7 миллиардов евро на ускорение внедрения водородных технологий на внутренний рынок и еще 2 миллиарда евро на развитие международного сотрудничества.

Потенциальными партнерами Европы в качестве экспортеров экологически чистого водорода могут стать страны Латинской Америки, в частности, Чили, Бразилия и другие. В этом контексте Южная Америка и страны Карибского бассейна обладают рядом сравнительных преимуществ, таких как развитие солнечной и ветроэнергетики. Значительные объемы экспорта планируются в каждом крупном регионе мира, но к 2030 году именно Латинская Америка станет регионом с наибольшим объемом экспорта со значением в 3 млн H₂/год из 12 млн H₂/год запланированного экспорта.

В июле 2023 года впервые с 2015 года в Брюсселе прошел саммит ЕС-СЕЛАК с участием лидеров 27 стран Европейского Союза и 33 государств Латинской Америки. На саммите Европейская Комиссия представила глобальный инвестиционный план Global Gateway для стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Одним из основных инвестиционных направлений в рамках плана является справедливый «зеленый» переход. Чуть ранее в июне президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен посетила страны Латинской Америки, обсуждая с лидерами Бразилии, Чили и Аргентины возможности сотрудничества, особенно в водородном секторе, и объявила о выделении инвестиций в размере 10 млрд евро в рамках инвестиционного плана ЕС.

Необходимо отметить, что Чили является наиболее перспективным потенциальным партнером Европы в области дешевого производства H₂ благодаря своим огромным ресурсам возобновляемой энергии и амбициозной Водородной стратегии. По прогнозам МЭА, к 2027 году мощность возобновляемых источников энергии в Чили увеличится более чем вдвое и достигнет 45 ГВт.

Выделение средств на водородные проекты идет в русле Национальной водородной стратегии Чили, утвержденной в ноябре 2020 года. Прогнозируется, что объем экспорта водорода и его производных в 2050 – уже 24 млрд долларов. Отмечается, что для достижения таких значений понадобятся инвестиции в 330 млн долларов к 2050 году [4, стр.12].

Вышеупомянутый проект ЕС The Team Europe Initiative on Green Hydrogen по развитию возобновляемого водорода в Чили поддержит декарбонизацию чилийской экономики, создаст «зеленые» рабочие места и бизнес-возможности для чилийских и европейских компаний, одновременно удовлетворяя собственный спрос Европы на импорт зеленого водорода [10, стр. 1]. Проект имеет бюджет в размере 4 млн евро от Европейского Союза, который будет дополнен еще 4 млн евро от Федерального министерства экономики и защиты климата Германии (BMWK).

В рамках проекта Team Europe также создан Фонд возобновляемого водорода (Global Gateway RH2 Funding Platform) - совместная инициатива Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) и Банка развития KfW, возглавляемая делегацией Европейского Союза в Чили, направленная на продвижение зарождающегося рынка «зеленого» водорода в Чили, способствующая созданию местных цепочек поставок и укреплению потенциала экспорта зеленого водорода в Европу. На данный момент платформа финансируется за счет кредита в размере 200 миллионов евро от ЕИБ и KfW, добавленного к гранту в размере 16,5 миллионов евро от Инвестиционного фонда Латинской Америки - LACIF.

Инвестиционный фонд Латинской Америки (LACIF) был создан в 2010 году и является одним из региональных объединенных фондов Европейского Союза. LACIF предлагает странам техническую помощь, инвестиционные гранты, финансовые средства, как на возмездной, так и на безвозмездной основе. В рамках этого инструмента ЕС, а, в частности, Немецкий банк развития KfW, внес свой вклад в строительство с 2013 по 2021 гг. в Чили крупнейшей в латиноамериканском регионе электростанции по выработке солнечной энергии Cerro Dominador, предоставив субсидию в размере 15 300 000 евро [9].

Бразилия также является перспективным направлением для ЕС для осуществления инвестиций в сектор возобновляемого водорода. В Бразилии в августе 2022 года вышла в свет Национальная Водородная Программа, в

которой отмечается заинтересованность страны в развитии и консолидации национального рынка водорода и выходе Бразилии на международный рынок на экономически конкурентоспособной основе. Большое внимание уделено международному сотрудничеству как элементу консолидации водородной экономики в Бразилии.

Исследование «Карта водородного сектора Бразилии: текущая панорама и потенциал зеленого водорода» было разработано в октябре 2021 года Министерством горнодобывающей промышленности и энергетики Бразилии в рамках энергетического партнерства Бразилия - Германия, совместно с Коммерческой и промышленной палатой Бразилия – Германия в Рио-де-Жанейро и Немецким обществом международного сотрудничества (GIZ), в документе представлен обзор отрасли и основных участвующих академических и институциональных участников.

При этом сотрудничество вышеупомянутых организаций зашло дальше обычного совместного исследования. Министерство горнорудной промышленности и энергетики Бразилии в сотрудничестве с GIZ разработало проект в области производства водорода под названием H2 Brazil, который будет способствовать инновациям и поддерживать оптимизацию пилотных проектов в промышленном масштабе [11]. Чтобы сделать все это возможным, H2Brazil работает при поддержке бразильских и немецких университетов, компаний, отраслей, государственного сектора, организаций гражданского общества и Бразильско-германского альянса по зеленому водороду, в состав которого входят бразильско-немецкие палаты в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу.

29 октября 2021 г. в рамках H2 Brazil Немецкое агентство международного сотрудничества (GIZ) выделило 5 миллионов евро на строительство Зеленого водородного центра - CH2V на базе Федерального Университета Итажубы в штате Минас-Жераис, в Центре будет находиться пилотная установка для производства «зеленого» водорода, и он также будет работать в качестве лаборатории для исследований и разработок. Еще одним партнерским университетом проекта является Федеральный университет

Санта-Катарина, находящийся в одноименном штате. Бюджет проекта сотрудничества этого университета с GIZ составляет 2,3 млн. евро на несколько видов деятельности, таких как строительство лаборатории для производства и использования зеленого H₂ и его производных, которые будут производиться на основе солнечной фотоэлектрической электроэнергии и электролиза воды. Другой совместный проект GIZ с Федеральным Университетом Рио-Де-Жанейро (UFRJ), бюджет которого составляет 1,2 млн. евро, направлен на выявление возможностей использования зеленого водорода в промышленных процессах, производстве электроэнергии.

Третий потенциальный партнер Европейского Союза, по оценкам международных организаций, - Аргентина, которая несмотря на экономическую нестабильность традиционно является одной из стран-лидеров по привлечению иностранных инвестиций благодаря разумной государственной политике по формированию благоприятного инвестиционного климата путем создания выгодных условий, преимущественно, в сфере налогообложения.

Чуть позднее, чем Чили и Бразилия, в сентябре 2023 года Аргентина выпустила Национальную Стратегию по развитию водородной экономики. Отмечается, что конкурентные преимущества, которыми обладает Аргентина, позволяют прогнозировать соответствующее участие в международной торговле, начиная с 2030 года с объемом производства 0,3 млн тонн в год и достигая к 2050 году поставки 5% мирового рынка, прогнозируемого к 2050 году, что представляет собой производство не менее 4 млн тонн. в год.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что правовые и регуляторные рамки производства экологически чистого водорода стали формироваться в Аргентине недавно, производственные процессы в этой стране были запущены уже давно. Так, аргентинская компания Nuchico производит «зеленый» водород H₂ для собственного потребления с 2008 года. Производственная мощность проекта составляет 120 нормальных кубических метров (Нм³) водорода в час (эквивалент 10 килограммов в час) [7].

Однако объем европейских инвестиций и водородных проектов, в которых участвует Аргентина в партнерстве с Европейским Союзом, несколько меньше, чем в Чили и Бразилии. Представляет интерес одна из ведущих инициатив - Консорциум H2ar, который был создан в 2020 году как совместное рабочее пространство, которое объединяет 50 компаний, связанных с цепочкой создания стоимости водорода. На данный момент в состав консорциума входит определенное количество европейских компаний из Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Италии, Нидерландов. Одной из основных первоначальных целей консорциума является укрепление общего видения с целью выявления проблем, продвижения совместных пилотных проектов и создания нормативной и бизнес-среды, которая способствует развитию технологических и производственных возможностей.

17 июля 2023 года президент Аргентины Альберто Фернандес и президент Европейской Комиссии Урсула фон Дер Ляйен подписали меморандум о взаимопонимании по энергетическому сотрудничеству, который направлен на стимулирование торговли энергоносителями между Аргентиной и Европейским Союзом, в том числе и произведенными с помощью экологически чистых технологий. Этот Меморандум о взаимопонимании был подписан через месяц после того, как Фернандес и фон дер Ляйен подписали меморандум о расширении сотрудничества в устойчивых цепочках создания стоимости критически важного сырья. Это соглашение было подписано в Буэнос-Айресе во время поездки фон дер Ляйен в четыре страны Латинской Америки в середине июня, целью которой было укрепление политических и торговых связей [3].

Также необходимо отметить, что такой международный центр, как International PtX Hub, также вносит свой вклад во взаимодействие Аргентины и ЕС. Центр PtX реализуется Немецким обществом по международному взаимодействию (GIZ) от имени Федерального министерства экономики и

борьбы с изменением климата Германии (BMWK)¹[1]. Международная команда PtX Hub приняла большое участие в разработке Национальной водородной стратегии Аргентины, в частности, в разработала прогнозы потенциальных объемов производства «зеленого» водорода и «зеленого» аммиака в Аргентине, а также ожидаемых объемов спроса на «зеленый» водород как на внутреннем, так и на международном рынках. Также Министерство энергетики Аргентины и Международный центр PtX совместно провели однодневный тренинг для представителей министерств и технических государственных учреждений [2].

Таким образом, Чили, Бразилия и Аргентина в среднесрочной перспективе станут странами с наибольшим объемом экспорта зеленого водорода и его производных, например, зеленого аммиака, в страны Европы. Однако сотрудничество Европы в области водорода не ограничивается вышеописанными 3 странами, хотя они и являются лидерами по европейским инвестициям в данном секторе. Другие страны Латинской Америки также имеют потенциал в сфере возобновляемой энергетики. Например, Уругвай, Коста-Рика, Колумбия.

Список использованной литературы:

1. About us / [Электронный ресурс] // International PtX Hub : [сайт]. — URL: <https://ptx-hub.org/about-us/> (дата обращения: 14.12.2023).
2. A common ground for hydrogen in Argentina / [Электронный ресурс] // International PtX Hub : [сайт]. — URL: <https://ptx-hub.org/a-common-ground-for-hydrogen-in-argentina/> (дата обращения: 14.12.2023).
3. Argentina and EU sign energy memorandum / [Электронный ресурс] // Buenos Aires Herald : [сайт]. — URL: <https://buenosairesherald.com/business/energy/argentina-and-eu-sign-energy-memorandum-at-eu-celac-summit> (дата обращения: 14.12.2023).
4. Estrategia Nacional de Hidrógeno Verde / [Электронный ресурс] // Ministerio de Energía, Gobierno de Chile : [сайт]. — URL:

¹ <https://ptx-hub.org/about-us/>

- https://energia.gob.cl/sites/default/files/estrategia_nacional_de_hidrogeno_verde_-_chile.pdf (дата обращения: 14.12.2023).
5. Global Hydrogen Review 2022 / [Электронный ресурс] // IEA : [сайт]. — URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/c5bc75b1-9e4d-460d-9056-6e8e626a11c4/GlobalHydrogenReview2022.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).
6. GONZÁLEZ GARCÍA-CONDE A. EL HIDRÓGENO EN ESPAÑA: SITUACIÓN Y ESTRATEGIA / GONZÁLEZ GARCÍA-CONDE A. [Электронный ресурс] // Government of Spain. Ministry of industry and tourism : [сайт]. — URL: <https://www.mincotur.gob.es/Publicaciones/Publicacionesperiodicas/EconomiaIndustrial/RevistaEconomiaIndustrial/424/GONZA%CC%81LEZ%20GARCI%CC%81A-CONDE.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).
7. Hychico - Argentina / [Электронный ресурс] // OECD : [сайт]. — URL: <https://www.oecd.org/environment/cc/cefim/green-hydrogen/hychico-argentina.htm> (дата обращения: 14.12.2023).
8. Renewables 2022 Analysis and forecast to 2027 / [Электронный ресурс] // IEA : [сайт]. — URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/ada7af90-e280-46c4-a577-df2e4fb44254/Renewables2022.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).
9. Success Story: Cerro Dominador The first thermal solar power plant in Latin America / [Электронный ресурс] // LACIF : [сайт]. — URL: <https://www.eulaif.eu/en/success-story-cerro-dominador-first-thermal-solar-power-plant-latin-america> (дата обращения: 14.12.2023).
10. TEAM EUROPE INITIATIVE Green hydrogen cooperation with Chile: FAST FORWARD TO CARBON-NEUTRALITY / [Электронный ресурс] // The European External Action Service : [сайт]. — URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/TEI%20RH2%20Brochure%20%28ENG%29.pdf> (дата обращения: 14.12.2023).
11. What is the H2Brasil project? / [Электронный ресурс] // H2 green hydrogen German-Brazilian Alliance : [сайт]. — URL: <https://www.h2verdebrasil.com.br/en/en-h2brasil/> (дата обращения: 14.12.2023).

Об авторах: ГАНЮШКИНА Ирина Анатольевна – студентка 2 курса Экономического факультета Дипломатической академии МИД России, e-mail: orbital12006@ya.ru

About the authors: GANYUSHKINA Irina Anatolyevna – 2nd year student of the Faculty of Economics of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: orbital12006@ya.ru

**ОПЫТ СТРАН ШОС В РАЗВИТИИ ЗЕЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И
ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РАМКАХ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Гудкова Е.О.

Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный
Университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

**EXPERIENCE OF THE SCO COUNTRIES IN THE DEVELOPMENT OF
"GREEN" TECHNOLOGIES AND ASSESSMENT OF THE PROSPECTS
FOR ITS APPLICATION WITHIN THE ORGANIZATION**

E.O. Gudkova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny
Novgorod

Аннотация: Доклад освещает опыт стран-членов ШОС в развитии зеленых технологий и анализирует перспективы их применения в рамках организации. В настоящее время зеленые технологии охватывают все сферы экономики: энергетику, легкую и тяжелую промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство и т.д. Многие страны находятся в фазу активного перехода к зеленой экономике путем как индивидуальных, так и групповых усилий. Доклад представляет обзор достижений и инноваций в области зеленых технологий, реализованных в странах ШОС. Индивидуальная оценка проделанной работы в рамках каждого государства обусловлена неравномерным экономическим, социальным, техническим и политическим развитием среди стран ШОС, что ведет не только к фокусированию на конкретной отрасли зеленой экономики в пределах страны, но и к вопросу о том, как именно государства-члены могут скоординировать свои усилия в области зеленых технологий. Для ответа на этот вопрос в докладе оцениваются текущие препятствия и вызовы, стоящие перед странами ШОС в совместном развитии зеленых технологий. Выделяет важность обмена опытом и передачи знаний в области зеленых технологий между странами ШОС, а также необходимость разработки совместных политик и мер поддержки. Таким образом в докладе анализируются перспективы применения зеленых технологий в рамках ШОС и их значимость для достижения устойчивого развития в регионе.

Abstract. The report highlights the experience of the SCO member states in the development of green technologies and analyzes the prospects for their application within the organization. Currently, green technologies cover all sectors of the economy: energy, light and heavy industry, transport, construction, agriculture, etc. The report provides an overview of the achievements and innovations in the field of green technologies implemented in the SCO countries. The individual assessment of the work done within each state is due to uneven economic, social, technical and political development among the SCO countries, which leads not only to focusing on a specific branch of the green economy within the country, but also to the question of how exactly the member states can coordinate their efforts in the field of green technologies. To answer this question, the report assesses the current obstacles and challenges facing the SCO countries in the joint development of green technologies. Highlights the importance of the exchange of experience and transfer of knowledge in the field of green technologies between the SCO countries, as well as the need to develop joint policies and support measures. Thus, the report analyzes the prospects for the use of green technologies within the SCO and their importance for achieving sustainable development in the region.

Ключевые слова: ШОС, зеленая экономика, экология, возобновляемые источники энергии.

Keywords: SCO, green economy, ecology, renewable energy sources.

Зеленая экономика является одним из наиболее актуальных направлений международной политики в 21 веке, предпосылками для формирования которого стала совокупность экономических, социальных и в первую очередь экологических проблем. Большую опасность для устойчивого развития человечества представляет ограниченное количество природных ресурсов и загрязнения, которые влияют как на окружающую среду, так и на здоровье всех обитателей планеты.

На данный момент универсальным определением явления зеленой экономики можно считать определение данное ЮНЕП в 2011 году в докладе «Навстречу зеленой экономике». Согласно ему, это такая экономика, которая повышает благосостояние людей, обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение [10].

Тогда, что же такое «зеленые» технологии? Это ничто иное как основной инструмент имплементации «зеленой» экономики. Зеленые технологии подразумевают технические решения, дружественные по отношению к окружающей среде. Зеленые технологии крайне разнообразны, но в рамках данного исследования, мне бы хотелось сфокусироваться именно на энергетическом аспекте.

Применение определенных технологий зависит от уровня экономического, технического и социального развития государства, далеко не каждое из них может позволить себе зеленый переход, не навредив благосостоянию граждан. Именно поэтому большую роль в реализации зеленых технологий играет региональное сотрудничество.

За последние несколько лет значительно выросло число международных и региональных организаций, способствующих осуществлению национальных программ и политики в сфере «зеленой экономики». В их число входит и ШОС. Повестка зеленого перехода вышла на первый план в рамках ШОС совсем недавно, поэтому круг исследований данной тематики ограничен. В рамках ШОС продвигаются разнообразные проекты, а 2024 год в ШОС будет годом экологии[2]. Однако планирование и реализация какого-либо проекта будет наиболее успешной при наличии определенного опыта применения зеленых технологий. Какой же опыт имеется у стран-участниц ШОС?

Центральная Азия: Выделение стран ЦА в отдельную группу обусловлено некогда успешным функционированием «Объединенного диспетчерского управления энергосистемами Средней Азии», созданного еще в 1960-е годы – то есть Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан имеют совместный опыт сотрудничества в сфере энергетики, хотя к 2022 данная структура стала неуправляемой и наносит больше ущерба чем пользы. Тем не менее, стоит отметить существенный опыт работы этих стран с гидроэлектростанциями. При том, Кыргызстан и Таджикистан в основном полагаются именно на гидроэнергетику. Кыргызская Республика в настоящее

время использует только 13 процентов[3] своего общего гидроэнергетического потенциала, а Таджикистан скорее всего еще меньше, поэтому у обеих стран есть много перспектив в области строительства малых ГЭС, которые являются наименее губительными для природы: в процессе строительства и эксплуатации не нарушаются природный ландшафт и окружающая среда.

В это время Казахстан и Узбекистан являются лидерами в регионе по использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Казахстан поставил четкие цели по использованию энергии солнца, ветра и биомассы и малой гидроэнергетики в энергетическом балансе страны: 3 процента общего объема выработки к 2020 году, 10 процентов к 2030 году и 50 процентов к 2050 году, сказал в 2019 году бывший министр энергетики Казахстана Канат Бозумбаев. По данным на 2022 год доля ВИЭ от общего энергопроизводства РК составляет 3,6%[7]. Такой прогресс был достигнут следующими способами: в 2019 году была открыта крупнейшая в Центральной Азии солнечная электростанция – СЭС «Сарань» мощностью 100 МВт, особое место занимает Солнечная электростанция «Бурное Солар», в состав которой входят СЭС «Бурное Солар – 1» и СЭС «Бурное Солар – 2», – это первый опыт внедрения крупномасштабных проектов в области возобновляемой энергетики в Казахстане, а на начало 2022 г. в Казахстане уже насчитывалось 134 действующих объекта ВИЭ[5].

Узбекистан также активно развивает направление зеленых технологий. Например, летом 2021 года в сотрудничестве с компанией «Masdar» (ОАЭ) в Карманинском районе Навоийской области введена в действие первая в Узбекистане солнечная электростанция «Нур Навои Solar». В целях стимулирования использования ВИЭ, Законом Республики Узбекистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» предоставляется ряд льгот и преференций: освобождение производителей установок ВИЭ от уплаты всех видов налогов сроком на пять лет с даты их государственной регистрации.

Таким образом ЦА-регион является крайне неоднородным в плане применения зеленых технологий и развивается в соответствии с возможностями и нуждами каждого государства.

Индия: Индия занимает 4-е место в мире по установленной мощности возобновляемых источников энергии. Рассматривая Индию, особое внимание стоит уделить политике в сфере ВИЭ. В этом году Индия отменила плату за передачу возобновляемой энергии на заводы по производству водорода, введенные в эксплуатацию до января 2031 года, а тарифы на зеленую энергию являются очень низкими [6]. Дефицит площадей затрудняет развитие солнечной энергетики в Индии. Размещение проектов СЭС все чаще вызывает конфликты с местным населением. Решение этой сложной проблемы облегчается «перемещением» создания СЭС с суши на воду, поэтому Индия активно развивает сферу строительства плавучих СЭС, т.к. солнечная энергия является одним из приоритетов страны. Индия также является учредителем Международного солнечного альянса.

При этом Индия отказалась подписывать соглашение в рамках 28-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, поскольку не намерена в ближайшем будущем отказываться от использования угля в энергетике.

Пакистан: Большая часть электроэнергии вырабатывается именно на гидроэлектростанциях. ГЭС строят не столько для выработки электроэнергии, сколько для регулирования стока и перераспределения воды в многочисленные ирригационные каналы (В Пакистане имеется самая разветвленная оросительная сеть).

Иран: Для Ирана зеленый переход является крайне болезненным не только в связи с тем, что это требует больших финансовых затрат, но также тем, что ИРИ является крупным добытчиком углеводородного сырья, за счет которого пополняет свой бюджет, а санкции, направленные на Иран, препятствовали получению иностранных инвестиций, которые крайне необходимы для успешного развития зеленой экономики в стране.

Несмотря на эти факторы Иран обладает высоким потенциалом в сфере альтернативной энергетики и стремится снизить свою зависимость от ископаемых ресурсов. Правительство Ирана отдает приоритет энергии ветра и солнца по сравнению с другими возобновляемыми источниками энергии из-за ветровых коридоров страны, созданных течениями Атлантического, Средиземного и Индийского океанов [10]. Существует также огромный потенциал для производства солнечной энергии. Именно СЭС преобладают в производстве альтернативной энергетики Ирана. За 2022 год в Иране были введены в эксплуатацию 415 солнечных электростанций [1]. Также можно упомянуть Ветряная электростанция Siharoush мощностью 61,2 МВт, расположенная в северо-западной провинции Казвин, которая является крупнейшим проектом страны в данной сфере.

Россия: Несмотря на наличие программ государственного стимулирования, активно поддерживающих разработку и развитие проектов ВИЭ, а также постепенно реализуемых проектов, в стратегических документах Российской Федерации не наблюдается значимого упора на развитие зеленой энергетики в стране, оставляя предпочтение ископаемому топливу, экспорт которого составляет огромную долю дохода страны. По сути РФ столкнулась с той же проблемой, что и Иран. Более того, многие ВИЭ не пригодны для того, чтобы обеспечивать обширные регионы России достаточным количеством энергии в связи с особенностями ландшафта, поэтому вклад СЭС и ВЭС в производство энергии страны крайне мал. Однако, стоит отметить, что по данным на 2022, почти 20% от всей энергии было сгенерировано ГЭС, так что можно утверждать, что это наиболее успешный вид ВИЭ для РФ [11].

Китай: Китай, несомненно, является лидером по применению зеленых технологий среди стран-участниц ШОС. Более того, КНР занимает первое место по объему производства энергии из возобновляемых источников. Однако, развитие тех же ГЭС вызывает затруднения, например процесс строительства ГЭС «Три ущелья» негативно сказался на экосистеме реки Янцзы. Тем не менее, около 50% электроэнергии в Китае производится с

помощью ВИЭ [8], хотя зависимость от поставок нефти и угля все еще преобладает. КНР активно начинает внедрять зеленый водород, в 2021 году началось строительство крупнейшего в мире завода по производству «зеленого» водорода компанией Синопек, а уже в 2023 было запущено производство. Также не так давно была запущена атомная электростанция «Шидаовань», которая является первым в мире ядерным реактором 4-го поколения. В Китае утверждают, что поскольку при производстве водорода на этом заводе нет эмиссии углекислого газа, такой водород считается «зеленым».

Исходя из предоставленной информации становится ясно, что ШОС соединяет в себе весьма разнообразный опыт, как позитивный, так и негативный. Разнообразие региона не позволяет создать универсальный проект, применимый ко всем странам, так как большинство видов ВИЭ зависит от исходных данных территории государства. Несмотря на это, информация о зеленых технологиях является весьма ценным продуктом, который может способствовать успешному зеленому переходу. Таким образом, у ШОС большой потенциал как у площадки обмена опытом в сфере имплементации зеленых технологий. Сама Организация ни раз указывала на необходимость постепенного зеленого перехода, который не будет негативно отражаться на энергетической и финансовой сфере государств. «Государства-члены считают, что Парижское соглашение должно выполняться на основе принципа общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, в свете различных национальных условий» [4].

Несмотря на это, стоит отметить, что горизонте появился перспективный проект «зеленого пояса» ШОС, о котором все чаще пишут в новостных изданиях, при этом сама Организация пока не представила готовую программу данного проекта, хотя уже 3 года обсуждает ее на всевозможных встречах и форумах [12]. С большой вероятностью, они пока что не пришли к единому мнению по осуществлению программы, так как каждый участник

сосредоточен на зоне своей компетенции, либо символически откладывают ее на 2024 г.

В 2024 г. страны-члены ШОС могут запустить общую платформу для заключения энергетических контрактов и обеспечения инвестиций в строительство инфраструктуры в области энергетики. Подобная площадка имеет большой потенциал по сравнению с совместным строительством какого-либо типа электростанции, так как намного проще в плане реализации и дает государствам возможность реализовывать индивидуальные проекты, которые помогут им приспособиться к зеленому переходу.

Также существует вероятность создания инфраструктурного проекта газомоторного топлива на территории государств ШОС, об этом говорил Николай Шульгинов, министр энергетики России. Использование техники на природном газе — одна из немногих мер, которая несет одновременно и экологический, и экономический эффект. Объем выбросов вредных веществ от такого автомобиля в атмосферу значительно снижается.

На данный момент ведется разработка стратегии энергетического сотрудничества стран ШОС до 2030 года, которую предложил президент Казахстана. Так как в следующем году председательствовать будет именно эта страна, то и публикация стратегии ожидается в 2024 году.

Список использованной литературы:

1. В Иране введены в эксплуатацию 415 солнечных электростанций / [Электронный ресурс] // НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕРВИСА : [сайт]. — URL: <https://nangs.org/news/renewables/solar/v-irane-vvedeny-v-ekspluatatsiyu-415-solnechnykh-elektrostantsij> (дата обращения: 15.12.2023).
2. В ШОС 2024 год объявили Годом экологии / [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19118543> (дата обращения: 15.12.2023).
3. Жапаров заявил, что Киргизия использует гидроэнергетический потенциал лишь на 13% / [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/17959423> (дата обращения: 15.12.2023)

4. "Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества по реагированию на изменение климата" от 16 сентября 2022 года - URL : <http://www.kremlin.ru>.
5. «Зеленая» энергетика Казахстана: Pros & Cons / [Электронный ресурс] // РСМД : [сайт]. — URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rsuh/zelenaya-energetika-kazakhstan-pros-cons/> (дата обращения: 15.12.2023).
6. Индия отменила плату за передачу возобновляемой энергии на заводы по производству водорода / [Электронный ресурс] // С.О.К. : [сайт]. — URL: https://www.c-o-k.ru/market_news/indiya-otmenila-platu-za-peredachu-vozobnovlyaemoj-energii-na-zavody-po-proizvodstvu-vodoroda (дата обращения: 15.12.2023).
7. Какую долю в энергосистеме Казахстана занимают возобновляемые источники энергии / [Электронный ресурс] // ForbesKazakhstan : [сайт]. — URL: https://forbes.kz/process/energetics/kakuyu_dolyu_v_energossisteme_kazahstana_z_animayut_vozobnovlyаемые_istochniki_energii (дата обращения: 15.12.2023).
8. КНР производит 50% электроэнергии от ВИЭ / [Электронный ресурс] // Нефть и Капитал : [сайт]. — URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-06-12/knr-proizvodit-50-elektroenergii-ot-vie-2953617> (дата обращения: 15.12.2023).
9. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности — обобщающий доклад для представителей властных структур, ЮНЕП, 2011 г., - URL : www.unep.org/greeneconomy
10. Решиков, О. И. Ветровая и солнечная энергетика Ирана / О. И. Решиков // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 4. – С. 45-52. – DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-4-45-52. – EDN FQONNA.
11. СО ЕЭС: «Доля ВИЭ, ГЭС и АЭС в выработке РФ к 2050 году вырастет с 39,3% до 56,8%» / [Электронный ресурс] // Переток.ру : [сайт]. — URL: <https://peretok.ru/news/strategy/24512/> (дата обращения: 15.12.2023).
12. Экологическое сотрудничество в рамках ШОС — перспективы / [Электронный ресурс] // Sputnik: [сайт]. — URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220910/ekologicheskoe-sotrudnichestvo-v-ramkax-shos--perspektivy-27953431.html> (дата обращения: 15.12.2023)

Об авторах: ГУДКОВА Елизавета Олеговна – студентка магистратуры, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, e-mail: Elizaveta.gudkova.01@mail.ru

About the authors: GUDKOVA Elizaveta Olegovna – Master's Degree Student,
National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I.
Lobachevsky, e-mail: Elizaveta.gudkova.01@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ
ИНВЕСТИЦИЙ**

Мамедов И.Н.

Азербайджанский архитектурно-строительного университет, Баку,
Азербайджанская Республика

FORMATION OF ALTERNATIVE INVESTMENT OPTIONS

I.N. Mammadov

Azerbaijan Architectural and Construction University, Baku, Azerbaijan of
Republic

Аннотация: Инвестиционные проекты играют важную роль в современной экономике, предоставляя инвесторам возможность увеличить свой капитал и достичь финансовых целей. Эффективное управление инвестиционными проектами требует комплексного подхода, включая анализ потенциала доходности, оценку рисков, временных рамок и стратегического соответствия. Оценка результативности инвестиций подразумевает постоянный мониторинг и адаптацию к изменениям на финансовых рынках. Сбалансированный подход к управлению портфелем, анализ долгосрочной устойчивости и соответствие общим финансовым целям являются ключевыми факторами успешного участия в инвестиционном процессе. Активное использование инструментов оценки, таких как бенчмарки и показатели доходности, способствует принятию обоснованных решений и повышению вероятности достижения желаемых результатов в динамичной среде инвестиций.

Abstract. By providing investors with the opportunities to increase their capital and to achieve financial goals, investment projects perform an important role in the modern economy. To manage investment projects effectively, the comprehensive approach is required which includes analysis of profitability's potential, and the assessments of risks, time frames and strategic fit. Assessing investment performance involves constant monitoring and adjustments to reflect changes at financial markets. The key factors to the investment process' success are balanced approach to portfolio management, long-term sustainability analysis, and alignment with overall financial goals. Actively use of assessment tools, such as benchmarks and profitability indicators will facilitate informed decision making and increase the likelihood of achieving desired results in a dynamic investment environment.

Ключевые слова: инвестиционный проект, инвестиционный процесс, инвестиционный портфель, бенчмарк, доходность.

Key words: investment project, investment process, investment portfolio, benchmark, profitability.

Введение

Выбор альтернативных вариантов проектов является одной из главных особенностей инвестиционного процесса. Сам инвестиционный процесс может иметь различные виды реализации, как по составу, так и организации связей между ними в процессе его воплощения в жизнь. Альтернативные варианты могут существенно отличаться друг от друга. Это отличие заключается, прежде всего, в том, что структура инвестиционной программы формируется из элементов, состав которых и их функциональные возможности определяются инвестором [2, с. 808].

Методология исследования

Наличие альтернативных вариантов проектов играет ключевую роль в инвестиционном процессе. Альтернативные варианты предоставляют инвесторам больше возможностей для выбора. Это позволяет адаптировать портфель под конкретные цели, рискованные предпочтения и временные горизонты. Инвестирование в различные проекты или активы помогает распределить риски [4, с. 66]. Если один проект сталкивается с проблемами, другие могут смягчить потери, предоставив диверсификацию. Инвесторы могут анализировать различные альтернативы и выбирать те, которые соответствуют их уровню толерантности к риску и целям доходности. В условиях быстро меняющегося рынка альтернативные варианты могут предоставить гибкость и возможность быстро реагировать на новые возможности или угрозы. Инвесторы могут сравнивать различные проекты с точки зрения их эффективности и выбирать те, которые максимизируют использование ресурсов.

В целом, наличие альтернативных вариантов улучшает управление портфелем и помогает инвесторам достигать своих финансовых целей при более эффективном управлении рисками [1, с. 365].

Инвесторы обычно сравнивают различные проекты с точки зрения их эффективности, чтобы принять решение о том, в какой проект инвестировать. Вот несколько ключевых факторов, которые инвесторы могут учитывать при сравнении проектов: потенциал доходности; уровень риска; временной горизонт; степень ликвидности; соответствие стратегии инвестирования; социальная ответственность и этические аспекты.

Общий анализ этих факторов позволяет инвесторам принимать информированные решения о том, в какие проекты следует вложить свои средства.

Результаты исследования

Четкое определение инвестиционных целей и установка критериев оценки успеха, может включать в себя достижение определенного уровня доходности, снижение риска, увеличение стоимости портфеля инвестиций и другие параметры.

Рассмотрение общей доходности портфеля или инвестиций в течение определенного периода времени, может включать в себя расчет общей доходности (включая дивиденды и рост капитала), сравнение с рыночными индексами или аналогичными инвестиционными фондами.

Оценка уровня риска, связанного с инвестиционной стратегией, включает в себя анализ волатильности, потерь в периоды спада рынка и других аспектов, которые могут повлиять на сохранность капитала.

Сравнение результатов с predetermined бенчмарками, может быть рыночный индекс, аналогичный инвестиционный фонд или другой стандарт, который отражает характеристики портфеля.

Рассмотрение результатов в долгосрочной перспективе. Инвесторы могут оценивать, как инвестиции соответствуют их долгосрочным целям и стратегии.

Если результаты не соответствуют ожиданиям, возможно, потребуется коррекция инвестиционной стратегии [3, с. 64]. Это может включать в себя перераспределение активов, изменение выбора инструментов или пересмотр целей.

Учет налоговых последствий и их влияния на общую доходность. Это важный аспект оценки результативности инвестиций.

Рассмотрение комиссий, расходов на управление активами и других затрат, связанных с инвестициями.

Оценка результативности инвестиционной стратегии требует систематического подхода и постоянного мониторинга. Инвесторы могут использовать различные метрики и инструменты для анализа результатов и принятия обоснованных решений по дальнейшим действиям.

Заключение

Успешность инвестиционных проектов зависит от тщательного анализа и оценки. Важно учитывать различные аспекты, такие как потенциал доходности, уровень риска, временные рамки, стратегическое соответствие, социальная ответственность и другие факторы. Процесс оценки результативности инвестиционной стратегии требует систематического мониторинга, а также способности адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям. Помнить о долгосрочной устойчивости и соответствии инвестиционных решений общим финансовым целям, является ключевым элементом успешного управления портфелем. Инвесторы могут использовать разнообразные инструменты, включая бенчмарки, анализ рынка, и показатели доходности, чтобы оценить эффективность своих инвестиций. В конечном итоге, баланс между риском и доходностью, адекватное управление портфелем и умение принимать правильные решения, является важным компонентом успешного участия в инвестиционном процессе.

Список использованной литературы:

1. Лысенкова М.В. Инвестиционное проектирование: учебное пособие. - Мн.: БГЭУ, 2021. - 418 с.
2. Мамедов И.Н., Мустафин Т.А. Оценка инвестиционных проектов: цели, интересы, эффективность // Экономика и предпринимательство. - 2023 №7. - С. 806-809.
3. Мельников Р.М. Оценка эффективности общественно значимых инвестиционных проектов методом анализа издержек и выгод: учебное пособие. - М.: Проспект, 2022. - 240 с.
4. X.N. Kazımlı, İ.N. Məmmədov, Təsərrüfat risklərinin idarə edilməsi. Monoqrafiya. Bakı, “Xəzər Universitetinin Nəşriyyatı”, 2019. - 138 s.

Об авторе: МАМЕДОВ Ильгар Нариман оглы – кандидат экономических наук, диссертант по программе доктора наук Азербайджанского архитектурно-строительного университета, e-mail; Comrad71@rambler.ru

About the author: MAMMADOV Ilgar Nariman – Ph.D. (Economics), Science Doctorate Program, Azerbaijan University of Architecture and Construction, e-mail: Comrad71@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Мустафин Т.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

FEATURES OF MODERN INTERNATIONAL TRADE

T.A. Mustafin

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: Глобальное распространение цифровой революции и необходимость управления климатом радикально изменили международную торговую среду и сделали архитектуру Всемирной торговой организации, плохо приспособленной для решения возникающих проблем регулирования, вызванных трансграничными потоками цифровых продуктов и выбросы углерода, воплощенные в торгуемых товарах и услугах. Рассмотрим проблемы регулирования, связанные с этими двумя «новыми рубежами» торговли, и оценим альтернативные меры национальной и наднациональной торговой и промышленной политики.

Abstract. The global spread of the digital revolution and the need to manage climate change have radically altered the international trading environment and left the World Trade Organization architecture ill-equipped to deal with emerging regulatory challenges caused by cross-border flows of digital products and the carbon emissions embodied in traded goods and services. We consider the regulatory challenges associated with these two “new frontiers” of trade and evaluate alternative national and supranational trade and industrial policies.

Ключевые слова: мировая экономика, международная торговля, ВТО, изменение климата, информатизация.

Keywords: world economy, international trade, WTO, climate change, digitalization.

Цифровая революция и решение проблемы управления изменением климата требуют глобальной перестройки современных обществ. Цифровые технологии и Интернет трансформируют отрасли, цепочки поставок и модели потребления, в то время как перемещение данных и цифровых услуг через границы теперь занимает центральное место в работе глобальной экономики.

Для торгового режима это поднимает вопрос о том, как следует относиться к цифровым продуктам; как следует регулировать трансграничные потоки данных, Интернет и новые технологии, такие как искусственный интеллект и алгоритмическое принятие решений; и как можно защитить личные данные граждан и права потребителей. Более того, обеспокоенность национальной безопасностью, связанная с новыми цифровыми технологиями и инвестициями в критически важную инфраструктуру, заставляет правительства вводить торговые и инвестиционные меры.

По мере быстрого прогресса цифровизации необходимость радикальной и быстрой декарбонизации мировой экономики для защиты окружающей среды становится все более актуальной. По оценкам, четверть глобальных выбросов углерода приходится на глобальную торговлю (т.е. генерируется за счет производства и распределения торгуемых товаров и услуг). Поскольку правительства предпринимают шаги, чтобы попытаться сократить выбросы в своих юрисдикциях, возникают побочные эффекты для торговых потоков и производства в других юрисдикциях. Несмотря на очевидную взаимосвязь между торговлей и изменением климата, а также потенциальную возможность разработки торговых правил, поддерживающих «зеленый» переход, проблема изменения климата лишь недавно стала фигурировать в переговорах Всемирной торговой организации (ВТО), а на региональных и двусторонних соглашениях имеется относительно мало обязательств. торговые соглашения, в которых прямо упоминается климат.

Обе эти силы усиливают давление на существующую основанную на правилах систему международной торговли, контролируемую ВТО, структуры которой до сих пор несут многие следы ее основания в середине столетия, когда торговля была преимущественно торговлей готовыми товарами и где основной целью Торговая политика заключалась в отмене тарифов, снижающих благосостояние. Поскольку существующие торговые правила во многом плохо приспособлены для решения нормативных проблем, связанных с цифровизацией и изменением климата, правительства стремятся

обновить свод правил глобальной торговли. Поскольку геополитика блокирует прогресс на переговорах в ВТО, новые правила создаются посредством одностороннего подхода, поскольку крупные государства стремятся формировать глобальную практику посредством своей рыночной власти и соглашений о свободной торговле, включая недавнюю волну торговых соглашений только в цифровой форме.

Введение цен на выбросы углерода стимулирует производителей сокращать выбросы, поскольку увеличивает затраты на «грязное» производство по сравнению с «более чистыми» формами производства. Однако в контексте взаимозависимой глобальной экономики односторонний шаг одной юрисдикции по введению цены на выбросы углерода немедленно вызывает беспокойство тем, что вместо того, чтобы отечественные производители перешли на более экологичные методы производства, производство просто будет перемещено в юрисдикции с более низкой ценой на выбросы углерода. (явление, называемое «утечкой углерода»). Это подорвет цель политики, поскольку глобальные выбросы не сокращаются, а юрисдикция, вводящая эту меру, понесет экономический удар.

Очевидным и лучшим решением этой политической дилеммы является соглашение о глобальной цене на выбросы углерода, которая отражает социальную стоимость выбросов углерода и применима ко всем странам и секторам, но в настоящее время это нежизнеспособно. В отсутствие глобальной цены на выбросы углерода правительства, которые хотят использовать цену на выбросы углерода внутри страны, обращаются к торговым мерам для решения проблемы утечки углерода. Предложение механизмов корректировки границ выбросов углерода (СВАМ), которые, по сути, представляют собой налог на импорт, который варьируется в зависимости от углеродоемкости используемых методов производства, является способом уравнивать правила игры для отечественных производителей. ЕС был лидером, предложив СВАМ, который стремится расширить

географию действия цены на выбросы углерода в ЕС, применяя ее к товарам, импортируемым из стран, не входящих в ЕС.

Несмотря на простоту управления, СВАМ, основанный исключительно на оценках по умолчанию количества углерода, содержащегося в продукте, имеет два основных экономических недостатка. На практике углеродоемкость производства варьируется даже в пределах промышленных секторов, и зависимость от интенсивности дефолта приводит к статической неэффективности, поскольку относительно экологически чистые производители получают завышенную цену по сравнению с конкурентами с высоким уровнем выбросов углерода. Это также приводит к динамической неэффективности, поскольку, поскольку сбор СВАМ основан на интенсивности дефолта, находящейся вне ее контроля, единственный способ для фирмы снизить свои затраты на выбросы углерода — это сократить продажи в реализующую юрисдикцию (нет стимула участвовать в сокращении выбросов углерода) и снизить углеродоемкость производства). СВАМ, основанный исключительно на интенсивности дефолтов, также, вероятно, столкнется с юридическими препятствиями, поскольку он противоречит принципам недискриминации, лежащим в основе международного торгового права. В таком случае, если для расчета налога на выбросы углерода, подлежащего уплате за иностранный импорт, используются показатели по умолчанию (как это имеет место во многих предложениях СВАМ), то для расчета налога на выбросы углерода, подлежащего уплате внутренними импортерами, используются фактические показатели производителей, иностранные фирмы будут подвергаться дискриминационному обращению. Кроме того, если пожертвовать стимулирующим эффектом цен на выбросы углерода, интенсивность дефолта с меньшей вероятностью будет считаться оправданной с экологической точки зрения. Оба фактора, таким образом, увеличивают риск нарушения СВАМ международного торгового права.

Поэтому, чтобы СВАМ были разработаны с учетом углеродоемкости отдельных поставок продукции., шаг, который позволил бы преодолеть

экономические и юридические недостатки использования интенсивности продукта по умолчанию. Как они объясняют, именно такой дизайн политики можно найти в предложенном ЕС СВМ. Важно отметить, что базирование сборов за выбросы углерода на основе фактической углеродоемкости производства создает стимулы для снижения выбросов со стороны иностранных компаний, поскольку они получают вознаграждение за использование менее углеродоемких методов производства. Поскольку обязательная отчетность по каждому продукту может противоречить международному торговому праву, они предлагают, чтобы СВМ основывались на интенсивности по умолчанию, но давали отдельным фирмам возможность продемонстрировать, что их фактическая интенсивность выбросов углерода ниже значения по умолчанию, чтобы они могли получить выгоду от скорректированной (сниженной) ставки СВМ.

Здесь также необходимо подчеркнуть важность оценки того, как внутренние и зарубежные группы интересов могут пострадать от политики и отреагировать на нее, а также необходимость многоуровневого подхода, который адекватно учитывает множество факторов, формирующих политику, в частности Взаимосвязь внутренней и международной политики. Например, если группа торговых партнеров примет скоординированный подход к установлению цен на выбросы углерода, это снизит риски утечки углерода и, следовательно, внутреннего сопротивления этой политике, и может помочь превратить ее из политически нежизнеспособной политики в политически жизнеспособную. Перспектива определения последовательности помогает уловить динамичный характер разработки политики: «последовательность политики» может извлечь выгоду из циклов обратной связи и использоваться для стратегического создания групп интересов, которые поддерживают климатическую политику. Так, например, поэтапный подход к международному климатическому сотрудничеству может оказаться более успешным с политической точки зрения для реализации глобальной

климатической политики, чем попытки заключить одноразовый амбициозный договор.

Об авторе: МУСТАФИН Тимур Абдулхалимович – кандидат экономических наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: ntv-mmm@mail.ru

About the author: MUSTAFIN Timur Abdulhalimovich – Ph.D. (Economics), Associate Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: ntv-mmm@mail.ru

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ**

Поспелов Н.В.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**INTERCONNECTION OF THE GREEN ECONOMY AND
ENVIRONMENTAL SECURITY IN THE INTERNATIONAL ARENA**

N.V. Pospelov

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: в настоящее время экосистема подвергается серьёзной опасности из-за неправильного взаимодействия человека с окружающей средой. Повышение уровня мирового океана, вырубка лесов и изменение климата вызывают обеспокоенность многих стран (прежде всего России) и требуют принятия соответствующих мер для недопущения ухудшения обстановки. Правильное распределение денежных средств позволяет найти способы усовершенствования деятельности электростанций без ущерба планете Земля. В связи с этим большую роль играет «зелёная экономика», которая предусматривает сохранение баланса между природопользованием и жизнедеятельностью людей. Развитие инновационных технологий не только способствует обеспечению благоприятных условий, но и повышает ответственность за улучшение экологии. Принятие нормативно-правовых актов является важным шагом в борьбе с чрезвычайными ситуациями антропогенного характера и определяет главные направления в рациональном использовании природных ресурсов. Одновременно с этим проблема экологической безопасности стоит на повестке дня и требует более внимательного отношения к защите окружающей среды. Создание новых механизмов позволит объединить усилия всех стран мира благодаря вложению инвестиций и поиску путей решения в предотвращении негативных последствий. Научная новизна исследования заключается в том, что «зелёная экономика» и экологическая безопасность будут иметь тесную связь на международной арене в краткосрочной перспективе.

Abstract. Currently, the ecosystem is in serious danger due to improper human interaction with the environment. Rising ocean levels, deforestation and climate change are of concern to many countries (primarily Russia) and require appropriate

measures to prevent a deterioration of the situation. Proper allocation of funds allows finding ways to improve the operation of power plants without harming planet Earth. In this regard, the green economy plays an important role which provides for maintaining a balance between environmental management and human activity. The development of innovative technologies not only contributes to ensuring favourable conditions but also increases the responsibility for improving the environment. The adoption of legislative acts is an important step in the fight against man-made emergencies and determines the main directions in the rational use of natural resources. At the same time, the issue of environmental security is on the agenda and requires a more attentive attitude to environmental protection. The creation of new mechanisms will make it possible to unite the efforts of all countries of the world by investing and finding solutions to prevent negative consequences. The scientific novelty of the study is that the green economy and environmental security will have a close relationship in the international arena in the short term.

Ключевые слова: окружающая среда, энергетические компании, «зелёная экономика», природные ресурсы, экологическая безопасность, инновационные технологии, экосистема, экологическая преступность.

Keywords: environment, energy companies, green economy, natural resources, environmental security, innovative technologies, ecosystem, environmental crime.

Введение

Проблема защиты окружающей среды является одним из главных направлений государственной политики в области экологии. Выступления официальных представителей указывают на осознание необходимости действовать вместе для предотвращения негативных последствий. Активное развитие энергетических компаний имеет дополнительные расходы, которые должны быть правильно использованы в сохранении баланса между природопользованием и жизнедеятельностью людей. В этом большую роль играет «зелёная экономика». Актуальность заключается в том, что применение инструментов может оказать положительное влияние на экологию благодаря грамотному распределению финансов. Поскольку руководства многих стран (прежде всего России) заинтересованы в создании благоприятных условий, то понимание ответственности за дальнейшую судьбу окружающей среды должно стать главной задачей для международного сообщества.

За последние несколько лет проблема «зелёной экономики» нашла своё отражение в трудах российских исследователей. К ним относятся статьи А.А. Отарбабиевой «Зелёная экономика – путь к равновесию между экономикой и природой», К.О. Петровой «Зелёная экономика – экономика будущего», М.В. Вилисова «Мифы и реальность «зелёной экономики»». Также большую роль играют монографии С.Н. Бобылёва, П.А. Кирюшина и О.В. Кудрявцевой «Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России», О.А. Козловой и И.А. Волковой «Тренды в развитии зелёного бизнеса: опыт стран ЕС и российская практика». Это означает, что данная проблема требует отслеживания учёными процесса развития в краткосрочной перспективе. Немаловажное значение имеет и экологическая безопасность. Она отражена в статьях О.И. Башлаковой «Экологическая безопасность как основа устойчивого развития современной России», А.С. Кирсы «Концепция экологической безопасности», Н.А. Кравченко «Экологическая безопасность: проблемы правовой интерпретации». Одновременно с этим акцент сделан на наличие общих черт «зелёной экономики» и экологической безопасности и даётся соответствующая характеристика. Цель исследования заключается в определении взаимосвязи двух категорий благодаря использованию общенаучных методов. Анализ позволяет увидеть сходства и понять закономерность их возникновения. Индукция направлена на изучение «зелёной экономики» и экологической безопасности по отдельности и объединение в единое целое.

История и особенности «зелёной экономики»

В соответствии с определением Н.И. Ивановой и Л.В. Левченко, под «зелёной экономикой» понимается направление, в рамках которого предусматривается зависимость экономики от окружающей среды и обеспечение благоприятных условий для общества [5, с. 20]. Первые попытки начать процесс перехода к новому технологическому укладу были предприняты США, Великобританией, Германией и Японией в конце 1980-х гг. благодаря принятию нормативно-правовых актов. В июне 1992 года в Рио-

де-Жанейро была проведена Конференция ООН по окружающей среде и развитию, во время которой были найдены способы предотвращения загрязнения атмосферы [9]. Спустя пять лет, 23-27 июня 1997 года, в Нью-Йорке состоялась 19-я специальная сессия Генеральной Ассамблеи под председательством Р. Исмаила. По итогам встречи стороны достигли договорённости по осуществлению программы «Повестка дня на XXI век». На Всемирном Саммите в 2002 году ООН предложила механизм выполнения стратегии устойчивого развития, главной целью которой является уважительное отношение к окружающей среде [11, с. 22].

Мировой финансовый кризис 2008 года оказал большое влияние на государственную политику в области экологии и позволил решить имеющиеся проблемы. Одновременно с этим ЮНЕП выступила с «Зелёной экономической инициативой» для вложения инвестиций в деятельность рынков без ущерба планете Земля. Спустя четыре года, в июне 2012 года, в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по устойчивому развитию. Во время неё бывший премьер-министр России Д.А. Медведев предложил новые подходы для внедрения инновационной «зелёной экономики». Другой немаловажный момент заключается в принятии 4 июня 2008 года Указа «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики». Пункт г части 1 предусматривает формирование тарифной политики на 2009 и 2010-2011 гг. для осуществления проектов использования энергии и производственных технологий, которые будут отвечать экологическим требованиям [16]. 30 сентября 2013 года Президент России В.В. Путин издал новый Указ, в соответствии с которым объём выбросов парниковых газов должен сократиться до 75% [8, с. 9].

Главные задачи «зелёной экономики» выглядят следующим образом:

1. сокращение темпов парникового эффекта;
2. рациональная добыча полезных ископаемых;
3. улучшение благосостояния населения в развитых и развивающихся странах.

В настоящее время лидером является Китай. По состоянию на 2021 год, данная страна продемонстрировала концепцию «зелёного» развития в качестве главного направления экономики (при этом акцент сделан на создание экологической цивилизации) [17, с. 458]. Заинтересованность в решении проблемы проявляют и государства-члены ЕЭК. Как следует из статистического сборника ЕАЭС за 2022 год, общее количество вложенных инвестиций составляет 4571,5 млн. долларов. Если рассматривать страны по отдельности, то получаются следующие показатели: Россия – 4065,4 млн., Белоруссия – 85,9 млн., Казахстан – 401,8 млн., Киргизия – 18,4 млн. [12, с. 18-19]. Также необходимо отметить роль БРИКС в развитии «зелёной экономики». Об этом свидетельствует стремление улучшить экологию, не допустить загрязнение атмосферы и предотвратить катастрофы техногенного характера. Однако процесс декарбонизации тормозит взаимодействие государств-членов и фактически вызывает «космическую гонку» для обретения стратегической автономии [2, с. 70]. Несмотря на такой поворот событий, БРИКС нацелен на выполнение общенациональных стратегий для перехода к «зелёной экономике» (в том числе на развитие инновационных технологий, которые не будут наносить ущерб окружающей среде). Проведение встреч официальных представителей указывает на её актуальность в современных условиях и способствует формированию нормативно-правовой базы.

Экологическая безопасность и особенности экологической преступности

Экологическая безопасность – состояние защищённости людей, территорий и природной среды от чрезвычайных ситуаций антропогенного характера. Данный вид безопасности предусматривает защиту от угроз со стороны различных объектов природы для обеспечения «жизненно важных интересов» [4, с. 546]. Её характерная черта заключается в принятии совместных мер для предотвращения негативных последствий, таких как загрязнение атмосферы и ухудшение экологии. Поскольку нарушение

экосистемы является одной из актуальных проблем, то ответственность за дальнейшую судьбу окружающей среды возлагается на международное сообщество (прежде всего ООН). К субъектам экологической безопасности относятся индивид, общество и государство, а к объектам – природная среда, свободы и интересы, законные права [7, с. 124]. Также необходимо отметить изменение демографической обстановки благодаря росту населения. Как утверждает В.И. Данилова, к 2050 году его количество составит 9 млрд. человек и таким образом увеличится спрос на энергетику [3, с. 52]. В связи с этим немаловажное значение имеет сбалансированное развитие экономики всех стран мира без ущерба планете Земля.

Окружающая среда, как внешняя система, оказывает большое влияние на функционирование общества, т.к. она является главным критерием жизнедеятельности человека. В качестве примера можно привести заявление Шанхайской академии общественных наук от 26 февраля 2014 года, в котором сообщалось о непригодности Пекина для проживания в связи с загрязнением воздуха [6, с. 149]. Такой поворот событий должен способствовать осознанию необходимости сокращения выбросов парниковых газов и защиты природных ресурсов планеты Земля. Что касается России, то по состоянию на 2018 год экологическая обстановка выглядит не самым лучшим образом из-за следующих причин:

1. недостаток финансирования экологических предприятий;
2. увеличение количества промышленных и бытовых отходов;
3. несовершенство законодательства по проблеме экологии [1, с. 28].

Другой немаловажный момент заключается в распространении экологической преступности, которая приобретает всё больший масштаб. Стремление человека развивать инновационные технологии для обеспечения экономических интересов нарушает баланс экосистемы и наносит серьёзный ущерб окружающей среде. Такой поворот событий указывает на нерациональное использование природных ресурсов и возникновение новых проблем, таких как изменение климата и выработка различных химических

веществ. Сама экологическая преступность характеризуется наличием высокой латентности (скрытности), в связи с чем общее количество уголовных дел не достигает числа известных МВД сообщений [10, с. 218]. Поскольку в настоящее время нормативно-правовая база имеет пробелы в борьбе с такого рода правонарушениями, то многие из них игнорируются и не берутся в учёт правоохранительными органами. Несмотря на объявление 2013 года в России Годом охраны окружающей среды, количество зарегистрированных преступлений увеличилось и приобрело в основном транснациональный характер. Это позволило им выйти на новый уровень благодаря торговле окружающей средой наряду с наркобизнесом [15, с. 125]. Поэтому правительству страны, прежде всего МВД, необходимо принять соответствующие меры для пресечения аналогичных действий и укрепления нормативно-правовой базы.

Взаимосвязь «зелёной экономики» и экологической безопасности

Перед тем как перейти к определению взаимосвязи «зелёной экономики» и экологической безопасности в краткосрочной перспективе, необходимо задать следующий вопрос: «Какой вклад вносит международное сообщество в создание благоприятных условий для населения планеты Земля?» По мнению автора, проведение встреч официальных представителей должно способствовать пониманию ответственности за ущерб, наносимый окружающей среде. Принятие нормативно-правовых актов наряду с вложением инвестиций даёт стимул к недопущению ухудшения обстановки. В качестве примера можно привести Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Как следует из первых двух пунктов Цели 13, главными элементами в борьбе с изменением климата являются повышение сопротивляемости и создание механизмов для планирования и управления. Одновременно с этим в пункте 1 Цели 17 акцент сделан на мобилизацию финансов и оказание содействия развивающимся странам [13]. Поскольку данная проблема стоит на повестке дня, то применение инструментов

«зелёной экономики» может открыть новые возможности в проведении переговоров многих государств и оказать положительное влияние на обеспечение экологической безопасности. Правильное распределение денежных средств должно стать подспорьем в деятельности энергетических кампаний по рациональному использованию природных ресурсов и усовершенствованию деятельности электростанций без ущерба планете Земля.

Выводы

Исходя из вышесказанного, необходимо сделать следующие выводы. «Зелёная экономика» является перспективным направлением в связи с загрязнением атмосферы и ухудшением экологии. Повышение уровня мирового океана, вырубка лесов и изменение климата вызывают обеспокоенность международного сообщества (прежде всего ООН), и грамотное распределение финансов должно стать главной задачей в борьбе с чрезвычайными ситуациями антропогенного характера. Обеспечение экологической безопасности – не исключение из правил. Благодаря сокращению выбросов парниковых газов будет достигнут положительный результат в предотвращении негативных последствий. Вложение инвестиций позволит создать новые механизмы для сохранения баланса между природопользованием и жизнедеятельностью людей. Как утверждают Н.Д. Савинова и К.Л. Боровенская, для предотвращения глобального изменения климата необходимо перестать добывать 50% полезных ископаемых [14, с. 366]. Это означает, что нерациональное использование природных ресурсов может привести к девальвации национальных валют и вызвать очередной финансовый кризис подобно аналогичному повороту событий в 2008-2009 гг. Объединение усилий всех стран мира для ускорения темпов по внедрению «зелёной экономики» должно способствовать поиску путей решения проблемы экологической безопасности в краткосрочной перспективе.

Список использованной литературы:

1. Вагина О.В., Гаевская Е.Ю., Савина Л.Я. Экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. – 2018. – № 1. – С. 27-29.
2. Вегнер-Козлова Е.О. Взаимодействие стран БРИКС в сфере «зелёной» экономики // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 51 (4). – С. 68-75.
3. Данилова В.И. История становления концепции экологической безопасности Японии // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3 (42). – С. 51-59.
4. Джоробеков Ж.М., Туратбекова А.Т. Экологическая безопасность: понятие и содержание // Молодой учёный. – 2016. – № 4 (108). – С. 546-548.
5. Иванова Н.И., Левченко Л.В. «Зелёная» экономика: сущность, принципы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2 (58). – С. 19-28.
6. Керимов А.С. Экологическая безопасность в контексте международной безопасности // Проблемы обеспечения безопасности (Безопасность – 2020). Материалы II Международной научно-практической конференции, 2020. – С. 146-152.
7. Кирса А.С. Концепция экологической безопасности // Молодой учёный. – 2022. – № 38 (433). – С. 123-126.
8. Кирюшин П.А. «Зелёная экономика»: возможности и ограничения для российского бизнеса // Russie.Nei.Visions № 79. – 2014. – 25 с.
9. Конференции ООН. Окружающая среда и устойчивое развитие. – URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment> (дата обращения: 05.12.2023).
10. Микерова М.В. Экологическая безопасность как элемент национальной безопасности // Актуальные проблемы защиты прав личности: российский и зарубежный опыт. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Под редакцией И.Р. Шикулы и др. – Москва, 2023. – С. 217-223.
11. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. – 2023. – № 1. – С. 21-35.
12. Окружающая среда. Статистика Евразийского Экономического Союза // Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2022. – 58 с.
13. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 11.12.2023).
14. Савинова Н.Д., Боровенская К.Л. «Зелёная» экономика – новая тенденция мировой экономики // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции. В двух частях. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 365-368.

15. Соломин В.П., Сморгунова В.Ю. Формирование инновационной экологической культуры как способ противодействия экологической преступности // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – № 4. – С. 124-129.
16. Указ Президента Российской Федерации от 04.06.2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27565> (дата обращения: 06.12.2023).
17. Ян Ц. Китайская Народная Республика: опыт зелёной экономики // *Новая экономика, бизнес и общество. Сборник материалов Апрельской научно-практической конференции молодых исследователей*. – Владивосток, 2022. – С. 457-460.

Об авторе: ПОСПЕЛОВ Никита Валерьевич – аспирант, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: nikpos96@bk.ru

About the author: POSPELOV Nikita Valeryevich – Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: nikpos96@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ БРИКС

Тихомирова К.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF «GREEN» ECONOMY IN BRICS' COUNTRIES

K.S. Tichomirova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny
Novgorod

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы развития «зелёной экономики» в странах БРИКС. Анализируются тенденции перехода объединения к расширению инициатив по экологической повестке дня в контексте расширения объединения. Особое внимание уделено реализации принципов ESG в КНР и РФ. Дается прогноз, какую роль могут сыграть страны-участницы форума в глобальном ESG-процессе. Анализируется сотрудничество стран БРИКС в сфере декарбонизации экономики, снижения антропогенного воздействия на природу, адаптации к изменениям климата.

Abstract. The article examines the prospects for the development of «green economy» initiatives in BRICS' countries. The author analyses the trends in the association's transition to expand initiatives on the environmental agenda in the context of the further expansion of the association. The article emphasizes the implementation of ESG-principles in the PRC and the Russian Federation. The article shows a role the BRICS' countries play in the global ESG-process. The cooperation of the BRICS countries in the field of decarbonization of the economy, reducing the anthropogenic impact on nature, and adaptation to climate change is analyzed.

Ключевые слова: БРИКС, зелёная экономика, КНР, РФ, EGS-инициативы.

Key words: BRICS, green economy, China, Russia, EGS-initiatives.

БРИКС в последнее десятилетие – это активный игрок на мировой арене, привлекающий к себе внимание других региональных и глобальных акторов. Многие государства начинают видеть в БРИКС не просто некогда

интеграционный проект, объединяющий быстрорастущие экономики мира, но форум, который действительно может противостоять глобальным вызовам и угрозам и укреплять дух взаимовыгодного сотрудничества. Проблематика развития инициатив зелёной экономики в странах БРИКС всегда занимала особое место в повестке дня стран объединения. Страны БРИКС активно реализуют экологические инициативы и стремятся к достижению углеродной нейтральности. БРИКС обладает необходимыми ресурсами и возможностями для решения климатических проблем и перехода к зелёной экономике, и поэтому в 2024 году в контексте расширения объединения данная тема остается по-прежнему актуальной.

Исследовательская проблема исследования заключается в рассмотрении перспектив развития инициатив «зелёной экономики» в контексте расширения БРИКС в 2024 году. В 2024 году странам необходимо достичь консенсуса по выработке общей стратегии для перехода к зелёной экономике и усилить разработку совместных проектов в данной сфере.

Методологическая основа исследования

В качестве методологической основы исследования выступает системный подход, который, включает в себя как теоретические и эмпирические методы. Основным методом, используемым на протяжении всей работы, является геоэкономический подход, который был использован для рассмотрения продвижения «зелёных инициатив» в рамках БРИКС. Теория многоуровневого управления была использована для рассмотрения действий БРИКС как самостоятельного актора на международной арене и рассмотрения каждой страны, в частности, на национальном уровне.

БРИКС и «зелёная экономика»

В 2024 году БРИКС, международный форум, объединяющий быстрорастущие экономики мира, готов принять в свой состав 6 новых членов. В связи со столь крупным расширением изменится и повестка дня объединения, и во главу угла также встанут вопросы о перспективах развития инициатив «зелёной экономики» в странах БРИКС. Глобальные вызовы

оказывают сильное влияние на социально-экономическую устойчивость стран объединения, и в данной связи страны БРИКС будут обращать своё внимание на зелёные инновации и низкоуглеродное развитие.

С учётом меняющейся международной обстановки, БРИКС при расширении предстоит искать новые форматы для реализации ESG-инициатив. В последний раз данный вопрос поднимался в рамках международной сессии «Глобальные вызовы зеленой повестки: проверка на прочность и катализатор сотрудничества стран БРИКС», проходившей в ходе VIII Восточного экономического форума по инициативе «Сбера» [2]. «Зелёные» инициативы продвигаются в БРИКС достаточно давно, и Россия, как председатель следующего саммита, который пройдёт в 2024 году в Казани, выступает с инициативой по созданию в рамках альянса Контактной группы по устойчивому развитию и климату. Особое внимание страны БРИКС уделяют сотрудничеству в области развития зеленых инноваций, гармонизации таксономий, а также развитию рынка углеродного регулирования [4]. Кроме того, с расширением БРИКС, вопрос инвестиций в данную сферу станет первостепенным. EGS-инициативы в основном будут актуальны для «старых» членов БРИКС, в особенности для КНР и РФ, однако и новые члены могут присоединиться к данной риторике.

Ранее на 15-ом саммите БРИКС в Йоханнесбурге лидеры стран обсудили перспективы развития перехода к зелёной экономике в рамках объединения. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о том, что страны БРИКС должны «противостоять разрыву связей, а также экономическому принуждению». Лула да Силва, президент Бразилии, также отметил роль стран глобального Юга в вопросах борьбы с изменением климата и добычи полезных ископаемых, востребованных в современной промышленности. Сирил Рамафоза, президент ЮАР, выразил солидарность с мнением коллег, также отметив развитие совместных климатических инициатив. Владимир Путин, в свою очередь, также соглашается с коллегами в данном вопросе, и на саммите в Казани планирует вывести на повестку дня вопросы о декарбонизации

экономики, снижения антропогенного воздействия на природу и адаптации к изменениям климата.

Страны БРИКС планируют достичь углеродной нейтральности, о чём неоднократно заявляли в декларациях саммитов. В странах БРИКС планируется интенсифицировать взаимодействие с частным сектором в целях содействия использованию «зеленого», переходного и устойчивого финансирования в сфере создания инфраструктуры. БРИКС также подчёркивает важность борьбы с изменением климата, содействия устойчивому земле- и водопользованию, сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, исследований и разработки природоохранных технологий, развития охраняемых территорий и борьбы с незаконной торговлей объектами дикой природы. Страны также обязуются повышать устойчивость энергетических систем и продвигать использование вариантов экологически чистой энергии [1].

Безусловно, реальное положение дел не столь позитивно, сколь оно описано, например, во II Йоханнесбургской декларации. Между странами БРИКС наблюдается довольно сильная диверсификация к ESG-подходам.

В данном отношении наиболее успешен опыт КНР. Китай – это мировой лидер в сфере возобновляемых источников энергии и самый большой рынок климатических инвестиций за пределами Европы. В Китае за последние 10 лет были приняты различные нормативные акты, которые регулируют нефинансовую отчётность, касающуюся внедрения принципов ESG. Они также определяют регламентирующие цели по декарбонизации отраслей экономики КНР. Китай планирует достичь углеродной нейтральности к 2060 году, на что ему потребуется около 17 трлн. долл. Кроме того, чтобы стимулировать интерес к ESG-инвестированию, в КНР появились и льготные коэффициенты обязательных резервов для квалифицированных банков, а также налоговые стимулы. Некоторые провинции внедряют собственные программы развития зеленых финансов. В рамках БРИКС же КНР продвигает инициативу о создании глобальной платформы сотрудничества БРИКС в

области спутникового дистанционного зондирования и применения данных в сельском хозяйстве, сфере охраны окружающей среды и борьбы со стихийными бедствиями [3].

Индия же делает большой акцент на решения о хранении энергоресурсов. Страна в последние годы акцентирует внимание на развитии инициатив зелёной энергетики, и входит в тройку лидеров в данной сфере с общим рынком ESG-финансов размером в 7,5 млрд. долл. К 2030 году Индия планирует потратить 1 трлн. долл. на адаптацию экономики к сокращению парниковых выбросов и последствиям к изменению климата. Индия ускоряет развитие технологий сохранения зеленой энергии, поскольку считает, что полагаться на бесперебойную работу природных источников нельзя.

Бразилия же обладает огромным биоразнообразием и богатством природных экосистем. Страна обладает одними из лучших условий в мире для производства зелёного водорода, и производит 7% мировой ВИЭ. Бразилия планирует достичь углеродной нейтральности к 2050 году. Страна, обладающая огромным потенциалом сельскохозяйственных ресурсов, активно способствует цифровизации собственного агросектора. Цифровизация достигает почти 50%, что позволяет сделать отрасль экологичнее. Данный опыт также может помочь ЮАР и другим странам с развивающимся рынком [2].

ЮАР также планирует достичь углеродной нейтральности к 2060 году. Страна обладает большим количеством залежей полезных ископаемых, и является лидером по инвестициям в отрасль возобновляемой энергии в Африке. Для ЮАР также на повестке дня остаются вопросы обеспечения продовольственной безопасности, и поэтому также уделяет внимание вопросам развития сельскохозяйственного сектора целого региона. EGS-инициативы в данном контексте помогут активизировать инвестиции в данную отрасль экономики.

Говоря о РФ, стоит отметить, что страна обладает большим техническим и человеческим потенциалом. Кроме того, в России также скрыты огромные

запасы природных ресурсов, на защиту которых также направлено внимание в страны в её ESG-повестке. Россия активно развивает сферы гидроэнергетики и атомной энергетики, вкладывает ресурсы в обеспечение развития технологий искусственного интеллекта (например, разработка модели по обнаружению и мониторингу тайфунов) и водородной энергетики, что помогает ей оставаться одним из крупнейших экспортёров энергоресурсов в мире. Россия в 2024 году как председатель саммита БРИКС активно включится в развитие ESG-инициатив, планируя создание Единого реестра климатических проектов БРИКС. Сервис поспособствует созданию общерыночных механизмов углеродного регулирования, учитывая возрастающий торговый оборот между участниками объединения и внедрение новых членов БРИКС в данную инициативу [4].

Таким образом, хоть страны БРИКС и имеют некоторую диверсификацию в реализации зелёной повестки, они обладают могучим потенциалом для продвижения инициатив зелёной экономики внутри объединения, так как имеют перед собой общую цель о достижении углеродной нейтральности. Страны БРИКС способны создать некий симбиоз, где опыт одной страны в осуществлении программ развития «зелёной» экономики будет способствовать расширению потенциалов другой. При этом, достижение углеродной нейтральности будет являться наиболее сложным процессом в повестке дня, ведь многие члены БРИКС зависят от поставок углеродных ресурсов, нефти и газа. Однако, открытым остается вопрос о включении новых стран БРИКС: Египта, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Эфиопии (и возможно, Аргентины), в данную повестку дня. БРИКС в ближайшей перспективе предстоит продумать более комплексные схемы внедрения экономик данных стран в экологические инициативы форума. Тем не менее, очевидно, что ESG-инициативы станут катализатором торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран в 2024 году.

Список использованной литературы:

1. Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС (Сэндтон, Гаутенг, ЮАР. 23 августа. 2023.) [Электронный ресурс] // Президент России. 2023. 24 августа. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 03.12.2023).
2. Глобальные вызовы зеленой повестки: проверка на прочность и катализатор сотрудничества стран БРИКС [Электронный ресурс] // Сбер. 2023. 11 сентября. URL: https://vk.com/video-22522055_456243056 (дата обращения: 04.12.2023).
3. Едовина Т. Зеленые дали с китайским акцентом [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2023. 8 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6199881?erid=4CQwVszH9pUkpk5w5ba> (дата обращения: 04.12.2023).
4. Зеленые горизонты БРИКС: кто станет глобальным лидером новой экономики [Электронный ресурс] // РБК. 2023. 18 октября. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fbbc19a7947008ce7ba1f> (дата обращения: 04.12.2023).

Об авторах: ТИХОМИРОВА Карина Сергеевна – магистрантка, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, e-mail: ariafan1013@gmail.com

About the authors: TICHOMIROVA Karina Sergeevna – Master's Degree Student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, e-mail: ariafan1013@gmail.com.

**ТРАНСГРАНИЧНАЯ ЗЕРНОВАЯ ТОРГОВЛЯ: ТЕКУЩЕЕ
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕРНОМОРСКОЙ ЗЕРНОВОЙ
ИНИЦИАТИВЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ, УКРАИНОЙ, ТУРЦИЕЙ И ООН**

Фадеева И.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**CROSS-BORDER GRAIN TRADE: CURRENT STATUS AND
PROSPECTS OF THE BLACK SEA GRAIN INITIATIVE BETWEEN
RUSSIA, UKRAINE, TURKEY AND THE UN**

I.A. Fadeeva

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: В современных условиях международной зерновой торговли, роль России, Украины, Турции и ООН становится крайне актуальной и влияет на мировые продовольственные рынки. Конфликт между Россией и Украиной усугубил проблемы мировой продовольственной безопасности, поскольку эти страны являются основными экспортерами сельскохозяйственных продуктов на мировые рынки. В данной статье рассмотрим текущее состояние и перспективы зерновой сделки между Россией, Украиной, Турцией и ООН.

Abstract. In modern conditions of international grain trade, the role of Russia, Ukraine, Turkey and the UN becomes extremely relevant and affects the world food markets. The conflict between Russia and Ukraine has exacerbated the problems of world food security, since these countries are the main exporters of agricultural products to world markets. In this article, we will consider the current state and prospects of the grain deal between Russia, Ukraine, Turkey and the UN.

Ключевые слова: трансграничная зерновая торговля, международное соглашение, Россия, Украина, Турция, ООН, продовольственная безопасность.

Keywords: cross-border grain trade, international agreement, Russia, Ukraine, Turkey, UN, food security.

Конфликт между Россией и Украиной привел к серьезным проблемам в мировой продовольственной отрасли, в связи с тем, что обе страны являются крупнейшими экспортерами сельскохозяйственных товаров. В июне 2022 года

Украина не смогла экспортировать более 25 миллионов тонн зерна [1] из-за транспортных и логистических проблем, вызванных специальной военной операцией, а также минированием ВСУ (Вооруженные силы Украины) своих морских портов. Жильбер Унгбо, руководитель Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР) ООН, выразил беспокойство о том, что ситуация вокруг специальной военной операцией (СВО) на Украине может привести к глобальному продовольственному кризису.

По словам Жильбера Унгбо, проблемы с продовольствием могут возникнуть в странах Ближнего Востока и Африки, так как до 40% экспорта пшеницы и кукурузы в эти регионы идет именно из Украины и России [2]. В мае 2022 г., генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил, что для предотвращения возможного мирового продовольственного кризиса важно урегулировать процесс экспорта продуктов питания из России, Беларуси и Украины, и соответственно российские продукты питания и удобрения должны быть допущены на мировые рынки для решения этой проблемы [3]. В связи с этим ООН и Турция взяли на себя роль посредника в урегулировании зернового вопроса, после чего Россия и Украина подписали с ними соглашение о международной зерновой сделке в конце июля 2022 года [4]. Подписанное соглашение предусматривало обеспечение беспрепятственного доступа на мировые рынки как украинского продовольствия, так и российского.

Между тем, российский экспорт продовольствия и удобрений столкнулся с проблемами в обслуживании судов и страховании в портах. Официально западные страны допускали исключения для перевозки продуктов питания из России, но трудности с оплатой и страхованием также затронули эти отправки, так как 14 июня 2022 г. Россельхозбанк, ключевой российский финансовый институт, используемый для оплаты закупок сельскохозяйственной продукции, был отключен от международной системы межбанковских платежей SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications).

Таким образом Зерновая сделка состояла из двух частей: в соглашении о безопасном вывозе украинского зерна из портов Одессы, Черноморска и Южного, а также снятии ограничений на доступ российской сельскохозяйственной продукции на мировой рынок в связи с СВО.

Подготовка и подписание соглашения и меморандума

В мае 2022 года генеральный секретарь ООН Антонио Гутерреш предложил ослабить ограничения для поставщиков удобрений из России в обмен на обеспечение прохода судов с украинским зерном через порты РФ [5]. В рамках данной инициативы также рассматривался вопрос об очистке акватории Черного моря от мин для обеспечения безопасных транспортных маршрутов. Предложения ООН получили поддержку со стороны Китая и Турции. Турецкое правительство утверждало, что может гарантировать безопасность перевозок украинского зерна по морю. Позднее 30 мая 2022 г. Российский президент В.В. Путин в ходе телефонного разговора с президентом Турции, Р. Т. Эрдоганом, сообщил об осуществлении экспорта удобрений и продовольствия из России [6]. Длительные переговоры по сделке продолжались вплоть до начала июля 2022 г. Позднее 12 июля 2022 г. в Стамбуле во дворце Долмабахче состоялась первая встреча военных делегаций России, Турции, Украины и представителей ООН по экспорту украинского зерна [7]. 22 июля 2022 года во дворце Долмабахче проходила церемония подписания "зернового договора" с участием генсека ООН Антонио Гутерреша и турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана [8]. В свою очередь Россия и Украина заключили отдельные соглашения о экспорте зерна с Турцией и ООН. Под документом с Россией также подписались министр обороны РФ Сергей Шойгу, турецкий министр национальной обороны Хулуси Акар и генсек ООН Антонио Гутерреш [9]. От Украины соглашение подписал министр инфраструктуры Александр Кубраков. Кроме того, также 22 июля в Стамбуле был подписан Меморандум о сотрудничестве между Россией и секретариатом ООН для продвижения российских продуктов питания и удобрений на глобальный рынок [10]. Документ подписали первый

вице-премьер РФ Андрей Белоусов и генсек ООН Антонио Гутерреш. В соответствии с меморандумом, ООН должна была помочь в снятии ограничений, мешающих экспорту российских товаров и удобрений. На тот момент срок договоренностей составлял три года.

На сентябрьском Восточном экономическом форуме в 2022 г. Президент В.В. Путин выразил разочарование по поводу выполнения условий зерновой сделки обеими сторонами. Из 2 млн тонн зерна в развивающиеся страны попало только 5%, что составляет 60 тыс. тонн, а остальное пошло в страны ЕС. Украина поставила более 11 млн тонн зерна и продовольствия в ЕС на более чем 500 судах. Выгоду получили Турция, Италия, Испания, Нидерланды, Китай и Египет [11].

Также В.В. Путин подметил циничное отношение ЕС к развивающимся странам из-за отказа отправить 300 тыс. тонн удобрений странам Африки и Латинской Америки из-за санкций. 29 октября 2022 г. после нападений на корабли Черноморского флота РФ, а также судна в Севастопольской бухте, Россия приостановила участие в зерновой сделке. Так как предположительно, порты и морские пути могли использоваться для подготовки ВСУ к нападению на ВМФ РФ, а также доставки оружия и боеприпасов на территорию Украины. МИД РФ предупредил, что все попытки использовать гуманитарный коридор в Черном море для провокационных военных целей будут активно пресекаться [12]. Важную роль в продлении зерновой сделки сыграла Балийская декларация лидеров G20 от 16 ноября 2022 года [13]. Большинство участников приветствовали полное и своевременное исполнение стамбульских договоренностей, при этом Москва получила гарантии от ООН о завершении работы по вопросу экспорту зерна и удобрений в развивающиеся страны Африки и Латинской Америки. Лидеры ООН подчеркнули важность защиты наиболее уязвимых стран от проблем голода и продовольственного кризиса, а также подчеркнули важность перехода к устойчивым и надежным системам цепочек поставок.

Участники Балийская декларация обратились к Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Группе Всемирного банка с предложением оценить регионы с рисками продовольственной безопасности и обеспечить системный анализ будущих мероприятий для предотвращения возможных проблем связанных с ними [14].

Такая инициатива свидетельствует о серьезном подходе к созданию условий для открытой, прозрачной, инклюзивной, предсказуемой и недискриминационной сельскохозяйственной торговли на основе правил ВТО (Всемирная торговая организация). Участники также подтвердили свою преданность международному праву и многосторонней системе в обеспечении мира, стабильности, соблюдения целей и принципов Устава ООН, а также соблюдения международного гуманитарного права в решении вопросов продовольственной безопасности. Сегодня Россия безвозмездно передает развивающимся странам до 500 тыс. т. зерновых культур, разблокированных в портах ЕС. Между тем в период действия зерновой сделки она экспортировала более 15 млн. т. зерна и удобрений в развивающийся страны Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, как заявил первый вице-премьер Андрей Белоусов на форуме АТЭС в Бангкоке.

Вместе с тем в черноморскую инициативу не заложен механизм гарантий соблюдения обязательств, по мнению МИД РФ, пока неизвестно, стало ли проще российским экспортерам вывозить зерно, смягчены ли условия фрахта судов и страхования грузов [15].

В связи с этим встает вопрос о новых механизмах совместного контроля продовольственных рынков, поскольку США и ЕС не заинтересованы в увеличении поставок российской сельхозпродукции. Это неминуемо ставит под вопрос маниакально проводимую в последние годы санкционную политику в отношении России со стороны ЕС и США.

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган буквально сразу после начала зерновой сделки подтвердил факт её продления еще на 120 дней, и подтвердил что по истечении этого срока она может быть продлена ещё на год, отметил

глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу. В Анкаре также заявили, что хотели бы перерабатывать российскую пшеницу в муку и на бесплатной основе отправлять ее в бедные страны. Очевидно, что Анкара активно продвигает зерновую сделку, поскольку намерена стать региональным продовольственным хабом.

Одновременно Турция выступает ситуативным союзником и для России, и для Украины. Несмотря на разные региональные разногласия с РФ, Турция, безусловно, важный партнёр России, особенно в условиях западных санкций. «Турция является надёжным партнёром в этом плане и может обеспечить стабильные поставки продовольствия через свою территорию во все страны мира, в том числе в страны Азии, Латинской Америки, страны Африки», — отметил В.В. Путин на саммите ШОС 16 сентября [16].

Анкара стала одним из самых надежных маршрутов поставок российских энергоносителей, в том числе газа, для стран Евросоюза. И поэтому Москва выступает за вступление Турции в ШОС, поскольку Турция, похоже, сменила политическую ориентацию на азиатский вектор. В 2021 г. российско-турецкий товарооборот вырос на 57% до 33 млрд долл. по сравнению с 2020 г., в т.ч. российский экспорт – на 66,4% до 26,5 млрд долл., а импорт – на 27,4% до 6,5 млрд долл. Начиная с сентября прошлого года, ежемесячный экспорт товаров из Турции в Россию стабильно превышает отметку в \$1 млрд в месяц, а в декабре 2022 г. этот показатель достиг рекордных \$1,3 млрд. В марте 2023 года он составил \$1,05 млрд, все эти показатели значительно превышают средний показатель в \$481 млн за 2021 год, что может свидетельствовать о наращивании товарооборота между Россией и Турцией. Согласно статистическим данным, МИД Турции, в первом квартале 2023 года доля России в общем объеме турецкого экспорта выросла с 1,9% до 5%. В условиях внешнего давления Запада, России выгодно посредничество Анкары в налаживании внешнеторговых связей с незападными странами.

Российские власти неоднократно указывали на невыполнение некоторых условий сделки, включая предоставление зерна в первую очередь бедным странам. На это акцентировал внимание В.В. Путин. Он также отмечал, что ограничения на экспорт российского зерна и удобрений могут вызвать ухудшение ситуации на мировом продовольственном рынке, а обещания по снятию санкций с российских зерноперевозок и удобрений не были выполнены. 14 октября 2022 г, через несколько дней после теракта на Крымском мосту (8 октября 2022 года), президент России В.В. Путин предостерег, что Москва может отказаться от продления договоренностей с Украиной, Турцией и ООН по экспорту продовольствия через Черное море, если подтвердится, что взрывчатку для теракта доставили из Одессы на зерновозе.

Зерновое соглашение помогло смягчить ожидания инфляции в продовольственном кризисе и стабилизировать мировые цены на продукты питания. Индекс мировых продовольственных цен сначала вырос до пика в апреле-мае 2022 года (до 158,5 пункта), затем начал снижаться и к декабрю 2022 года достиг 135,4 пункта, близко к уровню января 2022 года (133,8 пункта). В феврале 2023 года индекс снизился до 129,8 пункта. Такая динамика наблюдалась и для цен на пшеницу, кукурузу, подсолнечное масло - все товары, экспортируемые из Украины и России в рамках "зерновой сделки" вернулись к показателям января 2022 года после пика весной 2022 года. Отметим, что некоторые положения меморандума, выполнены Секретариатом ООН не были, и 2022 год для российских экспортеров зерна и удобрений был ознаменован проблемами в основном в области логистики.

В целом, можно отметить что "Зерновая сделка" положительно повлияла на внешнеполитический имидж России, особенно в отношении стран Латинской америки и Африканских стран. Несмотря на то, что "зерновая сделка" разблокировала поставки украинских продуктов и в некоторой мере оказала благоприятное влияние на экспорт зерна из России, она не смогла полностью решить проблему мирового продовольственного кризиса. Хотя

важно отметить что, продовольственный кризис начался намного раньше Российской специальной военной операции на Украине и связан скорее с макроэкономическими структурными факторами разных стран.

Растущие проблемы с продовольствием возникли в середине 2010-х годов и имеют больше отношения к вопросам продовольственной безопасности в бедных странах из-за политической нестабильности, региональных конфликтов, усиления неравенства в деле распределения доходов от экспорта и импорта сельскохозяйственных ресурсов, а также из-за слабых позиций развивающихся стран в глобальных цепочках поставок продуктов питания.

В январе 2023 года Совет Европы сообщил о проблемах, возникших у фермеров из некоторых стран ЕС (Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Словакии) из-за резкого увеличения импорта сельхозпродукции из Украины по демпинговым ценам. Одновременно с этим условия Меморандума о продвижении российских продуктов питания и удобрений на мировые рынки, выполнены не были. В связи с этим Россия имеет право на снижение дискриминационных ограничений на экспорт зерновых культур и удобрений по условиям «Черноморской зерновой инициативы» и Меморандума, однако пока только страны ЕС могут приобретать российские удобрения, обходя санкции.

Россия с опаской относится к возможности продления "зерновой сделки", поскольку некоторые условия соглашения с российской стороны не были исполнены. Заместитель министра иностранных дел России подтверждает стремление Москвы к выполнению всех обязательств по этой сделке. Турция, один из основных потребителей продовольствия РФ, выражает признательность России и ООН за работу над продлением "зерновой сделки", обещая продолжить диалог и сотрудничество с её участниками. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш добавляет, что консультации о продлении "Черноморской зерновой инициативы" продолжатся со всеми заинтересованными сторонами, несмотря на окончание переговоров.

Приостановка Россией зернового соглашения

Утром 29 октября 2022 г. в 4:20 утра года Вооруженные силы Украины нанесли массированный удар с использованием 7 морских и 9 воздушных дронов по кораблям и инфраструктуре ВМФ РФ в Севастополе. В тот же день Минобороны и МИД РФ объявили, что Россия приостанавливает свое участие в соглашении о зерне, так как атаковали корабли и суда, обеспечивающие безопасность зернового коридора. Как отметили в Минобороны, Украина, которой помогали специалисты из стран запада использовали для атаки маршрут, частично проходящий по зерновому коридору, и как минимум один беспилотник мог быть запущен с корабля, находящегося в пределах безопасной зоны. 2 ноября 2022 г. Минобороны РФ заявило о получении письменных гарантий от Украины о том, что она не будет использовать черноморский коридор в военных целях.

В связи с этим Россия 2 ноября 2022 г. возобновила работу по соглашению о зерне. В то же время президент Турции Р.Т.Эрдоган сообщил, что с РФ также достигнута договоренность о поставке зерна бедным странам Африки, в частности в Джибути и Судан. В свою очередь, президент РФ В.В. Путин заявил, что Москва оставляет за собой право отказаться от соглашений о зерне, если Киев нарушит обещания о неприменении гуманитарного коридора для военных целей.

3 ноября 2022 г. Глава Минобороны Турции Хулуси Акар заявил, что функционирование морского коридора для вывоза сельскохозяйственной продукции из Украины после возвращения России к участию в соглашении о зерне полностью нормализовалось.

После возобновления зерновой сделки продолжились переговоры о продлении ее действия и позднее 12 ноября 2022 г. заместитель МИД РФ Сергей Вершинин сообщил журналистам, что Россия считает восстановление Россельхозбанка в системе SWIFT ключевым вопросом для снятия препятствий экспорту российской сельскохозяйственной продукции, но к

сожалению этот вопрос остается открытым так как страны запада не способствуют его решению.

Турция нуждалась в зерновой сделке для поддержки своей экономики, в частности, это имело значение для Р.Т. Эрдогана перед президентскими выборами. Однако после выборов данная проблема потеряла свою остроту.

Можно предположить, что отмена зерновой сделки не станет критической для европейских стран. До выборов в Турции эта сделка была нужна для поддержки их экономики, однако с учетом текущей политической ситуации, они готовы остаться без ее продления. В случае Европы, главная ценность зерновой сделки - прибыль для бизнеса и перерабатывающих компаний, но ситуация не является критической. Важно отметить, что страны ЕС и Турция заблаговременно создали существенные запасы зерна, поэтому они готовы смириться с российским отказом от сделки. В связи с этим нельзя исключать возможность восстановления переговоров о сделке в ближайшем будущем. По моему мнению, Россия ожидает контрнаступление от украинских вооруженных сил, которое, согласно мнению западных экспертов, может предоставить России менее выгодные позиции в переговорах.

Россия ожидает контрнаступление от украинских вооруженных сил, которое, по мнению западных экспертов, может обеспечить России менее выгодные позиции в переговорах в рамках зерновой сделки.

Зерновая сделка является составной частью этой ситуации так как Европа не хочет видеть у России дополнительные экономического и политического преимущества. Однако, по словам пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова, зерновая сделка не является преимуществом, поскольку Россия способна осуществлять поставки в бедные страны и без соглашений.

Ранее Д. Песков сообщил, что западные страны не выполнили требования России, предусмотренные в рамках зерновой сделки, из-за этого Кремль не видит оснований для продления сделки в июле текущего года.

Более того, Москва ожидает выполнения второй части зерновой сделки и настаивает на исправлении этой ситуации, указывая на "системные проблемы", такие как необходимость возобновления поставок сельскохозяйственной техники в Россию и включение Россельхозбанка в систему SWIFT. В случае невыполнения этих условий, российская сторона предостерегла, что Украине придется искать альтернативы существующей сделке.

Срок действия зерновой сделки истекает 17 июля 2023 года, и Россия выражает негодование по поводу выполнения второй части договора, относящейся к доступу российских сельскохозяйственных товаров на мировой рынок. Российское МИД назначило 18 июля как крайний срок для решения договоренностей. Заместитель главы МИД России, Сергей Вершинин, сообщил, что власти надеются на выполнение всех зерновых соглашений к 18 июля, и также не исключил возможность проведения новых переговоров по этому вопросу.

Список использованной литературы:

1. Reuters URL: <https://clck.ru/34nc5C> (дата обращения 22.06.2023).
2. К каким результатам привела зерновая сделка.URL: <https://clck.ru/34nc7N> (дата обращения 22.06.2023).
3. МИД РФ URL: <https://clck.ru/34nd5z> (дата обращения 22.06.2023).
4. МИД РФ URL: <https://clck.ru/34nd5t> (дата обращения 22.06.2023).
5. Министерство сельского хозяйства США URL: <https://clck.ru/34nb5Q> (дата обращения 22.06.2023).
6. Минобороны России URL: <https://clck.ru/34ncn4> (дата обращения 22.06.2023).
7. Организации ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО) URL: <https://clck.ru/34nc7D> (дата обращения 22.06.2023).
8. Сайт президента РФ - URL: <https://clck.ru/34nd4u> (дата обращения 22.06.2023).
9. Сайт президента РФ URL: <https://clck.ru/34nd68> (дата обращения 22.06.2023).

10. Сайт президента РФ URL: <https://clck.ru/34nd6G> (дата обращения 22.06.2023).
11. ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16235109> (дата обращения 22.06.2023).
12. МИД РФ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1829558/ (дата обращения 22.06.2023).
13. Сайт президента РФ URL: <https://clck.ru/34nd8L> (дата обращения 22.06.2023).
14. the guardian URL: <https://clck.ru/sMTht> (дата обращения 22.06.2023).
15. Reuters URL: <https://clck.ru/34nc5C> (дата обращения 22.06.2023).
16. G20 BALI LEADERS' DECLARATION Bali, Indonesia, 15-16 November 2022 URL <https://clck.ru/34QBQo> (дата обращения 22.06.2023).

Об авторах: ФАДЕЕВА Инна Авенировна – кандидат экономических наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России, e-mail: Innaf576@mail.ru

About the authors: FADEEVA Inna Avenirovna – Ph.D. (Economics), Associate Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: Innaf576@mail.ru

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ**

ФОРРЕСТЕРА

Фаркова Н.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**ABOUT THE POSSIBILITIES OF MATHEMATICAL MODELING OF
SOCIAL PROCESSES BY THE EXAMPLE OF THE FORRESTER
MODEL**

N.A. Farkova

Diplomatic Academy MFA of Russia, Moscow

Аннотация: С течением времени проблема устойчивого развития мирового сообщества не ослабевает. К исследованиям социальных проблем наиболее применимы имитационные математические модели. Дж. Форрестер и его ассистент Медоуз были авторами первых моделей такого типа, оказавшие большое влияние не только на развитие имитационного математического моделирования, но и на формирование понятия об устойчивом развитии.

Abstract. Over time, the problem of sustainable development of the world community has not weakened. Simulation mathematical models are most applicable to the study of social problems. J. Forrester and his assistant Meadows were the authors of the first models of this type, which had a great influence not only on the development of mathematical simulation modeling, but also on the formation of the concept of sustainable development.

Ключевые слова: социально-политическая нестабильность, конфликт, математический инструментарий, устойчивость развития мировой системы.

Key words: socio-political instability, conflict, mathematical tools, sustainability of the development of the world system.

Кардинальные изменения в мире, сопровождаемые потрясениями и социальными катастрофами, указывают на необходимость развития методов анализа и прогнозирования конфликтных и кризисных ситуаций. В сравнении с анализом экономических или демографических процессов задача

моделирования социальных и политических явлений значительно сложнее. Устойчивость социально-политической системы к воздействию дестабилизирующего фактора зависит от большого числа характеристик системы, как объективных, так и субъективных, причем с достаточно сложными взаимосвязями. Разработанные на основе статистических данных индексы нестабильности не позволяют на сегодня с достаточной достоверностью предсказывать зарождение социально-политического кризиса в стране или межстранового конфликта. Это может быть связано с тем, что наблюдаемая конфликтная ситуация складывалась на протяжении долгого времени, в течении которого роли и сила влияния внешних и внутренних факторов изменялись, и на начальных стадиях была в скрытой, неявной форме.

Применение математического инструментария к анализу нестабильности социально-политических систем позволяет снизить погрешности при прогнозировании развития конфликтной ситуации. Первые математические модели развития мировой динамики появились в 70-х годах прошлого столетия. Самой значимой среди них была модель Дж.Форрестера, основанная на принципах системной динамики, - метода изучения сложных систем с нелинейными обратными связями. Форрестер выделил пять переменных величин: численность населения P , капитал K , доля капитала в сельском хозяйстве X , загрязнение окружающей среды Z и запасы невозобновляемых природных ресурсов R . Анализ показателей, данные по которым фиксировались с 1900 года, привел к прогнозированию коллапса в XXI веке, поскольку стремление человечества к экономическому росту, росту численности, улучшению качества жизни вошло в противоречие с условиями жизни на планете. Дальнейшее развитие модели Форрестера с более детализированными показателями подтвердили его прогноз.

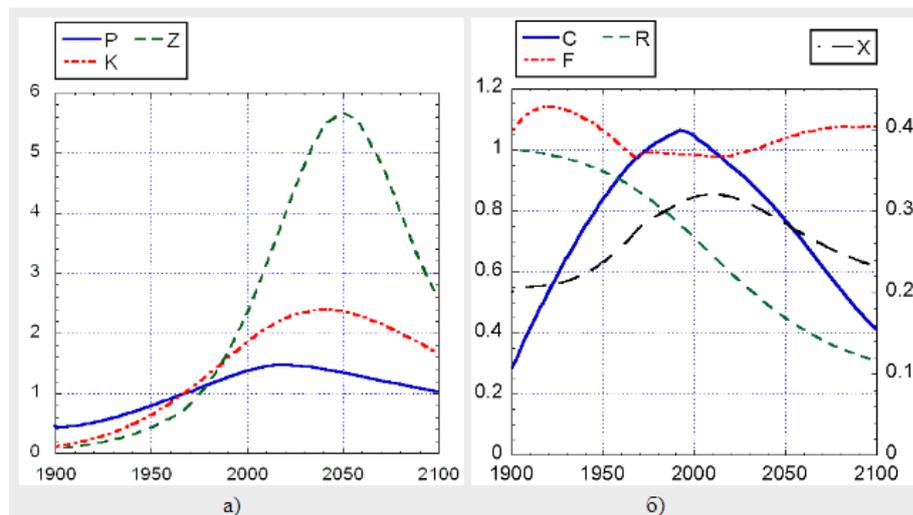

Рис.1. Модель Форрестера в первоначальном виде.[1]

На рис.1 иллюстрируется предсказанный кризис в виде истощения ресурсов. Дифференциальные уравнения, описывающие динамику основных переменных, включает помимо указанных параметров материальный уровень жизни C и уровень питания F . После падения материального уровня жизни следует сокращение численности населения, а затем и капитала. Кризис попадает в интервал 2020-2030 г.г. Был предложен переход к глобальному равновесию, что в терминах модели предполагалось получение стационарных значений. Исходная модель таких решений не давала. Модифицированная модель, построенная в ИПМ АН СССР в 70-х годах [2], предлагала сценарий, при котором кризиса не будет до 2100 года. При этом было выявлено, что основные проблемы модели Форрестера (исчерпание ресурсов и загрязнение окружающей среды) решаются без модификации сельского хозяйства; вместо капитала рассматривались инвестиции.

Модифицированная математическая модель позволяет формализовать определение устойчивости развития мировой системы и понимать его как асимптотическое стационарное решение динамических уравнений, которое соответствует условиям, принятым за меру качества достигнутого решения. Эти условия включают не превышение максимально допустимого уровня загрязнения, а также не уменьшение значений запасов ресурсов,

материального уровня и уровня питания ниже допустимых минимумов. Следует отметить, что исследования указывают на существование критического момента времени, после которого, оставаясь в рамках модели, стационарные решения получить невозможно.

Основной вывод, вытекающий из моделей Форрестера и её модификаций (модели Медоуза, Месаревича Пестеля, Эрреры, Кайя, В.Леонтьева) состоит в том, что при сохранении современных тенденций развития общества кризис взаимоотношений человека и окружающей среды неизбежен. Анализ количественных показателей мировой системы не предполагал получение их точных значений. Наблюдение качественных тенденций динамики и анализ чувствительности результатов к возможным изменениям в предположениях модели позволяют выявлять и учитывать причинно-следственные связи системы. Из-за нехватки статистических данных и необходимой информации для использования моделей, основанных на дифференциальных уравнениях, используется вероятностная имитационная модель, основанная на нечеткой логике. Такие модели точнее определяют и откликаются на непредсказуемые возмущения качественного типа.

Список использованной литературы:

1. Мировая динамика: Пер.с англ/ Д. Форрестер – М.: ООО «Издательство АСТ; СПб.: Terra Fanyastica, 2003. – 379 с
2. https://www.keldysh.ru/papers/2002/prep56/prep2002_56.html

Об авторах: ФАРКОВА Наталья Анатольевна – кандидат физико-математических наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России

About the authors: FARKOVA Nataliya Anatolievna – Ph.D. (Physical and Mathematical Sciences), Associate Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

**ПРОТИВОРЕЧИЯ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В
КИТАЕ**

Чульский С.И.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

**CONTRADICTIONS ON THE PATH OF GREEN ENERGY
DEVELOPMENT IN CHINA**

S.I. Chulskiy

Far Eastern Federal University, Vladivostok

Аннотация: целью данного исследования является выявление препятствий на пути к достижению углеродной нейтральности в Китае и построение прогноза по дальнейшей реализации экологической повестки. В рамках исследования проводится анализ развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и оценивается место Китая на мировом рынке ВИЭ. Например, около 75% всех солнечных батарей производятся китайскими компаниями, что создает риски монополизации рынка. На основе анализа и синтеза источников были сформулированы перспективы развития ВИЭ в Китае.

Abstract: The purpose of this research report is to identify obstacles to achieving carbon neutrality in China and to make a forecast for the further implementation of the environmental agenda. The study analyzes the development of renewable energy sources (RES) and assesses China's place in the global renewable energy market. For example, about 75% of all solar panels are manufactured by Chinese companies, which creates risks of monopolization of the market. Based on the analysis and synthesis of sources, the prospects for the development of renewable energy in China were formulated.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, Китай, зеленая политика, солнечные панели, ветряные электростанции, нефть, газ, ископаемый уголь, ископаемые источники, монополия.

Key words: renewable energy, China, green policy, solar panels, wind farms, oil, gas, fossil coal, fossils, monopoly.

ВВЕДЕНИЕ

На фоне энергетических кризисов 2022 году страны Европейского Союза и особенно развитые из них вложили большие усилия и денежные

средства для обеспечения своей энергетической безопасности. Например, при больших закупках катарского газа Германия сумела заполнить свои хранилища на 90% [20]. Но в попытках обеспечить свою энергетическую безопасность и диверсифицировать систему цепочек поставок Великобритания и страны ЕС начали сжигать больше ископаемого угля [17]. В какой-то момент, вопреки предостережениям экологов и экоактивистов, ископаемые углеродные источники энергии (в основном каменный уголь) стали временной заменой более экологичному российскому газу. В 2022 г. прошла в Шарм-эш-Шейхе Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата ООН (КС 27) с призывом начать незамедлительно действовать [25], чтобы сдержать глобальное потепление не выше пресловутых 1,5 градусов Цельсия (Парижское соглашение) [25], но эти «индустриальные» планы кажутся слабо выполнимыми, когда еще развивающиеся страны наращивают производство (т.е. наращивают и выбросы в атмосферу), чтобы выйти на пиковые мощности, в том числе и вторая экономика мира – Китай, который планирует сделать это к 2030 году [28]. Конкретного общего плана по отказу от ископаемых источников энергии не достигли страны и на КС 28 в Дубае 2023 г. из-за позиции мировых лидеров по добыче нефти таких, как Саудовская Аравия и потребителей каменного угля таких, как Китай – всё ограничилось только призывом к постепенному отказу ископаемых источников энергии. Однако, зеленая повестка никуда не пропадёт, рано или поздно все снова вспомнят о надвигающейся экологической катастрофе, более того увеличение диверсификация энергетических поставок создаёт особенную нишу и для ВИЭ, таким образом в первой половине 2022 года ЕС, отказываясь от российских энергоносителей, увеличил импорт элементов для солнечных панелей на 127% у лидера в сфере фотоэлектрических технологий (далее - PV, от англ. - Photovoltaics) – Китая [23]. Доля КНР на мировом рынке солнечных панелей в 2017 составляла 71%, а по прогнозам Международного энергетического агентства к 2025 году Китая сосредоточит около 95% процентов всего рынка [29].

ИСТОРИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ ВИЭ В КИТАЕ

С одной стороны, в настоящее время КНР считается мировым лидером по выбросам углекислого газа (CO₂) в атмосферу – почти 33% [9, с. 12], а выбросы CO₂ в метрической тоне на душу населения выросли на 2.6 в период 2009 -2019, в то время как в США снизились на 1.9 [7]; а грязный воздух в Китае стал причиной 17% процентов смертей. С другой стороны, Китай занимает первое место на мировом рынке «зеленой» энергетики, причем с большим отрывом: на его долю приходится 32% всей такой энергии в мире в то время как на Соединенные Штаты, которые находятся на второй строчке рейтинга, приходится всего 10,3%, по данным Renewables 2021, Global Status Report [16]. Китайская энергетическая система производит около 327 000 и 655 600 ГВт·ч солнечной и ветровой энергии, соответственно. Установленная мощность ВИЭ составляет 1063 ГВт – примерно 44% всего потенциального энерго баланса КНР [18]. Для сравнения установленная мощность всей российской энергосистемы в целом составляет 246 ГВт [27], из которых на ВИЭ приходится очень скромные 1,4 ГВт [22]. Далее по цифрам из Поднебесной за 2022 год: доля мощностей солнечной и ветровой генерации – 11,89%; гидроэнергетики – 14,98%; биоэнергетики – 2,35% [10]. Конечно, эти цифры удельной энергоэффективности не равны реальной вырабатываемой зеленой энергии, так как некоторые мощности только готовятся к эксплуатации, или работают не на полную мощность, чтобы не создавать излишки электричества, которые негде хранить. Таким образом, общий показатель вырабатываемых ВЭИ составляет примерно 28% от всего энергопотребления в стране [3].

Этот превосходный результат был достигнут через 16 лет после того, как Пекин принял Закон о возобновляемых источниках энергии (LRES) [14]. Эта зеленая политика, в соответствии с законом, стимулировала предприятия зеленой энергетики разрабатывать инновационные решения в области возобновляемых источников энергии за счет прямых государственных субсидий, а крупные отрасли промышленности были вынуждены перейти на

более экологичную энергетику благодаря разумной фискальной политике. В настоящее время китайское правительство по-прежнему обеспокоено тем фактом, что выбросы CO₂ значительно возросли с 2,7 тонн на душу населения в 2000 г. до 7 тонн на душу населения в 2012 г., и уровень выбросов остается на том же уровне, согласно статистике Всемирного банка [8]. Ключевые инструменты для снижения выбросов парниковых газов были предоставлены принятием первой китайской инициативы по глобальному потеплению – Национальной программы Китая по изменению климата. Этот документ 2007 г. установил широкий спектр мер по борьбе с загрязнением воздуха, начиная с законов (LRES), администрации и технологий, которые в совокупности позволили сократить выбросы парниковых газов и наделить Китай гибким подходом к изменению климата.

Электростанции[^] производящие солнечную и ветряную электроэнергию платили меньше налогов из-за чего и энергия для потребителей стала дешевле (недавно налоговые льготы были отменены, потому что сектор достаточно развился, и для дальнейшего стимулирования нет нужды) [6]. Правительством были введены специальные квоты для компаний на покупку PV или ветрогенераторов у местных производителей. И наконец, были введены высокие налоги и тарифы для производств, загрязняющих окружающую среду (зеленый налог). Более того, одним из ключевых ориентиров экономического развития КНР в XXI веке является научная стратегия построения экологической цивилизации, а формирование экокультуры заложено даже в конституции КНР – на XIX съезде КПК в 2012 г. был включен в устав пункт о построении «экологической цивилизации».

Уже спустя три года после активных действий мощность гидро, ветряных и солнечных электростанций выросла с 132,365 МВт в 2006 г. [1] до 245,837 МВт в 2010 г. – примерно 85%, а мощность установленных солнечных панелей на 720% за период 2009-2010 гг. [2]. Китай также имеет планы выйти на полную углеродную нейтральность в 2060 г. об этом открыто председатель КНР заявил в сентябре 2020г. на Генеральной Ассамблеи ООН 75 годовщины,

о важности такого шага в решении экологических проблем Си Цзиньпин говорил и на Всемирном экономическом форуме, 22-23 апреля 2021 г. на международном саммите, посвященном проблемам борьбы с изменением климата [11]. Также важным шагом будет увеличение мощности установленных солнечных панелей и ветряных ферм в 2 раза к 2030г. – до 1200 ГВт. Существует для этого специально разработанный план по развитию возобновляемой энергетики [26].

Основные инвестиции в развитие ВИЭ вкладываются малонаселенные районы Китая, на Северо- и Юго- Западе страны. На горных плато или в пустынях строятся большие ветряные фермы и устанавливаются солнечные панели. Согласно региональным планам развития ВИЭ только к концу 2022 г. планировалось установить в двое больше экологических электростанций, чем в прошлом [5]. По прогнозам Международного энергетического агентства китайские планы по увеличению установленной мощности зеленой энергетики до 1200 ГВт могут быть достигнуты в 2026 г. – раньше даже установленных самим Китаем сроков [15].

ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЯ НА МИРОВОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

Китай – безусловный лидер в производстве ветроэнергетического оборудования и PV элементов, а китайский бизнес во многом формирует мировой рынок возобновляемой энергетики. Так, около 75% рынка [солнечных панелей](#) контролируются китайскими компаниями, а 6 из 10 крупнейших мировых производителей ветроэнергетического оборудования — китайские [4]. На рынке элементов солнечных панелей Китай занимает лидирующие места во всех сферах. Поликремний: Китай - 66%, Южная Корея – 14%, Германия – 14 США/Канада – 5%; солнечные панели: Китай - 78%, Южная Корея – 7%, США/Канада – 7%, Тайвань – 4%; солнечные модули: Китай – 72%, Южная Корея – 8%, США/Канада – 12; Тайвань – 1% - данные на 2019г. Так, уже в 2017 г. доля бывшего лидера в производстве PV – Японии составляла всего 2%.

МОНОПОЛИЯ?

Технологически развитые страны понимают риски, с которыми может столкнуться рынок зеленой энергии при монополии одной страны, живущей по своим торговым законам. Отсутствие здоровой конкуренции на мировом рынке неизбежно ведет к снижению качества продукции отрасли ВИЭ, более того существуют риски, что отдельные страны столкнутся со стагнацией или с полным закрытием развития этой сферы. Беря во внимание жесткие китайские ограничения даже в убыток самим себе, существует риск, что Китай может обрушить рынок ВИЭ в случае частичного или полного ухода на локдауны в торговле или производстве при всеобщей зависимости от Поднебесной.

Именно по этой причине некоторые страны вводят протекционистские меры по отношению китайских комплектующих для PV – ограничение импорта. Например, в США ввели дополнительный сбор на китайские PV-модули, такой же «защитный» тариф действует и в Индии. В Европе — нет: в 2022 году, отказываясь от российских энергоносителей, она наоборот [увеличила](#) импорт солнечных элементов из Китая. Немаловажен, конечно, вопрос финансирования сферы зеленой энергетики: бюджет Китая на развитие зеленых технологий больше Европы и США почти на 30%. В противовес этому страны с развитыми технологическими платформами заявляют о активном развитии ВИЭ на своей территории и технологической базе, к примеру Индия. Но по масштабам эти планы несопоставимы с китайскими: установленная мощность индийских солнечных станций, по данным на 2021 год, составляет всего 49,3ГВт [13].

Также Китай в соответствии со своей глобальной инициативой «Пояс и путь» стимулирует развитие ВИЭ, кредитируя бедные страны для продажи им своего оборудования и установления своих стандартов зеленой экономики. С одной стороны Китай открывает для себя новые рынки и усиливает монополию, с другой стимулирует развивающиеся страны своими инвестициями и технологиями. Так, при содействии КНР в Эфиопии была

построена ветряная ферма мощностью 120 МВт, и почти такой же проект реализуется в Зимбабве.

Китай имеет грандиозные планы на 14 пятилетку (2021-2025), к примеру, к концу пятилетки четверть всех машин в Китае будут электрокары. Более того Китай занимается разработкой совершенно новых видов гидроэнергетики: не только реки, но и электричество даже из дождя.

ИТОГИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

К каким же положительным последствиям столкнулась мировая индустрия зеленой энергии при развитии Китая в этой сфере?

1) Цены на ВИЭ упали до уровня угля.

Благодаря зеленому рывку Китая все изменилось, и за последние 10 лет средняя цена за один мегаватт в час солнечной энергии рухнула на 80%. В Китае она теперь составляет 49 долларов, что делает солнечную энергию даже выгодней угольной [21]. Если верить прогнозам, в 2030-м один такой мегаватт в час будет стоить уже 13 долларов, а в 2060-м — всего лишь 3 доллара.

2) Как следствие, солнечные панели перестали быть роскошью.

С падением цен на ВИЭ в Китае начало расти количество установок для производства возобновляемой энергии, и это стимулировало местных производителей солнечных панелей. При этом треть всех производимых в Китае солнечных панелей идёт на экспорт в третьи страны

3) Появились перспективы и у других зеленых производств.

Успех ВИЭ в Китае подготовил почву для других масштабных проектов, которые изменят нашу жизнь в ближайшие годы. В первую очередь, конечно, речь об электромобилях. Китайские производители CATL и BYD уже поставляют аккумуляторы для 39% всех электромобилей в мире, включая американскую Tesla [24]. Со временем технологии будут только дешеветь, а электромобилей будет становиться все больше и больше.

Конечно, беря во внимание противоречивость Китая в сфере зеленой экономики, невозможно обойти стороной современные препятствия, с которыми сталкивается Китай и мировое сообщество на пути к зеленому будущему.

1) В ближайшее время Китай будет только наращивать объем выбросов в атмосферу, а не сокращать их. Как уже упоминалось ранее китайское правительство планирует выйти на пиковые мощности только в рамках следующей пятилетки, и это только прогноз – китайская бурно развивавшаяся экономика ни коим образом не застрахована от кризисных падений.

2) Это факт, что Китай будет в основном развивать свою экономику и промышленное производство на углеродных источниках энергии: зависимость Китая от импортируемой нефти достигает 70%, а от газа — 40% [12]. На долю угля в Китае приходится около 60% всей энергетики [10]. В то время, как добыча угля обрекает страну на деградацию окружающей среды и негативно сказывается на здоровье жителей.

3) Проблемы с передачей излишков зеленой энергии.

Как отмечалось, ранее большинство зеленых электростанций находятся в малонаселенных территориальных единицах Китая, из-за чего накапливаются излишки зеленой энергии – 12% излишков в северо-западных районах. Как следствие приходится полностью отключать ветряные фермы или солнечные батареи. Но есть два способа решить проблему сохранения электричества: 1. литий-ионные батареи-накопители, как на электрокарах — правда, процесс их подработки очень сложен, но выгоден и предотвращает загрязнение почвы; 2. Специальные высоковольтные линии электропередачи только для возобновляемой энергии – естественно при переброски на дальние расстояния часть электричества теряется. Однако благодаря ЛЭП сверхвысокого напряжения можно значительно снизить эти потери – первая из таких ЛЭП только для чистой энергии, была построена именно в КНР [19].

ВЫВОД

Китай является лидером в сфере развития ВИЭ, но внутренние противоречия и «негативное» лидерство по выбросам углекислого газа в атмосферу играют не на пользу дальнейшего развития. Более того, существует реальная угроза монополизации мирового рынка зеленой энергии. Только последовательная политика становления углеродно-нейтральной страной и постепенное сокращение выбросов при совместном развитии возобновляемых источников с другими техническими странами помогут мировому сообществу (в том числе и Китаю) достичь глобальных эко-целей.

Список использованной литературы:

1. 2007 & 2006 detailed electricity statistics // China Energy Portal URL: <https://chinaenergyportal.org/en/2007-2006-detailed-electricity-statistics/> (дата обращения: 10.12.2023).
2. 2010 detailed electricity statistics // China Energy Portal URL: <https://chinaenergyportal.org/en/2010-detailed-electricity-statistics/> (дата обращения: 10.12.2023).
3. 2021 electricity & other energy statistics // China Energy Portal URL: <https://chinaenergyportal.org/en/2021-electricity-other-energy-statistics-preliminary/> (дата обращения: 10.12.2023).
4. China Dominates All Steps of Solar Panel Production // statista URL: <https://www.statista.com/chart/24687/solar-panel-global-market-shares-by-production-steps/> (дата обращения: 10.12.2023).
5. China Is on Track to Double Its Solar Panels From Last Year's Record // Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-30/china-set-to-double-last-year-s-record-solar-panel-installations> (дата обращения: 10.12.2023).
6. China to stop subsidies for new solar power stations, onshore wind projects in 2021 // REUTERS URL: <https://www.reuters.com/business/energy/china-stop-subsidise-new-solar-power-stations-onshore-wind-projects-2021-2021-06-11/> (дата обращения: 10.12.2023).
7. CO2 emissions (metric tons per capita) - China, United States // World Bank Data URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=CN-US/> (дата обращения: 10.12.2023).
8. CO2 emissions (metric tons per capita) - China, United States // The World Bank | Data URL:

<https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=CN-US> (дата обращения: 10.12.2023).

9. CO2 emissions of all world countries JRC/IEA/PBL 2022 Report / М Crippa, D Guizzardi, М Vanja [и др.]. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2022, 2022. – 256 с. – ISBN 978-92-76-55802-6. (С. 12).

10. Electricity Data Explorer // EMBER URL: <https://ember-climate.org/data/data-tools/data-explorer/> (дата обращения: 10.12.2023).

11. Full text: Xi Jinping's speech at the General Debate of the 75th session of the United Nations General Assembly // CGTN URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-23/Full-text-Xi-Jinping-s-speech-at-General-Debate-of-UNGA-U07X2dn8Ag/index.html> (дата обращения: 10.12.2023).

12. Oil, gas and coal import dependency in China, 2007-2019 // IEA URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/oil-gas-and-coal-import-dependency-in-china-2007-2019> (дата обращения: 10.12.2023).

13. Renewable Energy Industry in India // IBEF URL: <https://www.ibef.org/industry/renewable-energy> (дата обращения: 10.12.2023).

14. Renewable Energy Law of the People's Republic of China // HE STATE COUNCIL OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA URL: http://english.www.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474983043598.htm (дата обращения: 10.12.2023).

15. Renewables 2021 Analysis and forecasts to 2026 // IEA URL: <https://www.iea.org/reports/renewables-2021> (дата обращения: 10.12.2023).

16. RENEWABLES 2021 GLOBAL STATUS REPORT // URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/GSR2021_Full_Report.pdf/ (дата обращения: 10.12.2023).

17. Some EU members turn back to coal to cut reliance on Russian gas // Climate Home URL: <https://www.climatechangenews.com/2022/03/15/some-eu-members-turn-back-to-coal-to-cut-reliance-on-russian-gas/> (дата обращения: 10.12.2023).

18. The Status of China's Energy Transition and Decarbonization Commitments // China Briefing URL: <https://www.china-briefing.com/news/earth-day-2022-whats-the-state-of-chinas-energy-transition/> (дата обращения: 10.12.2023).

19. В Китае построили ЛЭП для транспортировки «чистой» энергии // Энергетика и промышленность России URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2020/2819545.htm> (дата обращения: 10.12.2023).

20. Германия заполнила газовые хранилища на 95% // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5609231> (дата обращения: 10.12.2023).

21. Дешево, но нестабильно: перейдет ли Китай на солнечную энергетику // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/10/13_a_14080045.shtml (дата обращения: 10.12.2023).
22. Зеленая энергетика прирастает гигаваттами // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5206957/> (дата обращения: 10.12.2023).
23. Китай экспортировал 78,7 ГВт солнечных модулей в 1 половине 2022 г // RenEn URL: <https://renen.ru/kitaj-eksportiroval-78-7-gvt-solnechnyh-modulej-v-1-polovine-2022-g/> (дата обращения: 10.12.2023).
24. Китайская BYD будет поставлять аккумуляторы Tesla // motor URL: <https://motor.ru/news/kitayskaya-byd-budet-postavlyat-akkumulyatory-tesla-09-06-2022.htm> (дата обращения: 10.12.2023).
25. Конференция ООН по климату 2022: главное о КС-27 // Группа ООН по устойчивому развитию URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/stories/konferenciya-oon-po-klimatu-2022-glavnoe-o-ks-27> (дата обращения: 10.12.2023).
26. Новая фаза развития ветроэнергетики Китая: доступные цены и отсутствие субсидий // РАВИ URL: <https://rawi.ru/2022/06/novaya-faza-razvitiya-vetroenergetiki-kitaya-dostupnyie-cenyi-i-otsutstvie-subsidiy/> (дата обращения: 10.12.2023).
27. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2021 году // Системный оператор единой энергетической системы : сайт. – URL: <https://www.so-ups.ru/> (дата обращения: 13.12.2023).
28. Подробности новой концепции Китая о пике выбросов углерода и углеродной нейтральности // Neftegaz.RU URL: <https://neftegaz.ru/news/ecology/704115-podrobnosti-novoy-kontseptsii-kitaya-o-pike-vybrosov-ugleroda-i-uglerodnoy-neytralnosti/> (дата обращения: 10.12.2023).
29. США и МЭА призвали азиатские страны к диверсификации поставок энергоресурсов // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5458657/> (дата обращения: 10.12.2023).

Об авторах: ЧУЛЬСКИЙ Семён Ильич – студент 3-го курса, Дальневосточный федеральный университет, e-mail: chulskii.si@dvfu.ru

About the authors: CHULSKIY Semyon Ilich – 3rd year student, Far Eastern Federal University, e-mail: chulskii.si@dvfu.ru

GLOBAL CHALLENGES: NEW PERSPECTIVES

УДК: 130.2:327

МЕТАМОДЕРНИЗМ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Белоусов И.Л.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

METAMODERNISM AS A CULTURAL PARADIGM OF THE MULTIPOLAR WORLD

I.L. Belousov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Аннотация: Работа исследует проблему параллельного укрепления культурной парадигмы метамодернизма и развития тренда к многополярности в свете прогнозируемого падения постмодерна как культурной эпохи и гегемонии США как основы однополярного мирового порядка. Автором анализируются литературные и публицистические источники, описывающие черты, идеи и современное состояние метамодернистских трендов и движения к многополярности. Описана угроза ситуации «ловушки Фукидида», связанная с сохранением влияния угасающих тенденций и власти гегемона в свете укрепления новых тенденций и акторов на мировой арене. Автором рассматриваются идеи метамодернизма как рамочной концепции на предмет осуществимости идеала многополярного мира в эпоху метамодерна. Производится анализ идей метамодернизма и общих направлений развития многополярности на мировой арене в соотнесении друг с другом. Приводятся примеры проявления идей метамодернизма на высшем уровне. Описываются религиозное и идейное основания особого положения России как актора продвижения многополярности. Разрабатывается проблема метамодернизма как рамочной концепции, предлагается путь её разрешения через обогащение идей метамодернизма, помимо прочего, социальными проектами других современных течений мысли. Посредством анализа проблемы возможного наступления четвёртой технологической революции в рамках экономического проекта постмодерна приводится пример описанного рода насыщения идей метамодернизма идеями технологического постгуманизма.

Abstract. The paper examines the problem of parallel strengthening of the cultural paradigm of metamodernism and the development of the trend towards multipolarity in the context of the predicted decline of the postmodern as a cultural era and the US hegemony as the basis of the unipolar world order. The threat of «Thucydides trap» associated with the current state of affairs is described. Literary and journalistic sources describing the features, ideas and current state of metamodernist trends and the movement towards multipolarity are analyzed. The author examines the ideas of metamodernism as a framework concept on the feasibility of the multipolar world order within the metamodern era. The ideas of metamodernism and general directions of multipolarity development are analyzed in relation to each other. Examples of manifestation of the ideas of metamodernism at the summit level are given. Religious and conceptual foundations of Russia's role as an actor promoting multipolarity are described. The problem of metamodernism as a framework concept is developed, and a way to solve it through enriching the ideas of metamodernism, among other things, with social projects of contemporary thought is proposed. An example of enrichment of the ideas of metamodernism with the ideas of technological posthumanism is given.

Ключевые слова: Постмодерн, метамодерн, многополярный мир, культура, политика, экономика, общество, проблемы современности.

Keywords: Postmodern, metamodern, multipolar world, culture, politics, economics, society, contemporary problems.

Введение. Актуальность тематики. Переход от однополярного мира к многополярному, происходящий на фоне установления метамодернизма как доминирующей культурной парадигмы современной эпохи, соответственно, метамодерна, требует философского анализа для выделения перспектив и проблем формирования многополярного мира в свете угасающих постмодернистских и набирающих силу метамодернистских тенденций. При этом следует отметить, по крайней мере, частичное сохранение как политических и экономических тенденций постмодерна [2], так и элементов политической, военной и экономической гегемонии США [15], что угрожает набирающим сегодня силу тенденциям глобального развития и актерам на политической арене, соответственно метафорическим или буквальным, воспроизведением ситуации «ловушки Фукидида» [15]. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость скорейшего параллельного осмысления

метамодернизма как культурной парадигмы многополярного мира и формирования многополярного мира как реализации идеалов метамодернизма на высшем уровне.

Методология. В работе проанализированы источники, описывающие современную культурную парадигму метамодернизма, выделены её характерные черты, описано усиление тренда к многополярности в мировой политике, произведено соотнесение характерных черт метамодернизма и проявлений тренда к многополярности, рассмотрена проблематика метамодернизма как рамочной концепции, предложено обогащение концепции метамодернизма социальной программой технологического постгуманизма.

Метамодернизм и эпоха метамодерна. Завершение эпохи постмодерна в конце 90-х годов XX века, связываемое символически с терактами 11 сентября 2001, [14, с. 512-513] не только опровергло тезис Ф. Фукуямы о конце истории, связанном с окончательной победой либеральной демократии над конкурирующими ей формами социально-политического устройства общества [17, с. 7], но и запустило процесс разработки языка описания современной эпохи.

Наиболее конкурентноспособным и претендующим на универсальность языком описания современности мы склонны считать метамодернизм, понятие которого было введено Р. ван ден Аккером и Т. Вермюленом в 2010 году [2]. Именно в метамодернизме мы видим идейное подкрепление тренда к установлению многополярного мира.

Характерными для метамодернизма мы считаем следующие черты:

Метаксис, – существование «в-между» противоположностей [2];

Осцилляцию, – маятниковое раскачивание между противоположными точками зрения [2];

Новую (синергическую) чувственность [5], которую можно охарактеризовать как паранепротиворечивую;

Новую целостность, – рассмотрение мира как системы систем и признание собственной роли в его функционировании [2];

Диалоговость и антилогоцентризм [2], описанные как в самом способе существования через метаксис, так и в рамках поворота к Дикому, – диалектическому снятию антитез между искусственным и природным в метамодернистской эстетике и мировоззрении [8];

Опору на негативный идеализм Канта, то есть на эпистемологию «как если бы» (телос истории существовал) [2].

При этом, как замечает А.В. Павлов, метамодернизм не уделяет должного внимания социально-политической проблематике [14, с. 389], а поэтому рассматривается нами в качестве рамочной концепции, требующей наполнения социально-политической программой какого-нибудь иного направления мысли.

Многополярность и культура. Мы обнаруживаем современную политическую систему в состоянии перехода от однополярного мира гегемонии США к многополярному мироустройству и связываем его с «появлением» и укреплением на мировой арене стран БРИКС и других акторов [6], а так же проявлениями глокализации и регионализма в различных сферах жизни общества [16, с. 26-27].

Опишем общие направления направлениях развития, свойственные тренду многополярности:

Военная, политическая, экономическая и культурная суверенизация всех субъектов международного права [12];

Установление многомерной структуры международных отношений, несводимой к простому существованию на политической арене множества акторов [16, с. 6];

Формирование институциональных и методологических средств для обеспечения двух- и многосторонней коммуникации для всех акторов на политической арене как равных [12];

Обеспечение условий гармоничного сочетания локальных и глобальных интересов и ориентаций, в том числе и общечеловеческих, посредством действия глокализационных механизмов во всех сферах жизни общества [10].

Будучи подкреплённым компенсирующими опережающее развитие глобальной экономики процессами глобализированного развития политики и культуры движение [10], к многополярному миру сегодня происходит главным образом посредством налаживания диалога, определения общих ценностей и апелляций к общечеловеческому, на основе чего, сегодня можно говорить о смещении фокуса международной политики с вопросов экономики на аксиологические вопросы культуры [12]. Это, в свою очередь, побуждает нас рассмотреть на конкретных примерах проявления идеалов современной культурной парадигмы на высшем уровне.

Идеалы метамодернизма на высшем уровне. Спустя более чем 10 лет с введения понятия метамодернизма всё ещё актуально замечание, что вовсе не все постмодернистские тенденции, в большинстве своём в политике и экономике, завершены [2], однако неоспоримым становится влияние новых, (пере-) определённых современной культурной парадигмой идеалов равенства, диалога, антилогоцентризма, выраженного сегодня ярко в виде антизападо- и антикапиталоцентризма, коллективной ответственности человечества за сохранение природы, достижение глобальной безопасности, равенства обеспечения всестороннего здоровья населения и т.д.

Новые идеалы в политике, как мы считаем, отражены в целях тысячелетия и целях устойчивого развития, принятых странами-участницами ООН в 2000 и в 2015 соответственно и являющих собой призыв ко всем странам вне зависимости от их благосостояния преследовать общие цели [13], и в шести принципах многополярного мирового порядка, представленных В.В. Путиным в 2023, среди которых «сохранение многообразия как основы всеобщего развития» и «всеобщая безопасность и прочный мир на основе равного уважения интересов всех стран» и др. [4].

Религиозное и концептуальные основания особой роли России как актора продвижения многополярности.

Как мы считаем, пересечение культурных трендов современной эпохи и политической позиции России как одного из двух главнейших акторов продвижения многополярности наравне с Китаем вовсе не случайно. Россия, в нашем понимании, является одной из наиболее приспособленных для практической реализации идеалов метамодерна страной в силу различных факторов исторического развития, к которым помимо прочего мы относим религиозный фактор и активную рецепцию и развитие идей метамодернизма.

Религиозный фактор становления России одним из важнейших акторов продвижения многополярности мы связываем с влиянием на развитие страны идей православной веры. Социальный аспект жизни православного сообщества описывается понятием соборности, обозначающем свободное духовное и мирское единение людей в братстве и любви [11, с. 580-581], данное качество православной веры оказало значительное влияние на развитие России и становление представления об индивидуе как гражданине, идей жизни как служении и поиска себя через сопричастность к большему.

Идеи метамодернизма в современной России подвергаются активным рецепции, осмыслению и развитию, например, силами интернет-портала metamodernizm.ru, в работах А.В. Павлова, а так же в метамодернистской литературе, связанной с именами К.В. Рябова, Р.В. Сенчина, Д.А. Данилова и др.

Следует так же отметить историческую основу рецепции идей метамодернизма в России, оформленную концепцией диалога М.М. Бахтина [7], предвосхитившая положения метамодернизма, и экзистенциально-онтологическим направлением в психологии, нацеленном на налаживание гармоничного диалога между сознательным и бессознательным индивиду [7], то есть, как нам кажется, на реализацию в индивидуе идеала структуры чувства метамодернизма.

Эти факторы вкупе с экономическими, географическими, политическими, культурно-духовными, социальными и другими факторами обуславливают положение России среди лидеров продвижения многополярности на мировой арене.

Рамочная функция метамодернизма. Мысль метамодерна, претендующая на становление социальной теорией [1, с. 18], в сущности лишь очерчивает границы своего проблемного поля и требует различных, дополнений как конкретных, так и общих, для достижения своих целей [2]. Таким образом, создание всеобъемлющего социального проекта метамодерна требует обогащения идей метамодернизма идеями других направлений мысли.

Опишем проблему более конкретно. Рамочная функция метамодернизма наиболее ярко прослеживается в вопросах экономики, хотя и не ограничивается ими. Кризисы экономического проекта постмодерна в первом десятилетии XXI века, в сущности, предпосылки для установления парадигмы метамодернизма [1, с. 50-51], как их видят авторы концепции, ставят вопрос о разработке альтернативного таковому в постмодерне экономического проекта.

Проект экономики постмодерна представляется нам законченным, то есть не требующим качественных изменений для потенциально бесконечного расширения, проектом, поскольку в результате развития технологий, как мы считаем, для человечества будет открыта вся Вселенная, являющаяся бесконечным или почти бесконечным пространством для экстенсивного экономического роста, что, как мы считаем, приведёт к замыканию прогресса человеческого общества в бесконечно расширяющихся экономических циклах.

Это обстоятельство, будучи принятым за верное, лишает проект экономики постмодерна какого-либо телоса, единственной целью проекта оказывается лишь самоподдержание, то есть бесконечный экстенсивный рост и модификация.

Однако приближающаяся четвёртая индустриальная революция, связанная, как мы считаем, с автоматизацией производства материальных

благ, информации, в том числе научного знания, и артефактов культуры посредством порождения автономных, деятельных, сознающих агентов, обесценит большинство экономически значимых функций среднего человека [3, с. 77-78]. Это, как представляется, не может не вести к необходимости разработки экономического проекта метамодерна, основой которого будет нечто отличное от купли-продажи [3, с. 79], на замену проекта экономики постмодерна.

Решением задачи построения альтернативного такому в эпоху постмодерна проекта, как и задачи формирования всеобъемлющего социального проекта метамодерна, мы считаем использование метамодернизма как рамочной концепции, в которую встраиваются социально-политические программы современных направлений мысли, например, к чему мы склоняемся более всего, технологического постгуманизма.

Так, встраивание в метамодернизм идей технологического постгуманизма ведёт к дополнению обозначенного выше ряда положений концепции осознанием существования экзистенциальных рисков для человечества и жизни на Земле в виде экономического коллапса, атомной войны и разрушительных космических явлений [9], а так же возможностью достижения идеала рукотворного постчеловека, способного устранить эти риски и стать гарантом долгосрочного сохранения человечества [9].

Как мы считаем, современные социальные программы различных течений мысли позволяют, будучи встроенными в рамку метамодернизма, сформировать всеобъемлющую программу для претворения в действительность, помимо прочего, идеала многополярного мира.

Заключение. Как было показано метамодернизм действительно может выступать рамочной концепцией для осмысления, а при когерентном её наполнении идеями современных течений мысли, и реализации проекта многополярного мира.

Россия в этой связи выступает одним из важнейших акторов на политической арене как, с одной стороны, решительный сторонник многополярного мира и, с другой стороны, как очаг рецепции, осмысления и развития идей метамодернизма.

Таким образом, мы склоняемся к тому, что диалог равных субъектов, способных как соглашаться, так и занимать противоположные позиции, но сознающих своё фундаментальное единство, выраженное в сходимости человеческой природы и общечеловеческих ценностей, установление планетарного мышления как всеобщего, консолидация сил человечества для преобразующего общества преследования, возможно, недостижимого, идеала реализуемы при совключении друг в друга обогащённых идей метамодернизма и тренда к многополярности на политической арене в рамках современной эпохи.

Introduction. Topicality of the subject. The transition from a unipolar to a multipolar world, occurring against the background of the establishment of metamodernism as the dominant cultural paradigm of the modern era, respectively, metamodern, requires philosophical analysis to highlight the prospects and problems of the formation of the multipolar world in fading postmodern and rising metamodern trends. But it should be noted that both political and economic trends of postmodernity [2] and elements of political, military and economic hegemony of the USA [15] at least partially preserved, which threatens the trends of global development and actors on the political arena that are gaining strength today, metaphorically or literally, with the reproduction of the situation of «Thucydides' trap» [15]. This causes the need for an early parallel examination of metamodernism as a cultural paradigm of a multipolar world and the formation of a multipolar world as the realisation of the ideals of metamodernism at the summit level.

Methodology. The paper analyses the sources describing the modern cultural paradigm of metamodernism, identifies its characteristic features, describes the strengthening of the trend towards multipolarity in politics, correlates the

characteristic features of metamodernism and manifestations of the trend towards multipolarity, considers the problem of metamodernism as a framework concept, and suggests enriching the concept of metamodernism with the social programme of technological posthumanism.

Metamodernism and the Age of Metamodern. The end of the postmodern era in the late 1990s, symbolically linked to the terrorist attacks of 11 September 2001, [14, pp. 512-513] not only refuted F. Fukuyama's thesis on the end of history associated with the domination of liberal democracy over rival forms of socio-political structure of society [17, p. 7], but also started developing a language to describe the modern era.

We consider metamodernism, the concept of which was introduced by R. van den Akker and T. Vermeulen in 2010 [2], as the most competitive and suitable to be a universal language for describing modernity. In metamodernism we find the ideological support of the trend towards the establishment of a multipolar world.

We consider the following features to be characteristic of metamodernism:

- Metaxis, – existence «in-between» opposites [2];
- Oscillation, – the pendulum swing between opposing points of view [2];
- A new (synergistic) feeling [5], which can be characterised as a paradoxical feeling;
 - New integrity, – considering the world as a system of systems and recognising one's own role in its functioning [2];
 - Dialogocentrism and anti-logocentrism [2], described both in the mode of existence via metaxis and within the turn to the Wild, is a dialectical removal of the antithesis between the artificial and the natural in the metamodern aesthetics and worldview [8];
 - Reliance on Kant's negative idealism, i.e. on an «as if» (the goal of history existed) epistemology [2].

As A.V. Pavlov notes, metamodernism does not pay due attention to socio-political issues [14, p. 389], and therefore we consider it as a framework concept that requires filling with the socio-political programme of some other branch of thought.

Multipolarity and Culture. We find the modern political system in a state of transition from the unipolar world of US hegemony to the multipolar world order and associate it with the «emergence» and strengthening of the BRICS countries and other actors on the world stage [6], as well as manifestations of glocalisation and regionalism in various spheres [16, p. 26-27].

Let us describe the general directions of the development trends peculiar to the multipolarity trend:

- Military, political, economic and cultural sovereignty of all subjects of international law [12];
- Establishing a multidimensional structure of international relations, irreducible to the mere existence of a multitude of actors on the political arena [16, p. 6];
- Formation of institutional and methodological means to ensure bi- and multilateral communication for all actors in the political arena as equal [12];
- Providing conditions for a harmonious combination of local and global interests and orientations, including universal, through the action of glocalization mechanisms in all spheres of society [10].

Being supported by the processes of globalized development of politics and culture that compensate for the outpacing development of the global economy, the movement [10] towards a multipolar world today occurs mainly through the establishment of dialogue, the definition of common values and appeals to the universal, based on which, today it is possible to consider the shift of the focus of international politics from economic issues to axiological issues of culture [12]. This prompts us to consider the manifestations of the ideals of the modern cultural paradigm at the summit level using specific examples.

Metamodern Ideals at Summit Level. Over 10 years after introducing the concept of metamodernism, it is still relevant to note that not all postmodernist

trends, mostly in politics and economics, have ended [2], but the influence of new, (re)defined by the modern cultural paradigm, ideals of equality, dialogue, anti-logocentrism, expressed today as anti-Western and anti-capitalocentrism, the collective responsibility of humanity to preserve nature, the achievement of global security, the equal access to healthcare is becoming undeniable.

New ideals in politics, as we believe, are reflected in the Millennium Development Goals and Sustainable Development Goals, adopted by the UN member states in 2000 and 2015, respectively, calling on all countries, regardless of their wealth, to pursue common goals [13], and in the six principles of a multipolar world order presented by V.V. Putin in 2023, among which are «preservation of diversity as the basis for universal development» and «universal security and lasting peace based on equal respect for the interests of all countries» etc [4].

Religious and Conceptual Foundations of Russia's Special Role as an Actor in Promoting Multipolarity. We believe that the intersection of cultural trends of the modern era and Russia's political position as one of the two most important actors in promoting multipolarity along with China is not accidental. Russia is one country best suited for the practical implementation of the metamodernism ideals because of various factors of historical development, including, among others, the religious factor and the active reception and development of the metamodernist ideas.

We associate the religious factor of Russia's becoming one of the most important actors in promoting multipolarity with the influence of the ideas of the Orthodox Christianity on the development of the country. The social aspect of the life of the Orthodox community is described by the concept of sobornost, which refers to the free spiritual and profane unity of people in brotherhood and love [11, p. 580-581], this quality of the Orthodox faith has had a significant impact on the development of Russia and the formation of the idea of the individual as a citizen, the ideas of life as a service and the search for self through involvement in the greater.

The ideas of metamodernism in modern Russia are subject to active reception, comprehension and development, for example, by the Internet portal metamodernizm.ru, in the works of A.V. Pavlov, as well as in the metamodernist literature associated with the names of K.V. Ryabov, R.V. Senchin, D.A. Danilov and others.

We should also note the historical basis for the reception of the ideas of metamodernism in Russia, formalized in the concept of dialogue of M.M. Bakhtin [7], which preceded the ideas of metamodernism, and existential-ontological psychology, aimed at establishing a harmonious dialogue between the conscious and unconscious of the individual [7], as it seems to us, the realization of the ideal of the structure of the feeling of metamodernism on the individual level.

These factors, together with economic, geographical, political, cultural, spiritual, social and other factors, determine Russia's position among the leaders in promoting multipolarity on the world stage.

The Framework Function of Metamodernism. Metamodern thought, aimed at becoming a social theory [1, p. 18] only outlines the boundaries of its problem field and requires various additions, both specific and general, to achieve its goals [2]. Thus, the creation of a comprehensive social project of the metamodern era requires enriching the ideas of metamodernism with the ideas of other branches of thought.

Let us describe the problem more concrete. The framework function of metamodernism is most clearly seen in economic issues, although it is not limited to them. The crises of the economic project of postmodern era in the first decade of the XXI century are considered to be the prerequisites for the establishment of the paradigm of metamodernism [1, pp. 50-51], which raise the question of the development of an alternative economic project to that of postmodern.

The project of the postmodern economy seems to us to be a complete project, i.e. not requiring qualitative changes for potentially infinite expansion, because of technological development the entire universe will be open to humanity, which is an infinite or almost infinite space for extensive economic growth, which as we believe,

will lead to the closure of the progress of society in infinitely expanding economic cycles.

This, taken as true, deprives the project of the postmodern economy of any goal; the only aim of the project appears to be only self-sustaining, i.e. infinite extensive growth and modification.

However, the approaching fourth industrial revolution, associated, as we believe, with the automation of the production of material goods, information, including scientific knowledge, and cultural artefacts through the generation of autonomous, active, conscious agents will devalue most of the economically significant functions of the average person [3, p. 77-78]. This, as it seems, will lead to the need to develop the economic project of metamodern, the basis of which will be something different from buying and selling [3, p. 79], to replace the project of the postmodern economy.

As a solution to building an alternative project to that of the postmodern era, as well as to forming a comprehensive social project of metamodern, we consider the use of metamodernism as a framework concept into which the socio-political programmes of modern branches of thought, such as, for example, technological posthumanism, should be embedded.

Thus, incorporating the ideas of technological posthumanism into metamodernism leads to the addition number of provisions of the concept to the realisation of existential risks for humanity and life on Earth as economic collapse, atomic war and destructive cosmic phenomena [9], as well as the possibility of achieving the ideal of a man-made posthuman capable of eliminating these risks and becoming a guarantor of long-term preservation of humanity [9].

As we believe, the contemporary social programmes of various currents of thought allow, being embedded in the framework of metamodernism, will form a comprehensive programme to reach, among other things, the ideal of a multipolar world.

Conclusion. As it has been shown, metamodernism can indeed act as a framework concept for comprehension and, if coherently filled with the ideas of modern currents of thought, for the realisation of the project of the multipolar world.

Russia is one of the most important actors in the political arena as, on the one hand, a strong supporter of a multipolar world and as a centre of reception, comprehension and development of the ideas of metamodernism.

Thus, we believe that the dialog of equal subjects, capable of both agreeing and taking opposite positions, but aware of their fundamental unity, expressed in the similarity of human nature and universal values, the establishment of planetary thinking as a universal, consolidation of humanity's forces for the transforming society pursuit of an ideal, perhaps unattainable, can be realized by combining enriched ideas of metamodernism and the trend towards multipolarity in the political arena within the framework of the metamodern era.

Список использованной литературы:

1. *ван ден Аккер Р.* Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер: пер. с англ. В.М. Липки; вступит. ст. А.В. Павлова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 342 с. – (КАИROS).
2. *Вермюлен Т., ван ден Аккер Р.* Заметки о метамоде́рнизме. / Пер. Андрей Еспиенко. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 20.04.2023)
3. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. / Н. Винер; Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
4. Выступление Владимира Путина на пленарном заседании "Валдая". Полный текст. // Интерфакс. 05.10.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/924349> (дата обращения: 1.12.2023)
5. *Горюнов В.* Заметки о культуре и новой чувственности. / В. Горюнов. 2017. URL: <https://metamodernizm.ru/about-culture-and-new-sense/> (дата обращения: 11.11.2023)
6. *Де Глиниасти Ж.* Многополярный мир и глобальная культура. / Ж. Де Глиниасти. // Международные Лихачевские научные чтения. 2011. URL:

https://www.lihachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/20_Dip_progr_2011.pdf
(дата обращения: 09.12.2023)

7. *Дьяконов Г.В.* Концепция диалога М.М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии. / Г.В. Дьяконов. 2010. URL: <http://hpsy.ru/public/x2780.htm> (дата обращения: 09.12.2023).

8. *Заньковский А.В.* Время твёрдых медуз: Метамодерн, который мы заслужили. / А.В. Заньковский. 2021. URL: <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/> (дата обращения: 13.12.2023)

9. *Зиммерман М.* Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме. / М. Зиммерман. URL: <https://integraltranslations.wordpress.com/2011/11/06/zimmerman-religiousmotifsposthumanism/> (дата обращения: 27.11.2023).

10. *Кожевников Н.Н., Пашкевич Н.Л.* Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты. / 8. Н.Н. Кожевников, Н.Л. Пашкевич. // Вестник СВФУ, №3, 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glokalizatsiya-kontseptsii-harakternyye-cherty-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 11.12.2023).

11. *Лазарев В.В.* Соборность. / В.В. Лазарев. // Новая философская энциклопедия в 4 тт. / Под редакцией В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001. – Т. Н-С. – С. 580-581.

12. Михаил Швыдкой: В иерархии приоритетов последних 15 лет политические интересы серьезно потеснили экономические амбиции // Российская газета. 11.07.2023. URL: <https://rg.ru/2023/07/11/kultura-v-mnogopoliarном-mire.html> (дата обращения 10.12.2023).

13. *Организация Объединённых Наций.* Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : принята Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 02.12.2023)

14. *Павлов А.В.* Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. / А.В. Павлов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 560 с.

15. *Романов А.А.* ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕГЕМОНИЯ США: ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА. / А.А. Романов // Вестник УМЦ, №4 (37), 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-gegemoniya-ssha-period-poluraspada> (дата обращения: 10.12.2023).

16. *Торкунов А.В.* Современные международные отношения. / А.В. Торкунов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 584 с.

17. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. / Ф. Фукуяма: Пер. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2015. – 259 с.

Об авторах: БЕЛОУСОВ Илья Леонидович – студент третьего курса бакалавриата, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, email: 1032216173@rudn.ru

About the authors: BELOUSOV Ilya Leonidovich – third year undergraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, email: 1032216173@rudn.ru

ЭТИКА ЭКСПЕРИМЕНТОВ НА ЛЮДЯХ

Бошняков С.А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

ETHICS OF EXPERIMENTS ON HUMANS

S.A. Boshnyakov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Аннотация: Автор в данной статье рассматривает проблему этики экспериментов на людях. Автор рассматривает основные этические принципы, которыми руководствовались исследователи при проведении экспериментов на людях, принимая во внимание согласие и осведомленность субъектов исследования, а также полезность эксперимента для общества. В контексте глобализации этот вопрос важен, поскольку соблюдение этических норм при проведении экспериментов на людях имеет решающее значение как на национальном, так и на международном уровнях. Учет культурных различий участников и экспериментаторов необходим для обеспечения безопасности, конфиденциальности и справедливости таких экспериментов. Этические нормы и стандарты также должны соблюдаться для поддержания общественного доверия к научным исследованиям.

Abstract: The author in this article examines the problem of the ethics of experiments on humans. The author examines the basic ethical principles that guided the researchers when conducting experiments on humans, taking into account the consent and awareness of the subjects of the study, as well as the usefulness of the experiment for society. In the context of globalization, this issue is important because adhering to ethical norms in conducting experiments on humans is crucial both at the national and international levels. Considering the cultural differences of participants and experimenters is necessary to ensure the safety, confidentiality, and fairness of such experiments. Ethical norms and standards must also be upheld to maintain public trust in scientific research.

Введение. Актуальность тематики. История экспериментов на людях имеет долгую и сложную историю, которая прошла через различные стадии развития и эволюции. Процесс проведения экспериментов на людях начался задолго до современной эпохи и вызвал множество моральных, этических и

порой юридических вопросов. С самого начала человечеству было необходимо экспериментировать на себе для выживания. Необходимо знать, какие животные агрессивны, какие ядовиты, а какие безвредны. То же самое относилось к растениям и грибам. В некоторых случаях можно было наблюдать за поведением животных, но иногда было проще и быстрее проверить это на ком-то из племени. В различных научных областях, таких как медицина, психология и физиология, проведение экспериментов на людях стало неотъемлемой частью процесса исследования.

Ранние эксперименты. Одни из самых ранних примеров экспериментов на людях можно найти в исследованиях Гиппократов, когда он наблюдал и документировал клинические симптомы и результаты лечения пациентов [1]. В Новое время врачи и их помощники, известные как "анатомы", иногда прибегали к грабежу могил. Основной причиной этого был недостаток доступных анатомических материалов для научных исследований. В то время анатомия была относительно неизведанной областью медицины, и знания о структуре человеческого организма были жизненно важны для развития медицинской науки и практики. Однако получить доступ к телам для изучения было не просто. Тела были доступны только из тюрем или исправительных учреждений, и даже такая практика была не везде. В Германии анатомам был легально предоставлен доступ к телам неизвестных умерших, которые не были забраны родственниками. Во Франции и Испании тела были недоступны. Из-за таких ограничений многие врачи и анатомы прибегали к незаконным практикам, таким как грабеж могил, чтобы обеспечить себя материалами для исследований. Они формировали небольшие группы и под покровом темноты проникали в церкви или кладбища, чтобы украсть свежие трупы. С течением времени ситуация начала меняться. С появлением официально регулируемых мест для изучения анатомии, таких как медицинские университеты и анатомические институты, потребность в грабеже тел уменьшилась. В 1832 году в Великобритании был принят Закон об анатомии, который позволил анатомам иметь доступ к телам людей,

добровольно согласившихся участвовать в таких экспериментах. Это был первый закон, регулирующий добровольность участия в таких экспериментах [2].

Нюрнбергский кодекс. После окончания Второй мировой войны мировому сообществу стало известно о деталях экспериментов, проводимых немцами и японцами на оккупированных территориях. Эти эксперименты часто были направлены на создание сверхчеловека. Однако были и эксперименты, направленные на получение конкретных медицинских результатов. И здесь возникает вопрос - можно ли использовать результаты этих экспериментов или следует отвергнуть их? Нацисты в лагерях смерти совершили медицинские прорывы, такие как плазмаферез (очищение крови от токсинов, используемое при лечении инсультов), сульфаниламиды (искусственные антибиотики), нервы в мозжечке (если мозжечок остается сухим во время гипотермии или гипертермии, человек выживет), а также продвинулись в лечении бесплодия [3].

В связи с ужасами этих экспериментов в 1947 году был утвержден "Нюрнбергский кодекс" – первый международный документ, регулирующий этические и юридические нормы при медицинских и биологических исследованиях, проводимых на людях. Кодекс состоит из десяти основных принципов [4]:

1. Добровольное согласие субъекта исследования является абсолютно необходимым.
2. Эксперимент должен принести плодотворные результаты во благо общества, которые невозможно получить другими методами или средствами.
3. Эксперимент должен быть разработан и проведен на основе результатов животных экспериментов и тщательного знания предмета.
4. Эксперимент должен избегать всех ненужных физических и психических страданий и травм.

5. Никакой эксперимент не должен быть проведен, если есть предварительные основания полагать, что это может привести к смерти или тяжелой травме.

6. Степень риска, которую следует принять, никогда не должна превышать уровень, определенный гуманитарной важностью проблемы, которую должен решить эксперимент.

7. Необходимо сделать все необходимые подготовки и обеспечить достаточные условия для защиты испытуемого от даже отдаленных возможностей травм, увечий или смерти.

8. Эксперимент должен проводиться только научно квалифицированными лицами.

9. Субъекту должна быть предоставлена свобода прекратить эксперимент, если он достиг физического или психического состояния, когда продолжение эксперимента кажется невозможным.

10. В течение эксперимента субъекту должна быть предоставлена свобода отозвать свое согласие в любое время, если он или она этого желает.

Заключение. Эксперименты на людях все еще являются важной частью медицинских исследований и имеют актуальное значение. Эксперименты на людях играют ключевую роль в разработке и испытании новых препаратов, процедур и технологий. Они позволяют оценить эффективность и безопасность новых методов в медицине перед широким внедрением. Такие исследования помогают выявить новые способы борьбы с различными заболеваниями, улучшить результаты лечения и повысить качество жизни пациентов. Эксперименты на людях способствуют углублению нашего понимания различных заболеваний и их основных механизмов. Проводимые на добровольных участниках исследования позволяют изучать различные физиологические, генетические и психологические аспекты заболеваний, способствуя разработке новых методов диагностики. Важно отметить, что каждый отдельный индивидуум является уникальным, и эксперименты на людях помогают проверить, как разные группы пациентов реагируют на

конкретные лекарственные препараты и процедуры. Это позволяет разработать более индивидуализированные и эффективные подходы к лечению, учитывая различия в генетических предрасположенностях, образе жизни и других факторах, связанных со здоровьем. В борьбе с редкими и сложными заболеваниями эксперименты на людях могут быть особенно ценными при изучении болезней, о которых доступны минимальные данные, или отсутствуют полностью. Использование человеческих испытуемых позволяет определить причины и механизмы таких заболеваний и разработать новые подходы не только к их лечению, но и к их профилактике.

Introduction. Relevance of the article. The history of human experimentation has a long and complex history that has gone through various stages of development and evolution. The process of conducting experiments on humans began long before the modern era and has raised many moral, ethical, and sometimes legal questions. From its inception, humanity has needed to experiment on itself for survival. It was necessary to know which animals were aggressive, which were poisonous, and which were harmless. The same applied to plants and mushrooms. Sometimes, it was possible to observe animal behavior, but sometimes it was easier and faster to test on someone from the tribe. In various fields of science, such as medicine, psychology, and physiology, conducting experiments on humans became an integral part of the research process.

Early experiments. One of the earliest examples of human experimentation can be found in the studies of Hippocrates, where he observed and documented clinical symptoms and treatment outcomes of patients [1]. In the modern era, physicians and their assistants, known as "anatomists," sometimes resorted to grave robbing. The main reason for this was the lack of available anatomical materials for study and scientific research. Anatomy was a relatively unexplored area of medicine, and knowledge of the human body's structure was vital for the development of medical knowledge and practice. However, gaining access to bodies for study was difficult. Bodies were only available from prisons or judicial correctional

institutions, and even then, it was not always the case everywhere. In Germany, anatomists legally had access to the bodies of the unknown deceased who were unclaimed. In France and Spain, bodies were inaccessible. Because of such limitations, various doctors and anatomists resorted to illegal practices, such as grave robbery, to provide themselves with research materials. They formed small groups and, under the cover of darkness, infiltrated churches or cemeteries to steal fresh corpses. Over time, the situation changed. With the emergence of officially regulated places for studying anatomy, such as medical universities and anatomical institutes, the need for body theft diminished. In 1832, the Anatomy Act was issued in Great Britain, which allowed anatomists access to the bodies of individuals who had voluntarily consented to take part in such experiments. This was the first act to regulate the voluntariness of participation in such activities [2].

The Nuremberg Code. After World War II, the details of experiments conducted by the Germans and Japanese on occupied territories became known to the global community. These experiments were often aimed at creating a superhuman. However, there were also experiments aimed at obtaining specific medical results. And here arises the question for everyone - can we use the results, or should we reject them? The Nazis in the death camps discovered medical breakthroughs such as plasmapheresis (blood toxin purification, used in stroke treatment), sulfonamides (artificial antibiotics), the nerves in the cerebellum (if the cerebellum remains dry during hypothermia or hyperthermia, the person will survive), and advancements in treating infertility [3].

In connection with the atrocities of these experiments, the "Nuremberg Code" was established in 1947 – the first international document regulating ethical and legal norms during medical and biological research on humans. The code comprises ten fundamental principles, the main ones being [4]:

1. Voluntary consent of the human subject is essential.
2. The experiment should yield fruitful results for the good of society, unprocurable by other methods or means.

3. The experiment should be designed and conducted based on the results of animal experimentation and a thorough knowledge of the subject.

4. The experiment should avoid all unnecessary physical and mental suffering and injury.

5. No experiment should be conducted where there is a prior reason to believe that death or disabling injury will occur.

6. Risk to be taken should never exceed that determined by the humanitarian importance of the problem to be solved by the experiment.

7. Proper preparations should be made and adequate facilities provided to protect the experimental subject against even remote possibilities of injury, disability, or death.

8. The experiment should be conducted only by scientifically qualified persons.

9. The subject should be at liberty to bring the experiment to an end if he or she has reached the physical or mental state where continuation of the experiment seems to him or her to be impossible.

10. During the experiment, the human subject should be at liberty to withdraw consent at any time if he or she so desires.

Conclusion. Experiments on humans are still an important part of medical research and have current significance. Human experiments play a key role in the development and testing of new drugs, procedures, and technologies. They allow for the evaluation of the effectiveness and safety of new medical methods before wide implementation. Such research can help identify new ways to combat diseases, improve treatment outcomes, and enhance patients' quality of life. Human experiments help deepen our understanding of various diseases and their underlying mechanisms. Studies conducted on voluntary participants enable the investigation of various physiological, genetic, and psychological aspects of diseases, contributing to the development of new diagnostic methods. It is also important to note that each individual is unique, and human experiments help confirm how different patient groups respond to specific drugs and procedures. This allows for the development

of more individualized and effective approaches to treatment, considering differences in genetic predispositions, lifestyle, and other health-related factors. In the fight against rare and complex diseases, human experiments can be valuable in studying conditions for which there is minimal or no available data. Using human subjects can help determine the causes and mechanisms of such diseases and develop new approaches not only for their treatment but also for prevention.

Список использованной литературы:

1. Downes, T.G. "The Anatomy Act of 1832: Its Place in the Social History of Medicine." *Bulletin of the History of Medicine*, 1954. DOI: 10.1353/bhm.1954.0035.
2. Farrington, B. (1952). *The Medical Works of Hippocrates* A new translation from the original Greek made especially for English readers by the collaboration of John Chadwick and W. N. Mann. Pp. vii + 301. Oxford: Blackwell. 20s. *The Journal of Hellenic Studies*, 72, 132–133. doi:10.2307/628019.
3. Foster, C. (2001). *The Ethics of Medical Research on Humans*. Cambridge University Press. ISBN: 0521641969.
4. "The Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation".

Об авторе: БОШНЯКОВ Сергей Александрович – студент второго курса философии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, e-mail: Sergejbosnakov@gmail.com

About the author: BOSHNYAKOV Sergey Alexandrovich – second year student of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, e-mail: Sergejbosnakov@gmail.com

**ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

Волченкова А.В.

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города
Москвы «Школа № 1793 имени Героя Советского Союза А.К. Новикова»,
Москва

**OPPORTUNITUES TO IMPROVE THE RUSSIAN EDUCATION
SYSTEM IN THE POSTMODERN REALITY CONDITIONS**

A.V. Volchenkova

State school of Moscow "School No. 1793 named after Hero of the Soviet Union
A.K. Novikova", Moscow

Аннотация: Цель образования сейчас состоит в том, чтобы позволить учащимся создавать свою собственную идентичность, нести ответственность за свои знания, информацию и получать их в удобное для них время. Что более важно, так это повышение уровня обучения на основе опыта, интерактивного обучения и обучения, ориентированного на учащихся.

Система образования в России претерпела ряд изменений в связи со сложной политической ситуацией. Санкции и запреты повлияли на ключевые аспекты организации российской структуры высшего образования: выход из Болонской системы. Некоторые образовательные платформы и сервисы стали недоступны российским школьникам. По данным Global Challenges, современные российские студенты столкнулись с проблемой сдачи международных экзаменов [1]. В середине марта 2022 года все организации, осуществляющие аккредитацию Центра приема экзамена IELTS (Британский Совет и IDP), приостановили регистрацию на экзамен в России [1]. Официально сдать IELTS и получить результаты на территории Российской Федерации на данный момент невозможно.

Все вышеперечисленные ограничения противоречат принципам образования в постмодернистской системе подходов и принципов. Соответственно, на данном этапе необходимо создать качественные условия для получения всеми гражданами Российской Федерации надлежащего уровня образования.

Abstract. The aim of education now is to allow students to construct their own identities, to be responsible for their own knowledge, information and receive it at their own convenience. What is more important is raising of experiential learning, active learning and student-centered learning.

The education system in Russia has undergone a number of changes due to the difficult political situation. Sanctions and prohibitions influenced key aspects of the organization of the Russian higher education structure. (Exit from the Bologna system). Some educational platforms have become unavailable to Russian schoolchildren. According to Global challenges modern Russian students have faced the problem with international exams [1]. In mid-March 2022, all organizations providing accreditation by the IELTS exam Admission Center (British Council and IDP) suspended registration for the exam in Russia. It is currently impossible to officially pass IELTS and get results on the territory of the Russian Federation [1]. All of the above restrictions contradict the principles of education in the post-modern system of approaches. Accordingly, at this stage it is necessary to create high-quality conditions for all citizens of the Russian Federation to receive proper education.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, современный подход образование, среднее образование, высшее образование, развитие образования, обучение, философия образования, культура образования, решение проблемы, пути решения проблемы.

Keywords: postmodernism, modern approach to education, secondary education, higher education, educational development, training, philosophy of education, culture of education, problem solving, ways to solve problems.

Актуальность: Философия и образование были связаны друг с другом на протяжении многих лет. Философия образования как отдельная отрасль философии является важным объектом изучения. Философия образования объясняет, как развиваются образовательные теории. Философия закладывает основу для развития всей системы образования.

Исключительное значение для исследований имеет влияние философских эпох на образование. Изменение взглядов на жизнь в зависимости от конкретной эпохи, безусловно, накладывает отпечаток на формирование концепций образования. Можно сделать вывод, что определенные изменения происходили в образовании под влиянием системы мышления. Наблюдается зависимость образовательной траектории от

парадигмы мышления общества. Также существует и обратная зависимость философии образования от потребностей педагогики в определенный период времени [2].

Образование – это процесс обучения на протяжении всей жизни, который может совершенствоваться в бесконечном разнообразии обстоятельств и содержания. Образование и изменения в обществе, а, следовательно, и социокультурные ценности тесно связаны между собой. Процесс получения образования может включать в себя процесс воспитания. Образование служит интересам личности и общества, сохраняя культуру и развивая способность новых поколений ее развивать и приумножать [3].

Рассмотрим современную эпоху. Нынешний период в истории многие называют эпохой постмодерна (или «постмодернизма»). Процесс образования в эпоху постмодерна приобретает новую оболочку. Цель образования сейчас состоит в том, чтобы позволить учащимся создавать свою собственную идентичность, нести ответственность за свои знания, информацию и получать их в удобное для студентов время. Знания – это относительная сетка понятий, содержание которой определяется посредством других понятий и существует только в определенном контексте. Единственный способ получить полноценные знания – это системный подход [4].

Процесс образования невозможно рассмотреть изолированно от культуры времени [5]. В каждый временной период на первом месте в образовании были разные ценности и приоритеты. Культура и образование имеют неразрывную связь: одно невозможно без другого. Существует мнение, что культуры и временные периоды можно разделить на три типа: инструментальные культуры, технократия и технополия [6] На данный момент в мире можно встретить все три типа культуры, однако, первый встречается довольно редко и является, скорее, экзотикой.

Рассмотрим систему образования Российской Федерации с точки зрения такого культурного периода как технополия. Образовательный процесс стал технологичным процессом. В мегаполисах образование стало неотделимо от

технологий, а кое-где даже от технологий искусственного интеллекта. Образовательные платформы позволяют обучающимся получать знания практически непрерывно из любой точки мира. Философские принципы эпохи постмодерна (ответственность за свои знания, информацию и получение их в удобное время) отражены в технополии образования.

Исследовательская проблема: Система образования в России претерпела ряд изменений в связи со сложной политической ситуацией. Введенные против Российской Федерации санкции и запреты повлияли на ключевые аспекты организации российской системы образования:

- выход России из Болонской системы образования
- некоторые образовательные платформы стали недоступны российским школьникам. Международные онлайн сервисы ограничили доступ российским пользователям.
- официально сдать IELTS и получить результаты на территории Российской Федерации на данный момент невозможно.

Данные ограничения не отражают концепцию постмодернистской системы подходов и принципов в образовательном процессе.

В эпоху современности важно обеспечить качественные условия для получения всеми гражданами Российской Федерации образования на достойном и конкурентноспособном уровне. Важно отметить ряд нововведений, которые уже применяются в современной структуре образования: курс внеурочной деятельности «Разговоры о важном», профориентационные уроки «Россия — мои горизонты» и одна из составляющих курса «Билет в будущее». Эти курсы внедрены в систему среднего общего образования российских школ.

Изменения также происходят и в организации среднего специального и высшего образования. Новая национальная система образования будет предусматривать три варианта образования. На смену бакалавриату придет базовое высшее образование, программа будет осваиваться за четыре-шесть лет. Степени магистра, ординатуры и ассистента будут заменены профильным

высшим образованием, на получение которого уйдет от одного до трех лет, при этом аспирантуру планируется сохранить только по некоторым направлениям. Программа будет освоена за четыре года.

Изучая систему образования в разрезе культурного периода – технополии и философии постмодернизма возможны следующие варианты решения сложившихся проблем:

- новая система высшего образования, которая будет выстраиваться постепенно, должна ориентироваться на потребности современного поколения и обеспечивать право выбора специальности и возможность ее смены на любом уровне получения образования, при этом у абитуриентов должно остаться право выбора направления обучения и поступления на конкурсной основе (по рейтингу) в несколько высших учебных заведений страны;

- поддержка стартапов молодых специалистов по разработке образовательных платформ должна стать основным решением проблемы с образовательными интернет – ресурсами. Изменение в законе Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах" и разрешении копирования программ недружественных государств с последующим игнорированием авторских прав на санкционированные программы может облегчить создание похожих качественных платформ для обучения и создания образовательного контента.

- предоставление молодым специалистам в сфере программирования качественных программ по обмену опытом с более прогрессивными в сфере разработки образовательных ресурсов компаниями и странами может облегчить создание похожих качественных платформ для обучения, предоставляющих новый современный образовательный контент.

- разработка Государственного экзамена по английскому языку, результаты которого могут быть эквивалентны результатам международного экзамена IELTS должна повысить интерес к изучению иностранного языка и

дать возможность выстраивать новые отечественные образовательные траектории внутри страны.

Выводы: Построение новой качественной системы высшего образования в России возможно, так как многие педагогические методики и технологии могут быть заимствованы у советской системы. Современные образовательные стандарты, подкрепленные постмодернистскими идеалами в совокупности с классической формой образования, могут претендовать на роль одних из самых качественных и продуманных подходов к обучению. Выбор соответствующего профиля должен быть возложен на обучающегося. В процессе получения высшего образования у студента должна быть возможность его изменения на более подходящий. Важно понимать, что в этом случае образовательные учреждения будут предлагать широкий выбор, проводя профориентационные мероприятия для обучающихся.

Обеспечение международного обмена опытом и взаимное сотрудничество с более прогрессивными в вопросах образовательного контента странами, поможет обеспечить быструю и качественную замену иностранных образовательных интернет платформ и сервисов.

Академический вариант English State Exam/Экзамена по английскому языку, который будет приравнен к письменному IELTS, может способствовать появлению возможности дальнейшего политического взаимодействия России с дружественными странами согласно следующим этапам:

- первый шаг: признание результатов на территории России;
- второй шаг: договоренность с Беларусью о принятии экзамена в качестве международного сертификата о владении иностранным языком;
- третий шаг: признание экзамена на знание русского как иностранного языка в странах Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [7], БРИКС [8], Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [9].

Сертификат должен давать российским студентам и студентам других стран, согласившимся следовать правилам экзамена, возможность поступления в ВУЗы по всему миру.

На данный момент такое развитие событий является маловероятным и практически невозможным, так как экзамен должен быть призван международным сообществом. Поэтому основным этапом, реализация которого будет осуществляться на территории Российской Федерации, может стать разработка и проведение академического варианта English State Exam/Экзамена по английскому языку, который будет приравнен к письменному IELTS, для облегчения поступления в ВУЗы на территории Российской Федерации.

Relevance: Philosophy and education have been linked to each other for many years. The philosophy of education as a separate branch of philosophy is an important object of study. The philosophy of education explains how educational theories evolve. Philosophy lays the foundation for the development of the entire educational system.

The influence of philosophical epochs on education has exceptional importance for research. Changing views on life depending on a particular era leaves a footprint in the formation of educational concepts. It can be concluded that certain changes occurred in education under the influence of the system of thoughts. The dependence of the educational theories on the paradigm of society's thinking is observed. There is also an inverse dependence of the philosophy of education on the needs of pedagogy in a certain period [2].

Education is a lifelong learning process that can be improved in an infinite variety of circumstances and content. Education and changes in society, and socio-cultural values are closely linked to each other. The process of getting an education may include the process of upbringing. Education serves the interests of the individual person and society, preserving culture and developing the ability of new generations to develop and multiply it [3].

Considering the modern era. Many people call the present time the postmodern era. Education in the postmodern era undergoes a transformative shift in vision. The goal of education now is to allow students to create their own identity, be responsible for their own knowledge, information, and receive it at their own pace. Knowledge is a relative grid of concepts, the content of which is determined by other concepts and exists only in a certain context. The only way to acquire full-fledged knowledge is through a systematic approach [4].

The process of education cannot be considered in isolation from the culture of the exact period [5]. In each time period, different values and priorities were in the first place in education. Culture and education are inextricably linked: one is impossible without the other. There is an opinion that cultures and time periods can be divided into three types: instrumental cultures, technocracy and technopoly [6]. At the moment, all three types of culture can be found in the world. However, the first one is quite rare and is rather exotic.

Let us consider the educational system of the Russian Federation from the point of view of such a cultural period as technopoly. The educational process has become a technological process. Education has become inseparable from technology, and in some places, even from artificial intelligence technologies. Educational platforms currently allow students to gain knowledge almost continuously from anywhere in the world. The philosophical principles of the postmodern era (responsibility for one's knowledge, information and getting it at a convenient time) are reflected in the technopoly of education.

Research problem: The educational system in Russia has undergone several changes because of the difficult political situation. The sanctions and prohibitions imposed against the Russian Federation have affected key aspects of the organization of the Russian educational system:

- Russia's withdrawal from the Bologna education system;
- some educational platforms have become inaccessible to Russian schoolchildren. International online services have restricted access to Russian users;

Currently, there is no official way to take the IELTS exam and receive results in Russia.

These limitations do not reflect the concept of a postmodern system of approaches and principles in the educational process.

In the modern era, it is important to provide high-quality conditions for all citizens of the Russian Federation to receive education at a decent and competitive level. Several innovations are already being implemented in the modern education system, including the extracurricular activity course "Talking about important things", career guidance lessons "Russia — my horizons", and a component of the course "Ticket to the future". These courses have been introduced into the system of secondary general education in Russian schools.

Changes are also occurring in the organization of secondary specialized and higher education. There will be three educational options available in the new national education system. The bachelor's degree will be replaced by basic higher education; the program will be mastered in four to six years. Master's, residency and assistant degrees will be replaced by specialized higher education, which will take from one to three years to get, while postgraduate studies are planned to be maintained only in some areas. The program will be completed in four years.

Studying the education system in the cultural period – technopoly and the philosophy of postmodernism, the following solutions to the existing problems are possible:

- the new system of higher education, which will be built gradually, should be guided by the needs of the modern generation and ensure the right to choose a specialty and the possibility of changing it at any level of education, while applicants should have the right to choose the direction of study and admission competitively (by rating) to several higher educational institutions of the country;

- support for start-ups of young specialists in the development of educational platforms should be the main solution to the problem of educational Internet resources. A change in the law of the Russian Federation "On Copyright and Related Rights" and the permission to copy programs from unfriendly states, followed by

ignoring copyrights to allowed programs, can facilitate the creation of similar high-quality platforms for learning and creating educational content.

- providing young programming professionals with high-quality experience exchange programs with more progressive companies and countries in educational resources awareness can facilitate the creation of similar high-quality platforms for learning and creating educational content.

- the development of a State English exam, the results of which can be equivalent to the results of the international IELTS exam, should increase interest in learning a foreign language and make it possible to build new domestic educational platforms within the country.

Conclusions: The construction of a new high-quality higher education system in Russia is possible, since many pedagogical techniques and technologies can be borrowed from the Soviet system. Modern educational standards, supported by postmodern ideas in combination with the classical form of education, can claim to be one of the highest quality approaches to learning. The choice of the profile should be given to the student. In the process of obtaining higher education, a student should be able to change it to a more suitable one. It is important to understand that, in this case, educational institutions will offer a wide range of choices, conducting high-quality career guidance activities for students.

Ensuring international exchange of experience and cooperation with countries that are more progressive in terms of educational content awareness will help ensure high-quality and rapid replacement of foreign educational Internet platforms and services.

The academic version of the English State Exam/The English language exam, which will be equated to the written IELTS, may provide an opportunity for further political interaction between Russia and friendly countries according to the following stages.

- first step: recognition of results in Russia;
- second step is to establish a mutual agreement with Belarus to acknowledge the exam as an internationally recognized foreign language proficiency certification.

- third step: recognition of the exam for knowledge of Russian as a foreign language in the countries of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) [7], BRICS [8], and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) [9].

The certificate should give Russian students and students from other countries who have agreed to follow the exam rules the opportunity to enroll in universities around the world.

At this stage, such development is unlikely and practically impossible, since the exam should be called by the international community. Therefore, the main stage that can be provided on the territory of the Russian Federation may be the development of the academic version of the English State Exam/The English language exam, which will be equated to the written IELTS, to facilitate admission to universities for Russian citizens in the Russian Federation.

Список использованной литературы:

1. В России приостановили регистрацию на все экзамены IELTS // Ведомости. – 2022./ [Электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/03/21/914434-v-rossii-priostanovili-registratsiyu-ielts/>
2. Худякова, Н.Л. Философия и развитие образования: учеб. пособие / Х 98 Н.Л. Худякова. – Челябинск: изд-во ЧГПУ, 2009.
3. Samuel Aloysius Ekanem. Philosophy of Education: A Brief Analysis from Modernist and Post-Modernist Perspective // Jurnal Ilmu Sosiologi Dialektika Kontemporer Vol. 9, No. 2, Juli-Desember 2021.
4. Shelina Bhamani., Zulfiqar Ali Mehar. EDUCATION: FROM PRE-MODERN TO POST MODERN AND TO GLOBALIZATION – A BRIEF REVIEW // PAKISTAN BUSINESS REVIEW APRIL 2014.
5. Чжан Цзин. Основные характеристики межкультурной коммуникации в системе Высшего Образования: статья – 2020.
6. Яхно В. Н. Философия техники: учебное пособие, электронно – методический документ/ ГГТУ им. П. О. Сухого – 2015.
7. Договор о коллективной безопасности./ от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) – 1992.

8. БРИКС./ [Электронный ресурс] – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/
9. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)./ [Электронный ресурс] – URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10325/>

Об авторах: ВОЛЧЕНКОВА Александра Викторовна – учитель, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1793 имени Героя Советского Союза А.К. Новикова», e-mail: volchenkova.a.v@lyc1793.ru

About the authors: VOLCHENKOVA Alexandra Victorovna – teacher, State school of Moscow “School No. 1793 named after Hero of the Soviet Union A.K. Novikova”, e-mail: volchenkova.a.v@lyc1793.ru

УДК: 130.2:327

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ИКТ

Джавад О.В.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

INTERPRETATION PECULIARITIES OF NATIONAL SECURITY CULTURE IN THE ICT SPHERE

O.V. Dzhavad

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Аннотация: Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) стали неотъемлемой частью современного общества. Их быстрое развитие и повсеместное внедрение влияют на все сферы человеческой деятельности, включая национальную безопасность. Инновации в области ИКТ предоставляют новые возможности, но также создают новые угрозы, которые государства должны преодолевать. Это порождает необходимость формирования соответствующей культуры национальной безопасности в сфере ИКТ. Интерпретация культуры национальной безопасности в контексте ИКТ имеет некоторые особенности по сравнению с классическим ее пониманием, фокусирующимся на военной мощи. Таким образом, традиционные модели национальной политики безопасности, ориентированные на защиту государственного суверенитета с помощью военной мощи, нуждаются в переосмыслении для информационной эпохи. ИКТ распространяются в обществе таким образом, при котором требуются более тонкие, согласованные и этически обоснованные подходы к работе государственного и частного секторов. Современная интерпретация культуры национальной безопасности должна будет адаптироваться к меняющимся реалиям глобальной цифровой экосистемы.

Abstract. Information and communication technologies (ICT) have become an integral part of modern society. Their rapid development and widespread adoption affect all areas of human activity, including national security. ICT innovations provide new opportunities but also pose new threats that nations must address. This creates the need to develop an appropriate national security culture in the ICT sphere. The interpretation of national security culture in the context of ICT has some peculiarities compared to traditional understandings focused on military power. Thus, traditional models of national security culture focused on protecting state

sovereignty with military might need rethinking for the information age. ICT permeates societies in ways that require more nuanced, cooperative and ethically-informed approaches across the public and private sectors. Ongoing interpretation of national security culture will need to adapt to the evolving realities of the global digital ecosystem.

Ключевые слова: культура национальной безопасности, кибербезопасность, ИКТ, политическая культура, культурные особенности, интерпретация культуры.

Keywords: national security culture, cyber security, ICTs, political culture, cultural specificities, interpretation of culture.

Введение. Особенности интерпретации культуры национальной безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) весьма запутаны, поскольку в них переплетаются технологические, культурные и политические аспекты. Культура национальной безопасности относится к установкам, ценностям и практикам, которые государство принимает для защиты своих граждан, институтов и информации от потенциальных угроз безопасности, особенно в цифровой сфере [10].

Эта статья посвящена проблемам интерпретации культуры национальной безопасности в сфере ИКТ. Понятие культуры национальной безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) включает в себя широкий спектр практик, убеждений и норм, которые представители конкретного национального государства принимают для защиты своего суверенитета, территориальной целостности и благосостояния своих граждан от киберугроз. В эпоху повсеместного распространения глобальной коммуникации крайне важно понимать и интерпретировать особенности культуры национальной безопасности в сфере ИКТ [10].

Прежде всего, мы готовы выделить наиболее яркие противоречия в этой сфере и более подробно остановиться на мысли об актуальности подобной темы [7].

- Во-первых, угрозы в сфере ИКТ более сложны, неоднозначны и асимметричны. Кибератаки, хакерские атаки и информационные войны не укладываются в рамки обычных моделей угроз.

- Во-вторых, роль негосударственных субъектов гораздо выше. Частные технологические компании формируют информационные системы, а автономные хакерские сообщества могут соперничать с государственными возможностями.

- В-третьих, границы между внутренней и внешней сферами в киберпространстве более размыты. При этом угрозы легко преодолевают границы, и сотрудничество между государственным и частным секторами имеет решающее значение.

- В-четвертых, не существует международного консенсуса относительно норм и правил, регулирующих поведение государства на арене ИКТ. Разные страны имеют противоречивые взгляды на такие вопросы, как суверенитет Интернета [6].

- В-пятых, для создания устойчивой национальной ИКТ-инфраструктуры необходимы информированность населения и специализированные знания. Массовое поведение пользователей и человеческие ошибки играют большую роль в киберрисках [6].

- Наконец, этические нормы и принципы прозрачности заслуживают большего внимания в культуре национальной безопасности для ИКТ-среды. Цифровые системы усиливают проблемы, связанные с наблюдением, нарушением конфиденциальности и общественным контролем.

Эта проблема в основном сосредоточена на нескольких фундаментальных аспектах. Для начала давайте определим, что такое культура национальной безопасности в этом отношении. Культуру национальной безопасности в контексте ИКТ можно определить, как коллективное отношение, опыт и понимание внутри страны мер, необходимых для борьбы с множеством киберугроз [7]. Эта культура формирует политику,

нормативную базу и национальные стратегии, которые регулируют использование и защиту информационных систем.

Особенности интерпретации культуры национальной безопасности.

Особенности интерпретации в разных странах возникают на основе нескольких факторов [5]:

1. Исторический опыт: разные страны имеют уникальный исторический опыт, который определяет их подход к кибербезопасности. Например, страны, которые в прошлом сталкивались с масштабными кибератаками, могут занять более агрессивную и проактивную позицию в отношении киберзащиты [9].

2. Правовые и этические рамки: правовая структура каждой страны вносит свой вклад в особенности интерпретации. В то время как одни страны могут отдавать приоритет правам на неприкосновенность частной жизни даже перед лицом национальной безопасности, другие могут отдавать приоритет государственной безопасности в ущерб индивидуальным правам [9].

3. Экономические соображения: страны со значительными инвестициями в цифровую инфраструктуру склонны уделять особое внимание защите этих активов, таким образом, принимая более строгую культуру безопасности.

4. Политическая идеология: политическая идеология правительства страны может кардинально повлиять на культуру национальной безопасности. Авторитарные режимы могут интерпретировать необходимость контроля над ИКТ для поддержания политической стабильности, в то время как демократические страны могут интерпретировать безопасность скорее с точки зрения защиты свободы слова и информации [9].

5. Социальная динамика: осведомленность общества и восприятие киберугроз влияют на культуру национальной безопасности. Эта социальная динамика играет решающую роль в формировании коллективного ответа страны на киберугрозы и готовности общества к безопасному поведению в киберпространстве.

Современные вызовы в ИКТ среде. Культура национальной безопасности сталкивается с многочисленными проблемами в сфере ИКТ, такими как [8]:

- быстрое развитие технологий, опережающее принятие нормативных мер.
- растущая изоционность киберугроз, включая кибервойны, спонсируемые государством.
- проблемы конфиденциальности, вызванные расширением возможностей для осуществления слежки.
- дилеммы, касающиеся баланса между безопасностью и свободами, связанными с использованием Интернета [4].

Именно поэтому крайне важно поднять тему для обсуждения, содержащую перечень различных отличительных черт, характерных для работ широкого круга представителей научного сообщества, занимающихся подобными вопросами [3]. Вот некоторые ключевые моменты, которые в настоящее время могут всплыть в ходе дискуссий о культуре национальной безопасности в секторе ИКТ [3]:

- восприятие рисков – представители разных культур могут по-разному воспринимать угрозы национальной безопасности. Различия в восприятии могут повлиять на приоритеты в политике и практике обеспечения безопасности ИКТ [1].
- баланс между приватностью и безопасностью – часто возникает противоречие между сохранением приватности личности и обеспечением национальной безопасности. На интерпретацию этого баланса могут существенно влиять культурные ценности [1].
- киберсуверенитет – некоторые страны подчеркивают важность контроля над собственной цифровой инфраструктурой и данными, что может привести к принятию правил, в которых приоритет отдается национальной безопасности, а не глобальной функциональности [8].

- обмен информацией – готовность государства делиться информацией об угрозах кибербезопасности с другими странами или частным сектором может зависеть от его культуры национальной безопасности [2].

- нормативно-правовая база – законы и правила, которые страна принимает для обеспечения кибербезопасности, могут отражать ее базовую культуру национальной безопасности, включая отношение к роли правительства и частного сектора в ИКТ.

- образование и осведомленность – культурные подходы к образованию и повышению осведомленности о кибербезопасности могут определять, насколько граждане и рабочая сила страны подготовлены к противодействию угрозам ИКТ [2].

- государственно-частное партнерство – интерпретация культуры национальной безопасности может повлиять на степень и характер сотрудничества между правительством и индустрией ИКТ при решении проблем национальной безопасности.

- международное сотрудничество – глобальные нормы и рамки сотрудничества зависят от культуры коллективной безопасности государств-участников, что приводит к соглашениям или спорам в рамках международных действий по обеспечению кибербезопасности [2].

- инновации и контроль – между поощрением инноваций в секторе ИКТ и введением контроля для укрепления национальной безопасности может существовать компромисс, и различные культурные взгляды влияют на то, где будет достигнут этот баланс.

- доверие к технологиям – доверие к технологиям и организациям, предоставляющим услуги ИТ-решений, может существенно различаться в зависимости от культуры национальной безопасности, что потенциально может повлиять на внедрение и интеграцию технологий.

Глобальные усилия в сфере ИКТ. Учитывая, что киберугрозы не признают государственных границ, интерпретация и примирение различных национальных культур безопасности является сложной, но важной задачей.

Международное сотрудничество и разработка глобальных стандартов и лучших практик жизненно важны для преодоления разрыва между различными культурами национальной безопасности и обеспечения безопасной цифровой среды для всех.

Заключение. Интерпретация культуры национальной безопасности в сфере ИКТ сложна и сильно варьируется от страны к стране. По мере того как технический прогресс движется вперед, а международное сообщество становится все более взаимозависимым, тонкое понимание культурных основ, которыми руководствуется каждая страна в вопросах кибербезопасности, крайне необходимо для развития сотрудничества и создания надежной защиты от киберугроз завтрашнего дня. Интерпретация этих аспектов в каждой стране обусловлена ее уникальным историческим опытом, социально-экономическими условиями, геополитической ситуацией и стратегическими приоритетами. Понимание особенностей национальной культуры безопасности в сфере ИКТ крайне важно для международного диалога, разработки политики кибербезопасности и совместных усилий по повышению глобальной устойчивости ИКТ.

Introduction. The interpretation peculiarities of national security culture in the information and communications technology (ICT) sphere are intricate, given that they intertwine technological, cultural, and policy dimensions. National security culture refers to the attitudes, values, and practices that a nation adopts to protect its citizens, institutions, and information against potential security threats, especially in the digital realm [10].

This article is devoted to the problems in the interpretation of national security culture in the ICT sphere. The concept of national security culture within the realm of Information and Communication Technologies (ICT) encompasses a broad range of practices, beliefs, and norms that members of a particular nation-state adopt to protect their sovereignty, territorial integrity, and the well-being of their citizens against cyber threats. In an age where global connectivity is ubiquitous, a keen

understanding and interpretation of the peculiarities of national security culture in the ICT sphere is vital [10].

First and foremost, we are inclined to highlight the most vivid contradictions in this sphere and to dwell upon the idea about the relevance of such a topic [7]:

- Firstly, threats in the ICT sphere are more complex, ambiguous and asymmetric. Cyberattacks, hacking and information warfare do not fit neatly into conventional threat models.

- Secondly, the role of non-state actors is much greater. Private tech companies shape information systems and autonomous hacking communities can rival government capabilities.

- Thirdly, the boundaries between domestic and foreign spheres are more blurred in cyberspace. Threats easily cross borders and public/private sector cooperation is crucial.

- Fourthly, there is no international consensus on norms and rules regulating state behavior in the ICT arena. Different countries have conflicting visions on issues like Internet sovereignty [6].

- Fifthly, public awareness and specialized expertise are essential to developing a resilient national ICT infrastructure. Mass user behavior and human error play a big role in cyber risks [6].

- Finally, ethical norms and principles of transparency deserve greater emphasis in national security culture for the ICT environment. Digital systems amplify issues around surveillance, privacy violations and social control.

This problem mainly focuses on several fundamental aspects. To begin with let us define what national security culture is in this regard. National security culture in the context of ICT can be defined as the collective attitude, experiences, and understanding within a nation regarding the measures needed to combat the multitude of cyber threats [7]. This culture shapes policies, regulatory frameworks, and national strategies that govern the use and protection of information systems.

Interpretation peculiarities of the national security culture. Interpretation peculiarities in various countries arise based on several factors [5]:

1. Historical experiences: different nations have unique historical experiences that shape their approach to cyber security. For example, nations that have faced large-scale cyberattacks in the past may adopt a more aggressive and proactive stance towards cyber defense [9].

2. Legal and Ethical Frameworks: the legal fabric of each country contributes to the peculiarities of interpretation. While some nations may prioritize individual privacy rights even in the face of national security, others may prioritize state security at the expense of individual rights [9].

3. Economic considerations: countries with significant digital infrastructure investments are inclined to emphasize the protection of these assets, thus adopting a more stringent security culture.

4. Political ideology: the political ideology of a nation's government can dramatically affect its national security culture. Authoritarian regimes may interpret the need for control over ICT to maintain political stability, while democratic nations may interpret security more in terms of safeguarding freedom of expression and information [9].

5. Social Dynamics: public awareness and perception of cyber threats influence national security culture. These social dynamics are crucial in shaping a nation's collective response to cyber threats and the public's willingness to engage in safe cyber practices.

Present day challenges. National security cultures face numerous challenges in the ICT sphere, such as [8]:

- the rapid evolution of technology outpacing regulatory measures.
- the growing sophistication of cyber threats, including state-sponsored cyber warfare.
- privacy concerns brought about by enhanced surveillance capabilities.
- dilemmas regarding the balance between security and the freedoms associated with internet usage [4].

That is why it is essential to raise a topic for discussion containing a list of various characteristics common to the works of a wide range of the scientific community representatives dealing with these kinds of issues [3]. Here are some key points that may currently come up in discussions regarding national security culture in the ICT sector [3]:

- risk perception – different cultures may perceive threats to national security in varying ways. Perception differences can affect priorities in ICT security policy and practices [1].
- balancing privacy and security – there's often a tension between maintaining individual privacy and ensuring national security. Interpretations of this balance can be significantly influenced by cultural values [1].
- cyber sovereignty – some nations emphasize the importance of controlling their own digital infrastructure and data, which can lead to regulations that prioritize national security over global interoperability [8].
- information sharing – the willingness of a state to share cybersecurity threat information with other countries or within the private sector can be influenced by its national security culture [2].
- regulatory framework – laws and regulations that a country enacts for cybersecurity can reflect its underlying national security culture, including how it views the role of government and the private sector in ICT.
- education and awareness – cultural approaches to education and the promotion of cybersecurity awareness can shape how prepared a nation's citizens and workforce are to address ICT threats [2].
- public-private partnerships – interpretations of national security culture can impact the extent and nature of collaboration between the government and ICT industry when responding to national security issues.
- international cooperation – global norms and cooperative frameworks are influenced by the collective security cultures of participating countries, leading to agreements or disputes in international cybersecurity efforts [2].

- innovation and control – there may be trade-offs between fostering innovation in the ICT sector and imposing controls to enhance national security, and differing cultural perspectives influence where that balance is struck.
- trust in technology – trust in technology and the entities that provide IT solutions can significantly vary based on national security culture, potentially affecting technology adoption and integration.

Global efforts in the ICT sphere. Given that cyber threats do not respect national boundaries, interpreting and reconciling different national security cultures is challenging but essential. International cooperation and the development of global standards and best practices are vital to bridging the gap between divergent national security cultures and ensuring a safe digital environment for all [7].

Conclusion. The interpretation of national security culture in the ICT sphere is complex and varies dramatically from nation to nation. As technological progress surges forward and the international community becomes more interdependent, a nuanced understanding of the cultural underpinnings that guide how each country addresses cyber security is imperative for fostering collaboration and building resilient defenses against the cyber threats of tomorrow. Each country's interpretation of these aspects is informed by its unique historical experiences, socio-economic conditions, geopolitical situation, and strategic priorities. Understanding the peculiarities of national security culture in the ICT sphere is crucial for international dialogue, cybersecurity policy development, and collaborative efforts to enhance global ICT resilience.

Список использованной литературы:

1. Nye, J. S. "Cyber Power." Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. 2010.
2. Floridi, L. "The 4th Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality." Oxford University Press. 2014.
3. Valeriano, B., & Maness, R. C. "Cyber War Versus Cyber Realities: Cyber Conflict in the International System." Oxford University Press. 2015.

4. Tikk-Ringas, E., Kerttunen, M., & Talihärm, A-M. "International Cyber Norms: Legal, Policy & Industry Perspectives." NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. 2015.
5. Nissenbaum, H. "Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life." Stanford Law Books. 2009.
6. Deibert, R., Palfrey, J., Rohozinski, R., & Zittrain, J. "Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace." MIT Press. 2010.
7. Libicki, M. C. "Cyberdeterrence and Cyberwar." RAND Corporation. 2009.
8. Clarke, R. A., & Knake, R. K. "Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It." HarperCollins. 2010.
9. Dunn Cavelti, M. "Cyber-Security and Threat Politics: US Efforts to Secure the Information Age." Routledge. 2014.
10. Klimburg, A. "The Darkening Web: The War for Cyberspace." Penguin Press. 2017.

Об авторах: ДЖАВАД Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры социальной и политической философии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, email: dzhavad_ov@pfur.ru

About the authors: DZHAVAD Olga Vasilievna – Senior Lecturer at the Department of Social and Political Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, email: dzhavad_ov@pfur.ru

**КОРРЕЛЯЦИИ В ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ И ИНДИИ
КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Миниярова К.Р.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва

**CORRELATIONS IN THE THEATRICAL ART OF RUSSIA AND INDIA
AS AN OPPORTUNITY FOR INTERNATIONAL CULTURAL
COOPERATION**

K.R. Miniyarova

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ сценарных построений, существующих в европейских структурах развития действия, и индийский способ драматического развития. Показана роль основных философских категорий в театральной теории Индии. Отдельно рассматривается влияние философии Древней Индии на русскую театральную теорию.

Abstract: The article is focused on the comparative analysis of the scenario structures existing in European script patterns and Indian way of dramatic development and shows the role of the main philosophical categories in the theatrical theory of India. Moreover, the article separately studies the influence of the philosophy of ancient India on the Russian theatrical theory.

Ключевые слова: драма, кинематограф, театральное представление, культурные смыслы, философия искусства, Индийская философия, Индийский театр, философия театра.

Keywords: drama, film, theatre, theatrical performance, cultural meaning, perception of art, philosophy of art, Indian philosophy, Indian theatre, philosophy of theatre.

Вступление. Актуальность данной работы обуславливается тем, что в театре Древней Индии были реализованы философемы, которые повлияли не только на формирование мировоззрения будущих поколений самих индийцев, но и на культуру всего мира. Можно найти точки соприкосновения не только

с философией Древней Греции, но и в идее театра у деятелей культуры Российской империи, и в основе произведений массовой культуры современности. Концепции существования, его градации, место человека в мире, идея богов и Универсальный закон дхармы. Сегодня мы не можем не заметить, что индустрия культуры и киноиндустрия в целом переживают очень тяжелый кризис, который вынуждает создателей искать новые пути развития сюжета и схемы анализа действия. Потребность в новых решениях в конечном итоге привела искателей на восток, но роль Индии остается небольшой, что, на мой взгляд, не заслуженно.

История театра. Первые упоминания о театральной культуре появились в Древней Греции. Первоначально это были празднества с исполнением дифирамбов, песен, восхваляющих Диониса, бога урожая и вакханалий. Со временем они трансформировались в централизованные представления с той же целью. К хору был добавлен актер, затем второй, третий. Постепенно усложняясь, структура спектакля стала похожа на знакомую, состоящую из трех актов, которая используется со времен Шекспира и по сей день.

Философия индийского искусства. Классическая схема повествования, используемая, например, в пьесах Шекспира, напоминает взгляд на жизненный путь в христианской традиции. Начало истории соответствует рождению человека, конец – смерти, промежуток времени между ними приводит к счастливому концу (рай) или несчастливому (ад). В Индии была принята концепция бесконечного круга перерождений, которая подразумевала отпечаток действий прошлых жизней на настоящем и настоящего на будущем. Это не могло не отразиться в фольклоре. Даже если персонажи не апеллируют к прошлым жизням, они принимают свою судьбу как подарок или наказание за то, что они совершили в прошлом, и пытаются защитить себя от трудной жизни в будущем [8]. Путь не заканчивается смертью и не начинается с рождения.

В качестве конкретного примера проанализируем пьесу "Шакунтала", древнеиндийскую драму, написанную в IV веке до нашей эры великим поэтом Калидасой. В нем рассказывается история прекрасной Шакунталы, дочери великого мудреца Вишвамитры и нимфы Менаки. Шакунтала выросла в лесу, где ее воспитывала монахиня Канва. Однажды принц Душьянта охотился в лесу и случайно встретил Шакунталу. Между ними возникла любовь, и они поженились втайне от всех. Затем Душьянта ушел, пообещав вернуться за Шакунталой, когда она подаст ему знак.

Но когда Шакунтала пришла к Душьянте со своим сыном, он не узнал ее, так как боги стерли ему память. Он отверг ее и отправился на войну. Шакунтала осталась одна и спряталась в лесу, где родила своего сына. Но благодаря помощи богини Кали она была найдена и доставлена к Душьянте. Тогда он все вспомнил и признал Шакунталу своей женой. Драма заканчивается счастливым концом, когда Шакунтала и Душьянта живут вместе и любят друг друга, но перед воссоединением Душьянта получает награду за победу над армией асуров путешествием по небесам. Итак, они разлучены на много лет, однако, вернувшись на Землю, Душьянта случайно находит Шакунталу и их сына и узнает их. Здесь, через несколько жизней, персонаж проносит чувство любви.

В работе Ю. М. Алихановой "Литература и театр Древней Индии" [1] рассматривается такой интересный феномен, как Патанджали Согласно Абхинавагупте, идентичность скрытых впечатлений памяти (другими словами, их способность актуализироваться в нужный момент, независимо от того, в каком из предыдущих рождений они были заложены), а также их безграничное разнообразие, обусловленное разнообразием пережитых перерождений, гарантируют сопереживание любому персонажу (будь то даже божество или герой вроде Рамы) для любого из зрителей.

Есть также целый набор примеров: "Композиционная модель, прописанная в определении Бхамахи, очень близка к структуре сборника джатак (или коллекции, организованной как собрание джатак): герой

рассказывает о деяниях, которые он совершил в прошлом (в прошлых рождениях)"[1].

Проанализировав ряд примеров, получилось прийти к выводу, что необходимость затрагивать тему перерождения возникает не всегда, поэтому нельзя утверждать, что в древнеиндийском эпосе такое разнообразие сюжетных развязок уходит корнями в написание пьес, используется структура и меняется довольно свободно, многое было изменено по просьбе публики, недовольной в свое время концом или отсутствием деталей.

Также особое значение имеет мотивационный момент, который радикально отличает культуры. У людей все еще есть типичные качества и мотивы, но они гораздо менее настроены на борьбу с системой, чем это было бы более знакомо читателю или зрителю. Кармический закон заставляет вас верить, что только следование правилам поможет вам в одной из следующих жизней оказаться в лучшем месте, сфере деятельности, касте и т.д.

Пересечения с индийскими мифами в современном кинематографе.

Мы приучены смотреть знакомые истории, поэтому, сталкиваясь с фильмом, снятым в Индии или Китае для самих себя, а не для мирового рынка, мы можем вообще не понимать, что происходит на экране, как если бы нам показывали некий артхаус. Сегодняшний западный зритель приобрел эту ригидность в восприятии любой информации, в том числе и в восприятии искусства. Различные аспекты мифологии описаны в большом количестве литературы. Однако книга американского ученого Джозефа Кэмпбелла "Тысячеликий герой" [3], написанная в 1949 году, имеет особое значение. Несмотря на то, что она была опубликована почти 70 лет назад, ее поклонники появились лишь недавно, после того, как Джордж Лукас, создатель культовой киносаги "Звездные войны", заявил, что именно труды Кэмпбелла вдохновили его на создание сценария [5].

Книга Кэмпбелла посвящена психологической стороне героических мифов разных времен и культур. Кэмпбеллу удалось успешно совместить чувственное и научное в своей работе. Благодаря ей знакомые истории и мифы

приобретают новый смысл, и мы можем лучше понять, что скрывается за простым сюжетом [4].

Кэмпбелл, приводя мифы о Кришне и Будде в качестве примеров, которые также отсылают нас к Древней Индии как ведущей фигуре в развитии методов повествования по всему миру, утверждает, что инициация и космогония в некотором роде едины, и инициация часто приобретает характеристики космогонического акта [2].

Таким образом, возвращая индийский путь драматического развития в нужное русло, мы в некотором роде возвращаемся к нашим корням.

Пересечения с индийскими философемами в русской драматургии.

Проводя свое исследование, я наткнулась на любопытную вещь. Всемирно известный актерский метод Станиславского [6] также связан с индийской философией. Чтобы помочь актерам ощутить эмоции на новом уровне, тренировка требует подключения к своему телу, и он нашел вдохновение в школе йоги [7]. Станиславский, изучая "Раджа йогу", открыл особые методы повышения концентрации и наблюдательности. Многовековые тренировки по йоге, направленные на развитие многомерного внимания, и практические методы улучшения концентрации, очевидно, подходили для использования при разработке актерской психотехники. Йоги в своих упражнениях на развитие внимания учат преодолевать отвлекающие факторы, контролировать внимание и избегать рассеянности, которая проявляется в перескакивании мыслей с одного объекта на другой или в невнимании к внешнему миру, когда человек сильно сосредоточен на одной мысли или объекте. Эта и многие другие части этого учения показывают важность индийской философии в развитии международной театральной теории.

Заключение. Индийский театр имеет богатую историю, связанную с различными религиозными и культурными традициями Индии. Важным аспектом индийского театра является раскрытие философем, которые часто ассоциируются с духовностью, моралью и этикой. Индийские драмы часто используют метафоры и символы для передачи своих идей. Например, они

могут использовать истории из эпических поэм "Махабхарата" и "Рамаяна", чтобы донести уроки морали и духовности. Другой подход заключается в использовании мифов и легенд для передачи более сложных философских идей. Индийские пьесы часто обращают внимание на традиционные мифы и легенды, но они также могут использовать современные темы для передачи своих философских уроков. Некоторые философские темы, которые можно найти в индийских пьесах, включают учение о карме, жизненном призвании и духовном просветлении. Чтобы раскрыть эти темы, индийские театры могут использовать различные техники, включая музыку, танцы и драматические диалоги. Эти техники работают вместе, создавая атмосферу, которая помогает зрителям лучше понять излагаемые идеи. Они также могут использовать различные формы театрального искусства, такие как кутха, натья, катхакали и бхаратанатьям. Театр - мощный инструмент для раскрытия философских идей. Это дает зрителям множество возможностей понять различные традиции и философию Индии, а также глубже понять самих себя и окружающий мир. Это может стать ключевым изменением в том, как мы рассказываем наши истории, и помочь возродить искусство рассказывания историй. У него, конечно, есть некоторые слабые места, например, отсутствие определенной структуры, и нам все равно придется что-то додумывать. С другой стороны, это очень хороший источник вдохновения, и он все еще может быть полезен.

Introduction. The relevance of this work is determined because philosophems were implemented in the theater of Ancient India, which influenced not only the formation of the worldview of future generations of Indians themselves, but also the culture of the entire world. It is possible to find points of contact not only with the philosophy of Ancient Greece but also in the idea of theater among cultural figures of the Russian Empire, and at the heart of the works of mass culture of our time. The concepts of existence, its gradations, the place of man in the world, the idea of the Gods and the Universal law of dharma. Today we cannot help but notice that the cultural industry and film industry go through a very tough crisis that

forces creators to search for new ways of story development and action analysis schemes. The request for new solutions eventually led the seekers to the east, but the role of India remains small, which I will debate on.

History of theatre. First records of theatrical culture appeared in Ancient Greece. Initially, these were celebrations with performing dithyrambs, songs that praise Dionysus, the god of harvest and bacchanalia. Over time, they transformed into centralized performances with the same purpose. An actor was added to the chorus, then a second, and a third. Gradually becoming more complicated, the structure of the performance became similar to the familiar one, comprising three acts, which have been used since the times of Shakespeare to the present day.

The Philosophy of Indian Art. Shakespeare's plays, along with the Christian tradition, utilize a classical narrative scheme. The beginning of the story corresponds to the birth of a person, the end is death, the period between them leads to a happy ending (heaven) or an unhappy one (hell). In India, the concept of an endless circle of rebirths was adopted, which implied the imprint of the actions of past lives on the present and the present on the future. This could not but be reflected in folklore. Even if the characters do not appeal to past lives, they accept their fate as a gift or punishment for what they have done in the past, and try to protect themselves from a difficult life in the future [8]. The path does not end at death and does not begin from birth.

As a concrete example, let us analyze the play "Shakuntala", an ancient Indian drama written in the IV century BC by the great poet Kalidasa. It tells the story of the beautiful Shakuntala, the daughter of the great sage Vishwamitra and the nymph Menaka. Shakuntala grew up in the forest, where she was raised by the nun Kanwa. One day Prince Dushyanta was hunting in the forest and accidentally met Shakuntala. Love arose between them, and they married in secret from everyone. Dushyanta then left, promising to return to Shakuntala when she sent him a sign.

But when Shakuntala came to Dushyanta with her son, he did not recognize her, as the gods had erased his memory. He rejected her and went to war. Shakuntala was left alone and hid in the forest, where she gave birth to her son. But thanks to

the help of the goddess Kali, she was found and brought to Dushyanta. Then he remembered everything and recognized Shakuntala as his wife. The drama ends with a happy ending when Shakuntala and Dushyanta live together and love each other, but before reuniting, Dushyanta is rewarded for defeating the army of Asuras with a journey through heaven. So, they are separated for many years. However, returning to Earth, Dushyanta accidentally finds Shakuntala and their son and recognizes them. Here, through several lifetimes, the character carries a feeling of love.

Yu. M. Alikhanova's work "Literature and Theater of Ancient India" [1] examines such an interesting phenomenon as Patanjali According to Abhinavagupta, the identity of latent impressions of memory (their ability to be actualized at the right moment, regardless of which of their previous births they were embedded in), as well as their boundless diversity because of the variety of rebirths experienced, guarantee empathy with any character (be it even a deity or a hero like Rama) for anyone from the audience.

There is also a whole set of examples: "The compositional model written out in the definition of Bhamahi is very close to the structure of a collection of jatak (or a collection arranged as a collection of jatak): the hero tells about the deeds he committed in the past (in past births)" [1].

After analyzing several examples, it turned out to come to the conclusion that the need to touch on the topic of rebirth does not always arise, therefore it cannot be argued that in the ancient Indian epic such a variety of plot denouements is rooted in the writing of plays, the structure is used and changes freely, much has been changed at the request of the public, dissatisfied at one time with the end or lack of details.

Also, of particular importance is the motivational moment, which distinguishes cultures radically. People still have typical qualities and motives, but they are much less attuned to fighting the system than the reader or viewer would be more familiar with. Karmic law makes you believe that only following the rules will help you in one of the next lives to be in the best place, field, caste, etc.

The merging of Indian myths with the art of contemporary cinema. We are trained to watch familiar stories, so when faced with a film shot in India or China for ourselves, and not for the global market, we may not understand what is happening on the screen at all, as if we were shown some kind of art house. Today's western viewer has acquired this rigidity in the perception of any information, including the perception of art. Various aspects of mythology have been described in a large amount of literature. However, the book by the American scientist Joseph Campbell, "The Thousand-Faced Hero" [3], written in 1949, has a special significance. Although it was published almost 70 years ago, its fans appeared only recently, after George Lucas, the creator of the cult film saga "Star Wars", said that it was Campbell's writings that inspired him to create the script [5].

Campbell's book is devoted to the psychological side of heroic myths of different times and cultures. Campbell could successfully combine the sensual and the scientific in his work. Through it, familiar stories and myths acquire new meaning, and we can better understand what lies behind a simple plot [4].

Campbell, citing the myths of Krishna and Buddha as examples that also refer us to Ancient India as a leading figure in the development of narrative methods around the world, argues that initiation and cosmogony are one, and initiation often acquires the characteristics of a cosmogonic act. [2]

So, by bringing the Indian way of dramatic development back on track, we are going back to our roots in a sort of way.

Intersections with Indian philosophemes in Russian drama. While doing my research, I discovered a curious thing. World known as Stanislavski's method of acting [6] also has connections with Indian philosophy. To help actors feel emotions on a new level, training requires connecting to your body, and he found a great inspiration in yoga school [7]. Stanislavsky, studying "Raja yoga", discovered specific methods of increasing concentration and observation. Centuries-old yoga training aimed at developing multidimensional attention and practical methods to improve concentration were obviously suitable for the development of actor's psychotechnics. Yogis, in their attention development exercises, have taught to

overcome distractions, control attention and avoid distraction, which manifests itself as jumping thoughts from one object to another or as inattention to the outside world when a person is strongly focused on one thought or object. This and many more parts of this teaching show the importance of Indian philosophy in developing of international theatrical theory.

Conclusion. Indian theatre has a rich history associated with various religious and cultural traditions of India. An important aspect of Indian theater is the disclosure of philosophemes that are often associated with spirituality, morality and ethics. Indian dramas often use metaphors and symbols to convey their ideas. For example, they can use stories from the epic poems of the Mahabharata and Ramayana to convey lessons of morality and spirituality. Another approach is to use myths and legends to convey more complex philosophical ideas. Indian plays often focus on traditional myths and legends, but they can also use modern themes to convey their philosophical lessons. Some philosophical themes that can be found in Indian plays include the doctrine of karma, life vocation, and spiritual enlightenment. To reveal these themes, Indian theaters can use a variety of techniques, including music, dance and dramatic dialogues. These techniques work together to create an atmosphere that helps viewers better understand the ideas being presented. They can also use various forms of theatrical art, such as kutha, natya, kathakali and bharatanatyam. The theater is a powerful tool for revealing philosophical ideas. It provides many opportunities for viewers to explore the different traditions and philosophies of India, and to gain a deeper understanding of themselves and the world. This could be the game-changer in how we communicate stories and breathe new life into storytelling. It sure has some weak points. For example, there is no certain structure and we will have to make things up. It has a very good source of inspiration and can still be helpful.

Список использованной литературы:

1. Алиханова Ю.М. «Литература и Театр Древней Индии» Исследования и переводы. М.: «Восточная литература» РАН, 2008 – 282 с.

2. Зеницин А.В. Образ Героя И Структура Героического Мифа В Работе Кэмпбелла «Тысячеликий Герой». М.: National Science, 2022 – 5 с.
3. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М., 1997 – 520 с.
4. Седых О.М. Джозеф Кэмпбелл и зигзаги неомифологизма: от феномена "Звездных войн" к алгоритмам сторителлинга. М.: Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, №6, 2019 – 17 с.
5. Сергеев А. Мономиф в «Звездных войнах» Джорджа Лукаса. 2016 // URL: <http://www.rodon.org/relig-160809175659>. Дата последнего обращения: 1.04.2023 г.
6. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Искусство, 1957 – Т 4. С. 490.
7. Черкасский С. Д. Йогические элементы системы Станиславского / Вопросы театра, 2010 – 18 с. David M. Armstrong, *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. / New York: Doubleday. 1992. - 248 p.
8. Яковлева М. Н. Образ танцующего Индры в мифологии и художественной культуре джайнизма / Этнография. 2020. №4 (10) – С. 16-35

Об авторах: МИНИЯРОВА Камила Ринатовна – студентка бакалавриата Российского Университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы, e-mail: mkamilya00@gmail.com

About the authors: MINIYAROVA Kamila Rinatovna – student of bachelor degree of The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, e-mail: mkamilya00@gmail.com

УДК: 130.2:327

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Полубояринов А.Р.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

IDEOLOGICAL CAPITAL AS AN OBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

A.R. Poluboyarinov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Аннотация: данное исследование вводит в социально-гуманитарные науки концепцию «идеологического капитала»; вносит вклад в изучение природы, функций, воспроизводства и передачи этого типа капитала. Идеологический капитал можно накапливать, инвестировать, а также он распределяется между потребителями идеологического производства. Разные субъекты идеологии способны наращивать свой идеологический капитал, инвестировать его, извлекать из него «прибавочный смысл», а также распределять его между потребителями их идеологического производства.

Abstract. the research introduces to social-humanitarian sciences the notion of “ideological capital”, inputs in nature, functions, reproduction and transition of this capital. Ideological capital can be accumulated, invested, and this capital can be distributed among consumers of ideological production. Different ideology subjects can accumulate their ideological capital, to invest it, get “surplus value” from it, and to distribute among consumers of their ideological production.

Ключевые слова: философия, социальная философия, социальная теория, социальное пространство, социальное поле, идеология, капитал, идеологический капитал.

Keywords: philosophy, social philosophy, social theory, social space, social field, ideology, capital, ideological capital.

Введение. Трудности с определением. Идеология в силу своей природы является весьма обширным понятием, истолкование которого принимает самые разные, зачастую противоположные значения. Место, роль

и возможность ее применения в обществе также остаются дискуссионными вопросами.

Несмотря на то, что идеологию в той или иной форме брались исследовать со времен Возрождения, изучение концепции идеологии является относительно новым направлением. Исследование концепции идеологии способствовало появлению множества направлений и «семейств», как отмечал Иглтон. Многообразие исследований в этой области подчеркивает исключительно сложный и противоречивый характер идеологии.

Итак, идеологию де Траси определял как «теорию теорий» или науку об идеях, затем, под воздействием критики Наполеона, Маркса и Энгельса она приобрела значение «ложного сознания». После смерти Маркса Плеханов, а затем Ленин развивает концепцию идеологии как «формы классовой борьбы», «социально обусловленных идеях» и определенного «мировоззрения» соответствующего класса. Уходя от классического понимания идеологии как «ложного сознания», философы Франкфуртской школы задают несколько иной вектор развития концепции идеологии как «ложного тождества» и «ложной идентичности». Качественно новое в исследование идеологии вносит Альтюссер, применяя наработки Лакана и понимая идеологию как «переживание» индивидами материальных условий своего существования, выражающегося в сращивании воображаемого и реального. Жижек уже полностью истолковывает Лакана политически и усматривает в идеологии всю символизированную социальную действительность субъекта, которая тем или иным образом маскирует травмирующую реальность. Бурдые рассматривает идеологию в аспекте «повседневности» как такую структуру, которая претендует на замещение собой остальных форм и структур. Из критиков идеологии можно выделит Иглтона, который склонен рассматривать идеологию как некоторое «заблуждение».

Для данного исследования термин «Идеология» будет трактоваться в классическом понимании, как совокупность идей и убеждений, которые выражают интересы соответствующей социальной группы. Влияние

идеологии на общество и индивидов в нем является свершившимся фактом. «Вероятно, мы имеем как раз тот случай, когда с идеологической ангажированностью социальных наук приходится считаться как с фактом, и этот факт отсылает нас к самой природе социально-гуманитарного знания. Оно, хотя по-своему и объективно и нейтрально, но одновременно также субъективно и идеологично, и этот тезис применим как ко всему его объему, так и к каждому отдельному фрагменту» [4, с. 54].

Особенности и свойства идеологического капитала. Жижек, интерпретируя Лакана, затрагивает такие понятия, как идеологическое поле, идеологическое пространство, узловые точки (точки «пристежки»), «плавающие означающие» и прибавочное значение идеологии.

В идеологическом пространстве содержатся несопряженные, несвязанные друг с другом элементы – «плавающие означающие». Они пристегиваются к узловым точкам в зависимости от выделяемого ими прибавочного значения. Например, к идеологическому полю «коммунизм» пристегивается «классовая борьба», «демократия», которая становится иной по отношению к «демократии», прикрепленной к «либеральному» полю. «Тотализация этого свободного течения идеологических элементов осуществляется «пристегиванием» – останавливающим, фиксирующим это течение, то есть превращающим его в часть упорядоченной системы значений» [5, с. 93]. Это рассуждение занимает около трех страниц «Возвышенного объекта идеологии» и лишь сопровождает основное повествование Жижека, но представляет особенную ценность для исследования. В нем «плавающие означающие» идеологического пространства находятся в символическом измерении и перемещаются словно в вакууме. Связующем звеном между ними послужит идеологический капитал.

Капитал, используемый в идеологических целях, становится идеологическим капиталом и образует соответствующее идеологическое поле внутри социального пространства. Бурдые утверждает, что различие внутри

социального поля предопределяется различным соотношением капитала. Исходя из этого, отношение «плавающих означающих» идеологии будет определяться распределением капитала внутри идеологического поля. Линии демаркации различных идеологий представляют собой не только различие, но и разрывы, вокруг которых совершается реальная и символическая борьба. «Граница – это то место, где происходит борьба» [1, с. 438]. Линия соприкосновения идеологий также означают разрыв дискурса. Разным идеологиям свойственны отличающиеся дискурсивные практики.

Кроме того, идеологическое поле обеспечивает производство и воспроизводство идеологических структур. Каждая структура при этом стремится к сохранению своей гомогенности. Центром идеологической структуры является узловая точка или ядро идеологии, то есть ряд смыслов, значений и средств, которые являются структурирующими структурами идеологии. Именно к этим узловым точкам «пристегиваются» остальные означающие идеологического поля. От центра происходит рассеивание идеологии как в качестве дискурса, так и в «плавающих означающих». Чем дальше от ядра, тем смысл идеологических понятий приобретает более расплывчатый и менее однозначный характер.

Бурдые знаком с работами Альтюссера, в которых трактуется социальный универсум как аппарат, и продолжает анализировать аппарат и место аппаратчика в нем. «Аппаратчик, всем обязанный аппарату, – это аппарат, ставший человеком, и на него можно возложить самую высокую ответственность, потому что он, добиваясь осуществления своих интересов, ничего не может делать, не способствуя *eo ipso* защите интересов аппарата» [2, с. 138].

Бурдые отмечает, что в ходе углубления разделения труда, появления крупных политических бюрократий, а также институций, осуществляющих подготовку профессионалов в области идеологии [2, с. 186], идеологическое производство становится более автономным. Размер и качество идеологического поля и входящих в него идеологических структур определяет

ее доходность и прибавочную стоимость, выражающуюся также в прибавочном значении.

Идеологический капитал проявляется, в том числе, в наличии различных средств и инфраструктуры формирования и распространения идеологии. Соответственно, чем значительнее материальные ресурсы идеологического капитала, что выражается в наличии контроля над средствами массовой информации, средствами печати и информационно-телекоммуникационных каналами, тем большее место в социальном пространстве способна она занять.

В работе «Формы капитала» Бурдьё говорит о том, что различные формы капитала могут конвертироваться и переходить из одной формы в другую. «Возможность конвертации [convertibility] различных типов капитала служит основой стратегий, направленных на обеспечение воспроизводства капитала (и позиции, занимаемой его обладателем в социальном пространстве) посредством превращений, минимизирующих затраты и потери, с которыми сопряжено само превращение» [3, с. 72]. Аналогичным образом экономический, социальный, культурный, символический и прочие формы капитала могут трансформироваться в идеологический капитал и наоборот.

Заключение. Капитал приобретает разные формы, в том числе идеологические. Идеологический капитал представляет собой совокупность самовозрастающих идей и убеждений, претендующих на господство в обществе и выражающих интересы определенной социальной группы. Основная новизна исследования заключается в трактовании идеологии как формы капитала в социальном пространстве, имеющего собственную структуру идеологического мира и организованного на основании свойственных ему закономерностей, а также осуществляющего производство и воспроизводство собственной структуры.

В свою очередь, предположение автономного характера идеологического капитала не означает, что он оторван от некоторого экономического базиса. Конвертация различных форм капитала, предложенная Бурдьё, обеспечивает возможность перехода средств, которые

ранее были направлены на экономические нужды, в идеологическое русло, трансформируя и преобразуя экономические отношения в идеологические.

Введение понятий идеологического капитала позволило выстроить и объяснить образующую ими систему объективных социальных отношений, а также установить определенные закономерности их функционирования. Изучение идеологии как идеологического капитала со свойственными ему структурами и системами делает возможным приблизиться к реальным социальным практикам, которые используют социальные агенты в своей жизнедеятельности.

Introduction. Difficulties with definition. Ideology is a very broad concept whose interpretation takes on many different, often contradictory, meanings. Its place, role and the possibility of its application in society also remain debatable issues.

Although ideology has been studied in one form or another since the Renaissance, the study of the concept of ideology is a relatively new field. The study of the concept of ideology has fostered the emergence of various strands and “families”, as Eagleton noted. The diversity of research in this area emphasizes the extremely complex and contradictory nature of ideology.

So, ideology was defined by de Tracy as “the theory of theories” or the science of ideas. Then, under the influence of criticism of Napoleon, Marx and Engels acquired the meaning of “false consciousness” for this term. After Marx's death, Plekhanov and then Lenin developed the concept of ideology as a “form of class struggle”, “socially conditioned ideas” and a certain “worldview” of the respective class. Moving away from the classical understanding of ideology as “false consciousness”, the philosophers of the Frankfurt School set a somewhat different vector for the development of the concept of ideology as “false identity” and “false personality”. Althusser brings a qualitatively new approach to the study of ideology by applying Lacan's work and understanding ideology as the “experience” of individuals under the material conditions of their existence, which is expressed in

the fusion of the imaginary and the real. Žižek has already fully interpreted Lacan politically and seen ideology as the whole symbolized social reality of the subject, which masks the traumatic reality. Bourdieu sees ideology in the aspect of “everyday life” as a structure that claims to replace other forms and structures. Among the critics of ideology, we can single out Eagleton, who considers ideology as a certain “delusion”.

For this study, ideology will be understood in the conventional sense as a system of ideas and beliefs that represent the concerns of particular social groups. The influence of ideology on society and the individuals in it is a *fait accompli*. “We probably have just the case when the ideological engagement of the social sciences has to be reckoned with as a fact, and this refers us to the very nature of social and humanitarian knowledge. Although it is objective and neutral in its own way, it is also subjective and ideological and this thesis applies both to its entire volume and to each individual fragment” [4, p. 54].

Characteristics and attributes of ideological capital. Žižek, interpreting Lacan, touches upon such concepts as ideological field, ideological space, nodal points (points of “claspings”), “floating signifiers” and the surplus value of ideology.

The ideological space contains unrelated elements – “floating signifiers”. They are attached to nodal points depending on the surplus value they emphasize. For example, “class struggle” is attached to the ideological field “communism”, also “democracy” becomes different in relation to “democracy” attached to the “liberal” field. “The totalization of this free flow of ideological elements is carried out by “fastening” – stopping, fixing this flow, turning it into a part of an ordered system of meanings” [5, c. 93]. This discourse occupies about three pages of the supreme object of ideology and only accompanies Žižek's main narrative, but it is of particular value for the study. In it, the “floating signifiers” of ideological space are in a symbolic dimension and move as if in a vacuum. Ideological capital will serve as a link between them.

Capital used for ideological purposes becomes ideological capital and forms a corresponding ideological field within the social space. Bourdieu argues that the

difference within the social field is predetermined by different ratios of capital. On this basis, the relation of ideology's "floating signifiers" will be determined by the distribution of capital within the ideological field. The demarcation lines of ideologies symbolize both divisions and conflicts. It is at the border where the struggle unfolds [438]. The line of contact between ideologies also means the rupture of discourse. Different ideologies are characterized by different discursive practices.

In addition, the ideological field ensures the production and reproduction of ideological structures. Each structure strives to preserve its homogeneity. The center of the ideological structure is the nodal point or the core of ideology, i.e. several meanings, values and means, which are the structuring structures of ideology. It is to these nodal points that the other signifiers of the ideological field are "fastened". From the center there is a dispersion of ideology both as discourse and in "floating signifiers". The further away from the core, the vaguer and less unambiguous the meaning of ideological concepts becomes.

Bourdieu is familiar with Althusser's works, which treat the social universe as an apparatus, and continues to analyze the apparatus and the apparatchik's place in it. "The apparatus man, who owes everything to the apparatus, is an apparatus that has become a man, and he can be entrusted with the highest responsibility", because he, achieving the realization of his interests, can do nothing without contributing eo ipso to protecting the interests of the apparatus" [2, 138].

Bourdieu notes that, while deepening the division of labor, the emergence of large political bureaucracies, as well as institutions that train professionals in ideology [2, p. 186], ideological production becomes more autonomous. The size and quality of the ideological field and its constituent ideological structures determine its profitability and surplus value, which is also expressed in surplus value.

The presence of diverse methods and structures for shaping and promoting ideology is a clear sign of ideological capital. The more significant the material resources of ideological capital, which are expressed in the presence of control over

the media, press and information and telecommunication channels, the greater the place in the social space it can occupy.

In “Forms of Capital”, Bourdieu says that different capital can be converted and transferred from one form to another. “The possibility of convertibility of different types of capital serves as the basis for strategies aimed at ensuring the reproduction of capital (and the position occupied by its owner in social space) through transformations that minimize the costs and losses associated with the conversion itself” [3, p. 72]. [3, c. 72]. Similarly, economic, social, cultural, symbolic and other forms of capital can be transformed into ideological capital and vice versa.

Conclusion. Capital gains different forms, including ideological capital. Ideological capital is a set of self-generated ideas and beliefs that claim to dominate society and express the interests of a certain social group. The main novelty of the study lies in the treatment of ideology as a form of capital in the social space, which has its own structure of the ideological world and is organized based on its inherent regularities, as well as performing the production and reproduction of its own structure.

The assumption of the autonomous character of ideological capital does not mean that it is detached from some economical basis. The conversion of various forms of capital proposed by Bourdieu provides the possibility of transferring funds that were previously directed to economic needs into ideological ones, transforming economic relations into ideological ones.

Introducing the concepts of ideological capital made it possible to build and explain the system of objective social relations that they form, as well as to establish certain regularities of their functioning. The study of ideology as an ideological capital with its inherent structures and systems makes it possible to approach the real social practices that social agents use in their life activities.

Список использованной литературы:

1. *Бурдьё П.* Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2017, 562 с.

2. *Бурдьё П.* Социология социального пространства. – СПб.: Алтейя, 2017, 228 с.
3. *Бурдьё П.* Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология: электронный журнал, Т.3, № 5, 2002, 60-75 с. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения 22.11.2022).
4. *Орехов А.М.* Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. – М.: ИНФРА-М, 2018, 250с.
5. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999, 234 с.

Об авторах: ПОЛУБОЯРИНОВ Андрей Романович – аспирант кафедры социальной философии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, email: poluboyarinovandrey@yandex.ru

About the authors: POLUBOYARINOV Andrey Romanovich – Postgraduate Student at the Department of Social and Political Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, email: poluboyarinovandrey@yandex.ru

**ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ В НАТО:
ПРОЦЕДУРА, УРОКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сидорова Л.Н.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

**FINLAND AND SWEDEN JOINING NATO:
PROCEDURE, LESSONS, PERSPECTIVES**

L.N. Sidorova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу процедур принятия решений вступлении Швеции и Финляндии в НАТО. Выявлены факторы принятия важного внешнеполитического решения. Резкий разворот курса стран, считавшихся приверженцами линии на неприсоединение к военным альянсам, должен был стать частью эскалации общеевропейской и трансатлантической напряженности, а на деле запустил значимые сдвиги в общественно-политическом сознании финнов и шведов.

Abstract: The article is devoted to a comparative analysis of the procedures for making decisions on the accession of Sweden and Finland to NATO. Factors of making an important foreign policy decision have been identified. The sharp reversal of the foreign policy of the countries were considered adherents of the line of non-alignment to military alliances didn't become a part of the escalation of pan-European and transatlantic tensions, but launched significant shifts in the socio-political consciousness of Finns and Swedes.

Ключевые слова: Швеция, Финляндия, НАТО, подача заявки в НАТО, специальная военная операция России 2022 г.

Key words: Sweden, Finland, NATO, application to NATO, special military operation of Russia 2022

18 мая 2022 г. послы Швеции и Финляндии в НАТО Аксель Вернхофф и Клаус Корхонен вручили генеральному секретарю НАТО Йенсу Столтенбергу заявки о вступлении. Но «вступление по упрощенной схеме» оказалось не таким простым, как обещали англосаксы ринувшимся на амбразуру глобального противостояния Финляндии и Швеции. Лишь почти через год – 4

апреля 2023 года - оно удалось Финляндии и через почти 2 года – 7 марта 2024 года – Швеции.

Убедив население в том, что требование России о нерасширении НАТО – это и про них, про ограничение их свободы выбора, а угрозы сопряжены только со временем перехода в новый статус членов военного блока, Хельсинки и Стокгольм находятся в недоумении. Так, главу разведки Финляндии Антти Пеллтари удивило отсутствие давления со стороны России из-за желаний страны вступить в НАТО, о чем он заявил газете Financial Times [6].

Разочаровала северян и реакция российского МИДа. В заявлении российского внешнеполитического ведомства в отношении решения о вступлении в НАТО Финляндии отмечалось, что радикальное изменение внешнеполитического курса «рассудит история» [2]. МИД России напомнил, что такое решение является прямым нарушением Парижского мирного договора 1947 г., предусматривавшего обязательство сторон не заключать союзы и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них, а также Договора 1992 г. между Россией и Финляндией об основах отношений.

Вместо ожидавшегося шведскими властями негодования с российской стороны, перегруппировки сил и т.д., последовало лишь довольно сдержанное заявление о том, что «выбор путей обеспечения национальной безопасности является внутренним делом любой страны», и сожаление в отношении того, что «выбор находящихся сегодня у власти в Швеции политиков не отвечает долгосрочным интересам шведского народа» [3].

Неделю спустя 23 мая 2022 г. постпред РФ при Евросоюзе Владимир Чижов в интервью заявил, что вступление Финляндии в НАТО создает еще две юридические проблемы: со статусом обладающих широкой автономией Аландских островов, которые по международному договору имеют демилитаризованный статус, а также с построенным еще при царизме и фактически сданным Финляндии в аренду Сайменским каналом, который связывает озера страны с Финским заливом [1]. Вот чем оборачиваются

взаимные одобрения финских и шведских депутатов – мол, «мы делаем историю» [7] – как неоднократно звучало в ходе дебатов.

Сравнительный анализ действий финских и шведских властей в период января-мая 2022 г. в отношении решения о членстве в НАТО показывает, что, во-первых, идея присоединения к Альянсу не принадлежит ни Хельсинки, ни тем более Стокгольму. Она вынашивалась руководством блока НАТО еще в конце 2021 г. как один из вариантов реакции на сформулированные Россией требования о гарантиях безопасности, включавшие нерасширение НАТО [4]. То есть кампания была бы запущена вне зависимости от специальной военной операции, хотя рядовые граждане четко связывают решение о вступлении со «вторжением России на территорию Украины», тем же мотивируется и официальная позиция властей в изученных парламентских и правительственных докладах.

Во-вторых, в медийном пространстве Северной Европы российские требования с подачи финского президента интерпретировались как попытка России ограничить право потенциальных членов блока на принятие решения о вступлении, т.е. наступление на свободу выбора и суверенные права государств – и не только Украины, Грузии и т.д., но и Финляндии и Швеции.

В-третьих, проводником идеи вступления стали финские власти – прежде всего президент Сауле Ниинистё при поддержке премьера Санны Марин, министров обороны и иностранных дел, а также активно участия правящей социал-демократической партии. Именно они в течение марта-апреля 2022 г. в ходе десятков формальных и неформальных встреч убеждали шведских коллег в неотвратимости вступления, на которое нужно решиться «как можно скорее».

В-четвертых, в финском истеблишменте не нашлось ярых противников идеи вступления: возражающие – их возглавляют левые – протестуют лишь против поспешности и за проведение референдума. В Швеции же есть силы, принципиально антагонистично настроенные против присоединения к военной организации, среди членов которой есть ядерные державы, не

планирующие сокращать и тем более уничтожать ядерное оружие, есть страны, втянутые в конфликты, но самое главное: есть страны, которые не разделяют шведских взглядов на мироустройство, внутреннюю политику и применение силы. В ситуации нагнетания эти факторы не были в должной степени учтены. Однако в ходе процедуры одобрения заявок они выходят на первый план.

Уже 24 мая 2022 г. взаимное техническое соглашение между Финляндией и Североатлантическим альянсом о поддержке принимающей страны было подписано [8]. По ускоренному сценарию, обещанному генсеком Столтенбергом, зайти в Альянс явно не получилось. И дело здесь не только в позиции Турции, увязавшей членство с выдачей курдов и военными поставками, или Хорватии, обусловившей вступление северян в НАТО избирательными правами хорватов в Боснии и Герцеговине. Стратегия натиска не сработала. По меткому выражению хорватского президента Зорана Милановича, «опасное шарлатанство» со стороны США, Великобритании и руководства блока дает пробуксовку. Население и политические силы оправляются от бравады в отношении собственных быстрых и решительных действий, начинают более взвешенно подходить к содержанию тех стратегических и ценностных компромиссов, на которые приходится идти новобранцам.

Несмотря на прогнозы скандинавистов МГИМО о том, что размещение ядерного оружия на территориях Финляндии и Швеции после вступления в НАТО «представляется наименее вероятным и может актуализироваться, по всей видимости, только в случае существенной деградации военно-политической обстановки в Европе» [5], власти северных стран не исключают такой возможности. Иначе они настояли бы на этом пункте при подаче заявок или предприняли бы попытки как-то по-иному закрепить это положение. Но документально никаких специальных оговорок или условий по ядерному размещению в процессе присоединения не было.

On May 18, 2022, the Ambassadors of Sweden and Finland to NATO, Axel Wernhoff and Klaus Korhonen, presented applications for membership to NATO Secretary General Jens Stoltenberg. But the "entry on a simplified scheme" turned out to be not as simple as the Anglo-Saxons promised to Finland and Sweden rushed into the embrace of the global confrontation. It was only almost a year later – on April 4, 2023 - that Finland succeeded, and almost 2 years later – on March 7, 2024 – Sweden.

Having convinced the own population that Russia's demand for non-expansion of NATO is about limiting nordic freedom of choice, and threats are associated only with the time of transition to a new status of members of the military bloc, Helsinki and Stockholm were at a loss right after the applying. Thus, the head of Finnish intelligence, Antti Pelttari, was surprised by the lack of pressure from Russia due to the country's desire to join NATO, as he told the Financial Times newspaper [6].

The reaction of the Russian Foreign Ministry also disappointed the Northerners. In a statement by the Russian Foreign Ministry regarding Finland's decision to join NATO, it was noted that a radical change in foreign policy would be "judged by history" [2]. The Russian Foreign Ministry recalled that such a decision is a direct violation of the Paris Peace Treaty of 1947, which provided for the obligation of the parties not to enter into alliances and not to participate in coalitions directed against one of them, as well as the 1992 Agreement between Russia and Finland on the Foundations of relations.

Instead of the indignation expected by the Swedish authorities from the Russian side, the regrouping of forces, etc., there was only a rather restrained statement that "the choice of ways to ensure national security is an internal matter of any country" and regret that "the choice of politicians in power in Sweden today does not meet the long-term interests of the Swedish people" [3].

A week later, on May 23, 2022, Russia's permanent representative to the European Union, Vladimir Chizhov said in an interview that Finland's accession to NATO creates two more legal problems. First - with the status of the Aland Islands

with broad autonomy, which have a demilitarized status under an international treaty. Second - with the Saimaa Canal, built under tsarism and actually leased to Finland, which connects the country's lakes with the Gulf of Finland [1]. This is what mutual approval of Finnish and Swedish deputies turns out to be – they say, "we are making history" [7] – as it was repeatedly said during the debate.

A comparative analysis of the actions of the Finnish and Swedish authorities in the period January-May 2022 with regard to the decision on NATO membership shows that, firstly, the idea of joining the Alliance does not belong to Helsinki, much less Stockholm. It was hatched by the leadership of the NATO at the end of 2021 as one of the options for responding to Russia's demands for security guarantees, which included non-expansion of NATO [4]. That is, the campaign would have been launched regardless of a special military operation, although ordinary citizens clearly associate the decision to join with the "invasion of Russia into the territory of Ukraine", the same motivates the official position of the authorities in the studied parliamentary and government reports.

Secondly, the Russian demands in the media space of Northern Europe, at the suggestion of the Finnish president, were interpreted as an attempt by Russia to limit the right of potential members of the bloc to make a decision on accession. So it took as an attack on freedom of choice and sovereign rights of states – and not only Ukraine, Georgia, etc., but also Finland and Sweden.

Thirdly, the Finnish authorities became the promoter of the idea of joining - first of all, President Sauli Niinistö with the support of Prime Minister Sanna Marin, the Ministers of Defense and Foreign Affairs, as well as the active participation of the ruling Social Democratic Party. It was they who during March-April 2022 on dozens of formal and informal meetings convinced their Swedish colleagues of the inevitability of joining, which should be decided "as soon as possible".

Fourthly, there were no ardent opponents of the idea of joining in the Finnish establishment: the objectors – they are led by the left – protest only against haste and for holding a referendum. In Sweden, there are forces that are fundamentally antagonistic against joining a military organization, among whose members there

are nuclear powers that do not plan to reduce or destroy nuclear weapons, there are countries involved in conflicts, but most importantly: there are countries that do not share Swedish views on the world order, domestic politics and the use of force. In the injection situation, these factors were not adequately taken into account. However, they come to the fore during the approval procedure.

Already on May 24, 2022, a mutual technical agreement between Finland and the North Atlantic Alliance to support the host country was signed [8]. According to the accelerated scenario promised by Secretary General Stoltenberg, it clearly did not work out to enter the Alliance. And it's not just the position of Turkey, which linked membership with the extradition of Kurds and military supplies, or Croatia, which conditioned the entry of Northerners into NATO with the electoral rights of Croats in Bosnia and Herzegovina. The onslaught strategy did not work. According to the apt expression of Croatian President Zoran Milanovic, "dangerous charlatanism" on the part of the United States, Great Britain and the leadership of the bloc gives a slip. The population and political forces are recovering from bravado about their own quick and decisive actions, and are beginning to take a more balanced approach to the content of those strategic and value compromises that recruits have to make.

Despite the forecasts of MGIMO Scandinavians that the deployment of nuclear weapons on the territories of Finland and Sweden after joining NATO "seems the least likely and can be actualized, apparently, only in the event of a significant degradation of the military-political situation in Europe" [5], the authorities of the Nordic countries do not exclude such a possibility. Otherwise, they would have insisted on this point when submitting applications or would have made attempts to fix this provision in some other way. But there were no documented special reservations or conditions on nuclear non-deployment in the accession process.

Список использованной литературы:

1. Владимир Чижов: «Сейчас ЕС – держава двойных стандартов» (интервью) // ИТАР-ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/politika/14703173?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.05.2022)
2. Заявление МИД России о членстве Финляндии в НАТО 999-12-05-2022// Официальный сайт МИД России. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1812971/ (дата обращения: 14.05.2022)
3. Заявление МИД России о членстве Швеции в НАТО 1024-16-05-2022 // Официальный сайт МИД России. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813545/ (дата обращения: 17.05.2022)
4. Сидорова Л.Н., Рябинина О.К. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО: сравнительный анализ принятия решения // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2022. № 3 (33). С. 6-23. Режим доступа: [https://www.mid.ru/upload/medialibrary/624/312korlczgoow2qwfdn6tia5gk3h7qok/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%203_202_2_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%20\(1\).pdf](https://www.mid.ru/upload/medialibrary/624/312korlczgoow2qwfdn6tia5gk3h7qok/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%203_202_2_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%20(1).pdf)
5. Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России// Мировая экономика и международные отношения, 2023, том 67, № 10, сс. 19-29. World Economy and International Relations, 2023, vol. 67, no. 10, pp. 19-29.
6. Finland’s spy chief surprised at lack of Russians reprisals over NATO bid // Financial Time <https://www.ft.com/content/a7a6a109-acec-47e5-ad20-0cee0d12c2c0> (дата обращения: 31.05.2022)
7. Pöytäkirjan asiakohta РТК 56/2022 vp // Официальный сайт парламента Финляндии – эдускунты. Режим доступа: https://www.eduskunta.fi/FI/vaski/PoytakirjaAsiakohta/Sivut/PTK_56+2022+3.aspx (дата обращения: 20.05.2022)
8. Technical arrangement between the government of the Republic of Finland and supreme headquarters allied powers Europe (shape) regarding the provision of host nation support for the execution of NATO operations/exercises/similar military activity // Официальный сайт министерства обороны Финляндии. 25 мая 2022. Режим доступа: https://www.defmin.fi/files/5411/Nato_HNS_TA_24_05_2022.pdf (дата обращения: 30.05.2022)

Об авторе: СИДОРОВА Лидия Николаевна – к.полит.н., доцент кафедры политологии и политической философии, Дипломатической академии МИД России, email: lidia.nik.sidorova@gmail.com

About the authors: SIDOROVA Lidia Nikolaevna - PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

УДК: 130.2:327

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНЫХ ЗА СВОИ ИЗОБРЕТЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сычев Я.С.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

PROBLEM OF MORAL RESPONSIBILITY OF SCIENTIST FOR THEIR INVENTIONS IN THE CONTEXT OF GLOBALISATION

Y.S. Sychev

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Аннотация: Данный доклад посвящен анализу проблемы моральной ответственности ученых за свои изобретения в условиях глобализации. Автор анализирует природу чувства моральной ответственности ученых, особенности оценки последствий изобретений в прикладных и теоретических науках, в социальных и естественных дисциплинах. Оценивается возможность применения принципов утилитаризма и деонтологии при оценке моральной ответственности ученых.

Abstract: This work is devoted to analysis the problem of moral responsibility of scientists for their inventions in globalization. Author analyzes the nature of the scientist's feeling of the moral responsibility, features of the assessing the consequences of inventions in applied and basic sciences, in social and natural sciences. It evaluates the possibility of applying the principles of utilitarianism and deontology in assessing the moral responsibility of scientists.

Ключевые слова: утилитаризм, деонтология, моральная ответственность ученых, прикладные и теоретические науки, естественные и социальные науки.

Keywords: utilitarianism, deontology, moral responsibility of scientists for their inventions, applied and basic sciences, natural and social sciences.

Данная статья посвящена проблематике моральной ответственности ученых за свои изобретения в условиях глобализации. Эта проблема начала приобретать актуальность с начала прошлого столетия. Большой скачок научно–технического прогресса – появление радио, телевидения – заставил людей обратить внимание на те последствия, которые следуют за внедрением

изобретений в обыденную жизнь людей. Однако мне видится, что переломной точкой в истории разработки этой проблемы стал 1945 год. Первое применение ядерного оружия в истории человечества – бомбардировка Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа навсегда изменили мир. “Человек вступил в новую эру эволюционной истории, в которой доминирующим следствием являются быстрые изменения. Он борется с фундаментальными изменениями, поскольку он вмешался в эволюционный процесс. Теперь он должен лучше оценить этот факт, а затем развить мудрость, чтобы направить процесс к самореализации, а не к саморазрушению. По мере того как он учится применять свое понимание физического мира в практических целях, он, в действительности, расширяет свои врожденные способности и увеличивает свою способность и потребность в общении, а также свою способность мыслить и творить” [4, 1]. Актуальным стал вопрос о моральной ответственности ученых за свои изобретения. Однако вопрос о природе чувства моральной ответственности ученого до сих пор остается нерешенным. Существует много противоречивых точек зрения по этому вопросу. Некоторые ученые уверены, что моральная ответственность за изобретения является неотъемлемой частью их деятельности. Проблема определения последствий изобретений ученых остается актуальной. На ум сразу может прийти еще один вопрос. Это проблема определения различий в доступе к последствиям изобретений в различных областях науки.

Эта проблема сводима к двум фундаментальным аспектам. Если ученый несет моральную ответственность, он должен предполагать, как это изобретение может повлиять на мир. То есть, должен предвидеть последствия своих действий, и их оценить. Это первый аспект. Вторым аспектом соответственно заключается в том, на какие моральные нормы он должен опираться при оценке последствий своих действий. В дополнении предлагаю рассмотреть эти два аспекта в плоскости разных областей научного знания, ведь наука также неоднородна. Когда речь заходит о моральной оценке, сразу вспоминаются два актуальных и, пожалуй, одних из самых популярных

подходов – утилитаризм и деонтология. Поэтому для начала рассмотрим их принципы.

Утилитаризм. Очень просто утилитаристский подход описывается фразой “как можно больше блага как можно большему количеству людей”. Основную роль в этом учении играют последствия действий. Если в результате мы получим благо/удовольствие, то действие морально оправдано. Если не только мы, то действие “еще оправданнее”. Казалось бы, это то, что нам нужно. Но давайте задумаемся на секунду. Проблема в том, что зачастую ученый просто не может предвидеть все последствия своих открытий. Вернер Гейзенберг писал об этом. “Как правило, открыватель до совершения открытия не может знать ничего о возможностях его применения, и даже потом путь к его практическому внедрению может оказаться столь долог, что никакие предсказания будут невозможны. Так, например, Гальвани и Вольты не могли составить себе никакого представления о позднейшей электротехнике” [2, 309].

Деонтология. Основной принцип деонтологии заключается в том, что пристальное внимание уделяется мотивам действия. Если человек руководствуется нравственным мотивом, то и действие его нравственно. Однако зачастую нравственные мотивы могут привести к плачевным последствиям. Критику этого подхода в частности иллюстрирует известная проблема вагонетки. Например, Альфред Нобель является создателем динамита. Это взрывчатое вещество и его возможные вариации использовались в военных целях. Однако сам Нобель всю свою жизнь был пацифистом и разрабатывал динамит для целей металлургической промышленности

Вопрос моральной ответственности в естественных науках. Как мы выяснили, два этих подхода не в полной степени отражают проблематику, а значит не могут служить ответом на наши вопросы. Поэтому я считаю необходимым вывести некоторые другие принципы оценки моральной ответственности ученых за свои изобретения.

Прежде всего стоит понимать, что существует множество классификаций наук. Для начала рассмотрим классификацию, которая делит науку на фундаментальную и прикладную.

Вопрос моральной ответственности за свои открытия в фундаментальных науках, на мой взгляд, ставится не может. Продуктом фундаментальной науки является теория, закономерность, которая описывает наш мир. Очень тяжело определить урон, который могут повлечь теоретические изыскания. Раскрывая этот вопрос, хотелось бы подчеркнуть, что представить будто бы теория относительности или принцип неопределенности в квантовой физике способны причинить вред. За исключением единичных случаев сильного эмоционального воздействия на отдельных личностей, никак. Однако ученый, который занимается уже прикладной наукой, несет ответственность за свои изобретения. Он создает определенное устройство с определенной целью. И в этом случае груз последствий ложится на плечи изобретателя. Если ученый разрабатывает бомбу, то он должен понимать, что она может взорваться. Однако не стоит забывать взаимосвязь фундаментальной и прикладной науки. Именно на результатах фундаментальных исследования строятся разработки. И не должен ли тогда и теоретик беспокоиться о последствиях своих открытий. Вопрос этот неоднозначен. Гейзенберг считал, что это не в силах ученого-теоретика [1,2]. Сахаров считал, что ответственность обязательная часть деятельности ученых [1,2]. Проблему я вижу в следующем. Груз моральной ответственности за свои открытия может затормозить развитие фундаментальной науки. В то же время очевидным представляется тот факт, что без теоретических исследований стремительное развитие науки невозможно, а значит, во многом, и технический прогресс, и степень понимания мира людьми тоже. Это существенно сократит познавательный потенциал людей. Без науки человечеству тяжело будет помыслить себя. Как я писал выше, сами теоретические изыскания не приносят вреда в материальном плане. Поэтому и смысла в их ограничении нет. Практическая

реализации теории должна ограничиваться. В этой сфере ученый должен нести ответственность за свои исследования. “Поэтому на них не ложилось и никакой ответственности за полезность или опасность последующего развития. Однако в отношении изобретателя дело, как правило, обстоит иначе. Изобретатель — буду впредь применять это слово в таком смысле — всегда имеет в виду определенную практическую цель. Он должен быть уверен, что достижение этой цели представляет определенную ценность, и на него с полным правом можно было бы возложить ответственность за изобретение” [2, 309].

Моральная ответственность ученых в социальных науках. Пусть отцы некоторых социальных наук, как, например, Огюст Конт, видели их как подобие естественных дисциплин, сейчас мало кто согласится с тем, что общество можно описать законами, подобными физическим. Поведение людей — объект весьма непредсказуемый и предугадать последствия изысканий в этой области мне представляется еще более сложным. Как бы то ни было, возможно поднять вопрос о рассмотрении Маркса и его экономической теории как причин Октябрьской революции в России. Даже применяя выведенный нами принцип, сделать это невозможно. С одной стороны, ученый, который разрабатывает концепт государства, должен задуматься о том, что кто-то где-то соберется это повторить. С другой стороны, все это звучит максимально абстрактно. В такой ситуации непроясненными для исследователя остаются вопросы о том, кто сделает это, где и каким путем. С одной стороны, СССР, действительно, должен был строиться на социалистических и коммунистических идеалах. А, с другой стороны, идеальное государство Платона, несмотря на несколько попыток его строительство, никогда не увидело свет. Вопрос моральной ответственности ученых в социальных науках представляется самым относительным и нераскрытым на данный момент.

Introduction. This article is devoted to the problem of moral responsibility of scientists for their inventions in globalization. This problem has gained relevance since the beginning of the last century. The great leap of scientific and technological progress – for example, the emergence of radio and television – made people focus on the consequences that follow the introduction of inventions into people's ordinary life. However, the turning point in the development's history of this problem was 1945. The first use of nuclear weapons in human history, the bombing of Hiroshima and Nagasaki on August 6 and 9, changed the world forever. “Man has entered a new era of evolutionary history, one in which rapid change is a dominant consequence. He is contending with a fundamental change, since he has intervened in the evolutionary process. He must now better appreciate this and then develop the wisdom to direct the process toward his fulfillment rather than toward his destruction. As he learns to apply his understanding of the physical world for practical, he is, in reality, extending his innate capacity and augmenting his ability and his need to communicate as well as his ability to think and to create” [4, 1]. The question of the moral responsibility of scientists for their inventions became relevant. However, the question of the feeling of scientist's moral responsibility is still unsolved. There are many controversial points of view on this issue. Some scientists are sure that the moral responsibility for the inventions is an integral part of their activity. The problem of determining the consequences of scientists' inventions remains relevant. Another one question can immediately come to mind. This is the problem of determining the differences in assessing of consequences of inventions in the different types of science.

This problem comes down to two fundamental aspects. If a scientist has moral responsibility, he or she must expect how the invention might affect the world. That is, he must expect the consequences of his actions, and evaluate them. This is the first aspect. The second aspect is what moral standards he should rely on in assessing the consequences of his actions. In addition, I propose to consider these two aspects in the plane of different areas of scientific knowledge because a big number of different sciences and consequently different principles of these sciences make us to

realize that some differences between spheres of scientific knowledge exist. For moral evaluation, two current and perhaps one of the most popular approaches immediately is utilitarianism and deontology. So, let us begin by considering their principles.

Utilitarianism. Simply, the utilitarian approach is described by the phrase "as much good as possible for as many people as possible". The main role in this doctrine is played by the consequences of actions. If the result is a benefit/pleasure to us, then the action is morally justified. If it touches not only us but other people too, then the action is "even more justified". It would seem that this is what we need. But let us think about this for a second. The problem is that often a scientist simply cannot foresee all the consequences of their discoveries. Werner Heisenberg touched on this topic. "The discoverer cannot know anything about the possibilities of its application before making the discovery, and even then, the road to its practical implementation may be so long that no predictions are possible. Thus, for example, Galvani and Volta could not have formed any idea of later electrical engineering" [2, 309].

Deontology. The basic principle of deontology is that close attention is paid to the motives of action. If a person is guided by a moral motive, then his or her action is moral. However, moral motives can often lead to bad consequences. The criticism of this approach is illustrated particularly by the famous trolley problem. For example, Alfred Nobel is the creator of dynamite. This explosive substance and its variations were used for military purposes. However, Nobel himself was a pacifist all his life and developed dynamite for the metallurgical industry.

The question of moral responsibility in natural sciences. As we have discovered, these two approaches do not fully reflect the problematic and thus cannot serve as an answer to our questions. Therefore, I think it is necessary to derive some other principles for assessing the moral responsibility of scientists for their inventions. First, we should understand that there are many classifications of sciences. Let us consider the classification that divides science into basic and applied sciences.

The question of moral responsibility for one's discoveries in basic science cannot be raised. The product of basic science is a theory, a concept that describes our world. It is very hard to define the damage, which can theoretical research cause. I can't imagine that theory of relativity or the uncertainty principle in quantum mechanics themselves, like some theories, do harm. Except for isolated cases of strong emotional impact on individuals, they cannot cause damage. However, a scientist who is already involved in applied science handles his inventions. He creates a certain device for a certain purpose. And in this case, the burden of consequences falls on the shoulders of the inventor. If a scientist develops a bomb, he must realize that it may explode. However, we should not forget the relation between basic and applied science. Devices are based on results of fundamental research. It would be reasonable to consider theorists to be involved in the practical realization of their theories and concepts, including the weapons that were invented based on their research. Heisenberg believed it is not in the power of a theoretical scientist [1,2]. Sakharov believed that responsibility is an obligatory part of scientists' activity [1,2]. It seems to me that there is a problem. The burden of moral responsibility for one's discoveries can slow down the development of fundamental science. Without theoretical research, rapid development of science is impossible, and so the technical progress and understanding of the world by people will decrease. This will significantly reduce the people's cognitive potential. As I have mentioned above, theoretical research itself does not bring harm to material terms. So, there is no necessity in the limiting of theoretical researches. Practical realization of theory should be limited. In this area, the scientist should take the responsibility for his research. "Therefore, no responsibility for the usefulness or danger of subsequent development rests on them either. This, however, is not the case with the inventor. The inventor – I shall henceforth apply the word in this sense – always has a definite practical purpose in view. He must be convinced that the attainment of that aim is of some value, and he could justifiably be held responsible for the invention" [2,309] as Heisenberg wrote.

The moral responsibility of scientists in social sciences. Even though the fathers of some social sciences, such as Auguste Comte, saw them as similar to natural disciplines, currently few people would agree that society can be described by laws similar to physical ones. Human behavior is a very unpredictable object and I find it even more difficult to predict the consequences of research in this area. However, it is possible to raise the question of considering Marx and his economic theory as reasons of October Revolution in Russia. Even applying the principle we have derived, it is impossible to do so. On the one hand, a scientist who develops the concept of the state should think about the fact that someone somewhere is going to make it. It all sounds as abstract as possible. Unresolved are the questions of who will do it, where and in what way. On the one hand, the USSR should have been built on socialist and communist ideals. And Plato's ideal state, despite several attempts to build it, never saw the light of day. The question of moral responsibility of scientists in the social sciences seems to be the most relative and unresolved at the moment.

Список использованной литературы:

1. Васенкин А.В. Принцип ответственности в научно-технической деятельности: история и современное состояние проблемы // Право. Вестник Вятского государственного университета. - 2019. - №1. – С 6
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. М.: Наука. Гл. ред. физ.–мат. лит., 1989. 400 с.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. — М.: Праксис , 2007. — 208 стр.
4. Heisenberg W. Physics and Beyond. Encounters and Conversations. Epublibre. 2013. 257p.

Об авторах: СЫЧЕВ Ярослав Сергеевич – студент второго курса бакалавриата, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, email: yaroslav.sensori@bk.ru

About the authors: SYCHEV Yaroslav Sergeevitch – third year undergraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, email: yaroslav.sensori@bk.ru

Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная
научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г.

Сборник статей

Ответственный редактор:

О.А. Тимакова

Научный руководитель:

О.Г. Карпович (д.юр.н., д.полит.н, профессор)

Редакционная коллегия:

О.А. Тимакова (к.полит.н.), И.О. Анисимов (к.юр.н.), О.В. Джавад, А.А.
Кашина (к.полит.н.), А.Ж. Мартиросян, Д.О. Мартынова (к.полит.н.), Л.Н.
Сидорова (к.полит.н.), Р.Н. Шангараев (д.полит.н.),